МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2022 **№ 79**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**; Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Андреев А.Е. Углубление продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны (на примере Тверской губернии) 5
Байкалов Н.С. Формирование системы школьного образования в районах строительства БАМа (1970–1980-е гг.) 12
Блейх Н.О. Роль кочевников в становлении боевого искусства у северокавказских народов 26
Виноградов А.В., Агафонова А.Б., Манцеров И.И. «Право небогатых людей на неотравленные воздух и воду»: городское самоуправление в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской России 34
Войтикова В.А., Шевцов В.В. Реклама как источник финансирования томских СМИ в 1990-е гг. 44
Комаров Д.Е., Коржикова Н.С., Вихарь-Платова Е.А. Эксплуатация гитлеровскими захватчиками предприятий советской пищевой промышленности в годы Великой Отечественной войны 51
Коньков Д.С., Меркулов С.А., Юшников А.В. Славянский мир Древней Руси в современной художественной литературе 59
Красильников С.А., Тепляков А.С. Начальник спец(труд)поселений Западной Сибири Иван Долгих: номенклатурный взлет и выживание кадрового охранителя (1930–1937) 64
Пискунов М.О., Бугаев Р.С., Маклаков М.И. Бриколаж музейных нарративов Новосибирского Академгородка: как работают акторы коллективной памяти среднего уровня 74
Фадеева М.В. Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию 84
Фролов В.В. Правовая пропаганда как направление деятельности органов прокуратуры СССР в годы перестройки (на примере Псковской области) 92
Харусь О.А. Христианство и либерализм: синтез ценностей в мировоззрении и политических практиках либералов Сибири в начале XX в. 97
Чемакин А.А. «Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми…»: Всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг. 105

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Волкова И.В., Иванов В.В. О механизме советского экономического и политического проникновения в Синьцзян (1931–1940 гг.) 114
Чедурова Е.М., Киндинов М.А. Русско-шведская война и французская дипломатия в первые годы правления Елизаветы Петровны (1741–1743 гг.) 123

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Березняков Д.В., Козлов С.В. Книжная культура в фокусе исторической социологии 132
Ковалев А.Ю., Юшников А.В. Великая Французская революция в русской консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в. 138
Макеева С.Б. История развития китайской регионоведческой науки (цюйюйкэюэ) в период после начала политики реформ и открытости 144
Пухов Д.Ю. Российская преступность второй половины XIX – начала XX в. в постсоветской отечественной историографии 152

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Andreev A.E. Deepening of the food crisis in the years of the First World War (on the example of the Tver province) 5
Baikalov N.S. School education system in the Baikal-Amur Mainline construction regions (1970–1980s) 12
Blejkh N.O. The role of nomads in the formation of martial arts in the North Caucasian peoples 26
Vinogradov A.V., Agafonova A.B., Mancerov I.I. "The right of the poor to unpoisoned air and water": urban self-government in the fight against industrial pollution in late imperial Russia 34
Voitikova V.A., Shevtsov V.V. Advertising as a source of financing for Tomsk mass media in the 1990s 44
Komarov D.E., Korzhikova N.S., Vihar-Platova E.A. Exploitation by Hitler's invaders of enterprises of the soviet food industry during the Great Patriotik war 51
Kon'kov D.S., Merkulov S.A., Yushnikov A.V. The Slavic world of ancient Russia in modern artistic literature 59
Krasilnikov S.A., Teplyakov A.G. Ivan Dolgikh, Head of the Special (Labor) Settlements of Western Siberia: Nomenklatura Rise and Survival of a Personnel Guard (1930–1937) 64
Piskunov M.O., Bugaev R.S., Maklakov M.I. Bricolage of Novosibirsk Akademgorodok Museum Narratives: How Collective Memory Actors Work at the Middle Level 74
Fadeeva M.V. Students giving classes: students of Imperial Moscow University in search for means of existence 84
Frolov V.V. Legal propaganda as a direction of activities of the USSR prosecutor's office in the years of perestroika (on the example of Pskov region) 92
Kharus O.A. Christianity and Liberalism: the synthesis of values in philosophy and political practices of the Siberian liberals at the beginning of the 20th century 97
Chemakin A.A. "Denikin views us certainly negatively having us done as a too much right-wing…": All-russian national union in 1917–1920 105

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Volkova I.V., Ivanov V.V. About the mechanism of Soviet economic and political dissemination into Xinjiang (1931–1940) 114
Chedurova E.M., Kindinov M.A. The Russian-Swedish war and the French diplomacy in the first years of board of Elizabeth Petrovna (1741-1743) 123

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Bereznyakov D.V., Kozlov S.V. Book Culture in a Focus of Historical Sociology 132
Kovalev A.Y., Yushnikov A.V. The Great French Revolution in Russian conservative journalism in the second part of the 19th – beginning of the 20th centuries 138
Makeeva S.B. The history of the development of Chinese regional studies of science (quyukexue) in the period after the beginning of the policy of reform and opening 144
Pukhov D.Yu. Russian crime of the second half of the 19th – the beginning of the 20th century in the post-soviet historiography 152

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Колесникова С.Ю., Харьков В.Н., Валихова Л.В. К вопросу об этногенезе енисейцев 164
Свирина Д.В. Постоянная «колонизация»: представление российских немцев о труде 171

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Черкасов А.В. Отечественная историография археологического исследования каменного века Крыма на страницах Бюллетеня Комиссии по изучению четвертичного периода (1930–2010-е гг.) 180

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Зиновьева В.И., Берсенев М.В. Социальная коммуникация и формирование инклюзивной культуры в вузе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) 189
Юн С.М., Пхонкео В. Сотрудничество России и Лаоса в сфере образования 196

РЕЦЕНЗИИ

Хахалкина Е.В. Британия, Брекзит и вызовы постимперской идентичности: рецензия на Embers of Empire in Brexit Britain. Ed. by Stuart Ward and Astrid Rasch. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2019. 190 p. 201

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Баяндин В.И., Запорожченко А.В. Сибирские конференции по военной истории России 206

PROBLEMS OF ANTROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Kolesnikova S.Yu., Kharkov V.N., Valikhova L.V. To a question of the Yeniseian ethnogenesis 164
Svirina D.V. Permanent “colonization”: Russian-Germans' view of labor 171

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Cherkasov A.V. National historiography of archaeological research of the Stone Age of Crimea on the pages of the Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period (1930–2010s) 180

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Zinovieva V.I., Bersenev M.V. Social communication and creating an inclusive culture at the university (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics) 189
Yun S.M., Phonkeo V. Educational Cooperation between Russia and Laos 196

REVIEW

Khakhalkina E.V. Britain, brexit and challenges of the post-imperial identity: Review. Embers of Empire in Brexit Britain. Ed. by Stuart Ward and Astrid Rasch. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2019. 190 p. 201

ACADEMIC LIFE

Bayandin V.I., Zaporozhchenko A.V. Siberian Conferences on the Military History of Russia 206

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 35(091)
doi: 10.17223/19988613/79/1

Углубление продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны (на примере Тверской губернии)

Алексей Евгеньевич Андреев

Тверской государственный университет, Тверь, Россия, aae@list.ru

Аннотация. Анализируется деятельность тверских губернских учреждений по противодействию продовольственному кризису в годы Первой мировой войны. В связи с условиями военного времени сфера деятельности губернских учреждений значительно расширилась. Продовольственный вопрос занимал первостепенное значение, поскольку затрагивал каждого жителя губернии. Сделаны выводы об удовлетворительном состоянии продовольственного обеспечения, но низкой эффективности обязательных постановлений и иных инструментов административного регулирования обеспечения населения продуктами.
Ключевые слова: Первая мировая война, губернатор Н.Г. Бюнтинг, губернские учреждения, военные округа, земство, продовольственный кризис

Для цитирования: Андреев А.Е. Углубление продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны (на примере Тверской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 5–11. doi: 10.17223/19988613/79/1

Original article

Deepening of the food crisis in the years of the First World War (on the example of the Tver province)

Alexey E. Andreev

Tver State University, Tver, Russian Federation, aae@list.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the activities of the Tver provincial institutions to counter the food crisis during the First World War. In order to achieve the objectives, it is necessary to analyze all existing source types available to the researcher.

The first group of sources is represented by unpublished records of administrative institutions studied in the State Archive of the Tver Region (SATR), among which are the funds of the Governor 's Office, the Tver Provincial for Military Duty of Presence, the Personal Fund of N. G. Bunting (the Tver Governor from 1906 to 1917).

Published sources include a number of documentary publications. In documentary collections «Tver province in the 20th century. Documents and materials» there are archival documents related to the formation and activities of provincial institutions. In the collection «Tver Province during World War I. 1914-1918» the documents on the organization of assistance to the front, placement of wounded soldiers and troops arriving in the province, including a part of the orders and mandatory orders of the Governor, have been systematized.

At the turn of the 19th-XX centuries there were a number of periodicals in the Tver province. The first of these was an official newspaper of the provincial administration «Tver Province Gazette» published since January 1839 until 1917 under the authority of the Tver Provincial Board. The newspaper published information on culture, economy, social life of the province, works on reconstruction of the water pipeline in Tver, construction of a bridge over the Volga River, measures to combat cholera, etc.

The methodological basis of the study is the principle of historism in the integrated study of local administrative institutions of the Tver Province, the principles of objectivity and science in the study of documents, as well as historical determinism, which results in the establishment of a sequence of development of causal relations of events.

The provision of food to the population in the context of World War I was a priority. The war that began not only caused numerous problems related to the supply of the army and the rear, but also caused a reform of the food system, although the latter was implemented late. The attempt to emerge from the food crisis through increased administrative influence

© А.Е. Андреев, 2022

failed in wartime conditions. It can be assumed that the food crisis had a significant impact on the approach of the February Revolution of 1917, as it formed an attitude towards power, as being unable to support the population and solve the most important tasks to the institution.
Keywords: The First World War, Governor N.G. Bunting, provincial institutions, military districts, zemstvo, food crisis

For citation: Andreev, A.E. (2022) Deepening of the food crisis in the years of the First World War (on the example of the Tver province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 5–11. doi: 10.17223/19988613/79/1

Российская империя готовилась к Первой мировой войне заблаговременно. Из расшифрованной секретной телеграммы министра внутренних дел, полученной Тверским Губернатором 14 июля 1914 г. в 1 час дня из Петербурга известно, что Высочайше утвержденным 13 июля постановлением Совета министров было введено в действие положение о подготовительном к войне периоде.

Тверской губернатор Н.Г. Бюнтинг предпринял немедленные действия по подготовке к войне, проинформировав подчиненные ему учреждения о поставленных перед ними задачах уже 17 июля. Из рапорта корчевского уездного исправника следует, что «…по получении телеграммы о мобилизации 17 июля, в назначенный по мобилизационному расписанию срок были оповещены чины полиции, земские начальники и учетные учреждения, а также все прочие учреждения и должностные лица о призыве запасных, и закрыта во всем уезде торговля спиртными напитками. С 6 часов утра 18 июля начали прибывать запасные на сборный пункт, при котором в помещении городского женского училища было открыто и заседание воинского присутствия. На следующий день к вечеру явка партиями была закончена. Большинство запасных были размещены в отведенных городом помещениях, частью же по частным квартирам» [1. Л. 159–160].

Российская империя вступила в войну 19 июля 1914 г. Уже на следующий день император Николай II подписал «Манифест о приведении армии и флота в военное положение» [2. С. 1]. Начало Первой мировой войны в Тверской губернии, как, впрочем, и во всей России, ознаменовалось подъемом патриотических чувств, в соборах и храмах прошли службы за победу России, которые нередко заканчивались митингами. Уездные исправники докладывали об использовании на митингах и проводах призывников национальных флагов, пении гимна, патриотическом подъеме.

Тверская губерния с 24 июля 1914 г. была объявлена на положении чрезвычайной охраны [3. С. 1], при этом губернатор получил право запрещать любые народные, общественные и частные собрания, распоряжаться о закрытии торговых или промышленных заведений. На основании его распоряжения могли арестовать на срок до одного месяца любого жителя лишь по подозрению в причастности к преступному сообществу. Министерство внутренних дел предоставило право высылать за пределы Тверской губернии политически неблагонадежных лиц. Нарушители обязательных постановлений подвергались административной ответственности.

Все губернии, области, округа или отдельные населенные местности, «входившие в район театра военных действий и имеющие особо важное значение для интересов государственных или специально военных», объявлялись на военном положении [4. С. 75]. Управление губернией было разделено на гражданскую и военную сферы, а часть западных и северо-западных уездов оказалась под юрисдикцией командующих прифронтовыми военными округами. До начала Первой мировой войны все уезды Тверской губернии подчинялись Московскому военному округу. С приближением фронта к центру Российской империи 12 уездов Тверской губернии к октябрю 1915 г. были объявлены на военном положении и переподчинены следующим военным округам:

1. Осташковский уезд –Двинскому военному округу.
2. Зубцовский, Новоторжский, Ржевский и Старицкий уезды – Минскому военному округу.
3. Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Калязинский, Кашинский – Петроградскому военному округу.
4. Тверь и уезды Тверской и Корчевский – Московскому военному округу [5. Л. 18].

Постановления командующих военными округами распространялись на жителей указанных уездов, что означало двойное обязательное подчинение – губернаторской власти и военному ведомству. При приближении линии фронта к властным полномочиям местной администрации и военных округов добавлялась юрисдикция командующих фронтами: «Все части войск, управления и учреждения, расположенные ныне в присоединяемых уездах, остаются в подчинении тех главных начальников округов, в ведении коих они состояли до этого присоединения, имея в виду, что часть войск и управления Московского округа будут в течение месяца выведены из пределов присоединяемых уездов… В указанных новых пределах военные округа театра войны распределяются между фронтами следующим образом: Минский и Двинский подчиняются главнокомандующему армиями Северного фронта, Минский округ главнокомандующему Западного фронта, Киевский округ главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта» [Там же. Л. 10].

Например, к Северному фронту в сентябре 1915 г. относились Осташковский, Вышневолоцкий, Бежецкий, Весьегонский, Кашинский и Калязинский уезды [6. С. 1]. Это влекло весьма существенные управленческие трудности, в общем характерные для империи в рассматриваемый период.

Командующие фронтами также имели право издавать обязательные постановления. Например, для Осташковского уезда 2 декабря 1915 г. были запрещены почтовые, телеграфные и телефонные сношения на немецком языке, выпуск на немецком языке периоди-

ческих изданий. За умышленное повреждение средств связи виновные подлежали наказанию по законам военного времени [7. С. 1].

Несмотря на пересечение нескольких форм власти на некоторых территориях Тверской губернии в рассматриваемый период, наибольшими полномочиями и ответственностью обладали губернатор и аппарат МВД. На основании правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении и в состоянии чрезвычайной охраны, тверской губернатор Н.Г. Бюнтинг издавал обязательные постановления. Многие из них носили ограничительный характер. Издавая их, власть пыталась регулировать положение в сфере, которая затрагивалась постановлением, зачастую не принимая других мер. Например, были запрещены торговые действия с военным снаряжением [8. С. 1], вывоз химических реактивов [9. С. 1], скупка серебряных и медных монет [10. С. 1]. Виновные в нарушении вышеперечисленных обязательных постановлений подвергались в административном порядке штрафу до 3 000 руб. или заключению в тюрьме до трех месяцев.

Среди многочисленных задач, поставленных перед губернской администрацией в годы Первой мировой войны, можно выделить следующие значительные разделы: забота о раненых воинах, обеспечение армии снаряжением, поддержка семей мобилизованных ратников, обустройство беженцев, контроль над военнопленными и, конечно, решение продовольственного вопроса. Попытки решения последней задачи рассмотрим более подробно, поскольку именно от него зависел уровень жизни практически всех жителей губернии.

Обеспечение населения продовольствием в условиях Первой мировой войны было одной из первоочередных задач. Начавшаяся война не только повлекла за собой многочисленные проблемы, связанные со снабжением армии и тыла, но и вызвала реформу продовольственной системы, хотя последняя реализовывалась с отставанием. Война не только забрала из крестьянских хозяйств работников, но и лишила их возможности получать необходимую агрономическую помощь, поскольку часть земского персонала призвали в качестве запасных или ратников. Оставшиеся земские служащие занимались заготовками для нужд армии, что также уменьшало агрономическую помощь населению.

В начале XX в. в числе первоочередных задач земства Тверской губернии было улучшение условий скотоводства. В годы войны этот вид деятельности прекратился. Сокращение поголовья крупного рогатого скота было вызвано неурожаем кормовых культур, потребностью в мясе со стороны тыловых учреждений и войск, возросшей потребностью в мясе в Петрограде, где находились крупные воинские соединения и тыловые учреждения. Первое сообщение о повышении цен на мясо в Тверской губернии было получено губернатором уже 29 июля 1914 г. Осташковский уездный исправник сообщал, что он обязал торговцев снизить цены до ранее существовавших [11. Л. 43, 63].

5 августа 1914 г. губернатор через «Тверские губернские ведомости» сообщал, что слухи о предстоящем отобрании у населения рогатого скота для нужд армии ложны. Сообщение содержит информацию, что в некоторых местностях губернии под влиянием этих слухов население распродавало за бесценок свой скот мясникам [12. С. 1]. Действительно, в 1914 г. реквизиций крупного рогатого скота не проводилось, а в 1915 г. в губернию активно ввозился скот беженцев из прифронтовых областей.

Неурожай 1914 г. вызвал некоторые ограничения в обеспечении скотоводческой деятельности: например, с 26 февраля 1915 г. обязательным постановлением губернатора были запрещены вывоз из Тверской губернии фуража и искусственное повышение цен на него. Все торговцы, имевшие корма для продажи, обязаны были сообщить в полицию сведения об имеющихся у них объемах [13. С. 1]. 1 ноября 1915 г. было издано обязательное постановление (по директиве командующего армиями Западного фронта), запрещавшее жителям Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уездов губернии вывоз зернового фуража и сена из пределов Минского военного округа. Все подобные грузы конфисковывались [14. С. 1].

Необходимо отметить, что из всех военных округов, к которым относились уезды Тверской губернии, наиболее трудным было положение жителей, относившихся к Минскому военному округу. Все найденные сообщения о реквизициях относятся именно к уездам этого округа, наибольшее количество ограничительных обязательных постановлений, опубликованных командующими округами, также регламентировали деятельность жителей Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уездов. Например, обязательное постановление «О реквизициях скота» от 1 января 1916 г. запрещало до 1 февраля продажу и увод рогатого скота именно для населения вышеперечисленных уездов [15. С. 1]. За январь у них реквизировали 12 тыс. голов крупного рогатого скота [16. С. 3]. Постановление «О реквизициях лошадей», воспрещавшее до 15 февраля 1916 г. продажу и увод лошадей [17. С. 1], также было издано для населения Минского военного округа.

Сохранились свидетельства о злоупотреблениях со стороны военных чиновников при проведении реквизиций, вследствие чего последние проводились часто и в превышающих требуемые объемы количествах. На заседании Новоторжской реквизиционной комиссии 5 января 1916 г. под председательством уездного предводителя дворянства К.В. Мошнина князь М.А. Кропоткин «…попросив слово… обрисовал тяжелое положение… Новоторжского уезда и… категорически объявил, что едва ли может быть убежден, что все жертвы, неминуемые при реквизиции, пойдут на пользу армии, так как ему ясно, и он знает из фактов, что злоупотребления интендантства приняли громадные размеры, а затем реквизированный или купленный на фронт интендантством скот и присланный сюда в голодном виде, говорит за то, что если бы не было этих злоупотреблений, то того скота было бы достаточно для прокормления армии, и тогда не нужно было бы прибегать к реквизиции, между прочим и в Новоторжском уезде». Кроме того, М.А. Кропоткин отметил, что «…жертвы населения огромны, в то же время чины интендантства злоупотребляют, гонят скот лучший

в свои имения, а остальной, подыхающий, присылают в уезды, откуда за него другой скот от населения реквизируют» [18. Л. 2]. Предводитель дворянства согласился со сказанным и сообщил, что о тяжести реквизиции уже была направлена телеграмма в Тверь.

Мобилизация, реквизиции лошадей и крупного рогатого скота не вызывали негативной реакции основной массы населения, поскольку затрагивали не всех. Но в 1914 г. собрали низкий урожай зерновых культур, и цены на хлеб стали расти, хотя документы подтверждают рост цен и до неурожая, а просто в связи с началом войны. Например, в донесении Калязинского уездного исправника губернатору от 26 июля 1914 г. за № 1472 сообщается: «Местными торговцами призванным по мобилизации нижним чинам и их родственникам производится продажа предметов первой необходимости (белый и черный хлеб, другие товары), равно в трактирах и чайных подается чай по повышенной цене. Донеся о сем, прошу Ваше Превосходительство, не найдете ли возможность издать обязательное постановление о воспрещении торговцам повышения цен на эти предметы без всякого того основания» [19. Л. 12].

26 июля 1914 г. губернатором действительно было издано обязательное постановление о запрещении искусственного поднятия цен на съестные припасы и продукты первой необходимости [20. С. 1]. Для установления цен в каждом уезде губернатор образовал продовольственные комиссии, в которые вошли представители земств, городов, полиции и торговцев. Им была поручена выработка максимальных цен на товары первой необходимости, которые губернатор утверждал и издавал в виде обязательных постановлений. Например, с 29 января 1915 г. было запрещено повышать цены на предметы продовольствия, фураж и топливо свыше справочных цен, установленных тверской городской управой на 1-е и 15-е число каждого месяца и публикуемых в «Тверских губернских ведомостях». Согласно этому же постановлению, в каждой булочной на видном месте вывешивался плакат с обозначением справочных цен на все сорта хлеба, булки, баранки и сушки [21. С. 1].

В соответствии с обязательным постановлением губернатора от 24 марта 1915 г. все владельцы складов и торговцы были обязаны до 30 марта сообщить местным полицейским управлениям об имеющихся у них запасах муки пшеничной, муки ржаной, пшеницы, ржи, овса, ячменя, картофеля, крупы и пшена [22. С. 1]. То есть власть пыталась прекратить сокрытие товаров, реализуемых по твердым ценам, поскольку так искусственным образом могло создаваться повышение цен. Для предотвращения утаивания губернатор распорядился периодически осматривать магазины, склады и торговые помещения. Городские и сельские управы и полиция еженедельно представляли губернатору информацию о наличии продуктов у торговцев, о выписанных продовольственных грузах, приобретение которых было рекомендовано при посредничестве земских и городских учреждений.

Следующими постановлениями устанавливались ограничения в сфере торговли. Например, постановление от 23 сентября 1915 г. запрещало отказ в продаже покупателям предметов первой необходимости и топлива при наличии товара [6. С. 1]. Спустя почти год, 12 августа 1916 г., было опубликовано обязательное постановление, предписывавшее торговцам выдавать счета за отпущенный товар [23. С. 1]. Следующим стало постановление от 23 сентября 1916 г., которым в очередной раз запретили искусственно и недобросовестно повышать цены [24. С. 1].

Последовательное издание вышеперечисленных постановлений было следствием ухудшавшейся продовольственной обстановки в губернии. Из доклада тверского губернатора министру внутренних дел о продовольственном положении в губернии в 1915 г. следует, что из 13 городов Тверской губернии в 11: в Твери, Весьегонске, Вышнем Волочке, Зубцове, Калязине, Кашине, Корчеве, Торжке, Осташкове, Ржеве, Красном Холме, ощущался недостаток предметов первой необходимости, в особенности хлебных продуктов, сена и овса. Такой недостаток губернатор объяснял затруднительностью подвоза грузов по железным дорогам, а в Твери, Весьегонске, Вышнем Волочке, кроме того, наблюдалось чрезмерное повышение цен местными торговцами. Совещание при Тверской уездной земской управе при обсуждении мер обеспечения продуктами продовольствия населения Тверского уезда признало, что только половина уезда – 8 волостей – обеспечено своим хлебом, и то лишь на 2 месяца [27. С. 134].

Беспокойство власти и населения вызывало повышение цен, а после и отсутствие хлеба и сахара. Рост цен зачастую был вызван спекуляцией торговцев. Например, в октябре–ноябре 1915 г. газета «Тверской листок» опубликовала ряд статей, описывающих причины повышения цен в посаде Селижарово Осташковского уезда Тверской губернии. О местных торговцах сообщалось, что они «…почуяли, что сахару мало стало, и сейчас же его под замок, пока положение определится. Положение определилось наивыгоднейшее: нет нигде сахара. Ну, тогда можно начинать торговлю! И начали… Про одного здешнего “финансового туза” говорят, что он продавал остатки рафинада по 32 копеек за фунт, давая говорил, что любезность делает. А двое торговцев “полюбезнее” – совсем разделись – один смешал песок с рисом, а второй – просто с мусором, да так откровенно и отпускали, по 23 коп. за фунт “любезности”» [26. С. 4].

Примером повышения цен вследствие спекуляций более высокого уровня может служить следующий случай. Уполномоченный представитель особого совещания по продовольственному делу в Тверской губернии В.Ф. Гаслер получил 14 ноября 1915 г. от председателя особого совещания телеграфное поручение реквизировать на ст. Ржев 25 вагонов пшеничной муки, направленной из Рыбинска, Самары, Козлова и других мест разными фирмами и лицами в Варшаву. В Ржеве к тому времени был «…форменный мучной голод» [27. С. 3]. В тот же день для реквизиции муки выехал в г. Ржев представитель уполномоченного, и реквизированная мука была передана Ржевским земской уездной и городской управам.

В марте 1916 г. уполномоченный председатель Особого совещания по продовольствию по Тверской

губернии В.Ф. Гаслер телеграфировал в Хлебармию и Управление железных дорог о продовольственном положении в губернии: в городе Твери «…почти полное отсутствие пшеничной муки. Войска, рабочие фабрик, заводов и население без муки. В феврале на этой почве бастовали рабочие фабрик в В.-Волочке, опасаюсь того же перед Пасхой в Твери. Прошу уделить Твери для фабрик и заводов 30 вагонов муки» [25. С. 134]. Этой же телеграммой сообщалось об остановке мельницы братьев Коняевых 5 марта 1916 г., а также об отсутствии на мельнице Аваева-Шлыгина запасов муки и зерна.

В мае 1916 г. Тверской комитет по борьбе с дороговизной направил губернатору Н.Г. Бюнтингу извещение о введении продовольственных карточек на сахар и муку [28. Л. 1], а 13 мая сообщал уполномоченному Особого совещания по продовольствию по Тверской губернии о порядке продажи сахарного песка в г. Твери. Согласно донесению, сахарный песок, переданный комитету по распоряжению уполномоченного, продавался лишь по карточкам, по строго определенной норме: 1,5 фунта в одни руки. Кроме этой продажи сахара населению отпущено несколько пудов песка трактирщикам. «Остатком же рафинада, не состоящего на учете, комитет считал себя вправе распорядиться по усмотрению. Однако и рафинад после постановления Президиума от 5 мая никому более, за исключением лазаретов, не продается и впредь продаваться не будет» [25. С. 135]. Губернатору жаловались на нерегулярное отоваривание карточек и повышение цен на предметы первой необходимости [29. Л. 1–3].

Введение плана закупочной деятельности, выработанного Министерством земледелия в январе 1916 г., не принесло видимых изменений. Согласно плану, согласованному с Министерством путей сообщения, уполномоченный по губернии, ввозившей продукты, получал право внеочередной перевозки на определенное время с определенных дорог определенного количества грузов, ранее закупленных по свободной цене торговыми организациями и представителями городов, уездных земств губернии. Это позволило упорядочить перевозки и распределение продуктов, установить контроль над их ценами. Пшеничная мука направлялась в первую очередь для городского населения губернии и распределялась прежде всего церквям и больницам, предприятиям, работавшим на оборону, и станциям питания войск. В результате введения системы плановых перевозок поступление грузов (главным образом пшеницы) в губернию в первом полугодии 1916 г. значительно возросло по сравнению с концом 1915 г [25. С. 106].

Однако ситуация с продовольствием в городах губернии была разной. Из объявления уполномоченного по продовольствию в Тверской губернии следует, что из назначенных на губернию на август, сентябрь и октябрь 1916 г. 221 вагонов сахара к октябрю было получено только 47 и не доставлено 174 вагона. Сахар распределялся между отдельными губерниями Особым Совещанием по продовольственному делу, находящимся в Петрограде, именно им и был назначен на Тверскую губернию на август, сентябрь и октябрь 221 вагон сахара. Ввиду временных затруднений в перевозке 174 вагона не было доставлено вовремя, вследствие чего и произошла задержка в выдаче сахара. Председатель Особого Совещания по продовольственному делу – министр земледелия, к которому В.Ф. Гаслер обратился с усиленной просьбой о возможно скорейшей присылке недополученного сахара, уведомил, что им сделано распоряжение о срочной доставке в Тверскую губернию всего недополученного за август, сентябрь и октябрь сахара в количестве 174 вагонов [30. С. 1].

Наибольшее развитие продовольственный кризис получил в крупных городах, а форму бедствия принял в самом крупном из них – Твери. Последовательно предпринимались меры к его предотвращению, но ввиду усугубления ситуации в стране в целом они могли приостановить развитие кризиса лишь на время. Так, 17 апреля 1915 г. Тверская городская дума постановила приобрести у Товарищества паровой мукомольной мельницы братьев Коняевых 7 тыс. пудов ржи по 95 коп. за пуд на станции Уральск Рязанско-Уральской железной дороги для заготовления ржаной муки на предмет снабжения ею беднейшего населения города, поручив Товариществу произвести размол этой ржи в муку. Цену за куль муки весом в 9 пудов утвердили согласно расчету Товарищества в 12 руб. 95 коп., что составило за пуд 1 руб. 34 коп. Муку решено было продавать беднейшим жителям по цене 1 руб. 20 коп. за пуд, покрывая сделанную скидку с каждого пуда муки в размере 14 коп., а со всех 7 тыс. пудов 980 руб., полученными в 1915 г. процентами от находящегося в распоряжении городского управления капитала на хлебные запасы в неурожайные годы. Расходы на уплату Товариществу за муку покрыть временно из общих городских оборотных средств на сумму 9 380 руб. Городская дума приняла предложение Товарищества братьев Коняевых о предоставлении ими безвозмездно складов для муки и администрации для распродажи ее, за что Товариществу в постановлении выражали глубокую благодарность. Установление порядка распродажи муки и все сопутствующие распоряжения были возложены на городскую управу [31. С. 118].

20 мая 1916 г. было объявлено, что «…согласно телеграмме Верховного начальника санитарной части Тверская городская управа, в видах понижения для неимущего населения цен на овощи и образования в будущем году больших овощных запасов на местах, отводит для всех желающих под устройство огородов свободные земли и пустопорожние городские участки мерою от ста квадратных саженей за самую незначительную плату. Образовавшиеся после удовлетворения местных нужд запасы овощей будут закуплены Министерством земледелия» [Там же. С. 349].

Ввиду недостаточности принимаемых мер 12 июля 1916 г. было принято Постановление Тверской городской думы «О необходимости получения 300 тысяч рублей ссуды на закупку дров и продуктов для населения города». Было решено взять в Городском общественном банке ссуду в сумме 300 тыс. руб. сроком на 9 месяцев из 6% годовых. Для получения банком разрешения выдать городу эту ссуду было возбуждено

ходатайство министру финансов, а также решено «…просить господина Тверского губернатора, не признает ли он возможным поддержать со своей стороны настоящее ходатайство городской думы и оказать содействие к скорейшему его утверждению, а также и к скорейшему разрешению Министерством финансов правлению Городского общественного банка выдать городу просимую ссуду в 300 тыс. руб.» [31. С. 282–283].

Изучение деятельности тверской губернской администрации и органов земского и городского самоуправления в ходе решения продовольственного вопроса с начала Первой мировой войны до Февральской революции позволяет предположить, что сперва внимание правительства и местных органов власти было обращено на значительное повышение уровня цен товаров первой необходимости. Причиной считалось завышение цен торговцами, и против этого был направлен ряд мероприятий, которые не принесли результатов. Одновременно с высокой инфляцией выявилось отсутствие на рынке империи доступных запасов продуктов первой необходимости, основным из которых являлся хлеб. Нарушение порядка в торговле и промышленности произошло вследствие проблем с доставкой грузов, о чем в 1915 г. докладывал губернатор Н.Г. Бюнтинг. Приоритет отдавался военным грузам. Логично, что задержки в провозе частных грузов лишали власть возможности делать запасы продовольствия в центрах сосредоточения торговли или массового потребления. Запрет вывоза хлеба из отдельных губерний и из Сибири усугубил кризис продовольствия.

План закупочной деятельности, выработанный Министерством земледелия осенью 1916 г., мешал ведению продовольственной операции в Тверской губернии. В соответствии с ним органы местного самоуправления губернии лишились инициативы по приобретению продуктов на местах их производства, хотя даже приписка к Тверской губернии производительных губерний нисколько не гарантировала доставку требуемых продуктов, о чем сказано выше.

Общая причина продовольственных затруднений России в годы Первой мировой войны заключалась, вероятно, в самой системе государственной власти. Выработка продовольственного плана Министерством земледелия, повлекшая запрет инициативы земств, перегруженность железнодорожной сети, за которой последовала невозможность доставки грузов в губернию, призыв земских специалистов по аграрному делу, остановивший развитие земледелия, вместе с основной причиной – направлением на театр военных действий основных производственных сил – влекли обострение продовольственного вопроса вплоть до угрозы голода. К реквизициям крупного рогатого скота и повышениям цен добавились изъятие 10% лошадей и сокращение посевных площадей к 1916 г. на 12,5%.

Выдержки из циркуляра уполномоченного председателя Особого совещания по продовольственному делу по Тверской губернии В.Ф. Гаслера в районные продовольственные совещания и городские управы о продовольственном положении городского населения и нормах отпуска продуктов от 11 января 1917 г. сообщают: «…молока и масла коровьего в городах почти нет. Что касается масла постного, то его вообще на рынке почти нет. Ввиду изложенных соображений, а также остроты продовольственного вопроса в настоящее время… возникает необходимость пересмотра норм отпуска продуктов для сельского и для городского населения. Выработка норм необходима также ввиду введения карточной системы и на иные, кроме сахара, продукты» [25. С. 137–138].

Учитывая представленные материалы, можно предположить, что обязательные постановления не помогали в решении продовольственного вопроса, и цены росли – сперва по прихоти торговцев, а затем из-за того, что грузы не доставлялись. Сельские жители не продавали продукты, и горожане продолжали в них нуждаться, несмотря на все усилия уполномоченного по продовольственному делу в Тверской губернии, являвшегося одновременно и руководителем губернской земской управы. Вызванные военным временем обстоятельства и нагрузки, требовавшие административных действий и финансовых затрат, стали помехой для местной администрации в исполнении ее привычных функций.

Однако важно помнить, что, несмотря на общее снижение уровня жизни и все описанные продовольственные проблемы, государству удавалось поддерживать обеспечение населения в количестве, необходимом для нормальной жизнедеятельности. В рассматриваемый период в Тверской губернии не выявлено случаев смертей от голода либо массового оттока населения в другие губернии, что может являться косвенным свидетельством удовлетворительного состояния продовольственного дела.

Попытка выйти из продовольственного кризиса через повышение административного влияния не принесла результата в условиях военного времени. Можно предположить, что продовольственный кризис оказывал значительное влияние на приближение Февральской революции 1917 г., поскольку формировал отношение к власти как к институту, не способному оказывать поддержку населению и решать важнейшие задачи.

Список источников

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 486. Оп. 1. Д. 1449.
2. Тверские губернские ведомости (ТГВ). 1914. № 58.
3. ТГВ. 1914. № 60.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1886. Т. 2: 1882 г. URL: https://runivers.ru/lib/book3139/9996/ (дата обращения:10.08.2018).
5. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27967.
6. ТГВ. 1915. № 74.
7. ТГВ. 1915. № 102.
8. ТГВ. 1914. № 103.
9. ТГВ. 1915. № 20.

10. ТГВ. 1915. № 81.
11. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27825.
12. ТГВ. 1914. № 67.
13. ТГВ. 1915. № 15.
14. ТГВ. 1915. № 85.
15. ТГВ. 1916. № 2.
16. Тверской листок. 1916. 7 фев. № 6.
17. ТГВ. 1916. № 9.
18. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18058.
19. ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 20212.
20. ТГВ. 1914. № 63.
21. ТГВ. 1915. № 3.
22. ТГВ. 1915. № 22.
23. ТГВ. 1916. № 64.
24. ТГВ. 1916. № 77.
25. Тверской край в XX веке. Тверь : Тверь, 1995. Вып. 2: 1907–февраль 1917 г. 144 с.
26. Тверской листок. 1915. 11 окт. № 8.
27. Тверской листок. 1915. 15 нояб. № 13.
28. ГАТО. Ф. 1064. Оп. 2. Д. 87.
29. ГАТО. Ф. 1064. Оп. 2. Д. 90.
30. ТГВ. 1916. № 81.
31. Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. Сборник документов / [науч. ред. В.П. Булдаков ; сост. Г.В. Баруткина, Г.М. Дмитриева, Г.П. Сергеева]. Тверь: РЭД, 2009. 494 с.

References

1. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 486. List 1. File 1449.
2. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1914a). № 58.
3. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1914b). № 60.
4. Russia. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Three]. Vol. 2. St. Petersburg: Gos. tip. [Online] Available from: https://runivers.ru/lib/book3139/9996/ (Accessed: 10th August 2018).
5. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 56. List 1. File 27967.
6. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915a). № 74.
7. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915b). № 102.
8. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1914c). № 103.
9. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915c). № 20.
10. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915d). № 81.
11. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 56. List 1. File 27825.
12. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1914d). № 67.
13. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915e). № 15.
14. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915f). № 85.
15. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1916). № 2.
16. *Tverskoy listok*. (1916). 7th February.
17. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1916a). № 9.
18. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 56. List 1. File 18058.
19. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 56. List 1. File 20212.
20. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1914e). № 63.
21. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915g). № 3.
22. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1915h). № 22.
23. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1916b). № 64.
24. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1916c). № 77.
25. Vorobiev, V.M. et al. (eds) (1917) *Tverskoy kray v XX veke* [Tver region in the 20th century]. Vol. 2. Tver: Tver.
26. *Tverskoy listok*. (1915a). 11th October.
27. *Tverskoy listok*. (1915b). 15th November.
28. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 1064. List 2. File 87.
29. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 1064. List 2. File 90.
30. *Tverskie gubernskie vedomosti*. (1916d). № 81.
31. Barutkina, G.V., Dmitrieva, G.M. & Sergeeva, G.P. (eds) (2009) *Tverskaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. Sbornik dokumentov* [Tver Province during the First World War 1914–1918. Collected documents]. Tver: RED.

***Сведения об авторе*:**
Андреев Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Тверского государственного университета (Тверь, Российская Федерация). E-mail: aae@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Andreev Alexey E. – Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of State and Municipal Administration at the Tver State University (Tver, Russian Federation). E-mail: aae@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2018; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 10.08.2018; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 94(47+57):373.3
doi: 10.17223/19988613/79/2

Формирование системы школьного образования в районах строительства БАМа (1970–1980-е гг.)

Николай Сергеевич Байкалов

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия, baikalov@bsu.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности становления общеобразовательной школы в районах БАМа в 1970–1980-е гг. По архивным документам и воспоминаниям современников проанализированы процессы строительства, материально-технического и кадрового обеспечения учебных заведений. Выявлены причины отставания в возведении школ, особенности организации учебной и внеклассной работы. Описаны социально-бытовые условия жизни учителей, а также иные факторы, формировавшие трудовую повседневность педагогов новых городских поселений.
Ключевые слова: поздний социализм, Байкало-Амурская магистраль, общеобразовательные школы, школьная реформа, школьная повседневность

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43043.

Для цитирования: Байкалов Н.С. Формирование системы школьного образования в районах строительства БАМа (1970–1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 12–25. doi: 10.17223/19988613/79/2

Original article

School education system in the Baikal-Amur Mainline construction regions (1970–1980s)

Nikolai S. Baikalov

Buryat State University after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation, baikalov@bsu.ru

Abstract. The history of the late Soviet comprehensive school in the areas of socialist construction projects in Siberia and the Far East is unevenly developed in contemporary historiography. The purpose of the paper is to study the historical experience of the formation and development of the school system based on the materials of the Baikal-Amur Railway Mainline construction regions during the 1970s and 1980s. The empirical basis consists of the oral stories of contemporaries of the All-Union construction, recorded during the researcher fieldwork in the settlements of the western part of BAM (2002-2020), archival sources, materials of the Soviet press. The combination of the traditional historical-documentary approach with the methods of oral history and everyday life history made it possible to reconstruct the complicated process of forming schools in the BAM regions in microhistorical and historical-anthropological aspects.

Comprehensive schools' chain was formed during a short period of the mainline construction. There were distinguished four main types of schools by origin: the schools of "old" settlements that existed before BAM; schools placed in temporary buildings for children of BAMers; located in permanent structures schools of the territorial education system and railway jurisdiction department.

School construction constantly lagged behind the needs of the population, which was caused by the residual principle of financing, the dispersal of funds to many facilities, departmental fragmentation in the process of schools' construction, delays in the development of project documentation, etc. In turn, this led to congestion of class-sets, a three-shift work schedule, and the abandonment of electives, circles, and extended-day groups. The material and technical condition of schools was also at a low level: the heat control was not maintained in classrooms, there was no special furniture and educational equipment, and there were interruptions in the organization of hot meals and medical services for children.

At the same time, schools at BAM surpassed the educational institutions of neighboring regions in many indicators of the educational process efficiency (polytechnic, the introduction of innovative teaching methods, other diversification forms of education), which was achieved due to the teachers' personal enthusiasm and their young age, the weakness of party-ideological control in the areas of new development, cultural exchange between representatives of different regions of the country who took part in the all-Union construction. Schools had not only educational functions, but also were the centers of socio-political and cultural life of builders (sports competitions, amateur performances, tourism, etc.).

© Н.С. Байкалов, 2022

After the end of the Komsomol construction, due to the outflow of builders, the unprofitability of the railway, and the uncertainty of the future prospects of most settlements of BAM, it was not possible to use all the capacities of new schools. In the result, a part of the school fund was transferred to other departments or dismantled.
Keywords: late socialism, new development area, Baikal-Amur Railway Mainline, comprehensive schools, school reform, polytechnic schools, teaching staff, everyday life

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 21-09-43043.

For citation: Baikalov, N.S. (2022) School education system in the Baikal-Amur Mainline construction regions (1970–1980s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 12–25. doi: 10.17223/19988613/79/2

Исторический опыт формирования городских поселений в районах нового промышленного освоения свидетельствует, что общеобразовательные школы всегда выполняли важную градообразующую функцию. В условиях географической удаленности от развитых индустриальных центров, сурового климата, слаборазвитой транспортной и социальной инфраструктуры школы представляли собой не только образовательные учреждения, но и центры общественно-политической и культурной жизни местных сообществ. До сих пор в сознании обывателя представление о значимости населенного пункта выстраивается из знаний о наличии / количестве находящихся в нем школ.

Современная историография школьного образования позднесоветского периода содержит большое количество работ, в разной степени охватывающих сибирские и дальневосточные регионы. Наиболее тщательно исследованы школы нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. [1–3]. Частично проблемы школьного образования освещались в работах по истории социально-бытового развития молодых сибирских городов [4–6], а также в обобщающих трудах по формированию новых территориально-производственных комплексов Сибири [7, 8]. В данной работе рассматриваются основные аспекты становления и развития системы школьного образования в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ) в 1970–1980-е гг.

Методологическая база исследования лежит в области пересечения нескольких направлений современной историографии, прежде всего истории повседневности, устной истории, теории нарративной памяти. Проведенные в районах западного участка БАМа полуструктурированные интервью с учителями и выпускниками бамовских школ, а также с бывшими чиновниками муниципальных отделов образования позволили реконструировать сложный и многогранный процесс формирования школ в районах всесоюзной стройки из антропологической и микроисторической перспектив. Наряду с личными свидетельствами эмпирическую основу работы составили фонды центральных (РГАЭ, РГАСПИ), региональных (ГАИО, ГАРБ, ГАЗК) и местных архивов. При анализе источников автор опирался на теорию «перформативного сдвига» А. Юрчака, а также на вырастающий из нее тезис о высоком потенциале диверсификации позднесоветского школьного образования.

Строительство БАМа стало одним из наиболее крупных проектов позднего социализма, призванным укрепить ослабевший энтузиазм советских граждан и направить их социальную энергию на внутренние новации. Основной объем работ по сооружению магистрали пришелся на 1974–1989 гг., когда БАМ был провозглашен всесоюзной ударной комсомольской стройкой. По замыслу проектировщиков, новая магистраль должна была разгрузить Транссиб, сократить расстояние транзитных грузоперевозок к тихоокеанским портам, а также открыть доступ к минерально-сырьевым базам северных территорий страны. При районировании БАМа, выполненном учеными ИЭОПП СО АН СССР, было выделено три основных участка строительства – западный, центральный и восточный. Западный участок, в свою очередь, проходил через территории Иркутской области (Усть-Кутский и Казачинско-Ленский районы), Бурятской АССР (Северо-Байкальский и Баунтовский районы), Читинской области (Каларский район), Якутской АССР (Нерюнгринский район).

С первых лет ударная комсомольская стройка привлекала трудовых мигрантов со всех концов СССР. По оценкам экспертов, за полтора десятилетия только на западном участке побывало 1,5–2 млн рабочих [9. С. 59]. Планируемая система расселения и культурно-бытового обслуживания включала три типа поселений: крупные многофункциональные центры, расположенные за пределами зоны строительства (Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Хабаровск, Владивосток); опорные города, находящиеся непосредственно в зоне БАМа (Усть-Кут, Северобайкальск, Нерюнгри, Тында); опорные центры промышленных узлов и рабочие поселки с численностью 10–15 тыс. человек [10. С. 120].

Однако из-за больших расстояний между населенными пунктами и трудностей в организации транспортного сообщения с развитыми центрами южного индустриального пояса в первоначальную схему были внесены коррективы. В результате все поселения в зоне БАМа можно разделить на следующие группы. В первую очередь это расположенные вдоль трассы «старые» населенные пункты, которые возникли задолго до начала стройки (Усть-Кут, Нижнеангарск). Многие из них получили новый импульс развития и превратились в центры обслуживания магистрали. Другие приобрели временное значение, утраченное после передислокации строителей на другие участки. Ко второй группе относились «новые» поселения, в которых были сосредоточены основные объекты производственной и социальной инфраструктуры стройки (Северобай-

кальск, Магистральный, Таксимо, Новая Чара). После окончания строительства они должны были превратиться в центры индустриального освоения региона. Третью группу составляли временные рабочие поселки, создававшиеся на период сооружения какого-либо долгосрочного объекта (например, поселки тоннельщиков Гранитный, Гоуджекит, Тоннельный, Северомуйск, мостостроителей – Якурим, Витим).

Накануне объявления всесоюзной комсомольской стройки районы будущего БАМа располагали немногочисленной и отсталой в материально-техническом отношении сетью школ, не покрывавшей потребности населения. В Усть-Кутском районе Иркутской области функционировало 24 школы на 4 570 мест при общем количестве обучающихся в 7 тыс. человек [11. Д. 155. Л. 35]. В Северо-Байкальском районе Бурятской АССР насчитывалось 10 школ, самыми крупными из которых были средняя и восьмилетняя школы в пос. Нижнеангарске общей мощностью 900 мест [12. Д. 143. Л. 3]. Помещения, в которых размещались школы, были построены в послевоенное время и нуждались в капитальном ремонте. Из письма выпускницы Нижнеангарской восьмилетней школы Галины Забегалиной вырисовывается портрет типичного учебного заведения: «Первого сентября 1975 г. я перешагнула порог Нижнеангарской восьмилетней школы. Одноэтажное деревянное здание, коридор и несколько кабинетов с деревянными партами периода всеобщей ликвидации неграмотности и на сотню раз перекрашенными классными досками. В школе было печное отопление. Вся площадь школы была меньше школьного спортзала в улан-удэнской школе № 14» [13. С. 247].

Из-за нехватки школ и дошкольных учреждений строителям негласно запрещалось перевозить с собой семьи. Руководителям строительных предприятий предписывалось не принимать рабочих с детьми. В результате сложилась неформальная практика перевозить свои семьи после трудоустройства и получения прописки, которая, в свою очередь, давала право встать в очередь на жилье [14. С. 1010]. Таким образом, уже в первый год на стройке появились дети, часть которых была вынуждена провести зиму в палатках.

Форсированное наращивание мощностей существующих школ достигалось за счет реорганизации начальных школ в средние, переуплотнения классов, сооружения дополнительных корпусов. Рассчитанная на 320 мест Усть-Кутская средняя школа была вынуждена вместить 964 ученика [11. Д. 170. Л. 23]. Нижнеангарские школы уже в сентябре 1975 г. увеличили число своих учащихся более чем на 400 ребят [15. С. 151].

Местные школы были не в состоянии принять всех нуждающихся не только из-за недостатка учебных площадей, но из-за невозможности транспортировки детей со стройучастков. Поэтому во временных поселках строителей стали создаваться собственные «бамовские» школы. Инициатива по их организации часто исходила от руководителей строительных предприятий. Учитель средней школы пос. Магистрального вспоминает: «Начальник поезда здесь был Коротнев Анатолий Константинович, легенда наша, вот он, поскольку у него дочка и сын подрастали, организовал небольшой класс. В него записались пять человек – детей инженерно-технических работников. Школу разместили в приспособленном щитовом здании. Но она начала работать не с первого сентября, а когда уже родители стали подъезжать с детьми, где-то в ноябре семьдесят четвертого года»[1].

При этом в проекте организации строительства возведение школ для транспортных строителей не предусматривалось. Все работы осуществлялись собственными силами трестов и управлений, носили внеплановый характер и финансировались из отведенного на временные здания и сооружения лимита в размере 15% от сметной стоимости основного объекта. Анализ существующей документации показал, что при выборе типовых проектов зданий временных школ сколько-нибудь серьезных расчетов по оценке и прогнозу роста / сокращения численности населения, рождаемости или миграционной активности не проводилось.

Новые школы возникали стихийно, по мере продвижения рабочих с запада на восток и развертывания базовых поселков строительных организаций. Первой на западном участке БАМа стала школа пос. Звездного проектной мощностью в 320 мест. На момент открытия 2 сентября 1974 г. в нее поступили всего 42 ученика. Однако уже к концу учебного года контингент учащихся вырос в пять раз [16. Д. 4. Л. 89–90]. В течение 1975–1976 гг. школы были устроены во всех бамовских поселках иркутского, а также в нескольких пунктах бурятского участка стройки, включая Магистральный, Улькан, Северобайкальск, Новый Уоян и Тоннельный. В большинстве случаев школа открывалась вместе с организацией нового поселка. Исключением стал Северомуйск, где запуск школы запоздал на два с половиной года. В течение этого времени детей ежедневно доставляли на учебу на рабочем транспорте в пос. Тоннельный, расположенный у западного портала Северо-Муйского хребта [17. Д. 6. Л. 18–19]. Нередко из-за имевшихся недоделок официальное открытие школы могло произойти и через год после фактического начала работы.

Относительно высокие темпы создания школ объяснялись тем, что здания возводились во временном исполнении с использованием непросушенного леса и сборно-щитовых конструкций. Уже в первые годы эксплуатации было обнаружено много брака, о чем директора школ регулярно сообщали властям. Претензии нередко высказывались к остеклению окон и навешиванию дверей, которые в школьных архивах называют не иначе как «бутафорные двери». Неутепленные и плохо подогнанные полы закрывались линолеумом, который быстро приходил в негодность [18. Д. 516. Л. 131].

В последнюю очередь, в 1980–1981 гг., были сданы школы на читинском и якутском участках трассы (Икабья, Куанда, Леприндо, Новая Чара, Сюльбан, Кодар и Хани). Всего за первые пять лет вдоль западного БАМа было построено более 20 общеобразовательных школ, что при имевшихся темпах роста населения не покрывало и половины потребности [19. Д. 3825. Л. 88–109].

Минпрос РСФСР не принимал на баланс расположенные во времянках бамовские школы, поэтому их

содержание возлагалось на базовые предприятия. С завершением строительных работ временные поселки планировалось заменить постоянными, в которых должны были разместиться общеобразовательные школы территориального и ведомственного подчинения. Строительство первых осуществлялось силами генподрядных трестов и рассматривалось как «помощь» местному образованию. Железнодорожные школы входили в проекты эксплуатационных поселков, в возведении которых были заняты шефские организации из 13 союзных республик и 22 автономных единиц РСФСР [20. С. 11].

К концу 1970-х гг. лимит на сооружение гражданских объектов во временном исполнении был исчерпан. Например, по бурятскому участку было освоено 70 из 72 млн руб., выделенных на «времянку» [21. Д. 2. Л. 224–225]. В то же время проведенные Минтрансстроем проверки показали, что строительство постоянных зданий для школ почти не осуществлялось. В 1979 г. на иркутском участке из пяти предусмотренных проектом капитальных школ мощностью 2 336 мест было начато только одно здание в пос. Звездном [19. Д. 2941. Л. 120–126]. Аналогичным образом складывалась ситуация и на бурятском участке, где шефы приступили к сооружению постоянных поселков только в 1982 г., и в результате вплоть до 1984 г. там не было построено ни одного капитального школьного здания.

В качестве причин сложившейся ситуации строители называли отсутствие генпланов постоянных поселков, серьезные недоработки в типовых проектах зданий и частые корректировки проектно-сметной документации, «некомплексность» застройки с отставанием в возведении инженерных сетей, распыление ресурсов на разные объекты, приоритетное финансирование основной программы строительства, связанной с укладкой железнодорожного пути. Кроме того, существовали проблемы с объемами и качеством поставляемых стройматериалов. Например, в Северобайкальске по ПМК «ЛенинградБАМстрой» плановые поставки кирпича и цемента составляли 24%, железобетонных изделий – 72%. Из-за задержки запуска Шимановского комбината Главленинградстрой вынужден был завозить комплектующие непосредственно из Ленинграда с пятью перевалочными пунктами, что отрицательно сказывалось на сохранности изделий [Там же. Д. 3392. Л. 128–135].

Депутаты районных и городских советов постоянно критиковали строительные организации за срывы планов ввода учебных заведений. На одной из сессий депутаты Усть-Кутского горсовета с раздражением отмечали, что за весь период сооружения БАМа городская сеть образования пополнилась двумя пристроями к школам. При этом более 2/3 учащихся города составляли дети бамовцев. В то же время строители возвели капитальные многоэтажные здания для размещения офисов трестов «ЗапБАМстроймеханизация», «ЛенаБАМстрой», СМП-286 и прочих подразделений общей стоимостью в 2,5 млн руб. «На такие деньги и материалы можно было построить столько детских учреждений, что не было бы сегодняшнего ужасного переполнения школ, отсутствия мест в детских садах, не загоняли бы подростков в подвалы», – отмечал в своем докладе председатель горсовета [11. Д. 513. Л. 44–46].

До начала комсомольской стройки в районах будущего БАМа имелась только одна железнодорожная школа № 98 станции Лена (Усть-Кут). В 1979 г. рабочими «СтавропольБАМстроя» был введен в эксплуатацию новый трехэтажный корпус школы мощностью 1 124 места. После учреждения в октябре 1980 г. Байкало-Амурской железной дороги начинает разворачиваться ведомственная школьная сеть МПС. Были открыты школы на станциях Северобайкальск (1981), Ния (1982), Улькан (1983), Звездная, Киренга и Кунерма (1984), Новый Уоян (1986), Кичера и Ангоя (1987), Икабья и Хани (1988), Таксимо и Новая Чара (1989) [22. Л. 1–2]. В отличие от школ Минтрансстроя, возводимых исключительно по типовым проектам временных зданий, учебные заведения железнодорожников представляли постройки, выполненные в постоянном исполнении.

Межведомственная разобщенность отрицательно сказывалась на развитии местного образования. Показателен в этом смысле пример пос. Улькана, где на смену зданию временной средней школы № 1 Минтрансстрой и МПС запланировали построить две капитальных школы, причем мощность каждой ограничивалась примерной оценкой численности «своего» контингента. Проект МПС предусматривал возведение восьмилетней школы с небольшими классными комнатами вместимостью 20 учеников каждая. Обучение старшеклассников должно было проходить в средней школе № 22 станции Киренга (Магистральный), расположенной в 45 км от Улькана. В ситуацию попыталась вмещаться местная власть. Председатель Ульканского поссовета А.Т. Бурлаков обратился в комиссию Госстроя СССР с предложением построить в поселке одну «полноценную» школу. Не добившись положительного решения, он опубликовал статью с заголовком «Еще не поздно» в журнале «Советы народных депутатов», в которой писал: «Мы не можем допустить раздробление средств на строительство и содержание нескольких школ в поселке, имеющем население немногим более 6 000 жителей и учащихся более 1 100 человек» [23. Д. 434. Л. 144–145]. Однако все усилия были напрасными, и в Улькане были построены две маломощных школы, после ликвидации отделения БАМЖД объединившихся в одну среднюю школу № 2. Бывший глава районной администрации вспоминает: «Мы предлагали в свое время объединить усилия и построить одну большую школу, с хорошим спортзалом, классами, бассейном. Но ведомства уперлись рогами в землю, у каждого же свои фонды, зачем отдавать кому-то… Потом уж, когда я стал во власти работать, понял, что просто надо было выходить на председателя правительства (председателя Совета министров СССР. – *Н.Б.*) и его убеждать»[2].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 651 «О мерах по дальнейшему строительству БАМ» от 12 июля 1985 г. технические проекты отдельных участков по объемам непроизводственного строительства были скорректированы. Сметная стоимость социальных объектов возросла на 106,7%

и составила 86 млн руб. По уточненным проектам предусматривался ввод в эксплуатацию школ на 24,7 тыс. мест, что превышало первоначальные лимиты на 7,9%. Однако нарастание кризисных явлений в экономике страны привело, напротив, к сокращению инвестиций. В 1986 г. сооружение социальных объектов было профинансировано на 83,3%, в 1987 г. – на 92,3% [19. Д. 7000. Л. 10]. Завершение запланированных зданий ежегодно переносилось, пока с распадом советского государства строительная программа БАМа не была окончательно свернута. В результате средняя обеспеченность населения школами в поселках западного участка колебалась в пределах 50–65% к нормативу [24. Д. 2. Л. 11]. Нехватка учебных площадей стала одной из центральных проблем школ новых городских поселений.

Переуплотненность наблюдалась во всех учебных заведениях вне зависимости от ведомственной принадлежности. В 1979–1980 учебном году в Северобайкальской школе № 2 обучались 985 учеников вместо планируемых 560, в Звезднинской – 410 вместо 320, в Магистральнинской – 1 073 вместо 392, в Ульканской – 1 213 вместо 692, в Новоуоянской – 740 вместо 320, в Северомуйской – 1 200 вместо 820 [23. Д. 434. Л. 151; 25. Д. 487. Л. 135]. Проблему с местами не удалось решить вплоть до сдачи магистрали в постоянную эксплуатацию. В 1989 г. в Усть-Куте на 5 592 посадочных места в школах приходилось 10 886 учащихся, в Северобайкальске на 3 516 мест – 5 600 [11. Д. 586. Л. 85–92]. Из-за запаздывания сооружения постоянных поселков учебных площадей не хватало и в ведомственной сети. Например, рассчитанная на 1 070 учеников средняя школа № 98 станции Лена фактически вмещала 1 800 человек [Там же. Д. 513. Л. 44–46].

Хронический дефицит учебных мест школы старались компенсировать работой в три смены, проведением занятий в непредназначенных для учебы помещениях (столовые, спортзалы, подсобные комнаты), отказом от работы кружков и групп продленного дня. Например, в Звезднинской средней школе учебные занятия проводились с 7 до 23 часов. Уроки физкультуры были перенесены в коридоры здания, а от трудового обучения, «продленки», внеклассной работы пришлось полностью отказаться [16. Д. 4. Л. 40]. В нескольких школах читинского участка стройки детей в классах сажали по три человека за одну парту [18. Д. 516. Л. 128]. В Северобайкальской школе № 3 занятия двух классов проводились в спортзале. Из-за нехватки мест во многих учебных заведениях отсутствовали помещения для учительских, библиотек, мастерских и т.д.

Еще одной трудновыполнимой задачей школьного руководства являлось поддержание в помещениях нормального температурного режима в холодное время года. Архивные документы свидетельствуют, что во многих корпусах температура не превышала 10–15°С. Дети вынуждены были сидеть на занятиях в верхней одежде. Например, в Звезднинской средней школе в первый год работы максимальная температура в 16°С продержалась только три дня, все остальное время приходилось обучаться при 5–9°С. В результате проведенного медосмотра 80 из 220 учащихся «нуждались в немедленном лечении» [16. Д. 4. Л. 89–90].

Нарушения температурного режима были вызваны низким качеством строительных материалов, прежде всего использованием непросушенного бруса, конструктивными недостатками сборно-щитовых зданий, которые в народе нередко называли «сборно-щелевыми», частыми повреждениями комплектующих при транспортировке, строительным браком, допущенным при наспех организованном монтаже, и пр. В строящихся поселках отсутствовала централизованная система отопления. Каждый микрорайон отапливался своей локальной котельной, мощности которой обычно не хватало для обслуживания всех, в том числе вновь подключенных объектов. В целях экономии ресурсов отопительный сезон начинался в ноябре и заканчивался в марте, что неприемлемо для районов, приравненных к Крайнему Северу.

Аварии на теплосетях в таких условиях превращались в настоящие бедствия для местных жителей. Учитель химии из Нового Уояна, где в зимнее время столбик термометра опускался до –50°С, вспоминает: «В первую зиму система у нас замерзла, детей мы отпустили, а сами дежурили по два часа, размораживали… Выйдешь, возле костра погреешься и назад дежурить. Все же деревянное было, следили, чтобы не случилось пожара. Отогрели классы, и опять занятия пошли»[3]. Электрообогрев помещений при отсутствии регулярного электроснабжения также не спасал школы и другие учреждения от холода.

С низкими температурами школы сталкивались и в 1980-е гг. Вследствие переполненности износ учебных корпусов происходил более быстрыми темпами. В муниципальных бюджетах предусматривались средства на побелку и покраску зданий. Капитальный же ремонт ложился на плечи базовых предприятий, зависел от наличия свободной рабочей силы и строительных материалов, часто осуществлялся несвоевременно и в неполном объеме. Так, в 1980–1981 учебном году в Ульканской средней школе не работала канализация и не отапливался один из корпусов, в Магистральнинской – не было произведено остекление окон. В зимнее время занятия в этих двух школах посещали только 50% учащихся [23. Д. 434. Л. 158; Д. 419. Л. 14].

Еще одна характерная черта повседневности бамовских школ – перебои в обеспечении учащихся питанием. Поскольку мощностей и ресурсов местной потребкооперации явно не хватало, организация школьного общепита возлагалась на отделы рабочего снабжения строителей (ОРСы). Из-за дефицита площадей, перебоев с водо- и электроснабжением, отсутствия канализации питание детей часто организовывалось за пределами школ, в расположенных поблизости рабочих столовых. Реализация данного подхода была сопряжена с множеством трудностей нормативного, организационного, санитарного характера. Однако для ОРСов такое временное решение было удобным, так как позволяло экономить материальные и трудовые ресурсы. Даже с обустройством собственных школьных столовых и буфетов их работа регулярно прерывалась. Например, в течение 1980 г. горячее питание детей отсутствовало в Северомуйской, Кичерской, Новоуоянской, Тоннельной и Нижнеангарской шко-

лах, т.е. практически вдоль всего бурятского участка стройки [25. Д. 487. Л. 60].

В школьных столовых наблюдалось переуплотнение: по 10–12 человек на одно место. Для обслуживания большого количества учащихся требовалось 12 перемен продолжительностью 15–20 минут, но в условиях двух- и трехсменного режима работы можно было сделать только 8 перерывов по 10 минут каждый. Поэтому учащиеся были вынуждены питаться в спешке, часто стоя. По этой же причине в школах отсутствовала возможность обеспечить диетическое питание, в котором нуждались более половины детей [24. Д. 134. Л. 77].

Школьные столовые на БАМе отличало однообразие рациона, характерное для многих северных регионов и районов нового экономического освоения. В меню отсутствовали свежие овощи и фрукты, натуральные молочные продукты, на что регулярно обращали внимание контролирующие органы. Успешно решить эти проблемы силами собственных подсобных хозяйств в условиях вечномерзлотных грунтов школам не удавалось. Тем не менее образовательные учреждения устраивали свои теплицы, заключали договоры о поставках свежей продукции с местными сельхозпроизводителями.

Материально-техническая база новых школ также находилась в неудовлетворительном состоянии. В учебных классах отсутствовали специализированная мебель, учебное оборудование, не хватало учебников, спортивного инвентаря, наглядных пособий. Учитель истории Магистральнинской средней школы вспоминает: «В селе Ермаки почти одновременно с нашей (школой. – *Н.Б.*) плановая школа сдавалась. Так там все от атласов до штативов было, полный набор карт, набор наглядных таблиц. У нас в Магистральном школа внеплановая, всего не хватало. Сами рисовали карты по истории, слайды на кодоскоп. И такие дорогущие книги шли в библиотеку посылками, а простых учебников не хватало. Проекторы пришли, а диафильмов нет. В отпуск поедешь или в командировку, оттуда привезешь; что-то студенты отправляли или однокурсники с большой земли»[1].

В большинстве случаев оснащение школ ложилось на плечи самих педагогов. Например, первый директор организованной в 1980 г. Таксимовской средней школы Е.Б. Зуева была вынуждена в течение ряда лет курсировать между поселком, районным и областным центрами, чтобы обеспечить учащихся самым необходимым: «Школа представляла собой щитовое здание из пяти кабинетов. Самодельные деревянные лавки и столы. Отопления не было вплоть до середины ноября. Никаких книг, тетрадей, методичек... Чтобы ликвидировать эту неустроенность, я была вынуждена на перекладных с двумя коробками и рюкзаком за спиной возить грузы. В 1982 г. по Витиму вывезла груз три машины с мебелью. Когда открылась железная дорога, то собственноручно с напарницей загрузили вагон мебели и добрались до места на третьи сутки»[4].

Выделяемые муниципалитетами средства на закупку инвентаря, оборудования и учебных пособий часто не осваивались из-за исчерпанности лимитов баз просснаба и учснаба. Например, анализ бюджета Северо-Байкальского района показал, что остаток средств по данной статье ежегодно составлял от 40 до 60% [25. Д. 487. Л. 59]. Школы пытались решить эти проблемы, обращаясь напрямую к базовым предприятиям. В качестве временного решения строители оснащали подшефные школы неспециализированной мебелью, в том числе произведенной в собственных мастерских. Оригинальный выход нашли в средней школе пос. Леприндо Читинской области, где ребята каждый переносили за собой стулья из класса в класс [18. Д. 516. Л. 128].

В целом неблагоприятные условия обучения приводили к высокой заболеваемости школьников. Проведенное на иркутском участке БАМа обследование показало, что из-за несоответствия санитарным нормам 60% мебели и оборудования у детей наблюдалась прогрессирующая динамика в патологиях опорно-двигательного аппарата. Если среди первоклассников было выявлено 11,5 случаев нарушения осанки на 1 000 учащихся, то среди пятиклассников – уже 108 случаев. Низкая освещенность учебных комнат (20–70 Лк при норме / в 150 Лк) приводила к развитию миопии, которая выявлялась у 78 из 1 000 первоклассников и у 403,4 из 1 000 девятиклассников. Также у детей фиксировался рост хронических заболеваний органов дыхания, почек, желудочно-кишечного тракта. В итоге 20% учащихся освобождалось от занятий физкультурой [11. Д. 586. Л. 85–92]. В целом по стране свыше половины выпускников средних школ имели отклонения в состоянии здоровья. По данным Минздрава СССР, за время обучения с первого по восьмой класс доля детей, страдающих близорукостью, увеличивалась с 3 до 30%, нервно-психическими расстройствами – с 15 до 40% [26. С. 41].

С началом реализации школьной реформы 1984 г. в жизни общеобразовательных учреждений произошли важные изменения. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда» при школах создавались мастерские, кабинеты автодела, подсобные хозяйства, организовывались межшкольные учебно-производственные комбинаты [27. С. 192]. С помощью базовых предприятий школы приобретали оборудование для учебных классов и мастерских. Примером сравнительно успешного сотрудничества школы и производства являлась Звезднинская средняя школа. СМП-266 в школе были оснащены мастерские, подарена теплица. Летом 1984 г. было организовано трудовое школьное лесничество, силами которого за год было посажено лесных культур на 75 га, собрано 350 кг еловой шишки. В ученических производственных бригадах школьники занимались ремонтом мебели и хозяйственного инвентаря, оборудованием спортивных площадок и пр. [16. Д. 104. Л. 99–100].

Однако степень оснащенности общеобразовательных учреждений не стоит переоценивать. Исследователи школьной реформы в Сибири неоднократно обращали внимание на тот факт, что для оснащения кабинетов / и мастерских предприятия выделяли некомплектные машины и оборудование с высокой степенью износа [3. С. 24]. Несмотря на официальные заявления о важ-

ности укрепления связи образования с практикой, в педагогическом процессе продолжало преобладать «меловое» обучение. Знакомство школьников с производством предполагало в основном пассивное созерцание, а не самостоятельную работу с приборами, инструментами или машинами [28. С. 206–207]. Из-за нехватки площадей под мастерские и кабинеты ручного труда, недостатка учителей технического труда и мастеров производственного обучения, отсутствия производственных заданий по выполнению заказов предприятий и организаций большинство общеобразовательных учреждений не выполняло программы трудового обучения.

В целях «сближения» образования и производства базовые предприятия были обязаны выделять рабочие места для старшеклассников. В силу дислокации строительных предприятий практически в каждом поселке, масштабных инвестиций, доступности и разнообразия строительной техники политехнизация бамовских школ должна была протекать более успешно, чем в других регионах. Однако рабочие допускали школьников к производству крайне неохотно. Сдерживающими факторами выступали высокий производственный травматизм и неудовлетворительное состояние рабочих мест, которое проявлялось в нарушениях норм освещенности, загазованности, температуры, гигиены, а также в нехватке спецодежды и средств индивидуальной защиты [29. С. 233]. Кроме того, постоянная гонка за плановыми показателями, премиями, званиями приводила к форсированию темпов и сроков сдачи объектов, что существенно ограничивало и без того узкую сферу применения детского труда.

В итоге организация ученических рабочих мест на предприятиях носила формальный характер. Например, в Улькане из-за нехватки швейных машин в местном доме быта не было организовано практическое обучение швей. Обучавшиеся на базе СМП-571 слесарному делу школьники в течение всего учебного года изучали основы техники безопасности и занимались уборкой мусора на стройучастках [30. Д. 68. Л. 35–38]. С похожими проблемами столкнулись учащиеся Кунерминской средней школы, где базовое предприятие СМП-582 вопреки договорным обязательствам сумело организовать рабочие места только по двум профессиям из десяти рекомендованных специальным перечнем [31. Д. 92. Л. 76–80].

С 1 сентября 1986 г. школы начали работать по новым типовым учебным планам, выделялись дополнительные часы на трудовое обучение, этику и психологию семейной жизни, профориентирование и другие дисциплины [32. С. 323–334]. С появлением в программе курса «Основы информатики» остро встал вопрос оснащения кабинетов компьютерной техникой. Во всех школах Усть-Кутского района обучение информатике осуществлялось «на доске» вплоть до 1987 г. В Северобайкальске единственный оснащенный ЭВМ кабинет школы № 6 был организован как межшкольный компьютерный класс.

Начавшийся в это время поэтапный переход на обучение детей с шести лет в районах БАМа постоянно откладывался в связи с нехваткой свободных площадей. По нормативам каждому классу-комплекту шестилеток требовалось по три комнаты (учебная, игровая и спальная). Первые две шестилетние группы общим количеством в 60 детей были открыты в Северобайкальской школе № 2 в 1987 г. В Усть-Куте от обучения шестилеток пришлось отказаться вплоть до 1989 г. [11. Д. 438. Л. 83–84].

Изменения коснулись также организационно-управленческой деятельности. В 1988 г. были проведены выборы директоров школ, созданы общественные советы по народному образованию. К работе педсоветов стали привлекать секретарей комитетов комсомола и учкома. После объединения инспекторской и методической служб отделов образования школьные администрации стали проверять работу учителей, а инспекторы – контролировать руководство школ [24. Д. 15. Л. 7–8]. В соответствии с инструкциями по оценке поведения, прилежания к учению и общественно-полезному труду старшеклассникам было предоставлено право самостоятельно выставлять оценки за поведение. Был завершен переход школ на бесплатные учебники, увеличены лимиты на приобретение учебного инвентаря и оборудования. Возрос средний расход на одного учащегося: если в 1980 г. он составлял 315, то в 1985 г. – 408, а в 1988 – 474 руб. [25. Д. 741. Л. 96]. Таким образом, хотя предусмотренные реформой показатели оснащенности общеобразовательных учреждений достигнуты не были, в течение второй половины 1980-х гг. материально-техническая база системы образования существенно укрепилась.

Еще одной проблемной областью в функционировании местных школ являлось кадровое обеспечение. К основным формам комплектования штатов относились распределение выпускников после окончания вузов и ссузов, перевод работников из соседних районов (наиболее характерен для начального этапа строительства), вольный наем в результате прибытия на БАМ «по семейным обстоятельствам». Под последним в кадровых отчетах обычно значились случаи переезда женщин-педагогов вслед за мужьями-строителями. Территориальные источники пополнения педагогических коллективов отличались разнообразием. Наиболее широко были представлены центральные районы РСФСР, Украина, Белоруссия.

В школьных отчетах постоянно описываются ситуации дефицита специалистов, который восполнялся непрофильными совместителями. В результате историю преподавал языковед, химию математик, трудовое обучение, музыку и рисование учитель физкультуры и т.д. Если организовать замены или совместительства было невозможно, то предмет мог просто не преподаваться в течение четверти, полугодия или даже учебного года. Например, на протяжении 1981–1982 учебного года в Звезднинской школе отсутствовали учителя физкультуры и истории [16. Д. 70. Л. 85].

Одной из причин недостатка учителей являлись длительные отпуска сотрудников, связанные не только с уходом за ребенком, но и с досрочной выработкой трехлетнего стажа, необходимого для льготного приобретения автомобиля. Многие бамовцы работали непрерывно два с половиной года, после чего получали вместе с автомобилем возможность полугодового

отдыха. Так, в 1983–1984 учебном году в железнодорожной школе № 21 станции Ния одновременно ушли в длительные отпуска 7 из 16 педагогов [16. Д. 89. Л. 80].

Другой причиной нехватки кадров была их текучесть, вызванная как спецификой транспортного строительства, так и крайне неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями педагогов. Приезжавшие по распределению молодые специалисты нередко чувствовали себя «брошенными на самовыживание». Учитель Тоннельной средней школы рассказывает: «Прибыл в восьмидесятом году в Тоннельный по распределению. Кругом горы, иду, одного окликнул, так он побежал. Я его догнал, спрашиваю, где гостиница, а он: "Ты что, дурак, в общагу иди". Общага – грязь, вонизм... Вернулся в школу, нашел актовый зал, прямо на столе уснул. Вахтерша принесла грязный матрац. Утром спросил: помыться где? – В Ангаракане (горная река. – *Н.Б.*). Холодно… Ананьевна, завхоз, взяла мои сумки и бегом в старое здание школы, там и поселила. Комнатка пять квадратов маленькая была. Вот так для меня начался БАМ…»[5] По архивным документам удалось выяснить, что учителя пос. Тоннельного проживали в здании школы в течение года, пока им не предоставили служебное жилье [33. Д. 42. Л. 21].

Проблемы с заселением возникали и у прибывавших «по вызову». Например, направленный в Северобайкальск для организации музыкальной школы министерством культуры Бурятской АССР С.А. Давыдов так вспоминает свой приезд: «И приехал я на мыс Курлы, нашел замначальника поезда... Тут палатки стояли вдоль реки Тыи в два ряда. Он меня спрашивает: "И чего я сюда приехал?" Я говорю: "Прислали меня сюда организовывать музыкальную школу". Он глаза вылупил: какая школа здесь, смотри какие условия, и жить, собственно, негде. "Где ты собираешься жить?" Я говорю: "Где все живут, там и я буду жить". "У нас для тебя жилья нету". "Да мне отдельного и не надо". Вошли мы в палатку, там двухъярусные койки солдатские стоят в два ряда, и все буквально занято. Я их сдвинул, место образовалось. Я говорю: "Вот здесь я и буду"»[6].

Особенно остро проблема нехватки учителей встала во второй половине 1980-х гг., после того как основной объем строительно-монтажных работ был завершен и начался отток населения из районов стройки. В 1988 г. только по иркутскому участку насчитывалось более 27% учительских вакансий. Особенным спросом пользовались учителя русского языка и литературы, иностранных языков, начальных классов [11. Д. 513. 28–29].

На протяжении всего рассматриваемого периода одной из причин кадровой текучести в школах являлись низкие заработки. В среднем по стране в середине 1980-х гг. сохранялся существенный разрыв в оплате труда: ИТР получали на 34,8%, а рабочие – на 28% больше учителей [34. С. 115]. На БАМе разница была более ощутимой из-за применявшихся районных коэффициентов. Для строительных и обслуживающих стройку организаций устанавливался коэффициент 1,7. В число «обслуживающих предприятий» входили также подведомственные Минтрансстрою СССР или включенные в специальные перечни школы. В остальных случаях для работников просвещения, здравоохранения и культуры устанавливались более низкие коэффициенты – 1,3–1,4. Таким образом, педагоги двух расположенных по соседству образовательных учреждений могли получать разную зарплату только потому, что одно из них относилось к районной, а другое – к ведомственной системе. В 1986 г. было проведено повышение ставок заработной платы и должностных окладов учителей, введены доплаты за проверку тетрадей, классное руководство, содержание кабинетов. В результате заработная плата педагогических работников возросла более чем на 30%, но тем не менее оставалась одной из самых низких в сравнении с другими профессиями [Там же].

28 сентября 1989 г. X сессия Усть-Кутского городского совета народных депутатов приняла «Программу развития народного образования в Усть-Кутском районе на 1989–1995 гг.», содержание которой дает представление о повседневных трудностях и заботах учителей. В числе основных требований выдвигались следующие: выделять 2% строящегося жилья работникам народного образования; «удовлетворить в 1992–1993 гг. все потребности работников народного образования в садово-огороднических участках»; «при отоваривании промышленными товарами выделить педработникам 25% от общего количества товаров, из всех выделяемых телевизоров и радиотоваров 12% распределять на педработников»; «при выплате заработной платы учителям, работающим с перегрузкой свыше 1,5 ставок, снять ограничения для начисления северных надбавок и поясного коэффициента»; «классным руководителям, работающим в классах, где количество учащихся превышает 25–30 человек, увеличить размер доплаты за классное руководство на 50%» [11. Д. 586. Л. 85–86].

Реализация данной программы формально продолжалась в течение двух лет, после чего она была окончательно свернута из-за недостатка финансирования. За это время серьезных изменений в положении учителей района не произошло. Сроки сдачи жилья продолжали переноситься. Ситуацию осложняли нарастающие экономические проблемы, падение престижа профессии учителя [35. С. 114]. В 1991 г. на иркутском участке БАМа был проведен опрос учителей, который выявил множество социально-бытовых проблем педагогов, прежде всего касавшихся жилья. Из числа опрошенных 63,8% проживали в благоустроенных квартирах, 10,8 – в неблагоустроенных домах, 14,4 – в общежитиях, 2,4 – в съемном жилье. В целом 67,5% учителей, по собственной оценке, нуждались в улучшении жилищных условий. Из них 14,4% простояли в очереди на улучшение жилья уже более десяти лет. На вопрос «Через сколько лет вы надеетесь получить квартиру?» 45,8% ответили, что «не надеются вообще». Кроме того, 49,4% респондентов признались, что испытывают трудности при устройстве детей в дошкольные учреждения, 71 – не удовлетворены качеством медобслуживания, 75,9 – нуждаются в санаторно-курортном лечении [11. Д. 586. Л. 89–92].

Крах советской экономики и радикальные рыночные реформы привели к девальвации национальной

валюты и регулярным задержкам заработной платы. Как отмечают исследователи, в данный период среди учителей «нищета стала хронической» [36. С. 78]. Начавшиеся в 1990-е гг. первые учительские забастовки практически не фиксировались на рассматриваемых территориях, что в числе прочего объяснялось высоким адаптационным потенциалом местных жителей, связанным с «бамовским» опытом выживания в экстремальных условиях. Ведение подсобных хозяйств, торговля, охота, рыбалка и собирательство многим помогали выжить. В воспоминаниях учителей об этом времени часто встречаются свидетельства о прочных горизонтальных связях, поддерживавших местные сообщества после окончания всесоюзной стройки. Типичным представляется рассказ учителя истории Северобайкальской школы: «Я не получала зарплату десять месяцев. Я не знала, что будет есть завтра мой ребенок. И люди каждый день приносили мне кто банку огурцов, кто варенья... Эта поддержка, умение выслушать другого, войти в его состояние остановили меня здесь, помогли сохранить в себе человеческое...»[7]. Несмотря на относительно развитую социальную инфраструктуру поселений притрассовой зоны в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в коллективной памяти учителей это время сравнивалось с начальным этапом строительства БАМа, когда взаимовыручка и коллективизм позволяли преодолеть трудности жилищно-бытовой неустроенности.

Таким образом, становление сети общеобразовательных учреждений, формирование материальной базы и кадрового состава школ, складывание педагогических коллективов протекали в районах БАМа достаточно болезненно. Вследствие постоянного роста населения потребность в учебных заведениях превосходила наличные образовательные ресурсы уже на начальном этапе строительства. В какой степени данные факторы повлияли на эффективность учебно-воспитательной деятельности, ответить сложно, поскольку образовательная статистика не всегда позволяет составить адекватное представление о сложном процессе функционирования системы образования в регионе.

Общая успеваемость в школах БАМа отличалась на протяжении всего рассматриваемого периода стабильно высокими показателями – 98,5–99,5%. В соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР «О мерах по завершению перехода ко всеобщему среднему образованию в РСФСР» районные и городские отделы образования сосредоточили все усилия на обеспечении восьмилетнего всеобуча и переходе ко всеобщему среднему образованию. Если в 1974 г. сохранность контингента учащихся до окончания десяти классов по Северо-Байкальскому району Бурятской АССР составила 58%, то в 1976 г. – уже 72,7%. При этом общая успеваемость также возросла до 98,7% [25. Д. 377. Л. 69]. Качественная успеваемость с развертыванием строительства также увеличивалась из года в год. Во второй половине 1970-х гг. она равнялась 34–38, а в начале 1980-х гг. – уже 40–42% [11. Д. 314. Л. 46].

Муниципальные архивы содержат многочисленные свидетельства «борьбы за успеваемость». Руководители школ, допустившие второгодников или отсев учащихся, подвергались критике со стороны партийного и советского руководства. Педагоги, успешно завершившие учебный год, представлялись к наградам, званиям и прочим формам поощрения. Похожие тенденции наблюдались на других сибирских стройках и в районах нового освоения. Например, исследователи школ западносибирского нефтегазового комплекса отмечают, что ежегодно показатели общей успеваемости школьников «неуклонно приближались к стопроцентным значениям» [2. С. 288].

При обращении к результатам инспекторских проверок и контрольных срезов в знаниях школьников выявлялись серьезные недостатки. Результаты всероссийской контрольной работы по математике 1980 г. показали, что в школах Казачинско-Ленского района 30% школьников допустили ошибки в вычислениях и уравнениях, 26 – не выполнили тождественные преобразования, 20 – не сумели построить графики функций. При написании диктанта по русскому языку 34% третьеклассников и 44% учащихся четвертых классов сделали ошибки на безударные гласные, 50% – на падежные окончания. Из 176 девятиклассников, писавших сочинение, 125 «не раскрыли тему или не показали достаточной начитанности» [23. Д. 499. Л. 34–45]. В ходе инспекции школ Северобайкальска в 1983 г. было обнаружено, что более трети учащихся не владели навыками правописания гласных и были мало знакомы с текстами литературных произведений [25. Д. 635. Л. 62].

Другим важным показателем эффективности обучения является количество учащихся, продолживших образование после школы в высших и средних профессиональных учебных заведениях. В конце 1970-х гг. в СССР на дневные отделения вузов поступали 19–22% выпускников, ссузов – 32–34%. На всех формах профессионального обучения было занято более половины выпускников десятых классов [37. С. 534, 550–551]. Доля продолживших образование среди выпускников бамовских школ была несколько ниже общесоюзных показателей. Например, в 1978 г. среди выпускников школ иркутского участка стройки в вузы поступили 16,3%, в средние специальные учебные заведения – 19,2%, в профтехучилища – 9,3% [11. Д. 235. Л. 158]. Через десять лет, в 1988 г., количество поступивших в вузы и ссузы по школам БАМа сократилось, составив 9,8 и 10,8% соответственно, в то время как число поступивших в ПТУ возросло до 21,5% [23. Д. 533. Л. 59–60].

Наряду с переполненностью школ, слабой материально-технической базой, а также общей неустроенностью молодых поселений, на качество образования оказывала влияние повышенная мобильность всех участников образовательного процесса. Многие семьи в это время приезжали на стройку на два-три года ради заработков или целевых чеков на льготное приобретение автомобиля. Высокая миграционная активность населения, связанная с передвижным характером работ, приводила к регулярному обновлению как педагогических коллективов школ, так и контингента учащихся.

Все это снижало социальный контроль над образованием. Ротация кадров отрицательно влияла на сте-

пень ответственности педагогов за своих учеников. Заместитель главы администрации Муйского района вспоминал: «В старых поселках учитель знает родителей каждого своего ребенка. Родители знают учителей своих детей. Поэтому учителю стыдно давать не совсем те уроки и знания, которые ребенок должен получить… Здесь двигало человеком только одно: заработать машину, квартиру, гараж и что-то там еще… Часы хорошие – зарплата неплохая. Поэтому взял тридцать часов в неделю и давай-давай-давай. Когда учитель нахватывал по тридцать с лишним часов в неделю, я все время говорил: “Вы уже из учителей превращаетесь в урокодателей!”»[8]. В ходе областных проверок качества уроков нередко выявлялись многочисленные нарушения. Например, проведенная в 1983 г. на читинском участке БАМа проверка показала, что в Новочарской средней школе только 9% уроков отвечают современным требованиям, 30% проведены с грубыми методическими ошибками [18. Д. 513. Л. 48].

Следует обратить внимание на тот факт, что у бамовцев не было привычных для советских семей дедушек и бабушек. Рабочие редко перевозили в зону стройки своих родителей. В результате большую часть внешкольного времени дети были предоставлены сами себе, что в условиях недостатка мощностей общего и дополнительного образования являлось одной из предпосылок роста преступности среди несовершеннолетних. В первую очередь это касалось таких крупных центров, как Усть-Кут, Магистральный, Северобайкальск. Если в 1977 г. школьниками Усть-Кутского района было совершено только 4 преступления, в 1980 г. зарегистрировано 8 случаев, а в 1983 г. – уже 26 [11. Д. 379. Л. 49–52]. Во второй половине 1980-х гг. в районе ежегодно регистрировалось более 50 преступлений среди несовершеннолетних [Там же. Д. 513. Л. 41–43].

Более неблагоприятная обстановка сложилась на бурятском участке стройки. Так, в 1984–1985 гг. на учете в ИДН находились 75 учащихся Северо-Байкальского района и 80 учащихся города Северобайкальска. За год только в школах города было совершено 115 правонарушений [38. С. 3]. Более половины подростковых правонарушений составляли уголовные преступления (кражи, угоны автотранспортных средств, хулиганство). Около четверти относилось к нарушениям общественного порядка [39. Д. 31. Л. 9–12]. Настоящей проблемой для педагогов стало употребление школьниками алкоголя. Соцопрос, проведенный среди второклассников средней школы пос. Звездного, показал, что 50% мальчиков родители угощали спиртным во время праздничных застолий [16. Д. 21. Л. 149–155].

Низкие результаты учащихся, выявляемые в ходе различных проверок, объясняются также общим приоритетом воспитательной работы нередко в ущерб качеству знаний. Одна из выпускниц вспоминает: «Вообще не помню, чтобы я и мои друзья по школе просиживали за выполнением школьных домашних заданий, а вот когда успевали посещать кружки, секции, организовывать различные мероприятия и выполнять всякие общественные нагрузки, совсем не понимаю. Мы были пионерами, а девиз пионера: “Будь готов! – Всегда готов!”… Мы помогали ветеранам войны по хозяйству... Шефствовали над школьниками младших классов, по договоренности учителей со строительно-монтажным поездом работали на его объектах... регулярно ходили или ездили на экскурсии, играли в «Зарницу», переписывались с ровесниками из других стран, два раза в год… ходили в походы, участвовали во всяких конкурсах и акциях…» [13. С. 249].

Сами педагоги в своих воспоминаниях объясняют трудности, с которыми столкнулись в бамовских школах, нехваткой организаторского и педагогического опыта: «Сложность была в том, что в отличие от районных школ здесь все нужно было заново создавать, тем более коллектив учителей молодой. Ну а пока эти традиции складывались… Мы, конечно, в первое время отставали в спортивных или творческих соревнованиях, конкурсах от старых школ района. Ну а потом, уже года через три-четыре, наработали и выровнялись, принимали участие наравне со всеми»[1].

В целом, несмотря на выявленные проблемы в подготовленности школьников, в воспоминаниях учителей о своих подопечных часто подчеркивались их заинтересованность в предмете, «начитанность» и прочие положительные качества: «Дети здесь отличались более широким кругозором, они были более целеустремленными, плюс влияла среда семей, так как на БАМ выезжали все-таки не самые худшие»[4].

Высокая мотивация многих учащихся была связана как с идеологическими, так и с прагматическими факторами. С одной стороны, советский миф о БАМе активно внедрялся в работу со школьниками, которым внушалась мысль, что они оказались в эпицентре большой истории. С другой стороны, необходимость частой смены школ, как и временность пребывания на стройке в целом, осознавались многими ребятами, особенно старшеклассниками, как серьезное препятствие качественной подготовке, а также как источник возможных трудностей адаптации в новом коллективе.

Сильные стороны позднесоветского образования были обусловлены его скрытым разнообразием. В основе данной диверсификации лежали различные представления о том, как будет выглядеть человек будущего, которого предполагали формировать в ходе образовательного процесса [28. С. 10–11]. Советская пропаганда описывала БАМ как о «дорогу в будущее», «стройку века», «путь к коммунизму». Многие комсомольцы-идеалисты воспринимали ударную стройку как свободное от советской двойственности и формализма пространство, наполненное возможностями обновления «застоявшейся» жизни.

Как справедливо отмечают исследователи, ни одна школа в Советском Союзе не могла отказаться от политизированных и идеологизированных форм работы, которые обусловили перегрузку школьных программ, а также развитие формального отношения учителей и учащихся к содержанию учебно-воспитательного процесса [26. С. 17]. В условиях позднего социализма идеологический дискурс партии и государства перестает интерпретироваться буквально, что позволяет советским людям формировать сложное и дифференцированное отношение к нормам и ценностям системы. В зависимости от контекста они могли их отвер-

гать, переосмысливать или производить новые, что постепенно изменяло «весь дискурсивный режим» советской системы «изнутри» [40. С. 2].

Процесс диверсификации протекал постепенно и достиг максимума к концу перестройки. В это время в бамовских школах начались эксперименты по созданию классов с углубленным изучением определенных предметов, с обучением иностранному языку в начальной школе. В условиях географической удаленности и транспортной малодоступности районов стройки учителя нередко оказывались более свободными в выборе методики и содержания преподаваемых предметов в сравнении с коллегами на «большой земле». Учитель истории Магистральнинской средней школы вспоминает: «Нам было дано больше возможностей поэкспериментировать. Как-то нас тут никто не зажимал. Эксперименты даже приветствовались. У меня друг углубился в методику Шаталова, опробовал ее на истории, и очень даже здорово получалось»[1].

В большей степени школьная программа регламентировала урочное обучение. При этом внеклассная работа всегда сохраняла вариативность. Популярностью в школах пользовались экологические проекты и спортивный туризм, поисково-краеведческая деятельность при школьных музеях, эстетическое воспитание. Интересы учащихся подогревались молодостью (средний возраст учителей составлял 25–30 лет) и инициативностью педагогов, которые большую часть своего времени проводили на работе.

Партийные и советские органы управления не имели в новых поселениях привычного влияния. Гораздо большими властными полномочиями обладали руководители строительно-монтажных поездов, тоннельных и мостостроительных отрядов и других предприятий. В рамках шефской помощи школам они не только проводили текущий ремонт или закупку необходимого инвентаря, но и организовывали внеклассные мероприятия, вели кружки и спортивные секции.

В условиях ограниченного выбора возможностей для досуга в новых поселениях школы становились центрами различных активностей. Особенно много внимания уделялось физическому воспитанию: «Тесная дружба была с комсомольско-молодежными бригадами. Они к нам приезжали, помогали мероприятия проводить… Спортзала у них не было, они приходили к нам играть. Многие из них вели секции: по шахматам, по хоккею, туристический клуб. Ребята с удовольствием с ними ходили в походы. Учитель мог их не сопровождать. Может, в этом и была свобода, что у взрослых доступ в школу не ограничивался...»[1].

Из-за нехватки учебных помещений спортзалы, бассейны, хоккейные коробки возводились методом «народной стройки», нередко на собственные деньги. Привлекаемые в качестве шефов строительные организации выделяли на такие объекты средства из сметы на временные производственные сооружения. В результате бассейн в документах мог значиться как открытая пожарная емкость, а спорткомплекс – как склад. Шефы обеспечивали школьников спортинвентарем и униформой. Например, учитель средней школы пос. Тоннельного вспоминает, как вывозил школьную хоккейную команду на областные соревнования в Улан-Удэ: «На республику в 1984 г. дети приехали с “Адидасом”, с фирменными клюшками “Кохо”, на пластиковых коньках “Сальво”. Когда наши ребята выиграли, то им подарили советские клюшки, они их просто раздали всем желающим»[5]. Таким образом, бамовские дети могли резко выделяться среди сверстников на «большой земле» как внешним видом, так и поведением.

Поскольку строители съезжались на БАМ с разных концов страны, здесь создавалась возможность более интенсивного обмена информацией, в том числе и находящейся под запретом советской цензуры. Часто это касалось событий советской истории. Например, ленинградские строители, занятые на возведении Северобайкальска, были в основном из семей ветеранов, из-за чего северобайкальские школьники «знали правду о блокаде» еще до начала политики гласности[9]. Кроме того, в школы попадали официально не признаваемые или запрещаемые произведения литературы и искусства. Особенно часто в воспоминаниях встречаются эпизоды, связанные с музыкальной и песенной культурой: «Администрация школы совместно с милицией частенько устраивали рейды по дискотекам. Мы, конечно, разбегались со скоростью тараканов при неожиданном включении света на общежитской кухне. Кто, как и где доставал записи, сильно никто не распространялся. Но при желании можно было иметь все: и закрытые концерты Высоцкого, и “Машину времени”, и Элтона Джона, и “Битлов”, и любых итальянцев…» [13. С. 252].

Еще одна важная особенность школьников БАМа – несвойственная советским детям предприимчивость. В воспоминаниях выпускников нередко встречаются истории о первых заработках, самостоятельном приобретении одежды, спортинвентаря или техники (мопед, магнитофон), продажах дефицитных вещей сверстникам с «большой земли». С одной стороны, такая практичность вырастала скорее из общей неустроенности жизни на БАМе, нежели из вектора на политехнизацию школ или прочие официальные идеологические тренды перестройки. С другой стороны, оказывало влияние семейное окружение, так как у многих рабочих преобладали меркантильные мотивы приезда на БАМ. Часто в семьях устанавливался режим строгой экономии, поскольку оба родителя одновременно подавали заявки на покупку машины и выплачивали стоимость сразу по двум целевым чекам. В рассказах практически всех учителей присутствуют сюжеты о голодных обмороках детей или о выделении им бесплатных школьных обедов из-за того, что весь доход родителей уходил на погашение «автомобильного кредита».

Таким образом, в районах стройки в кратчайшие сроки была сформирована разветвленная сеть общеобразовательных школ. По темпам и масштабам процесс ее становления может быть сопоставим с периодом всеобщей ликвидации безграмотности в СССР. По специфике возникновения можно выделить четыре типа бамовских школ: существовавшие до БАМа «старые» школы, которые благодаря стройке смогли укрепить свою материально-техническую базу; временные шко-

лы, организованные для детей строителей, которые с завершением строительства были упразднены или переведены в постоянные здания; школы в капитальном исполнении, построенные бамовцами для территориальной или ведомственной (железнодорожной) сетей образования.

Школьное строительство постоянно отставало от реальных потребностей населения, что было вызвано остаточным принципом финансирования народного образования в СССР, распылением средств на множество объектов, ведомственной разобщенностью в процессе возведения школ, задержками в подготовке проектно-сметной документации, перебоями в снабжении стройматериалами, оборудованием и инвентарем. Неконтролируемость потоков трудовых мигрантов и подвижность контингента, вызванная особенностями транспортного строительства, создавали объективные трудности в расчете потребностей населения в мощностях учебных заведений. Все это влекло за собой загруженность учебных площадей и педагогов, многократно превышавшую установленные нормы. Многие школы оказались не в состоянии охватить учащихся всеми формами работы и были вынуждены отказаться от кружков, факультативов, групп продленного дня. Материально-техническое состояние большинства школ также находилось на низком уровне: в помещениях не соблюдался температурный режим, отсутствовали специальная мебель и учебное оборудование, ощущались перебои в организации горячего питания и медицинского обслуживания учащихся.

Несмотря на все материальные и организационные трудности, школы строителей БАМа превосходили учебные заведения соседних регионов по таким показателям, как политехнизация, внедрение инновационных методик обучения и прочие формы диверсификации образовательного процесса. Это достигалось за счет личного энтузиазма и молодого возраста педагогов, культурного обмена между представителями разных регионов («БАМ строит вся страна»), слабого партийно-идеологического контроля над учреждениями образования в условиях района нового освоения. Школы не только выполняли образовательные функции, но и являлись просветительскими и досуговыми центрами строителей, для которых организовывались воскресные университеты, лекции, занятия спортом, художественной самодеятельностью, туризмом, краеведением и т.д.

Значительные успехи в развитии бамовских школ были связаны с реализацией строительного проекта. После завершения комсомольской стройки перспективы большинства населенных пунктов, расположенных в зоне влияния БАМа, оказались размытыми. Из-за оттока населения загрузить рассчитанные на значительный контингент учащихся новые школы не удалось. Одновременно усилился дефицит педагогических работников. Железная дорога в рыночных условиях превратилась в убыточное предприятие, что привело к передаче ведомственных школ в муниципалитеты, которые не могли в полном объеме содержать все имеющиеся объекты. В результате часть школьного фонда была переведена в другие ведомства или приспособлена под выполнение иных функций. Некоторые здания были заброшены и со временем разобраны местными жителями.

Примечания

1. Полевые материалы автора (ПМА): интервью с учителем истории, пос. Магистральный, 2019 г.
2. ПМА: интервью с бывшим главой администрации, пос. Магистральный, 2019 г.
3. ПМА: интервью с учителем химии, пос. Новый Уоян, 2004 г.
4. ПМА: интервью с бывшим директором Таксимовской средней школы № 1, г. Улан-Удэ, 2002 г.
5. ПМА: интервью с учителем Тоннельной средней школы, пос. Новый Уоян, 2004 г.
6. ПМА: интервью с преподавателем Северобайкальской школы искусств, г. Северобайкальск, 2004 г.
7. ПМА: интервью с учителем истории, г. Северобайкальск, 2002 г.
8. ПМА: интервью с работником администрации Муйского района, пос. Таксимо, 2002 г.
9. ПМА: интервью с учителем истории, г. Северобайкальск, 2002 г.

Список источников

1. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень : Нефтегазовый ун-т, 2002. 282 с.
2. Кирилюк Д.В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 гг.). Курган : Курганский Дом печати, 2019. 400 с.
3. Файзуллина Н.К. Школьное образование Западной Сибири в середине 1950-х – середине 1960-х гг. (на материалах Омской, Томской и Тюменской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 192 с.
4. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск : Наука, 1991. 240 с.
5. Куксанова Н.В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири (1956–1980 гг.). Новосибирск : Наука, 1993. 223 с.
6. Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск : СибГТУ, 2007. 253 с.
7. Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК, 1955–1980. Новосибирск : Наука, 1988. 238 с.
8. Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт : (исторический аспект). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 250 с.
9. Кин А.А. Регионально-транспортный мегапроект БАМ: уроки освоения // Регион: Экономика и Социология. 2014. № 4 (84). С. 55–72.
10. БАМ: строительство и хозяйственное освоение / А.Г. Аганбегян и др. М. : Экономика, 1984. 144 с.
11. Архивный отдел администрации Усть-Кутского муниципального образования Иркутской области (АО УКМО). Ф. Р-29. Оп. 1.
12. МКУ «Управление культуры и архивного дела муниципального образования “Северо-Байкальский район” Республики Бурятия» (УКАД СБМО). Ф. Р-14. Оп. 1.
13. История Северо-Байкальского района / сост. Т.П. Темникова. Улан-Удэ : Нова-Принт, 2015. 600 с.
14. Байкалов Н.С. «Обживая стройку века»: пространство повседневности и жилищная мобильность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970–1980-е гг.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 998–1016. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.414
15. Трасса мужества. Бурятский участок БАМа / ред.-сост. П.Л. Натаев. Улан-Удэ : Респ. тип., 2005. 271 с.
16. АО УКМО. Ф. Р-34. Оп. 1.
17. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-2002. Оп. 1.

18. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-927. Оп. 1.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-9538. Оп. 16.
20. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И.В. Гордиенко. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. 217 с.
21. ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 12.
22. Историческая справка об открытии образовательных учреждений Северобайкальского отделения ВСЖД ОАО РЖД // Отдел архивов № 5 Службы управления делами ВСЖД филиала ОАО РЖД.
23. Архивный отдел администрации Казачинско-Ленского муниципального района Иркутской области (АО КЛМР). Ф. Р-1. Оп. 1.
24. Архивный отдел администрации муниципального образования «Город Северобайкальск» Республики Бурятия. Ф. Р-2. Оп. 1.
25. УКАД СБМО. Ф. Р-1. Оп. 1.
26. Молоков Д.С. Тенденции развития советской общеобразовательной школы второй половины 60-х – первой половины 80-х годов. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2004. 148 с.
27. Овчинников А.В. О реформе советской школы 1984 года // Пространство и время. 2014. № 4 (18). С. 190–194.
28. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М. : Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
29. Байкалов Н.С. Производственный травматизм и охрана труда при строительстве западного участка БАМа (1970-е – 1980-е годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 226–242. doi: 10.24224/2227-1295-2019-8-226-242
30. АО КЛМР. Ф. Р-39. Оп. 1.
31. АО КЛМР. Ф. Р-43. Оп. 1.
32. Забота партии и правительства о благе народа : сб. док. М. : Политиздат, 1985. Кн. 3, ч. 2. 511 с.
33. Архив администрации муниципального образования «Муйский район» Республики Бурятия. Ф. Р-4. Оп. 1.
34. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М. : ИЭА РАН, 2015. 228 с.
35. Валиева Е.Н. Основные аспекты демократизации сибирской школы на рубеже 80–90-х гг. XX в. // Интерэкспо ГЕО – Сибирь. 2016. Т. 6, № 1. С. 112–116.
36. Мищенко А.Н. Социально-профессиональный портрет южноуральского школьного учителя постсоветской эпохи (на примере Челябинской области) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 7 (51). С. 77–80.
37. Народное хозяйство СССР за 70 лет : юбилейный стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1987. 766 с.
38. Школа – забота общая // Северный Байкал. 1984. 6 сент.
39. АО КЛМР. Ф. Р-38. Оп. 1.
40. Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). С. 1–12.

References

1. Gavrilova, N.Yu. (2002) *Sotsial'noe razvitie neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964–1985 gg.)* [Social development of oil and gas producing regions of Western Siberia (1964–1985)]. Tyumen: Neftegazovyy un-t.
2. Kirilyuk, D.V. (2019) *Razvitie shkol'nogo obrazovaniya v Yugre (1945–1991 gg.)* [Development of school education in Ugra (1945–1991)]. Kurgan: Kurganskiy Dom pechati.
3. Fayzullina, N.K. (2010) *Shkol'noe obrazovanie Zapadnoy Sibiri v seredine 1950-kh – seredine 1960-kh gg. (na materialakh Omskoy, Tomskoy i Tyumenskoy oblastey)* [School education in Western Siberia in the mid-1950s - mid-1960s. (Omsk, Tomsk, and Tyumen regions)]. History Cand. Diss. Tyumen.
4. Bukin, S.S. (1991) *Opyt sotsial'no-bytovogo razvitiya gorodov Sibiri (vtoraya polovina 1940-kh – 1950-e gg.)* [Social development of Siberian cities (second half of the 1940s – 1950s)]. Novosibirsk: Nauka.
5. Kuksanova, N.V. (1993) *Sotsial'no-bytovaya infrastruktura Sibiri (1956–1980 gg.)* [Social infrastructure of Siberia (1956–1980)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Rafikova, S.A. (2007) *Byt rabochey sem'i Zapadnoy Sibiri v 1960-e gody* [The life of a working family in Western Siberia in the 1960s]. Krasnoyarsk: SibGTU.
7. Dolgolyuk, A.A. (1988) *Formirovanie trudovykh kollektivov Bratsko-Ust'-Ilimskogo TPK, 1955–1980* [Labor collectives of the Bratsk-Ust-Ilim TPK, 1955–1980]. Novosibirsk: Nauka.
8. Tsykunov, G.A. (1991) *Angaro-Eniseyskiy TPK: problemy i opyt: (istoricheskiy aspekt)* [Angara-Yenisei TPK: problems and experience: (a historical aspect)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Kin, A.A. (2014) The Baikal-Amur regional and transport megaproject: lessons from exploitation. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*. 4(84). pp. 55–72. (In Russian).
10. Aganbegyan, A.G. et al. (1984) *BAM: stroitel'stvo i khozyaystvennoe osvoenie* [BAM: construction and economic development]. Moscow: Ekonomika.
11. The Archival Department of the Administration of the Ust-Kutsk Municipal Formation of the Irkutsk Region (AO UKMO). Fund R-29. List 1.
12. MKU Department of Culture and Archival Affairs of the Municipal Formation “Severo-Baikalsky District” of the Republic of Buryatia (UKAD SBMO). Fund R-14. List 1.
13. Temnikova, T.P. (2015) *Istoriya Severo-Baykal'skogo rayona* [History of North-Baikal Region]. Ulan-Ude: Nova-Print.
14. Baykalov, N.S. (2018) “Living the project of a century”: the space of everyday life and housing mobility of the builders of the Baikal-Amur Railway (1970–1980s). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8(4). pp. 998–1016. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.414
15. Nataev, P.L. (ed.) (2005) *Trassa muzhestva. Buryatskiy uchastok BAMa* [The track of courage. The Buryat section of BAM]. Ulan-Ude: Resp. tip.
16. The Archival Department of the Administration of the Ust-Kutsk Municipal Formation of the Irkutsk Region (AO UKMO). Fund R-34. List 1.
17. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-2002. List 1.
18. The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund R-927. List 1.
19. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund R-9538. List 16.
20. Gordienko, I.V. (ed.) (1999) *BAM na territorii Buryatii: istoriya stroitel'stva, ee rol' v khozyaystvennom osvoenii regiona* [The BAM on the territory of Buryatia: the history of construction, its role in the regional economic development]. Ulan-Ude: SB RAS.
21. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P-8. List 12.
22. Russia. (n.d.) *Istoricheskaya spravka ob otkrytii obrazovatel'nykh uchrezhdeniy Severobaykal'skogo otdeleniya VSZhD OAO RZhD* [Historical note on the opening of educational institutions of the Severobaikalsk branch of the Higher Railways of Russian Railways]. Department of Archives No. 5 of the Administration Service of the Higher Railways of the branch of Russian Railways.
23. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-1. List 1.
24. The Archival Department of the Administration of the Municipal Formation “Severobaikalsk” of the Republic of Buryatia. Fund R-2. List 1.
25. MKU Department of Culture and Archival Affairs of the Municipal Formation “Severo-Baikalsky District” of the Republic of Buryatia. Fund R-1. List 1.
26. Molokov, D.S. (2004) *Tendentsii razvitiya sovetskoy obshcheobrazovatel'noy shkoly vtoroy poloviny 60-kh – pervoy poloviny 80-kh godov* [Trends in the development of the Soviet secondary school in the second half of the 1960s – the first half of the 1980s]. Yaroslavl: Yaroslavl SPU.
27. Ovchinnikov, A.V. (2014) On the Soviet School Reform of 1984. *Prostranstvo i vremya – Space and Time*. 4(18). pp. 190–194. (In Russian).

28. Safronov, P., Mayofis, M. & Kukulin, I. (eds) (2015) *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940–1980-e)* [Islands of Utopia: The Pedagogical and Social Design of the Post-War School (1940–1980s)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
29. Baykalov, N.S. (2019) Industrial Injuries and Labor Protection during the Construction of the Western Section of the BAM (1970s – 1980s). *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 8. pp. 226–242. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-226-242
30. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-39. List 1.
31. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-43. List 1.
32. USSR CPSU. (1985) *Zabota partii i pravitel'stva o blage naroda* [The care of the party and government for the welfare of the people]. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
33. The Archive of the Administration of the Municipal Formation “Muisky District” of the Republic of Buryatia. Fund R-4. List 1.
34. Belova, N.A. (2015) *Povsednevnaya zhizn' uchiteley* [Everyday Life of Teachers]. Moscow: IEA RAS.
35. Valieva, E.N. (2016) Osnovnye aspekty demokratizatsii sibirskoy shkoly na rubezhe 80–90-kh gg. XX v. [The main aspects of the democratization of the Siberian school at the turn 1990s]. *Interekspo GEO – Sibir'*. 6(1). pp. 112–116.
36. Mishchenko, A.N. (2018) Social and professional portrait of the South Ural school teacher in the post-Soviet era (a case-study of Chelyabinsk region). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 7(51). pp. 77–80. (In Russian). DOI: 10.24158/fik.2018.7.15
37. The USSR State Committee on Statistics. (1987) *Narodnoe khozyaystvo SSSR za 70 let* [The national economy of the USSR for 70 years]. Moscow: Finansy i statistika.
38. *Severnyy Baykal*. (1984) Shkola – zabota obshchaya [School is a common concern]. 6th September.
39. The Archival Department of the Administration of the Kazachinsko-Lensky Municipal District of Irkutsk Region (AO KLMR). Fund R-38. List 1.
40. Yurchak, A. (2007) Pozdniy sotsializm i poslednee sovetskoe pokolenie [Late socialism and the last Soviet generation]. *Neprikosnovennyy zapas.* 2(52). pp. 1–12.

***Сведения об авторе*:**
Байкалов Николай Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Улан-Удэ, Россия). E-mail: baikalov@bsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Baykalov Nikolay S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Buryatia, D. Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: baikalov@bsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.04.2020; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 08.04.2020; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/79/3

Роль кочевников в становлении боевого искусства у северокавказских народов

Надежда Оскаровна Блейх

Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова, Владикавказ, Россия, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Аннотация. На основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот архивных и документальных материалов рассматривается специфика становления боевого искусства у этносов Северного Кавказа. Особое внимание уделяется этногенезу горских народов, анализу внешних и внутренних факторов развития у них военного ремесла. Отмечается, что истоки боевой доблести надо искать в изначальном военизированном воспитании скифов, сарматов, алан, запечатленном в их обычаях и традициях.
Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, боевое искусство, военное ремесло

Для цитирования: Блейх Н.О. Роль кочевников в становлении боевого искусства у северокавказских народов // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 26–33. doi: 10.17223/19988613/79/3

Original article

The role of nomads in the formation of martial arts in the North Caucasian peoples

Nadezhda O. Blejkh

North Ossetian state University named after Costa Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation, nadezhda-blejjkh@mail.ru

Abstract. The subject of this article is the history of the martial art of the North Caucasian peoples. The aim is to identify common and specific trends and factors of formation of military skill among the North Caucasian peoples. The author considers such aspects of the theme as the formation of mountain ethnic groups, external and internal conditions of formation and development of their military art, paying special attention to the Genesis of the formation of martial arts.
The novelty of the stated theme is that the reconstruction of the spiritual heritage of the peoples of the North Caucasus will help to overcome the stereotypes about the spiritual values of non-titular ethnic groups of Russia and provide modern politicians with interesting material that contributes to a thoughtful and balanced consideration of topical issues of modern international tolerance.
The special contribution of the author is that, for the first time, he raised the most important problem of reconstruction of the whole picture of ideas and experience of the military art practiced by the peoples of the North Caucasus. The author wrote many glorious pages in the chronicle of the national military history and introduced the archival sources and documentary materials into scientific circulation.
The methodological basis of the study was general philosophical theories about the role of the people in the creation of spiritual and material culture and the idea of the influence of the environment on the specifics and identity of the development of military affairs of the North Caucasian ethnic groups.
The article uses the principles of historicism, objectivity, consistency, which allow to analyze the facts and events of the past in a certain historical situation in the course of their development in chronological order.
Conclusions are drawn that the whole history of the peoples of the North Caucasus was a series of military clashes, which is explained by the continuous redistribution of territories, when mountain ethnic groups were forced to adapt and comply with the rules in which they were under the influence of external factors becoming targets of attacks by many invaders (Batu, Timur, etc.). The constant need to protect their land urged the mountaineers to completely subordinate their way of life to the military craft, which could not but affect the mentality of the peoples, their culture. The highlander was not thought without war and military raids. It was under such circumstances that there was an urgent need to improve the martial art and therefore all the spiritual and material culture of the old residents of the region until the XIX century retained a militarized basis and was imbued with the spirit of fight.
The objectivity and reliability of the results obtained is provided by a wide database of sources, compliance of research methods with the goals and objectives of this publication, the duration and multifaceted nature of the study.
Keywords: Russian Empire, North Caucasus, martial art, military craft

© Н.О. Блейх, 2022

For citation: Blejkh, N.O. (2022) The role of nomads in the formation of martial arts in the North Caucasian peoples. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 26–33. doi: 10.17223/19988613/79/3

Радикальные перемены в жизни нашего общества влекут за собой большие изменения в мировоззрении людей, их культуре. Происходит ломка представлений в различных областях общественной жизни, в ценностных установках людей. Но специфика сегодняшнего дня заключается в том, что процесс усвоения новых установок отстает от процесса разрушения старых. Все это приводит к утрате многих духовных ценностей, которые занимали прочное место в сознании людей в недавнем прошлом и сопровождали развитие и становление северокавказского менталитета. Вот почему знание прошлого становится необходимым условием формирования демократического сознания современных людей, возрождения прогрессивных традиций и обычаев народов России и Кавказа. В связи с этим нужно знать и изучать историческое наследие прошлого, которое во многом поможет нам искоренить существующие недостатки нашей общественной системы.

Известно, что судьбы народов находятся в непосредственной взаимосвязи со средой их обитания, которая не является стабильной. Особенно она подвергалась изменениям в исторические эпохи непрерывного передела территорий, за которые велась ожесточенная борьба. В эти неспокойные времена этносы вынуждены были адаптироваться и подчиняться тем правилам, в которых они оказались под воздействием внешних условий. В данном ракурсе все насельники Северного Кавказа подвергались тяжелым военным испытаниям не одно столетие, так как в первую очередь становились объектом нападений многих завоевателей (Батый, Тимур и др.). Постоянная необходимость в защите своей земли побуждала горцев подчинить свой жизненный уклад целиком и полностью военному ремеслу, что не могло не сказаться на менталитете народов, их материальной и духовной культуре.

Горец не мыслился без войны и военных набегов. На этот факт обращали внимание все без исключения бытописатели древнего Северного Кавказа: Геродот, Аристотель, Марцелин, Прокопий, Рубрук, Иордан, Багратиони и др. Удивлялись воинственности, мужественности, смелости и стойкости горцев российские исследователи XVII–XIX вв. А. Берже, С. Гмелин, В. Миллер, Л. Модзалевский, П. Паллас, П. Услар и др. Говорили о их рыцарских добродетелях и российские военные, волею случая оказавшиеся на Кавказе: П. Бутков, В. Тизенгаузен, Л. Лавров, В. Бартольд, А. Гольдштейн, Л. Штедер и др. Даже «враги» горцев Н. Дубровин, П. Надеждин, Ф. Леонтович, описывая их погрязшими «в насилиях, войнах», в то же время отдавали должное их мужеству и воинственной храбрости, которые, по их мнению, «коренятся в феномене рыцарского духа кавказских народов». Различные стороны военного бытования северокавказских горцев затрагивались в работах Б.Х. Бгажнокова, З.С. Бузоевой, А.М. Гутова, З.С. Джелиевой, А.Х. Магометова, С.Х. Мафедзева, А.И. Мусукаева, А.Ю. Слановой, Е.Е. Хатаева и др. Но несмотря на перечисленные научные изыскания, проблема, затронутая в данной статье, до сих пор не подвергнута анализу в научных кругах, что и подвигло автора к ее осмыслению. Между тем актуальность обозначенной темы видится нам еще и в следующем:

– Объективное освещение исторических процессов и духовного наследия народов Северного Кавказа в условиях реконструкции российского общества превращается в важнейшую задачу исследователей культуры, источник наших исторических знаний. Современные оценки исторического наследия прошлых эпох помогут преодолеть прежде сложившиеся стереотипы в отношении духовных ценностей исторического прошлого горцев, ведь только с позиций нашего времени возможно выявить проблемы, волнующие северокавказские этносы в наши дни. Такой подход достаточен для определения основных направлений в развитии исторической мысли нетитульных народов России, но горцы имеют свои национально-территориальные образования.

– В условиях, когда на Северном Кавказе (как и в феодальную эпоху, рассматриваемую в данной работе) все еще имеет место межнациональное недопонимание, проблема, поднятая нами, значительно актуализируется, так как обращение к историческому прошлому северокавказских народов, к их лучшим народным традициям, может предоставить современным политикам интересный и богатый материал, побуждающий к продуманному и взвешенному рассмотрению злободневных вопросов.

Чтобы лучше понять сущность средневекового кавказского боевого искусства, наблюдаемого на протяжении весьма длительного времени в бытовых и культурных отношениях северокавказских народов, следует заглянуть вглубь этногенеза этих народов, разобраться в том, как оно формировалось, что послужило его основой и питательной средой в средневековую эпоху.

В основе становления средневекового боевого искусства горского общества лежали не только внутренние факторы общеисторического процесса, но и внешние условия, в том числе геополитические. Северный Кавказ был и остается воротами непрерывной миграции с севера на юг и с юга на север. Специфичность рельефа и местоположение края оказали заметное воздействие на становление этнического состава: с одной стороны, замкнутый склад горных долин наложил отпечаток изоляционности на аборигенное население и обособление его в самостоятельные, территориально мало сплоченные между собой общины и родовые коллективы, а с другой стороны, Кавказ принимал всех кочевников, изгнанников, мигрантов, что способствовало его этническому разнообращию. Роль Кавказского хребта как рубежа между Европой и Азией, на наш взгляд, хорошо выразил русский исследователь академик П.К. Услар: «Всех без разбору Кавказ принимал к себе, но, раз приняв, не упускал более никого:

не заботясь о прошлом пришельца, будущее его однажды и навсегда выковывал в неизменную форму… Бесстрастным, безмолвным, бездейственным порубежным стражем стоял Кавказ между двумя морями-океанами…» [1. С. 23]. Вот почему Северный Кавказ был и остается живой лабораторией для изучения культуры человечества, одной из сторон которой было боевое мастерство.

История северокавказского военного искусства началась с пришествием в край кочевых скифских племен (VI в. до н.э.), выходцев из Средней Азии. Здесь они основали свое скифское царство (государство). Скифы прекрасно владели двумя основными искусствами: обработкой металлов и наездничеством. Об этом свидетельствуют огромные курганы скифских вождей. Скифский быт и общественный строй были пропитаны привычкой к войне и военным делом, что было обусловлено уровнем их социального развития. Скифы находились на такой ступени военной демократии, когда война была основным средством производства. По своей организационной структуре скифское войско более всего напоминало ополчение. У них не было специально обученной армии. Вооруженные силы по мере надобности собирались царем, который кроме солдат своего племени руководил общим воинством подчиненных племен.

Боевой порядок скифов был следующим: в самой середине войскового объединения во главе конницы стоял сам главный военачальник – царь, по левому и правому флангам располагались остальные отряды. При таком расположении войск донесения военачальнику и его приказы подчиненным доходили быстрее. Истории известен случай, когда благодаря своей тактике и военному искусству скифская дружина во главе с царем Иданфирсом (конец VI в. до н.э.) разбила персидское шестисоттысячное войско царя Дария, который хотел завоевать весь мир. Не зря Геродот в V в. до н.э. отмечал: «Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; никто не может их настичь, если только они сами не допустят этого» [2. С. 98].

Истоки такой боевой доблести необходимо искать в изначальном военизированном воспитании скифов, запечатленном в их обычаях и традициях. Некоторые благодаря древним историкам (Геродот, Аристотель, Филарх) и путешественникам (Флавий, Анобий и др.), дошли до наших дней. Все они восхищались воинской мощью скифской армии. Так, по сообщению Плиния, «конница у скифов была самая лучшая и имела в бою первостепенное значение». «Лошади у скифов были хотя и невелики, – рассказывал Страбон, – но очень горячи и неукротимы». «В составе скифского войска центральное место отводилось конным лучникам, а лишь потом – пешим копейщикам», – отмечал Геродот» [3. С. 13].

В самом скифском царстве бытовала пословица: «Наш светлый день идет из колчана». Древнегреческий историк Филарх (III в. до н.э.), поясняет ее сущность так: «Все скифы перед отходом ко сну берут колчан и, если провели данный день успешно, – берут белый камень, если нет – черный. По кончине каждого лица выносили колчаны на могилу воина, и если белых камней оказывалось больше, то покойника прославляли как доблестного воина своего народа». Эти обычаи воспитывали доблесть воина, наполняли его содержанием выполненного воинского долга. Такой же пример приводит Аристотель в своей «Политике»: «…у скифов во время одного из праздников не позволялось пить круговую чашу тому, кто еще не убил ни одного воина». По свидетельству Анобия, «царю приносились скальпы всех врагов, погибших в бою, так как только под таким требованием доставления скальпа недруга на всеобщее обозрение скифу отводилась часть захваченной добычи. В противном случае скифы ничего не получали» [4. С. 181]. Благодаря такой непомерной воинственности Скифия в IV в. до н.э. вышла на гребень своего единства и могущества: этот период связан с многолетней деятельностью скифского царя Атея, боровшегося с Филиппом Македонским, отцом Александра Македонского.

Однако уже в III в. до н.э. скифская мощь начинает ослабевать, и этим воспользовались родственные ираноязычные племена – сарматы, родиной которых были степные районы Прикаспия и Приуралья. Они органично влились в скифское общество, преобразовав его, и вскоре Скифия получила название Сарматии. Сарматы продолжили боевое дело скифов, значительно усовершенствовав военное мастерство.

Вскоре сарматы стали объединять родственные по происхождению группы, среди которых основное ядро составляли аланы, что дает основание отнести их к особой социокультурной общности. Данный исторический факт подтверждает анализ греческих и латинских источников, которые, говоря о сарматах, особо выделяли алан, отмечая их воинственность, жестокость, чрезвычайную действенность их тяжелой кавалерии. В частности, конные войска, «катафракты», называемые также «контариями», в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья играли огромную роль в военной истории Византии, Рима и Азии. Аланы (осетины) стали преемниками скифов в языке, культуре, военном искусстве. Они вступили на историческую арену в I в. н.э. как суверенная сила, влиявшая на протяжении нескольких столетий на военную ситуацию не только в крае, но и на соседних с ним территориях от Западной Европы и Африки на западе до Китая на востоке.

Аланские племена обосновались почти на всей Предкавказской равнине, оттеснив аборигенных кавказоязычных насельников края в гористую местность. По наблюдениям путешественника П. Кесарийского, «…все земли, которые простираются от Кавказа до Каспия, занимали аланы» [5. С. 181]. В действительности же аланские земли простирались намного дальше: Аланское государство было расположено не только в горах и предгорьях Центрального Кавказа, но также и в степных районах – на востоке оно граничило с Хазарским каганатом, а на севере – с Половецкой степью.

Описывая аланские объединения как воинственный и кочевой народ, историк А. Марцеллин повествует

следующее: «…у них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Наибольшую заботу прилагают к уходу за лошадьми. Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позорным ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами. Им доставляют удовольствия опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками как выродков и трусов; они ничем не хвастают так, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу – покровителю стран, по которым они кочуют. Они не имеют никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения. В судьи и старейшины выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами» [6].

В 35–36 гг. аланы принимают активное участие в иберо-парфянской войне как союзники иберов, что производит неизгладимый эффект на современников событий. Но самым опустошительным было повторное вторжение алан в Закавказье в 72 г. Сильнейшему разорению подверглись Армения и северная Мидия. Властителем Армении в это время являлся Тиридат I. Собрав огромное войско, он сразился с аланами, но потерпел поражение от них и едва не попал в плен, а «…аланы, еще более разгоряченные вследствие битвы, разорили страну и воротились домой с огромным количеством пленных и иной добычи от обоих царств» [7. С. 11–12]. Этот факт явился одним из наиболее крупных событий на заре становления военной истории алан.

В римских источниках указывается, что в восточноримской и западноримской армиях аланские военачальники занимали достаточно высокие посты, играя большую роль и в политической жизни Рима и Византии. Как считает профессор В. Кузнецов, «…военные знания алан были весьма значительны и становились предметом заимствования римской армией» [8. С. 23]. Действительно, служба алан в Римской и Византийской армиях положительно влияла на развитие кавалерии. Самые лучшие кавалерийские качества римской конницы были привнесены аланами и другими кочевниками и вскоре стали предметом гордости. Высшим мерилом наездниче ских способностей римского императора стало сравнение его с аланами и гуннами.

После гуннского вторжения (V–VII вв.) у алан наиболее интенсивно происходит формирование своей народности. Однако по сравнению с античным временем племена находятся уже в несколько другом историко-географическом и культурно-хозяйственном положении. Если в воспоминаниях путешественников до V в. аланские союзы предстают кочевыми, то в означенное время они уже становятся оседлыми, что связано с ассимиляцией их кавказским этнокультурным сообществом. Этот процесс привел в итоге к появлению новой нации – осетин.

В VI в. северокавказские аланы были втянуты в длительные ирано-византийские войны, в которых они принимали участие то на стороне Ирана, то на стороне Византии. Ирано-византийские войны не прошли бесследно для военного дела алан. Накопление знаний в военном ремесле в дальнейшем сыграло значительную роль в борьбе с арабской экспансией. Одновременно с участием алан в ирано-византийских войнах им приходилось отражать нападения тюркских племен на собственной территории.

В IX в. у алан-осетин появляется свое государство, просуществовавшее до монгольского вторжения. Расцвет Алании приходится на X–XII вв. Столицей становится город Магас. Арабский географ X в. Ал Масуди отмечал: «Аланское царство являет собой нескончаемый ряд поселений, столь близких, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов» [9. С. 55]. Неизвестный автор XI в. дает такую характеристику Алании: «…страна, полная всяческих благ, есть в ней много золота и великолепных одежд, благородных коней и стального оружия, закаленного кровью пресмыкающихся, кольчуг и благородных камней» [10. С. 76]. Данные сообщения явно характеризуют культуру феодально-аристократической верхушки и военно-дружинной прослойки. Относительно богатые погребения, принадлежащие конным воинам-дружинникам, открыты в районе станиц Фельдмаршальской и Мартанчу (Чечено-Ингушетия), в селениях Чми, Балта, Кобан (Северная Осетия), Песчанка (Кабардино-Балкария), Мокрая балка и Эшкакон у г. Кисловодска. Большинство воинов захоронены с однолезвийными палашами или саблями, поясными наборами, стрелами. Судя по предметам вооружения и конского снаряжения, аланская конница была хорошо экипирована и отвечала последним требованиям своего времени. Общение и сотрудничество с хазарами, напряженная борьба с арабами способствовали подъему военного дела и быстрому распространению у алан новейших образцов вооружения, таких как изогнутая стальная сабля, седло жесткой конструкции с луком, стремена [11].

Экономическое процветание Алании усилило внимание к ней со стороны сопредельных стран, в первую очередь Византии. Под ее влиянием в конце IX – первой половине X в. происходит ряд войн между Аланией и Хазарией. Влияние Византии усиливается в X в., после принятия в Алании христианства. Из Алании набираются отряды в состав византийской армии, где аланы проявляют себя отличными воинами (битвы при Манцикерте, Никодимии, Филипполе и др.). Алания становится союзником и Грузии (в походе на Гандзу).

Военная сила Алании X–XII столетий многократно отмечалась свидетелями событий (Ал-Масуди, К. Цховреба и др.). Античные авторы описывают воинскую доблесть осетин, характеризуют их как суровых, диких, пылких, храбрых и вечно воинственных, при этом

подчеркивают их боевую силу, которая в отличие от других народностей не связывается напрямую с воинственностью, а скорее, с высоким военным профессионализмом, который учитывали знаменитые полководцы древности.

К XIII в. Великая Алания начала дробиться на мелкие княжества. По выражению монаха Юлиана, в стране «происходила постоянная война князя с князем, местечка с местечком. Во время пахоты все люди одного местечка отправляются вооруженными на поле, вместе косят на смежных участках и вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров или какой-либо другой работы, всегда идут вместе и вооруженными...» [12. С. 38].

Этой феодальной раздробленностью, подорвавшей военную структуру Алании, воспользовались дальние соседи алан-осетин. На Курултае 1235 г. чингисиды постановили начать завоевательный поход на далекий Запад, дабы «обрушить триумфальный меч на головы предводителей русских и ясских за то, что они посмели состязаться в боевом искусстве и оказали им сопротивление» (свидетельство персидского историка Вассафа (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази) [13. Д. 257. Л. 2–3].

Перейдя Ширванское ущелье, татаро-монголы вступили на территорию Северного Кавказа. Они перебили и ограбили много лезгин и прибыли к аланам, многочисленному народу. Вот так описывает военные действия алан арабский историк Ибн-ал-Асир: «Они (аланы) употребили все свое старание, собрали у себя кипчаков и сразились с ними (татарами). Ни одна из… сторон не одержала верха над другою. Тогда татары послали к кипчакам сказать: “Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру; и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежд, сколько хотите; оставьте нас с ними”. Уладилось дело между ними на деньгах… и кипчаки оставили их (алан). Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили…» [14. С. 25].

Но справедливости ради надо заметить, что монголы всегда уважали мужество своих соперников. Высшее командование по заслугам отметило боевую доблесть алан-осетин и стратегическую мудрость их военачальников. Они с большой выгодой для себя заключили с некоторыми аланскими вождями военный союз, в результате которого аланская кавалерия стала принимать участие в военных операциях монгольских ханов. Однако основная часть аланских воинов все же продолжила сопротивление. Гильом Рубрук, предпринявший путешествие в Карокорум (столицу монголов) в 1253–1255 гг. и неоднократно там встречавшийся с ясами (аланами), рассказал, что они «все еще борются против татар». Поэтому монголы вынуждены были содержать на их земле свои гарнизоны. «Аланы на этих горах все еще не покорены, – писал Рубрук. – Так что из каждого десятка людей Сартаха (сын и преемник хана Бату) двоим надлежало караулить ущелье, чтобы аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине…» [15. С. 169]. Преемник Берке хан Менгу-Тимур (1266–1280) решил покончить с сопротивлением алан, которые все еще сохраняли свою независимость. Он собрал войска и направил их в Аланию. «Славный ясский город Дедяков был взят штурмом 8 февраля 1278 г. О вторжении Тимура в Дигорию была создана и одна из проникновеннейших песен-плачей – “Задалесская нана” (“Задалесская мать”), поведавшая о героизме и почти полной гибели жителей Дигории. В ней поется:

…Над дигорской степью льет кровавый дождь,
Дождь кровавый льет над Дигорией…
Почернела зелень дигорских полей
От Тимура-Аксака железномордых волков.
Дигорскую плоскость окружили они
Крепче, тверже, плотней, чем железным
плетнем…» [16. С. 74].

Однако в дигорских преданиях выражена уверенность, что страна возродится, соберется с силами, «у Дигории ее счастье еще не пропало, и она одолеет войско Ахсак-Тимура».

Монгольское иго серьезно подорвало экономическое и военное могущество Алании. Значительно уменьшились этническая территория и население, были уничтожены или разрушены многие культурные памятники. Несмотря на ожесточенное сопротивление, аланы (осетины) были вытеснены с плодородной равнины в горы. Государство Алания фактически перестало существовать, однако оставшиеся в живых его жители долгое время продолжали противоборство и часто предпринимали дерзкие набеги на посты неприятеля. На Северном склоне возникло четыре осетинских объединения: Алагирское, Дигорское, Куртатинское, Тагаурское. Лишь после включения Осетии в Российскую империю (1774) народ смог вернуться на прежнее место обитания – равнину Предкавказья.

Грузинский историк Вахушти Багратиони (1695–1758) так охарактеризовал сложившуюся политическую и этническую ситуацию в центральной области Северокавказского края: «Во время же походов Чингизовых хаканов, особенно же Батыя и Орхана, разорялись и опустошались города и строения их (речь идет об аланах, по-грузински – овсов), и царство овсов превратилось в мтаврство – княжество, и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть страны их превратилась в пустыню... и с тех пор Овсетия стала называться Черкесией или Кабардой» [17. С. 153].

В 1395 г. край снова подвергся опустошительному погрому со стороны войска азиатского эмира Тимура (Тамерлана; 1336–1405). Одним из важнейших последствий данного разорения стали дальнейшее ослабление Золотой Орды, незадолго до этого уже потерпевшей серьезный разгром от русичей на Куликовом поле, и выделение из нее нескольких племенных объединений. Во вновь образованную Ногайскую орду совместно с монгольскими племенами вошла часть половецких (кипчакских) союзов, кочевавших до этого на обширной территории, простирающейся от Иртыша до владений Северного Кавказа. Превосходство в составе ногайцев тюркского компонента обусловило культурно-языковую ассимиляцию монголов, которые со временем совершенно растворились в тюркском обществе. Об этом факте неизвестный автор писал так:

«…они (монголы) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали, точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы поселились в земле кипчаков, вступили в брак с ними и остались жить в земле их» [18. С. 181].

XVI–XVIII столетия принесли новые испытания горцам Северного Кавказа. В это время край становится конструктом непрекращающейся экспансии султанской Турции и Крымского ханства. От вторжений последнего чаще всего страдали черкесские и кабардинские общества, занимавшие равнинные земли и вынужденные покупать свободу и суверенность тяжелой данью, откупаясь нередко «живым товаром» – своими дочерьми, сестрами, женами. Естественно, что турецко-иранская агрессия приводила к крайне напряженному положению в крае. В поисках поддержки в борьбе с крымцами адыгские владетели в середине XVI в. обратили свои взоры на Московское государство, границы которого к той поре придвинулись к Северному Предкавказью. В продолжение 1554–1557 гг. российское подданство приняли большинство адыгов, балкарцев, карачаевцев, абазин. Одновременно с северокавказскими аборигенами в состав Российской империи в 1574 г. вошли и ногайские племена.

Ко второй половине XVIII в. пределы Русского государства еще более расширились и приблизились вплотную к границам Северного Кавказа. Встал вопрос: под чью юрисдикцию пойдет край, чьи знамена изберут горцы. Кавказская проблема становится одной из ключевых в международной политике, так как помимо России, Турции и Персии на северокавказский регион стали претендовать Англия и Франция. Горцы поднялись на борьбу с иноземными захватчиками, надеясь на помощь России. Война становилась неизбежной.

В сентябре 1768 г. под нажимом Франции Блистательная Порта объявила войну России. Боевые действия начались в 1769 г. одновременно на Балканах, в Подолии, в Приазовье и на Кавказе. Параллельно с этим османы, прикрываясь религиозными лозунгами войны с неверными, пытались привлечь на свою сторону кавказские племена и подготовить из них силу против русских, для чего султан апеллировал ко всем мусульманам края с призывом быть послушными, покорными и всячески оказывать помощь войскам Крыма и Турции. По его указу на Северный Кавказ были отправлены агитаторы и эмиссары. «От турков, – сообщает современник, – разосланы еще недавно чиновные люди к Куба-хану, который Дербентом владеет и лезгинцев (горцев Дагестана) уговорит, чтоб и они вооружались против России в пользу Порты» [19. Д. 34. Л. 4].

Однако, несмотря на ведущуюся пропаганду, османам не удалось посеять среди большинства горцев антирусские настроения. Основной причиной краха султанской политики стало нежелание насельников края поддержать ее. В одном из документов того времени говорилось: «Черный люд о подданстве Крыму и слышать не желал» [20. Д. 58. Л. 3–8]. Напротив, горские народы изъявили желание встать под российский флаг, чему есть множественные подтверждения. Так, в архивных документах зафиксировано: «…все старшины и народ чеченский, надеясь на высочайшую Е.И.В. милость, решили состоять в прежней своей верности и данную присягу навсегда сохранять будут без нарушения… ежели настоящий владелец Росланбек Айдемиров на какие-либо продерзости поступит, то и его за владельца не считать и с ним сообщаться не будут» [21. Д. 48. Л. 1].

Кабардинские князья в большинстве своем сохраняли верность Империи. Только некоторые из них – Мирхо Бамат, Гайто Кайтуко, Джамбулат Бейтуганов и др. – были настроены протурецки. «Зато простые люди, – доносил толмач-переводчик, – ясно говорят, что ежели Кабарда покорится крымскому хану, они все против этого передадутся под протекторат России» [22. Д. 12. Л. 6]. На протяжении всей русско-турецкой войны (1768–1774) объединения с империей добивались и осетины.

Многочисленные народности Северного Кавказа не только словами, но и делами всячески старались доказать свою преданность Российской империи. Они оказывали посильную помощь русским войскам. О военных подвигах горцев ходили легенды. Например, при содействии ногайцев русские войска овладели крепостью Копыл; совместно с Кубанским казачьим корпусом проявляли чудеса храбрости на поле брани чеченские отряды; ингушское ополчение в составе грузинской армии активно участвовало в боевых действиях в Закавказье; осетины, вставши под российские знамена, заслужили хвалебные референции о ратных подвигах. Известный генерал И. Тутолмин так характеризовал последних: «…благодарю Господа за то, что тому полезно было сблизить меня с осетинами и под османскими пулями представить случай уважать их благородные и храбрые сердца» [23. Д. 117. Л. 13]. Русский военачальник был не одинок в своих суждениях. О воинской доблести осетин и других горцев говорили генералы М. Скобелев, П. Паренсов, полковник А. Берс и др. Художник М.С. Туганов отмечал, что горцы показывали чудеса храбрости не только в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., но и в японской и Первой мировой войнах. «Секрет храбрости горцев на войне состоит в том, что к этому их с детства готовила история их жизни», – делает вывод автор [24. С. 38].

Будучи разгромленной в 1774 г., Порта вынуждена была ратифицировать мирный договор, по которому Крым признавался «вольным и суверенным от любой власти». К Российской державе отходили земли Азова, крепостей Керчь и Ени-Кале, а также зона между Бугом и Днепром. Таким образом, народы Северного Кавказа получили возможность для самоопределения. И буквально в течение нескольких десятилетий все горцы выразили желание присоединиться к России. Вскоре Северный Кавказ официально был включен в состав Российского государства, что сыграло весьма положительную роль в духовном и материальном развитии его народов.

Добровольное вхождение Северного Кавказа в Россию принесло народам освобождение. Оно навсегда оградило их от грабительских нападений извне и положило конец посягательствам Турции и Ирана, что

позволило горцам перейти к мирной трудовой жизни. На этот факт указывал профессор С.А. Белокуров, когда писал, что «…на пути к нынешней цивилизации горцы Северного Кавказа испытали немало драматизма. Эти времена были героическими» [25. С. 223].

При этом мы не согласны с мнением публициста И.Д. Канукова (1852–1899), который, с одной стороны, приветствовал наступление цивилизаторской эры на Кавказе, а с другой, в связи с этим событием, – констатировал утрату горцами многих положительных качеств, в том числе их боевого мастерства: «…с умиротворением Кавказа характер горца резко переменяется. Храбрые джигиты уже сходят со сцены, уступая место своим сыновьям и внукам. Мир праху вашему, храбрые джигиты! Будьте вы в дзанаге (раю)! Вы как достойные сыны своего Отечества отстаивали свободу и неприкосновенность обычаев, завещанных вам отцами и дедами вашими, вы проливали свою кровь на каждом клочке земли, которую приходилось уступать врагам. Но – увы! Кровь ваша пролита напрасно: свобода и родина не спасены от могущественного напора цивилизации, которая принесла на Кавказ другую жизнь. Они уже не идут по вашим стопам. Из них не воспитываются храбрые до самоотверженности удальцы, из них выйдут честные, мирные граждане. Прежние учреждения теперь надобно предать забвению…» [26. С. 309–310].

Конечно, многое переменилось с той поры. Горцам уже не надо было бесконечно браться за оружие и совершать бранные подвиги, они перешли к мирной жизни. Но военное искусство с присущими ему чертами, складывающееся и оттачивающееся веками, не ушло в забвение, оно лишь видоизменилось. Примером может служить то, что все северокавказские этносы, связав судьбу свою с русским народом, принимали впоследствии самое активное участие в войнах России, защищая тем самым интересы общей Родины. Обладая чувством долга, врожденной любовью к боевому делу, отважные, бесстрашные горцы совершали беспримерные подвиги на полях сражений. Даже сейчас отмечается и ставится в пример другим народам горский менталитет, состоящий из выдержки, сдержанности, неукротимости духа кавказцев и желания незамедлительно прийти на помощь соседям.

Как видим, вся история бытования народов Северного Кавказа тесно переплелась с военным делом. В неспокойные времена непрерывного передела территорий горские этносы вынуждены были адаптироваться и подчиняться тем правилам, в которых они оказались под воздействием внешних факторов. В данном ракурсе все насельники Северного Кавказа подвергались тяжелым военным испытаниям многие столетия, так как в первую очередь становились объектом нападений многих завоевателей (Батый, Тимур и др.). Постоянная необходимость в защите своей земли побуждала горцев подчинить свой жизненный уклад целиком и полностью военному ремеслу, что не могло не сказаться на менталитете народов, их культуре. Горец не мыслился без войны и военных набегов. Именно при таких обстоятельствах возникла острая необходимость в совершенствовании боевого искусства, и потому вся духовная и материальная культура старожилов края вплоть до XIX в. сохраняла военизированную основу и была проникнута боевым духом.

Список источников

1. Услар П.К. Этнография Кавказа : в 6 т. Тифлис : Упр. Кавк. учеб. округа, 1887. Т. 1. 118 с.
2. Геродот. История : в 9 т. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 321 с.
3. Дзугаева М., Блейх Н. Военно-рыцарское воспитание северокавказских народов. Владикавказ : Сев.-Осетин. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова., 2007. 213 с.
4. Блейх Н.О. Причины возникновения и трансформации военной демократии у народов Северного Кавказа // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 181–189. doi: 10.7256/2409-868X.2016.5.19705
5. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 231 с.
6. Марцеллин А. История // Вестник древней истории. 1949. № 3. С. 305–312.
7. Древний Кавказ. Воспоминания путешествующих. М., 1834. 642 с.
8. Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе : Ир, 1971. 342 с.
9. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМК. 1908. Вып. 38. 341 с.
10. История анонимного повествователя : Псевдо-Шапух Багратуни / пер. с. древнеарм., предисл. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян; отв. ред. К.А. Мелик-Оганджанян. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1971. 265 с.
11. Блейх Н.О. Основы материальной культуры горцев военного времени (оружие и оборонительные сооружения) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 455–460.
12. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.–Л., 1940. Т. 3. С. 38–43.
13. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161/4. Д. 257.
14. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией : в 12 т. Тифлис : тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1867. Т. XI. 1116 с.
15. Рубрук В. Путешествие в Восточные страны. М. : Географгиз, 1957. 236 с.
16. Каганкатваци М. История Алан. СПб. : тип. Акад. наук, 1861. 213 с.
17. Багратиони В. География Грузия // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. 456 с.
18. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. : изд. гр. С.Г. Строганова, 1884. Т. 1. 213 с.
19. Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 1. Д. 34.
20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1406. Д. 58.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Д. 48.
22. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. 6. Д. 12.
23. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 56. Д. 117.
24. Туганов М. Сборник научных статей. Цхинвали : Ирыстон, 1986. 423 с.
25. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М. : Унив. тип., 1889. Кн. 3. 234 с.
26. Кануков И.Д. Рассказы, очерки и публицистика. Орджоникидзе : Ир, 1985. 423 с.

References

1. Uslar, P.K. (1887) *Etnografiya Kavkaza* [Ethnography of the Caucasus]. Vol. 1. Tiflis: Upr. Kavk. ucheb. Okruga.
2. Herodotus. (1972) *Istoriya* [History]. Leningrad: Nauka.
3. Dzugaeva, M. & Bleykh, N. (2007) *Voenno-rytsarskoe vospitanie severokavkazskikh narodov* [Military and knightly education of the North Caucasian peoples]. Vladikavkaz: North Ossetian State University.
4. Bleikh, N.O. (2016) The causes of emergence and transformation of military democracy among the nations of North Caucasus. *Genesis: istoricheskie issledovaniya – Genesis: Historical Research*. 5. pp. 181–189. (In Russian). DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.19705
5. Procopius of Caesarea. (1950) *Voyna s gotami* [War with the Goths]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
6. Martsellin, A. (1949) Istoriya [History]. *Vestnik drevney istorii*. 3. pp. 305–312.
7. *Drevniy Kavkaz. Vospominaniya puteshestvuyushchikh* [Ancient Caucasus. Memories of Travelers]. Moscow: [s.n.].
8. Kuznetsov, V.A. (1971) *Alaniya v X–XIII vv.* [Alania in the 10th – 13th centuries]. Ordzhonikidze: Ir.
9. Karaulov, N.A. (1908) Svedeniya arabskikh geografov IX–X vv. o Kavkaze, Armenii i Azerbaydzhane [Information of Arab geographers of the 9th–10th centuries about the Caucasus, Armenia, and Azerbaijan]. *SMOMK*. 38.
10. Melik-Ogandzhanyan, K.A. (1971) *Istoriya anonimnogo povestvovatelya: Psevdo-Shapukh Bagratuni* [History of the anonymous narrator: Pseudo-Shapukh Bagratuni]. Translated from Ancient Armenian by M.O. Darbinyan-Melikyan. Erevan: ArmSSR Academy of Sciences.
11. Bleikh, N.O. (2016) Osnovy material'noy kul'tury gortsev voennogo vremeni (oruzhie i oboronitel'nye sooruzheniya) [Fundamentals of the material culture of the wartime highlanders (weapons and defensive structures)]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 4. pp. 455–460.
12. Anninsky, S.A. (1940) Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh i Vostochnoy Evrope [News of the Hungarian missionaries of the 13th – 14th centuries about the Tatars and Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv*. 3. pp. 38–43.
13. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 161/4. File 257.
14. Berger, A.P. & Kobyakov, D.A. (1867) *Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiey* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. 11. Tiflis: Viceroy of the Caucasus Typography.
15. Rubrouck, G. de (1957) *Puteshestvie v Vostochnye strany* [Journey to Eastern Countries]. Translated from French. Moscow: Geografgiz.
16. Kagankatvatsi, M. (1861) *Istoriya Alan* [History of the Alan]. St. Petersburg: Academy of Sciences.
17. Bagrationi, V. (1904) Geografiya Gruzii [Geography of Georgia]. *Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchest*va. 24(5).
18. Tizengauzen, V. (1884) *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. Vol. 1. St. Petersburg: S.G. Stroganov.
19. The Manuscript Collection of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (RF IIAE DNTs RAN). Fund 1. File 34.
20. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1406. File 58.
21. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 846. File 48.
22. The Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic (TsGA KBR). Fund 6. File 12.
23. The Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). Fund 56. File 117.
24. Tuganov, M. (1986) *Sbornik nauchnykh statey* [Collection of Scientific Articles]. Tskhinvali: Iryston.
25. Belokurov, S.A. (1889) *Snosheniya Rossii s Kavkazom* [Relations between Russia and the Caucasus]. Vol. 3. Moscow: Univ. tip.
26. Kanukov, I.D. (1985) *Rasskazy, ocherki i publitsistika* [Stories, essays, and journalism]. Ordzhonikidze: Ir.

***Сведения об авторе*:**
Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ, Россия). E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Bleikh Nadezhda O. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Psychology Department of the Psychological and Pedagogical Faculty, Kosta Levanovich Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: nadezhda-blejjkh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2018; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 15.07.2018; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 94:632.15(47)“1800/1917”
doi: 10.17223/19988613/79/4

«Право небогатых людей на неотравленные воздух и воду»: городское самоуправление в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской России

Андрей Владиславович Виноградов[1], Анна Борисовна Агафонова[2], Иван Игоревич Манцеров[3]

[1] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, AndreiVinogradov@gmail.com
[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, a.b.agafonova@gmail.com
[3] Российский государственный архив литературы и искусства, Москва, Россия, ivan-mancerov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль городских дум в становлении контроля над промышленным загрязнением в России позднеимперского периода. Показано, какие механизмы использовало городское самоуправление для решения санитарных проблем и какова была практика его взаимодействия с центральными и региональными властями. На основании анализа наиболее заметных конфликтов в этой области делается вывод, что местное самоуправление сыграло важнейшую роль в становлении российской экологической политики, однако эта роль значительно варьировала в зависимости от экономических, культурных и социальных особенностей регионов.
Ключевые слова: городское самоуправление, промышленное загрязнение, экологическая история, Российская империя

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Виноградов А.В., Агафонова А.Б., Манцеров И.И. «Право небогатых людей на неотравленные воздух и воду»: городское самоуправление в борьбе с промышленным загрязнением в позднеимперской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 34–43. doi: 10.17223/19988613/79/4

Original article

“The right of the poor to unpoisoned air and water”: urban self-government in the fight against industrial pollution in late imperial Russia

Andrei V. Vinogradov[1], Anna B. Agafonova[2], Ivan I. Mantserov[3]

[1] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, AndreiVinogradov@gmail.com
[2] National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, a.b.agafonova@gmail.com
[3] Russian State Archive of Literature and Art, Moscow, Russian Federation, ivan-mancerov@mail.ru

Abstract. The article deals with the activities of the urban self-government in the struggle with industrial pollution in the late Russian Empire. What mechanisms did it have at its disposal to oppose powerful industrialists and defend the interests of townspeople? Could townspeople, in turn, rely on the assistance of the city *dumas* to fight for their right to breathe clean air and drink clean water? Similar studies are quite common in foreign historiography of environmental history, but the Russian experience remains unclaimed.

Based on the documentation of the city dumas, provincial boards, and higher departments of the Russian Empire, the authors examine the questions raised through several case studies. The confrontation between Kazan citizens and the Association of Chemical Factories “Ushkov and Company” shows that not always the state and local government acted as counterparts: constructive cooperation between them was possible, but systematic control over the sanitary condition of factories was not feasible without the appropriate efforts of the provincial administration. An example of a strong urban community and its potential to oppose powerful industrialists is shown in Tver: here, for several decades, the Duma supported litigations against the dumping of toxic waste into the Tmaka river and obtained two precedent-setting court decisions. But in the territories where big industry occupied a large share of the economy, such as Ivanovo-Voznesensk, the Urals, and Baku region, the situation could be opposite. Often the state and regional authorities demanded greater sanitary control, while the city council defended the interests of producers. This was particularly the case in Baku, where

© А.В. Виноградов, А.Б. Агафонова, И.И. Манцеров, 2022

the Viceroy of the Caucasus decided to demolish all oil refineries and to build them outside the city limits, and the council was composed predominantly of representatives of industrial circles. Contemporaries from Ivanovo-Voznesensk and the Urals described pollution problems as very typical and habitual, and as such they rarely caused protests of the local population.

The authors conclude that the urban reform was an important stage in the formation of Russian environmental policy: it created a public space for discussion, including sanitary issues, a dialogue between urban communities and the state power. Nevertheless, the role of city councils in the fight against pollution depended to a large extent on the social order and economic conditions prevailing in individual regions.

Keywords: urban self-government, industrial pollution, environmental history, Russian Empire

Acknowledgements: The research was supported by grant from the Russian Government, project No. 075-15-2021-611 "Human in the Changing Space of the Urals and Siberia".

For citation: Vinogradov, A.V., Agafonova, A.B., Mancerov, I.I. (2022) "The right of the poor to unpoisoned air and water": urban self-government in the fight against industrial pollution in late imperial Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 34–43. doi: 10.17223/19988613/79/4

Введение

В 1915 г. Матвей Григорьевич Диканский, один из первых в Российской империи теоретиков градостроительства, писал: «...Необычайный и стремительный рост городов застал русские городские самоуправления совершенно неподготовленными. Несовершенство или, вернее, полное отсутствие строительных правил имело своим последствием спешную и хаотическую застройку городской территории при полном безучастии органов самоуправления. Несдерживаемое никакими ограничительными нормами, частное строительство, в полном пренебрежении к интересам общественным, приняло стихийныя формы и до крайности ухудшило наше городское благоустройство» [1. С. 17–18]. Хотя Диканский придавал большое значение эстетической составляющей строительства в городах, он признавал, что гораздо более серьезным следствием стихийной частной застройки была угроза здоровью горожан: хаотично расположенные жилые кварталы, заводы и фабрики приводили к тому, что люди часто страдали от инфекционных заболеваний и токсичных промышленных отходов. Городское самоуправление было одной из немногих сил, которая могла бы противопоставить интересам частных собственников и промышленников интересы городского сообщества.

В эпоху индустриализации XIX в. промышленное загрязнение было одной из самых насущных проблем в крупных российских городах. В отличие от бытового загрязнения, которое стало привычной проблемой задолго до промышленного переворота, влияние токсичных заводских отходов на здоровье человека и окружающую среду было еще недостаточно изученным и слабо поддавалось регулированию. Сточные воды заводов и фабрик были неотъемлемым следствием той выгоды, которую получали в процессе производства владельцы промышленных предприятий, а также региональные власти, взымавшие с них налоги. В этой связи решение проблем промышленного загрязнения требовало коллективных действий значительного количества горожан, а городское самоуправление, как справедливо отмечал Диканский, было одной из немногих сил, способных обеспечить и направить подобные действия.

Несмотря на то, что загрязнение окружающей среды промышленными отходами часто воспринимается как проблема, свойственная исключительно современности или недавнему прошлому, в действительности оно имеет богатую историю, уходящую корнями в эпоху промышленного переворота. История борьбы с загрязнением воды и воздуха промышленными предприятиями стала популярной темой в зарубежной историографии экологической истории: так, Томас Ле Ру рассматривал Париж конца XVIII – начала XIX в. как «лабораторию промышленного загрязнения» [2], а британский исследователь Стивен Мосли исследовал схожую проблематику на примере Манчестера – «мировой трубы» [3]. Выстраивая свои исследования вокруг крупных городов, европейские историки зачастую сосредоточивались на процессах «онаучивания» [4] и «институционализации» [5] загрязнения, которые были тесно друг с другом взаимосвязаны. Научное знание, которое давало возможность воздействовать на токсичные отходы и нейтрализовывать их, должно было найти эффективное применение в практике определенных институтов, без чего борьба с загрязнением не могла быть эффективной. Часто эти институты создавались на национальном уровне, однако практики и принципы, заложенные в их основу, произрастали из локальных конфликтов, значительная роль в которых принадлежала городскому самоуправлению.

На сегодняшний день существует значительный объем литературы, посвященной борьбе с загрязнением окружающей среды в советской истории: российские и зарубежные исследователи рассматривали ее в контексте реализации пятилетних планов и масштабных проектов советской власти [6, 7], добычи полезных ископаемых и материальной истории [8, 9]. Дореволюционный период в этой связи получил существенно меньше внимания: редким исключением являются работы А. Мазаник, Г.Ю. Афанасьева и в особенности А.Б. Агафоновой, подробно рассмотревшей санитарную деятельность городских дум в Вологодской и Новгородской губерниях [10–12].

Цель настоящей статьи – проанализировать возможности городского самоуправления позднеимперской России в борьбе с промышленным загрязнением

окружающей среды в широком национальном контексте. Какие механизмы оно имело в своем распоряжении, чтобы противостоять влиятельным промышленникам в интересах горожан? Могли ли горожане, в свою очередь, рассчитывать на содействие со стороны городских дум в борьбе за свое право дышать чистым воздухом и пить чистую воду? Чтобы ответить на эти вопросы, мы проанализируем несколько ключевых кейсов, по-разному раскрывающих деятельность городских дум в процессе решения санитарных конфликтов в различных регионах Российской империи.

Санитарные вопросы в практике деятельности местного самоуправления в Российской империи

В ведении органов местного самоуправления, в соответствии с российским законодательством, находились вопросы размещения и надзора за санитарным состоянием промышленных предприятий. Городские промышленные заведения по степени влияния на здоровье рабочих и населения были разделены на две категории: «совершенно безвредные» и «вредные». Решение об открытии того или иного «безвредного» производства принимали городские управы, в то время как решение о строительстве заведений, вредных для здоровья и общественной безопасности, оставалось за губернским начальством. Последняя категория включала в себя заведения, которые загрязняли воздух, водоемы и почву, были пожароопасными или издавали шум. Открытие таких производств в городах либо категорически воспрещалось, либо могло быть разрешено при использовании промышленниками технологических приспособлений, позволявших сократить вредное воздействие [13. С. 131]. Список заведений, устройство которых выходило за компетенции городского общественного управления, ежегодно издавался министром внутренних дел по согласованию с министрами финансов и путей сообщения [14. Ст. 70].

Городская реформа 1870 г. передала в ведение городских дум и управ вопросы внешнего благоустройства городской среды, в том числе право издавать обязательные постановления по охране общественного здоровья, куда, по усмотрению городских дум, могли входить правила содержания промышленных заведений [15. С. 153]. Данные постановления составлялись городскими думами по согласованию с начальником местного полицейского управления; такой же порядок предусматривался и для их пересмотра [Там же. Ст. 104. С. 183]. Наблюдение за точным исполнением постановлений возлагалось на городскую полицию, которая обязывалась докладывать обо всех замеченных нарушениях городскому общественному управлению. Мера наказания за нарушение постановлений устанавливалась в соответствии с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а возбуждение судебного преследования и обличение виновных перед судом предоставлялись органам городского управления наравне с административными властями [Там же. Ст. 109–110. С. 186–188]. С 1879 г. городские думы получили право издавать постановления о переносе вновь открываемых фабрик за городскую черту, а уже действующие промышленные заведения могли быть перенесены на новое место по решению губернского начальства и министра внутренних дел. Городовое положение 1892 г. предписало включить в перечень обязательных постановлений городских дум правила об устройстве и порядке содержания «в санитарном отношении фабричных и ремесленных заведений, бань и боен» [16. С. 144–145], а также ставило деятельность органов городского управления под жесткий контроль со стороны губернатора [Там же. С. 7–8]. Городовые положения 1870 и 1892 гг. способствовали законодательному закреплению приоритета коллективной безопасности и охраны общественного здоровья над правом частной собственности, поскольку предоставили право органам городского управления следить за санитарным состоянием не только казенных помещений и территории, но и частных домовладений, торговых и промышленных заведений.

Как показало исследование А.В. Погожева, обязательные постановления об удалении и хранении отходов производства, а также о воспрещении загрязнения водоемов промышленными стоками в большинстве случаев содержали формальные запреты на загрязнение воздуха, воды и почвы промышленными отходами без указания конкретных производств, условий и способов наложения запретов [17. С. 11]. В отношении размещения и утилизации отходов зачастую указывались способы удаления, хранения и дезинфекции, иногда – расстояние между свалками и жилыми домами, а также водоемами. Помимо этого, А.В. Погожев отметил, что зачастую вводились ограничения на открытие в городах складов тряпья, костей и кож, кожевенных, овчинных, салотопенных и клееваренных заводов, а также производств, которые «загрязняют или портят воздух и воду» [Там же. С. 12]. В большинстве городов наиболее подробные требования устанавливались к устройству скотобоен, вымачиванию кож и полосканию окрашенных изделий, что было обусловлено тем, что загрязнение окружающей среды от этих производств было заметно, а сами производства были повсеместно распространены и долгие годы не меняли свой технологический процесс.

Что касается исполнения обязательных постановлений, то контроль за этим, по оценке А.В. Погожева, осуществлялся повсеместно в рамках общего врачебно-санитарного надзора [Там же. С. 13]. Практически всегда исполнялись постановления, касавшиеся расположения промышленных заведений, поскольку в случае выявления нарушения владелец был обязан снести заведение за свой счет, в то время как вопросы, касавшиеся ограничения промышленного загрязнения, зачастую либо слабо контролировались, либо сопровождались затяжными тяжбами между промышленниками и органами городского управления.

Казанская городская дума и Товарищество химических заводов «Ушков и Компания»

Длительные судебные разбирательства между Казанской городской думой и химическим заводом Товарищества «Ушков и Компания» стали одним из наиболее заметных случаев противостояния городского сообще-

ства и промышленников в позднеимперской России. Конфликт начался в 1893 г., когда Товарищество начало строительство нового предприятия по производству сульфата натрия на окраине города: уже осведомленные о неблагоприятной санитарной обстановке на других заводах Товарищества, горожане просили министра внутренних дел И.В. Дурново отменить разрешение на строительство. Тем не менее, благодаря заступничеству Д.И. Менделеева, строительство было разрешено, и в 1894 г. завод начал свою работу [18. Л. 3].

Отправной точкой конфликта стала жалоба, поданная горожанами в Казанскую городскую управу летом 1900 г. На ее основании созданная в рамках Управы Санитарная комиссия провела осмотр завода и выяснила, что Товарищество вышло далеко за рамки того производства, которое было разрешено приказом министра внутренних дел. Новые, нелегальные производственные линии были крайне опасны как для окружающей среды, так и для здоровья людей: токсичные газы, попадавшие в воздух через трубы и отверстия в печах, при соприкосновении с водой приводили к образованию соляной кислоты, которая разрушала и живые ткани, и имущество местных жителей [19. Л. 57]. Члены комиссии обнаружили, что деревья в расположенном недалеко от завода лесу потеряли листья, как и яблони в садах горожан, в то время как сами хозяева садов страдали от кашля и рези в глазах. Выслушав результаты работы комиссии, Казанская городская дума приняла решение ходатайствовать перед губернатором о закрытии всех производственных цехов, помимо сульфатного.

Первоначально встав на сторону городской думы, губернатор удовлетворил ее ходатайство, однако вскоре изменил свое мнение на противоположное. Год спустя, летом 1901 г., он уведомил думу, что Строительное отделение Казанского губернского правления организовало осмотр завода и удостоверилось, что его владельцы приняли все необходимые по закону меры для сокращения вреда. В ответ на замечание со стороны гласных думы о том, что местные жители не видят никаких позитивных изменений, губернатор отказался пересматривать свое решение и предложил подать апелляцию в Министерство внутренних дел и Правительствующий Сенат.

Случай Казанской городской думы показывает, что взаимодействие между городским самоуправлением и высшими ведомствами Российской империи действительно могло быть продуктивным. Несмотря на то, что рассмотрение апелляций заняло длительное время (решение было получено от МВД только в 1906 г.), обе инстанции поддержали гласных думы и признали решение Казанского губернского правления недопустимым. Губернатору было предписано пересмотреть его и выпустить новое решение, приняв во внимание требования горожан и санитарного законодательства тех лет.

Постановление Правительствующего Сената было выполнено крайне формально: губернатор действительно выпустил новое распоряжение относительно завода, что от него и ожидалось, но это не решило проблем горожан. Комиссия Строительного отделения потребовала от заводской администрации устранить имеющиеся санитарные нарушения, а затем провела очередную проверку, которая показала, что химическое производство соответствует всем необходимым требованиям. Представители Городской думы и местные жители вновь не были допущены к проведению осмотров на заводе, так как с юридической точки зрения их участие в них не являлось обязательным.

Несмотря на отказ промышленников вступать в диалог с городским сообществом и протекционистскую позицию губернской администрации, Городская дума продолжала вести затянувшиеся судебные разбирательства. В 1908 г. она отправила очередные апелляции в Правительствующий Сенат и Министерство внутренних дел. Итог их рассмотрения был вновь положительным: Сенат постановил отменить распоряжение Губернского правления о разрешении химического производства, а Медицинский совет МВД распорядился установить контроль за санитарным состоянием предприятия, который должен был выявить его влияние на здоровье людей и окружающую среду. Однако центром ответственности за исполнение всех этих предписаний вновь оставалось Губернское правление: ни закон, ни распоряжения высших ведомств не устанавливали, что представлял собой «вред», кто и как должен был его измерять, как и в какие сроки он должен был быть устранен.

На протяжении года завод находился под наблюдением двух экспертов, один из которых был нанят Городской думой, а другой – Губернским правлением. Эксперты ожидаемо пришли к противоположным выводам о санитарном состоянии предприятия. Интересно, что сторона «защиты» не отрицала факт повышенной заболеваемости населения вокруг завода, которое до двух раз чаще страдало от болезней легких и глаз [20. Л. 49], но призывала искать другие его причины, продолжая резервировать за собой право доступа на завод. Закономерно, что Строительное отделение Губернского правления заняло сторону эксперта, лояльного к промышленникам, и таким образом постановления вышестоящих инстанций были вновь исполнены формально.

У противостояния между Казанской городской думой и Товариществом «Ушков и Компания» не было логического завершения: предприятие прекратило свое существование в 1917 г., но не в результате революционных событий, а вследствие пожара, известного как «Казанская катастрофа». Разрушения были настолько существенные, что национализацию и восстановление завода новая власть сочла невозможной.

Тверская городская дума и Товарищество Тверской мануфактуры

Еще одним показательным процессом, связанным с противодействием феномену промышленного загрязнения силами городских властей в позднеимперской России, было противостояние фабричной администрации Товарищества Тверской мануфактуры и Тверской городской думы во второй половине XIX – начале XX в. Начавшись после основания текстильной фабрики на берегу р. Тьмаки в 1858 г. [21. Л. 1], данный конфликт

в определенный момент стал важным прецедентным процессом и вовлек в себя в качестве акторов представителей высших ведомств, а также ведущих экспертов в сфере химической науки и гигиены.

Несмотря на то, что появление красильной фабрики на берегу Тьмаки противоречило действовавшим положениям законодательства [22. С. 814–815], фабрикантам Сидору Шибаеву, Викуле Митюшину и Василию Бушмарину удалось получить соответствующее разрешение ввиду удаленности производства от населенных районов и соблюдения противопожарных требований. Однако окрестное население сразу стало ощущать санитарные последствия работы фабрики, выкупленной Морозовыми. Производство на Тверской мануфактуре предусматривало полный цикл работ, включавший изготовление, отбеливание, окрашивание и промывку изделий с использованием токсичных веществ, в числе которых применялись соединения хрома и мышьяка, тяжелые металлы и их оксиды (свинец, медь), соляная кислота. Местное население, привыкшее использовать речную воду в быту, стало испытывать проблемы со здоровьем: употребление тьмакской воды часто вызывало диарею, рвоту, боль в желудке. Пропорционально росту территории Морозовской фабрики увеличивался и объем неочищенных сточных вод, попадавших в Тьмаку.

Конфликт находился в спящей стадии вплоть до начала 1870-х гг., когда первые шаги в борьбе с промышленным загрязнением были предприняты вновь образованной Тверской городской думой, в сферу компетенции которой входило обеспечение равного доступа к водным ресурсам региона [21. Л. 27 об.].

Меры городских властей Твери в борьбе с загрязнением Тьмаки поначалу выглядели малоэффективными. В 1871 г. по инициативе думы был организован комитет для исследования качества вод Тьмаки, а в 1875 г. – комиссия для выработки мер по борьбе с загрязнением при Тверском губернском правлении, однако значимого эффекта их деятельность не возымела.

После этого был предпринят ряд попыток доказать виновность фабрикантов посредством проведения анализа проб речной воды в 1874 и 1878 гг. в Медицинском Совете МВД; данный шаг стал значимой предпосылкой к широкому привлечению экспертов в рамках подобных разбирательств, однако в связи с невысоким уровнем развитости диагностики загрязнения воды желаемых результатов получить не удалось. В соответствии с заключением экспертов Медицинского Совета МВД, в пробах «не выявлено вредных минеральных веществ» [Там же. Л. 2 об.]. Усилиями городского полицмейстера также была предпринята попытка привлечь фабрикантов к ответственности в соответствии со ст. 83 Уложения о наказаниях, однако успехом она не увенчалась [23. С. 411].

В середине 1870-х гг. промышленники от игнорирования усилий городских властей перешли к переговорам с Городской думой по вопросам устройства отвода стоков в Волгу ниже города и строительства водопровода в Затьмацкой части Твери за счет фабрики в обмен на отказ от претензий со стороны города. Позиция Тверской городской думы была принципиальной, а потому от предложения единоразовой выплаты в размере 30 тыс. руб. было решено отказаться [21. Л. 2]. Новый виток борьбы стартовал в 1879 г., когда усилиями думы был инициирован судебный процесс в отношении Морозовской фабрики, а уже 5 октября 1881 г. постановлением мирового суда был введен запрет на спуск неочищенных сточных вод в Тьмаку [24. Л. 1].

С начала 1880-х гг. в разбирательствах между городскими властями и фабрикой Товарищества Тверской мануфактуры обозначился новый этап. Ограничение деятельности фабрики угрозой перекрытия сточных труб было беспрецедентным явлением, всколыхнувшим промышленный мир, и придало «водяным недоразумениям» [Там же. Л. 2] широкий резонанс.

После подачи апелляции в отношении решения суда и привлечения к процессу в 1882 г. представителей Медицинского Совета МВД в лице докторов химии А.В. Пеля и В.В. Марковникова, а также директора Технологического института Н.П. Ильина, была проведена экспертиза тьмакской воды с целью поиска ответов на вопросы о ее соответствии гигиеническим требованиям, а также об источниках ее загрязнения. Несмотря на то, что жалобы на порчу речной воды в Затьмачье участились именно с момента возникновения Морозовской фабрики, эксперты единогласно признали город основным виновником загрязнения Тьмаки и встали на сторону промышленников. В письме министра МВД графа Д.А. Толстого в адрес тверского губернатора от 15 ноября 1882 г. [21. Л. 21–23] признавалось, что стоки фабричных труб загрязняют Тьмаку лишь на незначительном участке реки до Мельничного моста, в то время как общая негодность тьмакской воды обеспечивается стоками городских бань, свалок и огородов.

Санитарная комиссия города, образованная по инициативе Тверского губернского правления и Тверской городской думы, не сумела убедить экспертов в обратном, а потому несколько лет спустя, в 1887 г., с Морозовской фабрики был снят ранее наложенный запрет.

Поражение городского самоуправления на данном этапе не стало финальной точкой разбирательств. Многолетние тяжбы и участие экспертов позволили стороне обвинения понять, что для завершения конфликта в пользу города необходимы надежная законодательная опора и установленные критерии «вредности» сточных вод.

В период 1887–1902 гг. громких судебных процессов между городом и фабрикой не происходило. В то же время введение в законодательную практику ст. 111 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» сыграло значимую роль в дальнейших тяжбах. Указанная статья предполагала введение меры наказания в виде ареста на срок до трех месяцев в случае, если обвиняемая сторона допустила порчу воды, повлекшую за собой загрязнение общественного водоема [24. Л. 1–2].

Долгая и упорная борьба, которую вела Тверская городская дума против Морозовской фабрики, в 1910 г. подошла к завершению. Во многом это стало возможным благодаря гигиенисту Г.В. Хлопину – именно его

усилиями в 1907 г. были созданы «Санитарные требования» для сточных вод фабрик и заводов. Несмотря на их противоречивость, при отсутствии альтернативы Министерство внутренних дел рекомендовало придерживаться именно их. Данные требования включали в себя ряд показателей пригодности вод общественных водоемов, среди которых упоминаются бесцветность, отсутствие запаха и выраженного привкуса, а также «вредных металлов и металлоидов» в составе воды [24. Л. 9].

Тверская городская дума 12 августа 1908 г. издала постановление, согласно которому сточные воды Морозовской фабрики должны соответствовать «Санитарным требованиям», – до тех пор спуск фабричных нечистот был запрещен [21. Л. 4]. Несмотря на то, что обозначенные требования были рекомендательными независимо от местных условий функционирования многочисленных заводов империи, какой-либо инстанции, уполномоченной предоставить промышленникам информацию о возможных путях достижения параметров, определенных «требованиями», не существовало.

В таких условиях судьба Тверской мануфактуры была очевидной: в марте 1910 г. Тверской Окружной суд осудил фабричных управляющих Д.Н. Попова и И.И. Кузнецова по ст.ст. 26, 29, 102 и 111 Мирового устава из-за допущения ими спуска неочищенных стоков и нарушения предписаний Тверской городской думы. Суд приговорил обвиняемых к аресту в земском арестном доме на срок 1 и 2 месяца. Принимавшая активное участие в работе суда экспертная комиссия составила обязательный для реализации перечень рекомендаций по установке очистных сооружений на фабрике в летний строительный период.

Многолетние усилия городского самоуправления Твери увенчались успехом, а вынесенный Тверским Окружным судом приговор шокировал представителей промышленных кругов – ранее случаев осуждения фабрикантов по санитарным статьям в Российской империи не происходило. Резонанс данного постановления вынудил промышленников Московского промышленного района встать на путь поиска компромисса. Итогом этого стало образование в соответствии с указом Николая II от 12 июля 1911 г. «Временного комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов» [25. Л. 1], в задачи которого входило исследование общественных водоемов на вверенных территориях и консультирование фабрикантов по вопросам устройства очистных сооружений, способных обеспечить эффективную очистку стоков в соответствии с местными условиями [26. С. 5]. После первых пяти лет работы Временный комитет продолжил свою деятельность, а в 1919 г. был реорганизован в Центрводоохран, постепенно распространяя деятельность и за пределы Московского промышленного района.

Тверской кейс стал наиболее резонансным в ряду ему подобных. В условиях паритета сил управления Морозовской фабрики и Тверской городской думы и отсутствия готовых паттернов преодоления подобных разногласий судебные разбирательства по вопросу порчи вод Тьмаки стали площадкой для выработки мер противодействия феномену загрязнения в имперском масштабе. Формальное завершение конфликта в 1910 г. тем не менее не могло сказаться положительно на состоянии Тьмаки: десятилетия нерегулируемого стока привели к тому, что река перестала замерзать зимой [24. Л. 22 об., 23] и перешла в категорию так называемых «промышленных рек», состояние которых определялось не естественными процессами, а деятельностью промышленных предприятий. Несмотря на это, рассмотренный конфликт сыграл важную роль в возникновении Временного комитета, внесшего вклад в установление контроля над промышленным загрязнением водоемов в позднеимперской России.

Городское самоуправление и загрязнение окружающей среды в промышленных регионах

Чтобы рассмотреть деятельность городских дум по борьбе с промышленным загрязнением, необходимо уделить внимание не только тем центрам, где местные сообщества были особенно сильны (как в Казани и Твери), но и промышленным регионам, ситуация в которых могла значительно отличаться. Многое зависело от состава местных элит, которые получали большинство в городских думах: если представители местной аристократии, ученые и врачи были не особенно решительно настроены против загрязнения, то промышленники, которые также участвовали в деятельности представительных органов и нередко получали в них большинство мест, ожидаемо отстаивали интересы индустриальных кругов.

В позднеимперский период в России сложилось несколько крупных индустриальных районов: в частности, добыча полезных ископаемых активно велась на Урале и Апшеронском полуострове, а на севере Европейской России развивалось текстильное производство, одним из крупных центров которой стал Иваново-Вознесенск. Развитие промышленности значительно трансформировало городские сообщества на перечисленных территориях и повлияло на политику местного городского самоуправления.

Хотя проблема загрязнения в крупных промышленных центрах стояла более остро, она редко становилась предметом широкого обсуждения. Причины такого положения дел ясны из переписки между жителями Иваново-Вознесенска, Владимирским губернатором и Министерством внутренних дел, состоявшейся в 1901 г. В своем письме, адресованном МВД, местный житель жаловался на плачевное состояние водоемов вследствие спуска в них фабричных сточных вод: «Я, житель Ковровского уезда по реке Уводи, осмелюсь сказать о совершенном уничтожении рыбы в этой реке благодаря фабрикам в г. Иваново-Вознесенске… Река Уводь, впадающая около Коврова в Клязьму, отличалась таким изобилием рыб: лещей, язей и сомов, даже судаков, что остались одни баснословные воспоминания. Причиной тому послужили фабрики г. Иванова и села Кохмы… Когда спускать стали отраву, то рыбы полуживой двинулась такая масса, что руками, кор-

зинками ловило местное население целые горы, но при употреблении в пищу все переболели, и с тех пор этого промысла не стало. Мало того, воду в реке так попортили, что употреблять ее для питья стало невозможно, даже скот пасущийся… совершенно не мог ее пить» [27. Л. 1]. Автор письма утверждал, что крестьяне и горожане обращались к местным властям, но безрезультатно. В ответ на просьбу МВД пояснить изложенные в письме сведения владимирский вице-губернатор отвечал, что дела о загрязнении рек возбуждаются крайне редко в связи с позицией местного самоуправления по этому вопросу: «Это объясняется тем, что спуск в реки сточных вод, в особенности на старых мануфактурах, практиковался, как было сказано выше, очень давно и как бы вошел в обычай, и что местные органы сознавали, что деятельность многих фабрик тесно связана с серьезными экономическими интересами данной местности, и что немедленное принятие по отношению к ним репрессивных мер иногда было бы равносильно сокращению или даже прекращению производства» [Там же. Л. 5 об.].

Аналогичным образом спуск токсичных сточных вод в общественные водоемы считался устоявшейся практикой на Урале, где лишь небольшая часть населения настаивала на пересмотре сложившейся системы утилизации фабричных отходов. В 1901 г. корреспондент екатеринбургской газеты «Урал» сообщал: «Грустная практика жизни установила у нас спуск “отработанных вод” туда, где удобнее богатому заводовладельцу спускать эти воды. Тщетно защищал закон право небогатых людей на неотравленные воздух и воду, – “крючкотворы-ходатаи” оказывались почему-то сильнее претендентов на это право, а всеобщее околофабричное отравление… распространялось с расширением фабрично-заводской промышленности» [28. С. 2]. В отличие от многих других российских регионов, на Урале значительная доля населения – как промышленники, так и их наемные служащие – получали доход от промышленности, что во многом предопределило политику не только губернских властей, но и городских дум.

Схожая ситуация сложилась в Баку, где с начала 1870-х гг. началась активная добыча нефти, приведшая к соответствующим санитарным и экологическим последствиям. Расстановка сил между региональной администрацией и городским самоуправлением здесь была прямо противоположной той, которую мы можем видеть на примере Твери и Казани: в то время как Кавказский наместник и бакинский губернатор настаивали на необходимости защиты людей и окружающей среды от загрязнения, Городская дума состояла преимущественно из промышленников и лояльных к ним людей. Если по решению Кавказского наместника в 1873 г. в Баку были снесены все нефтеперерабатывающие заводы и выстроены заново на территории так называемого Черного города, то Бакинская городская дума постепенно превратилась в инструмент отстаивания интересов промышленных кругов. Местная газета «Каспий» так комментировала необходимость учреждения городских дум: «Тонуть в грязи и нечистотах можно и без городского управления, а что касается фонарей с кронштейнами и конделябр от Кумберга, так ведь в них покуда не предстоит особенной надобности» [29. С. 2], – имея в виду, что городские гласные из числа промышленников «покупали» благосклонность горожан вложениями в городскую инфраструктуру, пренебрегая при этом вопросами чистоты окружающей среды. Критикуя сложившийся в думе перекос в сторону состоятельных нефтяников, корреспондент газеты выступал за повышение избирательных прав и включение в состав Думы «образованного класса» горожан, но при этом не высказывал оптимизма: «Это так должно быть и так будет, и мы нисколько не сомневаемся этой “характерной особенности” выборов, особенности, которая не уничтожится до тех пор, пока не будут реорганизованы самые выборы в гласные в духе расширения избирательных прав, пока образованный класс городских жителей не будет только гостем в этом городе, истинным интересам которого он служит» [30. С. 2].

Опыт крупных промышленных городов показывает, что отнюдь не всегда городское самоуправление выступало в качестве силы, способной противостоять промышленному загрязнению. Позиция местного самоуправления во многом зависела от состава городского сообщества и баланса сил, сложившегося на локальном уровне.

Заключение

Какую роль играло городское самоуправление в Российской империи в борьбе с промышленным загрязнением? Способно ли оно было обеспечить, по словам современников, «право небогатых людей на неотравленные воздух и воду»? Рассмотренные выше кейсы показывают, что городские думы сыграли безусловно значимую, но не всегда однозначную роль на первых этапах становления российской экологической политики.

Сложности во взаимодействии городских дум с органами государственной власти и промышленными предприятиями по санитарным вопросам были связаны с теми условиями, в которых развивалось российское самоуправление на первых этапах своего существования. Городовые положения предписывали думам следить за городским благоустройством и чистотой территорий, но сфера их полномочий при этом была очерчена крайне расплывчато. Не всегда в этом помогали и существовавшие в XIX в. санитарные узаконения: в большинстве случаев они опирались на такие понятия, как «вред», «порча» и «нечистоты», которые было тяжело определить, измерить и устранить.

Эти слабости городских дум хорошо видны на примере противостояния между казанскими горожанами и химическим заводом Товарищества «Ушков и Компания». Благодаря усилиям гласных думы ущерб здоровью местных жителей и их имуществу был доказан, но этого оказалось недостаточно, чтобы привлечь промышленников к законной ответственности. Главным препятствием к этому стало покровительство со стороны губернских властей. Тем не менее казанский кейс показывает, что эффективное взаимодействие

городского самоуправления и центральных ведомств было возможным: они не всегда выступали в роли контрагентов, конкурирующих за права в публичном пространстве.

Иная ситуация сложилась в Твери, где губернская власть выступала в роли арбитра, а министерства стремились уберечь предприятие от закрытия, опасаясь неблагоприятных социальных эффектов. Тем не менее именно Тверская городская дума была той силой, которая смогла поддерживать разбирательства в течение десятков лет и поспособствовала сразу двум судебным прецедентам в отношении влиятельных промышленников.

Городские думы, однако, могли выступать и на стороне промышленников, защищая их интересы от требований санитарного характера: так происходило на территориях, где крупная промышленность занимала значительную (если не наибольшую) долю региональной экономики – на Урале, в Иваново-Вознесенске, Бакинской губернии. Хотя уровень загрязнения там был значительно выше, санитарные вопросы редко занимали важное место в региональной политической повестке. Работа по определению опасности того или иного производства была нова для городских дум и требовала соответствующей экспертизы, которой гласные дум и члены городских управ, как правило, не обладали. Кроме того, вопрос об отношении тех или иных производств к категории опасных для здоровья населения в рассматриваемый период являлся дискуссионным, и критерии «опасности» производства периодически пересматривались, что также осложняло деятельность органов городского самоуправления по ограничению вредного воздействия промышленных предприятий в городах.

Таким образом, формирование городского самоуправления в Российской империи, безусловно, стало важным этапом в становлении экологической политики. Городские думы впервые предоставили горожанам возможность публично высказывать свою точку зрения по санитарным вопросам, вступая в открытый диалог с губернской администрацией и высшими ведомствами. В то же время реализация городской реформы на обширном пространстве империи неизбежно имела свои вариации: роль городских дум значительно отличалась от региона к региону, завися от их экономических и культурных особенностей.

Список источников

1. Диканский М.Г. Постройка городов, их план и красота. Петроград : Н.П. Карбасников, 1915. 308 с.
2. Le Roux T. Le Laboratoire des pollutions industrielles: Paris, 1770–1830. Paris : Albin Michel, 2011. 560 p. Google-Books-ID: lCxGAcSQgQIC.
3. Mosley S. The chimney of the world. A history of smoke pollution in Victorian and Edwardian Manchester. London : Routledge, 2001. 288 p.
4. Massard-Guilbaud G. Histoire de la pollution industrielle: France, 1789–1914. Paris : EHESS. Ecole des hautes études en sciences sociales, 2010. 422 p.
5. Uekötter F. The Age of Smoke: Environmental Policy in Germany and the United States, 1880–1970. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2009. 362 p.
6. Weiner D. The genealogy of the Soviet and Post-Soviet landscape of risk // Understanding Russian nature: representations, values and concepts // ed. by A. Rosenholm, S. Autio-Sarasmo. Helsinki : University of Helsinki, 2005. P. 209–236.
7. Josephson P. War on nature as part of the Cold War. The strategic and ideological roots of environmental degradation in the Soviet Union // Environmental histories of the Cold War // ed. by J. McNeill, C. Unger. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 21–50.
8. Bruno A. The nature of Soviet power. An Arctic environmental history. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 311 p. Google-Books-ID: G0jGCwAAQBAJ
9. Bruno A. How a rock remade the Soviet North. Nepheline in the Khibiny mountains // Eurasian environments: nature and ecology in imperial Russian and Soviet history // ed. by N. Breyfogle. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2018. P. 147–164.
10. Mazanik A. Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917 // Water History. 2018. Vol. 10, № 2-3. P. 207–222.
11. Афанасьев Г.Ю. Экология столичных городов (по материалам периодической печати второй половины XIX – начала XX в.). Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2017. С. 49–52.
12. Agafonova A.B. Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870 – 1914 // Historia Urbana. 2020. Vol. 28. P. 225–247.
13. Устав строительный : с разъяснениями по решениям Правительствующего Сената и циркулярам Министерства Внутренних Дел, и извлечениями из других частей Свода Законов, и с приложением алфавитного указателя (неофиц. изд.) / сост. О.П. Бертинский. СПб. : Изд. Я.А. Канторовича, 1902.
14. Устав о промышленности // Свод законов Российской Империи. Неофиц. изд. СПб. : Деятель, 1912. Т. 11, ч. 2.
15. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / сост. М.И. Мыш. СПб. : Тип. Н.А. Лебедева, 1888.
16. Городское самоуправление по действующему русскому законодательству: Городовое положение 11 июня 1892 г. / сост. В.И. Немчинов. М. : Тип. В.М. Саблин, 1912. 396 с.
17. Погожев А.В. Обзор местных обязательных постановлений по фабричной санитарии в России. СПб. : тип. М-ва вн. дел, 1894. 134 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 41. Ед. хр. 304.
19. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 98. Оп. 4. Ед. хр. 27.
20. ГА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Ед. хр. 297.
21. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 2046.
22. О наблюдении Начальником Городских Полиций за чистотой и опрятностью в городах : указ № 20881 от 2 авг. 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 27.
23. Оглоблин В.Н. Законы, нормы и разные постановления относительно сточных промышленных вод заграницей и в России // Известия общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. 1913. Т. XVII, № 8. С. 407–422.
24. РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Ед. хр. 183.
25. ГАТО. Ф. 801. Оп. 1. Ед. хр. 2474.
26. Белов П.С. Центральный комитет по охране водоемов от загрязнения промышленными сточными водами; его задачи и деятельность. 1912–1925 г. / Высш. сов. нар. хозяйства. Глав. экон. упр. СССР. М., 1925. 29 с.
27. РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Ед. хр. 3694.

28. Фабрики и общественное здоровье // Урал. 1901. 23 мая. № 1176.
29. Шемахинцы и г. Тагиев // Каспий. 1881. № 8.
30. Местные известия // Каспий. 1881. № 7.

References

1. Dikanskiy, M.G. (1915) *Postroyka gorodov, ikh plan i krasota* [Construction of cities, their plan and beauty]. Petrograd: N.P. Karbasnikov.
2. Le Roux, T. (2011) *Le Laboratoire des pollutions industrielles. Paris, 1770–1830.* Paris: Albin Michel.
3. Mosley, S. (2001) *The chimney of the world. A history of smoke pollution in Victorian and Edwardian Manchester.* London: Routledge.
4. Massard-Guilbaud, G. (2010) *Histoire de la pollution industrielle: France, 1789–1914.* Paris: EHESS.
5. Uekötter, F. (2009) *The Age of Smoke: Environmental Policy in Germany and the United States, 1880–1970.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
6. Weiner, D. (2005) The genealogy of the Soviet and Post-Soviet landscape of risk. In: Rosenholm, A. & Autio-Sarasmo, S. (eds) *Understanding Russian nature: representations, values and concepts*. Helsinki: University of Helsinki. pp. 209–236.
7. Josephson, P. (2010) War on nature as part of the Cold War. The strategic and ideological roots of environmental degradation in the Soviet Union. In: McNeill, J. & Unger, C. (eds) *Environmental Histories of the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 21–50.
8. Bruno, A. (2016) *The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Bruno, A. (2018) How a rock remade the Soviet North. Nepheline in the Khibiny mountains. In: Breyfogle, N. (ed.) *Eurasian Environments: Nature and Ecology in Imperial Russian and Soviet History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. pp. 147–164.
10. Mazanik, A. (2018) Industrial waste, river pollution and water politics in Central Russia, 1880–1917. *Water History*. 10(2-3). pp. 207–222.
11. Afanasiev, G.Yu. (2017) *Ekologiya stolichnykh gorodov (po materialam periodicheskoy pechati vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.)* [Ecology of capital cities (based on the materials of the periodical press of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 49–52.
12. Agafonova, A.B. (2020) Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870 – 1914 [Urban pollution and water supply in Novgorod, 1870–1914]. *Historia Urbana*. 28. pp. 225–247.
13. Bertinskiy, O.P. (1902) *Ustav stroitel'nyy: s raz"yasneniyami po resheniyam Pravitel'stvuyushchego Senata i tsirkulyaram Ministerstva Vnutrennikh Del, i izvlecheniyami iz drugikh chastey Svoda Zakonov, i s prilozheniem alfavitnogo ukazatelya (neofits. izd.)* [Construction Charter: with clarifications on decisions of the Governing Senate and circulars of the Ministry of Internal Affairs, and extracts from other parts of the Code of Laws, and with an alphabetical index (unofficial edition)]. St. Petersburg: Ya.A. Kantorovich.
14. Russia. (1912) Ustav o promyshlennosti [The Statute of Industry]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii. Neofits. izd* [The Code of Laws of the Russian Empire. Unofficial edition]. Vol. 11(2). St. Petersburg: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo "Deyatel"'.
15. Mysh, M.I. (1888) *Gorodovoe polozhenie so vsemi otnosyashchimisya k nemu uzakoneniyami, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz"yasneniyami* [City Regulation with all related laws, judicial and government explanations]. St. Petersburg: Tipografiya N.A. Lebedeva.
16. Nemchinov, V.I. (1912) *Gorodskoe samoupravlenie po deystvuyushchemu russkomu zakonodatel'stvu: Gorodovoe polozhenie 11 iyunya 1892 g.* [City self-government under the current Russian legislation: City Regulations June 11, 1892]. Moscow: Tipografiya V.M. Sablina.
17. Pogozhev, A.V. (1894) *Obzor mestnykh obyazatel'nykh postanovleniy po fabrichnoy sanitarii v Rossii* [Overview of local mandatory regulations on factory sanitation in Russia]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 41. File 304.
19. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 98. List 4. File 27.
20. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 98. List 5. File 297.
21. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 801. List 1. File 2046.
22. Russia. (1830) O nablyudenii Nachal'nikom Gorodskikh Politsiy za chistotoy i opryatnost'yu v gorodakh: ukaz № 20881 ot 2 avg. 1803 g. [On the supervision by the Chief of the City Police of cleanliness and tidiness in the cities: Decree No. 20881 of August 2, 1803]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. [Sobranie 1-e: S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.]* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. [Collection 1: From 1649 to December 12, 1825]]. Vol. 27. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
23. Ogloblin, V.N. (1913) Zakony, normy i raznye postanovleniya otnositel'no stochnykh promyshlennykh vod zagranitsey i v Rossii [Laws, rules and various regulations regarding industrial wastewater abroad and in Russia]. *Izvestiya obshchestva dlya sodeystviya uluchsheniyu i razvitiyu manufakturnoy promyshlennosti.* 17(8). pp. 407–422.
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 23. List 17. File 183.
25. The State Archive of Tver Region (GATO). Fund 801. List 1. File 2474.
26. Belov, P.S. (1925) *Tsentral'nyy komitet po okhrane vodoemov ot zagryazneniya promyshlennymi stochnymi vodami; ego zadachi i deyatel'nost'. 1912–1925 g.* [The Central Committee for the Protection of Reservoirs from Industrial Wastewater Pollution; its tasks and activities. 1912–1925]. Moscow: Main Economic Directorate of the USSR.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 27. File 3694.
28. *Ural*. (1901) Fabriki i obshchestvennoe zdorov'e [Factories and public health]. 23rd May.
29. *Kaspiy*. (1881a) Shemakhintsy i g. Tagiev [Shemakhintsy and Mr. Tagiev]. 8.
30. *Kaspiy*. (1881b) Mestnye izvestiya [Local news]. 7.

***Сведения об авторах*:**
Виноградов Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Школы исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: AndreiVinogradov@gmail.com.
Агафонова Анна Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории экологической и технологической истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.b.agafonova@gmail.com
Манцеров Иван Игоревич – магистр истории, главный специалист отдела информации и использования документов Российского государственного архива литературы и искусства (Москва, Россия). E-mail: ivan-mancerov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Vinogradov Andrei V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research at the School of Environmental and Social Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: AndreiVinogradov@gmail.com
Agafonova Anna B. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Environmental and Technological History, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.b.agafonova@gmail.com
Mantserov Ivan I. – Master of History, Chief Specialist of the Department of Information and Use of Documents, Russian State Archive of Literature and Art (Moscow, Russian Federation). E-mail: ivan-mancerov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 17.06.2022; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 659.19(571.16)"1990/1999"
doi: 10.17223/19988613/79/5

Реклама как источник финансирования томских СМИ в 1990-е гг.

Валерия Андреевна Войтикова[1], Вячеслав Вениаминович Шевцов[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] Средняя школа № 37, Томск, Россия
[1] gruzdevavalerya@yandex.ru
[2] totleben@yandex.ru

Аннотация. На основе сохранившихся архивных документов рассмотрена рекламная деятельность средств массовой информации Томска в 1990-е гг. как источник их финансирования. Рекламный рынок Томска начал складываться в период рыночных реформ, имел тенденцию к количественному и качественному росту, позволил сохранить основные газетные издания города, сделать материально устойчивым существование новых медиакомпаний и стал одним из стратегических направлений развития государственных и негосударственных СМИ.
Ключевые слова: Томск, медиасфера, СМИ, реклама

Для цитирования: Войтикова В.А., Шевцов В.В. Реклама как источник финансирования томских СМИ в 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 44–50. doi: 10.17223/19988613/79/5

Original article

Advertising as a source of financing for Tomsk mass media in the 1990s

Valeria A. Voitikova[1], Vyacheslav V. Shevtsov[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] Secondary school No. 37, Tomsk, Russian Federation
[1] gruzdevavalerya@yandex.ru
[2] totleben@yandex.ru

Abstract. The aim of the present article is to analyze the organization of the advertising sphere and its functions of financing regional mass media taking the media sphere of the city of Tomsk in the 1990s as a case study. The issues related to the study of the impact of advertising on the local media market remain insufficiently researched. One of the reasons for this is poor preservation of the source base, which was not transferred to local archival institutions and disappeared after the closure, reorganization or merger of advertising agencies.

The main sources of the study are the results of a survey of Tomsk advertising agencies, documents of the internal office work of the State Television and Radio Broadcasting Company "Tomsk", the text of the Encyclopedia TV-2, the archive of a Tomsk media group called "Median". Despite the fact that this information is fragmentary and has different sources and objectives, it still provides a documented idea of the dynamics of changes in the field of advertising business in Tomsk. The survey results obtained in 2000 help to see the intermediate result of the development of the advertising sector in the region on the way from the era of the 1990s to the era of the 2000s.

With the beginning of market reforms in the last decade of the 20th century the advertising sphere received a new impetus to its revival and development, like in the pre-revolutionary period, by referring to the practices of Western marketing and by developing its own specific forms, in accordance with the domestic cultural context.

The rapid development of the "old" post-Soviet and the emergence of new, already Russian, local press, characterized by high-quality materials and highly qualified personnel, has predetermined, in addition to the high level of Tomsk journalism, the rapid organizational and commercial growth of the advertising sector.

Despite the fact that organizations did not have permanent advertising partners and existed in a competitive environment with high taxes, the advertising sector in Tomsk demonstrated dynamic growth and creativity. Advertising has ensured the material success of most publications and broadcasters in the 1990s. For some organizations, earnings from the production and / or distribution of advertising activities accounted for 100% of income. Advertising made it possible to preserve the main publications of the city of Tomsk, their thematic face (for example, the regional newspaper «Krasnoe Znamya»), and also led to the emergence and development of new publications (for example, «Tomsk Bulletin»). A number of specialized advertising and informational publications also appeared, satisfying the needs of a wide reader-

© В.А. Войтикова, В.В. Шевцов, 2022

ship in a market economy. Having gone through the process of its formation in the 1990s, Tomsk advertising market continued to be the driving force behind the development of Tomsk media sphere in the 2000s.
Keywords: Tomsk, media sphere, mass media, advertising

For citation: Voitikova, V.A., Shevtsov, V.V. (2022) Advertising as a source of financing for Tomsk mass media in the 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 44–50. doi: 10.17223/19988613/79/5

Реклама и доходы от нее с самых первых шагов возникновения СМИ были неотъемлемой и отличительной их чертой. Пройдя путь от бесхитростных черно-белых объявлений в газетах до продакт-плейсмента в фильмах и телевизионных передачах, реклама стала одной из характерных составляющей современного общества потребления. Богатой истории коммерческой рекламы в дореволюционной России пришла на смену реклама государственная, которая в советском обществе существовала в условиях товарного дефицита, отсутствия частной собственности и конкуренции и воспринималась как самими рекламодателями, так и потребителями весьма скептично, скорее, как средство удовлетворения не потребительского, а лишь визуального голода.

С началом рыночных реформ 90-х гг. XX в. рекламная сфера получила новый импульс к своему возрождению и развитию, как и в дореволюционный период, путем обращения к практикам западного маркетинга и посредством выработки собственных специфических форм в соответствии с отечественным культурным контекстом. Новые хозяйствующие субъекты озаботились не только продвижением товаров и услуг, но и собственным репутационным капиталом, в состав которого должна была входить и яркая запоминающаяся реклама. В Москве возникли первые рекламные агентства под броскими англоязычными названиями – «Видео Интернешнл», «Арт-Пикчерз», «Премьер-СВ», «Мун Лайт», «Ред Видео» и др. Рекламный бум быстро докатился и до провинции, где с ориентиром на местный рынок стали образовываться самостоятельные рекламные агентства, печататься рекламно-информационные издания, возникать телевизионные и радиовещательные компании, чье финансовое благополучие зависело от рекламодателей. Прежние и новые газетные издания также или самостоятельно развивали собственные рекламные отделы, или выступали партнерами крупных медиахолдингов.

Томск, являя собой своеобразную «медийную аномалию» [1. С. 67], был одним из первых городов, где еще при советской власти, в мае 1991 г., возникла негосударственная телекомпания ТВ-2. Быстрое развитие «старой» постсоветской и появление новой, уже российской, местной прессы, отличавшейся качественными материалами и высокой квалификацией кадров, предопределили, помимо высокого уровня томской журналистики, и быстрый организационный и коммерческий рост рекламного сектора.

В конце 1991 г. был принят федеральный закон «О средствах массовой информации», в одной из статей которого в рамочном виде, без конкретизации, упоминалось о распространении рекламы в средствах массовой информации [2. Ст. 36]. В 2006 г. в специализированном федеральном законе «О рекламе» она определялась как «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [3. Ст. 3].

В соответствии с данным определением можно выделить несколько значимых функций рекламы, которые являются объектами исследовательского внимания:

– СМИ как каналы распространения рекламы;

– реклама как особый вид текста, характерный для СМИ;

– реклама как источник финансирования СМИ.

Исследованиям печатной рекламы, ее объема, воздействия на аудиторию посвящены работы Н.Г. Иншаковой [4], И.В. Толстихиной [5], Г.Г. Щепиловой [6], Е.В. Петько [7]. Так, Н.Г. Иншакова отмечает, что, несмотря на многофункциональность и большие объемы печатной рекламы, она развивается бесконтрольно, и это нередко приводит к появлению безграмотных рекламных текстов [4. С. 57]. Однако осуществлять в современных реалиях контроль за печатной рекламной продукцией и ее качеством на государственном уровне невозможно.

Е.Н. Ежова пишет о новом социокультурном конструкте – медиарекламной картине мира. Затрагивая аспект взаимодействия СМИ и рекламы, она указывает, что СМИ являются ретранслятором медиарекламной картины мира. Огромное воздействие рекламы на общество превращает информационную цивилизацию в рекламно-коммерческую [8. С. 84].

Г.Г. Щепилова выделяет две важнейшие позиции в функциональном значении рекламы. Во-первых, речь идет о роли рекламы, сложившейся в процессе ее развития с учетом тех функциональных назначений, которые она выполняет в обществе. Во-вторых реклама рассматривается как предмет взаимодействия со СМИ [9. С. 1]. В другой своей работе автор говорит о том, что реклама не только функционально является важнейшей контентной составляющей СМИ, но и полноценно вписывается в схему передачи информации [10. С. 66]. Ежегодно тенденция на контентную конвергенцию возрастает: происходит сближение рекламы с другими видами текстов, она воспринимается читателями уже как неотъемлемая часть привычного облика изданий.

Историография вопроса регулярно расширяется за счет обращения научного сообщества к новым составляющим медиарынка, уже имеющим свою историю и этапы развития. Так, внимание исследователей все более уделяется интернет-рекламе как доминирующему инструменту в рекламной сфере. В работе Л.П. Шестеркиной и Л.К. Лободенко затронута проблема струк-

турно-содержательной трансформации взаимодействия журналистики и рекламы. Реклама для современных СМИ уже выходит на другой – маркетинговый – уровень, при котором важны «грамотное» размещение с использованием всех современных рекламных возможностей и дальнейшее «продвижение» в условиях гиперконкуренции в медиасфере [11. С. 81]. Л.М. Карслян анализирует виды интернет-рекламы и их преимущества в сравнении с традиционной формой рекламы в СМИ, отмечая основное их преимущество – невысокую стоимость и большой охват аудитории [12. С. 79]. А.А. Антонов-Овсеенко, проанализировав процесс увеличения объемов рекламы, размещаемой на интернет-носителях, пришел к выводу, что сохраниться на рынке рекламы удается тем классическим СМИ, которые не вступают в заведомо проигрышную прямую конкуренцию с информационными ресурсами мировой сети, а используют процесс конвергенции для самосохранения и упрочения своих позиций [13. С. 109].

Из зарубежных исследований отметим переведенную в 2004 г. на русский язык монографию американских исследователей Брайанта Дженнингза и Томпсона Сузана «Основы воздействия СМИ» [14], в которой рассмотрены современные концепции воздействия на аудиторию различных жанров массмедиа, в том числе и рекламы. Приведены примеры ее манипулятивного и негативного влияния на читателя и зрителя.

Все же проблематика, связанная с изучением влияния рекламы на местный рынок СМИ, остается недостаточно изученной. Одна из причин этого – слабая сохранность источниковой базы, которая не передавалась в местные архивные учреждения и пропадала после закрытия, реорганизации или объединения рекламных агентств.

В данной статье особенности организации рекламной сферы и ее функция финансирования средств массовой информации рассмотрены на примере медиасферы Томска 1990-х гг. Это период начинался с непростых в материальном отношении лет для томских СМИ, и реклама была необходима для устойчивого выживания уже имеющихся и развития новых средств массовой информации. В Томске появились специализированные рекламно-информационные газетные и журнальные издания – «Антенна в Томске», «Все для Вас» «Авторынок, «Аукционъ Online», «Рынок недвижимости», «Ваше здоровье», «Негоциантъ» и др. Масштабным изданием, с охватом практически всех жителей города (путем распространения через почтовые ящики), стала начавшая выходить с апреля 1997 г. бесплатная газета «Реклама» с тиражом более 100 тыс. экз., принимавшая от физических и юридических лиц рекламные объявления. Издание, прошедшее процедуру ребрендинга в 2014 г., продолжает выходить и распространяется таким же способом до настоящего времени, несмотря на преобладание интернет-рекламы. Аналогичной газетой была «Комиссионка», выходившая в 1992–2002 гг. Ее особенностью было то, что рекламные объявления принимались редакцией бесплатно.

В нашем распоряжении оказался ряд источников, хранящихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО) и еще не введенных в научный оборот: сведения об организациях и предприятиях по оказанию услуг в области рекламы за 1995–1998, 2000 и 2004 гг. (сведения за 2000 г. представляют собой ответы томских рекламных агентств на открытые и закрытые вопросы анкеты, которые подавались в Отдел социальной статистики, труда и обследования домашних хозяйств при Администрации Томской области); внутренние приказы по основной деятельности ФГУП ГТРК «Томск» в 1993, 1996 и 1998 гг.; архив корпоративного издания томской медиагруппы «Медиана» за 2006–2008 гг.; «Энциклопедия ТВ-2», написанная в 2006 г. сотрудником телерадиокомпании А.В. Филимоновым к ее 15-летию и хранящаяся в ГАТО.

Несмотря на то, что эти сведения различны по происхождению и назначению и носят фрагментарный характер, они все же позволяют получить документально обоснованное представление о динамике изменений в сфере рекламного предпринимательства в Томске. Результаты анкетирования 2000 г. помогают увидеть промежуточный результат развития рекламной сферы в регионе на пути из эпохи 1990-х в эпоху 2000-х гг.

Основной тенденцией 1990-х гг. был рост числа предприятий, занимавшихся рекламной деятельностью. В 1996 г. их было всего три [15. Л. 1], в 1997 – пять (при этом одно подходило под категорию малого предприятия с численностью сотрудников более 50) [Там же. Л. 11], в 1998 г. – 11 (одно имело государственную форму собственности, 10 – частную) [16. Л. 17].

К наиболее значимым организациям медиасферы Томска, большая часть которых ведет свою историю с 1990-х гг. и продолжает производить и / или распространять рекламу, можно отнести следующие: ФГУП ГТРК «Томск» (ул. Яковлева, 5), ЗАО «Телерадиокомпания ТВ-2» (ул. Елизаровых, 51а), ЗАО «Редакция “Красное знамя”» (пр. Фрунзе, 103/1), ООО «Телемаркет Эфир» (пер. Мариинский, 8), «СВ-Экспресс» (пр. Кирова, 22), ООО «ВДВ-Пресс» (ул. Пирогова, 5), ООО «Имидж + КП» (пр. Фрунзе 103/1), ЗАО «Издатель» (ул. Герцена 72), ООО «Сибирская Пресс Служба» (ул. Герцена, 10), ООО «Агентство Мегаполис Пресс» (ул. Лыткина, 35), ООО «Зонд-Реклама» (пр. Фрунзе, 115), ООО «Дайджест ЛТД» (ул. Герцена, 72б), ООО «Щитовая реклама» (ул. Герцена, 72б), ЗАО «Радио» (ул. Герцена, 72), «Томская неделя» (Северск, пр. Ленина 28), «Компания Янсон» (ул. Кулева, 32), «ТРИА “Тройка”» (ул. Белинского, 54).

В Томске было три издательства, занимавшихся рекламной деятельностью, а также четыре телерадиовещательные компании. Практически все они и распространяли, и производили рекламу. С развитием рынка и усилением конкуренции на рынке СМИ и между компаниями-производителями товаров и услуг в структуру рекламного процесса успешно влились и самостоятельные рекламные агентства.

Численность организаций в медиасфере, оказывающих рекламные услуги, имела тенденцию к возрастанию. К 2004 г. в Томске насчитывалось уже 17 рекламных агентств (из них 4 были рекламно-производственными, 4 – рекламно-распространяющими, 9 – одновременно рекламно-производственными и рекламно-распростра-

няющими). Большинство из них (15) – малые предприятия, 2 –средние (ФГУП ГТРК «Томск» – 250 сотрудников, и ЗАО «Телерадиокомпания ТВ-2» – 118 сотрудников) [17. Л. 1]. Крупные предприятия, численность работников которых составляла более 250 человек, в Томске отсутствовали (таблица).

Сведения об организациях Томска по оказанию рекламных услуг по состоянию на 2000 г.

	Название организации	Средняя численность сотрудников	Чистая выручка от продажи товаров, продукции, услуг / выручка от продажи рекламы (тыс. руб)	Затраты организации / затраты на производство рекламы (тыс. руб)	Процент выручки организации от рекламы товаров и услуг отечественных производителей	Процент рекламодателей-партнеров на постоянной основе
					Указано представителем рекламной организации	
1	ФГУП ГТРК «Томск»	250	11 294,9 / 4 920	10 159,7 / 4 252	50	75
2	ЗАО «Издатель»	33	11 283 / 11 283	11 149 / 11 149	100	75 и более
3	ЗАО «Телерадиокомпания ТВ-2»	118	8 596 / 4 727	6 538,7 / 5 151,7	20	25
4	ЗАО «Редакция “Красное знамя”»	32	8 030 / 7 379	8 210/ 7 544	–	50
5	ООО «Томская неделя»	38	6 325 / 2 825	6 426 / 2 800	35	50
6	ООО «Сибирская Пресс Служба»	14	5 753 / 2 341	5 635 / 2 366	50	50
7	ООО «Щитовая реклама»	20	4 145 / 2 707	3 440 / 3 440	35	75 и более
8	СВ-Экспресс	13	2 778 / 219	694 / 59,3	0	менее 5
9	ООО «Компания Янсон»	21	2 487 / 298	2 458 / 2 458	10	–
10	ООО «ВДВ – Пресс»	13	2 241 / 379	2 015 / 250	75	75 и более
11	ООО ТРИА «Тройка»	45	2 231 / 1 843	2 090 / 1 739	5	25
12	ООО «Телемаркет Эфир»	18	1 814 / 1 814	1 631 / 1 631	75 и более	50
13	ООО «Зонд-Реклама»	7	1 668 / 376	1 701 / 1 701	–	–
14	ЗАО «Радио»	15	1 132 / 1 132	1 100 / 1 100	–	25
15	ООО «Дайджест ЛТД»	12	836 / 668	385 / 188	20	75 и более
16	ООО «Имидж +КП»	1	100 / 100	174 / 174	–	–
17	ООО «Агенство Мегаполис Пресс»	1	32 / 32	27 / 27	100	50

Составлено по: [18. Л. 3, 7, 9, 13, 15, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 41, 43].

Из таблицы видно, что у небольших организаций доходы от продажи рекламы составляли 100%, а у более крупных – более 50%. Затраты компаний на производство рекламы также были высоки. Например, у ТВ-2 они составляли почти 80%. В большинстве организаций (12 из 17) рекламный материал изготавливался только собственными силами (или в основном собственными), за исключением ООО «Агенство Мегаполис Пресс» и ООО «Компания Янсон», материал для которых изготавливался профессиональными рекламными агентствами.

Задавался респондентам и вопрос о том, какова в выручке организации доля от рекламы товаров и услуг отечественного производства. Доля такой рекламы оказалась различной – от 0 («СВ-Экспресс») до 100% («Издатель») (см. таблицу).

Для успешного функционирования изданиям было важно иметь определенный процент рекламодателей, работающих на постоянной основе. Стоит отметить, что в анкете ни одна из организаций не указала, что имеет 100% таких партнеров. Наиболее высокий процент постоянного партнерства был у ГТРК «Томск», ЗАО «Издатель», ООО «ВДВ-Пресс», ООО «Щитовая реклама»: он составлял 75%; у ЗАО «Редакция “Красное знамя”» и ООО «Телемаркет Эфир» – 50%. Меньше всего постоянных партнеров среди рекламодателей было у «СВ-Экспресс» – менее 5 %.

Один из вопросов анкеты напрямую не имел отношения к деятельности компаний, но был связан с качеством рекламы на российском рынке в целом. Мнения респондентов разделились: большинство организаций оценивали его как «удовлетворительное» и «в основном удовлетворительное». Среди респондентов, ответивших именно так, были и ведущие телерадиокомпании города – ГТРК «Томск» и ЗАО «Телерадиокомпания ТВ-2». ЗАО «Редакция “Красное знамя”» также оценивало качество рекламы как «удовлетворительное». Более высокую оценку качеству рекламы на рынке – «хорошее» и «в основном хорошее» – дали такие компании, как ЗАО «Издатель», ООО «Сибирская Пресс Служба», ООО «Агенство Мегаполис Пресс», «Томская неделя». Были и те, кто оценивал качество рекламы на российском рынке как «низкое» (ООО «Щитовая реклама») или «в основном низкое» – ЗАО «Радио».

Компании ООО «ТРИА Тройка», ООО «Компания Янсон» не смогли дать оценку и выбрали вариант «затрудняюсь ответить». Сложно предположить, почему некоторые из компаний не смогли дать ответа. Возможно, это было связано с только начавшейся деятельностью. Так, рекламное агентство ООО ТРИА «Тройка» возникло и стало частью медиасферы Томска лишь в 1998 г.

Организации, которые занимались рекламной деятельностью, сталкивались со значительными трудностями и проблемами при осуществлении рекламной деятельности (об этом был отдельный вопрос анкеты). Среди наиболее важных респонденты отмечали сле-

дующие: недостаток правовых и нормативных актов, регулирующих рекламную деятельность (действительно, законодательство только начало формироваться); высокую конкуренцию на рынке рекламных услуг; низкий спрос на рекламные услуги у отечественных производителей; высокие налоги; высокую арендную плату. Некоторые компании, такие как ЗАО «Издатель» и ЗАО «Телерадиокомпания ТВ-2», отмечали в числе важнейших проблем недостаток квалифицированных кадров. Наиболее актуальной проблемой, которую отметило подавляющее большинство опрашиваемых организаций, была проблема высоких налогов.

Несмотря на имеющиеся проблемы, реклама как вид деятельности и источник дохода была стратегическим направлением развития томских медиаорганизаций. Томская государственная телерадиовещательная компания начала принимать первые заказы на рекламу еще в 1960-е гг. Однако собственное рекламно-информационное коммерческое агентство было создано только в 1991 г. В 1990-е гг. оно неоднократно становилось победителем различных региональных (например, «Красная Лиса») и Всероссийских конкурсов и форумов [19. Л. 7].

Не только томское государственное телевидение, но и радио развивало рекламно-коммерческую деятельность – с 1993 г. эта деятельность на томском радио стала развиваться отдельно от телевизионной [20. Л. 10]. Стоимость одного слова для рекламного объявления на радио в 1996 г. составляла 6 тыс. руб. [Там же. Л. 32]. Горячей порой были выборы, когда сотрудники ГТРК «Томск» получали доплаты за «переработку». Например, в 1996 г. за изготовление платных рекламных роликов и видеообъявлений они составляли 20% от оклада, за организацию платного выступления кандидата – 5%, за организацию и проведение платного «круглого стола», пресс-конференции, теледебатов – 20% [21. Л. 9]. Объемы рекламы, размещаемой на томском государственном радио и телевидении, неуклонно возрастали. Это подтверждают и микрофонные записи материалов телерадиопередач.

Доля рекламы в деятельности негосударственных СМИ также была высока. В ноябре 1992 г. в структуре ТВ-2 было создано рекламное агентство. Ролики, которые производились компанией, заслуживали высокой оценки на различных всероссийских и международных фестивалях. Большое внимание компанией уделялось собственным передачам. В 1993 г. в эфир начала выходить отдельная рекламная программа «Ориентир», главными темами которой были защита прав потребителей, предоставление актуальной информации о товарах, ценах и услугах.

Для развития рекламного направления приглашались иностранные специалисты. Например, в 1994 г. сотрудников компании обучал искусству продаж американский рекламист Шелдон Маркофф. При этом у компании первоначально даже не было собственного документированного бизнес-плана [22. Л. 29]! Осенью 1998 г. произошел первый деловой контакт между ТВ-2 и НК ЮКОС: нефтяная компания разместила на ТВ-2 рекламу на 60 тыс. долл. [Там же. Л. 18]. В этом же году рекламное агентство ТВ-2, соединившись с рекламным агентством «Открытого телевидения», было преобразовано в «ТРИА «“Тройка”» (продолжает функционировать до настоящего времени). Показателем профессионализма компании стало присуждение телекомпании ТВ-2 в 2000 г. национальной телевизионной премии ТЭФИ. Кроме того, семь раз ТВ-2 побеждало в конкурсе ТЭФИ-регион [23. Л. 5].

Дефолт 1998 г. нанес серьезный удар по медиасфере Томска. Варианты по изменению ситуации у компаний были различны. Кто-то пытался найти новых партнеров, кто-то устанавливал систему скидок на услуги. Например, в связи с началом акции «Покупайте Томское», организованной администрацией Томской области, для томским товаропроизводителей устанавливалась скидка на рекламные услуги ГТРК «Томск» до конца 1998 г. (на прокат готовой продукции – 30%, на производство продукции без размещения в эфире – 15%) [24. Л. 48]. В целом компании успешно справились с ситуацией дефолта, сохранили свои рекламные отделы, а также рекламные агентства.

В 2006 г. был принят новый федеральный закон «О рекламе» [3], который существенно сокращал объемы рекламного времени. Общая продолжительность распространяемой в телепрограмме рекламы, прерывания телепрограммы рекламой (в том числе спонсорской) и совмещения рекламы с телепрограммой способом «бегущая строка» не могло превышать 20% времени вещания в течение часа и 15% времени вещания в сутки [Там же]. К 1 января 2008 г. реклама на телевидении должна была сократиться на 15% в сутки, или на 20% в час. Рекламное время сокращалось с 15 до 9 минут в час [25. Л. 5]. По мнению заместителя директора ТРИА «Тройка» по рекламе и собственному производству А. Лозы, это была политика на вымывание мелкого клиента из телевизионной рекламы. «На федеральном уровне и при нынешних ценах ни о какой поддержке местного производителя давно речи нет. Это приведет к сокращению рекламного времени и снижению доходов, число рекламодателей сократится, и неизбежно произойдет рост цен на рекламу» [Там же]. Данный закон во многом был направлен на усиление позиций государственных телекомпаний. Местным телекомпаниям, сильно зависящим от рекламы как важного источника дохода, приходилось искать возможности за счет собственного производства рекламы.

Итак, в 1990-е гг. реклама стала неотъемлемым элементом медиасферы Томска. Количество организаций, занимавшихся рекламной деятельностью, возрастало с каждым годом: в 1996 г. – 3, а в 1998 г. уже 11 организаций [16]. К 2004 г. в Томске насчитывалось уже 17 рекламных агентств, 3 издательства, занимавшихся рекламной деятельностью, а также 4 телерадиовещательные компании. Несмотря на то, что у организаций не было постоянных рекламных партнеров, и они существовали в конкурентных условиях, при высоких налогах, рекламная сфера в Томске демонстрировала динамичный рост и креативность. Реклама дала возможность успешного материального существования в 1990-е гг. большинству изданий и телерадиокомпаний. Осознавая широкий потенциал рекламного направления, большинство как государственных, так и частных

компаний стало создавать собственные рекламные агентства (у ГТРК «Томск» оно появилось в 1991 г., у телекомпании ТВ-2 – в 1992 г.). Успешно влились в структуру рекламного процесса и самостоятельные рекламные агентства. Для части организаций (например, ЗАО «Издатель», ООО «Телемаркет Эфир») заработок по производству и / или распространению рекламы составлял 100% дохода. Реклама позволила сохранить основные издания Томска (например, областную газету «Красное знамя»), их тематическое лицо, дала импульс к развитию медиаканалов и повлияла на возникновение новых изданий (например, «Все для Вас», «Авторынок»). Благодаря влиянию рекламы в 1990-е гг. в Томске возник широкий спектр специализированных рекламно-информационных изданий, удовлетворявших запросы широкой читательской аудитории в условиях рыночной экономики. Несмотря на трудности и противоречия, рекламный рынок Томска, пережив процесс становления в 1990-е гг., продолжил быть движущей силой развития медиасферы Томска и в 2000-е гг.

Список источников

1. Жилякова Н.В. Новейшая история томской журналистики: газеты, журналы и электронные СМИ в периоды «перестройки» и «лихих девяностых» // Век информации. 2020. № 3. С. 58–67.
2. О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.07.2021, с изм. от 01.03.2022) // Российская газета. 1992. № 32. С. 3–4.
3. О рекламе : федеральный закон от 03.03.2006 № 38-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12.
4. Иншакова Н.Г. Реклама в печатных изданиях и печатная реклама: о проблемах терминологии, классификации и качества // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2005. № 3. С. 57–64.
5. Толстихина И.В. Особенности печатной рекламы в СМИ // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 26. С. 70–73.
6. Щепилова Г.Г. Поливариантность подходов к изучению рекламы в СМИ // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 1. С. 20–30.
7. Петько Е.В. Характерные особенности региональных СМИ и типы рекламы в них // Идеи и новации. 2017. № 1. С. 117–130.
8. Ежова Е.Н. Медиа-рекламная картина мира как артефакт культуры: симбиоз СМИ и рекламы // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 1. С. 84–86.
9. Щепилова Г.Г. Функциональный подход к изучению рекламы в СМИ // Медиаскоп. 2011. № 2. С. 1–10.
10. Щепилова Г.Г. Реклама в структуре современных СМИ // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. С. 64–69.
11. Шестеркина Л.П., Лободенко Л.К. Структурно-сожержательная трансформация взаимодействия журналистики, рекламы и PR в интернет-СМИ // Научное мнение. 2013. № 3. С. 77–86
12. Дубинина Э.В., Карслян Л.М., Закирова З.Р. Интернет-реклама как доминирующий инструмент на рынке рекламы // Наука сегодня: теория и практика : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2015. С. 77–80.
13. Антонов-Овсеенко А.А. Актуальные тенденции в размещении рекламы в классических СМИ и в информационных ресурсах сети Интернет // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2017. № 3. С. 106–109.
14. Дженнингз Б., Сузан Т. Основы воздействия СМИ : пер. с англ. М. : Вильямс, 2004. 432 с.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1085. Оп. 15. Д. 1877: Основные показатели деятельности учреждений, занимающихся рекламной деятельностью, 1995–1996 гг.
16. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 15. Д. 2008: Основные показатели работы организаций, занимающихся рекламной деятельностью, 1997–1998 гг.
17. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 15. Д. 5053: Сводные сведения организаций и предприятий области по оказанию услуг в области рекламы.
18. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 15. Д. 2528: Сведения организаций и предприятий области по оказанию услуг в области рекламы.
19. ГАТО. Ф. Р-2089. Оп. 1. Д. 165: Брошюра «45 лет. Телевидение. Томск. 1955–2000».
20. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 3. Д. 1231: Приказы по основной деятельности (12.01.1993–21.12 1993).
21. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 3. Д. 1244: Приказы по основной деятельности (за 1996 г.).
22. ГАТО. Ф. Р-2089. Оп. 1. Д. 6: Энциклопедия ТВ-2.
23. ГАТО. Ф. Р-2089. Оп. 1. Д. 4: Буклет, посвященный 10-летию ТВ-2.
24. ГАТО. Ф. Р-909. Оп. 3. Д. 1255: Приказы по основной деятельности (за 1998 г.).
25. ГАТО. Ф. Р-2089. Оп. 1. Д. 7: «Медиана». Корпоративное издание Томской медиа группы.

References

1. Zhilyakova, N.V. (2020) Noveyshaya istoriya tomskoy zhurnalistiki: gazety, zhurnaly i elektronnye SMI v periody “perestroyki” i “likhikh devyanostykh” [The latest history of Tomsk journalism: newspapers, magazines and electronic media during the periods of “perestroika” and “dashing nineties”]. *Vek informatsii*. 3. pp. 58–67.
2. Russian Federation. (1992) O sredstvakh massovoy informatsii: zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 01.03.2022) [On the mass media: Law No. 2124-1 of the Russian Federation of December 27, 1991 (as amended on July 1, 2021, as amended on March 1, 2022)]. *Rossiyskaya gazeta*. 32. pp. 3–4.
3. Russian Federation. (2006) O reklame: federal'nyy zakon ot 03.03.2006 № 38-FZ [On advertising: Federal Law No. 38-FZ of March 3, 2006]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Collected Laws of the Russian Federation*. 12.
4. Inshakova, N.G. (2005) Reklama v pechatnykh izdaniyakh i pechatnaya reklama: o problemakh terminologii, klassifikatsii i kachestva [Advertising in printed editions and print advertising: about the problems of terminology, classification and quality]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 3. pp. 57–64.
5. Tolstikhina, I.V. (2017) Osobennosti pechatnoy reklamy v SMI [Print advertising in the media]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 26. pp. 70–73.
6. Shchepilova, G.G. (2009) Polivariantnost' podkhodov k izucheniyu reklamy v SMI [Polyvariance of approaches to the study of advertising in the media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 20–30.
7. Petko, E.V. (2017) Kharakternye osobennosti regional'nykh SMI i tipy reklamy v nikh [Specificity of regional media and types of advertising in them]. *Idei i novatsii*. 1. pp. 117–130.
8. Ezhova, E.N. (2010) Media-reklamnaya kartina mira kak artefakt kul'tury: simbioz SMI i reklamy [Media-advertising picture of the world as an artefact of culture: symbiosis of media and advertising]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South*. 1. pp. 84–86.
9. Shchepilova, G.G. (2011) Funktsional'nyy podkhod k izucheniyu reklamy v SMI [Functional approach to the study of media advertising]. *Mediaskop*. 2. pp. 1–10.
10. Shchepilova, G.G. (2008) Reklama v strukture sovremennykh SMI [Advertising in the structure of modern media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 5. pp. 64–69.

11. Shesterkina, L.P. & Lobodenko, L.K. (2013) Strukturno-sozherzhatel'naya transformatsiya vzaimodeystviya zhurnalistiki, reklamy i PR v internet-SMI [Structural and content transformation of the interaction between journalism, advertising and PR in online media]. *Nauchnoe mnenie*. 3. pp. 77–86
12. Dubinina, E.V., Karslyan, L.M. & Zakirova, Z.R. (2015) Internet-reklama kak dominiruyushchiy instrument na rynke reklamy [Internet advertising as a dominant tool in the advertising market]. In: *Nauka segodnya: teoriya i praktika* [Science Today: Theory and Practice]. Ufa: [s.n.]. pp. 77–80.
13. Antonov-Ovseenko, A.A. (2017) Aktual'nye tendentsii v razmeshchenii reklamy v klassicheskikh SMI i v informatsionnykh resursakh seti Internet [Current trends in advertising in the classical media and in the information resources of the Internet]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*. 3. pp. 106–109.
14. Jennings, B. & Susan, T. (2004) *Osnovy vozdeystviya SMI* [Fundamentals of media exposure]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.
15. Russian Federation. (n.d.) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti uchrezhdeniy, zanimayushchikhsya reklamnoy deyatel'nost'yu, 1995–1996 gg.* [Key performance indicators of institutions engaged in advertising activities, 1995–1996]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1085. List 15. File 1877.
16. Russian Federation. (n.d.) *Osnovnye pokazateli raboty organizatsiy, zanimayushchikhsya reklamnoy deyatel'nost'yu, 1997–1998 gg.* [Key performance indicators of organizations engaged in advertising activities, 1997–1998]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1085. List 15. File 2008:
17. Russian Federation. (n.d.) *Svodnye svedeniya organizatsiy i predpriyatiy oblasti po okazaniyu uslug v oblasti reklamy* [Summary information of organizations and enterprises of the region providing services in the field of advertising]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1085. List 15. File 5053:
18. Russian Federation. (n.d.) *Svedeniya organizatsiy i predpriyatiy oblasti po okazaniyu uslug v oblasti reklamy* [Information of organizations and enterprises of the region providing services in the field of advertising]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1085. List 15. File 2528.
19. Russian Federation. (n.d.) *Broshyura "45 let. Televidenie. Tomsk. 1955–2000"* [Brochure "45 years. TV. Tomsk. 1955–2000"]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-2089. List 1. File 165.
20. Russian Federation. (n.d.) *Prikazy po osnovnoy deyatel'nosti (12.01.1993–21.12 1993)* [Orders for the main activity (12.01.1993–21.12.1993)]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 3. File 1231.
21. Russian Federation. (n.d.) *Prikazy po osnovnoy deyatel'nosti (za 1996 g.)* [Orders for the main activity (for 1996)]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 3. File 1244.
22. Russian Federation. (n.d.) *Entsiklopediya TV-2* [Encyclopedia TV-2]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-2089. List 1. File 6.
23. Russian Federation. (n.d.) *Buklet, posvyashchennyy 10-letiyu TV-2* [Booklet dedicated to the 10th anniversary of TV-2]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-2089. List 1. File 4.
24. Russian Federation. (n.d.) *Prikazy po osnovnoy deyatel'nosti (za 1998 g.)* [Orders for the main activity (for 1998)]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-909. List 3. File 1255.
25. Russian Federation. (n.d.) *"Mediana". Korporativnoe izdanie Tomskoy media gruppy* ["Median." Corporate publication of the Tomsk media group]. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund R-2089. List 1. File 7.

***Сведения об авторах*:**
Войтикова Валерия Андреевна – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета; учитель истории Средней школы № 37 г. Томска (Томск, Россия). E-mail: gruzdevavalerya@yandex.ru
Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Voitikova Valeria A. – Postgraduate of the Department of Russian History, Tomsk State University; History Teacher, Secondary school No. 37 (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gruzdevavalerya@yandex.ru
Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 29.02.2022; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 664, 94(47).084.8; 338.245.4
doi: 10.17223/19988613/79/6

Эксплуатация гитлеровскими захватчиками предприятий советской пищевой промышленности в годы Великой Отечественной войны

Дмитрий Евгеньевич Комаров[1], Надежда Сергеевна Коржикова[2], Екатерина Андреевна Вихарь-Платова[3]

[1, 2, 3] Смоленский институт промышленных технологий и бизнеса (филиал) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, Вязьма, Россия
[1] buffel1943@mail.ru
[2] buhvfmgutu@mail.ru
[3] ekaterina_platov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о планах гитлеровских захватчиков в отношении советской пищевой промышленности и их реализации в ходе Великой Отечественной войны. Приведены данные об эксплуатации захватчиками предприятий пищевой отрасли, покрывавших значительные потребности немецкой армии на восточном фронте. Делается вывод, что эксплуатация предприятий пищевой промышленности исключительно для нужд германской армии стала одной из причин массовой гибели советских граждан в период вражеской оккупации.
Ключевые слова: пищевая промышленность, Великая Отечественная война, оккупация, оккупационный режим, преступления нацизма

Для цитирования: Комаров Д.Е., Коржикова Н.С., Вихарь-Платова Е.А. Эксплуатация гитлеровскими захватчиками предприятий советской пищевой промышленности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 51–58. doi: 10.17223/19988613/79/6

Original article

Exploitation by Hitler's invaders of enterprises of the soviet food industry during the Great Patriotik war

Dmitry E. Komarov[1], Nadezhda S. Korzhikova[2], Ekaterina A. Vihar-Platova[3]

[1, 2, 3] Smolensk Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management, Vyazma, Russian Federation
[1] buffel1943@mail.ru
[2] buhvfmgutu@mail.ru
[3] ekaterina_platov@mail.ru

Abstract. This article considers the plans of the Nazi invaders in relation to the Soviet food industry and their implementation during the Great Patriotic War. It is shown that in the territory under occupation the main potential of the food industry of the Soviet Union was concentrated. The stages and basic principles laid down by the leaders of Nazi Germany in the plans for the economic pillage of the Soviet Union in the upcoming war were considered. It is shown that the mastery of the food resources of the USSR, as well as oil are the main economic goals of the Oldenburg plan - the economic section of the general plan of Barbarossa, which implied the lightning defeat of the Red Army and the capture of almost the entire European part of the USSR. It is noted that the main potential of both agricultural production and the food industry of the Soviet Union was concentrated in the areas that were occupied. The loss of these capacities seriously affected the food supply during the war. It is concluded that food industry facilities were evacuated deep into the USSR, for many reasons, to a lesser extent than those of the strategic and defense industries. The restoration and launch of the industry were determined by the needs of the German army and the Third Reich, where in 1941 there was a serious decrease in food rations. In the following war years, the food problem both in the Reich and in the army units of the German army fighting on the Eastern front worsened. The enemy considered it appropriate to "pump" agricultural raw materials from the occupied regions and transport them to Germany for further processing at their enterprises. The article presents the results of the operation of the numerous enterprises engaged in grain processing, meat, sugar and dairy production, and other industries that were at the disposal of the invaders. It is shown that food production, which was put into operation in the occupied territory, largely covered the needs of units of the German army fighting on the eastern front and the occupation administration. Food production in the interests of the local population was not considered or prohibited. With the beginning of a radical change in the Great Patriotic war, the organization of the work of Soviet food industry facilities faded into the background. The primary issues were the acquisition of food raw materials. Widespread

© Д.Е. Комаров, Н.С. Коржикова, Е.А. Вихарь-Платова, 2022

use was given to the practice of "pumping food out of the "dead zones"", the population of which was doomed to starvation. It is concluded that the exploitation by the invaders of the Soviet food industry exclusively for the needs of the German army became one of the reasons for the mass death of Soviet citizens during the period of enemy occupation.
Keywords: food industry, World War II, occupation, occupation regime, crimes of Nazism

For citation: Komarov, D.E., Korzhikova, N.S., Vihar-Platova, E.A. (2022) Exploitation by Hitler's invaders of enterprises of the soviet food industry during the Great Patriotik war. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 51–58. doi: 10.17223/19988613/79/6

Гитлеровский план по нападению на СССР – план «Барбаросса» – имел детально разработанную экономическую часть осуществления агрессии, получившую название план «Ольденбург» и содержавшую в себе перечень руководящих установок и конкретные цели по захвату и овладению экономикой Советского Союза. Ответственным за реализацию этого плана был назначен рейхсмаршал Геринг как курирующий выполнение четырехлетнего плана в третьем рейхе.

В рамках плана «Ольденбург» противником был создан разветвленный аппарат по разграблению СССР, который делился на три большие группы, одна из которых – группа L – концентрировалась на вопросах продовольственного снабжения и сельского хозяйства [1. С. 26, 27].

В отечественной историографии как советского, так и современного периода вопрос о том, какой объем пищевой индустрии СССР достался врагу и в какой степени захватчики им воспользовались, не стал объектом самостоятельного и всестороннего изучения. Как правило, работа отечественной пищевой отрасли военного периода рассматривалась отдельным блоком в рамках исследований, посвященных функционированию всей советской экономики в период Великой Отечественной войны [2–5]. За последние 20 лет опубликован ряд работ, изучающих развитие пищевой отрасли в годы войны на примере отдельных регионов СССР [6, 7]. Однако географические рамки этих исследований охватывают только советские тыловые районы.

Вопрос об эксплуатации экономического потенциала пищевой отрасли на советской территории, оказавшейся под властью захватчиков, рассмотрен отдельной главой только в одном исследовании, с момента публикации которого прошло уже более 50 лет. В 1970 г. вышла в свет монография активного участника партизанского движения историка А.Ф. Юденкова и экономиста, занимавшегося вопросами военной экономики, М.М. Загорулько «Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР» [8]. Четыре года спустя было опубликовано второе, дополненное издание этой монографии с несколько измененным названием [9]. В этой работе на основе разнообразных источников рассматривается вопрос о срывах советскими патриотами планов гитлеровского командования в отношении предприятий советской пищевой промышленности и сельского хозяйства. Этот вопрос является фрагментом общего анализа эксплуатации захватчиками всего экономического потенциала, оставленного на оккупированной территории Советского Союза. В постсоветский период был издан ряд работ, развивающих общую концепцию труда М.М. Загорулько и А.Ф. Юденкова [10]. Как видим, до сегодняшнего дня тема эксплуатации гитлеровцами и их союзниками советской пищевой отрасли не стала объектом самостоятельного исследования. Между тем в современном мире с его многочисленными глобальными вызовами вопросы пищевой безопасности выходят на первое место. Выработка эффективных ответов на этот вызов предполагает детальное изучение и обобщение всего исторического опыта функционирования пищевой отрасли, особенно в критические периоды истории, к которым относится Великая Отечественная война.

В статье использован достаточно разнообразный массив источников по обозначенной проблеме. В первую очередь это сборники документов, издаваемые с определенной периодичностью на протяжении всего послевоенного периода [1, 11]. Поскольку интересующие нас процессы развивались на оккупированной врагом территории, особое значение приобретают документы германской стороны и оккупационных администраций. В исследовании задействован пласт трофейных документов третьего рейха. В них содержится информация в том числе и о работе пищевой отрасли на оккупированных территориях и о снабжении населения продуктами. Прежде всего это документы Государственного архива Российской Федерации, фонд № 7021 «Чрезвычайная государственная комиссия о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной советской территории» [12]. Значительный массив трофейных документов хранится в Российском государственном военном архиве (в фондах бывшего Особого архива). Наибольший интерес представляют документы фонда № 700 «Уполномоченный по нацистской четырехлетке – Геринг, г. Берлин» [13], в котором содержатся материалы в том числе и по пищевой отрасли и продовольственным вопросам на оккупированных восточных территориях. Рассматриваемые в статье данные содержатся и в документах советских партизан. Так, в годы войны партизанские отряды составляли отчеты о «положении на оккупированной территории». В таких отчетах обязательными являлись пункты о «продовольственном положении» и о «запущенных противником предприятиях». Эти документы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд № 69 «Центральный штаб партизанского движения») [14]. Большое число документов, включая трофейные, содержится в личном фонде начальника Центрального штаба партизанского движения Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко [15]. Значительно дополняют информацию из центральных архивохранилищ материалы региональных архивов: документы Западного штаба пар-

тизанского движения [16] и документы оккупационных администраций периода временной оккупации Смоленской области [17]. Привлеченный комплекс источников позволяет изучить поднятую в статье проблему на достаточно высоком научном уровне и, что важно, определяет вектор дальнейшей разработки поднятых в статье вопросов представителями научного сообщества.

За полтора месяца до нападения на Советский Союз на заседании штаба «Ольденбург» 2 мая 1941 г. были определены основные направления действий по ограблению и эксплуатации экономики СССР, первым из которых определялось следующее: «Продолжать войну можно лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны (имеется в виду мировая война, начавшаяся в 1939 г. – *Д.К., Н.К., Е.В.-П.*) будут снабжаться продовольствием за счет России…» Эти и другие установки легли в основу утвержденной накануне агрессии, 16 июня 1941 г., «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка»). Документ содержал главную мысль: «Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании…» [11. С. 367].

Как видим, решение продовольственной проблемы являлось главной задачей. В 1939 г. продовольственный дефицит Германии составлял около 6 млн т зерна и 600 тыс. т жиров. В связи с этим 27 августа 1939 г. было издано распоряжение об обязательной сдаче хозяйствами продуктов государству. Сокращалась калорийность продуктов, потребляемых одним человеком в день: если в 1938 г. в Германии она составляла 3 000 ккал, то в 1939 – 2 435 ккал, а в конце 1941 г. – 1 928 ккал [18. С. 453].

Первой задачей для захватчиков являлось наиболее быстрое осуществление продовольственного снабжения армии за счет оккупированных территорий. При учете продовольствия главное внимание уделялось масличным и зерновым культурам. Вопросы «продовольственного планирования» наглядно демонстрируют преступную сущность нацистского режима и страшную судьбу, которую отводили захватчики нашему народу. В упомянутой выше «Зеленой папке» содержалась информация об условном разделе всей территории СССР, предполагаемой к оккупации, на «производящую» и «потребляющую». При этом указывалось: «…имеющиеся в южных областях излишки и запасы урожая должны быть сохранены всеми средствами… решительно препятствовать вывозу урожая в потребляющие области средней и северной России» [11. С. 367]. Очевидно, в немецких планах огромная часть населения СССР обрекалась на голод. А. Розенберг, министр восточных территорий, в своей речи 20 июня 1941 г. уточнил эту установку: «Мы не берем на себя никаких обязательств по поводу того, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия. Мы знаем, что это является жесткой необходимостью, которая выходит за пределы всяких чувств. Несомненно, что необходимо провести очень большую эвакуацию, и для русских предстоят очень тяжелые годы» [1. С. 42]. В дополнение к этому предполагалось увеличить поступление продовольствия для нужд Германии и другими бесчеловечными способами. Так, в донесении инспектора управления военной экономики и снаряжения по Украине от 2 декабря 1941 г. предлагалось сократить внутреннее потребление в оккупированных областях следующими способами:

«1) путем истребления лишних едоков (евреев, населения крупных украинских городов…);

2) путем крайнего сокращения продовольственных норм для украинцев в других городах;

3) путем ликвидации “проедания” (продовольствия) сельским населением…» [19. С. 333].

Свои планы захватчики строили на детальном изучении состояния пищевой промышленности Советского Союза и сельского хозяйства в целом. Так, за годы первых пятилеток пищевая индустрия СССР превратилась в мощную современную отрасль. К началу 1940 г. в стране работало 423 мясокомбината, 192 птицекомбината, 9 577 заводов по переработке молока, 211 сахарных заводов, 416 хлебозаводов, 11 кондитерских фабрик, 49 макаронных фабрик, 34 табачные фабрики, 34 чайные фабрики и большое количество мукомольных, крупорушных, маслобойных предприятий, консервных и других заводов и фабрик [2. С. 135, 136] (табл 1).

Таблица 1

Производство продукции советской пищевой промышленностью за 1940 г.

Продукция	Количественное выражение
Сахар-песок, тыс. т.	2 165
Мясо (включая субпродукты первой категории), тыс. т.	1 501
Масло животное, тыс. т.	226
Масло растительное, тыс. т.	798
Маргарин и комбижиры, тыс. т.	121
Цельномолочная продукция в пересчете на молоко, млн т.	1,3
Консервы, млн условных банок	1 113

Составлено по: [20. С. 102–103; 21. С. 433–456]

22 июня 1941 г. противник вторгся на территорию Советского Союза и стал стремительно продвигаться на Восток. За первые 15–18 дней войны враг продвинулся на глубину до 350–600 км. В зоне боевых действий и под угрозой захвата оказалось огромное количество промышленных объектов. С первых дней развернулась масштабная эвакуация предприятий и ценностей вглубь советской территории. По вполне понятным причинам в первую очередь вывозились объекты оборонного значения, предприятия индустриального сектора, а предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности перебазировались на восток во вторую очередь. Многие фабрики и заводы пищевой отрасли из оккупированных районов так и не были вывезены, в лучшем случае там было уничтожено или снято высокотехнологичное оборудование.

Всего с июля по ноябрь 1941 г. в безопасные районы было эвакуировано лишь 250 предприятий пищевой промышленности [10. С. 46] – основном крупные заводы и фабрики отрасли, а тысячи мелких и средних хлебозаводов, молокозаводов, пищекомбинатов, консервных фабрик и других объектов остались на оккупированной противником территории. Это сразу же отразилось на основных показателях пищевой отрасли СССР (табл. 2).

В данной статье рассматривается вопрос, как и в какой мере захватчики воспользовались оказавшимися под их властью объектами пищевой промышленности. Следует отметить, что германская армия вторжения была обеспечена продовольствием только на 20 дней операции «Барбаросса» [22. С. 63]. В дальнейшем в действие вступал план «Ольденбург». Благодаря стремительному наступлению в руках захватчиков оказались колоссальные мобилизационные ресурсы, включая продовольствие, сосредоточенные в западных районах. Уже к 10 июля 1941 г. в руки противника попало 200 прифронтовых складов и складов центрального подчинения, т.е. 52% от их общего числа [10. С. 48].

Таблица 2

Снижение объемов работы советской пищевой промышленности во второй половине 1941 г.

Виды производства	Наличие на 1 января 1941 г.	Потеря на 1 ноября 1941 г.
Сахар, тыс. ц свеклы в сутки	1 814	1 679
Масло растительное, тыс. т семян в сутки	13	6
Консервы молочные, тыс. банок в смену	127	67
Макароны, т в сутки	1408	914

Составлено по: [3. С. 85].

Однако захваченное продовольствие обеспечило только временное удовлетворение потребностей германской армии, хозяйственные команды перешли к восстановлению пищевых предприятий и организации бесперебойного снабжения войск. Работы проводились строго в соответствии с установками, содержавшимися в «Зеленой папке»: «Предприятия пищевой промышленности, кормовых средств и маслобойные заводы должны по мере надобности пускаться в ход хозяйственными инспекциями. Для снабжения войсковых частей интендантство может самостоятельно использовать мельницы, хлебозаводы и скотобойни. Перерабатывающие предприятия, такие как консервные фабрики, сахарные и рафинадные заводы, заводы пищевой промышленности и т.д., могут, как правило, быть запущены в ход только хозяйственными инстанциями» [11. С. 373].

В июле 1942 г. было образовано центральное торговое общество «Восток» (ЦТО), на которое централизованно была возложена ответственность за восстановление и эксплуатацию предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности. Рассмотрим отдельные результаты его деятельности.

Первоочередное внимание было уделено восстановлению и функционированию мукомольного и хлебопекарного производства. Значительная часть мельниц и хлебозаводов была разрушена и демонтирована в период эвакуации. Поэтому новым хозяевам пришлось завозить недостающие детали и оборудование из Германии и оккупированных ею стран. Всего до конца мая 1943 г. в оккупированные районы СССР было ввезено машин и оборудования для мельниц и хлебозаводов на общую сумму почти 1,3 млн рейхсмарок. В общей сложности на оккупированной территории СССР захватчикам до 30 апреля 1943 г. удалось восстановить и построить заново 16 137 мельниц с дневной производительностью 43 094 т. Подавляющее большинство мельниц было размещено на Украине, основной поставщице зерновых, – 14 103 мельницы с дневной производительностью 37 111 т. В значительном объеме на оккупированной территории были восстановлены и хлебозаводы. Большая их часть – 813 из 872 – также размещалась на Украине. Остальные хлебозаводы находились в тыловых районах германских армейских группировок. Как правило, это были небольшие производства с суточной мощностью 10–15 т [9. С. 313–314]. Для нужд местного населения работали пекарни. В тех местах, где германское командование считало ненужным налаживать работу мельниц и пекарен, находящимся на довольствии жителям пайки выдавали зерном. Все сельское население перемалывало зерно вручную.

В распоряжении захватчиков оказалось значительное число предприятий молочной промышленности. Как правило, это были малые и средние молокозаводы, распределенные по всей территории. По имеющимся данным, на занятой врагом территории было оставлено до 31 млн голов крупного рогатого скота. Для того чтобы начали работать молокозаводы, ЦТО только в 1943 г. было завезено в оккупированные районы СССР оборудования для молочной промышленности на сумму 6,6 млн рейхсмаркок [Там же. С. 313]. Усиленное внимание захватчиков к молочной промышленности объяснялось не только тем, что молочные продукты позволяли увеличить калорийность пайка немецких солдат, но и тем, что именно молочная продукция компенсировала острую нехватку вермахта в жирах. Особое значение молочная продукция имела для раненых немецких военнослужащих.

При невозможности восстановить предприятия молочной промышленности оккупационные власти перекладывали обязанность переработки молока на местное население или использовали это обстоятельство для ограбления. Например, в памятке «ландвиртшафтсфюрерам» (руководитель по сельскому хозяйству оккупационной администрации. – *Д.К., Н.К., Е.В.-П.*) от 24 мая 1942 г. указывалось: «В местах, где отсутствуют молочные заведения, дать распоряжение, чтобы жители сами заготавливали масло и сдавали его на заготовительные пункты» [15. Оп. 1. Д. 22. Л. 209].

Большое значение для германской армии имело обеспечение мясом. В основном скот перерабатывался

и потреблялся без задействования мясоперерабатывающих производств. Среди заводов и комбинатов, запущенных оккупантами, следует отметить мясокомбинат в Орше, который летом 1942 г. работал на полную мощность. Сырьем он обеспечивался за счет реквизиций скота из прифронтовой полосы [16. Оп. 2. Д. 106. Л. 15]. В тех районах, где разрушения при эвакуации были значительными, гитлеровцы прибегали к более рациональным методам переработки оставшегося неугнанным в безопасные районы скота. Например, на территории оккупированных районов Ставрополья захватчиками были организованы стационарно-передвижные фабрики по переработке забитого скота на колбасу, ветчину, консервы. Такие фабрики комплектовались имевшимся в наличии советским оборудованием и комплектующими, доставляемыми из Германии. Продукция этих фабрик шла на потребление вермахта, но определенный процент отправлялся в Германию [23. С. 120].

Наибольших результатов противник добился в эксплуатации мощностей сахарной промышленности. На занятой врагом территории располагалось 196 сахарных заводов, дававших 89,7% всего сахара по СССР [Там же. С. 209]. По имеющимся данным, до конца июня 1943 г. из Украины было вывезено 155 тыс. т сахара. За годы оккупации из Белоруссии, где сахарная промышленность до войны была не слишком развита, захватчики вывезли 21 862 т сахара. Всего же, по информации, приводимой министром восточных территорий А. Розенбергом, до 31 марта 1944 г. в Германию было поставлено 400 тыс. т сахара [11. С. 262; 14. Оп. 1. Д. 1032. Л. 50; 24. С. 176, 208]. Конечно, это количество составляет менее 1/3 годового производства сахара на Украине в предвоенный период, но следует учитывать, что работа сахарных заводов зависела от урожая сахарной свеклы на оккупированной территории и была ориентирована на требования германской стороны.

Кроме указанного выше, оккупанты к середине 1943 г. наладили работу 1 991 молокозавода, 110 зернохранилищ, 31 завода по переработке овощей и фруктов. Что касается других объектов пищевой отрасли, то их восстановление и функционирование осуществлялось настолько, насколько это было необходимо общегерманским экономическим интересам. Всего же за указанный период на занятой противником территории работало около 20 тыс. предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности [9. С. 314, 374]. Если того требовала необходимость, гитлеровские власти обеспечивали серьезные капиталовложения в восстановление и переоборудование пищевых производств. Так, в отчете Центрального штаба «Восток» за октябрь 1943 г. отмечалось, что только за октябрь 1943 г. по земельной программе «Восток» в сельское хозяйство и пищевую промышленность оккупированных восточных районов была вложена достаточно значительная сумма в 500 млн немецких марок [13. Ф. 700. Оп. 2. Д. 4. Л. 3 об.].

По имеющимся данным, в первый год войны совместными действиями военных и гражданских оккупационных органов потребности в продовольствии трех групп армий на Восточном фронте удовлетворялись: в хлебе – на 80%, мясе – на 83%, жирах – 77%, картофеле – 70% [25. С. 130]. В общей сложности, по данным ЦТО «Восток», захватчики в период с августа 1941 г. по март 1944 г. изъяли и потребили 15 млн т зерна, мяса, масла, сахара и других продуктов, полученных с оккупированных советских территорий [Там же. С. 206].

Говоря об эксплуатации советской пищевой промышленности гитлеровскими захватчиками, уместна постановка вопроса о том, в какой степени оккупанты обеспечивали продуктами питания местное население. Ответ очевиден: снабжение продуктами питания местного населения не входило в планы германского командования либо предусматривалось в минимальном объеме. Основной задачей пищевой отрасли на оккупированной территории являлись снабжение продуктами питания частей вермахта, новой администрации и отправка продовольствия в Германию. Так, на заседании группы сельского хозяйства хозяйственной команды № 208 от 17 июня 1944 г. отмечалось, что в 1944 г. в тыловых районах группы армий «Центр» планировалось получить 21 тыс. т мяса, а на нужды местного населения предполагалось отпустить только 5 тыс. т [15. Оп. 1. Д. 22. Л. 232]. Напомним, что в тыловые районы группы армий «Центр» к 1944 г. входила практически вся Белоруссия с населением, оставшимся в оккупации, не менее 7 млн человек [26. С. 646]. Снабжение сельского населения изделиями предприятий пищевой промышленности не осуществлялось вообще, а продовольственные пайки городским жителям выдавались в минимальном объеме, чтобы не допустить голодной смерти и эксплуатировать труд советских граждан на нужды Германии. В одном из донесений штабу группы армий «Юг» от 28 октября 1941 г. указывалось: «Снабжение больших городов возможно лишь в очень ограниченных размерах». В августе 1942 г. экономическое управление района Ростова планировало прекратить выдачу хлеба населению Таганрога, насчитывавшему 95 тыс. жителей [11. С. 395; 27. С. 209]. В памятке «ландвиртшафтсфюрерам» от 24 мая 1942 г. указывалось: «Маслобойные заводы, пригодные к эксплуатации, использовать лишь только в объеме, необходимом для удовлетворения нужд частей (вермахта), в остальное время они не должны работать» [15. Оп. 1. Д. 22. Л. 209]. Как видим, руководящие документы категорически запрещали эксплуатировать пищевую промышленность для нужд местного населения. Озвученные выше свидетельства в полной мере укладываются в основные требования, предъявляемые Гитлером к «восточным территориям»: «…прежде всего, добиться уменьшения числа славянского населения… Нужно уничтожить 20 млн человек. Начиная с настоящего времени, это будет одна из основных задач германской политики, задач, рассчитанных на длительный срок, – всеми средствами уменьшить плодовитость славян» [27. С. 10].

По распоряжению начальника оперативного тыла группы армий «Центр» от 3 октября 1943 г. суточная продовольственная норма для рабочего была определена в 1 000 калорий, в нее входили: 186 г хлеба, 425 г картофеля, 25 г прочих продуктов; мясо и жиры исключались. Несколько бóльшим был рацион в Прибал-

тике. В Вильнюсе в начале 1943 г. рабочий получал 200 г хлеба с овсом и 30 г гороха в день, 150 г сахара и 140 г масла в неделю, 600 г мяса в месяц. На всей оккупированной территории употребление в пищу сельским населением растительного и животного масла, лука, птицы и тому подобного категорически запрещалось. Эти продукты подлежали стопроцентной сдаче [10. С. 211; 11. С. 535]. Однако многочисленные факты свидетельствуют, что даже этого минимального объема продовольствия местное население не получало. Например, в оккупированной Смоленской области Областным земельным управлением в 1942 г. для крестьян был установлен продовольственный минимум – 1 ц зерновых на едока в год [28. С. 199]. Но и этот голодный минимум реально нигде не соблюдался. В табл. 3 приведены данные о количестве зерновых, оставшихся в районах области после сдачи военного сбора и формирования семенного фонда в 1942 г.

Таблица 3

Количество зерновых, находившихся в распоряжении крестьян Смоленской области в 1942 г.

№	Районы	Зерновые, ц	В том числе ржи, ц
1	Кардымовский	0,25	0,18
2	Касплянский	0,67	0,28
3	Краснинский	0,52	0,40
4	Монастырщинский	0,82	0,57
5	Починковский	0,72	0,60
6	Руднянский	0,60	0,40
7	Смоленский	0,35	0,20
Всего:		0,53	0,37

Составлдено по: [17. Оп. 1. Д. 237. Л. 218, 219, 219 об.]

Как видно из табл. 3, среднее количество зерна на одного едока в год по области составляло 53 кг (145 г в день), из которых рожь – 37 кг (100 г в день). При этом обеспеченность населения продовольствием была неравномерной. В районах, прилегавших к областному центру (Смоленский и Кардымовский), она была минимальной – 0,25–0,35 ц. При простом пересчете этого количества получается, что на одного человека в день приходилось 82 г зерна. Несколько лучшим было положение в районах западной группы.

Если того требовали интересы вермахта, огромные пространства советской территории подвергались тотальному изъятию продовольствия, тем самым мирное население обрекалось на голодную смерть.

В этой связи уместно привести информацию, озвученную на совещании сельскохозяйственной группы Центральной группы войск 9-й армии и чиновников рейхскомиссариата «Остланд» в июне 1944 г. Там говорилось, что в 1943 г. в тыловых районах 9-й армии (армия дислоцировалась на территории западных областей РСФСР и восточной Белоруссии) мяса было заготовлено 130% от плана, картофеля – 115%, сена – 210% и т.д. Причем отмечалось, что «такие результаты достигнуты за счет того, что мы выкачивали все без остатка из “мертвых зон”» [15. Оп. 1. Д. 20. Л. 237]. В немецких документах формулировка «выкачивание продовольствия из “мертвых зон”» встречается довольно часто. Давая такое определение, оккупанты в полной мере отдавали себе отчет в том, какая участь ждет население этих районов. Политика захватчиков в отношении пищевой промышленности и сельского хозяйства СССР в целом явилась одной из причин массовой гибели советских граждан в период вражеской оккупации. Согласно официальным данным, на оккупированной врагом советской территории погибли более 11 млн советских граждан [29], 4 млн из которых умерли от преднамеренно жестоких условий оккупационного режима, в первую очередь от голода.

Список источников

1. Преступные цели – преступные средства : документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). 3-е изд. М. : Экономика, 1985. 328 с.
2. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Наука, 1970. 502 с.
3. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Мысль, 1985. 494 с.
4. Кравченко Г. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М. : Экономика, 1970. 379 с.
5. Кантор Л.М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ин-та экономики и финансов, 1991. 91 с.
6. Юсупова С.Н. Пищевая промышленность Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : дис. … канд. ист. наук. Самара, 2007. 282 с.
7. Широков Г.А. Они тоже ковали победу. Пищевая промышленность Куйбышевского Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара : Науч.-техн. центр, 2017. 192 с.
8. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М. : Экономика, 1970. 271 с.
9. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». О срыве экономических планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. М. : Экономика, 1974. 383 с.
10. Комаров Д.Е. Эксплуатация советской экономики немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.). Смоленск : СГПУ, 2001. 188 с
11. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. М. : Юрид. лит., 1990. Т. 4. 672 с.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021 (Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР).
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 700 (Уполномоченный по нацистской четырехлетке – Геринг, г. Берлин).

14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69 (Центральный штаб партизанского движения).
15. РГАСПИ. Ф. 625 (Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич).
16. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. (Западный штаб партизанского движения).
17. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2573 (Смоленская городская управа).
18. Рике Г.-И. Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны // Итоги второй мировой войны. СПб. : Полигон, 1998. С. 443–469.
19. Фестер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Прусско-германский генеральный штаб 1640–1965 гг: к его политической роли в истории. М. : Мысль, 1966. 573 с.
20. Советская страна за 50 лет : сб. стат. материалов. М. : Статистика, 1967. 351 с.
21. Промышленность СССР. М. : Статистика, 1964. 495 с.
22. Анфилов В.А. Провал «Блицкрига». М. : Наука, 1974. 615 с.
23. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. М. : Наука, 1964. 208 с.
24. Сорокин Г.М., Вирнык Д.Ф., Липило П.П. Немецко-фашистская система ограбления и экономической эксплуатации оккупированной территории СССР// Немецко-фашистский оккупационный режим. М. : Политиздат, 1965. С. 151–209.
25. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944) : о роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М. : Воениздат, 1974. 387 с.
26. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1990. 679 с.
27. Знать и помнить. Преступления фашизма в годы Великой Отечественной войны. М. : Вече, 2018. 571 с.
28. Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск : Свиток, 2015. 450 с.
29. Проект «Без срока давности». Потери мирного населения СССР в годы Великой Отечественной воины. URL: http://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/about (дата обращения: 12.10.2020).

References

1. Zastavenko, G.F. et al. (1985) *Prestupnye tseli – prestupnye sredstva: dokumenty ob okkupatsionnoy politike fashistskoy Germanii na territorii SSSR (1941–1944 gg.)* [Criminal goals – criminal means: documents on the occupation policy of Nazi Germany on the territory of the USSR (1941–1944)]. 3rd ed. Moscow: Ekonomika.
2. Gladkov, I.A. (ed.) (1970) *Sovetskaya ekonomika v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (1970)* [Soviet economy during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Nauka.
3. Chadaev Ya.E. (1985) *Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The economy of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl'.
4. Kravchenko, G.E. (1970) *Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Economy of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Ekonomika.
5. Kantor, L.M. (1991) *Promyshlennost' SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Industry of the USSR during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of Economics and Finance.
6. Yusupova, S.N. (2007) *Pishchevaya promyshlennost' Srednego Povolzh'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [Food industry of the Middle Volga region during the Great Patriotic War of 1941–1945]. History Cand. Diss. Samara.
7. Shirokov, G.A. (2017) *Oni tozhe kovali pobedu. Pishchevaya promyshlennost' Kuybyshevskogo Povolzh'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [They also forged victory. Food industry of the Kuibyshev Volga region during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Samara: Nauch.-tekhn. tsentr.
8. Zagorulko, M.M. & Yudenkov, A.F. (1970) *Krakh ekonomicheskikh planov fashistskoy Germanii na vremenno okkupirovannoy territorii SSSR* [The collapse of the economic plans of Nazi Germany in the temporarily occupied territory of the USSR]. Moscow: Ekonomika.
9. Zagorulko, M.M. & Yudenkov, A.F. (1974) *Krakh plana "Ol'denburg". O sryve ekonomicheskikh planov fashistskoy Germanii na okkupirovannoy territorii SSSR* [The collapse of the Oldenburg plan. On the disruption of the economic plans of fascist Germany in the occupied territory of the USSR]. Moscow: Ekonomika.
10. Komarov, D.E. (2001) *Ekspluatatsiya sovetskoy ekonomiki nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1944 gg.)* [The exploitation of the Soviet economy by the Nazi invaders during the Great Patriotic War (1941–1944)]. Smolensk: SPSU.
11. Rekunkov, A.M. (ed.) (1990) *Nyurnbergskiy protsess* [The Nuremberg Trials]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 7021.
13. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 700.
14. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 69.
15. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 625.
16. The State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region (GANISO). Fund 8.
17. The State Archive of Smolensk Region (GASO). Fund 2573.
18. Rike, H.-I. (1998) Prodovol'stvennaya problema i sel'skoe khozyaystvo vo vremya voyny [Food problem and agriculture during the war]. In*: Itogi vtoroy mirovoy voyny* [The results of WWII]. St. Petersburg: Polygon. pp. 443–469.
19. Fester, G., Helmert, G., Otto, G. & Schnitter, G. (1966) *Prussko-germanskiy general'nyy shtab 1640–1965 gg: k ego politicheskoy roli v istorii* [Prussian-German General Staff 1640–1965: to its political role in history]. Translated from German. Moscow: Mysl.
20. Central Statistical Office Under The Ussr Council Of Ministers. (1967) *Strana Sovetov za 50 let* [The Soviet Country for 50 Years]. Moscow: Statistika.
21. Central Statistical Office Under The Ussr Council Of Ministers. (1964) *Promyshlennost' SSSR* [Industry in the USSR]. Moscow: Statistika.
22. Anfilov, V. A. (1974) *Proval "Blitskriga"* [The failure of the Blitzkrieg]. Moscow: Nauka.
23. Chernyavsky, U.G. (1964) *Voyna i prodovol'stvie. Snabzhenie gorodskogo naseleniya v Velikuyu Otechestvennuyu voynu* [War and food. Supply of urban population in World War II]. Moscow: Nauka.
24. Sorokin, G.M., Virnyk, D.F. & Lipilo, P.P. (1965) Nemetsko-fashistskaya sistema ogrableniya i ekonomicheskoy ekspluatatsii okkupirovannoy territorii SSSR [The Nazi system of robbery and economic exploitation of the occupied territory of the USSR]. In: Boltin, E.A. (ed.) *Nemetsko-fashistskiy okkupatsionnyy rezhim* [German-fascist occupation regime]. Moscow: Politizdat. pp. 151–209.
25. Mueller, N. (1974) *Vermakht i okkupatsiya (1941–1944) : o roli vermakhta i ego rukovodyashchikh organov v osushchestvlenii okkupatsionnogo rezhima na sovetskoy territorii* [Wehrmacht and the occupation (1941-1944): on the role of the Wehrmacht and its governing bodies in the implementation of the occupation regime on Soviet territory]. Moscow: Voenizdat.
26. Shamyakin, I.P. (ed.) (1990) *Belarus' u Vyalikay Aychynnay vayne 1941–1945* [Belarus in the Great Patriotic War, 1941–1945]. Minsk: Belaruskaya entsyklapedyya.
27. *Petrova, N.K. (2018) Znat' i pomnit'. Prestupleniya fashizma v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Know and Remember. Crimes of Fascism During the Great Patriotic War]. Moscow: Veche.
28. Komarov, D.E. (2015) *Smolenskaya oblast' v ogne Velikoy Otechestvennoy: voyna, narod, pobeda* [Smolensk Region in the Fire of the Great Patriotic War: War, People, Victory]. Smolensk: Svitok.

29. Russia. (n.d.) *Proekt "Bez sroka davnosti." Poteri mirnogo naseleniya SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voiny* [The "No Statute of Limitations" Project. Losses of the Soviet civilian population during the Great Patriotic War]. [Online] Available from: http://xn--80aabgieomn8afgsnjq.xn--p1ai/about (Accessed: 12th October 2020)

***Сведения об авторах*:**
Комаров Дмитрий Евгеньевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социальных дисциплин Смоленского института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Вязьма, Россия). E-mail: buffel1943@mail.ru
Коржикова Надежда Сергеевна – директор Смоленского института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Вязьма, Россия). E-mail: buhvfmgutu@mail.ru
Вихарь-Платова Екатерина Андреевна – преподаватель Смоленского института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Вязьма, Россия). E-mail: ekaterina_platov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Komarov Dmitry E. – Doctor of Historical Sciences, associate Professor, Head of the Department of History and Social Sciences, Smolensk Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (Vyazma, Russian Federation). E-mail: buffel1943@mail.ru
Korzhikova Nadezhda S. – Director, Smolensk Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (Vyazma, Russian Federation). E-mail: vyazma@mgutm.ru
Vihar-Platova Ekaterina A. – Teacher, Smolensk Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (Vyazma, Russian Federation). E-mail: ekaterina_platov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.10.2020; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 29.10.2020; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 8.2-9.4
doi: 10.17223/19988613/79/7

Славянский мир Древней Руси в современной художественной литературе

Дмитрий Сергеевич Коньков[1], Сергей Александрович Меркулов[2], Александр Викторович Юшников[3]

[1, 2, 3] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] dkonkov@mail.ru
[2] sermeral@yandex.ru
[3] musaklio1980@gmail.com

Аннотация. Ставится проблема переживания в общественном сознании современного российского общества процесса становления постсоветской государственности. Кризис национальной идентичности, связанный с потерей традиционных идеологических ориентиров после распада СССР, привел к росту популярности эскапистской исторической литературы. Обращаясь к мифологизированным началам русско-славянской государственности, данная литература выдержана в героизирующей тональности, подчеркивая особенные позитивные качества древних славян и тем самым формируя ответ на травму через создание новой исторической мифологии.
Ключевые слова: историческая память, самосознание, славянский мир, Древняя Русь, художественная литература

Для цитирования: Коньков Д.С., Меркулов С.А., Юшников А.В. Славянский мир Древней Руси в современной художественной литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 59–63. doi: 10.17223/19988613/79/7

Original article

The Slavic world of ancient Russia in modern artistic literature

Dmitriy S. Kon'kov[1], Sergey A. Merkulov[2], Aleksandr V. Yushnikov[3]

[1, 2, 3] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] dkonkov@mail.ru
[2] sermeral@yandex.ru
[3] musaklio1980@gmail.com

Abstract. The purpose of our study is to identify the place and role of turning to the history and mythology of Ancient Russia in modern Russian society as a way of elaborating of the USSR collapse historical trauma.

The works of modern Russian writers such as Maria Semenova, Elizaveta Dvoretskaya, Alexander Mazin, Andrey Posnyakov, Andrey Rubanov and others were chosen as the source base for the article. The selection of authors is based on their popularity among readers, as evidenced by both the numerous reprints of their books and awards they have received. This indicates common interest in the topic in general and in these works in particular.

The article updates the topic, as well as provides a review of fiction describing the Slavic world of Ancient Russia, and emphasizes the need for its comprehensive study. Authors of the article noted that the mass consciousness creates image of the past through fiction to a greater extent than through scientific literature, while historical science, in contrast to philology, underestimates historical fiction. However, recently the situation is beginning to change for the better.

The study revealed a clear trend, on the one hand, towards the mythologization of the historical past of Ancient Russia, and on the other hand, towards its unconditional glorification. Almost all the authors we study include various kinds of mythological patterns in their narrative, trying to connect the world of real history and the world of Slavic paganism, trying to find the origins of Russian identity in it. This conclusion is referred not only to works in the genre of Slavic fantasy and to the so-called literature about the “time-travelers”, but is also characteristic of historical novels that are more classical in form, especially since the authors of both genres are often the same.

The answer to the current problems of the post-Soviet society was an attempt to show in a favorable light the history of Ancient Russia, the heroism and courage of the ancient Russians and the wisdom of their rulers, which can also be explained by the demand of society for this kind of interpretation of historical events.

As a result, we conclude that there is an active search for national identity in post-Soviet society, and references to the history and mythology of Ancient Russia play a huge role in it. Historical fiction is especially significant in these processes.
Keywords: historical memory, common consciousness, the Slavic World, historical fiction

© Д.С. Коньков, С.А. Меркулов, А.В. Юшников, 2022

For citation: Kon'kov, D.S., Merkulov, S.A., Yushnikov, A.V. (2022) The Slavic world of ancient Russia in modern artistic literature. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 59–63. doi: 10.17223/19988613/79/7

Обращение к историческому прошлому является важнейшим фактором формирования национальной и государственной идентичности, самосознания. В условиях современной России, которая переживает период постсоветского становления новой государственности, вопрос о русской самости оказывается одним из самых острых и насущных. В этом смысле неудивительно, что поиск и осмысление исторических корней русского народа и государства активизировался именно в 1990-е и 2000-е гг. Это явление может быть рассмотрено в русле концепции исторической травмы как реакция коллективной памяти на глубокую социально-психологическую фрустрацию, вызванную разочарованием в пропагандируемых идеалах (как советских, так и либеральных). В подобных условиях обращение к историческому прошлому, его реконструкция или пересоздание являются средством ответа на эмоционально насыщенный и травмирующий опыт переживания современных событий. Наиболее ярко подобное переживание отражается в художественной литературе; рефлексия на процессы в современном русскоязычном пространстве, выраженная в художественном восприятии, не ограничена требованиями академического языка, политической пропаганды или журналистской полемичности и в этом смысле представляет собой квинтэссенцию общественного дискурса. С.О. Шмидт одним из первых подчеркнул важность художественной литературы для истории и историков в небольшом, но емком докладе «Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений» [1. С. 113–115]. Являясь отражением запросов общественного сознания современности, художественная литература одновременно формирует позиции, взгляд на историческое прошлое, его картину в том же общественном сознании. А. Ассман подобным образом рассматривает новеллу Гюнтера Грасса «Длинная тень прошлого» [2. С. 210–215].

Так сложилось, что профессиональные историки, в отличие от филологов, крайне редко заходят на обозначенное исследовательское поле. О том, что историки выставляют своеобразную границу между историей и филологией, писал А.М. Эткинд в своей статье «Новый историзм, русская версия» [3. С. 12–13].

В последнее время, однако, ситуация начинает меняться, о чем свидетельствует издание в 2018 г. Институтом российской истории Российской академии наук сборника статей «История и художественная литература». Это дает надежду на то, что такая граница и дальше будет размываться, обогащая познавательные возможности исторической науки. Во введении к данной работе напрямую говорится о том, что перед историками открыто безбрежное море для извлечения новых возможностей для изучения истории, и, что особенно обнадеживает, анонсируется издание целой серии книг, в числе которых этот сборник лишь первый из многих [4. С. 7–8].

Каждое художественное произведение, обращаясь к какому-либо периоду в истории, выявляет эмоционально насыщенный, «горячий» элемент коллективной исторической памяти и при этом задает определенное русло его трактовки, тем самым трансформируя саму память. В историческом прошлом, связанном с российской государственностью и русским этносом, если судить по количеству обращений к нему в современной отечественной художественной литературе, таких актуальных для современности элементов достаточно много. Все они ложатся в основу неофициального, неосознанного, но социально обусловленного конструирования «русского мира», активно происходящего в настоящий момент. В этой связи особое место занимают произведения, связанные с историей Древней Руси, ранней историей славянского мира, ее мифологизацикй и героизацией. Именно такие произведения в первую очередь определяют интерес к поиску собственной идентичности, к попыткам определить, «кто мы есть и откуда пошли».

Появившийся в обществе интерес к сюжетам российской истории, особенно актуализирующийся после распада СССР, был замечен издателями очень быстро. В середине 1990-х гг. издательства АСТ и «Армада» начинают масштабный издательский проект «Россия», включающий в себя несколько серий, таких как «Рюриковичи», «Романовы. Династия в романах», «Смутное время», «Сподвижники и фавориты» и др. Хорошо по тем меркам изданные, в красивых суперобложках, они привлекали читателя как внешним видом, так и содержавшимися в них материалами. Немалое место в этих сериях заняли художественные произведения, повести и романы, посвященные ранней истории Руси. В качестве примеров можно привести романы Михаила Альшевского «Варяги» (о Рюрике), Владимира Зимы «Исток» (об Аскольде и Дире), Бориса Тумасова «И быть роду Рюриковичей» (о правлении князя Олега), а также тетралогию Андрея Сербы «Князь Игорь и княгиня Ольга». Этими романами список книг, касающихся истории Древней Руси, вышедших в рамках указанного выше проекта, не ограничивается; практически каждому древнерусскому правителю был посвящен отдельный том. Все эти книги объединяет одно: попытка их авторов разобраться в том, как возникало древнерусское государство, каковы были особенности генезиса государственности у восточных славян, основы ментальности древнерусского этноса. Практически все они подчеркивали героизм наших предков и мудрость их правителей.

В те же годы, в середине 1990-х гг., начинают свою активную творческую деятельность, которая продолжается до наших дней, две писательницы, чьи произведения практически полностью посвящены рассматриваемой нами теме, – Мария Семенова и Елизавета Дворецкая. В библиографии указанных авторов большое место занимают произведения, формально фэнте-

зийные, однако написанные в славянском сеттинге, где древнеславянская история и славянская мифология смыкаются, но также у них есть и чисто исторические романы на древнерусском материале.

Справедливости ради стоит отметить, что Мария Семенова начинает пробовать писать еще в 1980-е гг., когда в журналах выходят ее повести на древнерусскую тематику, такие как «Хромой кузнец» (1980), «Ведун» (1985), «Лебеди улетают» (1989) и др., но по-настоящему известной она становится после выхода в 1995 г. романа «Волкодав», положившего начало знаменитому циклу. Этот роман, как и вся серия, классифицируется как героическое фэнтези, однако погружение героев не в привычную для тогдашнего фэнтези кельтскую или германскую мифологию, а в мифологию древнеславянскую, стало чем-то новым; неслучайно многие авторы именно ее называют одной из родоначальниц славянского фэнтези [5]. На древнеславянском материале М. Семеновой был написаны еще ряд романов: «Валькирия» (другое название – «Тот, кого я всегда жду»; 1995), «Поединок со Змеем» (1996), «Лебединая дорога» (1996) и др. Сама Мария Семенова трактует произведения не как славянское фэнтези, но некоторые из них как художественный пересказ славянских и скандинавских мифов, а другие как чисто исторические романы. В любом случае эти произведения пользуются популярностью среди читателей, о чем свидетельствуют регулярные переиздания, и, безусловно, оказывают большое влияние на формирование представлений читателей о жизни славян, истории и культуре славянского мира.

Особняком стоит опубликованная М. Семеновой энциклопедия «Мы – славяне!» (другое название – «Быт и верования древних славян»), в которой она в популярной форме старается донести до читателя имеющуюся на момент написания (первое издание вышло в 1997 г., после чего книга неоднократно переиздавалась) информацию о древних славянах, их жизни и верованиях.

Похожим образом обстоит дело и с творчеством другого популярного автора, Елизаветы Дворецкой. Уже первые ее романы «Ветер с Варяжского моря» (1997) и «Колодец старого волхва» (1998) обозначили ее интерес к истории Древней Руси. Затем, попробовав себя в жанрах скандинавского (цикл «Корабль во фьорде») и славянского (циклы «Князья леса» и «Лес на той стороне») фэнтези, она вновь вернулась к жанру исторического романа на древнерусском материале. В ее творчестве довольно трудно провести грань между чисто историческим романом и историческим фэнтези, поскольку она старается представить в романах свое понимание мира древнего славянина, где боги и духи действуют в его сознании наравне с людьми.

За последние десять с лишним лет ею было написано несколько циклов, посвященных истории «Руси изначальной». Первым из них стала дилогия «Рюрик», изданная в 2009 г. под псевдонимом «Павел Алёхин». Своего рода хронологическим продолжением этой дилогии стал ее следующий цикл – «Огнедева», состоявший из пяти книг, выходивших с 2010 по 2015 г. После этого Елизавета Дворецкая приступила к работе над своим следующим циклом, который хронологически продолжает «Огнедеву», но с другими персонажами. Речь идет о цикле «Княгиня Ольга», включающем 12 книг, который она начала в 2015 и завершила в 2020 г. На этом писательница не остановилась: она написала примыкающий к циклу роман «Малуша», а сейчас работает над новым подциклом «Свенельд» в этой же «вселенной», о ходе работы над которым регулярно уведомляет своих читателей в группе «Мир Елизаветы Дворецкой» в социальной сети «ВКонтакте» [6].

Как и Мария Семенова, Елизавета Дворецкая старается максимально точно показать детали быта древних славян, насколько вообще возможно сейчас его реконструировать. В этом плане их тексты действительно можно воспринимать как исторические романы, несмотря на некоторое участие в них сверхъестественных сил.

Другое дело, когда за древнерусские сюжеты берутся представители так называемого жанра «попаданческой литературы». Этот жанр берет за основу возможность попадания героя, чаще всего нашего современника, в прошлое или в какие-нибудь фэнтезийные миры, где он начинает действовать с разной степенью успешности. Если говорить именно о «попаданцах» в прошлое, то чаще всего авторы подобного рода текстов, заполонивших российский книжный рынок, отправляют своих героев в более близкие эпохи, вызывающие у современного читателя уже упоминавшуюся в нашей статье историческую травму, в первую очередь в периоды Гражданской и Великой Отечественной войн, где они с разной долей удачи пытаются переписать историю, изменить ее в выгодном для себя свете, тем самым доставив определенное удовольствие читателю. Однако есть примеры обращения и к другим странам и эпохам, в том числе и к эпохе Древней Руси. В этой связи необходимо отметить творчество Александра Мазина, в частности его «Варяжский цикл».

«Варяжский цикл» Александра Мазина, который на данный момент насчитывает 16 книг, включая три книги в соавторстве с Павлом Мамонтовым, был начат в 2001 г. с романа «Варяг» и продолжается до сих пор. Последний на данный момент роман цикла вышел в 2021 г. Изначально введя в повествование о Древней Руси бывшего десантника из нашего времени, Александр Мазин показывает, что его не совсем устраивает общепризнанная сегодня версия древнерусской истории, но при этом, надо отдать ему должное, большое внимание он уделяет внешнему описанию мира древних русичей, стараясь быть максимально точным в деталях там, где позволяют общее развитие сюжета и эрудиция самого писателя.

Другие авторы, работающие в этом жанре и затрагивающие древнерусскую тематику, как правило, более вольно обращаются с историческим материалом. В качестве примера можно привести цикл из восьми книг Андрея Посняков, получивший название «Вещий князь» (2005–2007), в котором сознание современного рок-музыканта, впавшего в кому, чудесным образом перемещается в голову ярла Хельги, которому суждено будет стать русским князем Олегом. Здесь не толь-

ко параллельно с «попаданческим» фантастическим допущением в сюжете действуют черные колдуны-друиды, но и само обращение с историческим материалом представляется довольно вольным. Однако это один из самых переиздаваемых циклов автора, в которых он отправляет «попаданцев» в разные страны и эпохи, коих у него достаточно много. Последнее на данный момент переиздание «Вещего князя» вышло в 2016 г., что свидетельствует, на наш взгляд, о его востребованности среди читателей. Необходимо отметить, что далеко не каждый его цикл переиздается.

«Попаданческая литература», какого бы качества она ни была, в силу легкости стиля и предоставления возможности читателю вместе с автором переиграть события прошлого, пользуется большой популярностью, о чем свидетельствует все возрастающее количество авторов и книг в этом жанре, а то, что писатели, работающие в нем, периодически обращаются к древнерусским сюжетам, говорит об актуальности данной темы как для самих писателей, так и для читательской аудитории. В свою очередь, обращаясь к тематике истории Древней Руси, авторы своими текстами неминуемо влияют на формирование представлений о ней в обществе.

Отдельно, говоря об истории и мифологии славян, необходимо выделить роман Андрея Рубанова «Финист – ясный сокол», вышедший в 2019 г. и получивший престижную литературную премию «Национальный бестселлер». Подобного рода признание выводит его из так называемой «жанровой» в сферу, которую принято называть «большой литературой», и, на наш взгляд, свидетельствует о до сих пор не утихающем интересе современного российского общества к своим корням. Более того, нам стоит ожидать еще множество самых разных произведений на тему «славянского мира Древней Руси», что само по себе говорит о том, что поиск национальной идентичности продолжается и обращение к древним корням играет большую роль в этом нелегком поиске, а художественная литература занимает важное место в данном процессе.

Таким образом, жанр художественной литературы является более популярным, чем научный, по количеству аудитории потребляемого контента. Люди узнают об истории, своем месте и роли в ней чаще через художественную литературу, нежели через научные монографии и статьи. Практика воспроизводства коллективной памяти у этого жанра выше, что обосновывает актуальность ее детального изучения широким профессиональным академическим сообществом с целью выявления влияния на формирование исторической картины славянского мира у массового обывателя.

Список источников

1. Шмидт С.О. Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений. // Путь историка : избранные труды по источниковедению и историографии. М. : РГГУ, 1997. С. 113–115.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
3. Эткинд А.М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 3 (47). С. 7–41.
4. История и художественная литература / отв. ред. А.Н. Сахаров. М. : Ин-т рос. истории РАН ; Центр гуманитар. инициатив, 2018. 360 с.
5. Гарцевич Е. Слявянское фэнтези // Мир фантастики. URL: http://old.mirf.ru/Articles/art689.htm/ (дата обращения: 04.07.2022).
6. 19 июня 2022 // Мир Елизаветы Дворецкой. URL: https://vk.com/club43809476?w=wall-43809476_14614 (дата обращения: 30.06.2022).

References

1. Shmidt, S.O. (1997) *Put' istorika: izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii* [The path of the historian: selected works on source studies and historiography]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 113–115.
2. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Etkind, A.M. (2001) Novyy istorizm, russkaya versiya [New historicism, Russian version]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3(47). pp. 7–41.
4. Sakharov, A.N. (ed.) (2018) *Istoriya i khudozhestvennaya literatura* [History and Fiction]. Moscow: RAS.
5. Gartsevich, E. (n.d.) *Slyavyanskoe fentezi* [Slavic fantasy]. [Online] Available from: http://old.mirf.ru/Articles/art689.htm/ (Accessed: 4th July 2022).
6. Vkontakte. (2022) *19 iyunya 2022. Mir Elizavety Dvoretskoy* [June 19, 2022. World of Elizabeth Dvoretskaya]. [Online] Available from: https://vk.com/club43809476?w=wall-43809476_14614 (Accessed: 30th June 2022).

***Сведения об авторах*:**
Коньков Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dkonkov@mail.ru
Меркулов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sermeral@yandex.ru
Юшников Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: musaklio1980@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Konkov Dmitry S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of the Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru
Merkulov Sergey A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sermeral@yandex.ru

Yushnikov Alexander V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: musaklio1980@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 21.10.2019; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 947. 084
doi: 10.17223/19988613/79/8

Начальник спец(труд)поселений Западной Сибири Иван Долгих: номенклатурный взлет и выживание кадрового охранителя (1930–1937)

Сергей Александрович Красильников[1], Алексей Георгиевич Тепляков[2]

[1, 2] Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
[1] krass49@gmail.com
[2] teplyakov-alexey@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается важнейший этап служебной биографии Ивана Долгих, являвшегося в 1930–1937 гг. руководителем западносибирского управления спец(труд)поселений СибЛАГа. Проанализированы условия и факторы, способствовавшие номенклатурному выживанию кадрового охранителя. Сделан вывод о том, что Долгих оказался востребованным репрессивной системой как опытный управленец, способный к решительным действиям в кризисных ситуациях, сопровождавших становление и трансформацию региональной сети комендатур.
Ключевые слова: Иван Долгих, тип охранителя, формирование сети комендатур, кадровый потенциал, репрессии, номенклатурное выживание

Для цитирования: Красильников С.А., Тепляков А.С. Начальник спец(труд)поселений Западной Сибири Иван Долгих: номенклатурный взлет и выживание кадрового охранителя (1930–1937) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 64–73. doi: 10.17223/19988613/79/8

Original article

Ivan Dolgikh, Head of the Special (Labor) Settlements of Western Siberia: Nomenklatura Rise and Survival of a Personnel Guard (1930–1937)

Sergei A. Krasilnikov[1], Alexei G. Teplyakov[2]

[1, 2] Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation
[1] krass49@gmail.com
[2] teplyakov-alexey@rambler.ru

Abstract. The biography of Ivan I. Dolgikh (1896-1956) is a common case of ambivalent perception of a person's personality and activity during the change of historical epochs, formed by the era of wars and revolutions, when the type of uncompromising fighter for the victory of the Bolshevik system and then – for its protection from enemies – was glorified. He certainly played a positive role in this historical narrative. With the paradigm shift in the early 1990s, the attention of researchers was focused on the activities of I. I. Dolgikh as an employee of the GULAG, a guardian of the Stalinist regime for a quarter of a century. This publication analyzes the phenomenon of extraordinary nomenclatural survivability of Dolgikh as the head of the system of special (labor) settlements in Western Siberia, together with which he survived during the acute crises of its formation. It is proved that this was facilitated by the very type of personality of Dolgikh, who combined the traits of a tough serviceman acting within the limits of his official functions with the ability to act as decisively as possible in extreme conditions, eliminating or minimizing the dangers to the regional structure subordinate to him. This is a type of "useful guardian", which stood out against the background of huge staff turnover at all levels of the security system of the Stalin era. During his career in the West Siberian region, Dolgikh managed the population of labor settlements with a population of 200 to 300 thousand people with a staff of commandant's offices of 500 – 700 people, whose composition changed annually by at least 10 – 15%. The main value of Dolgikh in the eyes of the higher punitive and regional leadership was his obvious role in achieving and ensuring a certain stability of the special settlement system. In terms of punitive reasoning, Dolgikh fulfilled two main goals set for him during his seven-year term of service: a controlled commandant's complex was created and functioned in the region, providing a regime for the maintenance of exiled peasants and the exploitation of their labor for the implementation of the government's economic plans. At the same time, Dolgikh himself personified one of the essential features of the regime-mobilization type system, the existence of which was ensured by the imperative of survival, not development. In the special settlement segment, there were no positive motives and incentives for productive work, huge resources were absorbed here ("irrevocable costs"), the type of survival was reproduced both for the "special contingent" and for the guards themselves.
Keywords: Ivan Dolgikh, type of guard, formation of a network of commandant's offices, personnel potential, repressions, nomenclature survival

© С.А. Красильников, А.С. Тепляков, 2022

For citation: Krasilnikov, S.A., Teplyakov, A.G. (2022) Ivan Dolgikh, Head of the Special (Labor) Settlements of Western Siberia: Nomenklatura Rise and Survival of a Personnel Guard (1930–1937). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 64–73. doi: 10.17223/19988613/79/8

Иван Иванович Долгих (1896–1956) – уроженец Барнаула и сын торговца. Попав в 1915 г. на фронт, он воевал вплоть до 1923 г.: участник мировой войны, фельдфебель, в ноябре 1917 г. был демобилизован по ранению, затем командовал отрядом красногвардейцев. Воля, энергия, умение командовать, личная храбрость сделали Долгих неплохим командиром. Примкнув к левым эсерам, он возглавлял эскадрон в легендарном отряде П.Ф. Сухова и после его полного разгрома в августе 1918 г. оказался среди буквально двух десятков пленников, случайно уцелевших от массовой расправы белых. Вскоре Долгих попал в барнаульскую тюрьму, но несколько месяцев спустя оказался освобожден как якобы рядовой красноармеец. В разгар партизанского движения на Алтае он подвизался жестянщиком в частной мастерской и только в октябре 1919 г. примкнул к повстанцам и несколько недель командовал батальоном в партизанской 6-й Горно-степной дивизии Ф.И. Архипова, отколовшейся от Западно-Сибирской красной крестьянской армии Е.М. Мамонтова. [1. С. 447]. Вожаки держали анархичную партизанскую массу в узде с помощью разрешения на убийства, грабежи и насилия. Военный инструктор при штабе дивизии Архипова в марте 1920 г. сообщал о бесчинствах партизан, чьи командиры, боясь лишиться постов, «…потворствовали дурным поступкам темных личностей… Пьянство, мародерства и насилия над женщинами были нередкими явлениями. Не говоря уже о казачках, которых партизаны… считали почти военным призом» [2. С. 116–117]. Впрочем, необходимо добавить, что казаки в этом отношении от партизан ничем не отличались.

После изгнания Колчака Долгих вступил в РКП(б) и перешел в ряды РККА, став командиром стрелкового полка на врангелевском фронте. В 1921–1922 гг. он был беспощадным карателем в войсках ЧОН, громя повстанцев Горного Алтая и применяя самый жестокий террор. Один из бывших партизан впоследствии указывал, что Долгих «…расстреливал и рубил виноватых и невиноватых алтайцев, тем самым все больше обострял алтайское население против советской власти», за что власти автономии хотели привлечь этого командира ЧОН «к самой строжайшей ответственности» [3. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 130 об.]. Однако вместо наказания Долгих наградили орденом Красного Знамени за разгром отрядов подъесаула А.П. Кайгородова. Сам он в мемуарах гордо писал о пленении Кайгородова и еще 40 человек после уничтожения всей «банды», а потом итожил: «Отдохнув… отряд расстрелял всех оставшихся бандитов, отрубил голову Кайгородову, которую послали в штаб 62-й бригады для доказательства разгрома банды» [4. С. 104].

В 1924–1925 гг. Долгих – слушатель курсов «Выстрел» в Москве. Но даже после окончания обучения военная карьера сильно пьющего командира 64-го полка в Новосибирске не сложилась: он был изгнан из армии за «систематическое пьянство». Вернувшись в конце 1926 г. в Барнаул, Долгих стал начальником местной тюрьмы, откуда два года спустя оказался уволен – снова за пьянство. Однако тут же возглавил местный окружной административный отдел, что было заметным повышением. Здесь, вероятно, сыграло роль то, что тогдашний помощник начальника Барнаульского окротдела ОГПУ Ф.М. Скрипко хорошо знал Долгих. В 1930 г., когда карательная система потребовала значительного пополнения, Долгих ждал крупный карьерный успех. Став начальником Комендантского отдела Сибкрая, он оказался у истоков формирования системы спецпоселений в регионе и возглавлял данную структуру вплоть до своего перевода в Красноярский край весной 1938 г. [1. С. 448–449].

В контексте истории формирования и динамики региональной охранительной системы фигура И.И. Долгих является весьма заметной. Тем не менее для историков и краеведов внимание к жизнедеятельности данной незаурядной личности ограничено рамками его службы либо в частях ЧОН, либо в лагерях на Урале, в Вятке и Кузбассе, причем описание службы дается неаналитично и комплиментарно [5]. Тем самым игнорируется пик его служебной охранительной карьеры в 1930–1937 гг., когда Долгих выступал фактическим хозяином региональной сети спецпоселений, одной из самых знаковых в стране, имея выход не только на краевых партийно-государственных лидеров, но и на руководство ГУЛАГа. Статья призвана восполнить данную лакуну. Соответственно, необходимо в качестве введения в проблематику дать краткую характеристику комендатурной системы Западной Сибири.

Дислокация комендатур, форсированно создаваемых в начале 1930-х гг., охватывала значительную территорию региона, ощутимо сказываясь на всей системе управления и жизнедеятельности населения Западной Сибири. В частности, крестьянские депортации 1930–1931 гг. привели к размещению в Нарымском крае, численность местного населения которого составляла около 120 тыс. чел., 215 тыс. спецпереселенцев. [6. С. 237]. В ряде районов округа (Каргасокский, Колпашевский, Чаинский и др.) на 1933 г. спецпереселенцы имели значительное преобладание над местным населением [7. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1662. Л. 166–167].

Созданные по географическому признаку, комендатуры охватывали северные районы (Нарымский край, с 1933 г. – округ) и южные (Кузбасс). За северными комендатурами закреплялись традиционные отрасли производства (сельское хозяйство, кустарные промыслы, лесозаготовки, рыболовство), тогда как в Кузбассе труд спецпереселенцев имел индустриальную направленность (добыча угля и золота, строительство и др.). При этом если в 1931 г. в северных спецпоселках находились 215 тыс. чел, а в южных – 82 тыс., то к 1938 г. соотношение контингентов оказалось более сбаланси-

рованным: 117 тыс. на севере и 83 тыс. на юге, – причинами чего были повышенные смертность и бегство нарымских ссыльных [8. С. 223–224, 287–288].

Эксплуатация труда «кулаков» в организационно-экономическом отношении также разнилась. В северных комендатурах создавалась сеть неуставных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых артелей, производственная деятельность которых находилась полностью в подчинении комендатур (исключение составляли комендатуры лесного направления, где договоры СибЛАГа заключались с Наркоматом лесной промышленности). В комендатурах Кузбасса договоры СибЛАГа заключались с промышленными и транспортными предприятиями, бравшими на себя не только производственную эксплуатацию ссыльных, но и обязанность создавать для них социально-бытовые и медико-культурные условия. Коменданты же отвечали за соблюдение режимных условий в спецпоселках. Создание и функционирование системы спецпоселений оказывало громадное воздействие на демографическую, экономическую, политико-управленческую ситуацию в Западной Сибири.

Многие организационно-технологические решения и опыт предыдущей добровольной переселенческой волны столыпинского времени оказывались невостребованными и попросту проигнорированными в силу иных условий, сроков и ресурсного обеспечения депортационных кампаний начала 1930-х гг., поскольку они базировались на политических решениях, где карательные и изоляционные задачи являлись резко приоритетными перед экономическими, социальными, культурными, бытовыми и пр. Недаром в 1930 г. чекисты Сибири докладывали, что у ряда районных и многих низовых работников сложилось мнение, что выселение «кулаков» является «началом их физического уничтожения, и на последовавшие директивы [они] смотрели как на прикрытие, маскировку вышестоящими органами проводимой расправы с кулачеством» [9. С. 101]. Ответом стал ряд стихийных восстаний, при подавлении которых не обошлось без деятельных усилий бывшего партизана и чоновца, легко вернувшегося к методам Гражданской войны. Позднее Долгих так писал о поручении секретаря Сибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе подавить «кулацкое» восстание в Ойротии весной 1930 г.: «Я… развил всю свою энергию… с согласия партийных организаций собрал до 400 человек бывших партизан, отбросил все разложившее[ся], ненадежное, потерявшее ценность, – и, может, жестко (чего мы боялись с т. Гариным [заместителем полпреда ОГПУ]) восстание подавили» [3. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 120].

«Время Долгих» в 1930-х гг. оказалось периодом соединения воедино всех трех составляющих депортационного процесса (высылка + «оседание» + «перевоспитание») и достижения определенной стабилизации институционально сформированной спец(труд) поселенческой части ГУЛАГовского комплекса. Оказаться на одной из важнейших ступеней региональной карательной лестницы не было простым делом, но еще сложнее было на ней удержаться. Ниже рассмотрим несколько кризисных ситуаций, определивших номенклатурную карьеру этого типичного «штрафника» карательной системы внутри структур собственно штрафной колонизации.

Иван Долгих, безусловно, обладал необходимыми характеристиками, чтобы оказаться нужным работником в карательных органах, пусть и нижнего уровня, формировавшегося в немалой степени из выгнанных из милиции и ВЧК-ОГПУ сотрудников. При формировании в составе Сибирского краевого административного управления (СКАУ) комендантского отдела по организации и руководству сети спецпоселений он в конце августа 1930 г. возглавил его взамен ушедшего на повышение П.Г. Конопелько. Начальник СКАУ Ф.М. Скрипко явно покровительствовал Долгих как давнему знакомцу.

Долгих заступил на службу в больше всего напоминавший катастрофу период волюнтаристского формирования сети комендатур. Несмотря на то, что в тот момент (осень 1930 г.) происходило разукрупнение Сибирского края, и Долгих получил под свое начало только западносибирские комендатуры, в них оказалось 3/4 спецпоселений бывшего Сибкрая, размещенных на громадной территории: один только Нарымский край, где дислоцировалось 11 комендатур с почти 45 тыс. спецпереселенцев, занимал площадь в 300 тыс. кв. км. Зимняя высылка 1930 г. (первая депортационная волна), осуществленная в форсированном порядке без необходимого ресурсного обеспечения и при отсутствии какого-либо опыта осуществления столь масштабной высылки с приоритетами размещения поселков в необжитых и труднодоступных территориях, чтобы предотвратить массовое бегство, привела к тому, что в некоторых комендатурах сложилась ситуация массового вымирания ссыльных. Так, в Кулайской комендатуре, расположенной на стыке Омского (Тарский р-н) и Томского округов в болотистой местности, непригодной не только для хозяйственной деятельности, но и для жизни, из расселенных в марте почти 9 тыс. крестьян к августу 1930 г. осталось 1 607, остальные бежали либо умерли [3. Ф. Р-1353. Оп. 3. Д. 45. Л. 215–216]. Во всех округах Сибири, где к лету 1930 г. началось формирование сети комендатур, оказывались спецпоселки, дислоцированные по режимно-изоляционным соображениям в местностях, непригодных для хозяйственной деятельности [10. С. 188–192]. Поэтому возникла необходимость срочно переселить «спецконтингент», увязав эту меру с рациональным использованием данной «рабсилы».

Долгих оперативно приступил к работе. Первый известный документ, подготовленный им под началом Ф.М. Скрипко, датирован 17 сентября 1930 г. и представлял собой докладную записку в крайисполком с планом «расселения и стационарного закрепления спецпереселенцев» с использованием их труда в лесной промышленности [3. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 106. Л. 71–72 об.]. Следовало до наступления зимы произвести значительную передислокацию ряда комендатур и спецпоселков в них, при этом ввести в деловое русло взаимоотношения руководства комендатур с партийно-государственными и ведомственными органами. Для западносибирского региона проблема закрепления спецпереселенцев в лес-

ной отрасли оказывалась одной из стержневых, ибо лес был необходим всем отраслям экономики – от шахт и строек Кузбасса до внутреннего потребления самой комендатурной системой. Предложения Долгих получили одобрение краевых органов, так что меры по новому стационированию комендатур и определению направлений их хозяйственной деятельности стали приносить первые результаты, что позволило энергичному начальнику закрепиться к началу 1931 г. в своей новой должности.

Однако в том же 1931 г. и для Долгих наступило время граничивших с выживанием номенклатурных испытаний, связанных с коренной реорганизацией системы управления спецпоселениями, которая после расформирования НКВД РСФСР со всеми штатами и ресурсами по решению комиссии ЦК ВКП(б) по спецпереселенцам (комиссия А.А. Андреева) перешла с весны 1931 г. в ведение ОГПУ, став подразделением в составе ГУЛАГа [11. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 3]. Решающим моментом в послужном списке Долгих явилось оперативное руководство крупнейшей региональной депортацией крестьянских семей, проведение которой инициировалось краевым полпредом ОГПУ Л.М. Заковским по согласованию с секретарем крайкома Эйхе, считавшими, что следовало радикально «зачистить» край от «твердоустановленных кулацких хозяйств» (40 тыс. хозяйств / около 180 тыс. чел.), и получившими на это 18 марта 1931 г. санкцию от комиссии ЦК по спецпереселенцам – в порядке внутрикраевой высылки из южных районов Западной Сибири в Нарымский край [12. С. 279].

Депортация столь значительной массы ссыльных крестьян в Нарым, хотя и проведенная, в отличие от предыдущей зимней высылки, с середины мая по середину июня 1931 г. и имевшая двухмесячный подготовительный период, в ходе своей реализации имела ровно те же, только в более значительных масштабах, сбои, что годом ранее: «упущения» в обеспечении карательной операции необходимыми ресурсами; просчеты с местами размещения спецпоселков, усугубленные весенним разливом Оби и ее притоков; несогласованность и конфликты работников комендатур с местными управленческими структурами и т.д. Направленный Долгих Заковскому 22 июня «Доклад о ходе расселения спецпереселенцев по Нарымскому краю» содержал достаточно реалистичную информацию как о самой карательной операции, так и о значительных просчетах, допущенных в ходе перевозок и размещения ссыльных [13. С. 376–385]. В докладе Долгих рефреном шла информация о непрерывном преодолении препятствий, которые создавались природными условиями, транспортными «неувязками», протестами высылаемых, сопротивлением местных органов вместо содействия и помощи чекистам. Тем самым Долгих смещал акценты с собственных просчетов на внешние обстоятельства.

В это же время в Нарым выехала комиссия во главе с работником Секретного отдела ОГПУ Л.И. Юргенсом, которую в аппарате курировавшего ссылку секретно-политического отдела ПП ОГПУ ЗСК всячески отговаривали от поездки, запугивая трудностями пути, причем, по сведениям бывшего начальника секретного отдела полпредства П.М. Кузьмина, переданным в СПО ОГПУ, новосибирские чекисты в июне 1931 г. хотели даже организовать инсценировку нападения на комиссию «бандитов»-повстанцев, чтобы не дать контролерам из Центра увидеть отчаянную ситуацию в местах размещения ссыльных. [14. Ф. 2. Оп. 9. Д. 550. Л. 490]. Однако комиссия Юргенса смогла добраться до Нарыма. Получив информацию о ситуации с расселением «кулаков» и из Новосибирска, и из центрального аппарата ОГПУ, Политбюро 20 июля отклонило ходатайство Запсибкрайкома разрешить «производство дополнительного внутрикраевого переселения 10–15 тыс. кулаков» [15. Ф. 17. Оп. 166. Д. 410. Л. 5]. А 28 июля Политбюро приняло решение направить в восточные регионы расселения спецпереселенцев инспекторов с более широкими полномочиями – в ранге членов ЦКК. Вскоре, 5 августа, Политбюро в жесткой форме указало Заковскому и Эйхе, «что они провели операцию по выселению кулаков на север, недостаточно ее подготовив, вследствие чего в процессе выселения имеется ряд серьезных недостатков, смертность детей, плохая подготовка на местах…» [12. С. 346–347].

Ставить многочисленные сбои в проведении весенне-летней операции в вину лично Долгих руководители региона не стали, ибо его полномочия не позволяли ему решать сложный узел согласований действий различных органов власти, вовлеченных в спецпереселенческую сферу, тем более что сами Эйхе и Заковский отделались легким испугом. Вполне удовлетворительно и настойчиво выполняя директивы, Долгих беспрерывно разъезжал по Нарымскому краю, подтверждая исполнительность и способность решительно действовать в критических ситуациях. Когда в конце июля – начале августа 1931 г. в Парбигской комендатуре произошло единственное в истории спецпоселений восстание ссыльных крестьян, Долгих оказался в центре событий, став одним из руководителей его разгрома.

Пятидневное восстание, в котором участвовали от 700 до 1 500 повстанцев, не вышло за границы нескольких спецпоселков и части местных деревень. Поэтому скоординированными действиями оперативной группы чекистов из Томска и нескольких отрядов местных партийно-комсомольских активистов оно было быстро и с демонстративной жестокостью подавлено. Ведомство Долгих не сумело предотвратить вооруженное выступление крестьянства, при том что отсутствие на тот момент агентурно-осведомительной сети в комендатуре являлось функциональным сбоем со стороны ОГПУ. По оценкам следствия, в боевых действиях потери повстанцев составили около 100 человек, но исследователи полагают, что жертв было вдвое больше; часть их расстрелял лично Долгих. Не только сотрудники комендатур, но и местные активисты осуществляли бессудные расправы над бежавшими в тайгу участниками восстания [16].

Сам факт восстания в Парбигской комендатуре лишь в наиболее экстремальной форме отражал общие процессы новой фазы выстраивания системы управления спецпоселениями после передачи ее в ведение ОГПУ, унаследовавшей те узкие места, которые проявили себя еще в 1930 г. Основным проблемным ме-

стом оставался механизм разработки и принятия решений, касавшихся данной сферы репрессивной политики. Практически все директивы инициировались руководством ОГПУ, затем утверждались (после корректировок) Политбюро, для чего была создана и функционировала комиссия ЦК по спецпереселенцам, и обретали силу прямого действия. В регионах координаторами и ответственными перед Центром за реализацию данных решений выступали партийные руководители и полпреды ОГПУ. Функционально ответственными исполнителями становились начальники лагерей ОГПУ, в структуру которых и входили с весны 1931 г. отделы спецпоселений.

Таким образом, в исполнительской иерархии Долгих занимал достаточно скромное место с очерченным кругом полномочий, и любые его решения, выходившие за эти рамки, требовали согласований с начальником СибЛАГа, хотя в отдельных случаях он мог обращаться в аппарат полпредства или непосредственно к полпреду ОГПУ. Долгих ценили как исполнителя, жестко, любой ценой проводившего любые репрессивные директивы в максимально удаленном от Новосибирска регионе. За период его пребывания в должности сменилось пять начальников региональной структуры ОГПУ–НКВД и столько же начальников СибЛАГа, в подчинении которых он находился. При этом Долгих постоянно обвинялся в грубости и пьянстве, периодически ссорился с секретарями райкомов округа, позволял себе игнорировать собственное начальство, но оказался непотопляемым [17. С. 456]. Ключевое место в действиях Долгих занимала кадровая политика: подбор, расстановка, контроль, поощрение и наказание в зависимости от исполнительности и результатов деятельности работников Отдела спец(труд)поселений. Здесь его полномочия были самыми широкими. Текучесть кадров в комендатурах была во все 1930-е гг. высокой, прежде всего в низовых звеньях (помощники комендантов, вахтеры / милиционеры), однако столь же жестко происходили кадровый отбор и выживание среди поселковых и даже участковых (позднее – районных) комендантов.

За годы своего руководства сетью спецпоселений Долгих дважды пережил кризисную ситуацию в кадровой сфере (с лета 1931 по лето 1932 г. и в 1933 г.). В ходе проведения майско-июньской депортации 1931 г. и последующего годичного периода размещения «нового контингента» в комендатурах Нарымского края происходил и громадный кадровый отсев работников спецпоселений. Исходно он обусловливался тем, что из требуемых по штату 410 новых работников по линии партийной мобилизации в распоряжение Долгих поступило только 40. Обращение через печать и вербовка командного состава запаса, служившего ранее в РККА и тюремно-милицейской сфере, дали скромные результаты: из 300 кандидатов отбор прошли 180. Часть работников в дальнейшем пришлось набирать из местных служащих, в том числе хозяйственников, которым требовалось адаптироваться к режимной деятельности. Вынужденной мерой выступала практика использования на низших охранных должностях (стрелки) контингента из расконвоированных заключенных СибЛАГа, которых привлекали обещанием сокращения сроков заключения.

В течение года в ходе проверки и чистки состава комендатур были уволены 376 вольнонаемных из спецпоселков и 74 работника аппарата участковых комендатур – всего 450 чел. Основной причиной указывалось несоответствие занимаемой должности, на которую пришлось около половины изгнанных работников. Против части из них были возбуждены административные дела (13 чел.), а 48 работников, половину из которых составили участковые и поселковые коменданты, были осуждены Коллегией ОГПУ на сроки от трех до 10 лет заключения [6. С. 241–242]. Эти данные СибЛАГ не только отправлял по служебной линии, но и докладывал краевому партийно-советскому руководству. В центральном аппарате ОГПУ, куда стекались и анализировались сведения о «кулацкой ссылке», кадровая ситуация с комендантами в регионе в сводке СПО от 9 августа 1931 г. расценивалась как неблагополучная: «Личный состав комендатур подобран без достаточной проверки и в силу отдаленности и отсутствия наблюдения и руководства подвержен разложению. Среди работников охраны неоднократно отмечались факты связи с кулачеством, пьянство, мародерство, избиение высланных и т.д. За 8 мес. работы за всякие злоупотребления отдано под суд 22 коменданта и уволено значительное число работников охраны» [13. С. 965]. Долгих весной 1932 г. отмечал, что с мая 1931 г. ему довелось осуществить четыре длительных командировки в Нарым с полномочиями отстранять комендантский состав от должности и передавать дела на них в суд, чем он был вынужден активно заниматься. В то же время Долгих понимал, что подготовленного для замен кадрового резерва у него нет, и отстранял только за серьезные грехи [6. С. 213]. Поэтому в том же 1933 г. уволенные за уголовные преступления охранники Александро-Ваховской комендатуры вскоре принимались на службу обратно, вновь практикуя бессудные расправы и ограбления ссыльных [3. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 1445. Л. 10 об.].

Каждая крупномасштабная депортационная кампания (а на биографию Долгих таковых выпало три) для исполнителей различного ранга предполагала разнонаправленные векторы – как потенциального взлета, так и крушения карьеры. Самым серьезным «моментом истины» для Долгих стало участие в высылке 1933 г., по мнению исследователей, наиболее провальной в истории принудительных миграций 1930-х гг. как по целям, так и по результатам осуществления. Согласно амбициозным замыслам Г.Г. Ягоды, докладная записка которого от 13 февраля 1933 г. получила одобрение Сталина, в течение этого года предусматривалось осуществление тотальной зачистки западных, центральных и южных регионов страны от маргинальных слоев общества: крестьян, высылаемых из районов «сплошной коллективизации», «беглых кулаков», «неблагонадежного контингента» на приграничных территориях, «деклассированных элементов» центральных городов, осужденных на сроки до пяти лет и др. Планировалось размещение в течение весны–осени на территории Западной Сибири и Северного Казахстана

двух миллионов человек (по миллиону в каждом регионе), используя предыдущий, считавшийся успешным, опыт создания в 1930–1932 гг. сети крестьянских спецпоселений. Предполагалось, что «зачистка» европейской части страны снимет там социальную напряженность и разрядит криминогенную обстановку, обострившуюся в условиях стихийных миграций, связанных с массовым голодом, а имевшийся среди маргинальных групп трудовой ресурс будет использован в целях освоения восточных территорий [18. Ф. 3. Оп. 30. Д. 96. Л. 127–138].

В силу как нехватки материальных и кадровых ресурсов, так и межведомственных рассогласований и конфликтов чистка фактически провалилась: к концу 1933 г. число депортированных составило около 200 тыс., из них в комендатуры Западной Сибири было ввезено 140 тыс. [11. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 206]. Но даже размещение такого ограниченного в сравнении с планами контингента повлекло катастрофические последствия. Хотя Москва посчитала ответственными за операцию Эйхе и нового полпреда ОГПУ Н.Н. Алексеева, основными виновниками признавались начальник СибЛАГа А.А. Горшков и его помощник по спецпоселению Долгих. Трагедия, известная как Назинская, по месту гибели на речном острове Оби в июне 1933 г. не менее двух-трех тысяч из 6 100 «деклассированных» (территория Александро-Ваховской комендатуры), получила не только ведомственную огласку, но и масштабный номенклатурный резонанс. Обстоятельства случившегося стали предметом работы специальной краевой комиссии [19].

«Дефекты» данной карательной операции являлись типичными эксцессами, сопровождавшими и депортации 1930–1931 гг. (массовые аресты случайных людей, огромные смертность и бегство в ряде комендатур, особенно в Кулайской весной и летом 1930 г. и в группе поселков Широковской комендатуры на участке Палочка, где убыль спецпереселенцев в зиму с 1931 на 1932 г. произошла в масштабах, сопоставимых с Назинской). Если ранее такого рода эксцессы глохли в недрах самого ОГПУ, то Назинская история стала прецедентом демонстративного наказания краевыми партийными органами СибЛАГовской управленческой вертикали сверху донизу. Согласно информации полпреда Алексеева зампреду ОГПУ Ягоде от 7 ноября 1933 г., репрессии в отношении комендантского корпуса северных комендатур приняли широкий характер: «За период с 1/IV по 1/XI–33 г. привлечено к судебной ответственности работников комендатур Сиблага 112 чел. <…> По Александро-Ваховской комендатуре, укомплектованной менее проверенным элементом, где отмечалось наибольшее количество служебных преступлений (особенно избиения, мародерство), привлечено к ответственности 25 чел.». [14. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 129].

Долгих, безусловно, также подлежал наказанию. Однако в отношении руководства СибЛАГа крайкомом партии было принято решение ограничиться взысканием по партийной линии. За нераспорядительность и отсутствие контроля, «замазывание и недостаточно правильную информацию крайкома партии и других органов об истинном положении с расселением в комендатурах деклассированного элемента» Горшков получил строгий выговор с предупреждением. Долгих, по мнению крайкома, как «руководивший непосредственно проведением всей операции», заслуживал «более сурового партийного взыскания, но учитывая… ряд крупных революционных заслуг, а также его прошлую большую, положительную работу по расселению» ссыльных, вместо исключения из партии также отделался строгим выговором с предупреждением [3. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 540а. Л. 128].

Между тем за «перегибы» в кампанию 1933 г. по стране наказали многих, похожих на Долгих. Например, начальник Котласского оперсектора ПП ОГПУ по Северной области И.А. Ардатьев в марте–мае 1933 г. допустил массовую гибель ссыльнопоселенцев при этапировании по территории Дальневосточного края и был осужден Коллегией ОГПУ СССР на три года концлагеря; в 1934 г. привычно для подобных деятелей амнистирован за хорошую работу [20. Ф. 6. Оп. 1. Д. 228. Л. 115]. Начальник милиции Карагандинской области Я.Б. Добриер был отдан под суд за допущение массовых арестов, облав и длительного незаконного содержания под стражей «при изъятии социально-чуждого элемента в Петропавловске» [Там же. Д. 93. Л. 119]. Чекист Я.А. Сычев, ранее убранный в милицию за убийство, в 1933 г., будучи начальником оперотдела УРКМ ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю (Саратов), допустил массовые аресты и содержание арестованных в антисанитарных условиях, за что был арестован, но через два месяца по суду освобожден, затем восстановлен в партии и возвращен в НКВД [Там же. Оп. 2. Д. 986. Л. 126].

Характерно, однако, что если Горшков вскоре убыл из Сибири с понижением, то Долгих, напротив, пошел в гору. Крайком предложил в «целях лучшего обслуживания и управления трудпоселенцами» выделить из системы Сиблага самостоятельное управление по делам ссыльных [3. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 540а. Л. 131]. Эту партийную рекомендацию ОГПУ приняло, сделав Долгих начальником отдела трудпоселений в ранге заместитнля начальника СибЛАГа. Партийное взыскание с Долгих вскоре оказалось снятым благодаря ходатайству бюро Нарымского окружкома партии «за крупные достижения в деле расселения и хозяйственного устройства спецпереселенцев» [Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 22].

В номенклатурной живучести Долгих сыграло свою роль и его участие в реализации секретного постановления СНК СССР от 28 декабря 1931 г. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае», поставившего задачу «…в ближайшие два года полностью освободиться от завоза в Нарымский край хлеба, фуража и овощей… и перейти на снабжение продуктами собственного производства» [18. Ф. 3. Оп. 30. Д. 195. Л. 189]. Помимо создания в комендатурах сельскохозяйственного производства, предусматривались и значительные ресурсные вложения в развитие силами спецпереселенцев лесной промышленности, кустарных и рыбных промыслов. Это предполагало крупные вложения в инфраструктуру Нарыма, кото-

рый становился ценным каналом для получения в регион ресурсов из Центра – порядка 50 млн руб. И Долгих отчасти стал символической, хотя и специфической, непубличной фигурой, олицетворявшей «успешное освоение Нарыма». Назинская трагедия в данном контексте воспринималась лишь как досадный эпизод на фоне достижений в правительственной программе карательной колонизации нарымского Севера. Об этом свидетельствует докладная записка начальника ГУЛАГа М.Д. Бермана руководству ОГПУ от 1 ноября 1933 г., посвященная ходу освоения Нарыма силами спецпереселенцев и основанная на документации, подготовленной ведомством Долгих. Ее вывод гласил: «Основная директива правительства об освобождении государства в течение 2-годичного срока от завоза в Нарым продовольствия для спецпереселенцев выполнена полностью… Хозустройство выселенных в 1930–1931 гг. в Нарым кулаков надо считать в основном законченным» [14. Ф. 2. Оп. 11. Д. 538. Л. 9–10].

Однако освоение 52,6 млн руб., показанное через стоимость вложенных средств, площадь раскорчеванной земли, размеры посевных площадей, среднюю урожайность, завоз инвентаря и прочее, на деле не было эффективным. Хлебофуражный баланс, который должен был демонстрировать соответствующую позитивную динамику, не сообщался, а приводился лишь план получения «чистого товарного излишка» на следующий год. Создание в спецпоселках собственной продовольственной базы в реальности выполнено не было. Для роста животноводства недоставало кормов, а поголовье лошадей сильно уменьшилось (с 17 до 12,5 тыс. голов) и было совершенно недостаточным. Не оправдались завышенные показатели и по рыбной ловле: вместо запланированного ежегодного вылова по 5 тыс. т за 1932–1933 гг. удалось выловить лишь тысячу тонн [Там же. Л. 1–10].

Весь пафос реляции Долгих и Бермана об успехах карательной колонизации дезавуировался демографическими показателями. Если в 1930–1931 гг. в край вселили 284 тыс. спецпереселенцев, то на 1 августа 1933 г. в комендатурах осталось около 140 тыс. Причины такой убыли «спецконтингента» чекисты не скрывали: смертность и побеги они оценили в 107,5 тыс. чел. [Там же. Л. 1–2]. Ценность деятельности нарымских спецпоселений усматривалась московским и сибирским руководством в том, что практически на новом месте чекистами была заложена, сопровождаясь громадными издержками, и начала функционировать производственная, жилищно-бытовая и медико-культурная инфраструктура, опиравшаяся на принудительный труд «вычищенных» из районов сплошной коллективизации «врагов».

Указанные «достижения» позволяли чекистам и далее продвигать программу государственных вложений в сеть нарымских комендатур. Очередной проект, готовившийся во второй половине 1935 г. и посвященный развитию экономики Нарыма, имел и секретную часть, в которой затрагивалась спецпоселенческая тематика, подготовленная краевым руководством НКВД. Принятое в итоге 17 января 1936 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о мерах «по подъему сельского хозяйства северных районов Западно-Сибирского края» предусматривало, наряду с вложениями средств в экономический потенциал Нарыма, предоставление ссыльным крестьянам ряда преференций, которые призваны были способствовать их хозяйственному закреплению в местах расселения: ускоренный порядок восстановления активной части в гражданских правах, упрощенный порядок передвижения в пределах округа и передачи нетрудоспособных ссыльных на иждивение родственников, прием детей в пионерские отряды, а подростков – в ВЛКСМ и др. [11. Ф. Р-9479. Оп. 1с. Д. 32. Л. 1–4].

Чекисты смогли отрекламировать свои достижения в преображении гиблого царского Нарыма в цветущий «советский» в центральной печати. «Комсомольская правда» 11 февраля 1936 г. дала целый разворот материалов, посвященных преображению края под общим названием «Расцветает советский Нарым». Ключевое место среди других публикаций, авторами которых выступили молодые учитель и трактористка, занимала статья Долгих «Нарым советский», сопровождавшаяся его фотографией. В ней, помимо привычной идеологемы о поставленной партией и государством перед чекистами цели освоения богатейших ресурсов региона силами «раскулаченных», проходивших «перековку» трудом, содержались оценки успешного преодоления трудностей, созданных предрассудками о непригодности северного климата для развития аграрного производства и продуктивного животноводства. В подтверждение приводилась выборочная статистика, подтверждавшая освоенческие успехи комендатур. Безусловно, валовые показатели должны были впечатлить читателя, однако когда речь шла об урожайности зерновых культур или объемах полученного зерна и картофеля на трудодень, то Долгих оперировал лишь примерами отдельных артелей.

Еще более радужной рисовалась ситуация с добровольностью выбора ссыльными форм хозяйствования: «Никакого принуждения в выборе форм хозяйствования нет. Смотря по желанию, трудпоселенец может работать и в артели, и единолично». При этом далее Долгих указывал, что именно коллективный артельный труд является залогом восстановления ссыльных в гражданских правах. Говоря о заслугах комендантского корпуса, он пафосно заявил, что «великую честь оказала нам партия, поручив работу по перековке трудпоселенцев». Предельно глухо автор упомянул, что охранительная деятельность потребовала «разобраться в сложнейшем переплете классовой борьбы».

Несмотря на обилие сигналов о злоупотреблениях Долгих по части отлаженного карательной системой широкого «самоснабжения», пьянства и даже жульнического уклонения от уплаты партийных взносов (в 1936 г. Долгих с зарплаты 1 087 руб. платил вместо 19 руб. в месяц менее 9 руб.), он заслужил достаточный авторитет у властей [3. Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 24. Л. 12]. В начале 1937 г. руководство Запсибкрая (Эйхе и Ф.П. Грядинский) обратилось в Москву с ходатайством о награждении Долгих орденом Ленина «за успешное проведение хозяйственного и политического освоения трудпоселений в необжитой Нарымской тайге». С ве-

домственной стороны оно было поддержано наркомвнуделом Н.И. Ежовым, который в обращении к Сталину от 5 апреля 1937 г. отмечал, что «благодаря энергии тов. Долгих, в Нарымской тайге заведено интенсивное культурное зерновое хозяйство, организован ряд кустарно-промысловых охотничьих и рыбацких артелей, построены больницы, школы, детские дома и ясли и созданы другие культурно-бытовые условия, обеспечивающие превращение десятков тысяч кулацких семей в трудовое население, а также его активное участие в борьбе с бандитизмом Сибири в прошлом…» [14. Ф. 3. Оп. 4. Д. 91. Л. 135].

Награждение Долгих не состоялось по неясным причинам. Возможно, Сталин решил, что важнее отметить заслуги тех чекистов, которые успешно создавали политические дела на большие группы «врагов» и занимались непосредственно расстрелами, а не тех, кто распоряжался в лагерях и ссылке. Либо виноватой оказалась драматическая ситуация начавшегося массового террора и номенклатурной войны «всех против всех», в ходе которой один из покровителей Долгих, Ф.П. Грядинский, вскоре оказался арестован и затем расстрелян. Против самого Долгих было открыто длившееся почти три месяца (июнь–август 1937 г.) партийное расследование в первичной организации НКВД о злоупотреблениях по службе, наличии «вредительства в Отделе трудпоселений» и последовавших арестах части специалистов из ближайшего окружения Долгих, с решением ходатайствовать об исключении последнего из партии [З. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 111–117].

В это время Долгих активно «чистил» бывших партизан и проводил Большой террор: «Зимой 1937 г., когда нужно было очищать Алтай от изменников родины японских шпионов – [партизанского командира И.Я.] Третьяка и его компании, по поручению нач-ка Управления НКВД [С.Н. Миронова] я помогал проводить эту операцию… помогая изымать оружие, и, по оценке зам. нач. Управления т. [А.И.] Успенского, провел хорошо работу. Уже в июне месяце, когда началась операция по изъятию контрреволюционного элемента в Нарыме, я также был послан нач. Управления [НКВД Мироновым] помощником т. [С.П.] Попову, я приложил все усилия как большевик для того, чтобы как можно лучше провести ту работу…». [Там же. Л. 120].

Долгих удалось избежать высшей партийной кары, поскольку в начале октября 1937 г. было принято решение о передаче всей хозяйственной деятельности и инфраструктуры ОТП в ведение соответствующих профильных гражданских органов, и Долгих, руководя данной реорганизацией, оказывался фактически незаменимым. Сыграло роль и выдающееся номенклатурное положение Ежова, еще недавно поддержавшего награждение Долгих, а также покровительство со стороны руководителей ГУЛАГа, заместителей Ежова М.Д. Бермана и выходца из системы ЧОН и войск ВЧК В.В. Чернышева (последний проработал заместителем наркома – министра внутренних дел СССР до 1952 г.).

Завершив реорганизацию сибирских спецпоселений, Долгих в марте 1938 г. был назначен зам. начальника Красноярского ИТЛ, перейдя в лагерную систему. Как и большинство начальников лагерей, он периодически подвергался взысканиям, но смог доказать свое право быть видной шестеренкой ГУЛАГа, где передвигался в основном по горизонтали, от руководства одним рядовым лагерем до другого, выслужив в итоге чин полковника и заработав самый незначительный орден – Знак Почета. В апреле 1943 г. от Свердловского обкома ВКП(б) Долгих получил строгий выговор за срыв производственной программы Ивдельлага, вскоре снятый. В январе 1950 г. Кемеровский обком ВКП(б) указал на безответственное отношение Долгих к подбору и расстановке кадров Южкузбасслага МВД. В конце этого же года наш герой был уволен в запас по болезни с правом ношения военной формы [1. С. 448, 449.] Долгих уцелел в Мировой и Гражданской войнах, «проскочил» в ходе партийных расследований его эксцессов периода 1922 г., депортаций 1930-х гг., Большого террора. За этим стояло как умелое использование ресурса покровителей, так и, вероятно, номенклатурное везение.

В фигуре Ивана Долгих совместились две ипостаси. В первой вырисовывается личность «человека войны», беспрерывно находившегося в мобилизационном состоянии и действии, начиная с Первой мировой и до 1950 г. Мобилизационное состояние органично формировало психологический и поведенческий тип человека, выполнявшего чрезвычайные задачи чрезвычайными методами с чрезвычайными результатами и последствиями. В документальных источниках, в восприятии современников и отчасти в социальной памяти жителей региона (Алтай, Нарым) Долгих характеризуется как решительный и жестокий руководитель, наделенный экстраординарными полномочиями и не ограничивавший себя в выборе средств. Он хорошо знал, что лучше «перегнуть», чем «недогнуть». В объяснительной записке в партийные органы, связанной с попыткой его исключения из ВКП(б) в августе 1937 г., уверения в преданности партии Долгих подкреплял перечислением своей решительности в подавлении «антисоветских» мятежей и восстаний в 1922, 1930 (Ойротия) и 1931 гг. (Нарым) [З. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1041а. Л. 120]. Очевидна типичность подобных людей, подбор которых в «органы» являлся сознательным с первых дней их существования и которые не только оседали в охранительной системе, но и наполняли все этажи партийно-советского и хозяйственного аппарата.

Во втором своем качестве его фигура трансформируется в символический образ главного созидателя организованной в Западной Сибири системы спец(труд)поселений в 1930-е гг., позитивности и перспективности ее существования в дальнейшем. Долгих как организатор преобразования «дикого Нарыма» в «Нарым советский» фактически выступал олицетворением «успешности трудовой перековки раскулаченных», приуроченной к принятию Конституции 1936 г. Отделение реальности от символизма в феномене освоения территории и ресурсов Западной Сибири трудом репрессированного крестьянства требует продолжения исследования, одним из перспективных направлений которого может быть адекватно проведенное сравнение двух подходов, путей колонизации региона – позднеимперского столыпинского и советского карательного.

Список источников

1. Тепляков А.Г. Долгих Иван Иванович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. : биографические материалы / под ред. А.В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2017. С. 447–449.
2. Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг. : документы и материалы / под ред. Г.Н. Безрукова. Барнаул : Нэкси, 1999. 319 с.
3. Государственный архив Новосибирской области.
4. Долгих И. Снежный поход (воспоминания о разгроме банды Кайгородова) // Десять лет Советской Ойротии : полит.-экон. сб. Улала, 1932. С. 100–104.
5. Рябова Ю.В. И.И. Долгих – первый руководитель Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 143–146.
6. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск : ЭКОР, 1993. 341 с.
7. Российский государственный архив экономики.
8. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск-ЭКОР, 1994. 310 с.
9. Гущин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск : ЭКОР, 1996. 160 с.
10. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск : Наука, 1992. 283 с.
11. Государственный архив Российской Федерации.
12. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М. : Рос. полит. энцик. (РОССПЭН), 2005. Кн. 1. 912 с.
13. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940 : в 2 кн. М. : Рос. полит. энцик. (РОССПЭН), 2006. Кн. 2. 1119 с.
14. Центральный архив Федеральной службы безопасности.
15. Российский государственный архив социально-политической истории.
16. Красильников С.А., Мамкин О.М. Восстание в Парбигской комендатуре. Лето 1931 г. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 128–138.
17. Тепляков А.Г. «Охранное отделение» режимной экономики: комендантский корпус спецпоселений в Сибири (1930–1940-е гг.) // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. М. : Рос. полит. энцик. (РОССПЭН), 2013. С. 450–468.
18. Архив Президента Российской Федерации.
19. 1933 г. Назинская трагедия : документ. науч. изд. Томск, 2002. 223 с.
20. Российский государственный архив новейшей истории

References

1. Teplyakov, A.G. (2017) Dolgikh Ivan Ivanovich. In: Posadsky, A.V. (eds) *Vozhaki i lidery Smuty. 1918–1922 gg.: biograficheskie materialy* [Chieftains and leaders of the Troubles. 1918–1922]. Moscow: AIRO. pp. 447–449.
2. Bezrukov, G.N. (ed.) (1999) *Partizanskoe i povstancheskoe dvizhenie v Prichumysh'e 1918–1922 gg.: dokumenty i materialy* [Partisan and rebel movement in the Chumysh region: documents and materials, 1918–1922]. Barnaul: Neksi.
3. The State Archive of Novosibirsk Region.
4. Dolgikh, I. (1932) Snezhnyy pokhod (vospominaniya o razgrome bandy Kaygorodova) [A snow campaign (memories of the defeat of the Kaigorodov gang)]. In: *Desyat' let Sovetskoy Oyrotii* [Ten Years of Soviet Oirotia: Political and Economic Collection]. Ulala. pp. 100–104.
5. Ryabova, Yu.V. (2017) I.I. Dolgikh, the first leader of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 418. pp. 143–146. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/18
6. Krasilnikov, S.A. (1993) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. Vesna 1931 – nachalo 1933 g.* [Special settlers in Western Siberia. Spring 1931 – early 1933]. Novosibirsk: EKOR.
7. The Russian State Archive of Economics.
8. Krasilnikov, S.A. (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938* [Special settlers in Western Siberia. 1933–1938]. Novosibirsk: EKOR.
9. Gushchin, N.Ya (1996) *"Raskulachivanie" v Sibiri (1928–1934 gg.): metody, etapy, social'no-ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya* ["Dispossession" in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences]. Novosibirsk: EKOR.
10. Krasilnikov, S.A. (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – vesna 1931 g.* [Special settlers in Western Siberia. 1930 – spring 1931]. Novosibirsk: Nauka.
11. The State Archive of the Russian Federation.
12. Krasilnikov, S.A. (ed.) (2005) *Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940 : v 2 kn.* [Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement. 1930–1940: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
13. Krasilnikov, S.A. (ed.) (2006) *Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: v 2 kn.* [Politburo and the peasantry: expulsion, special settlement. 1930–1940: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
14. The Central Archive of the Federal Security Service.
15. The Russian State Archive of Socio-Political History.
16. Krasilnikov, S.A. & Mamkin, O.M. (1994) Vosstanie v Parbigskoy komendature. Leto 1931 g. [Uprising in the Parbig commandant's office. Summer 1931]. *Istoricheskiy arkhiv*. 3. pp. 128–138.
17. Teplyakov, A.G. (2013) "Okhrannoe otdelenie" rezhimnoy ekonomiki: komendantskiy korpus spetsposeleniy v Sibiri (1930–1940-e gg.) ["Security department" of the regime economy: the commandant's corps of special settlements in Siberia (1930–1940s)]. *Istoriya stalinizma: Prinuditel'nyy trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat'* [History of Stalinism: Forced Labor in the USSR. Economy, Politics, Memory]. Proc. of the Conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 450–468.
18. The Archive of the President of the Russian Federation.
19. Krasilnikov, S.A. (2002) *1933 g. Nazinskaya tragediya* [1933, the Nazin tragedy]. Tomsk: [s.n.].
20. The Russian State Archive of Contemporary History.

***Сведения об авторах*:**

Красильников Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: krass49@gmail.com

Тепляков Алексей Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Krasilnikov Sergei A. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: krass49@gmail.com
Teplyakov Alexei G. – Candidate of Historical Sciences Associate Professor, Senior Researcher, Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation) E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 04.07.2022; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/79/9

Бриколаж музейных нарративов Новосибирского Академгородка: как работают акторы коллективной памяти среднего уровня

Михаил Олегович Пискунов[1], Роман Сергеевич Бугаев[2], Михаил Иванович Маклаков[3]

[1, 2, 3] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[2] Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
[1] m.o.piskunov@utmn.ru
[2] r.s.bugaev@utmn.ru
[3] m.i.maklakov@utmn.ru

Аннотация. Статья посвящена конструированию коллективной памяти Новосибирского Академгородка в музейных нарративах академических НИИ и локальных сообществ. Изучены и сравнены исторические нарративы 13 мемориальных комплексов ННЦ СО РАН. Средством сравнения выступило предположение о существовании в Академгородке исторического «генерального нарратива», связанного с фигурой академика Лаврентьева и отсылающего к золотому веку 60-х гг. XX в.
Ключевые слова: Академгородок, историческая память, big science, музеи, STS

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири», гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук, № МК-862.2022.2 «Пространства природы и науки сибирских академгородков: модели и перспективы (вт. пол. XX–XXI вв.)».

Для цитирования: Пискунов М.О., Бугаев Р.С., Маклаков М.И. Бриколаж музейных нарративов Новосибирского Академгородка: как работают акторы коллективной памяти среднего уровня // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 74–83. doi: 10.17223/19988613/79/9

Original article

Bricolage of Novosibirsk Akademgorodok Museum Narratives: How Collective Memory Actors Work at the Middle Level

Mikhail O. Piskunov[1], Roman S. Bugaev[2], Mikhail I. Maklakov[3]

[1, 2, 3] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[2] European University in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation
[1] m.o.piskunov@utmn.ru
[2] r.s.bugaev@utmn.ru
[3] m.i.maklakov@utmn.ru

Abstract. The study was supported by the grant of the Russian Federation Government (project № 075-15-2021-611), "Human and the Changing Space of the Urals and Siberia" and the grant of the President of the Russian Federation for Young Scientists Candidates of Sciences, № MK-862.2022.2 "Nature and Science Spaces of Siberian Academic Towns: Models and Prospects (second half of XX - XXI centuries)". The article is devoted to the collective memory of Novosibirsk Akademgorodok in the museum narratives of academic research institutes and local communities. The authors studied and compared the historical narratives of 13 local memorial complexes. The instrument for comparison is the assumption of the historical "general narrative" in Akademgorodok, associated with the figure of academician Lavrentiev and referring to the golden age of the sixties of the XX century. The degree of presence of the "general narrative" in museum exhibitions, as well as forms of its use demonstrated the ways of museums and their organizations to deal with historical memory and construct their own identity. This construction and appeal to various historical symbols serves as an opportunity for our subjects to access various symbolic and material resources. Since the Museum of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences functions sporadically, and the Museum of Science and Technology did not manage to take its place, the NSU museum tries to pull a significant part of the capital of the "general narrative" on itself. The policy of the Ministry of Science favoring the higher school during the 2010s made the university one of the most active players in Akademgorodok. A reflection of this process, perhaps, was the reduced role of rectors compared to M.A. Lavrentyev in the university narrative. In the historical narratives of our subjects Lavrentiev expresses two trends: on the one hand, his image marks the ambitious position of a potential leader of the Akademgorodok as represented

© М.О. Пискунов, Р.С. Бугаев, М.И. Маклаков, 2022

by Siberian Branch of RAS or University, and on the other hand, Lavrentiev is a banner of the Golden Age for organizations like Club of Young Engineers, which have been weakened by market reforms, acting from conservative positions. Finally, the hypostasis of the founding academician as the director of the Institute of Hydrodynamics seems very successful. For the staff of this research institute Lavrentiev acts as “their” director, under whom the Institute achieved a confident position that was once organically, with the same body of the director, converted into the influence on the entire Siberian Branch of the Academy of Sciences. Lavrentiev, as the director of IGIL SB RAS, brings to the narratives of other strong academic institutions, which are represented through their own directors and founding academicians, minimally involving the "general narrative. The figure of the director in these stories turns out to be identical to the entire staff of the research institute, and local historical time is organized by the change of directors. Despite the presence in the "general narrative" of the idea of the Laurentian Akademgorodok as an interdisciplinary space, we have almost no ambitions of individual institutes to conduct their history over their own administrative and disciplinary boundaries. Instead, the private Integral Museum is actively engaged in this endeavor.
Keywords: Akademgorodok, memory studies, big science, museums, STS

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Spaces of Ural and Siberia”, Grant of the President of the Russian Federation for Young Scientists - Candidates of Sciences, No. MK-862.2022.2 “Spaces of Nature and Science in Siberian Academic Towns: Models and Prospects (the second half XX-XXI cc.)”.

For citation: Piskunov, M.O., Bugaev, R.S., Maklakov, M.I. (2022) Bricolage of Novosibirsk Akademgorodok Museum Narratives: How Collective Memory Actors Work at the Middle Level. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 74–83. doi: 10.17223/19988613/79/9

Введение

Для производства исторической памяти наука примечательна как сфера особой сложности. Основной принцип любой истории – видение своей деятельности как процесса – уже вшит в протоколы науки как формы деятельности. Необходимая рефлексивность научного исследования подкрепляется предписываемыми стандартами работы с текстами современников и предшественников. Одновременно организация научных школ и традиций обеспечивает плотное и постоянное производство коммуникативной памяти науки, которая далее воспроизводится уже в многочисленных артефактах памяти культурной или коллективной. Поэтому история науки как подраздел исторического знания всегда находится в тесной связи и даже, может быть, конкуренции с собственной оценкой траектории развития знания каждой научной дисциплины.

Особенно драматичным производство исторической памяти о науке становится с началом эпохи big science, когда академическая башня из слоновой кости превращается в коммунальную квартиру, в которой ученые делят место с корпорациями, государством и его отдельными ведомствами [1]. Одной из форм отечественной большой науки стало возникновение в позднем СССР многочисленных городков ведомственной и академической науки, в которых ученые и инженеры существовали в относительно замкнутых дискурсивных мирах. Дополнительную дискурсивную сложность советской большой науке обеспечивали часто сопутствующие друг другу режимы секретности и идеологической публичности. Вячеслав Герович в своих работах о советском космосе демонстрирует, как коммуникативная память советских космических инженеров и ученых формируется в противовес или в поддержку той идеологической культурной памяти, которую транслировало советское государство [2].

При этом движение исторической памяти о науке не обязательно направлено сверху вниз – от государства к научным организациям и отдельным ученым. Классические подходы к исследованиям памяти, восходящие к Хальбваксу и супругам Ассман, явно или неявно исходят из того, что государство, политические партии, религии или национальная литература – доминирующие игроки на этом поле [3, 4]. С этим соображением, очевидным с учетом всей экономической и организационной мощи современного государства, трудно спорить. Но именно конструирование истории о том, как наука встраивается в «большую» историю, может быть ахиллесовой пятой государственной исторической политики.

Во-первых, политикам, идеологам и даже профессиональным историкам зачастую просто не хватает компетенций для работы с историей науки, а во-вторых, для большой науки характерна ситуация, когда ее научные руководители и организаторы, а затем и историографы, сами претендуют на роль проводника государственной исторической политики. Тот же Герович отмечает, что после коллапса СССР участники советского космического проекта мыслили свою деятельность глубже постсоветского государства, не говоря уже о том, что знали о ней гораздо больше. Более того, в тяжелые для космической отрасли 1990-е гг. они фактически навязывали правительству страны свою патриотическую версию космической гонки и через это претендовали в том числе на финансовую поддержку [5].

Похожим образом, но более организованно, в наши дни действуют участники атомного проекта. Корпорация «Росатом» с середины нулевых годов предпринимает целенаправленные усилия по производству своей истории, которую она начинает с 1942 г., когда И.В. Сталин дал АН СССР распоряжение заняться «атомной проблемой» [6]. С 2008 г. функционирует чрезвычайно богатый корпоративный сайт «История атома», а атомные города относительно открыты для пишущих их историю профессиональных исследователей. Такая политика не только делает публичную историю атом-

ного проекта самой развитой из всех научно-технологических проектов советского времени, но и приносит богатые профессиональные историографические плоды – в лице Обнинского цифрового проекта и уральской школы истории атомных городов.

В данной статье мы хотим продолжить открытую Обнинским цифровым проектом дискуссию о советском наследии научно-технологического сектора России, его культурной памяти, коммуникативных стратегиях встраивания в современные исторические нарративы. Для этого мы обратимся к теме конструирования культурной памяти новосибирского Академгородка и конкуренции различных коллективных субъектов на этом поле за его символическое наследие.

Новосибирский Академгородок – передовой проект послевоенной советской организации науки и экономического развития Сибири, который одновременно стал точкой приложения оттепельных утопических ожиданий советских людей. Американский историк Пол Джозефсон, описывая дух новаторства почти во всех отраслях, представленных в сибирском городе науки и знаний, сравнивает Академгородок с Домом Соломона из романа-утопии Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» [7]. Об утопическом энтузиазме пишут также Е.Г. Водичев, Н.А. Куперштох и И.С. Кузнецов, изучавшие научный этос и политические кампании конца 1960-х гг. в Академгородке, отмечая, как установки на разномыслие, оттепельный коммунизм и научный поиск у первых обитателей Академгородка постепенно вступали в противоречие с реалиями функционирования советской идеологической машины [8, 9]. Наконец, и авторы данного текста в предшествующей публикации об идее «города-леса» в Академгородке также указывали на особый дискурсивный характер говорения о будущем, в котором разворачивался архитектурный проект СО АН СССР в Новосибирске [10].

Устремленность Академгородка в будущее вела к тому, что его нарратив практически до конца советской эпохи мало касался истории. С распадом СССР Академгородок перестал быть частью процесса построения коммунизма, а его связь с будущим окончательно потеряла внешнюю рамку. Последний процесс начался даже чуть раньше. В 1980 г. публикуются мемуары основателя Академгородка М.А. Лаврентьева «Прирастать будет Сибирью» [11], посвященные его деятельности на посту организатора и руководителя СО АН СССР. Вслед за Лаврентьевым свои воспоминания начинают оформлять и другие пионеры Академгородка. Пошел процесс преобразования коммуникативной памяти в культурную, который не завершился и по сей день. В ГПНТБ СО РАН хранится уже более 150 мемуарных и мемориальных изданий о сибирском городе науки, и их число продолжает расти [12]. Мысль мемуаристов, историков-любителей и историков-профессионалов, стремится преодолеть исчезновение внешнего направления советской истории Академгородка и понять, куда должно это научное и гражданское сообщество двигаться дальше, как сохранить заложенные в него принципы, в чем эти принципы, собственно, состояли и как соотносились с советским проектом в целом.

Главная теоретическая проблема при изучении исторической памяти находится в пространстве перехода от индивидуального припоминания к коллективному историческому нарративу. Коллективная или культурная память, как пишут М. Бернхард и Я. Кубик, подобна океану, в котором существует множество непохожих и часто противоборствующих течений [13]. Не являясь чем-то раз и навсегда зафиксированным, эта память постоянно меняется, поскольку каждый из ее участников желает привнести свою версию в общее историческое прошлое. Основная функция культурной памяти заключается в том, чтобы помочь тому или иному коллективному субъекту определить свое место среди других таких же субъектов, обозначить их границы в рамках существующего социального порядка, сформировав тем самым общую групповую идентичность.

Относительно понятны конструктивистские механизмы идеологического производства больших общественных движений и субъектов – государств, наций, классов. Но проблема культурной памяти, на наш взгляд, коренится в промежуточном уровне коллективных субъектов между личностью и большими общностями. Для Академгородка такими коллективными субъектами мы полагаем коллективы научно-исследовательских институтов Сибирского отделения Российской академии наук и другие локальные общественные организации.

Дополнительно мы хотим разделить сознательные усилия людей по коллективному конструированию истории и стихийный процесс унификации формы, происходящий при, скажем, складывании литературного жанра. Мемуарное творчество, если оно прямо не инспирируется сверху, относится к последнему процессу. Поэтому, несмотря на важность академгородковского мемуарного корпуса для историков, в этой работе мы сфокусировались на иных институтах сознательного производства коллективной памяти – музеях академических институтов и общественных инициатив Академгородка. Мы полагаем, что, функционируя как пространства собирания и трансляции памяти отдельных коллективов, эти мемориальные комплексы вносят значимый вклад в создание коллективных общественных субъектов среднего уровня через их исторические нарративы.

Музеи часто рассматриваются в рамках концепции двухчастной модели исторической памяти современной России, которая содержит героизированную версию прошлого, спущенную сверху, и локальную память, которая хранит истории множества отдельных сообществ, семей и людей [14]. Рассматриваемые нами комплексы являются по большей части «ведомственными» музеями СО РАН, а их экспозиции и нарративы не сводятся ни к государственному патриотизму, ни к исключительно локальным героям. Скорее, эти организации перебрасывают мемориальный мост между групповой идентичностью своих сообществ и большой историей Академгородка и через это историей страны. Поэтому мы полагаем возможным говорить о них как об институтах производства культурной памяти среднего уровня.

Источники и «генеральный нарратив» Академгородка

Почти все НИИ ННЦ СО РАН имеют собственные музеи или мемориальные комнаты, которые создают свои истории появления и развития Академгородка. Предметом исследования стали 13 мемориальных комплексов, коллекции которых были нами осмотрены, а с хранителями проведены исследовательские интервью: музеи Новосибирского государственного университета, Специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета (ФМШ), Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева, Института органической химии им. Н.Н. Ворожцова, Института гидродинамики им. М.А. Лаврентьева, Института ядерной физики им. Г.И. Будкера, Центрального сибирского ботанического сада, Института цитологии и генетики, Клуба юных техников, Интегральный музей Академгородка, Музей науки и техники, мемориальные кабинеты академиков Н.Н. Яненко и В.А. Коптюга. Этот перечень не является исчерпывающим, академических музеев гораздо больше, но не все нам удалось посетить в силу технических или административных обстоятельств.

Работа с музейными комплексами научных институтов ННЦ СО РАН начиналась со встречи с хранителем музея или сотрудником НИИ, который поддерживает мемориальную комнату. Далее следовали посещение музея / мемориального кабинета, знакомство с официальной частью экскурсии, а после беседа с нашим гидом в более неформальной обстановке. Разумеется, такое наблюдение подвержено двойной субъективации передаваемой информации — музейного хранителя как транслятора исторического нарратива и нас как слушателей. Поэтому нужно учитывать, что последующее изложение – это, скорее, наша интерпретация текущего процесса в попытке ухватить тренды. Соответственно, все исторические ошибки и искажения остаются на нашей совести.

При работе с собранными нарративами мы исходили из того, что в Академгородке существует исторический «генеральный нарратив», который связан с локальным культом академика М.А. Лаврентьева, чьим именем в Академгородке названы улица, школа, НИИ и прочие топографические объекты. Более того, некоторые старожилы метафорически называют Академгородок первых лет его существования «академической деревней Лаврентьевкой» [15].

В общих чертах «генеральный нарратив» выступает как рассказ о создании в глухой тайге научного центра мировом уровня, а темпорально речь идет о золотом веке 60-х гг. XX в. В этом обобщающем нарративе фигура Михаила Алексеевича Лаврентьева является центральной. Как академик-основатель Лаврентьев символизирует лучшие времена истории Академгородка, а масштаб его личности зачастую по законам мифологического жанра гиперболизируется. Мы избегаем говорить о «генеральном нарративе» как об официальной памяти, так как его источником не является государство, а его воспроизводство не связано напрямую с государственными каналами исторической политики.

Характер использования в музейном нарративе «генерального нарратива» рассматривался нами как способ разделять и сравнивать механизмы конструирования истории института, Академгородка и страны. Таким образом, в статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: Как в наблюдаемых музеях обращаются к собственной истории и к истории Новосибирского Академгородка? В каких отношениях эти истории находятся с «генеральным нарративом»? Можно ли говорить о музеях как о среднем типе акторов производства коллективной памяти, а о науке – как о сфере, где это особенно ярко проявляется?

Борьб а за Лаврентьева

Изученные нами музейные комплексы структурированы внутри хронологически или тематически. Часто музеи, основанные изначально на мемориальном кабинете, сохраняют его внутри себя как отдельную тематическую экспозицию. Другие музеи появляются как несистематизированные коллекции вещей и по своему принципу могут быть сродни гаражам. Наконец, особые статусные музеи созданы крупными организациями для внешней рекламы и привлечения инвестиций. Соответственно, различаются и музейные работники: в большинстве случаев это научные сотрудники НИИ, совмещающие поддержание мемориальных комплексов с собственной исследовательской работой, иногда один из руководителей института, и только крупные организации вроде университета могут позволить себе отдельную ставку освобожденного музейного работника. Темпоральность большинства экспозиций выражается несколькими обязательными этапами: создание НИИ в начале 1960-х, его последующий расцвет, трудный период в 1990-е гг., современная жизнь.

Сначала мы обратимся к музейным комплексам, которые примыкают к генеральному нарративу. Официальный Музей истории СО РАН, находящийся в «домике Лаврентьева», уже много лет не функционирует. Для юбилейных тематических выставок руководство Академии наук обычно использует выставочный центр СО РАН, в котором выделяют несколько комнат для экспозиции, или выставляют стенды на пр. Коптюга. Так, например, осенью 2020 г. в честь 120-летия М.А. Лаврентьева там была организована выставка под названием: «Михаил Алексеевич Лаврентьев. Человек планетарного масштаба: созидатель и ученый. К 120-летию со дня рождения».

Отчасти функцию основного музейного комплекса Сибирского отделения мог бы взять на себя Музей науки и техники СО РАН. Его экспозиция стремится создать обобщающую историю Академгородка через историю вещей и технических решений. Для этого используется интересное композиционное решение: музей имитирует пр. Лаврентьева, на котором расположена большая часть НИИ Новосибирского научного центра. Такое символическое воплощение пространства города науки сочетается с выставленной техникой, которая должна соотноситься с процессом технического развития Академгородка. Однако нам показалось, что целостный нарратив музея не складывается. В экс-

позиции используются все вещи, которые организаторы получают от местных жителей, из-за чего рассказ музея распадается на части и теряет стержень, заданный визуальным приемом проспекта-дороги экспозиции. Проспект вынуждает говорить именно об Академгородке, в то время как экспонаты – об истории техники в целом. Наконец, несмотря на официальный статус, Музей науки и техники СО РАН делается в основном силами энтузиастов и сочувствующих местных жителей, и на имеющиеся амбициозные задумки ему не хватает ресурсов.

В условиях текущего эпизодического присутствия СО РАН в поле культурной памяти Академгородка систематически на «генеральный нарратив» претендует музей истории Новосибирского государственного университета. Это можно заметить даже в его визуальной организации. Напротив входа в музей – граффити с изображением М.А. Лаврентьева и цитатой о необходимости давать студентам фундаментальное образование. Над этой цитатой расположена другая: «Развитие самостоятельного мышления – через самостоятельную деятельность», – одна из самых ходовых исторических формулировок, использовавшихся при основании НГУ. А прямо над этими цитатами находится надпись: «Новосибирский научный центр / исследования, инновации, традиции». Эта фраза и предыдущая цитата также заключены в еще одни кавычки других (по сравнению с цитатой Лаврентьева) цветов, создавая, с одной стороны, ощущение единства, а с другой стороны, показывая идущий процесс соединения двух частей в один нарратив.

Принцип сочетания упоминаний всего Академгородка и НГУ продолжается и далее по музею: в облаке понятий; в фотографиях, отражающих моменты истории университета, где ключевую роль играет Лаврентьев; в особом месте для бюста академика-основателя СО АН СССР (хотя у университета есть своей академик-основатель – И.Н. Векуа). В своем рассказе музейный работник подчеркивает место НГУ в Новосибирском Академгородке как части организационного принципа «треугольник Лаврентьева». На этот каркасный сюжет о НГУ как части большого проекта надеваются истории факультетов и внеучебной деятельности. Таким образом, нарратив музея сконцентрирован вокруг более широкого демиургического нарратива, связанного с М.А. Лаврентьевым и его «треугольником», а «генеральный нарратив» преобладает над локальной историей университета.

История музея НГУ была бы неполной без внешнего контекста. В 2010-е гг. Новосибирский государственный университет активно участвует в федеральных программах развития, в том числе в программе 5-100. Именно в этот период было завершено строительство нового корпуса НГУ, в котором и была создана экспозиция, посвященная истории университета. Таким образом, музей работает над формированием имиджа НГУ и становится пространством формирования образа прошлого и будущего. Своим музеем университет стал не только одним из важных претендентов на лаврентьевское наследие, но и выступает ключевым игроком в формировании самого «генерального нарратива». Наконец, именно в музее НГУ расположилась экспозиция «У истоков Сибирской Академии», которая посвящена 120-летию М.А. Лаврентьева и отчасти дублировала публичный стенд СО РАН на пр. Коптюга.

Иначе апеллирует к «генеральному нарративу» музей Клуба юных техников (КЮТ) СО РАН. Главной фигурой экспозиции в нем также выступает академик Лаврентьев, который является здесь первым почетным КЮТовцем. Этот статус закрепляется местным несколько патриархально-фамильярным прозвищем М.А. Лаврентьева – Дед. Прозвище корнями уходит в неформальное общение первых лет Академгородка среди первого поколения академгородцев, состоявшего в основном из учеников академика-основателя и их детей. Нам показалось, что личная связь между Лаврентьевым и «юными техниками» привносит в экспозицию мотив сожаления об ушедших золотых временах и текущих материальных трудностях клуба. Символом этой в 2020-х гг. уже фантомной тоски выступает проект бассейна для корабельных моделей, который разработали для КЮТа еще в 1960-е гг., но так и не реализовали.

Обращение к «генеральному нарративу» музея физико-математической школы (ФМШ) при университете, наоборот, отличается слабой степенью ностальгии по советскому прошлому. Экспозиция здесь размещена в специальной комнате, которая одновременно выполняет роль архива. Фон ей задают портреты М.В. Ломоносова, М.А. Лаврентьева и А.А. Ляпунова. Характерным представляется, что смотритель музея – студент НГУ и выпускник ФМШ – уделил внимание лишь очевидным героям «генерального нарратива» – Лаврентьеву и Ломоносову. К образу последнего активно обращался Лаврентьев, обосновывавший свои проекты организации большой науки в Сибири, поэтому фигура Ломоносова парадоксальным образом усиливает «генеральный нарратив». А вот академик Ляпунов, стараниями которого в Академгородке и появилась первая в СССР физико-математическая школа, оказался вытеснен повествованием о перипетиях истории ФМШ в 1990–2000-е гг. в связи с поиском финансирования и борьбой за особый статус школы. В нарративе школы выстраиваются иные темпоральные отношения с историей, возможно, в связи с постоянной сменой поколений в самой ФМШ, в которой, таким образом, актуализируется короткая память.

От обращающихся в своих нуждах к «генеральному нарративу» о Лаврентьеве организаций перейдем к его наиболее естественному транслятору и хранителю памяти об академике-основателе Академгородка, которым является некогда возглавляемый им Институт гидродинамики. Кроме рассказа о Лаврентьеве музейный хранитель передает память о его научных соратниках и значимых достижениях в области гидродинамики. В фойе института расположена фотография Михаила Алексеевича во всю стену, а чуть правее – фотографии важнейших сотрудников, организованные согласно полученным ими премиям: Ленинская, Правительства РФ и др.

Мемориальный кабинет Михаила Алексеевича расположен на втором этаже, в изначальном кабинете пер-

вого директора, и, по словам хранителя, существует с момента ухода Лаврентьева с поста директора ИГиЛ. На двери, ведущей в кабинет, красуется табличка с надписью: «ДИРЕКТОР, Лаврентьев М.А.», которая хотя и является новоделом, но составляет предмет гордости сотрудников института. Сам кабинет является собранием предметов разных времен, составляющих номенклатурный минимум тех лет: несколько телефонов на столе, портрет В.И. Ленина напротив рабочего стола, советский офисный стул. От первоначального кабинета остались лишь стол и телефон, и сейчас в нем размещены вещи, смысл которых состоит в указании на влиятельность института: например, подарки от зарубежных делегаций, макеты научных разработок; на стене висит карта мира, на которой раньше отмечались города, состоявшие в тесном сотрудничестве с институтом. Наконец, в мемориальном кабинете находится стол для совещаний, который отсылает к временам, когда за ним, по словам хранителя, собирался президиум СО АН.

Нарратив, транслирующийся музейным работником, который одновременно является научным сотрудником, повествует о руководящей роли Института гидродинамики в истории Новосибирского Академгородка. Так, здание института было построено одним из первых, руководство Лаврентьева оставило свой след в статусе НИИ, а сотрудники занимались и занимаются засекреченной, но почетной военной тематикой.

Следует отметить двойственный характер фигуры М.А. Лаврентьева в этом нарративе – одновременно и как основателя Академгородка, и как первого директора института. Количество мемориальных объектов, повествующих о роли и месте фигуры основателя, в соотношении с сохранностью и качеством музейных объектов, реально принадлежавших Михаилу Алексеевичу, позволяет предположить, что музейный кабинет является не столько объектом полустихийной коммеморации, сколько примером целенаправленной исторической политики института. Повторение бытовой обстановки лаврентьевского мемориального кабинета должно сохранить образ значимой фигуры в своих стенах и через это в умах посетителей сохранить положение НИИ в иерархии академических организаций.

Сильная идентичность отдельных НИИ

Перейдем к другому блоку, к которому относятся музеи, выражающие в своем нарративе более обособленную идентичность. Почти все они – музеи отдельных НИИ, что подчеркивает их отличие как средних акторов конструирования памяти.

Музей Института органической химии им. Н.Н. Ворожцова (НИОХ СО РАН) демонстрирует двухсоставной нарратив. Во-первых, это демонстрация достижений научного коллектива, которыми доказывается вклад в мировую науку и практическая значимость института: изготовление специальных материалов, производство удобрений, создание различных средств для химической промышленности.

Во-вторых, история института разделена по временам руководства разных директоров и слабо связана с общей историей Академгородка. Портрет М.А. Лаврентьева мы смогли найти лишь на стенде вне музейного помещения – на одной из медалей в абсолютно непримечательном месте. Еще более интересна в этом отношении даже не музейная экспозиция, а огромная картина шириной около 4,5 м и высотой 2,5 м, которая расположена в главном конференц-зале института. На ней изображены первые тринадцать сотрудников Института органической химии, которые сидят вокруг стола. Композиция является очевидной аллюзией на «Тайную Вечерю» Леонардо да Винчи.

При этом нимбами на картине обладают только одиннадцать мужских фигур, а две женские, хотя и сидят справа и слева от основателя института академика Н.Н. Ворожцова, их лишены. Это вызывает еще больший интерес, когда узнаешь, что на черновике картины, который также хранится в институте, у обеих женщин нимбы имеются. На наш вопрос музейному хранителю о причинах такой дискриминации женщин он ответил, что, вероятно, это связано с тем, что обе женщины работали секретарями. Нам удалось выяснить лишь, что картина была создана во второй половине 1960-х гг., но ее автор и заказчик неизвестны. Такой экстравагантный для позднесоветского периода способ изображения отцов-основателей и их академической культуры, с одной стороны, демонстрирует стремление к конструированию собственного нарратива, а с другой – определенную независимость от идеологических рамок.

Повествование другого музея – Центрального сибирского ботанического сада (ЦСБС СО РАН) – тоже отрывается от генерального. Так, история в музее начинается за 15 лет до основания Новосибирского Академгородка, так как изначально ботанический сад находился в другой части города. Этот период представлен как равноценный последующим, когда ЦСБС уже вошел в состав Новосибирского научного центра. Более того, за счет этого подчеркивается его значимость, так как элементы, обладающие отдельной, более глубокой историей, могут претендовать на индивидуальность и отделение от «генерального нарратива». Экспозиция музея состоит из характеристик сибирской агрономии и ботаники, а также архива с документами, посвященными первичному озеленению Академгородка и его урбанистическим задумкам: тропинкам и дорогам, расположению кустарников и цветников, посадкам берез и сосен, которые растут до сих пор.

Рассказ об озеленении научного центра играет сравнимую роль с доакадемгородковским периодом. Его отличительной особенностью является использование воспоминаний сотрудниц 1950–1960-х гг. Именно женщины, согласно рассказу музейного работника и сотрудницы ботсада, составляли большую часть штата ЦСБС и участвовали в озеленении Академгородка. «Девушки, приехавшие из Ленинграда вслед за своими мужьями в Сибирь», стали важными акторами создания зеленого облика наукограда.

Таким образом, нарратив музея ботанического сада амбивалентен. С одной стороны, он достаточно независим от Академгородка, а с другой – увязывается с приездом в Сибирь за новой жизнью тех женщин и муж-

чин, которые буквально своими руками создали зеленую инфраструктуру города науки.

Отдельную характеристику можно дать музею Института цитологии и генетики СО РАН (ИЦиГ СО РАН), экспозиция которого представлена несколькими яркими историями. Во-первых, это дружба одного из первых и самых выдающихся директоров института Дмитрия Беляева с Михаилом Лаврентьевым. Оба были значимыми и харизматичными лидерами, но при этом первый руководил пусть уже и не опальной, но подозрительной в советской науке генетикой, а второй был доверенным лицом советской власти в только что основанном молодом наукограде. Симбиоз Дмитрия Беляева с Михаилом Лаврентьевым позволял генетикам существовать в Новосибирском Академгородке. Во-вторых, главное международно признанное научное достижении института – доместикация лис, которая показала, что эволюционный механизм приручения и одомашнивания диких особей заключается в том числе в изменениях на генетическом уровне. И в-третьих, история о достижениях в области агрономии: выведение особого вида сахарной свеклы и морозостойкой пшеницы, которые были необходимы в рамках освоения плодородных и тяжелых для ведения сельского хозяйства географических пространств Сибири.

Все это позволяло и позволяет существовать институту, деятельность которого была ограничена в советский период «лысенковщиной». Таким образом, генетики транслируют несколько нарративов: легальное и близкое взаимоотношение с локальной элитой, практичный и признанный в мире успех одомашнивания диких животных и стремление служить стране, изобретая новые сельскохозяйственные продукты. Вдобавок выведение новых сортов, как следует из нарратива музея, окупило строительство Академгородка. Стоит отметить, что структура аргументов этого нарратива аналогична структуре аргументов, которые генетики приводили в спорах со сторонниками агробиологии [16]. То есть мрачная тень «лысенковщины» до сих пор неявно влияет на способы сотрудников ИЦиГа говорить о себе и своем деле.

Структурно схожим образом, но без таких мрачных коннотаций, обособленно представлена история Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева (ИГМ СО РАН), музей которого состоит из обширной экспозиции минералов и полезных ископаемых, добываемых на территории Сибири. Ресурсы огромных пространств и их польза для общества, страны и государства является предметом гордости сотрудников, а видные деятели геологии и минералогии XX в. выступают локальными героями. История института, которую транслируют музей и его хранители, образуется значимыми исследователями и важными геологическими открытиями: месторождениями нефти и газа в Западной Сибири, угольными залежами Кузнецкого бассейна и алмазными трубками в Якутии.

Эти и другие достижения позволяют музеям крупных академических институтов создавать и транслировать нарративы, минимально связанные с генеральным, или творчески привязывать к нему собственную историю, как в случае с Институтом цитологии и генетики.

Но даже среди прочих мощных научных институтов ННЦ СО РАН особняком стоит Институт ядерной физики имени Г.И. Будкера (ИЯФ СО РАН). В ИЯФе не существует музея как такового, но институт проводит у себя регулярные экскурсии, одну из которых нам удалось посетить. В предложенном нарративе просто не существует периода экономического или культурного упадка, который характерен для истории других НИИ в 90-е гг. XX в. Институт, по словам сотрудников, существовал и существует всегда примерно в одном виде, не испытывая серьезных изменений, хотя дорогостоящее и сложное в производстве оборудование со временем подвержено старению и деградации.

Научные и производственные успехи Института ядерной физики зависят от двух коллайдеров: старого и нового, на которых проводятся испытания и эксперименты, составляющие предмет гордости сотрудников. Процесс производства, верификации и апробирования научного знания дорогой и долгий не только в стоимости и обслуживании, но и в запуске. Поэтому, по словам одного из информантов, в институте всегда кипит жизнь, существуют зависимость и конкуренция с коллегами, которые проводят испытания совместно. Требуется кооперация, при этом результаты исследований прозрачны внутри корпорации.

Коллайдеры, являясь главным достижением ИЯФа, влияют на состояние коммеморации, которой в привычном виде почти не существует. Среди «музейных экспонатов», находящихся в небольшом коридоре, – остатки первого в СССР коллайдера, который, по сообщению проводившего экскурсию научного сотрудника, собрали на территории Академгородка, протестировали, разобрали, увезли в Москву, собрали, официально запустили там, потом увезли на родину. Вместе с первым коллайдером располагаются его запчасти.

Институт ядерной физики гордится своей независимостью и экономическим положением, которое определяется идеей самоокупаемости и коммерциализации фундаментальной науки. Так, 40% доходности института приносит продажа изделий собственного производства, например магнитных катушек для изменения направления движения частиц по коллайдеру. Сотрудники помнят и разделяют основные положения объединения «Факел», которое в советские годы предлагало НИИ перейти на самоокупаемость, создать капитализм в отдельной организации, но было закрыто по указанию из Москвы [17]. Гордость вызывает и авторитет ИЯФа среди мировых институтов, например, в области верификации новых элементов.

Коммеморация института ядерной физики представляет собой отождествление с настоящим, потому что деятельность сотрудников и их достижения связаны с работой коллайдеров, которые требуют большого количества временных и денежных ресурсов для создания, настройки, запуска и поддержания. Дорогостоящее оборудование еще не устарело морально, оставаясь в ходу, хотя немного устарело физически.

Работа с коллайдером придает сотрудникам благородный подвижнический облик: их работа почти вечна, актуальна с 60-х гг. прошлого века и не потеряет смысл и заказчиков еще долгое время. Поэтому, ка-

жется, внедрять классические коммеморативные практики пока что не имеет смысла: работа не окончена. Таким образом, коммеморативное поле института ядерной физики представляет собой максимальное отклонение от «генеральной» линии памяти Новосибирского Академгородка.

Наконец, отличный от описанных выше тип нарратива демонстрируют частные музеи, созданные местными активистами на свои средства и частные пожертвования. Самым известным из них в Академгородке является Интегральный музей, расположенный в жилом доме и посвященный повседневной жизни академгородковцев: выставочная композиция расположена в двух жилых комнатах, имитирующих пространство типовой советской квартиры 1960–1970-х гг. Пространство музея заполнено предметами, относящимся к индивидуальным историям жителей Академгородка, такими как фотокамеры, радиоприемники, стулья и кресла, личные письма и книги. Интегральный музей существует в рамках частной инициативы и представляет собой небольшое объединение единомышленников, которые обладают мотивацией и желанием интегрировать всю память о Новосибирском Академгородке, а не об отдельном научно-исследовательском институте.

Повествование музея строится из воспоминаний о «новой жизни» только что приехавших в Академгородок в начале 1960-х гг. ученых. В отличие от «тесной Москвы», на окраине Новосибирска существовала «свобода», которую хранители музея описывают как главную составляющую культурной жизни и символ Академгородка. Жизнь в только что основанном наукограде представляется как островок спасения от советской цензуры и идеологического контроля. Отмечается, что за свободу новые жители платили бытовыми неудобствами, но активная культурная и общественная жизнь скрашивала существование вдали от столицы. 1968 год считается переломным, когда кончилась локальная оттепель, а с ней и «золотой век». Свобода в представлении хранителей Интегрального музея закончилась в Новосибирском Академгородке вместе с деятельностью клуба «Под интегралом», воспоминания о котором являются центральным мотивом музея.

Именно рефлексия быта и культуры раннего Академгородка смещает ракурс памяти Интегрального музея с привычных музейных нарративов – директоров институтов или значимых научных сотрудников – в сторону от связанной с М.А. Лаврентьевым «генеральной линии» репрезентации. Помимо научных руководителей в рассказах основательницы музея Анастасии Близнюк подчеркивается и роль ее отца Германа Безносова и других деятелей культуры и науки из клуба «Под интегралом», которые по значимости не уступают академикам.

Еще одним, пожалуй, самым амбициозным способом Интегрального музея концептуализировать память о первых годах Академгородка является выставка «Дворяне шестидесятых», в которой простраивается связь между некоторыми переехавшими в Академгородок научными семьями и российской имперской аристократией. Прежде всего речь идет о Наталье Притвиц, многолетнем ученом секретаре Президиума СО АН, соратнице академиков Лаврентьева, Марчука, Коптюга и Добрецова, первом историографе Академгородка. Семья Натальи Алексеевны принадлежала к древнему силезскому баронскому роду и хранила несколько вещей, которые связывали Притвицов с российской императорской фамилией. Эти вещи, а также еще несколько похожих коммуникативных ходов, позволяют Анастасии Близнюк говорить о параллелях между имперской элитой и элитой советской науки.

Заключение

Подведем промежуточный итог. Несмотря на неизбежную для таких случаев неполноту данных и собственные когнитивные искажения, идея обратиться к ведомственным музеям академических НИИ себя оправдала. Мы получили множество нарративов, которые позволяют говорить о механизмах обращения с историей и конструирования собственной идентичности для коллективных субъектов научного сообщества. Эти нарративы находятся в сложных отношениях как с «большой» государственной историей, так и с индивидуальной памятью, не сводясь к ним. Одновременное конструирование собственного имиджа и апеллирование к различным символам выступают для изученных нами организаций возможностью приобщения к различным символическим и материальным ресурсам.

Самым простым критерием различения исторических нарративов мы сделали «генеральный нарратив» о М.А. Лаврентьеве, причастность которому позволяет организации приобщать к собственному символическому капиталу общий капитал СО АН СССР. Так как музей СО РАН функционирует эпизодически, а Музей науки и техники не сумел занять его место, значительную часть этого капитала берет на себя НГУ. Благоволящая высшей школе политика Министерства науки в течении 2010-х гг. сделала университет одним из самых активных субъектов политики памяти в Академгородоке.

Академик Лаврентьев в историческом нарративе наших субъектов выражает две тенденции: с одной стороны, его использование маркирует амбициозную позицию потенциального лидера Академгородка (СО РАН, Университет), а с другой стороны, Лаврентьев – это знамя «золотого века» для выступающих с консервативных позиций и ослабленных рыночными реформами организаций. Наконец, очень удачной кажется ипостась академика-основателя СО в качестве директора Института гидродинамики. Для коллектива сотрудников этого НИИ Лаврентьев выступает как «свой» директор, при нем Институт добился уверенной позиции, которая когда-то органично, одним и тем же телом руководителя, конвертировалась во влияние на все Сибирское отделение Академии наук.

Лаврентьев как директор ИГиЛ СО РАН выводит нас на нарративы других сильных академических институтов, которые репрезентируются через собственных директоров и академиков-основателей, минимально привлекая «генеральный нарратив». Фигура директора в этих историях оказывается тождественна всему кол-

лективу НИИ, а локальное историческое время институтов организуется сменой их руководителей. Такой нарратив с поправкой на особенности науки похож на классический исторический нарратив в ведомственных музеях и юбилейных публикациях о крупных промышленных предприятиях – вроде Уралмаша, Ростсельмаша или Магнитогорского металлургического комбината. В них директор тожествен трудовому коллективу, коллективу синонимичны здания, машины и продукция, а вклад в историю оценивается по достижениям на пользу страны.

Кажется, особенности такого подхода к конструированию своей истории и его социальную функцию демонстрируют два различных кейса нашей работы – Институт цитологии и генетики и Институт ядерной физики. Сложная и трагическая история генетики в нашей стране – в том числе самого ИЦиГа, чей директор-основатель, академик Дубинин, был снят по распоряжению Хрущева и под нажимом Лысенко, – заставляет институт, демонстрируя идентичность, использовать максимально широкий спектр аргументов в свою пользу: «генеральный нарратив», мировое научное признание, значение исследований для народного хозяйства страны в целом и Академгородка в частности. И совершенно полярен этой ситуации нарратив Института ядерной физики, внешняя культурная память которого практически утрачивает человеческих агентов, ограничиваясь историей машин – коллайдеров и ускорителей.

Если смотреть на этот феномен как на публичное высказывание, то можно предположить, что институт настолько уверен в значимости и будущем своей работы, что ему не нужны ее социальные репрезентации. О том же говорит уникальная темпоральность нарратива ИЯФа, в котором отсутствует присущий всем прочим изученным нами академическим нарративам период «тяжелых 90-х». Все это позволяет физикам не переводить свои чаяния на социально-политический язык, а прямо говорить о критической важности для современной физики элементарных частиц сложного и трудоемкого оборудования. Впрочем, это может быть и отражением другой традиции отечественной науки: насколько генетики привыкли с конца 1940-х гг. к сложным отношениям с государством, настолько физики с того же времени уверены в его протекции.

Примечательно, что, несмотря на присутствующую в «генеральном нарративе» идею о лаврентьевском Академгородке как о междисциплинарном пространстве, мы почти не встретили амбиций отдельных институтов вести историю поверх собственных административных и дисциплинарных границ. Вместо них этим активно занимается частный Интегральный музей. Само его название, помимо очевидной отсылки к клубу «Под интегралом», выражает стремление интегрировать отдельные истории в мощный общий поток памяти. На это же направлена и коллекционная политика Интегрального музея: активный сбор ненужных родственникам дневников, личных вещей, мебели старожилов Академгородка. Пока интегральные экспозиции ограничены преимущественно бытом и повседневностью первопоселенцев города СО АН, а темпоральность предлагаемого нарратива – это вечные шестидесятые. Но, видимо, уже недалек тот день, когда Интегральный музей перерастет взятую на себя роль бытописателя (кажется, идея «дворян шестидесятых» уже на это указывает), станет крупной негосударственной институцией архивирования и трансляции общей культурной памяти Академгородка и в этом качестве будет иметь возможность кооперироваться или даже конкурировать с такими крупными игроками, как СО РАН и Новосибирский университет.

Список источников

1. De Solla Price, D. Little Science, Big Science. Columbia University Press, 1962.
2. Gerovitch S. Soviet Space Mythologies : Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity. Pittsburgh : University of Pittsburgh, 2015. xviii, 232 p.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8–27.
5. Gerovitch S. Voices of the Soviet space program: cosmonauts, soldiers, and engineers who took the USSR into space. New York : Palgrave Macmillan, 2014. 321 p.
6. История Росатома. URL: http://www.biblioatom.ru/evolution/vvedeniye/ (дата обращения: 13.06.2022).
7. Josephson P. New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian city of Science. Princeton : Princeton University Press, 1997. XXII, 351 p.
8. Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в Новосибирском Академгородке, 1960е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–66.
9. Кузнецов И.С. Общественные настроения ученых Новосибирского Академгородка в середине 1960-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2008. № 1. С. 245–255.
10. Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary // The Soviet and Pos t-Soviet Review. 2021. № 48. P. 289–313.
11. Лаврентьев М.А. Прирастать будет Сибирью… М. : Молодая гвардия, 1980. 175 с.
12. Проект «Академгородок литературный». URL: http://www.prometeus.nsc.ru/akademgorodok/lettres/memoirs/index.ssi (дата обращения: 12.06.2022).
13. Bernhard M., Kubik J. A Theory of the Politics of Memory // Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / M. Bernhard, J. Kubik (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 7–36.
14. Какое прошлое нужно будущему России : аналитический доклад Вольного исторического общества по заказу Комитета гражданских инициатив. 2017. 23 янв. // Комитет гражданских инициатив. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3076/ (дата обращения: 13.06.2022).
15. Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск : Гео, 2015. 164 с.
16. Кременцов Н.Л. Принцип конкурентного исключения // На переломе : советская биология в 20–30-х гг. / под ред. Э.И. Колчинского. СПб., 1997. Т. 1. С. 149–153.
17. НПО «Факел»: как это было / под ред. И. Самаховой. Новосибирск, 2012.

References

1. De Solla Price, D. (1962) *Little Science, Big Science*. Columbia University Press.
2. Gerovitch, S. (2015) *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity.* Pittsburgh: University of Pittsburgh. pp. XI-XVIII.
3. Assman, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Halbwachs, M. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2-3(40-41). pp. 8–27.
5. Gerovitch, S. (2014) *Voices of the Soviet space program: cosmonauts, soldiers, and engineers who took the USSR into space*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 1–15.
6. Biblioatom.ru. (n.d.) *Istoriya Rosatoma* [History of Rosatom]. [Online] Available form: http://www.biblioatom.ru/evolution/vvedeniye/ (Accessed: 13th June 2022).
7. Josephson, P. (1997) *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian city of Science*. Princeton: Princeton University Press.
8. Vodichev, E.G. & Kupershtokh, N.A. (2001) Formirovanie etosa nauchnogo soobshchestva v Novosibirskom Akademgorodke, 1960e gody [Formation of the Ethos of the Scientific Community in Novosibirsk Akademgorodok, the 1960s]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 41–66.
9. Kuznetsov, I.S. (2008) Obshchestvennye nastroeniya uchenykh Novosibirskogo Akademgorodka v seredine 1960-kh godov [Public sentiments of scientists of Novosibirsk Akademgorodok in the mid-1960s]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 1. pp. 245–255.
10. Bugaev, R., Piskunov, M. & Rakov, T. (2021) Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The "Forest City" of Novosibirsk's Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 48. pp. 289–313.
11. Lavrentiev, M.A. (1980) *Prirastat' budet Sibir'yu …* [It will grow with Siberia . . .]. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Prometeus.nsc.ru. (n.d.) *Proekt "Akademgorodok literaturnyy"* [Akademgorodok Literary Project]. [Online] Available from: http://www.prometeus.nsc.ru/akademgorodok/lettres/memoirs/index.ssi (Accessed: 12th June 2022).
13. Bernhard, M. & Kubik, J. (2014) *A Theory of the Politics of Memory*. Oxford: Oxford University Press.
14. The Committee of Civil Initiatives. (2017) *Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii : analiticheskiy doklad Vol'nogo istoricheskogo obshchestva po zakazu Komiteta grazhdanskikh initsiativ. 2017. 23 yanv* [What kind of past does Russia's future need? Analytical Report of the Free Historical Society commissioned by the Committee for Civil Initiatives. January 23, 2017]. [Online] Available from: https://komitetgi.ru/analytics/3076/ (Accessed: 13th June 2022).
15. Taran, I.V. (2015) *Iz istorii Tsentral'nogo sibirskogo botanicheskogo sada SO RAN* [From the history of the Central Siberian Botanical Garden of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Novosibirsk: Geo. p. 39.
16. Krementsov, N.L. (1997) Printsip konkurentnogo isklyucheniya [The principle of competitive exclusion]. In: Kolchinsky, E.I. (ed.) *Na perelome: sovetskaya biologiya v 20–30-kh gg.* [At the break: Soviet biology in the 1920–30s]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 149–153.
17. Samakhova, I. (ed.) (2012) *NPO "Fakel": kak eto bylo* [NPO Fakel: how it was]. Novosibirsk: [s.n.].

***Сведения об авторах*:**

Пискунов Михаил Олегович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Школы исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

Бугаев Роман Сергеевич – лаборант-исследователь Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Школы исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); магистрант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: r.s.bugaev@utmn.ru

Маклаков Михаил Иванович – лаборант-исследователь Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Школы исследований окружающей среды и общества Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: m.i.maklakov@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Piskunov Mikhail Olegovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Study of Space, School for Environmental and Social Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

Bugaev Roman Sergeevich – laboratory researcher at the Laboratory for Interdisciplinary Study of Space, School for Environmental and Social Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Graduate Student at the Faculty of History, European University in Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: r.s.bugaev@utmn.ru

Maklakov Mikhail Ivanovich – laboratory researcher of theLaboratory for Interdisciplinary Study of Space, School for Environmental and Social Studies, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: m.i.maklakov@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 19.06.2022; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/79/10

Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию

Марина Владиславовна Фадеева

Независимый исследователь, Москва, Россия, marina.fadeeva.o@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию повседневной жизни студентов Императорского Московского университета. Выявлены некоторые стратегии обеспечения собственных материальных потребностей, которые не описывают всей полноты студенческого опыта, но могут служить одной из рамок, при помощи которых историк способен реконструировать повседневную жизнь московского студенчества, складывавшуюся по-разному в силу разного социального и географического происхождения студентов, а также зависевшую от их успеваемости, лояльности к власти и простой удачливости.
Ключевые слова: история повседневности, российская история, история студенчества, история XIX в., история XX в.

Для цитирования: Фадеева М.В. Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 84–91. doi: 10.17223/19988613/79/10

Original article

Students giving classes: students of Imperial Moscow University in search for means of existence

Marina V. Fadeeva

Independent scientist, Moscow, Russian Federation, marina.fadeeva.o@gmail.com

Abstract. The history of students traditionally is the history of the "younger generation" of revolutionaries. With this approach, this complex phenomenon is reduced to a very schematic image. The history of everyday life, its methodological and conceptual approaches to the study of the past allow us to take a fresh look at the life of students. The microhistory method makes it possible to attempt to reconstruct one of the areas of student's everyday life and to identify strategies of students for obtaining means of existence. Correspondence of students with police officers and university authorities, student announcements found in newspapers, reports of the “Society for Assistance to the Imperial Moscow university students in need”, memories of the students themselves outlined the range of sources on the basis of which it has become possible to carry out this reconstruction.

Students of the Imperial Moscow university, being alone in Moscow, could resort to the following three strategies for self-sufficiency: firstly, they could engage in sub-work (legally, if they received a special certificate from the police); secondly, they could get support from philanthropists (state or private) and thirdly, they could be provided with money by their own parents or other relatives.

The history of everyday life allows the researcher to move away from conceptual schemes and turn towadrs the object of study. Everyday life of the students of the Imperial Moscow university was diverse because of students’different social and geographical background, dependance on their academic performance, loyalty to the authorities and simple luck. The revealed strategies for providing one's own material needs can not describe the full students’ experience, but can serve as one of the framework by which a historian can reconstruct the everyday life of Moscow students.
Keywords: history of everyday life, Russian history, history of students, history of the XIX century, history of the XX century

For citation: Fadeeva, M.V. (2022) Students giving classes: students of Imperial Mosciw university in search for means of existence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 84–91. doi: 10.17223/19988613/79/10

© М.В. Фадеева, 2022

Студенчество не обделено вниманием исследователей, однако большинство из них анализирует студентов как потенциальных участников революции. При таком подходе значительный интерес представляет лишь «передовая» часть студенчества. «Академистам» же, «равнодушной толпе» и «противникам студенческих движений», в терминологии В. Ленина [1. С. 2–3], уделяется куда меньше внимания.

Если бытие и не напрямую определяет сознание, то его изучение может показать условия формирования студенческого мировоззрения, а также позволит «очеловечить» объект рассмотрения. Изучение одной из сторон бытия студентов Московского университета – студенческих стратегий по добыванию средств к существованию – позволяет выявить доступные для студентов способы заработка, проанализировать их эффективность, показав, таким образом, на основе анализа опубликованных и неопубликованных архивных источников одну из сторон повседневной жизни студентов Императорского Московского университета.

Г.Б. Слиозберг писал о наличии в студенческой массе «разнородных, чуждых по воспитанию и привычкам элементов» [2. С. 94]. По мысли А.М. Анненкова, «как отличительную черту в студенческой среде первой трети XIX в. можно выделить свободу мнения и слова» [3. С. 112]. Описывая восприятие студентов обществом, С. Сватиков отмечал, что «синий околыш студента был патентом на доверие» [4. С. 15]. «Характерные для студенчества той поры (конец XIX – начало XX в.) ожидания благотворных перемен в российском обществе» отмечает А.Е. Иванов [5. С. 288], также обращаясь к образу студентов в общественном сознании. «Рост студенческого движения породил в среде учащейся молодежи вузов мощный импульс к самопознанию» [6. С. 658], – считал Ю.Д. Марголис.

В.Р. Лейкина-Свирская пришла к выводу о «демократическом характере» студенческого движения [7. С. 27], а В.Э. Багдасарян то же стремление студентов к участию в революционной борьбе видел «проявлением кризиса юношеской социализации» [8. С. 83]. Зарубежный исследователь С.Д. Кэссоу указывал на «ясное чувство корпоративной идентичности» [9. P. 54] студентов. «Профессора так же, как и значительная часть так называемого образованного общества (фактически интеллигенции. – *М.Ф.*), воспитывают в молодом поколении, говоря кратко, революционный дух» [10. С. 55], – писал в 1911 г. университетский профессор Н.П. Боголепов.

Если определение студенчества по-прежнему вызывает дисскуссии, то его характеристика часто оказывалась заранее определена политическими убеждениями исследователей. Так, в студенчестве традиционно ищут черты будущих революционеров, соответственно, также изначально рассматривая политику власти по отношению к студентам как практики надзора, контроля и подчинения (см., напр.: [11–16]). Работы, ставшие редким исключением из общего правила, оценивали отношения между студентами и властью по-иному, но придерживались столь же безапелляционной риторики (см., напр.: [17]).

История повседневности, в рамках которой исследователи последнего времени реконструируют студенческую жизнь, дала возможность увидеть студентов не в роли будущих революционеров или, напротив, союзников режима, но в их обычной жизни, в устройстве быта и поиске самих себя [18–21]. Подобная оптика позволила увидеть за студенчеством не идеологический конструкт, но самих студентов в их многообразии, непохожести и невозможности вписаться в ту или иную заданную «свыше» рамку.

Вчерашний гимназист, начинавший свою жизнь в качестве студента Императорского Московского университета, сразу по приезду (а многие студенты были иногородними) должен был озаботиться решением ряда насущных вопросов – в первую очередь обеспечить себя крышей над головой и пропитанием. В распоряжении студентов было несколько стратегий: надежда на родительскую поддержку, помощь благотворителей (от государства или частных филантропов) или самообеспечение.

Редкое семейство могло обеспечивать сына-студента на протяжении всей учебы, стипендии от благотворителей также могли заканчиваться, потому важной статьей дохода студента становились подработки. Имели ли право студенты таким образом способствовать приращению своего дохода? Существовали ли какие-либо ограничения на подобную деятельность, и были ли студенты активны в попытках получения прибыли посредством собственного труда? К каким стратегиям студенты прибегали для поиска источников дохода?

Университетские уставы 1863 и 1884 гг. хранят молчание относительно вопроса студенческого заработка, указывая только на стипендии и пособия в качестве экономической помощи для учащихся. Правила, опубликованные 2 августа 1879 г., содержат следующие указания для потенциальных преподавателей: «Студентам предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах не иначе, как по особому разрешительному свидетельству за подписью инспектора (проректора). Такое свидетельство выдается только студентам, признаваемым начальством Университета вполне благонадежными в нравственном отношении, при отсутствии со стороны полиции отзывов о неблагонадежности» [22. Л. 1]. Подобные требования не были явлением исключительным. Такими же были ожидания власти от претендовавших на государственные стипендии, а также от студентов, решивших вступить в брак.

Впрочем, правила, как водится, не вводили новую норму студенческой жизни, но регламентировали уже существующую традицию заработка. Так, уже в 1866 г. московскому обер-полицмейстеру пришлось бороться даже не с самими подработками студентов, но с их рекламой. В 1866 г. предприимчивые репетиторы пытались найти потенциальных клиентов на страницах периодических изданий. На подобную деятельность обратил внимание начальник Главного управления по делам печати, в связи с чем написал московскому обер-полицмейстеру следующее: «В газетах и повременных изданиях постоянно помещаются объявления студентов университета и других высших учебных заведений, предлагающих свои услуги по обучению детей и приготовлению их в разные учебные заведе-

ния. Имея в виду, что студентам еще не разрешено законом право заниматься преподаванием и что посему помещение студентами подобных объявлений в газетах и повременных изданиях составляет прямое нарушение закона, управляющий Министерством народного просвещения просит, чтобы таковые объявления впредь не были дозволяемы к напечатанию» [23. Л. 1].

Хотя «Правила, по коим воспитанникам казенных высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах» появились только в 1872 г., а статистика выдачи вожделенных свидетельств присутствует только с 1891 г., уже в 1870 г. к московскому обер-полицмейстеру обратились сразу 93 студента с различных курсов и факультетов с одинаковой просьбой: «…желая заниматься уроками в частных домах, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне удовлетворение о благонамеренности моего поведения» [24. Л. 1]. В большинстве случаев студент в скором времени действительно получал свидетельство о политической и нравственной благонамеренности. Однако иногда московского обер-полицмейстера начинали обуревать сомнения. Тогда, к примеру, приставу Мясницкой части предписывалось «узнать и немедленно донести мне, какого вероисповедания означенный в прилагаемом при сем свидетельстве конторы квартала вверенной Вам части студент Каменский» [Там же. Л. 152].

Неясно, получили ли те 93 студента возможность преподавать на законных основаниях, но, так или иначе, уже с 1872 г. студенты имели на это полное право. Главным основанием для дозволения преподавать было признание соискателей «начальством университета или высшего учебного заведения вполне благонадежными в нравственном отношении» [16. Л. 2]. Убедиться или разувериться в этом вопросе высокое начальство могло на основании аттестата о поведении студента от прежнего учебного заведения, непосредственной деятельности его в стенах университета и отсутствия отзывов о неблагонадежности студента со стороны местной полиции. Определены и наиболее существенные последствия несоблюдения этих правил: «Студенту, оказавшемуся виновным в обучении в частных домах без установленного разрешительного свидетельства, воспрещается таковое занятие на все время нахождения в университете или другом высшем учебном заведении, а если и после такового запрещения он будет продолжать заниматься преподаванием в частных домах, то подвергается удалению из учебного заведения» [Там же. Л. 2].

«Правила, по коим воспитанникам казенных высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах» перепечатывались на обороте каждого выдаваемого разрешения, что давало возможность контроля за студентами также и родителям учеников (в случае жалоб свидетельство могли отобрать, лишив возможности легального заработка).

К каким стратегиям поиска занятий прибегали студенты, решившие сами обеспечить свое существование? Во-первых, они могли обратиться к благотворителям: утвержденное в 1872 г. «Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета» помогало студентам в том числе в поиске подработок. Во-вторых, студенты могли найти занятия, воспользовавшись разветвленной системой связей, а также попробовать подыскать уроки или другие занятия через газетные объявления.

«Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета» за годы работы испробовало несколько стратегий благотворительности: начав с различной адресной помощи (внесение платы за студентов, выплата нуждающимся студентам единовременных пособий, открытие столовых с даровыми и дешевыми обедами и пр.), через некоторое время (с 1899 г.) благотворители решили также помогать студентам не напрямую, но посредством нахождения для них того или иного занятия.

За 6 лет Общество нашло занятия для 2 010 студентов. Несмотря на то, что очень многие студенты были заняты в переписи населения (31%), безусловное лидерство осталось за самым студенческим видом заработка – уроками в Москве (42%), а если посчитать вместе с ними еще и репетиторов, уехавших с учениками, и гувернеров, то получится как раз половина всех получивших возможность подработать (50,3%). Как видно из табл. 1, Общество стремилось увеличивать темпы помощи студентам по мере роста их численности, однако, очевидным образом, не могло помочь всем студентам. Тем не менее, как было показано выше, к примеру, в 1903 г. помощь Общества коснулась 28,5% студентов.

Таблица 1

Занятия, найденные Обществом для студентов (1899–1904 гг.)

Виды занятий	Число занятий
Уроки в Москве	847
Уроки в отъезд	155
Гувернерство	10
Переводы	18
Переписки	21
Медицинские занятия	83
Юридические занятия	5
Чтение вслух	4
Контроль на железных дорогах	120
Секретарские работы	14
Занятия по переписи населения (счетчики)	628
Иные	105

Найти уроки или другие занятия по знакомству было мечтой студента. Сдававшие комнаты хозяева, имевшие сыновей-гимназистов, часто соглашались поселить у себя студента, приняв уроки в качестве платы за проживание. О таком счастливом совпадении вспоминает студент А. Тройнин: «С завтрашнего дня я репетитор Миши, бойкого мальчугана, ученика второго класса гимназии. Условия: “на всём готовом”». «На всем готовом» – это установившаяся терминология, очень хорошо знакомая сословию студентов-репетиторов того времени: такой репетитор платы не получал, ни одного рубля. Но ему был обеспечен «стол и дом» [25. С. 56].

Менее удачливые студенты были вынуждены прилагать дополнительные усилия для поиска занятий, рекламируя свои услуги. Для целей данного исследования были изучены объявления в газете «Московский листок» с 1881 (год начала издания) по 1904 г. Среди многообразия печатавшихся в этой газете объявлений можно найти и студенческие. Выбор для анализа «Московского листка» обусловлен тем, что эта газета была относительно недорогой (стоимость подписки на месяц в течение всех рассмотренных лет составляло только 1 р.), и, соответственно, контингент читателей должен был быть относительно демократическим (в сравнении, к примеру, с «Московскими ведомостями»). Студенты могли, к примеру, по объявлениям, публиковавшимся на ее страницах, подыскивать себе относительно недорогое жилье, а также давать объявления в надежде обрести возможность заработка. В редких случаях это были объявления о поиске студентами квартиры, большинство предлагали свои услуги в качестве преподавателей, причем часто один и тот же студент не ограничивался одним объявлением, а давал несколько объявлений за год.

Казалось бы, такая гарантия легитимности студенческих подработок, как свидетельство от ректора, должна был часто фигурировать среди перечисляемых потенциальным репетитором достоинств, однако реальность, которую отражает табл. 2, позволяет убедиться в обратном: студенты ссылались на разрешение ректора только в 1890-е гг., да и тогда не очень активно.

Подобные указания присутствовали в объявлениях с 1882 по 1889 г. С 1889 по 1904 г. ни один из студентов не поместил в список своих несомненных достоинств университетское свидетельство. В целом за 23 года (1882–1904) из 802 студентов, дававших объявления, только 26 человек (чуть больше 3%) посчитали, что эта информация привлечет потенциальных работодателей. Хотя студентов, доверявших газете в поиске подработок, было не так много (в одном только 1884 г. на первый курс поступили 823 человека), в условиях жесткой экономии, в которую был поставлен каждый, решивший дать объявление (с 1884 г. объявление объемом в строку петита на последней странице оценивали в 15 коп.), очевидно, что автор объявления указывал именно то, что считал самым важным и за что ему было не жалко заплатить.

Если право на преподавание, подписанное самим ректором, было у студентов, подающих объявления в газеты, не в чести, то что же было, по их убеждению, средством более верным? Из 19 наиболее распространенных характеристик реже всего студент требовал «приличного вознаграждения», гарантировал успех, обращался к нетипичной аудитории (обещая подготовить на вольноопределяющегося или домашнего учителя), ограничивал работодателя определенным временем или пытался увлечь указанием на дополнительные выгоды, связанные с выбором именно в его пользу. Наиболее часто студенты соглашались на лето преподавать «в отъезд» (7%), работать «за стол и квартиру» (6,5%), на возможность «иных занятий» (8%). Самыми верными средствами получить урок, по мнению студентов, являлись наличие гимназической медали (5,2%), специализация (8,4%), владение языками (9%) и, вне всяких сомнений, опыт работы (16%) (табл. 3).

Интересно, что среди студентов, указывавших свою факультетскую принадлежность, больше всего оказалось не юристов и медиков, как можно было бы предположить из-за их многочисленности, но математиков (60% от всех указавших). Сколько же всего было стремившихся к репетиторству? В табл. 4 приведена статистика студенческих объявлений.

Таблица 2

Указания на наличие разрешения на право преподавания в студенческих объявлениях

Год	Количество указаний	Всего объявлений
1882	1	12
1883	5	26
1884	1	34
1885	6	26
1886	10	49
1887	2	88
1888	0	82
1889	1	64

Таблица 3

Отличительные черты студента-репетитора

Предметы преподавания (специализация)	67
Предметы преподавания (языки)	31
Гимназическая медаль	60
Знание языков (теоретическое и практическое)	105
Потенциальная аудитория (не учащиеся)	11

Окончание табл. 3

Указание на национальность студента	19
Указание на факультет	200
Разрешение ректора	26
Наличие рекомендаций	58
«Расстоянием не стесняется» (и широкая география)	55
«Временем не стесняется»	14
«Согласен за стол и квартиру»	75
«Умеренное вознаграждение»	44
«Приличное вознаграждение»	8
Гарантия успеха	4
Опыт работы	182
«Согласен в отъезд», «на лето»	84
«Или иных занятий»	92
Дополнительные навыки (игра на музыкальных инструментах, красивый почерк, массаж, сопровождение больного и пр.)	13

Таблица 4

Студенты и студенческие объявления о поисках работы

Год	Количество студентов, давших объявления	Количество студенческих объявлений*
1882	8	23
1883	24	67
1884	30	63
1885	22	49
1886	44	92
1887	90	198
1888	101	222
1889	61	185
1890	58	128
1891	27	56
1892	12	21
1893	38	63
1894	70	106
1895	30	75
1896	52	148
1897	59	139
1898	Нет данных	
1899	27	55
1900	13	24
1901	16	41
1902	8	24
1903	2	2
1904	10	13
Итого	802	1 794

* Один студент мог давать несколько объявлений в одной и той же газете.

На основе поданных объявлений вряд ли можно судить о том, сколько именно студентов получили работу и каков был их заработок. Можно лишь констатировать большой интерес студентов к поиску средств к существованию путем преподавания. Как же студенты оценивали стоимость своих услуг по урокам и репетиторству? 87 из 807 (10,85%) были согласны давать уроки за «обед и комнату». В объявлениях студенты редко указывают плату, на которую рассчитывают.

Впрочем, встречаются и исключения. В 1888 г. один студент был согласен взять урок на лето «не дешевле 40 р. в месяц» [26. С. 3], другой просил «рубль за урок» [15. С. 3]. В 1894 г. студент искал урок «за самую умеренную плату (10 р. в мес.)» [27. С. 3]. В 1896 г. студент был согласен давать уроки «за плату от 5 руб. в месяц» [28. С. 4]. В 1897 г. студент предлагал урок «по математике, за урок 3 р.» [29. С. 3]. В 1899 г. была заявлена самая высокая цена: «Студент дает уроки здесь и на дачах, за хорошее вознаграждение (в отъезд – 100 р. в месяц)» [30. С. 4]. Поскольку данные отличаются и описывают разные формы оплаты (указана цена за урок или за месяц), по ним невозможно установить, какой была плата в действительности. Неизвестно, сколько часов в неделю студенты могли преподавать у одного заказчика, по скольким предметам студент мог давать уроки, а также получали ли студенты в полной мере ту плату, на которую рассчитывали, подавая объявления.

Встречные предложения на страницах газеты также печатались и представлялись более репрезентативными, хотя их и крайне мало. В 1893 г. приглашали студента для гимназиста 2-го класса, «плата за мес. 14 р.» [28. С. 4]. Ученика 5-го класса гимназии в 1896 г. предлагали репетировать студенту-филологу за «гонорар 15 руб. в месяц». [24. Л. 207]. Дополнительные данные о размере заработка студентов можно почерпнуть из поли-

цейских сводок. Так, в 1870 г. Александр Паперн «обучал сына Лемберха с получением 20 р. в месяц жалованья» [24. Л. 207].

Впрочем, тот факт, что студенты довольно редко упоминали наличие у них разрешения от ректора заниматься преподаванием, вовсе не означает, что они напрочь игнорировали эту формальность. Архивные материалы позволяют показать не только общее число получавших свидетельства, но и их распределение по курсам и факультетам (табл. 5).

Таблица 5

Выдача студентам свидетельств на право преподавания (по годам и факультетам)

1891–1904 гг.	Историки и филологи	Естественники и математики	Юристы	Медики	Итого
Втого по факультетам	80	240	282	213	815

Уже начиная с первого года обучения в университете студенты стремились получить возможность легального заработка. Стоит отметить, что получение свидетельства, как и объявление в газете, не означает, что студент получил желаемую подработку, а является, скорее, показателем заинтересованности учащихся.

Переписка студентов с полицейскими служителями и университетским начальством, обнаруженные в газетах студенческие объявления, отчеты «Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета», воспоминания самих студентов очертили круг источников, на основании которых оказалось возможным выявить различные студенческие стратегии поиска средств к существованию. Студенты Императорского Московского университета, решившие самостоятельно обеспечить свои нужды в большом городе, с 1872 г. могли заниматься подработками легально, если подтверждали свою благонадежность справкой из полиции, получив в результате проверки специальное свидетельство. В поисках уроков и других занятий студенты могли воспользоваться советом знакомых, обратиться за помощью в «Общество для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета», опубликовать объявление в одной из московских газет.

Анализ газетных объявлений студентов показал, какие средства использовались для саморекламы. Так, студент в поисках уроков мог ссылаться на гимназическую медаль, наличие рекомендаций, низкую стоимость оказываемых услуг, знание иностранных языков, а также и на наличие официального разрешения преподавать. Несмотря на многие другие возможности получения заработка (работа переводчиком, переписчиком, секретарем, счетчиком, контролером на железных дорогах, оказание медицинских и юридических услуг и пр.) студент учительствующий оставался наиболее узнаваемым и общественно-ожидаемым образом на рубеже XIX–XX вв.

Исследователи прошлого при анализе студенчества выбирали ту или иную типологию, разделяя студентов на категории согласно их политическим взглядам, материальному положению, степени включенности в революционную деятельность и пр. Как и любая типология, такая оптика позволяет выявить в изучаемом феномене некие типические черты, однако при подобном подходе теряются уникальность и разноорбразие изучаемого объекта. История повседневности предлагает при анализе в большей степени заниматься антропологией, а не типологией прошлого. В рамках этого подхода была предпринята попытка реконструкции одной из сфера повседневной жизни студентов Императорского Московского университета.

При анализе способов пополнения студенческого ежемесячного бюджета было выявлено несколько возможных стратегий, к которым прибегали студенты, оказавшиеся в Москве. Во-первых, они могли воспользоваться помощью родителей или других родственников. Во-вторых, возможно было обратиться за поддержкой к благотворителям (будь то получение государственной или частной стипендии либо адресная помощь от «Общества для пособия нуждающимся студентам Императорского Московского университета», оказывающего разнообразную поддержку). В-третьих, студенты могли предпринять активные действия по поиску средств для существования, найдя подработку.

Наверное, за исключением первой стратегии (ее сами студенты в воспоминаниях называли наиболее предпочтительной, хотя и недоступной для многих в силу бедности родителей), все другие способы были связаны с различными сложностями и ограничениями. Так, государственные стипендиаты должны были быть бедными и лояльными власти, частные стипендиаты также должны были соответствовать требованиям благотворителей. Получение подработок (а преподавание даже в художественной литературе ассоциируется со студентами) также контролировалось властью – для получения права на преподавание студент должен был подтвердить свою лояльность трону.

Несмотря на наличие этих стратегий, судьба каждого студента складывалась по-своему и не может быть вписана в ту или иную траекторию. Студент, положившийся на помощь родителей, мог все годы учебы в университете получать от них поддержку или отказаться от нее на старших курсах, к примеру, найдя подработку или получив стипендию. Вчерашний стипендиат мог лишиться государственной или частной поддержки, провалившись на экзамене. Студент, получивший разрешение от государства на право преподавания, мог не найти учеников, уступив более удачливому товарищу, вовремя разместившему объявление в газете или нашедшему учеников по знакомству.

Проведенный анализ не позволяет реконструировать всю полноту студенческого опыта в поисках средств к существованию, однако выявленные студенческие стратегии дают возможность предположить, каким образом студенты Императорского Московского университета могли решать вопрос о хлебе насущном.

Список источников

1. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи. Письмо первое // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967. Т. 7. С. 341- 356.
2. Слиозберг Г.Б. Дореволюционное русское студенчество // Памяти русского студенчества. Париж : Свеча, 1934. С. 82–95.
3. Анненков А.М. Российское студенчество первой трети XIX века в воспоминаниях современников // Культура исторической памяти. Петрозаводск : Петрозавод. гос. ун-т, 2002. С. 106–113.
4. Сватиков С. Студенчество прежде и теперь // Путь студенчества : сб. ст. М. : тип. Г.В. Васильева, 1916. С. 1–19.
5. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М. : Новый хронограф, 2004. 407 с
6. Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 656–670.
7. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. : Мысль, 1971. 283 с.
8. Багдасарян В.Э. Мотивы девиантного поведения студенчества в конце XIX – начале XX вв. // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века) : сб. науч. ст. М. : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та (МГОУ), 2004. С. 82–95.
9. Kassow S.D. Students, Professors and State in the Tsarist Russia. Berkley et al. : University of California Press, 1989. 434 p.
10. Боголепов Н.П. Страница из жизни Московского университета : из записок профессора Боголепова. М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. 70 с.
11. Вахтерова О.А. Студенты и власть в России во второй половине XIX – начале XX века // Власть и общество : межвуз. сб. науч. тр. СПб., 2000. С. 59–62.
12. Веселая Г.А. Студенческие волнения в Московском университете осенью 1901 года // Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. М. : Сов. Россия, 1974. С. 133–147.
13. Выдрин Р. Основные моменты студенческого движения в России. М. : Студенческий голос, 1908. 89 с.
14. Мельгунов С. Студенческие организации 80–90 гг. в Московском университете (по архивным данным). М. : Свободная Россия, 1908. 95 с.
15. Московский листок. 1888. № 257.
16. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 286. Д. 20
17. Корсаковский А.А. По поводу беспорядков в наших высших учебных заведениях : речь, сказанная свящ. А.А. Корсаковским в торжественном собрании членов Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви 30 января 1897 г. Киев : Кушнерев, 1897. 45 с.
18. Гришунин П.В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-е – 1880-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 19 с.
19. Зимин И.В. Студенческая форма и нагрудные знаки в России XIX – начала XX века // Факты и версии : ист.-культ. альманах. СПб. : ИМИСП, 2005. С. 107–121.
20. Иванов А.Е. «Половой вопрос», брак, семья в бытовом сознании и поступках российских студентов (1880-е гг. – начало XX в.) // Российская история. 2010. № 6. С. 84–96.
21. Цыганков Д. Московский университет в городском пространстве начала XX века. // Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Мауэр, А. Дмитриева. М. : НЛО, 2009. С. 371–460.
22. ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Т. 2. Д. 3875.
23. ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 665.
24. ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 932.
25. Трайнин А.Н. Воспоминания о Московском университете // Вестник Московского университета. 1991. Сер. 11. Право. № 2-5. С. 56–64.
26. Московский листок. 1888. № 140.
27. Московский листок. 1893. № 206.
28. Московский листок. 1894. № 267.
29. Московский листок. 1896. № 234.
30. Московский листок. 1897. № 276.
31. Московский листок. 1899. № 123.

References

1. Lenin, V.I. (1967) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 7. Moscow: Politizdat. pp. 341- 356.
2. Sliozberg, G.B. (1934) Dorevolyutsionnoe russkoe studenchestvo [Pre-revolutionary Russian students]. In: Bobrinsky, P.A. (ed.) *Pamyati russkogo studenchestva* [In Memory of Russian Studentship]. Paris: Svecha. pp. 82–95.
3. Annenkov, A.M. (2002) Rossiyskoe studenchestvo pervoy treti XIX veka v vospominaniyakh sovremennikov [Russian students in the first third of the 19th century in the memoirs of contemporaries]. In: *Kul'tura istoricheskoy pamyati* [Culture of Historical Memory]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 106–113.
4. Svatikov, S. (1916) Studenchestvo prezhde i teper' [Students before and now]. In: *Put' studenchestva* [The Path of Students]. Moscow: G.V. Vasiliev. pp. 1–19.
5. Ivanov, A.E. (2004) *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii* [Student corporation of Russia in the late 19th – early 20th century: cultural and political self-organization]. Moscow: Novyy khronograf.
6. Margolis, Yu.D. (1996) Studencheskie perepisi v Rossii 1872–1912 gg. [Student censuses in Russia 1872–1912]. In: Alekseev,Yu.G. & Froyanov, I.Ya. (eds) *Srednevekovaya i novaya Rossiya* [Medieval and New Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 656–670.
7. Leykina-Svirskaya, V.R. (1971) *Intelligentsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Intelligentsia in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Mysl'.
8. Bagdasaryan, V.E. (2004) Motivy deviantnogo povedeniya studenchestva v kontse XIX – nachale XX vv. [Motives of deviant behavior of students in the late 19th – early 20th centuries]. In: Polyakov, Yu.A. (ed.) *Rossiyskoe studenchestvo: usloviya zhizni i byta (XVIII–XXI veka)* [Russian students: living conditions and life (the 18th – 21st centuries)]. Moscow: MSRU. pp. 82–95.
9. Kassow, S.D. (1989) *Students, Professors and State in the Tsarist Russia*. Berkley et al.: University of California Press.
10. Bogolepov, N.P. (1911) *Stranitsa iz zhizni Moskovskogo universiteta: iz zapisok professora Bogolepova* [A page from the life of Moscow University: from Professor Bogolepov's notes]. Moscow: Pechatnya S.P. Yakovleva.
11. Vakhterova, O.A. (2000) Studenty i vlast' v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Students and authorities in Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. In: *Vlast' i obshchestvo* [Power and Society: Interuniversity]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 59–62.
12. Veselaya, G.A. (1974) Studencheskie volneniya v Moskovskom universitete osen'yu 1901 goda [Student unrest at Moscow University in the autumn of 1901]. In: *Materialy po istorii osvoboditel'nogo dvizheniya v Rossii v period kapitalizma* [Materials on the history of the liberation movement in Russia during the period of capitalism]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 133–147.

13. Vydrin, R. (1908) *Osnovnye momenty studencheskogo dvizheniya v Rossii* [Highlights of the student movement in Russia]. Moscow: Studencheskiy golos.
14. Melgunov, S. (1908) *Studencheskie organizatsii 80–90 gg. v Moskovskom universitete (po arkhivnym dannym)* [Student organizations in the 1880s–90s at Moscow University (according to the archival data)]. Moscow: Svobodnaya Rossiya.
15. *Moskovskiy listok*. (1888). 257.
16. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 418. List 286. File 20
17. Korsakovskiy, A.A. (1897) *Po povodu besporyadkov v nashikh vysshikh uchebnykh zavedeniyakh: rech', skazannaya svyashch. A.A. Korsakovskim v torzhestvennom sobranii chlenov Obshchestva rasprostraneniya religiozno-nravstvennogo prosveshcheniya v dukhe pravoslavnoy tserkvi 30 yanvarya 1897 g.* [Concerning the disturbances in our higher educational institutions: a speech delivered by Fr. A.A. Korsakovsky in a solemn meeting of members of the Society for the Propagation of Religious and Moral Education in the Spirit of the Orthodox Church on January 30, 1897]. Kyiv: Kushnerev.
18. Grishunin, P.V. (2005) *Studenchestvo stolichnykh universitetov: struktury povsednevnoy zhizni. 1820-e – 1880-e gg.* [Students of metropolitan universities: structures of everyday life in 1820s–1880s]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
19. Zimin, I.V. (2005) Studencheskaya forma i nagrudnye znaki v Rossii XIX – nachala XX veka [Student uniform and badges in Russia in the 19th – early 20th centuries]. In: *Fakty i versii* [Facts and Versions]. St. Petersburg: IMISP. pp. 107–121.
20. Ivanov, A.E. (2010) "Polovoy vopros", brak, sem'ya v bytovom soznanii i postupkakh rossiyskikh studentov (1880-e gg. – nachalo XX v.) ["Gender issue", marriage, family in everyday consciousness and actions of Russian students (1880s – early 20th century)]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 84–96.
21. Tsygankov, D. (2009) Moskovskiy universitet v gorodskom prostranstve nachala XX veka [Moscow University in the urban space of the early twentieth century]. In: Mauer, T. & Dmitriev, A. (eds) *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* []. Moscow: NLO. pp. 371–460.
22. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 459. List 2. T. 2. File 3875.
23. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 46. List 1. File 665.
24. The Central State Archive of Moscow (TsGAM). Fund 46. List 1. File 932.
25. Traynin, A.N. (1991) Vospominaniya o Moskovskom universitete [Memories of Moscow University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *1991. Ser. 11. Pravo*. 2-5. pp. 56–64.
26. *Moskovskiy listok*. (1888). 140.
27. *Moskovskiy listok*. (1893). 206.
28. *Moskovskiy listok*. (1894). 267.
29. *Moskovskiy listok*. (1896). 234.
30. *Moskovskiy listok*. (1897). 276.
31. *Moskovskiy listok*. (1899). 123.

***Сведения об авторе*:**
Фадеева Марина Владиславовна – независимый исследователь (Москва, Россия). E-mail: marina.fadeeva.o@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Fadeeva Marina V. – Independent Scientist (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina.fadeeva.o@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.08.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 03.08.2019; accepted for publication 07.09.2022

.

Научная статья
УДК 94 (47).084.8
doi: 10.17223/19988613/79/11

Правовая пропаганда как направление деятельности органов прокуратуры СССР в годы перестройки (на примере Псковской области)

Василий Владимирович Фролов

Псковский государственный университет, Псков, Россия, frolov1406@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей правовой пропаганды как направления деятельности органов советской прокуратуры регионального уровня в период перестройки. Отдельное внимание уделено тому обстоятельству, что систематические выступления прокурорских работников оказывали важное воспитательное воздействие на граждан СССР. Прокуроры и следователи, пропагандируя советские законы, формировали у населения гражданскую позицию, нетерпимость к любому, даже незначительному, факту правонарушения.
Ключевые слова: правовая пропаганда, правовое воспитание, органы прокуратуры, университет правовых знаний, перестройка

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Псковской области, проект № 18-49-600001.

Для цитирования: Фролов В.В. Правовая пропаганда как направление деятельности органов прокуратуры СССР в годы перестройки (на примере Псковской области) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 92–96. doi: 10.17223/19988613/79/11

Original article

Legal propaganda as a direction of activities of the USSR prosecutor's office in the years of perestroika (on the example of Pskov region)

Vasiliy V. Frolov

Pskov State University, Pskov, Russian Federation, frolov1406@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration and analysis of the peculiarities of legal propaganda as a direction of activity of the Soviet Prosecutor's Office bodies at the regional level in the second half of the 1980s during the period of the Perestroika of the Soviet State.

This work has been written on the basis of documents and materials of the State Archive of the Pskov Region, which contain reports on the activities of the Pskov Region Prosecutor's Office on the legal propaganda of Soviet legislation and the legal education of residents of the region.

The main attention in the article is drawn to the most effective tools and technologies of legal education and upbringing of residents of the Pskov region during the years of the Perestroika. Among these tools and technologies, the author of this publication primarily distinguishes: reading thematic lectures, participating in the work of public universities of legal knowledge, publishing special materials in the print media, speaking on radio and television, etc. The work focuses on the fact that Soviet citizens did not always voluntarily participate in the activities of the prosecution authorities related to legal propaganda (especially when they took place after work hours, which means they "took" from people the time allotted for rest and communication with family or any other entertainment). Often people were simply forced to attend these kinds of events (lectures, thematic evenings, reader conferences, etc.), as well as studying at public universities and legal knowledge faculties, as this was required by the party and higher authorities. The author of this article also notes that for the Prosecutor's Office in the second half of the 1980s it was necessary to strengthen the work on legal education of citizens of the Soviet State, including through closer business interdepartmental interaction with other law enforcement agencies.

The study concluded that during the Perestroika, employees of the prosecution authorities of the Pskov region propagated and analyzed new laws, talked about their work to protect the rule of law, helped to educate the population in the spirit of an active citizenship, intolerance of any, even insignificant, offense. At the same time, on the one hand, this activity of the prosecution authorities contributed to the transformation of Soviet man into an individual open to external control by the Soviet State and the party, and on the other hand, had a significant impact on the decriminalization of Soviet society in the second half of the 1980s.
Keywords: legal propaganda, legal education, Prosecutor's Office, the University of Legal Knowledge, Perestroika

© В.В. Фролов, 2022

Acknowdgements: The study was carried out with the support of the RFBR and the Pskov region, project No. 18-49-600001.

For citation: Frolov, V.V. (2022) Legal propaganda as a direction of activities of the USSR prosecutor's office in the years of perestroika (on the example of Pskov region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 92–96. doi: 10.17223/19988613/79/11

В период перестройки проблема правовой пропаганды оставалась в СССР по-прежнему актуальной, на нее было обращено пристальное внимание как государственных, так и общественных структур. Высшее руководство страны и партии продолжало требовать от всех государственных и общественных организаций проводить активную работу по правовому воспитанию населения. Целью этой деятельности являлось формирование правовой культуры советского гражданина, а также чувства уважения к советским законам.

В соответствии со ст. 3 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР» одним из направлений деятельности органов прокуратуры являлось участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов [1]. При этом в борьбе с нарушениями закона прокуроры не ограничивались принятием мер к устранению уже совершенных правонарушений и привлечением виновных в этом к ответственности. Важнейшей обязанностью прокуратуры было своевременное принятие мер по предупреждению правонарушений. В этих целях широко практиковались выступления прокуроров на сессиях местных советов народных депутатов с докладами о состоянии законности и борьбе с преступностью, на фабриках, заводах, стройках, в колхозах и совхозах [2. С. 159].

В настоящей статье рассмотрены и проанализированы особенности правовой пропаганды как направления деятельности органов прокуратуры Псковской области во второй половине 1980-х гг. Отдельное внимание обращено на наиболее эффективные инструменты и технологии правового просвещения и воспитания жителей Псковского региона в период перестройки советского государства.

Теоретической основой данной работы служит концепция советской субъектности. В нашей стране изучение субъективности (субъектности) зародилось как отклик на преимущественно англоязычные исследования общественных, политических и общественно-политических аспектов ленинской и сталинской эпох. В рамках данной концепции историки, которые сосредоточились на политическом аспекте, рассматривали, каким образом государственно-партийная политика формировала отдельную личность, а те, кто занимался общественными вопросами, изучали, каким образом отдельные личности или группы формировали партийное государство.

Большой вклад в развитие концепции советской субъектности внесли такие ученные, как С. Коткин [3], Й. Хелльбек, И. Хальфин [4]. Однако, на наш взгляд, отдельного внимания заслуживает точка зрения российского исследователя О.Л. Лейбовича, согласно которой под советской субъектностью («субъектностью в обручах идеологического аппарата») понимается работа индивида над собой для того, чтобы соответствовать предъявляемым доктринальным и новым корпоративным требованиям советского государства и партии: «…быть политически грамотным, сознательным, образцовым во всех своих проявлениях, а значит, открытым для внешнего контроля» [5. С. 256]. По мнению этого исследователя, сформировать свое «я» в рамках советской субъектности в конечном итоге означало слиться с массой, с большим коллективом строителей нового мира, стать винтиком «великого государственного механизма» [Там же. С. 257]. Эффективным инструментом формирования такого «я» в советский период являлась пропаганда, как политическая, так и правовая.

К исследованию вопроса о правовой пропаганде правоохранительных органов советского государства в послевоенный период в современной российской историографии в той или иной степени обращались такие авторы, как Т.Н. Наумова [6, 7], А.Д. Попова [8], А.А. Беженцев [9], Т.Н. Дорошенко, Е.А. Макарова [10], Д.Ю. Мартынкина [11], В.В. Фролов [12]. При этом данные ученые в своих трудах практически не уделяют внимания методологическому аспекту исследуемой ими проблемы, а также, на наш взгляд, недостаточно детально рассматривают приемы и инструменты правового просвещения и воспитания советских граждан, которые использовали в своей деятельности правоохранительные органы СССР регионального уровня.

Источниковую базу настоящего исследования составляют документы и материалы прокуратуры Псковской области (доклады и отчеты руководства центрального аппарата прокуратуры о деятельности их правоохранительной структуры по пропаганде советского законодательства и правовому воспитанию населения региона) периода перестройки, хранящиеся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО).

Во второй половине 1980-х гг. для повышения правовой культуры населения Псковской области требовалась конкретная и систематическая работа со стороны правоохранительных структур региона. Особая роль в этой деятельности была отведена органам прокуратуры. Прокуратура Псковской области в данный исторический период в рамках своей работы по правовой пропаганде советского законодательства и правовому воспитанию граждан СССР использовала следующие приемы и инструменты: чтение тематических лекций, участие в работе народных университетов правовых знаний, публикация специальных материалов в печатных СМИ, выступления на радио и телевидении и др.

Одной из основных форм правовой пропаганды в период перестройки, как и ранее, являлись устные выступления лекторов-юристов. В таких выступлениях сотрудники органов прокуратуры раскрывали вопросы развития советской государственности, укрепления социалистической законности и правопорядка,

разъясняли содержание и смысл законодательства по отдельным отраслям права. При этом в целях более широкого проведения лекционной работы прокуроры и следователи использовали рабочие и профсоюзные собрания, бригадные собрания членов колхозов, дни производственных совещаний [13. Л. 20]. Значительное место в деятельности органов прокуратуры Псковской области по правовой пропаганде занимали выступления работников прокуратуры с докладами на сессиях местных советов депутатов трудящихся, заседаниях исполкомов, собраниях партийно-хозяйственных активов, в университете марксизма-ленинизма, на курсах партийно-советских работников обкома КПСС [14. Л. 8].

Особая роль в правовом воспитании жителей Псковской области в годы перестройки отводилась народным университетам и факультетам правовых знаний. Во второй половине 1980-х гг. в данном регионе действовали 31 университет и 66 факультетов правовых знаний (в середине 1970-х гг. в Псковской области функционировали только 24 университета и 26 факультетов правовых знаний. – *В.Ф.*) [13. Л. 19; 15. Л. 5]. При этом 13 таких университетов возглавляли городские и районные прокуроры Псковской области. Народные университеты и факультеты правовых знаний работали по учебно-методическим планам, которые разрабатывались и обновлялись при самом активном участии работников прокуратуры. «Основной формой обучения являлись лекции, а закреплялся пройденный материал на семинарских занятиях». Срок обучения в народных университетах правовых знаний составлял один или два года в зависимости от состава аудитории и принятой программы обучения. Занятия в таких университетах, как правило, проводились один раз в месяц [13. Л. 19].

Согласно сведениям, представленным в служебной записке прокурора Псковской области В.Н. Паничева «Об оказании правой помощи должностным лицам» от 12 мая 1987 г., особо высокой оценки во второй половине 1980-х гг. заслуживала работа университетов правовых знаний Пыталовского и Себежского районов. В Пыталовском университете на различных факультетах обучались преимущественно те категории граждан, чья трудовая и общественная деятельность была связана с применением права. В 1987 г. слушателям данного университета (преимущественно хозяйственным руководителям) работниками прокуратуры были прочитаны лекции на такие темы, как «Борьба с бесхозяйственностью – долг каждого руководителя», «Дисциплина труда – неотъемлемое условие подъема производства», «Роль руководителя в укреплении дисциплины». На семинарских занятиях изучалось законодательство по борьбе с пьянством, самогоноварением, нетрудовыми доходами. В составе Себежского народного университета правовых знаний работало 9 факультетов, ежегодно в университете обучалось более 300 человек. Правильная организация правового обучения, правового воспитания несовершеннолетних и молодежи способствовала в 1986 г. сокращению в Себежском районе преступности на 13%, а среди несовершеннолетних – более чем в два раза [Там же].

При этом, как отмечает В.Н. Паничев, работа большинства народных университетов правовых знаний Псковской области периода перестройки не отвечала предъявляемым требованиям. «Некоторые из них оставались обычными лекториями, не везде были продуманы надлежащая форма закрепления знаний и методики активных занятий». Зачастую обучение в ряде таких народных университетов сводилось только к чтению лекций, причем по сокращенной программе. В г. Пскове, Новосокольническом, Островском, Невельском и Локнянском районах народные университеты правовых знаний вообще не были созданы, а в Дновском и Порховском районах в 1986 г. такого рода инструменты правового воспитания граждан прекратили свою работу [Там же. Л. 20].

В связи с этим неудивительно, что в целях повышения роли народных университетов правовых знаний на территории Псковской области прокурор региона В.Н. Паничев предложил ряд следующих мер:

1) создать в г. Пскове, Новосокольническом, Островском, Невельском, Локнянском, Дновском и Порховском районах новые народные университеты правовых знаний;

2) народным университетам оказывать постоянную практическую помощь администрации и общественным формированиям предприятий и организаций в постановке правового воспитания в трудовых коллективах;

3) шире освещать в печати и на радио деятельность народных университетов правовых знаний [Там же].

Исследуя особенности правового воспитания граждан СССР в период перестройки, нельзя обойти вниманием тот факт, что население далеко не всегда по своей доброй воле участвовало в мероприятиях органов прокуратуры, связанных с правовой пропагандой, особенно когда они проходили в послерабочее время, а значит, «отбирали» у людей время, которое отводилось на отдых, общение с семьей, развлечения. Зачастую люди были просто вынуждены посещать такого рода мероприятия (лекции, тематические вечера, читательские конференции и др.), а также обучаться в народных университетах и на факультетах правовых знаний, так как этого требовали партия и вышестоящее начальство. При этом далеко не все работники прокуратуры были в восторге от дополнительной нагрузки, ложившейся на их плечи, так как она не могла не мешать им более эффективно выполнять свои основные профессиональные обязанности.

В условиях гласности ряд прокуроров и следователей Псковской области «умело и целенаправленно использовал в правовом воспитании советских граждан средства массовой информации». Так, например, прокурор Усвятского района Т.В. Хоруженко предложила и реализовала инициативу по созданию в районной газете «Новая жизнь» тематической страницы «Человек и закон», где на постоянной основе стала вестись рубрика «В прокуратуре района». Только в 1989 г. прокурор Усвятского района опубликовала 10 статей и заметок в данной рубрике. Т.В. Хоруженко систематически готовила и публиковала статьи о результатах общенадзорных проверок, о судебных приставах, а также достаточно регулярно отвечала на вопросы читателей газеты «Новая жизнь» правового характера. В качестве примера одной из публикаций

Т.В. Хоруженко, напечатанной в рубрике «В прокуратуре района», можно привести статью «Из года в год без изменений», в которой говорилось об итогах проверки соблюдения законодательства, направленного на охрану водоемов, указывалось на нарушения правил хранения удобрений в подразделениях агропрома, а также назывались конкретные виновные лица и принятые к ним меры прокурорского реагирования. Кроме того, Т.В. Хоруженко активно выступала на местном радио: 10 выступлений за 1989 г. [14. Л. 9].

Однако некоторые городские и районные прокуратуры Псковской области, по данным заместителя областного прокурора П.С. Коштырева, во второй половине 1980-х гг. стали меньше внимания уделять правовой пропаганде и использованию СМИ в своей работе. «Совсем не использовали СМИ оперативные работники прокуратур г. Великие Луки, Плюсского и Псковского районов. Редко публиковались в печати и выступали по радио работники прокуратур г. Пскова, Опочецкого, Палкинского, Печорского и Порховского районов» [Там же. Л. 18].

На основании сведений, представленных в официальных документах прокуратуры Псковской области, в работе данной региональной прокуратуры по правовой пропаганде во второй половине 1980-х гг. можно выделить следующие недостатки:

1. В ряде районов Псковской области отсутствовала эффективная координация усилий органов прокуратуры с другими правоохранительными структурами, государственными и общественными организациями. В результате значительная часть мероприятий по правовому воспитанию граждан в городах и районах региона просто дублировались.

2. Не было создано стройной системы правовой пропаганды для различных категорий населения с учетом их образования, профессиональных и возрастных особенностей. Воспитательными мероприятиями зачастую не охватывались лица, допускавшие отступления от требований закона [13. Л. 20].

3. В ряде районных прокуратур следователи недостаточно участвовали в пропаганде советских законов.

4. Не в полной мере прокуроры и следователи использовали в своей работе возможности периодической печати. В публикуемых в печатных СМИ материалах по-прежнему мало места отводилось гражданским, административным, трудовым правоотношениям. Кроме того, качество этих публикаций не всегда являлось достаточно высоким [14. Л. 17–18].

В заключение следует отметить, что в годы перестройки работники органов прокуратуры Псковской области пропагандировали и анализировали новые законы, рассказывали о своей работе по охране правопорядка, способствовали воспитанию у населения активной гражданской позиции, нетерпимости к любому, даже незначительному, факту правонарушения. С одной стороны, данная деятельность органов прокуратуры способствовала превращению советского человека в индивида, открытого для внешнего контроля со стороны советского государства и партии, а с другой, – и это, на наш взгляд, более важно, оказывала существенное влияние на декриминализацию советского общества во второй половине 1980-х гг. При этом необходимо понимать, что все вопросы, связанные с правовым воспитанием населения, являются важными и актуальными и для современной России, которая стремится к построению подлинно правового государства.

Список источников

1. О прокуратуре СССР : закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X // ИПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12141650 (дата обращения: 12.10.2019).
2. Петров А.И. Понятие и содержание правового просвещения как особой функции органов прокуратуры (теоретико-правовой анализ) // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 159–165.
3. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley : University of California Press, 1995. xxv, 639 p.
4. Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's «Magnetic Mountain» and the State of Soviet Historical Studies // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Vol. 44, № 3. P. 456–463.
5. Лейбович О.Л. Работники карательного аппарата в Молотовской области: генезис приватной субъектности (1953–1956) // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985) : сб. ст. / под ред. А. Пинского. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2018. С. 255–282.
6. Наумова Т.Н. Правовое воспитание населения СССР во второй половине 1950-х – 1960-х гг. (на примере Новгородской области) // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 39. С. 62–64.
7. Наумова Т.Н. Работа правоохранительных органов по правовому воспитанию населения во второй половине 1950-х – конце 1970-х гг. (на материалах Новгородской области) : дис. ... канд. ист. наук. В. Новгород, 2007. 187 с.
8. Попова А.Д. Формирование образа советской милиции в общественном сознании в годы «оттепели» // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 178–194. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.112
9. Беженцев А.А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2. С. 56–63.
10. Дорошенко Т.Н., Макарова Е.А. Роль судей в повышении правового просвещения советских граждан: анализ регионального опыта // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83, ч. 2. С. 65–68.
11. Мартынкина Д.Ю. Правовое просвещение населения через печатные СМИ: история и современность // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 72–79.
12. Фролов В.В. Взаимодействие органов прокуратуры Псковской области с общественностью и средствами массовой информации в период «оттепели» // Журналістыка–2018: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 20-й Міжнар. навук.-практ. канф., 15–16 ліст. 2018 г., Мінск / рэдкал.: В.М. Самусевіч. Мінск : БДУ, 2018. С. 262–265.
13. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1472. Оп. 4. Д. 739.
14. ГАПО. Ф. Р.-1472. Оп. 4. Д. 588.
15. ГАПО. Ф. Р.-1472. Оп. 4. Д. 772.

References

1. USSR. (1979) *O prokurature SSSR: zakon SSSR ot 30.11.1979 № 1162-X* [On the Prosecutor's Office of the USSR: Law No. 1162-X of the USSR dated November 30, 1979]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/12141650 (Accessed: 12th October 2019).
2. Petrov, A.I. (2012) The concept and content of legal education as a special feature of the prosecution (theoretical and legal analysis). *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 4. pp. 159–165. (In Russian).
3. Kotkin, S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
4. Halfin, I. & Hellbeck, J. (1996) Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's "Magnetic Mountain" and the State of Soviet Historical Studies. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 44(3). pp. 456–463.
5. Leybovich, O.L. (2018) Rabotniki karatel'nogo apparata v Molotovskoy oblasti: genezis privatnoy sub"ektnosti (1953–1956) [The punitive officers in Molotov Region: the genesis of private subjectivity (1953–1956)]. In: Pinsky, A. (ed.) *Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: late Soviet subjectivity (1953–1985)]. St. Petersburg: St. Petersburg European University. pp. 255–282.
6. Naumova, T.N. (2006) Pravovoe vospitanie naseleniya SSSR vo vtoroy polovine 1950-kh – 1960-kh gg. (na primere Novgorodskoy oblasti) [Legal education in the USSR in the second half of the 1950s – 1960s (a case study of Novgorod Region)]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 39. pp. 62–64.
7. Naumova, T.N. (2007) *Rabota pravookhranitel'nykh organov po pravovomu vospitaniyu naseleniya vo vtoroy polovine 1950-kh – kontse 1970-kh gg. (na materialakh Novgorodskoy oblasti)* [The work of law enforcement agencies in the legal education in the second half of the 1950s – the end of the 1970s (a case study of Novgorod Region)]. History Cand. Diss. Veliky Novgorod.
8. Popova, A.D. (2018) Formirovanie obraza sovetskoy militsii v obshchestvennom soznanii v gody "ottepeli" [The Soviet police in the public mind during the "thaw"]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8(1). pp. 178–194. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.112
9. Bezhentsev, A.A. (2011) Istoricheskoe razvitie gosudarstvennykh organov i uchrezhdeniy sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh v sovetskiy period [Historical development of state bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency in the Soviet period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 56–63.
10. Doroshenko, T.N. & Makarova, E.A. (2014) Rol' sudey v povyshenii pravovogo prosveshcheniya sovetskikh grazhdan: analiz regional'nogo opyta [The role of judges in improving the legal education of Soviet citizens: an analysis of regional experience]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 83(2). pp. 65–68.
11. Martynkina, D.Yu. (2010) Legal enlightenment of population via print media: history and modernity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 5. pp. 72–79. (In Russian).
12. Frolov, V.V. (2018) Vzaimodeystvie organov prokuratury Pskovskoy oblasti s obshchestvennost'yu i sredstvami massovoy informatsii v period "ottepeli" [Interaction of the Prosecutor's Office of Pskov region with the public and the media during the "thaw"]. In: Samusevich, V.M. (ed.) *Zhurnalistyka–2018: stan, prablemy i perspektyvy* [Journalism–2018: State, Problems, and Prospects]. Minsk: BNU. pp. 262–265.
13. The State Archive of Pskov Region (GAPO). Fund R-1472. List 4. File 739.
14. The State Archive of Pskov Region (GAPO). Fund R.-1472. List 4. File 588.
15. The State Archive of Pskov Region (GAPO). Fund R.-1472. List 4. File 772.

***Сведения об авторе*:**
Фролов Василий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: frolov1406@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Frolov Vasily V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National and World History, Senior Scientist of the Research Laboratory "Center for the Comprehensive Studies of Regional Security Issues", Pskov State University (Pskov, Russian Federation) E-mail: frolov1406@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 20.10.2019; accepted for publication 07.09.2022

Статья поступила в редакцию 20.10.2019; принята к публикации 07.09.2022

Научная статья
УДК 94(470) «19/20»
doi: 10.17223/19988613/79/12

Христианство и либерализм: синтез ценностей в мировоззрении и политических практиках либералов Сибири в начале XX в.

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Томск, Россия, kharus-olga@sibmail.com

Аннотация. На основе анализа интеллектуального наследия профессоров Томского университета Д.Н. Беликова, И.В. Михайловского и П.А. Прокошева представлены различные версии согласования православных традиций с либеральными идеями индивидуальной свободы как основы общественного порядка. Синтез либеральных и религиозных ценностей на уровне политических практик продемонстрирован на примере деятельности депутата III Государственной думы от Енисейской губернии В.А. Караулова. Сформулировано предположение о возможности использовать либерально-христианский синтез в качестве одного из оснований для формирования общенационального консенсуса.
Ключевые слова: либерализм, религия, традиции, идеология, политика

Для цитирования: Харусь О.А. Христианство и либерализм: синтез ценностей в мировоззрении и политических практиках либералов Сибири в начале XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 97–104. doi: 10.17223/19988613/79/12

Original article

Christianity and Liberalism: the synthesis of values in philosophy and political practices of the Siberian liberals at the beginning of the 20th century

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kharus-olga@sibmail.com

Abstract. The main question that the author focuses on is whether the ideals of liberalism and Christianity are compatible. The goal of the paper is to identify how the Christian and liberal values were interlinked in the belief system and political practices of the Siberian liberals at the beginning of the 20th century. As the primary sources for the research, the author uses published speeches, lectures, scientific, and scientific-journalistic writings of professors of Tomsk State University D. N. Belikov, I. V. Mikhailovsky, and P. A. Prokoshev, as well as the speeches of V. A. Karaulov, a deputy of the Third State Duma from Yeniseysk Governorate. Addressing the intellectual legacy of the liberal-minded professors allowed to reconstruct different versions of how the orthodox traditions could come together with the liberal ideas of individual freedom and make the basis for the civil order. Doctor of ecclesiastical history, a head of the department of theology, D. N. Belikov emphasized the ethical principles that were common for orthodox Christianity and liberalism. Lawyer, an expert in the field of theory and philosophy of law I. V. Mikhailovsky created an original concept of the state order based on the complementarity of the ideals of theocracy and liberalism. P. A. Prokoshev discussed the essence of the religious crisis in Western Europe and applied his professional expertise in canonical law to harmonization of the clerical and individual patters on the basis of freedom and love. In this paper, the synthesis of liberal and religious values in political practices is showed on the example of V. A. Karaulov's work as the State Duma deputy. Being an active member of the church, faith and the Old Believer commissions of the State Duma, Karaulov was a staunch proponent of the principles of freedom of conscience, in particular, freedom of faith. In the whole, the research showed that among the Siberian liberals there were advocates of the Christian liberalism. They strongly believed that it is possible to naturally compile religious, national, cultural traditions with liberal values. The desire to use traditional religious and moral values as the foundation for a new model of the state order that would be based on the priority of individual freedom is the sign of the maturity of the liberal culture of appropriation. In the conclusion, the author formulates a hypothesis that it is possible to use the liberal-Christian synthesis as the ground for the all-national consensus based on the reconciliation of the core national values.
Keywords: liberalism, religion, traditions, ideology, politics

For citation: Kharus, O.A. (2022) Christianity and Liberalism: the synthesis of values in philosophy and political practices of the Siberian liberals at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 97–104. doi: 10.17223/19988613/79/12

© О.А. Харусь, 2022

Проблема соотношения либеральных идей с культурными кодами российской цивилизации на протяжении многих лет является предметом научных и общественно-политических дискуссий. В конце 1990-х гг. по итогам обсуждения этой проблемы подавляющее большинство ведущих специалистов сошлись во мнении, что русский либерализм в ходе своей эволюции проявил способность интегрировать критически переработанные западные идеи, с одной стороны, и традиционные национальные идеи – с другой [1. С. 6]. Тем не менее и в настоящее время в отечественной и зарубежной литературе продолжает бытовать утверждение о том, что русский либерализм был своего рода «трансплантантом», искусственно привнесенным в Россию и в силу этого не имевшим шансов укорениться на специфической российской почве. В таком контексте либерализм предстает как антитеза культурной традиции России.

Между тем обращение к интеллектуальному наследию отечественных либералов XIX – начала XX в. дает убедительные свидетельства синтеза мировоззренческих и инструментальных ценностей западного либерализма с национальными культурно-духовными традициями. Одно из магистральных направлений в изучении проблемы корреляции заимствованных идей с идеями традиционализма представлено исследованиями, посвященными христианскому либерализму в России. В их числе особо следует отметить целый ряд научных работ А.А. Кара-Мурзы и О.А. Жуковой, в которых предпринят интереснейший опыт реконструкции христианско-либеральной традиции в интеллектуальном и политическом опыте таких выдающихся общественных деятелей России XIX–XX вв., как И.С. Аксаков, М.А. Стахович, П.Б. Струве, Г.П. Федотов [2–5].

Однако круг мыслителей, чьи способности конструировать мировоззренческую систему координат посредством согласования и взаимодополнения православных и либеральных идеалов стали предметом научного анализа, следует признать довольно ограниченным. В результате появляются основания считать либерально-христианский синтез исключением, обусловленным особенностями индивидуального стиля мышления отдельных персон, а не сколько-нибудь значимой и перспективной тенденцией в развитии общественной мысли и политических практиках отечественных либералов. Опасность такого рода аберрации видится в создании предпосылок для утверждения о принципиальной несовместимости религиозного и либерального начал в политической культуре, о глубинном конфликте ценностей христианства и правового государства. Такой точки зрения придерживается, в частности, доктор философских наук, историк религии и религиовед А.Н. Швечиков, категорично утверждающий: «Более изощренного и коварного противника, чем либерализм, у религии не было за всю ее историю» [6. С. 24]. Не приводя в подтверждение своей позиции конкретных аргументов (в виде, например, возможных ссылок на труды идеологов либерализма), А.Н. Швечиков констатирует: «Основная цель либеральной идеологии в противостоянии религии вообще и христианству в частности во всем, что касается основных ценностей человеческой жизни; в доказательстве того, что либеральное толкование и пути реализации этих ценностей единственно истинны, жизненны и противостоят не истинным и не жизненным христианским ценностям. Для либерала христианское понимание свободы не более чем благое пожелание, зато ее либеральное понимание для него есть реальность, закрепленная и материализованная в правовом акте государства – законе» [Там же. С. 22]. Естественным логическим следствием этой позиции становится призыв автора «очистить национальное самосознание от либерального дурмана», поскольку либерализм «по сути враждебен ее (России. – *О.Х.*) православному духу, смысловым основам ее бытия» [Там же. С. 25, 26].

В условиях постоянного присутствия в публичном дискурсе религиозной тематики и интереса большого числа граждан нашей страны к вопросам веры утверждение о либерализме как принципиально антирелигиозной идеологии способно породить дополнительные препятствия на и без того непростом пути к общественному консенсусу в понимании национальной идеи России и ее ключевых смыслов. Это обстоятельство послужило импульсом к написанию статьи, замысел которой состоит в выявлении сопряженности христианских и либеральных ценностей как на мировоззренческом, так и на поведенческом уровне политической культуры сибирских либералов в начале XX в. Представляется, что подобная реконструкция может стать дополнительным аргументом в пользу тезиса о глубоком осмыслении и творческой переработке политических идеалов западноевропейского либерализма с учетом специфики историко-культурных традиций Отечества, продемонстрировав включенность в этот процесс не только интеллектуальной элиты центра страны и расширив тем самым территориальные границы «умственного и общественного движения русского мира в сторону христианского либерализма с его идеей синтеза европейской правовой культуры и духовных ценностей христианства – консервативного либерализма... синтезирующего универсальное и национально-специфическое в традициях Запада и Востока» [7. С. 113].

Интересный опыт богословской рефлексии, демонстрирующей созвучие мотивов православия и либерализма на аксиологическом уровне, представлен в интеллектуальном наследии профессора Томского университета протоиерея Дмитрия Никаноровича Беликова. Приверженность выпускника Казанской духовной академии, доктора церковной истории, заведующего кафедрой богословия идеалам православия естественна и очевидна. Вполне типичным для православной богословской риторики выглядит, например, толкование Д.Н. Беликовым необходимости признания высшего бытия: «Мир не может найти в себе самом достаточного основания, и то, что в противовес сему положению лепечет атеизм, – есть только именно лепет, скудные и жалкие речи. Бытие мира с его величием, красотою, порядком, жизнию и разумностью в жизни предполагает другое высшее бытие, где непременно должна быть положена его первопричина. Фактом своего чудного появления и устройства мир устанавливает необходимость признания Бога» [8. С.14]. Вместе с тем

постулаты православного вероучения являлись для профессора богословия основанием для признания ценности человеческой личности. Из представления о человеке как «высшем на земле создании Божием... наделенном достоинством Богоподобия, возлюбленном Господом до самоотверженной смерти на Голгофе», логически выводилось положение: «...каждый из людей есть величайшая ценность в очах Создателя, призванная к вечному с Собою общению в блаженстве вечного царства» [9. С. 6].

Нельзя не отметить, что трактовка понятия «ценность личности» как «ценности в очах Создателя», определявшаяся признанием Бога первоисточником всего сущего, придавала суждениям Д.Н. Беликова несомненный оттенок консерватизма. Тем не менее сама по себе постановка вопроса о статусе личности (именно Личности, а не просто Человека) и признание ее первостепенного значения в земной жизни может служить индикатором либерального мировоззрения. «Нет ничего ценнее достоинства человеческой личности, в каком бы положении она здесь ни находилась, какое бы из земных состояний ни переживала», – утверждал профессор богословия [Там же]. В таком контексте созвучным либерализму представляется и провозглашение Д.Н. Беликовым в соответствии с заповедями Божиими одним из основополагающих принципов человеческого общежития уважения и любви к ближнему, заботы о его благе [Там же. С. 3, 5].

Поиск синтетического консенсуса между тремя смыслообразующими концептами – личность, общество, государство, как известно, является центральной проблемой общественно-политической жизни в либеральной системе координат [10. С. 7–8]. Специфика богословского подхода к решению этой проблемы проявилась в смещении акцента на этическую составляющую как в гармонизации личностного и общественного начала, так и при признании законности в качестве значимого принципа во взаимоотношениях личности и государства. Вопросы, связанные с либеральной концепцией правового государства, не являлись предметом теоретического осмысления и рефлексии для доктора церковной истории. Однако уважение к закону, стремление следовать правовым нормам было для него безусловным нравственным императивом. В обращении к верующим, распространенном в Томской епархии в марте 1927 г., преосвященный Димитрий призывал: «...не за страх, а за совесть будем зорко наблюдать за собою, чтобы никогда, нигде не выходить из пределов установленной законности, чем поднимем себя в глазах гражданской власти» [11].

Нельзя не отметить, что проповеди и публичные лекции, с которыми Д.Н. Беликов часто выступал перед населением, неизменно пользовались успехом. Людей привлекало как его красноречие, так и глубокий духовный смысл, которым были проникнуты речи Беликова. Идеалы гуманизма, просвещения, высокой нравственности, религиозного и общественного долга, с которыми он обращался к своей аудитории, находили отклик в умах и сердцах его слушателей.

Характерное для мировоззрения Д.Н. Беликова сочетание богословской традиции и либеральных ценностей во многом объясняет его членство в либерально-консервативной октябристской партии. И хотя особой политической активности профессор не проявлял, его очевидные для многих томичей ценностные ориентации, по-видимому, стали основанием для избрания его на учредительном собрании местного отдела «Союза 17 октября» в бюро отдела.

Отличный от линии богословской рефлексии в осмыслении основополагающих либеральных ценностей, но в целом не противоречащий ей опыт теоретического обоснования либерально-христианского синтеза представлен в интеллектуальном наследии профессора Томского университета Иосифа Викентьевича Михайловского. Исходя из признания индивидуальной свободы личности отправным пунктом построения социально-политической теории и общественного порядка, И.В. Михайловский сосредоточился на изучении и разработке философских основ либерального мировоззрения. «Путеводною звездою высшей духовной жизни, расцветающей под эгидой государства, является философия», – писал профессор. Будучи уверенным, что без помощи философии нельзя построить более или менее удовлетворительного мировоззрения, И.В. Михайловский в качестве основы метафизики рассматривал религию [12. С. 2]. Приветствуя усиление идеалистических течений, возрождение метафизики идеализма как «самое крупное и важное явление современной культуры, богатое плодотворными последствиями», залогом достижения таковых специалист в области теории и философии права считал тесную связь с пробудившимися религиозными стремлениями. Единение идеалистической философии и религиозных духовных ценностей призвано было, по его мнению, стать «важнейшим фактором грядущей культуры» [13. С. 25].

Истинную религиозность Михайловский считал непременной духовной предпосылкой осуществления человеком своего предназначения, поскольку только человек, глубоко чувствующий существование Бога как абсолютной разумной основы всего бытия, способен дать «возможный максимум ценности в стремлении как прогрессировать самому в смысле развития всей глубины содержания нашего духа, так и содействовать достижению заветного идеала всеобщего братства». Главную этическую обязанность человека профессор видел в том, чтобы «активно и свободно участвовать в процессе реализации добра, в очеловечении человечества, в одухотворении окружающего нас мира, в содействии наступлению царства Божия». Источником, освящающим исполнение этой многотрудной миссии, должны были стать заповеди «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный» и «Возлюби ближнего, как самого себя». Признавая недостижимость этих двух абсолютных идеалов, И.В. Михайловский тем не менее не ставил под сомнение их содержание и разумность, вытекающие из самой природы человека [12. С. 3].

Религия признавалась И.В. Михайловским основой истинно-человеческой жизни, истинного прогресса, освобождения человека от демонов злобы, зависти, жадности, эгоизма, гордыни и др. Близость народа к осуществлению идеала всеобщего братства он ста-

вил в прямую зависимость от развитости религиозного чувства в противовес низменным инстинктам, свойствам дикости, зверства и злобы. Бедствия же России в начале XX в., крушение социального и государственного уклада жизни рассматривались как следствие поразительного падения религиозности, а в качестве перспективы в условиях прогрессирующего антирелигиозного отщепенства рисовалась окончательная гибель народа.

Перспективы создания прочного фундамента для будущего государственного здания И.В. Михайловский связывал с использованием элементов теократии. Соответствующий социальный идеал призван был придать будущему государству огромную ценность в деле осуществления идеи братства. И.В. Михайловский предрекал этой составляющей освободительного лозунга французской революции все возрастающее влияние по мере уяснения ее сущности. Поэтому и возможности церкви в прогрессивном движении культуры он оценивал весьма высоко. Речь при этом шла не о той церкви, что зажигала костры инквизиции, благословляла насилие, принимала деятельное участие в партийной политической борьбе, а о церкви в идеальном значении – как организации, вызванной глубочайшей потребностью человеческого духа – религией, которая всегда была и будет абсолютной ценностью [13. С. 24]. Религию философ воспринимал как некий светлый идеал, составлявший основу многовековой культуры, объединявший людей вне зависимости от их происхождения, учивший состраданию и взаимопомощи.

Представление о церкви как носителе идеи братства наводит на мысль о стремлении И.В. Михайловского обеспечить преемственность этой социальной идеи с русскими православными традициями соборности, заключавшимися в гармонизации церковного и индивидуального начал, обеспечении церковного единства и внутреннего единства людей не принуждением, а на основе свободы и любви. Вместе с тем обращение к теократическому идеалу в поисках оптимальной модели будущего государственного устройства в данном случае не должно восприниматься как проявление присущих славянофилам симпатий к христианскому государству, жизнедеятельность которого проникнута религиозными вечными истинами и полностью подчинена им. Рассуждения И.В. Михайловского о пользе элементов теократии в конструировании идеального государства, скорее, сродни логике мышления М.М. Сперанского, в последнем произведении которого «Руководство к познанию законов» (1838) были объединены два момента: идеальная цель православного государства – направлять к нравственно доброму; основной принцип либерализма – поставить государство на защиту личной свободы и частной собственности [14. С. 91–92]. Убежденность в возможности согласования теократического и либерального идеалов, более того, – в том, что развитие доброго в христианском смысле возможно в обществе только тогда и настолько, когда и насколько в государственной жизни соблюдаются принципы либерального правового порядка, стала объединяющим звеном между воззрениями российских либералов двух эпох.

Признание отечественными интеллектуалами приоритета религии, духовности в противовес рационализму Запада, по-видимому, можно расценивать как проявление специфики российского менталитета – доминирования веры над разумом. Опору для развития религиозного сознания либералы видели в традиционных религиозных воззрениях соотечественников, специфичными компонентами которых по сравнению с католичеством и протестантизмом являлись приоритет духовных, нравственных потребностей над материальными, гармонизация церковного и индивидуального начал на основе свободы и любви, апелляция к внутреннему чувству, к душе в поисках критериев истинности веры.

Косвенным подтверждением такого рода суждений могут служить размышления профессора Томского университета по кафедре церковного права П.А. Прокошева о сущности религиозного кризиса в Западной Европе, связанного с возникновением модернистского течения. Симпатии профессора богословия к последнему очевидны, хотя и не выражались непосредственно.

Основные мотивы модернизма, которому предрекалось будущее, выглядели в интерпретации П.А. Прокошева вполне созвучными православию и в то же время неприемлемыми для католицизма и протестантизма. В противовес католицизму, предусматривающему безусловный авторитет папы в вопросах веры, нетерпимое отношение к самостоятельному человеческому мышлению, позитивизм грубочувственных представлений о Боге, о душе, о загробной жизни и т.д., модернисты выдвигали на первый план начала индивидуальной совести, исторический критицизм и широкую свободу критического исследования священного текста. Вместе с тем они не могли согласиться и с предполагавшейся протестантизмом заменой авторитета церкви авторитетом разума, господством философского рационализма. За разумом в модернизме признавалась лишь способность содействовать уяснению внутренних религиозных переживаний. Источником же религии объявлялись не научное убеждение, не опыт разума, а внутреннее чувство, внутренний опыт человеческой души, ищущей Бога [15. С. 12–17]. Проповедь Бога, которого живущий по-божьи человек находит в глубине своей души, вместо Бога как отдаленного, умозрительно постигаемого монарха сближала модернизм с православием. Поэтому позитивное отношение П.А. Прокошева к модернизму в известной степени можно рассматривать как проекцию его православных предпочтений на оценку религиозной ситуации в Западной Европе.

Взгляды Прокошева заслуживают внимания в контексте анализа взаимосвязи религиозных и либеральных ценностей ввиду особенностей его биографии. Павел Александрович родился в семье сельского дьяка, окончил семинарию, а затем Казанскую духовную академию, имел степень магистра богословия и с 1900 г. являлся профессором Томского университета по кафедре церковного права. В 1906 г. он вступил в «Союз 17 октября» и вошел в состав редакции издававшейся в Томске октябристской газеты «Время». Таким образом, как его религиозные убеждения, так и либераль-

ные настроения, по-видимому, не могут вызывать сомнений. Можно предположить, что эти ценностные установки профессора так или иначе проявлялись в его лекциях и выступлениях перед студенческой аудиторией. В Томском университете П.А. Прокошев читал курсы «Церковное право», «Римское право» и «Гражданское право», на Высших историко-философских курсах – курс истории отношений церкви и государства. Судя по всему, профессор умел выстроить заинтересованный диалог со своими слушателями. Хотя практические занятия по церковному праву, которые проводил Прокошев, не были обязательными, проходили они, как правило, в переполненной аудитории и отличались живым участием студентов в обсуждении вопросов курса [16. С. 200–201].

В целом интеллектуалы из числа либерально настроенной профессуры Томского университета, в равной степени демонстрировавшие приверженность как либеральным, так и религиозным ценностям, не могли не оказывать влияния на умонастроения определенной части населения города. Вместе с тем специфика их профессиональной позиции не предполагала активных практических действий на поприще реальной политики по отстаиванию соответствующих общественных идеалов. К примеру, И.В. Михайловский, сознательно и подчеркнуто дистанцировавшийся от какого бы то ни было участия в политике [17], считал безусловно недопустимым повиновение законам, стесняющим религиозные убеждения или свободу родного языка, со стороны тех, кто сознает их противоречие естественному праву. Но предлагавшиеся им формы противодействия подобным законам носили исключительно пассивный характер: он рекомендовал судье выйти в отставку, чтобы не быть вынужденным применять такие законы, а за населением признавал «обязанность неподчинения таким актам» [18. С. 219, 220, 378].

На уровне политических практик синтез либеральных и религиозных ценностей наиболее наглядно проявился в деятельности депутата III Государственной думы от Енисейской губернии, члена партии народной свободы Василия Андреевича Караулова. За ним прочно закрепилась репутация активного борца за свободу совести и в первую очередь за свободу вероисповедания. Законопроекты, в составлении которых он принимал самое непосредственное участие, а также выступления с трибуны Думы, зафиксированные в стенограммах заседаний, позволяют не только реконструировать взгляды и убеждения Василия Андреевича, но и оценить последовательность его действий в отстаивании этих убеждений и претворении их в жизнь. Различные аспекты политического опыта В.А. Караулова, в котором ярко воплотился синтез либеральной и национально-культурной традиции, получили освещение в целом ряде научных работ [7, 19, 20]. Это обстоятельство позволяет ограничиться сюжетами, не затронутыми исследователями, с акцентированием внимания на центральной проблеме данной статьи – выявлении сопряженности христианских и либеральных ценностей в политической культуре сибирских либералов в начале XX в.

В.А. Караулов известен как активный участник либерального движения в Сибири, стоявший у его истоков. Он являлся одним из основателей красноярского «Союза освобождения», входил в состав учредителей местного отдела конституционно-демократической партии и был избран членом губернского комитета партии. Ему принадлежала инициатива создания широкой сети кадетских организаций в городах Енисейской губернии. В красноярском отделе партии В.А. Караулов уже в 1906 г. снискал репутацию лидера правого крыла. Оппоненты с левого фланга организации склонны были считать, что «политическое кредо Караулова имеет мало общего с программой партии народной свободы» [21. 1906. 22 марта]. В адрес Василия Андреевича звучали обвинения в ренегатстве и реакционности, поводом для которых служили заявления, с которыми кандидат в депутаты I Государственной думы выступал в ходе предвыборной кампании. В частности, Караулов объявил себя «монархистом и притом без республиканского камешка за пазухой» и провозгласил своим девизом формулу «Бог, царь, свобода и порядок» [22. Л. 3]. Очевидно, что по своим политическим убеждениям В.А. Караулов принадлежал к либерально-консервативному течению в общественном движении.

Общий либерально-консервативный настрой ярко проявился в деятельности В.А. Караулова в качестве депутата III Государственной думы. Считая недопустимым превращение думской трибуны в место для провозглашения «чистых принципов», представитель Енисейской губернии решительно заявил о своем намерении принять активное участие в «органической работе» [23. Л. 63]. Будучи членом фракции партии народной свободы (ПНС), Караулов вошел в состав целого ряда думских комиссий: церковной, вероисповедной (товарищ председателя), старообрядческой (председатель), переселенческой (товарищ председателя), по рыболовству, по местному самоуправлению. Основным предметом его депутатской деятельности стали именно проблемы вероисповедания. Рефреном в выступлениях по этим проблемам звучали либеральные мотивы и прежде всего требование предоставления гражданам свободы совести, духовного и национального самоопределения. Целый ряд речей В.А. Караулова с думской трибуны был посвящен обличению церковной бюрократии, защите интересов белого духовенства, развитию идеи независимой организации православной церкви на началах свободы совести [24–28].

На отстаивание свободы религиозной совести сумел В.А. Караулов направить и работу возглавляемой им комиссии по старообрядческим делам [29]. Его выступление с докладом комиссии обеспечило проведение через Думу существенных изменений в действовавший закон о старообрядческих общинах (право проповедования, т.е. свобода религиозной пропаганды, замена разрешительного порядка при образовании общин явочным, утверждение избранных общиной духовных и должностных лиц их регистрацией). Этот успех комиссии фракция партии народной свободы расценила как важный с точки зрения создания прецедента в таких существенных вопросах законодательства, как избирательное право, образование обществ и союзов и т.п.

В вероисповедной комиссии В.А. Караулов пытался отстоять легализацию вневероисповедного (атеисти-

ческого) состояния граждан, но эти попытки не увенчались успехом. Тем не менее не без его активного участия все же удалось добиться некоторых выдержанных в духе либеральных ценностей поправок при рассмотрении правительственного законопроекта о переходе из одного исповедания в другое, а именно «расширить рамки свободы» посредством легитимации свободного перехода не только из одного христианского вероисповедания в другое, но и в нехристианское [30. С. 49].

Основой успеха фракции ПНС в области вероисповедных вопросов В.А. Караулов считал следование той самой тактике органической работы на принципах компромисса, которой он призывал придерживаться однопартийцев. Доказывая перспективность этой тактической линии, он приводил такой пример: при обсуждении правительственного законопроекта о правах старообрядцев фракция не ограничилась декларацией о безусловной свободе всякого вероисповедания, а взяла за основу законопроект, выработанный самими старообрядцами, и отстаивала их требования. И хотя этот законопроект был заблокирован Государственным Советом, подобный тактический маневр, по мнению В.А. Караулова, полностью оправдал себя, поскольку позволил удержать 15 млн старообрядцев от намечавшегося вступления в «Союз русского народа» и привлечь их симпатии на сторону кадетов [23. Л. 63].

Под знаменем свободы религиозной совести выступал В.А. Караулов и против антисемитизма думского большинства. Для обоснования своей позиции в этом вопросе он не считал достаточными ссылки на заповеди христианского вероучения и вынужден был усиливать аргументацию дополнительными доводами. Выступая против обсуждавшегося в Думе запрета евреям быть мировыми судьями, Караулов заявил протест против дискриминации еврейского народа «как христианин, ибо это противно духу учения Христа; как русский, ибо унизительно для национального самосознания ограждать права великого народа путем угнетения; как культурный человек, для которого возмутительно преследование целого народа; и наконец, как конституционалист, для которого самое важное – равенство всех перед законом, так как там, где есть народы-парии, там нет конституционного строя» [31. С. 72]. Приведенная цитата, пожалуй, как никакая другая демонстрирует не только политическое, но и жизненное кредо Василия Андреевича, основанное на органичном сочетании христианской религиозности, национальных культурных традиций и либеральных ценностей.

Столь же органично эти идеалы сочетались в мировосприятии Д.Н. Беликова, И.В. Михайловского, П.А. Прокошева и других известных представителей русского христианского либерализма.

Формирование уважительного отношения к прошлому, к историческим традициям рассматривалось либералами как важный компонент национального правового воспитания. Стремление приобщить россиян к цивилизованному гражданскому обществу путем распространения образования, социального воспитания, формирования правосознания при опоре на традиционные религиозные и нравственные ценности с учетом национальной самобытности может служить убедительным свидетельством зрелости либеральной культуры заимствования. Западническая ориентация либералов в самом общем виде не вызывает сомнений. Выход России из «заколдованного круга отсталости» они однозначно связывали с движением «со всеми цивилизованными народами по одному пути культурного прогресса... к одному общему идеалу – дать всем людям... возможность пользоваться благами света культуры на основах гражданской свободы и равенства» [21. 1905. 7 дек.]. Тем не менее нет ни малейших оснований для обвинения либеральных интеллектуалов в «слепом» копировании европейского опыта в России, поскольку они предусматривали адаптацию его элементов к почвенным условиям. И.В. Михайловский подчеркивал: «Вообще надобно с большим уважением и вниманием относиться к урокам истории, к вековым традициям и учреждениям: в них всегда мы откроем элементы истины, несмотря на все уклонения, наслоения, которыми нередко закрыты эти элементы» [13. С. 6].

Обращение либералов к религиозной традиции, безусловно, было одним из ярких проявлений уважительного отношения к историческому наследию Отечества в целом. В порядке гипотезы можно предположить, что либерально-христианский синтез содержит в себе потенциал для формирования общенационального консенсуса на основе согласования базовых национальных ценностей, пренебрегать которым, вероятно, было бы неправильно.

Список источников

1. Российский либерализм: исторические судьбы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. М. : РОССПЭН, 1999. 568 с.
2. Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М. : ИФ РАН, 2011. 184 с.
3. Жукова О.А. Национальная культура и христианский либерализм. Об актуальности наследия И.С. Аксакова // Вопросы культурологии. 2011. № 7. С. 82–89.
4. Кара-Мурза А.А. На пути к христианскому либерализму эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 187–208.
5. Кара-Мурза А.А. О национальных вариантах либерализма и русской модели в частности // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. : материалы Междунар. науч. конф. XI Муромцевские чтения. Орёл: ОРЛИК, 2019. Ч. III. С. 20–30.
6. Швечиков А.Н. Либерализм как идеология секуляризации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.Н. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 12 (89). С. 19–26.
7. Жукова О.А. К философии политической истории России: либерально-христианский синтез В.А. Караулова // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 112–122.
8. Беликов Д.Н. Чудо как принадлежность откровения : публичная лекция. Томск, 1895. 31 с.
9. Беликов Д.Н. Речь, произнесенная в храме Императорского Томского университета 22 октября 1889 г. Томск, 1889. 6 с.
10. Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры. М. Рос. гуманитарный науч. фонд, 2008. С. 6–16.

11. Митрополит Томский и Сибирский григорианской ориентации Димитрий (Беликов) // Православное краеведение. Образование и православие. URL: http://www.orthedu.ru/kraeved/1868-10.html (дата обращения: 03.03.2022).
12. Михайловский И.В. Религия и народное образование. Новониколаевск : Русская польза, 1918. 8 с.
13. Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. 27 с.
14. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М. : Русский путь, 1995. 549 с.
15. Прокошев П.А. Религиозный кризис на Западе Европы. (Модернизм). Томск, 1911. 26 с.
16. Прокошев Павел Александрович // Профессора Томского университета: биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1: 1887–1917. С. 199–201.
17. Харусь О.А. Революция в России: оценки и прогнозы либерала «вне политики» // Либералы и революция : Девятые Муромцевские чтения : сб. материалов Всерос. науч. конф., Орёл, 13-14 октября 2017 г. Орёл, 2017. С. 186–195.
18. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. 625 с.
19. Кара-Мурза А.А. Василий Андреевич Караулов: «То, что я был каторжным, составляет мою гордость на всю мою жизнь…» // Российский либерализм: идеи и люди. М. : Новое изд-во, 2018. Т. II: XVII–XIX века. С. 77–96.
20. Селезнёв Ф.А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 130–140.
21. Голос Сибири. Красноярск.
22. Григорьев В.Ю. К истории свободной народной партии // Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края. Ф. 64. Оп. 10. Д. 22. Л. 1–9.
23. Протоколы конференции партии народной свободы 14–15 ноября 1909 г. // ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 9.
24. Караулов В.А. Церковные нужды и церковная бюрократия // Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. – 5 июня 1910 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1910. Ч. II: Речи членов фракции. С. 51–57.
25. Караулов В.А. Земское представительство и положение духовенства // Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. – 5 июня 1910 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1910. Ч. II: Речи членов фракции. С.153–155.
26. Караулов В.А. Православная церковь и политика высшей иерархии // Третья Государственная дума. Сессия вторая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1909. Ч. II: Речи членов фракции. С. 178–182.
27. Караулов В.А. Христианство и свобода совести // Третья Государственная дума. Сессия вторая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1909. Ч. II: Речи членов фракции. С. 201–205.
28. Караулов В.А. Церковно-приходские школы и сельское духовенство // Третья Государственная дума. Сессия четвертая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 г. – 13 мая 1911 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1911. Ч. II: Речи членов фракции. С. 64–68.
29. Караулов В.А. Православная церковь и старообрядчество // Третья Государственная дума. Сессия вторая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1909. Ч. II: Речи членов фракции. С.178–182.
30. Третья Государственная дума. Сессия вторая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело»", 1909. Ч. I: Отчет фракции. 59 с.
31. Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. – 5 июня 1910 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1910. Ч. I: Отчет фракции. 90 с.

References

1. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1999) *Rossiyskiy liberalizm: istoricheskie sud'by i perspektivy* [Russian Liberalism: Historical Destinies and Prospects]. Moscow: ROSSPEN.
2. Kara-Murza, A.A. & Zhukova, O.A. (2011) *Svoboda i vera. Khristianskiy liberalizm v rossiyskoy politicheskoy kul'ture* [Freedom and Faith. Christian liberalism in Russian political culture]. Moscow: IF RAS.
3. Zhukova, O.A. (2011) Natsional'naya kul'tura i khristianskiy liberalizm. Ob aktual'nosti naslediya I.S. Aksakova [National culture and Christian liberalism. On the relevance of I.S. Aksakov's heritage]. *Voprosy kul'turologii*. 7. pp. 82–89.
4. Kara-Murza, A.A. (2015) On the way to the Christian liberalism: evolution of the concept of "freedom" in the works of G.P. Fedotov. *Politicheskaya kontseptologiya – Political Conceptology*. 1. pp. 187–208. (In Russian).
5. Kara-Murza, A.A. (2019) O natsional'nykh variantakh liberalizma i russkoy modeli v chastnosti [On national variants of liberalism and the Russian model in particular]. In: *Politiko-pravovye praktiki rossiyskogo liberalizma v nachale XX v.* [Political and legal practices of Russian liberalism in the early 20th century]. Proc. of the International Conference. Vol. 3. Orel: ORLIK. pp. 20–30.
6. Shvechikov, A.N. (2009) Liberalizm kak ideologiya sekulyarizatsii [Liberalism as an ideology of secularization]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.N. Gertsena. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 12(89). pp. 19–26.
7. Zhukova, O.A. (2011) K filosofii politicheskoy istorii Rossii: liberal'no-khristianskiy sintez V.A. Karaulova [On the Philosophy of Russia's Political History: V.A. Karaulov's Liberal Christian Synthesis]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 112–122.
8. Belikov, D.N. (1895) *Chudo kak prinadlezhnost' otkroveniya: publichnaya lektsiya* [Miracle as an attribute of revelation: a public lecture]. Tomsk: [s.n.].
9. Belikov, D.N. (1889) *Rech', proiznesennaya v khrame Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 oktyabrya 1889 g.* [Speech delivered in the temple of the Imperial Tomsk University on October 22, 1889]. Tomsk: [s.n.].
10. Shelokhaev, V.V. (2008) Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveyshey otechestvennoy literature [Controversial Problems of the History of Russian Liberalism in the Newest Russian Literature]. In: *Rossiyskiy liberalizm v regional'nom izmerenii: idei, struktury, taktiki, lidery* [Russian Liberalism in the Regional Dimension: Ideas, Structures, Tactics, Leaders]. Moscow: Ros. gumanitarnyy nauch. fond. pp. 6–16.
11. Orthedu.ru. (n.d.) *Mitropolit Tomskiy i Sibirskiy grigorianskoy orientatsii Dimitriy (Belikov)* [Metropolitan of Tomsk and Siberian Gregorian orientation Dimitry (Belikov)]. [Online] Available from: http://www.orthedu.ru/kraeved/1868-10.html (Accessed: 3rd March 2022).
12. Mikhaylovskiy, I.V. (1918) *Religiya i narodnoe obrazovanie* [Religion and Public Education]. Novonikolaevsk: Russkaya pol'za.
13. Mikhaylovskiy, I.V. (1910) *Kul'turnaya missiya yuristov. Pravovye prelyudii k gryadushchey kul'ture* [Cultural mission of lawyers. Legal preludes to the coming culture]. Tomsk: [s.n.].
14. Leontovich, V.V. (1995) *Istoriya liberalizma v Rossii. 1762–1914* [History of liberalism in Russia. 1762–1914]. Moscow: Russkiy put'.
15. Prokoshev, P.A. (1911) *Religioznyy krizis na Zapade Evropy. (Modernizm)* [Religious Crisis in Western Europe. (Modernism)]. Tomsk: [s.n.].
16. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 199–201.
17. Kharus, O.A. (2017) Revolyutsiya v Rossii: otsenki i prognozy liberala "vne politiki" [Revolution in Russia: assessments and forecasts of a liberal "out of politics"]. In: Aronov, D.V. (ed.) *Liberaly i revolyutsiya: Devyatye Muromtsevskie chteniya* [Liberals and Revolution: The Ninth Muromtsev Readings]. Orel: Orlik. pp. 186–195.
18. Mikhaylovskiy, I.V. (1914) *Ocherki filosofii prava* [Essays on the Philosophy of Law]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

19. Kara-Murza, A.A. (2018) Vasiliy Andreevich Karaulov: “To, chto ya byl katorzhnym, sostavlyaet moyu gordost' na vsyu moyu zhizn'…” [Vasily Andreevich Karaulov: “The fact that I was a convict is my pride for my whole life ...”]. In: Kara-Murza, A.A. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi* [Russian Liberalism: Ideas and People]. Vol. 2. Moscow: Novoe izd-vo. pp. 77–96.
20. Seleznev, F.A. (2008) Sud'ba zakonoproekta o staroobryadcheskikh obshchinakh (1905–1914) [The fate of the draft law on the Old Believer communities (1905–1914)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 1. pp. 130–140.
21. *Golos Sibiri*. (Krasnoyarsk).
22. Grigoriev, V.Yu. (n.d.) *K istorii svobodnoy narodnoy partii* [On the History of the Free People's Party]. The Center for the Storage and Use of Documentation of the Recent History of the Krasnoyarsk Territory. Fund 64. List 10. File 22. pp. 1–9.
23. Russia. (1909) *Protokoly konferentsii partii narodnoy svobody 14–15 noyabrya 1909 g.* [Protocols of the Conference of the Party of People's Freedom]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 523. List 1. File 9.
24. Karaulov, V.A. (1910a) Tserkovnye nuzhdy i tserkovnaya byurokratiya [Church needs and church bureaucracy]. In: *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Fraktsiya narodnoy svobody v period 10 oktyabrya 1909 g. – 5 iyunya 1910 g.* [Third State Duma. The faction of people's freedom from October 10, 1909 to June 5, 1910]. Vol. 2. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.” pp. 51–57.
25. Karaulov, V.A. (1910b) Zemskoe predstavitel'stvo i polozhenie dukhovenstva [Zemstvo representation and position of the clergy]. In: *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Fraktsiya narodnoy svobody v period 10 oktyabrya 1909 g. – 5 iyunya 1910 g.* [Third State Duma. The Faction of People's Freedom from October 10, 1909 to June 5, 1910]. Vol. 2. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.” pp. 153–155.
26. Karaulov, V.A. (1909a) Pravoslavnaya tserkov' i politika vysshey ierarkhii [Orthodox Church and politics of the higher hierarchy]. In: *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Sessiya vtoraya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1908 g. – 2 iyunya 1909 g.* [Third State Duma. Session Two. The Faction of People's Freedom from October 15, 1908 – June 2, 1909]. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.” pp. 178–182.
27. Karaulov, V.A. (1909b) Khristianstvo i svoboda sovesti [Christianity and freedom of conscience]. In: *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Sessiya vtoraya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1908 g. – 2 iyunya 1909 g.* [Third State Duma. Session Two. The Faction of People's Freedom from October 15, 1908 – June 2, 1909]. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.” pp. 201–205.
28. Karaulov, V.A. (1911) Tserkovno-prikhodskie shkoly i sel'skoe dukhovenstvo [Parish schools and rural clergy]. In: *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Sessiya chetvertaya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1910 g. – 13 maya 1911 g.* [The Third State Duma. Session Four. The Faction of People's Freedom in October 15, 1910 – May 13, 1911]. Vol. 2. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.” pp. 64–68.
29. Karaulov, V.A. (1909c) Pravoslavnaya tserkov' i staroobryadchestvo [Orthodox Church and Old Believers]. In: *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Sessiya vtoraya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1908 g. – 2 iyunya 1909 g.* [Third State Duma. Session Two. People's Freedom Faction in October 15, 1908 – June 2, 1909]. Vol. 2. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.” pp. 178–182.
30. Russia. (1909) *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Sessiya vtoraya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1908 g. – 2 iyunya 1909 g.* [Third State Duma. Session Two. People's Freedom Faction in October 15, 1908 – June 2, 1909]. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.”
31. Russia. (1910) *Tret'ya Gosudarstvennaya duma. Fraktsiya narodnoy svobody v period 10 oktyabrya 1909 g. – 5 iyunya 1910 g.* [Third State Duma. The Faction of People's Freedom in October 10, 1909 – June 5, 1910]. Vol. 1. St. Petersburg: T-vo “Ekateringofskoe pechatnoe delo.”

***Сведения об авторе*:**
Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Harus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Documentation, Tomsk State University (Tomsk. Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 27.06.2022; accepted for publication 07.09.2022

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; принята к публикации 07.09.2022

Научная статья
УДК 94(47)"1917–1920"
doi: 10.17223/19988613/79/13

«Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми…»: Всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг.

Антон Александрович Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.chemakin@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности Всероссийского национального союза в годы Гражданской войны. Опираясь на материалы архивов (в первую очередь Государственного архива Российской Федерации) и газет, автор реконструирует последние годы существования партии русских националистов и делает вывод, что ВНС, оставшись без «прогрессивного» крыла, представлял из себя карликовую политическую группу, постепенно попавшую в зависимость от крайне правых. Лишь крушение белых армий предотвратило окончательное растворение ВНС в черносотенном движении.
Ключевые слова: Всероссийский национальный союз, Всероссийский национальный клуб, русский национализм, Гражданская война, П.Н. Балашев, В.В. Шульгин, А.И. Деникин

Для цитирования: Чемакин А.А. «Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми…»: Всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 105–113. doi: 10.17223/19988613/79/13

Original article

“Denikin views us certainly negatively having us done as a too much right-wing…”: All-russian national union in 1917-1920

Anton A. Chemakin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, a.chemakin@spbu.ru

Abstract. The article deals with the activity of the All-Russian National Union (ARNU) in the Russian revolution and Civil war years. This final period of the history of the Russian nationalist party practically has not been studied until today, only in a few works (“Sketches of the Russian distemper” by A.I. Denikin, books and articles by G.Z. Ioffe, Ya.A. Butakov, S.M. San’kova) there are brief references to ARNU evidencing that it did not cease to exist immediately after decline of the Russian monarchy. Based on archival documents, press materials and memoirs, the author reconstructs the activity of ARNU in 1917 – 1920. In 1915, a group of progressive nationalsists withdrew from the parliamentary fraction of Russian nationalists resulting in the crisis of the whole “National union”. In the course of the 1917 February revolution ARNU and its leader P.N. Balashev were sitting on their hands. After the victory of the revolution ARNU was not banned but actually could not act openly through all 1917. Members of the party were under the necessity of either acting in private capacity or creating a new organization such as Slavic Gromada in Radomyshl. The activity of the party resumed in Ukraine in 1918. Some prominent figures of ARNU served Getman P.P. Skoropadsky, others actively participated in work of Kiev monarchist associations – Monarchist Bloc and “Our Motherland”. Herewith the leader of the party P.N. Balashev took a back seat, and in autumn of 1918 left at all Kiev for Yekatirinodar. A certain activation of ARNU took place in spring of 1919 in territories under control of the Volunteer Army. Governing party bodies took up residence in Kislovodsk where many public figures of the “ancient regime” were living. ARNU supported the Volunteer army, but its Commander-in-Chief A.I. Denikin viewed the party negatively considering it as too right-wing. Indeed, ARNU became addicted to the radical right-wing forces and gradually shifted towards the Black Hundreds. A result of a deeper embrace with the right radicals was the fact that one of the leaders of progressive nationalists V.V. Shulgin dissociated himself for good from ARNU. In autumn of 1919, when P.N. Balashev got the required funds, ARNU stepped up, an idea came up to hold the party congress in Rostov-on-Don, but the military defeat of the White movement hindered these plans. Last references to ARNU are related to February 1920. Summing up, we can make a conclusion that ARNU, which previously had one of the major fractions in the State Duma, in 1917 – 1920 led a miserable existence. Left without its “progressive” wing, “National Union” presented a dwarf political group which was then only one step removed from Black Hundreds organizations.
Keywords: All-Russian National Union; All-Russian National Club; Russian nationalism; Civil War; P.N. Balashev; V.V. Shulgin; A.I. Denikin

© А.А. Чемакин, 2022

For citation: Chemakin, A.A. (2022) “Denikin views us certainly negatively having us done as a too much right-wing…”: All-russian national union in 1917-1920. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 105–113. doi: 10.17223/19988613/79/13

Газета «Киевская мысль», подводя политические итоги революционного 1917 года, отмечала, что «партийные группировки, которые существовали в Государственной думе, совершенно стерлись. Националисты и октябристы совершенно исчезли. Часть октябристов образовала новые партии, совершенно неприметные, другая же часть их и националисты предпочли загримироваться под беспартийных» [1. С. 2]. Действительно, в 1917 г. произошло крушение всех правых и центристских организаций России. Этой судьбы не избежала и ведущая партия русских националистов – Всероссийский национальный союз (ВНС). Конечно, не лишено оснований и утверждение, что ВНС организационно фактически перестал существовать уже в 1915–1917 гг. [2. С. 73], но при этом говорить о полном и окончательном его распаде применительно к этому периоду все же нельзя. В действительности осколок ВНС продолжал существовать вплоть до 1920 г., возглавляемый тем же человеком, что и до революции – Петром Николаевичем Балашевым. Хотя, конечно, в годы Гражданской войны партия, имевшая с конца 1913 г. до лета 1915 г. крупнейшую думскую фракцию, влачила жалкое существование.

К сожалению, этот последний период истории ВНС практически не исследован. Одним из немногих, кто упоминал о деятельности партии националистов в годы Гражданской войны, был А.И. Деникин. В своих «Очерках русской смуты» экс-главком Вооруженных сил Юга России, характеризуя ВНС как умеренно правую организацию, отмечал, что его работа шла тихо и что он конкурировал с Южнорусским национальным центром В.В. Шульгина [3. С. 159]. Советский историк Г.З. Иоффе, утверждая, что ВНС занимал «близкую позицию к группе Шульгина», относил его к организациям «черносотенного и получерносотенного типа» [4. С. 240, 244]. Из современной научной литературы можно отметить статью Я.А. Бутакова, посвященную деятельности русских националистов на Юге России в 1919 г. Впрочем, ВНС упоминается в ней мимоходом [5. С. 14, 23], а сама статья преимущественно основана на изучении материалов лишь одного архивного дела из собрания ГАРФ, содержащего сводки Информационной части Отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР о политических партиях и общественных организациях Юга России. Хотя эти сводки являются чуть ли не единственным источником по истории ВНС в 1919 г., полностью доверять им нельзя, что мы и покажем в дальнейшем. К тому же сводка № 1 от 25 мая 1919 г., часть которой посвящена непосредственно ВНС, по воле судьбы оказалась в другом деле того же фонда, которое Бутаковым привлечено не было. Один из ведущих специалистов по истории ВНС С.М. Санькова утверждает, что «с падением монархии ВНС прекратил существование» [6. С. 95], правда, оговаривается, что П.Н. Балашев в июле 1919 г. безуспешно пытался воссоздать ВНС на Юге России [7. С. 42]. Кроме того, можно упомянуть две статьи А.А. Иванова: в первой описано отношение русских националистов к Февральской революции, но при этом основное внимание уделяется прогрессивным националистам, фактически к тому времени отмежевавшимся от ВНС; во второй рассмотрены судьбы некоторых лидеров ВНС после 1917 г., но в ней упор делается именно на биографии отдельных людей, а не на историю партии как таковой [8, 9].

К началу Февральской революции прошло уже полтора года с момента раскола думских русских националистов на «правых» и «левых» – собственно Русскую национальную фракцию во главе с П.Н. Балашевым (50 депутатов по состоянию на 24 января 1917 г.) и группу националистов-прогрессистов во главе с В.А. Бобринским, В.В. Шульгиным и А.И. Савенко (35 депутатов) [10. Л. 10]. К этому времени низовые структуры ВНС и родственных ему организаций, таких как Всероссийский национальный клуб (ВНК), практически не функционировали.

Во время событий конца февраля – начала марта 1917 г. лидеры ВНС бездействовали. Националист М.Е. Акацатов вспоминал, что «увидел полную растерянность среди большинства своих единомышленников». По его словам, он решил действовать и напечатал в Национальном клубе на ротаторе воззвание к офицерам с предложением собраться и образовать офицерский союз. Не успел он расклеить по городу свои воззвания, как к нему на квартиру пришли лидер ВНС П.Н. Балашев и еще один депутат-националист П.А. Сафонов. В присутствии свидетелей Балашев сказал Акацатову: «Что вы делаете? Нас всех перережут» [11. С. 2]. В начале марта 1917 г. была закрыта близкая к ВНС газета «Голос Руси» [12. С. 6], но на первое время этим все и ограничилось. Никаких официальных документов, свидетельствующих о запрете самого ВНС, нам обнаружить пока что не удалось. Скорее всего, их и не было. Члены ВНС могли продолжать заниматься политической деятельностью в частном порядке (так, например, Балашев выступал на частных совещаниях членов Государственной думы [13. С. 221–223] и принял участие в работе московского Государственного совещания 12–15 августа 1917 г. [14. С. 79]), но открытое выступление под старыми знаменами в 1917 г. было невозможно.

Несмотря на все предосторожности, лидер ВНС не смог уберечься от внимания со стороны новых революционных властей. В конце августа 1917 г. в связи с корниловским выступлением и по распоряжению министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского Балашев был арестован контрразведывательным отделением и содержался в Первом комендантском управлении [15. Л. 2]. Через какое-то время после освобождения он, по всей видимости, перебрался на Украину. По некоторым данным (впрочем, не вызывающим однозначного доверия), Балашев участ-

вовал в киевском съезде «хлеборобов» 29 апреля 1918 г., избравшем гетмана Украинской державы. Согласно словам графа Д.Ф. Гейдена, дошедшим до нас в пересказе украинского деятеля Н.Э. Короля, лидер ВНС присутствовал за кулисами цирка и вместе с другими консерваторами настаивал на том, что в соответствии с украинской традицией гетманом должен быть человек военный, тем самым фактически поддерживая кандидатуру П.П. Скоропадского [16. С. 14].

К этому времени Украина была чуть ли не единственным регионом, где русские националисты могли действовать более или менее открыто. Еще в 1917 г. в уездном городе Радомысле на базе осколков ВНС и черносотенных организаций возникла «Славянская громада», во главе которой встал правый националист К.П. Григорович-Барский, депутат IV Думы от Киевской губернии. В годы Перовой мировой войны он совместно с депутатами от Подольской губернии П.Н. Балашевым и Н.Н. Можайским участвовал в работе Юго-Западного областного земского комитета помощи больным и раненым на войне, созданного в противовес Всероссийскому земскому союзу и обладавшего значительными финансовыми и транспортными ресурсами. Несмотря на то, что после революции Григорович-Барский был изгнан из городской управы, он, благодаря ресурсам комитета и голосам мещан, смог стать гласным Радомысльской думы и уездного земства. Местные украинские деятели жаловались на то, что Григорович-Барский выступает в Городской думе в поддержку Л.Г. Корнилова, а его организация «жива и проводит работу» несмотря на то, что другой ее лидер, П.Н. Балашев, арестован «как контрреволюционер» (имеется в виду описанный выше кратковременный арест Балашева в дни корниловского выступления) [17. С. 1–2; 18. С. 2; 19. С. 2]. В дальнейшем «Славянская громада» вошла в состав Внепартийного блока русских избирателей (ВБРИ), организованного прогрессивными националистами В.В. Шульгиным и А.И. Савенко, и во время выборов в Учредительное собрание показала один из лучших результатов «русского списка» в губернии: в Радомысле ВБРИ занял второе место, обойдя украинский список и уступив лишь еврейскому [20. С. 175], а на одном из участков даже смог занять первое место [21. Л. 3–3 об.], что за пределами Киева – «столицы» русского национализма, было явлением исключительным. Но этот единственный электоральный успех правых националистов был в первую очередь следствием трудов Григоровича-Барского и союза с прогрессивными националистами, и его вряд ли можно записать в актив ВНС.

При власти гетмана Скоропадского русские националисты действовали вполне легально, а некоторые из лидеров ВНС даже получили назначения на государственные должности новосозданной Украинской державы. Так, например, товарищ председателя ВНС А.А. Потоцкий стал поветовым старостой Летичевского повета Подольской губернии. Забегая вперед, можно отметить, что в конце 1918 г. он оказался одним из немногих гетманских администраторов, попытавшихся оказать сопротивление повстанцам, возглавил конный отряд Державной варты и после кровопролитных боев отступил на территорию Румынии [22. С. 150; 23. С. 404].

Активное участие члены ВНС приняли в организации монархического движения на Украине. 18–20 июля 1918 г. в Киеве состоялся монархический съезд, замаскированный под съезд украинских консервативных деятелей. Согласно материалам прессы, большинство участников съезда составляли монархисты-абсолютисты, но на нем с правом совещательного голоса присутствовали и националисты, защищавшие идею конституционной монархии [24. С. 4]. Хотя в составленном в начале августа 1918 г. списке организаций, вошедших в Монархический блок, ВНС не упомянут, среди лидеров блока оказались видные его члены Ф.Н. Безак (экс-председатель киевского отдела ВНС) и К.П. Григорович-Барский [25. Л. 1]. Впрочем, похоже, что ВНС вступил в Монархический блок месяц спустя. По сведениям сотрудников тайной организации «Азбука», передаваемым в Екатеринодар, в сентябре 1918 г. в Киеве «состоялось большое монархическое совещание, на котором заключено соглашение между крайними правыми и националистами групп Балашева и Владимира Бобринского» [26. Л. 128 об.]. При этом В.А. Бобринский, в прошлом глава фракции прогрессивных националистов и оппонент Балашева, был одним из руководителей монархического Союза «Наша Родина», в состав которого, наряду с другими организациями, также входили представители Всероссийского национального клуба и Всероссийского национального союза [27. Л. 3] (правда, стоит отметить, что А.И. Деникин называл ВНС, ВНК и другие партии и движения, вошедшие в состав «Нашей Родины», «полумифическими» [28. С. 119]). Кроме того, осенью 1918 г. в Киеве находились члены ВНС и экс-депутаты Государственной думы Г.М. Дерюгин, Н.Н. Лавриновский, А.П. Горсткин и В.Г. Ветчинин, называвшие себя «Советом обороны Северо-западной области» и занятые формированием «Северной армии» в Пскове [29. С. 51]. Интересно, что при описании участников совещаний, проводимых представителем главнокомандующего Добровольческой армии в Киеве, Ф.Н. Безак отнесен к делегатам от «монархических организаций», в то время как «националисты» выделены в отдельную группу, и их представителями названы именно В.Г. Ветчинин и А.П. Горсткин [26. Л. 294 об.].

Таким образом, летом-осенью 1918 г. низовые структуры партии националистов никак себя не проявляли, но некоторые ее видные деятели участвовали в работе киевских монархических организаций, формально выступая от имени ВНС. При этом сам лидер ВНС П.Н. Балашев не принимал активного участия в политической жизни Киева и находился на вторых ролях, а в конце октября 1918 г. и вовсе перебрался в Екатеринодар. Именно на территории Добровольческой армии с весны 1919 г. он начал предпринимать шаги по активизации деятельности партии.

25 мая 1919 г. начальник Информационной части Отдела пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР полковник В.М. Бек сообщал генералу А.М. Драгомирову и профессору К.Н. Соколову, что ВНС – «организация, примыкающая по своей

программе к правому крылу, но гораздо более умеренная» – как нечто цельное на Юго-Востоке России не выявлен. Но при этом Беку удалось с помощью агентурной работы получить некоторые сведения о ВНС (который он именует «почти умершим») как непосредственно от его председателя П.Н. Балашева, так и от других видных членов [30. Л. 1 об., 2 об.]. Так, Балашев сообщил, что «членов Центрального комитета Союза в Екатеринодаре всего несколько человек, зато нужно сказать, что эти немногие, собравшиеся здесь, являются наиболее крупными членами Союза», и назвал имена В.В. Шульгина, князя К.М. Шаховского, В.Г. Ветчинина и Н.В. Савича [Там же. Л. 14]. Особенно интересны в данном контексте первая и последняя фамилии. Очевидно, Балашев продолжал считать Шульгина членом ВНС, несмотря на раскол фракции еще в 1915 г. Действительно, у нас нет никакой информации о том, что Шульгин вышел из партии, но также нет и информации, подтверждающей его работу в структурах ВНС после раскола. По крайней мере очевидно, что раскол фракции никак не отразился на личных отношениях Шульгина и Балашева. Когда осенью 1918 г. Балашев с сыном, заболевшие по дороге «испанкой», приехали в Екатеринодар, за ними ухаживала секретарь (и по совместительству любовница) Шульгина Л.А. Попова, заразившаяся, по всей видимости, именно от них и вскоре умершая [31. С. 213]. И впоследствии Шульгин называл Балашева своим другом, а Петр Николаевич уже в годы эмиграции приглашал Василия Витальевича в Марокко, где проживал сам, и предлагал помощь в приискании работы [Там же. С. 292, 402]. Также у нас нет сведений из других источников и о членстве в ВНС Н.В. Савича, ранее состоявшего во фракции земцев-октябристов; Балашев единственный, кто об этом упоминает. Нельзя исключать, что Петр Николаевич сознательно блефовал, стараясь поднять значимость своей партии.

Балашев сообщал, что «как определенная политическая партия мы сейчас выступлений не делаем, а тем более не вступаем в какую-либо борьбу и соглашения с другими политическими организациями и партиями», но это происходит «не потому, что мы чувствуем себя слабыми», а по той простой причине, что неуместно и неэтично «заниматься какими-либо политическими дрязгами и интригами или вести политическую борьбу, когда необходимо мобилизовать все силы на помощь фронту для создания Единой России». В связи с этим он критиковал кадетов, которые «сейчас зашевелились и опять создают различные политические группировки, как Национальный центр и прочее». При этом и члены ВНС делают некоторые политические шаги, «если это необходимо в интересах нашей партии». Балашев даже хвастался, что «до сих пор не было случая, чтобы мы потерпели неудачу», а в качестве примера успеха приводил проведение Н.В. Савича в члены Особого совещания. «Но мы находим нежелательным действовать в данное время особенно активно еще потому, что события работают сами за нас, укрепляя общество и народ в правоте наших взглядов, – продолжал лидер ВНС. – Мы монархисты, мы считаем монархию необходимым условием создания Единой Великой России, без нее русский народ никогда не увидит могучей России». Балашев сообщал, что ВНС признает и считает необходимым существование при монархе палат, как верхней, так и нижней, но созданных не при помощи всеобщего избирательного права. Программу свою ВНС не изменял и не планировал изменять в будущем [30. Л. 14].

ВНС поддерживал Добровольческую армию, несмотря на крайне недоброжелательное отношение к нему со стороны высшего командного состава. По словам Балашева, генералы А.С. Лукомский и А.М. Драгомиров для лидеров ВНС были непонятны, и поэтому «ни в какие официальные сношения от имени партии мы с ними не вступали». Деникин же относился к ВНС «определенно отрицательно, считая нас слишком правыми». Из-за этого прямых сношений с ним партия иметь не могла, и в случае необходимости ей приходилось действовать через более левые организации [Там же]. По словам Балашева, члены ВНС считали Деникина «большим поборником взглядов партии к.-д. (кадетов. – *А.Ч.*), хотя нужно сказать, что, когда ему говорят, что он близок к к.-д., он сердится. Отношение наших к адмиралу Колчаку неопределенное – он для нас сфинкс. С одной стороны, мы считаем, что Колчак как человек большого честолюбия, воли и сильного характера не может быть истинным поборником народоправства, но, с другой стороны, многие факты показывают совершенно обратное. Что из себя он представляет на самом деле, покажет близкое будущее» [Там же. Л. 14–14 об.].

В 20-х числах июня 1919 г. в очередной сводке начальник Информационной части сообщал, что руководящая роль среди русских национальных партий в самом непродолжительном будущем перейдет к ВНС и его руководителям П.Н. Балашеву и В.В. Шульгину: «Во всяком случае попытки к этому со стороны Всероссийского национального союза уже сделаны, и есть полное основание предполагать, что они увенчаются успехом. <…> Всероссийский национальный союз за это время вернулся к активной деятельности, которой не занимался со времени эвакуации Одессы, где помещался Центральный комитет Союза, разбредшийся в разные стороны. Активную работу начал вести организационный отдел Союза, который надеется вскоре получить большие денежные средства, столь необходимые в этой работе. Если Союзу удастся стать во главе организуемого Национального блока и использовать должным образом все входящие в него партии и общества, то успех ему обеспечен. Необходимым условием руководства и работы в блоке Союз ставит полное отсутствие в нем крайних монархических партий и течений, особенно германской ориентации» [32. Л. 47–47 об.]. По всей видимости, автор донесения смешивает группы П.Н. Балашева и В.В. Шульгина, так как в Одессе находился руководящий орган шульгинского Южнорусского национального центра (ЮРНЦ), а не ВНС. Можно предположить, что и эта информация была получена от Балашева, который приписывал своей партии заслуги шульгинской организации на том основании, что де-юре Шульгин оставался членом ВНС.

Впрочем, уже в следующих донесениях все встает на свои места. В конце июня прошли переговоры о создании блока, в которых участвовали Союз русских национальных общин (СРНО), партия «Единая Русь», ВНС и ЮРНЦ, причем шульгинский ЮРНЦ «принимает сейчас все меры, чтобы совершенно отмежеваться от Всероссийского национального союза, существующего во главе с П.Н. Балашевым», так как имелись данные, что последним руководит Г.Г. Замысловский (в прошлом депутат Государственной думы и один из лидеров Союза русского народа). Специально оговаривалось, что В.В. Шульгин ушел из ВНС «теперь совершенно, а фактически еще в 1915 г.» [Там же. Л. 62 об.–63].

С 14 по 20 июля 1919 г. в Ессентуках прошел съезд Союза русских национальных общин, в котором приняли участие и члены ВНС. В донесении командованию ВСЮР говорилось, что «из партий, принимавших участие в съезде, необходимо остановиться на Всероссийском национальном союзе и Южнорусском национальном центре, так как эти организации, перейдя к активной работе, вследствие большого сходства программ и одинаковой тактики, которую они думают принять в своей работе, по крайней мере на ближайшее время, силою вещей или должны слиться в одну партию, или же вступить в борьбу» с целью получить руководящее значение [Там же. Л. 76 об.–77]. ЮРНЦ представлял член шульгинской «Азбуки» штабс-капитан П.М. Виридарский, ВНС – бывший депутат Государственной думы от Псковской губернии князь К.М. Шаховской, а П.Н. Балашев, по всей видимости, присутствовал на съезде в качестве гостя (совместно с экс-председателем Думы М.В. Родзянко) [33. С. 3]. В ходе заседаний ясно проявлялось стремление Виридарского и Шаховского «получить доминирующее значение и взять в свои руки руководство съездом. Это последнее удалось достигнуть Виридарскому, который вел съезд в желательном для себя духе, благодаря чему он сумел подготовить почву таким образом, что если В.В. Шульгин захотел бы стать (возможность чего не исключена) во главе Русского национального блока, то это совершилось бы без труда» [32. Л. 77]. Правда, в другом донесении, заслуживающем, на наш взгляд, большего доверия, говорится, что и Виридарский, и Шаховской, «принимавшие весьма деятельное участие в работах съезда» в качестве представителей «родственных национальных организаций», в большинстве случаев выступали в роли оппозиции [Там же. Л. 85]. В ходе работы съезда Шаховской вошел в комиссию по выработке политической программы СРНО [Там же. Л. 80 об.], но при этом предложил пока что ограничиться лишь краткой политической декларацией [34. С. 2]. При обсуждении устава СРНО он предлагал добавить фразу о том, что «государственные правовые нормы не должны стеснять религиозных, национальных и культурных особенностей народностей, вошедших в государство Российское своими историческими территориями»; поправка эта была принята [32. Л. 81].

В это же время работа ВНС была направлена «к возможно большему привлечению членов и изысканию денежных средств. Последнее, по словам председателя Союза Балашева, ему вполне удалось. Средства Балашеву, по его словам, нужны, кроме исполнения задач, которые стоят перед союзом на Юге России, для развития деятельности в Сибири, а в частности для поездки туда членов Союза для выяснения, что представляет из себя Всероссийский национальный союз, образовавшийся в Сибири, кажется, как блок всех государственно-мыслящих партий, ставящих задачей восстановление России» [Там же. Л. 77]. Дело в том, что в январе 1919 г. в Сибири образовалась организация, также именовавшая себя Всероссийским национальным союзом (про данный Национальный союз подробнее см.: [35. С. 149–150]), и Балашева интересовало, не имеет ли она отношения к его ВНС? В действительности же из ее декларации можно было сделать вывод о том, что это организация кадетского толка, по взглядам намного более близкая к Всероссийскому национальному центру, а не к балашевскому ВНС [32. Л. 77, 87–88 об.].

В сводках за начало августа сообщалось, что ВНС «активности не проявляет, возможно, за отсутствием средств и связи с простым народом, так как во главе Союза стоят пока только крупные земельные собственники: Балашев, кн[язь] Шаховской и пр., за которыми простой народ, конечно, не пойдет» [Там же. Л. 91 об.–92]. Во второй половине августа появилась информация о якобы имевшем место слиянии Совета государственного объединения России (СГОР) с партией «Единая Русь» и ВНС, что должно было вылиться, согласно плану экс-министра А.В. Кривошеина, в создание единой «Русской национальной партии»; «пока же деятельность всех перечисленных партий выражается в словоговорении, что едва ли даст им возможность приобрести какое-либо значение на политической арене» [Там же. Л. 113 об.].

Согласно сообщению от 21 августа, Центральный комитет ВНС располагался в Кисловодске, впрочем, никакой деятельности он не проводил. Кисловодск же сделался монархическим центром «по причине элемента, который сосредоточен туда со всех концов России. Этот элемент состоит из бывшей чиновной и родовой аристократии и всякого рода бывших сановников» [Там же. Л. 119]. 6 сентября из Терской области сообщалось, что число членов ВНС, группирующихся вокруг Балашева, «невелико, и активности он не проявляет, да едва ли и будет в состоянии проявить таковую в будущем» [Там же. Л. 137 об.]. Согласно сводке от начала октября 1919 г., ВНС деятельности почти не ведет, заседаний не проводит, а число членов, «и вообще небольшое, заметно редеет ввиду отъезда многих из них в местности, освобожденные от большевиков и… окончания летнего сезона» [Там же. Л. 207].

В конце октября якобы активизировались переговоры о создании единого русского блока, в который должны были войти партия СГОР, Внепартийный русский блок, «какая-то новая партия, создаваемая Балашевым и Шульгиным», Всероссийский союз русских национальных общин и Временный Всероссийский союз земельных собственников. Блок этот предполагалось противопоставить кадетскому Всероссийскому национальному центру в момент формирования Юж-

норусского правительства. Пока же проект находился «в стадии предварительных переговоров, в которых наиболее активную роль играют Балашев и Шульгин» [32. Л. 254]. Выглядит данная информация не вполне правдоподобно, так как Шульгин и Балашев находились в разных городах (первый – в окруженном с трех сторон Киеве, второй – в Кисловодске), а с транспортом и связью в те дни были серьезные проблемы. Возможно, сведения были опять же получены от самого Балашева, который хотел повысить значимость своей персоны. В том же донесении сообщалось, что Балашев, который получил в руки источники своего дохода, «носится с идеей создания какой-то новой партии, которая должна объединить на широкой платформе все существующие на Юге России монархические партии без различия ориентации и программы» [Там же. Л. 259]. Такая информация могла исходить, скорее всего, от самого Балашева, что повышает вероятность того, что и в предыдущем случае инсайдером был именно он. Впрочем, новость о получении Балашевым денег выглядит вполне достоверной – следствием этого стала активизация ВНС в начале следующего месяца.

11 ноября 1919 г. в ростовском «Вечернем времени», редактируемом Б.А. Суворины, появилось воззвание «К русским людям» от имени члена Временного высшего церковного управления Юго-Востока России архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) и по уполномочию группы лиц: П.Н. Балашева, Н.Н. Можайского, князя К.М. Шаховского, Н.Н. Карташова, Г.А. Кочубея, А.И. Иваницкого, А.А. Салова. В начале воззвания описывались обрушившиеся на Россию бедствия, а затем отмечалось, что хотя «вдали видны уже златоверхие купола Москвы, но не испита еще чаша страдания нашего», и поэтому надо укреплять тыл и стеной встать «вслед за своими героями, когда они борются на фронте». Необходимо иметь мужество сознаться, как на исповеди, что слабость русского народа была в недостаточности национального чувства. Лишь осознав это, можно понять, «кто виновник неслыханного позора и разорения трудящегося русского народа». Если же русские люди не окажут дружной поддержки фронту, не дадут отпора врагам, копошащимся в тылу и ведущим «разрушительную самостийную и большевицкую работу», то подвиги добровольцев и казаков будут напрасны. «Веря, что доблестью и кровью лучших сынов воскреснет наша Великая Мать [Россия], <…> зовем всех русских людей объединиться в дружную братскую семью для защиты державных прав русского народа и самобытных прав казачества в его историческом укладе – во имя восстановления Церкви Христовой в нетленной чистоте Ее и государства нашего в прежнем его могуществе и единстве. Так мыслим, так веруем, так исповедуем мы, русские националисты». Всех разделяющих эту мысль просили образовывать повсюду местные национальные группы, а также записываться и сообщать свои адреса в бюро инициативной группы, расположившееся в конторе «Вечернего времени» (ул. Большая Садовая, д. 100). В начале декабря предполагалось провести съезд в Ростове-на-Дону [36. С. 2]. Ростовские газеты перепечатали сообщение информационного агентства «Руссаген» о том, что в «политических кругах отмечается появление на политической арене партии националистов», которая созывает свой организационный съезд. Вместе с сообщением приводился список членов инициативной группы, причем, в отличие от списка из «Вечернего времени», в нем не был указан Можайский, зато присутствовал некий Карнеев [37. С. 2; 38. С. 2; 39. С. 2].

Примечательно, что на первое место среди лидеров возрожденного ВНС было поставлено духовное лицо – архиепископ Димитрий (князь Давид Ильич Абашидзе, после пострига в великую схиму – схиархиепископ Антоний) – видный церковный деятель, в прошлом почетный председатель Таврического отдела Русского собрания. После гражданской войны он остался в России, в 1920–1930-е гг. неоднократно подвергался репрессиям. Не признав декларации митрополита Сергия (Страгородского), совершал тайные службы и рукоположения, почитался одним из лидеров киевской группы Катакомбной церкви. В 2011 г. он был канонизирован как местночтимый святой Киевской епархии УПЦ.

Также интересна фигура Георгия Александровича Кочубея. В прошлом член Монархического блока и Совета обороны Киева [40], он после прихода к власти петлюровцев перебрался сначала в Одессу, а затем на Дон. Здесь он вошел в состав так называемого «Анонимного центра» – тайной монархической организации. Д.Б. Бологовский, один из лидеров «Анонимного центра», вспоминал: «Георгий Александрович Кочубей тоже недавно появился на нашем горизонте; весной 1919 г., кажется, в апреле, он откуда-то неожиданно появился среди нас и сразу принял начальственный тон; он был откуда-то кем-то (теперь я уже не помню, но кем-то чрезвычайно важным из чрезвычайно важного места) командирован, как он говорил, для объединения всех монархических организаций Юга России» [41. Л. 4]. Кочубей обещал достать деньги от местных коммерческих кругов, с которыми он вел переговоры, но в итоге, по словам Бологовского, «мы от Кочубея денег не получили и так и остались необъединенными. Этот легкий уклон Георг[ия] Алек[сандровича] в сторону хлестаковщины слегка охладил наши отношения к Георг[ию] Алек[сандровичу], но, впрочем, не совсем» [Там же. Л. 5]. Появление Кочубея среди руководства партии националистов весьма примечательно – возможно, он специально был направлен к Балашеву «Анонимным центром» для установления контроля над ВНС («Анонимный центр» через своих членов влиял на деятельность таких организаций, как Русское общественное собрание, Национал-либеральная партия монархистов-конституционалистов, Союз русских национальных общин, Всероссийская народно-государственная партия). Кроме того, еще в начале августа сообщалось, что в ВНС «за последнее время произошел сильный сдвиг в сторону правых монархических организаций, что явствует в числе других данных и из приглашения для работы в Союзе известного представителя правых монархических организаций Комиссарова, личность коего, как крайне правого, хорошо известна и здесь, на Дону, и еще раньше в Москве. За свою деятельность он 3 раза под-

вергся выселению из Ростова» [32. Л. 91 об.]. Упомянутый в донесении генерал-майор М.С. Комиссаров, в прошлом помощник начальника Петроградского охранного отделения, отвечавший за охрану Г.Е. Распутина, и ростовский градоначальник, также был одним из лидеров «Анонимного центра» [41. Л. 2–3]. Сюда же можно добавить и упоминаемые выше сведения о том, что Балашевым руководил черносотенец Замысловский. Создается впечатление, что ВНС попал в серьезную зависимость от крайне правых кругов.

Анонсированный съезд так и не состоялся из-за крушения фронта ВСЮР и оставления Ростова. ВНС, по всей видимости, окончательно прекратил свое существование в начале 1920 г., после эвакуации деникинских войск из Новороссийска. Одно из последних упоминаний партии националистов можно встретить в новороссийской газете «Маяк» в феврале 1920 г. В этой газете было опубликовано интервью «члена совета Всероссийской национальной партии» (возможно, это было новое название ВНС, использовавшееся после своеобразного «ребрендинга» организации осенью 1919 г.) Г.А. Кочубея, который поделился с журналистом своими впечатлениями о поездке в Полтаву, Харьков, Киев, Одессу и Ставрополь. Кочубей описал царившие в тылу разруху и беззастенчивое взяточничество, раскритиковал использование чеченских частей, настроенных чрезвычайно враждебно к русскому населению Ставрополья, но в конце интервью все же посчитал нужным заявить, что «в благополучном исходе борьбы сомнений быть не может» [42. С. 2].

Во врангелевском Крыму ВНС уже никаких признаков жизни не подавал. В качестве курьеза можно отметить, что упоминаемый выше Г.А. Кочубей стал одним из лидеров Украинской федеративно-демократической партии (УФДП), созданной в Севастополе осенью 1920 г. УФДП выразила готовность оказать всемерную поддержку правительству и поставила своей задачей «организацию власти на Украине на федеративных началах в единении с Россией и широкое проведение на Украине народных реформ, связанных с укладом жизни и бытовыми особенностями Украины» [43. С. 4]. В качестве объяснения этого странного факта можно предположить, что Кочубею и другим новоявленным «федералистам» в свете новой политики П.Н. Врангеля на украинском направлении было поручено изображать из себя «украинцев», лояльных России и крымским властям. В любом случае в создавшихся условиях необходимости в восстановлении ВНС не просматривалось.

В эмиграции никаких попыток воссоздать партию националистов также не последовало. Лидер ВНС П.Н. Балашев эмигрировал, жил сначала во Франции, а затем в Марокко. Точная дата его смерти пока что не установлена, но по свидетельству К.Ф. Безак, дочери Ф.Н. Безака, Балашев пережил Вторую мировую войну и в 1950 г. все также проживал в Марокко [14. С. 79].

В исторической науке давно обсуждается вопрос о месте ВНС в партийно-политической системе России. Одни считают ВНС «умеренно-реформаторским крылом черной сотни», другие «либеральными консерваторами», третьи «национал-либералами», четвертые «правыми национал-конституционалистами» [44. С. 171]. Послереволюционная судьба партии русских националистов позволяет высказать некоторые мысли по этому поводу. С одной стороны, после 1917 г. партийный «бренд» за собой сохранила группа правых националистов во главе с П.Н. Балашевым, тяготеющая к сотрудничеству с черносотенцами. Но, с другой стороны, лишившись «национально-прогрессивного» крыла, она превратилась в карликовую группу, попавшую в зависимость от крайне правых. В годы Гражданской войны и черносотенцы, и прогрессивные националисты играли заметную роль в политической жизни южных регионов России, в то время как «балашевское» крыло ВНС, пытавшееся, как и раньше, занимать срединное положение между ними (правда, со все более увеличивающимся креном вправо), потеряло какое-либо влияние и значение. Таким образом, на наш взгляд, основную, системообразующую роль в дореволюционной деятельности и идеологии ВНС играли именно прогрессивные националисты (хотя по формальным критериям, таким как количество депутатов в Думе, они уступали «балашевцам»). Оставшись без «прогрессивного» крыла, ВНС потерял всю свою специфику, и в перспективе – если бы не поражение белого движения – он, вероятно, растворился бы среди организаций черносотенного толка. В то же время настоящими идейными наследниками ВНС образца первой половины 1910-х гг. были прогрессивные националисты во главе с В.В. Шульгиным, деятельность которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Список источников

1. Сумский С. Политические партии // Киевская мысль. 1918. 1 янв. № 1.
2. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. 525 с.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин : Медный всадник, 1926. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. 367 с.
4. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М. : Наука, 1977. 320 с.
5. Бутаков Я.А. Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 5–29.
6. Санькова С.М. Всероссийский национальный союз // Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : Рос. полит. энцик. (РОССПЭН), 2011. С. 92–95.
7. Санькова С.М. Балашов (Балашев) Петр Николаевич // Петр Аркадьевич Столыпин : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : Рос. полит. энцик. (РОССПЭН), 2011. С. 41–42.
8. Иванов А.А. Русские националисты и Февральская революция // 90 лет Февральской революции : сб. науч. ст. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб. : Каф. Рус. истории РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 66–71.
9. Иванов А.А. Судьбы лидеров русского национализма после февраля 1917 г. // Русское самосознание. Философско-исторический журнал. 2007. № 13. С. 47–58.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1080.

11. Акацатов М. Из моего прошлого (ответ критикам) // Последние новости. 1925. 1 дек. № 1720.
12. Воспрещение черносотенных изданий // Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 марта. № 9.
13. Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной Думы / под ред. А.К. Дрезена; предисл. З.Б. Лозинского. М. ; Л. : Парт. изд-во, 1932. 328 с.
14. Иванов А.А. Имперский национализм П.Н. Балашева // Имперское возрождение. 2007. № 5 (13). С. 75–80.
15. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербург (ЦГИА СПб). Ф. 1695. Оп. 4. Д. 24.
16. Король Н. Як Павло Скоропадський став гетьманом України (Уривок зі спогадів) : відбиток з «Нашої Батьківщини». Нью-Йорк, 1967. 23 с.
17. Як Григорович-Барський і други пани тратять народні гроші // Народне діло. 1917. 28 вересня. № 42.
18. Григорович-Барський та місто Радомисль // Народне діло. 1917. 2 жовтня. № 45.
19. Місцева хроніка // Народне діло. 1917. 18 жовтня. № 51.
20. Всероссийское Учредительное собрание : энциклопедия / авт.-сост. Л.Г. Протасов. М. : Полит. энцикл., 2014. 553 с.
21. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1175. Оп. 1. Д. 1.
22. Антонишин А. Ліквідація гетьманської влади в Подільській губернії (1918 рік) // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Сер. Історія, економіка, філософія. 2012. Вип. 17. С. 145–153.
23. Безак Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / сост. и ред. А.А. Иванов при уч. С.Г. Зирина. М. : Посев, 2008. С. 346–454.
24. З. Закриття з'їзду монархистів // Відродження. 1918. 23 (10) липня. № 93. С. 4.
25. ЦГАВО Украины. Ф. 4401. Оп. 1. Д. 6.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43.
27. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 95.
28. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин : Слово, 1924. Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918 года. 271 с.
29. Авалов П.М. В борьбе с большевизмом : воспоминания генерала-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой западной армией в Прибалтике. Глюкштадт ; Гамбург : Изд. и тип. И.И. Аугустина, 1925. 540 с.
30. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 8.
31. Шульгин В.В. Тени, которые проходят / сост. Р.Г. Красюков. СПб. : Нестор-История, 2012. 688 с.
32. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69.
33. А. М–р. Ессентуки. Съезд представителей русских национальных общин (от нашего корреспондента) // Жизнь. 1919. 23 июля (5 авг.). № 75.
34. Съезд национальных общин // Терско-Дагестанский вестник. 1919. 17 июля. № 90.
35. Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.
36. К русским людям // Вечернее время. 1919. 11 нояб. № 409.
37. Новая партия // Жизнь. 1919. 16 (29) нояб. № 169.
38. Националисты // Приазовский край. 1919. 16 (29) нояб. № 260.
39. Националисты // Свободная речь. 1919. 16 (29) нояб. № 249.
40. Hoover Institution Archives. P.N. Vrangel Collection. Box 31. Folder 13. Письмо Г.А. Кочубея В.В. Шульгину от 9 января 1919 г.
41. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 260.
42. В.Ф. Наши ошибки (из беседы с Г.А. Кочубеем) // Маяк. 1920. 7 фев. № 431.
43. Украинцы-федералисты // Вечернее слово. 1920. 5 окт. № 228.
44. Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (о статье И.В. Омельянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

References

1. Sumskiy, S. (1918) Politicheskie partii [Political parties]. *Kievskaya mysl'*. 1st January.
2. Kotsyubinskiy, D.A. (2001) *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya. Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza* [Russian nationalism at the beginning of the 20th century. The birth and death of the ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN.
3. Denikin, A.I. (1926) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian Troubles]. Vol. 5. Berlin: Mednyy vsadnik.
4. Ioffe, G.Z. (1977) *Krakh rossiyskoy monarkhicheskoy kontrrevolyutsii* [The collapse of the Russian monarchist counter-revolution]. Moscow: Nauka.
5. Butakov, Ya.A. (2002) Russkie natsionalisty i Beloe dvizhenie na Yuge Rossii v 1919 g. [Russian Nationalists and the White Movement in the South of Russia in 1919]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2(7). pp. 5–29.
6. Sankova, S.M. (2011a) Vserossiyskiy natsional'nyy soyuz [All-Russian National Union]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Petr Arkad'evich Stolypin: entsiklopediya* [Petr Arkadyevich Stolypin: encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 92–95.
7. Sankova, S.M. (2011b) Balashov (Balashev) Petr Nikolaevich. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Petr Arkad'evich Stolypin: entsiklopediya* [Petr Arkadyevich Stolypin: encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN. pp. 41–42.
8. Ivanov, A.A. (2007) Russkie natsionalisty i Fevral'skaya revolyutsiya [Russian nationalists and the February Revolution]. In: Nikolaev, A.B., Bazhanov, D.A. & Ivanov, A.A. (eds) *90 let Fevral'skoy revolyutsii* [90 years of the February Revolution]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University. pp. 66–71.
9. Ivanov, A.A. (2007) Sud'by liderov russkogo natsionalizma posle fevralya 1917 g. [The fate of the Russian nationalism leaders after February 1917]. *Russkoe samosoznanie. Filosofsko-istoricheskiy zhurnal*. 13. pp. 47–58.
10. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 5. File 1080.
11. Akatsatov, M. (1925) Iz moego proshlogo (otvet kritikam) [From my past (the answer to critics)]. *Poslednie novosti*. 1st December.
12. The Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies. (1917) Vospreshchenie chernosotennykh izdaniy [Prohibition of Black Hundred publications]. *Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. 9th March.
13. Drezen, A.K. (ed.) (1932) *Burzhuaziya i pomeshchiki v 1917 godu. Chastnye soveshchaniya chlenov Gosudarstvennoy Dumy* [Bourgeoisie and landlords in 1917. Private meetings of members of the State Duma]. Leningrad: Part. izd-vo.
14. Ivanov, A.A. (2007) Imperskiy natsionalizm P.N. Balasheva [P.N. Balashev's Imperial Nationalism]. *Imperskoe vozrozhdenie*. 5(13). pp. 75–80.
15. The Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). Fund 1695. List 4. File 24.
16. Korol, N. (1967) *Yak Pavlo Skoropads'kiy stav get'manom Ukraïni (Urivok zi spogadiv): vidbitok z "Nashoï Bat'kivshchini"*. New York: [s.n.].
17. *Narodne dilo*. (1917a) Yak Grigorovich-Bars'kiy i drugi pani tratyat' narodni groshi [How Grigoryovych-Barskyi and other gentlemen spend public money]. 28th September.
18. *Narodne dilo*. (1917b) Grigorovich-Bars'kiy ta misto Radomisl' [Grigoryovych-Barskyi and the city of Radomysl]. 2nd September.
19. *Narodne dilo*. (1917c) Mistseva khronika [Local chronicle]. 18th September.
20. Protasov, L.G. (ed.) (2014) *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie: entsiklopediya* [All-Russian Constituent Assembly: an encyclopedia]. Moscow: Polit. entsikl.
21. The Central State Archive of the Supreme Authorities and Administration of Ukraine (TsGAVO of Ukraine). Fund 1175. List 1. File 1.
22. Antonishin, A. (2012) Likvidatsiya get'mans'koï vladi v Podil's'kiy gubernïï (1918 rik). *Visnik Kiïvs'kogo natsional'nogo lingvistichnogo universitetu. Ser. Istoriya, ekonomika, filosofiya*. 17. pp. 145–153.

23. Bezak, F.N. (2008) Vospominaniya o Kieve i o getmanskom perevorote [Memories of Kyiv and the Hetman's coup]. In: Ivanov, A.A. (ed.) *Vernaya gvardiya. Russkaya smuta glazami ofitserov-monarkhistov* [The Faithful Guard. The Russian turmoil Through the Eyes of Monarchist Officers]. Moscow: Posev. pp. 346–454.
24. *Vidrodzhennya*. (1918) Z. Zakrittya z'izdu monarkhistiv. 23rd (10th) July. p. 4.
25. The Central State Archive of the Supreme Authorities and Administration of Ukraine (TsGAVO of Ukraine). Fund 4401. List 1. File 6.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 43.
27. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 95.
28. Denikin, A.I. (1918) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian Troubles]. Vol. 3. Berlin: Slovo.
29. Avalov, P.M. (1925) *V bor'be s bol'shevizmom: vospominaniya generala-mayora kn. P. Avalova, b. komanduyushchego russko-nemetskoy zapadnoy armiey v Pribaltike* [In the fight against Bolshevism: memoirs of Major General Prince. P. Avalov, ex-commander of the Russian-German Western army in the Baltics]. Gluckstadt; Hamburg: I.I. Augustin.
30. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 8.
31. Shulgin, V.V. (2012) *Teni, kotorye prokhodyat* [Shadows that pass]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
32. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-446. List 2. File 69.
33. A. M–r. (1919) Essentuki. S"ezd predstaviteley russkikh natsional'nykh obshchin (ot nashego korrespondenta) [Essentuki. Congress of representatives of Russian national communities (from our correspondent)]. *Zhizn'*. 23th July (5th August).
34. *Tersko-Dagestanskiy vestnik*. (1919) S"ezd natsional'nykh obshchin [The Congress of National Communities]. 17th July.
35. Khandorin, V.G. (2017) *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National Idea and Admiral Kolchak]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science.
36. *Vechernee vremya*. (1919) K russkim lyudyam [To the Russian people]. 11th November.
37. *Zhizn'*. (1919) Novaya partiya [A new party]. 16th(29th) November.
38. *Priazovskiy kray*. (1919) Natsionalisty [Nationalists]. 16th (29th) November.
39. *Svobodnaya rech'*. (1919) Natsionalisty [Nationalists]. 16th(29th) November.
40. Hoover Institution Archives. (1919) Pis'mo G.A. Kochubeya V.V. Shul'ginu ot 9 yanvarya 1919 g. [Letter from G.A. Kochubey to V.V. Shulgin dated January 9, 1919]. *P.N. Vrangel Collection*. Box 31. Folder 13.
41. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5881. List 2. File 260.
42. V.F. (1920) Nashi oshibki (iz besedy s G.A. Kochubeem) [Our mistakes (from a conversation with G.A. Kochubey)]. *Mayak*. 7th February.
43. *Vechernee slovo*. (1920) Ukraintsy-federalisty [Ukrainian federalists]. 5th October.
44. Ivanov, A.A. (2008) Byli li russkie natsionalisty chernosotentsami? (o stat'e I.V. Omel'yanchuka) [Were Russian nationalists Black Hundreds? (about I.V. Omelyanchuk's article)]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 171–175.

***Сведения об авторе*:**
Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Chemakin Anton A. – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at the Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.chemakin@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.12.2018; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 27.12.2018; accepted for publication 07.09.2022

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Научная статья
УДК 327(470:510.4) “1931/1940”
doi: 10.17223/19988613/79/14

О механизме советского экономического и политического проникновения в Синьцзян (1931–1940 гг.)

Ирина Владимировна Волкова[1], Валерий Владимирович Иванов[2]

[1, 2] Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия
[1] mlee1992@mail.ru
[2] sir.vv-ivanov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу советского внешнеполитического курса в отношении китайской провинции Синьцзян в 1931–1940 гг. Рассматрен внутренний механизм распространения советского влияния в Восточном Туркестане, выявлены факторы, обеспечившие Москве укрепление позиций в Синьцзяне во второй половине 1930-х гг., проводятся параллели между фактической и официально декларируемой НКИД СССР политической линией. На основе архивных материалов дана характеристика обстановки в Северо-Западном Китае в оценке мировых информационных агентств (в переводе корреспондентов ТАСС для служебного пользования).
Ключевые слова: внешняя политика; советское влияние; СССР; Синьцзян; Восточный Туркестан

Для цитирования: Волкова И.В., Иванов В.В. О механизме советского экономического и политического проникновения в Синьцзян (1931–1940 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 114–122. doi: 10.17223/19988613/79/14

Original article

About the mechanism of Soviet economic and political dissemination into Xinjiang (1931-1940)

Irina V. Volkova[1], Valery V. Ivanov[2]

[1, 2] Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation
[1] mlee1992@mail.ru
[2] sir.vv-ivanov@yandex.ru

Abstract. The article gives a detailed analysis of foreign policy of USSR in respect of Chinese province Xinjiang in 1931–1940. The main objective of the research is to analyze political arrangement expansion of Soviet influence in East Turkestan, as well as to examine determinants which assure a powerful position in Xinjiang during the second half of the 1930s. It is based on academic works of Soviet, Russian and foreign historians which were published in the documents from the State Archive of the Russian Federation. Main political methods of Moscow state apparatus are considered in the paper. The factual and official political lines from People's Commissariat of Foreign Affairs of USSR are compared. Moreover, the situation with International News Agencies in North-western China is described.

During 1931–1940 USSR pursued a policy of economic and political penetration in Xinjiang. The Government of the Soviet Union took advantage of a situation in which the Republic of China was weak and, with the support of the local administration of the USSR, expanded its influence over the zone. The course was conducted into four groups. The first was military intervention and the cessation of protests by Muslim radicals in the province. Secondly, Soviet state organized the State security organs similar to those of USSR. Furthermore, Soviet military advisers always attended in Urumqi. Thirdly, Soviet Union implemented communist ideals of socialist or national equalities. Ideology work was led among the Government forces and the civilian population. Fourthly, a number of trade contracts raised in East Turkestan and the Soviet state.

Soviet support helped to strengthen the regime of Sheng Shicai in Northwest China. This led to the strengthening of Urumqi’s economic and political dependence on Moscow. The growing influence of the USSR in the region was

© И.В. Волкова, В.В. Иванов, 2022

accompanied by the dissemination of information in world news agencies about the USSR's attempts to "Sovietize" and separate the province from China. With Japan's outbreak of full-scale warfare in central China in 1937, Xinjiang became an exceptionally important transit region for the transport of arms and military equipment to the People's Revolutionary Army.This forced Chiang Kai-Shek to reconcile with Soviet presence in East Turkestan. This mechanism of bilateral relations allowed Moscow to maintain its influence in Xinjiang until the early 1940s.
Keywords: foreign policy, Soviet influence, USSR, Xinjiang, East Turkestan

For citation: Volkova, I.V., Ivanov, V.V. (2022) About the mechanism of Soviet economic and political dissemination into Xinjiang (1931-1940). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 114–122. doi: 10.17223/19988613/79/14

Во второй четверти XX в. особую роль во внешней политике Англии, США, Японии и СССР продолжал играть вопрос о разделении сфер влияния в Китае. Вместе с тем серьезным препятствием для экономической экспансии указанных государств стал рост в Поднебесной национально-освободительного движения, получившего широкое распространение в ходе Синьхайской революции. Сформированное в 1927 г. в Нанкине партией Гоминьдан (ГМД) Национальное правительство Китайской Республики объявило курс на создание сильного и независимого государства. Однако в начале 1930-х гг. процесс централизации власти не был завершен. В стране продолжалась гражданская война, главными противоборствующими силами в которой стали недавние союзники – Гоминьдан и Компартия Китая (КПК). В этой ситуации правящие круги Англии и США, имевшие экономические интересы на юге Поднебесной, пошли на сближение с нанкинской администрацией. Данная позиция объяснялась тем, что Вашингтон и Лондон рассматривали ГМД как наиболее эффективного противника прокоммунистическим силам.

В отличие, от США и Великобритании, правительство Японии действовало более радикально. В 1931 г. Токио развернул военную интервенцию в северо-восточном Китае. Оккупация Маньчжурии и создание на ее территории марионеточного государства стали первым шагом Токио к завоеванию Поднебесной. Это создавало перспективу расширения агрессивной политики Страны восходящего солнца на Монголию и дальневосточные субъекты Советского Союза.

Позиции СССР в Китае в первой четверти XX в. были крайне слабы. В конце 1920-х гг. усилившиеся идеологические разногласия между Москвой и Нанкином привели к прекращению ими военно-политического сотрудничества, а в ходе конфликта на КВЖД – и к разрыву между ними дипломатических отношений до 1932 г. Опорные базы китайских коммунистов, на которые в этот период ориентировалась Москва, были блокированы войсками Чан Кайши и оказались в критическом положении.

В данных обстоятельствах внимание Кремля было обращено к Восточному Туркестану (Синьцзяну) – северо-западному региону Китая, пограничному с СССР и Монгольской Народной Республикой (МНР). Отличительной особенностью Синьцзяна был сложный национальный состав. В регионе проживали представители 18 национальностей: монголы, дунгане, казахи, доланы и др. Подавляющее большинство 4-миллионного населения составляли уйгуры, по разным данным от 70 до 87,5% [1. С. 21; 2. С. 36]. Процент этнических китайцев был ничтожно мал – около 5% [1. С. 21]. Следствием силового присоединения Синьцзяна к Поднебесной в XVIII в. и политики этнической дискриминации, осуществлявшейся маньчжурской администрацией, стало непримиримое национальное противостояние, которое часто выливалось в антикитайские восстания. Традиционно главной целью этих выступлений были отделение от Цинской империи и создание независимого государства. Часто восстания фактически трансформировались в партизанские войны неханьского населения против властей, которые могли продолжаться десятилетиями. Немаловажное значение при этом имел исламский фактор.

Внешнее вмешательство в вопросы межнациональных отношений оказывало дополнительное дестабилизирующее воздействие на внутриполитическую ситуацию в регионе. Еще в XIX в. в Синьцзяне пересеклись интересы России, Китая, Англии и Оттоманской империи. В 1860-е гг. Великобритания и Турция официально признали руководителя очередного восстания в Кашгарии Якуб-бека как главу суверенного государства Йетти-шара. Кроме того, Лондон и Константинополь оказали повстанцам широкую военную и экономическую помощь. Целью подобного курса являлась попытка воспрепятствовать проникновению России в восточные районы Средней Азии, а также снизить влияние Китая. Власти русского Туркестанского края по-своему воспользовались восстанием Якуб-бека, заключив с ним торговый договор. Жестокое подавление маньчжурскими войсками восстания в Кашгарии в 1877–1878 гг., фактически представлявшее геноцид уйгуров и дунган, вызвало протест правительства России и введение русского воинского контингента в Илийский край. Последнее спасло коренное население Кашгарии от полного истребления. Заключение между Санкт-Петербургом и Пекином Ливадийского (1879) и Петербургского (1881) договоров, утвердивших демаркацию границы между двумя империями в западной части Илийской долины, не удовлетворило китайские власти. Это неоднократно приводило к осложнениям в отношениях между Россией и Поднебесной [3. С. 442–443].

В первой трети XX в. Синьцзян трижды становился местом массовой эмиграции из среднеазиатских субъектов Российской империи и СССР: в 1917 г., во время подавления русскими войсками крупного национального восстания в Туркестане; в 1920 г., в период отступления в Китай формирований атаманов Дутова и Анненкова; в начале 1930-х гг., в период проведения сплошной коллективизации в Казахстане и Киргизии. Кроме того, в приграничных районах длительное вре-

мя действовали десятки вооруженных антисоветских банд, занимавшихся террором, контрабандой, наркоторговлей, угоном скота на сопредельную территорию. Борьба с ними осложнялась не только пассивным поведением местного населения, но и отсутствием полицейско-административного контроля, неэффективностью работы службы пограничной охраны. Приток десятков тысяч беженцев в один из беднейших приграничных регионов Поднебесной создавал серьезные проблемы как для Китая, так и для СССР.

Традиционно одной из главных причин эскалации сепаратистских настроений в Синьцзяне были крупные внутриполитические и внешнеполитические кризисы в Китае. В XIX в. это особенно наглядно было продемонстрировано во время выступлений религиозных сект (1810–1820-е гг.), восстания тайпинов (1850-е гг.), опиумных войн. Удаленность региона от крупных административных центров, практически полное отсутствие транспортных коммуникаций и собственной промышленной базы были основаниями для определенной хозяйственной автономии Синьцзяна. Эти обстоятельства в известной степени обусловливали слабость в нем аппарата центральной власти. В 1931 г. в провинции началось восстание уйгуров и подразделений 36-й дунганской дивизии, продлившееся три года [2. С. 36] Таким образом, во второй четверти XX в. Синьцзян оставался одним из самых нестабильных субъектов Китая.

Однако если для Нанкина обстановка в Синьцзяне в начале 1930-х гг. угрожала потерей контроля над регионом, то Москва, напротив, использовала ее для усиления своих позиций. Интересы СССР в Синьцзяне заключались в следующем. Во-первых, необходимо было не допустить консолидации в Восточном Туркестане антисоветского движения, противодействовать вооруженным отрядам белогвардейцев, их пополнению из среды русских эмигрантов, вести борьбу с басмачеством в приграничных регионах. Во-вторых, было важно не допустить распространения экспансии Токио на запад вдоль советских границ. Восточный Туркестан, как и Монголия, мог стать буфером, в противовес марионеточному режиму Пу И в Маньчжурии. Японские спецслужбы не исключали возможность использования исламских сепаратистов Синьцзяна для новой эскалации антисоветских настроений в Средней Азии. Несмотря на ликвидацию крупных бандформирований в начале 1930-х гг. в Казахстане, Узбекистане, Туркмении и Таджикистане, на территории Афганистана и северо-западного Китая продолжали находиться десятки тысяч участников басмаческого движения, готовых при благоприятной политической обстановке и широкой иностранной военной помощи выступить против СССР [4. С. 77–78]. В-четвертых, территория Синьцзяна могла стать коридором для оказания Москвой материальной помощи китайским коммунистам.

Однако в своих действиях Кремль был вынужден соблюдать предельную осторожность. Давление с его стороны на Урумчи, попытка установления в регионе просоветского режима или отторжения Синьцзяна могли повлечь обострение отношений как с Китаем, так и с Японией. В этом случае нельзя было исключить вероятность соглашения между Нанкином и Токио о совместном противодействии СССР. Следствием этого стала двойственная политика, проводимая Москвой в отношении Синьцзяна. С одной стороны, СССР выступил за пресечение сепаратистских настроений в провинции, с другой – активизировал политику, преследующую цель включить Восточный Туркестан в собственную зону влияния.

Как уже указывалось, в 1931 г. мусульманское население Синьцзяна подняло восстание под лозунгами создания независимого исламского государства. Руководство СССР ответило отказом на просьбу руководителей выступления о помощи. Опасения Москвы вызывал тот факт, что победа повстанцев могла быть использована японскими и английскими спецслужбами в антисоветских целях. Следует отметить, что доказательства вмешательства Токио и Лондона в синьцзянские события с целью дестабилизации обстановки в регионе посредством финансовой поддержки антиправительственных выступлений содержатся в материалах периодической печати. В 1934 г. в публикации американского еженедельника «Нью Рипаблик» сообщалось, что «японцы посылают деньги и оружие мусульманским северным племенам… на основании веских данных выдвинуто обвинение, что южные повстанцы вооружены британскими винтовками и получают непосредственные директивы от английских агентов в Кашгаре» [5. С. 27]. Французская газета «Эр Нувель» от 8 апреля 1934 г. также связывала развитие пантюркистского движения в Синьцзяне с результатом деятельности британских и японских агентов [Там же]. На этом фоне нельзя было исключать, что подъем сепаратизма среди мусульманских народов на северо-западе Китая мог послужить толчком к росту аналогичных настроений в среднеазиатских субъектах СССР. По утверждению турецкого историка Иса Юсуфа Алптекина, «в случае создания в Восточном Туркестане независимого от Китая национального правительства и его признания нациями мира эта ситуация могла стать прецедентом для Западного Туркестана» [1. С. 78]. В результате Кремль, заинтересованный в безопасности собственных среднеазиатских границ, принял решение оказать поддержку Провинциальному правительству в Урумчи, возглавляемому дубанем[1] Чин Шуеном (Цзинь Шужэн), а с 1933 г. пришедшим к власти в результате переворота генералом Шэн Шицаем (Цзинь Юн), лояльным к гоминьдановскому режиму[2].

Заключение 1 октября 1931 г. секретного торгового соглашения с Чин Шуеном стало отправной точкой для оказания Москвой военной помощи Урумчи. В начале 1930-х гг. войска Красной Армии (РККА) при содействии местной администрации развернули борьбу с очагами басмачества в приграничных районах. В июле 1932 г. была проведена совместная советско-китайская операция по ликвидации киргизских отрядов в Западном Синьцзяне [7. С. 124]. Следует учесть, что подобное сотрудничество не являлось исключительным. В 1929 г. подразделения ОГПУ СССР, заключив соглашение с властями ряда провинций северного Афганистана, при активной поддержке местного населения разгромили несколько баз и нанесли серьезный урон

бандформированиям Ибрагим-бека, находившимся на территории сопредельного государства [4. С. 79].

С установлением режима Шэн Шицая одним из важных шагов по его поддержке стало возвращение в Поднебесную через Восточный Туркестан частей китайской армии, вытесненных из Маньчжурии японскими войсками и интернированных в декабре 1932 – январе 1933 г. на территории советского Дальнего Востока. При их участии удалось ликвидировать угрозу для осажденной повстанцами столицы провинции.

В конце 1933 г. СССР оказал помощь Шэн Шицаю в отражении наступления дунганского генерала Ма Цзуина. В Синьцзян были направлены части кадровой советской Красной Армии в составе полка РККА и 13-го алма-атинского полка НКВД численностью около 7 тыс. чел. (по другим данным 10 тыс. чел.) усиленные бронетехникой, авиацией и артиллерией [8. С. 175]. На время проведения командировки эти части получили название «Алтайской добровольческой армии» и были экипированы в форму русской императорской армии. Командующим группировкой был назначен заместитель начальника Главного управления погранохраны и войск ОГПУ (с июля 1934 г. – Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД) Н. Кручинкин. Советниками дубаня стали опытный разведчик А.К. Маликов и П.С. Рыбалко, будущий маршал бронетанковых войск СССР, на тот момент выпускник Военной академии имени М.В. Фрунзе [Там же].

К сотрудничеству также были привлечены вооруженные отряды из числа русских эмигрантов, состоявших на службе у Шэн Шицая. Наиболее крупными из них были соединения под командованием полковника Паппенгута[3]. Серьезным мотивом для бывших белогвардейцев стало обещание амнистии и предоставления гражданства СССР после окончания боевых действий. Что касается Паппенгута, то он не изменил своих антисоветских взглядов. Впоследствии он был арестован и расстрелян. В то же время готовые к компромиссу отряды были переформированы и поставлены под контроль командиров РККА. Тем не менее в ходе синьцзянской операции на многие руководящие должности были назначены бывшие белые офицеры. Так, должность начальника штаба Южного фронта занял И. Лунченков (отставной войсковой старшина), войсковую разведку возглавил А.Н. Борковский (бывший поручик Дроздовского полка), службу в качестве командира конной группы продолжил В.Д. Константинов (офицер армии атамана Дутова) [7. С. 128–129]. После стабилизации обстановки контингент РККА был выведен в СССР. В Синьцзяне остались кавалерийская группа численностью от 350 до 1 000 чел. и несколько десятков военных советников [10. С. 369–370].

Таким образом, в начале 1930-х гг. СССР удалось существенно укрепить свои позиции в Восточном Туркестане. Во-первых, был ликвидирован очаг антисоветских настроений в Северо-Западном Китае, взяты под контроль укрывшиеся в провинции белогвардейские формирования. Во-вторых, Москва заручилась поддержкой местной администрации, заинтересованной в дальнейшем сотрудничестве не только в военной сфере, но и в вопросах экономики и политического строительства. В-третьих, СССР получил возможность сохранить свое военное присутствие в регионе и использовать советнический аппарат для ведения пропагандистской работы в войсках провинциального правительства. Завершение спецоперации РККА–НКВД в Синьцзяне способствовало дальнейшему вхождению региона в зону советского влияния.

При этом, формально выступая под лозунгами защиты центральной власти, подавления сепаратизма и сохранения внутриполитической стабильности в Поднебесной, Кремль получил возможность продолжить диалог с Нанкином, не дав повода для обвинений во вмешательстве во внутренние дела Китая. В директивах о работе с Синьцзянем Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 августа 1933 г. по этому поводу указывалось: «Считать нецелесообразным в данное время и в данных условиях поддерживать в районах движения, направленные к полному отделению от урумчинского правительства, занимая, однако, благоприятную позицию в организации более широкого местного самоуправления в тех районах, где нет оснований ожидать успеха деятельности английской или японской агентуры» [11. С. 194]. Эта линия была продолжена в сообщении заместителя НКИД Г.Я. Сокольникова полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолову: «Мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая в Синьцзяне и ни в коем случае не будем поддерживать какие-либо сепаратистские движения» [12. С. 20]. Схожие рекомендации содержались и в письме НКИД Б.С. Стомонякова к Д.В. Богомолову от 9 июля 1934 г. относительно позиции, которую советскому полпреду надлежало занять в беседе с Чан Кайши: «…Вы можете в самой решительной и категорической форме заверить Чан Кайши в том, что мы стремимся лишь к сохранению Синьцзяна за Китаем и не хотим допустить, чтобы Синьцзян стал <…> орудием в руках империалистических сил, одинаково враждебных СССР и Китаю» [11. С. 311].

В адрес Урумчи советское руководство сделало аналогичные заявления. 27 июля 1934 г. генеральному консулу СССР и советнику Шэн Шицая Г.А. Апресову было направлено письмо И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, содержавшее разъяснения относительно политики Москвы. В документе указывалось: «Первое – СССР стоит твердо и непоколебимо на точке зрения целостности Китая… Второе – мы поддерживаем Шэня только потому, что считаем территориальную целостность Китая целесообразной и желательной не только с точки зрения Китая, но и с точки зрения СССР. Третье – …пока Шэн будет вести борьбу против японских и других иностранных империалистических агентов вроде Ма Чжунина, он может рассчитывать на поддержку СССР. Четвертое – советизация Синьцзяна в какой бы то ни было форме не входит в наши планы, и мы считаем опасной всякую мысль о советизации Синьцзяна и присоединении его к советским районам Китая» [Там же. С. 317].

Данные маневры Кремля преследовали цель ослабить внимание Нанкина к Синьцзяну, стабилизировать отношения и заручиться лояльностью Национального правительства к политике СССР в Восточном Турке-

стане. Курс Чан Кайши был основан на идее защиты суверенитета, объединения и возрождения Китая, что требовало от Национального правительства отстаивания своих прав на Синьцзян. С точки зрения лидера ГМД, советское присутствие в Восточном Туркестане было эквивалентно японской оккупации Маньчжурии [13. С. 146]. Однако и в Москве, и в Нанкине понимали, что Гоминьдан не имеет достаточных военных сил и политического влияния на окраинах республики, чтобы противодействовать СССР. Дипломатические маневры должны были служить прикрытием советского проникновения в Синьцзян. Кроме того, это позволило бы Чан Кайши сохранить свой политический авторитет. Последнее имело важное значение для Москвы, поскольку в условиях продолжавшейся гражданской войны в Китае, угрозы поражения КПК и нарастающей угрозы со стороны Токио эскалация напряженности в отношениях с Гоминьданом была крайне невыгодной для Кремля.

С 1934 г. СССР продолжал расширять свое присутствие в Синьцзяне так же, как и в других пограничных районах, где Москва имела повышенное влияние. Кремль стремился привести к власти в Северо-Западном Китае контролируемый режим. Реализация этого курса осуществлялась посредством четырех основных механизмов. Первым было официальное военное присутствие. Советские войска неоднократно использовались для поддержки Шэн Шицая в 1933–1934 гг. и позднее, в 1937 г. В их задачу входило подавление мятежей, с которыми Урумчи не мог справиться самостоятельно. Второй механизм был тесно связан с предыдущим. Он предполагал постоянное пребывание в Синьцзяне группы советских советников. С их помощью в провинции была организована структура органов госбезопасности, образцом для которой послужил НКВД СССР. С одной стороны, это позволяло стабилизировать положение урумчинского правительства, а с другой – создавало мощный инструмент для сбора разведданных и управления внутриполитическими процессами в регионе. Третий – идеологический механизм – заключался в корректировке пропаганды китайских властей, обращении к лозунгам национального и социального равенства, популярным среди тюркских народов Синьцзяна. Шэн Шицай позиционировал свой курс как защищающий интересы местного населения, в противовес проханьской политике Нанкина. В то же время это давало Москве возможность задействовать в Синьцзяне аппарат Коминтерна для продвижения коммунистических идей. Четвертым рычагом укрепления советского влияния в Синьцзяне была переориентация его экономики на СССР [14. P. 154–155]. Этот механизм заслуживает особого внимания в силу исключительной важности для политики Москвы в отношении не только Урумчи, но и Нанкина.

Основные направления сотрудничества СССР с Синьцзяном были определены в начале 1935 г. специальной комиссией во главе с Л.М. Кагановичем, сформированной Политбюро ЦК ВКП(б). 22 марта 1935 г. Политбюро рассмотрело и утвердило предложения, подготовленные комиссией Кагановича [1. С. 62]. Первый пункт в комплексе реализуемых СССР мероприятий посвящался вопросам внешней торговли. В структуре торгового оборота незначительно преобладали импортные операции. Среди ввозимых товаров предпочтение отдавалось хлопку, шерсти, коже, живому скоту и другой сырьевой продукции, необходимой советской промышленности. Для синьцзянских коммерсантов предусматривались льготы и кредитование под низкий процент. В граничащих с Восточным Туркестаном регионах были организованы осенние ярмарки. НКИД поручалось снизить визовые пошлины для лиц, проживавших в Синьцзяне (одноразовой визы с 5 до 2 руб., многоразовой – с 30 до 10 руб.) [Там же. С. 63–64]. Кроме того, в 1934 г. Урумчи были предоставлены займы в размере 5 млн руб., а в 1937 г. – 15 млн [14. P. 154]. Для оздоровления экономики и укрепления провинциальной валюты также было предложено провести балансирование бюджета. С этой целью предусматривались сокращение затрат в административной и военной отраслях, централизация налоговых операций, реконструкция местного банка, ужесточение борьбы с фальшивомонетничеством.

В предложениях комиссии также были затронуты вопросы развития промышленности и транспорта региона. Планировалась организация автосообщения между СССР и Синьцзяном, увеличение грузоперевозок с использованием речной сети региона. В части товарного кредита регулировались вопросы поставок СССР оборудования для строящихся и реконструируемых в Синьцзяне промышленных объектов. В 1935 г. за счет СССР на Северо-Западе Китая были начаты геологоразведочные работы. В первую очередь это касалось поисков месторождений олова, вольфрама и молибдена [1. С. 64]. Кроме того, в районе Туншанцзы, недалеко от южной границы Джунгарии, были открыты богатые залежи нефти. Быстрыми темпами там был построен нефтеочистительный завод, способный перерабатывать 50 тыс. т сырья в год [14. P. 154]. В 1938 г. результатом поисковой работы стало обнаружение месторождений нефти вблизи г. Шихо. Для их освоения было создано смешанное советско-синьцзянское общество «Синьцзяннефть» [1. С. 66].

Укреплению контактов Москвы и Урумчи также способствовало принятое 11 сентября 1935 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о предоставлении для синьцзянской молодежи в рамках особой квоты 15 мест в учебных заведениях Казахстана и Узбекистана, готовивших специалистов в области сельского хозяйства. В июне 1936 г. было дополнительно выделено 100 мест на административно-юридических факультетах вузов Средней Азии. В дальнейшем эта практика еще более расширилась. Всего в 1930-е гг. образование в СССР получили около 30 тыс. выходцев из Синьцзяна [Там же. С. 68].

К 1937 г. политика Кремля в отношении Синьцзяна дала свои результаты. Северо-запад Китая отчетливо вошел в сферу советского влияния. Авторитет и власть Национального правительства Чан Кайши оказались в регионе минимальны, в то время как позиции Москвы существенно окрепли. Был запущен процесс постепенной интеграции Восточного Туркестана в экономику центрально-азиатских республик СССР.

Европа, США и Япония, также имевшие стратегические интересы на Дальнем Востоке, наблюдали за действиями Москвы. Мировые информационные агентства регулярно выходили с сообщениями о событиях в Синьцзяне. Преобладающим мотивом этих публикаций являлось обвинение Советского Союза в попытке «советизации» региона с целью его отторжения от Китайской Республики. Увеличение такого рода заявлений отчетливо прослеживается в 1935 г., что соответствует росту политической активности СССР в регионе.

31 августа 1935 г. «Фар Истерн Сервей» поместила на своих страницах статью, повещенную анализу экономических отношений СССР и Синьцзяна. В публикации указывалось, что объем их внешней торговли за 1934 г. по сравнению с 1933 г. сократился в ценностном выражении на 2/3, тогда как по тоннажу советский экспорт в Синьцзян увеличился. Это объяснялось падением цен. По итогам первого квартала 1935 г. относительно аналогичного периода 1934 г. экспорт из Синьцзяна упал с 1,3 млн руб. до 527 тыс., в то время как импорт увеличился с 60 тыс. до 823 тыс. руб. [15. Л. 118]. Такая структура торгового баланса, по мнению «Фар Истерн Сервей», не была выгодна для Урумчи. Синьцзян оказывался в зависимости от советского импорта, тогда как доля региона во внешнеэкономической деятельности СССР оставалась незначительной (3,5% в 1933 г, 1,6% в 1934 г.) [Там же. Л. 117].

Военное взаимодействие Москвы и Урумчи также не осталось без внимания прессы. 25 июля 1935 г. Бюллетень японской военной миссии в Тяньцзине заявил об увеличении числа советских военных советников при дубане с 2 до 5 чел., окончании прокладки автодороги Урумчи–Хами, строительстве авиационных ремонтных мастерских в Хами, Урумчи и Чанши [Там же. Л. 116]. 13 августа того же года Тяньцзинский корреспондент «Демпо Цусин» сообщил о создании в Синьцзяне при помощи СССР 15 аэродромов [Там же. Л. 113].

Однако некоторые статьи носили откровенно провокационный характер, а представленная в них информация не соответствовала действительности. Так, в январе 1935 г. японское агентство «Кокуцу» распространило информацию, согласно которой «только в районе Или имеется около 26 тыс. регулярных войск, а в районе между Или и Урумчи расположено 10 тыс. войск» [16. Л. 72]. Несколько позже «Маньчжурия Дейли Ньюс» опубликовала еще менее реальные цифры, сообщив, что «в различных пунктах Синьцзяна расположены отряды Красной Армии в количестве 110 тыс. человек, включая 8 тыс. в Урумчи» [15. Л. 62]. Такого рода заявления в целом негативно отражались на советско-китайских отношениях. Представляя советское присутствие в Синьцзяне как доказательство экспансионистской политики Кремля, они преследовали цель сформировать в международном общественном мнении отрицательное отношение к СССР, усилить недоверие Нанкина к Москве.

В рассматриваемый период европейские державы и США искали средство направить агрессию Токио на север против СССР, обезопасив таким образом собственные коммерческие интересы в Поднебесной и Юго-Восточной Азии. Япония могла использовать информацию в прессе как предлог для оправдания наращивания собственной группировки в Маньчжурии. Результатом этого стало появление в 1935 г. целого ряда пропагандистских публикаций. В частности, 3 марта газета «Бейпин кроникл» сообщила, что «препятствия, чинимые иностранцам в Синьцзяне, есть неоспоримый факт» [Там же. Л. 68]. С конца марта по начало мая заявления о фактическом отделении Синьцзяна от Китайской Республики и его переходе под контроль советской Красной Армии сделали агентства «Морнинг Пост», «Ригаше Рундшау» и «Ассошиэйтед пресс» [Там же. Л. 66, 70, 75]. 25 сентября того же года японская газета «Мияко» в передовице отмечала, что «независимость Синьцзяна является большой победой для СССР, который издавна прилагал все усилия к большевизации этой провинции» [Там же. Л. 123].

Однако западные аналитики не отрицали существенного влияния «японского фактора» на политику СССР. Подробно на вопросе о причинах, побуждавших СССР проникать в Синьцзян, сконцентрировался журналист «Таймс» П. Флеминг. В статье от 16 декабря 1935 г. он утверждал, что присутствие советских военных советников при ставке дубаня являлось противовесом проникновению в Урумчи военной миссии Квантунской армии и окружению коммунистической Монголии. Флеминг также не исключал возможности использования СССР Восточного Туркестана в качестве пути сообщения с китайскими Красными Армиями в Западном Китае [17. Л. 17]. Развивая свою мысль в публикации от 18 декабря 1935 г., автор отмечал, что Москва не нуждается в интенсивной советизации или оккупации Синьцзяна, поскольку имела достаточное влияние в регионе при сохранении формальной подчиненности провинциального правительства Нанкину. Подтверждение наличия политических мотивов в действиях Кремля Флеминг видел в низкой экономической эффективности взаимодействия Москвы и Урумчи. По мнению журналиста, «СССР расходовал на Синьцзян гораздо более того, что он получал из Синьцзяна». При этом Флеминг ссылался на стоимость содержания «двух консульств с большим штатом и нескольких крупных торговых агентств», а также на «обильные расходы на секретную службу» [Там же. Л. 18]. Ранее аналогичная мысль была высказана А. Дюбоском в статье от 19 ноября 1935 г. для французской газеты «Тан»: «Нет сомнения, что действия Японии в Маньчжурии в сильной степени подстрекнули другие державы к экспансии на ДВ. Англичане утвердились в Тибете, а СССР попытался сделать то же самое в Синьцзяне» [Там же. Л. 11]. Таким образом, при резком и в целом недоброжелательном отношении к активной политике Москвы в Северо-Западном Китае журналисты ведущих информационных агентств того времени признавали, что советское военное и экономическое присутствие регионе было продиктовано государственными интересами СССР.

С началом летом 1937 г. японо-китайской войны позиции Советского Союза в Синьцзяне еще более окрепли. По емкому выражению журнала «Чайна эт Уор», подвергшись агрессии и столкнувшись с опас-

ностью утраты суверенитета, «Китай обратился к своему черному ходу» [18. Л. 297]. Синьцзян стал транзитным регионом в начатой СССР операции «Z» – программе широкомасштабной помощи Народно-Революционной армии (НРА). После блокады японскими войсками морского побережья дорога Сары-Озек–Урумчи–Ланьчжоу[4] стала основной линией для транспортировки в Китай техники, оружия и боеприпасов из СССР. Только в 1937–1938 гг. суммарный объем перевозок превысил 10 тыс. т, а к концу 1941 г. составил около 30 тыс. т различных грузов и 5 тыс. чел. [20]. Параллельно для перегона самолетов, доставки специалистов и срочных отправлений была создана авиационная трасса Алма-Ата–Ланьчжоу. Поскольку бесперебойное авто- и авиасообщение обеспечивалось советскими специалистами, а поставки военных материалов осуществлялись за счет кредитов СССР, Москва получила дополнительный рычаг давления как на Нанкин, так и на Урумчи.

Более того, перед СССР открывалась возможность постепенного проникновения за пределы Синьцзяна, в соседние провинции. В частности, в статье шанхайского корреспондента «Нью-Йорк Таймс» от 5 апреля 1938 г. было представлено подробное описание обстановки в конечном пункте магистрали, связывавшей СССР и Китай. Со слов группы англичан, посетивших Ланьчжоу, корреспондент отметил, что за время войны город превратился в важный центр снабжения Китая оружием из СССР через провинцию Синьцзян: «В хороший порядок приведена дорога Урумчи–Ланьчжоу, которая до войны не была пригодна для регулярных перевозок. <…> Построено 5 аэродромов, на которые прибывают советские самолеты. По подсчетам живущих в Ланьчжоу иностранцев, в Китай через Ганьсу за время войны прибыло 300–400 советских самолетов. <…> В городе много советских и китайских летчиков и инструкторов-механиков. Они свободно разгуливают по улицам и очень свободно тратят деньги. <…> Коммунисты с согласия местных властей свободно ведут среди населения работу, призывая народ к сопротивлению Японии» [21. Л. 37–38].

В ситуации, когда японские ВВС господствовали в небе Китая, а сухопутная группировка при поддержке ВМФ развивала наступление вдоль береговой линии, блокируя порты и устанавливая свой контроль над крупнейшими промышленными центрами страны, Чан Кайши был вынужден мириться с распространением советского влияния в Восточном Туркестане. Эта уступка гоминьдановского правительства Москве была продиктована зависимостью боеспособности НРА от закупок военных материалов на внешнем рынке. Кроме того, руководство Гоминьдана рассчитывало на неизбежность конфликта между СССР и Японией, и следовательно, конфронтация с северным соседом не была выгодна для Чан Кайши. Сохранение советского присутствия в Синьцзяне не представляло такой опасности, как потеря потенциального союзника в противостоянии с Токио.

Что касается Шэн Шицая, то он также был заинтересован в благожелательном отношении Москвы, поскольку Кремль оказывал его режиму прямую силовую поддержку. Это выражалось в помощи по пресечению мусульманских антиправительственных выступлений в провинции. Так, в апреле–сентябре 1937 г. в операции на территории Китая были задействованы Ошская и Нарынская кавалерийские группы военнослужащих Среднеазиатского военного округа (по два полка – Красной Армии и НКВД) общей численностью 2 692 чел., усиленные 12 единицами бронетехники и артиллерией [2. С. 37]. В их задачи входило подавление мятежа уйгур под руководством М. Сичжана, поддержанного 36-й дунганской дивизией. Однако и после успешной ликвидации повстанческих формирований советские войска находились в Синьцзяне до середины января 1938 г., обеспечивая Шэн Шицаю дополнительную гарантию сохранения власти [Там же. С. 40].

Сложившийся баланс сил в интересах СССР, ГМД и синьцзянской администрации Москва использовала в собственных интересах. Увеличивался объем товарооборота между СССР и Синьцзяном. Согласно данным, опубликованным в статье Сунь Жунюаня «Синьцзянский вопрос» для декабрьского номера журнала Тяньшань за 1934 г., уже на тот период времени СССР принадлежало 80% торгового оборота провинции, внутреннему Китаю – 15%, Индии и другим странам – только 5% [16. Л. 102]. Это достаточно красноречиво говорило о том, насколько торговля Синьцзяна контролировалась СССР. Параллельно с ростом экономической интеграции в Восточном Туркестане возрастало число советских советников.

В 1938 г. Национальное правительство Китая обратилось к Москве с просьбой о строительстве авиасборочного предприятия на своей территории. Проект был реализован уже в конце 1940 г. В короткий срок в районе г. Хами (по другим данным – в 40 км от Урумчи) приступил к работе самолетостроительный завод № 600, ориентированный на сборку истребителей типа И-16 [22. С. 234]. В основном производстве было задействовано 67 специалистов из СССР. При заводе работали электростанция, кислородная и ацетиленовая станции, топливная база, подсобное хозяйство, компрессорная, кузница, литейная мастерская и другие элементы инфраструктуры, обеспечивавшие вспомогательные процессы. На 1941 г. предприятию был определен план по сборке 143 истребителей И-16. К 6 августа того года завод выпустил 71 самолет [Там же. С. 236]. По данным, представленным в исследовании Дж. Гарвера, охрану завода осуществляло подразделение РККА численностью 1,5 тыс. чел., имевшее на вооружении 20 танков. Это позволило СССР усилить свое присутствие в регионе [14. P. 161].

Кроме того, в 1940 г. Советскому Союзу удалось добиться расширения прав в сфере разработки месторождений полезных ресурсов в Синьцзяне. 26 августа 1940 г. Шэн Шицай подписал «соглашение о добыче», передававшее преимущественное право освоения запасов «вспомогательных минералов» сроком на 30 лет совместной советско-синьцзянской компании. Контроль над деятельностью указанной организации осуществляла Москва [Ibid. P. 162].

Таким образом, следует констатировать, что на протяжении 1931–1940 гг. СССР проводил политику активного экономического и политического проник-

новения в Синьцзян с целью скрытой «советизации» региона. Комплекс мероприятий, предполагавший оказание силовой поддержки режиму Шэн Шицая, пребывание в Урумчи миссии военных советников, активную интеграцию провинции в систему внешнеэкономических связей СССР, сопровождавшийся идеологической работой в армии и среди гражданского населения, позволил Москве временно включить Восточный Туркестан в зону своего влияния. Несмотря на то, что с 1939 г. основное внимание НКИД было обращено к событиям в Европе, а значение Синьцзяна в обеспечении национальных интересов в области обороны и безопасности СССР на Дальнем Востоке стало постепенно снижаться, Москва сохраняла позиции в Северо-Западном Китае вплоть до начала 1940-гг. Точкой отсчета для последующего изменения баланса сил в регионе послужило начало в 1941 г. Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане.

Примечания

[1] Дубань – с 1924 г. официальное наименование должности провинциальных губернаторов Китая, объединявших в своих руках гражданскую и военную власть.
[2] Подробнее о периоде установления в Синьцзяне режима Шэн Шицая см.: [6].
[3] О группе полковника Паппенгута и других подробнее см.: [9].
[4] Подробнее о реализации операции «Z» и функционировании автотрассы Сары-Озек–Урумчи–Ланьчжоу см.: [19].

Список источников

1. Гасанлы Дж.П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949) / пер. с азерб. Ф. Гаджиева. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2016. 360 с.
2. Мильбах В.С., Павлович С.Л. 1937-й: тайный бросок в Синьцзян // Военно-исторический журнал. 2018. № 11. С. 36–40.
3. Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М. : Вост. лит., 2005. 712 с.
4. Север А. Спецназ КГБ. Гриф секретности снят! М. : Яуза ; Эксмо, 2012. 800 с.
5. Бармин В.А. Советская и зарубежная печать о соперничестве Советского Союза и великих держав в Синьцзяне в 1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80), т. 2. С. 26–30.
6. Бармин В.А. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1931–1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 6. С. 91–103.
7. Окороков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М. : Вече, 2013. 336 с.
8. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М. : Весь Мир, 2013. 704 с.
9. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М. : Центрополиграф, 2007. 559 с.
10. Паршев А.В., Степаков В.Н. Когда началась и закончилась Вторая мировая. М. : Яуза ; Эксмо, 2007. 576 с.
11. Русско-китайские отношения в XX в. : материалы и документы / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2010. Т. 3: Советско-китайские отношения, сентябрь 1931 – сентябрь 1937. 861 с.
12. Мировицкая Р.А. Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутриполитической стабильности в Китае // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне : сб. материалов науч. конф., организованной Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом международных исследование МИД КНР. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 18–29.
13. Галенович Ю.М. Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2008. 372 с.
14. Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1988. 301 p.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 60.
16. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 19.
17. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 25.
18. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 380.
19. Волкова И.В. Автотрасса «Z» в организации советской помощи Китаю в 1937–1941 гг. // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния : материалы VI заочной Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск, 27–31 октября 2014 г. / под ред. Н.Л. Глазачевой, О.В. Залесской. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. С. 10–15.
20. Горбачев Б.Н. Москва и Пекин: плечо к плечу в кровавых битвах // Независимое военное обозрение. 2011. 30 сент. URL: http://nvo.ng.ru/history/2011-09-30/14_china.html (дата обращения: 06.02.2017).
21. ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 249.
22. Мухин М.Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930–1940-е годы // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 234–236.

References

1. Hasanly, J.P. (2016) *Sin'tszyan v orbite sovetskoy politiki: Stalin i musul'manskoe dvizhenie v Vostochnom Turkestane (1931–1949)* [Xinjiang in the orbit of Soviet politics: Stalin and the Muslim movement in East Turkestan (1931–1949)]. Translated from Azeri by F. Hajiyev. 2nd ed. Moscow: FLINTA.
2. Milbakh, V.S. & Pavlovich, S.L. (2018) 1937-y: taynyy brosok v Sin'tszyan [1937: a secret advance into Xinjiang]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 11. pp. 36–40.
3. Nepomnin, O.E. (2005) *Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka* [History of China: The Qing Dynasty. The 17th – early 20th century]. Moscow: Vost. lit.
4. Sever, A. (2012) *Spetsnaz KGB. Grif sekretnosti snyat!* [The KGB special forces. The seal of secrecy has been lifted!]. Moscow: Yauza; Eksmo.
5. Barmin, V.A. (2013) Sovetskaya i zarubezhnaya pechat' o sopernichestve Sovetskogo Soyuza i velikikh derzhav v Sin'tszyane v 1930-kh gg. [Soviet and foreign press about the rivalry between the Soviet Union and the great powers in Xinjiang in the 1930s]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-2(80). pp. 26–30.
6. Barmin, V.A. (1999) Sin'tszyan v istorii sovetsko-kitayskikh otnosheniy v 1931–1934 gg. [Xinjiang in the history of Soviet-Chinese relations in 1931–1934]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6. pp. 91–103.
7. Okorokov, A.V. (2013) *V boyakh za Podnebesnuyu. Russkiy sled v Kitae* [In the battles for the Celestial Empire. The Russian trace in China]. Moscow: Veche.
8. Lukin, A.V. (2013) *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations]. Moscow: Ves' Mir.

9. Balmasov, S.S. (2007) *Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae* [White emigrants in military service in China]. Moscow: Tsentropoligraf.
10. Parshev, A.V. & Stepakov, V.N. (2007) *Kogda nachalas' i zakonchilas' Vtoraya mirovaya* [When did World War II start and end?]. Moscow: Yauza; Eksmo.
11. Tikhvinskiy, S.L. (ed.) (2010) *Russko-kitayskie otnosheniya v XX v.: materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the twentieth century: materials and documents]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
12. Mirovitskaya, R.A. (2012) Sovetskiy Soyuz i Kitayskaya Respublika. 1930-e gody, problemy vnutripoliticheskoy stabil'nosti v Kitae [Soviet Union and Republic of China. The 1930s, problems of internal political stability in China]. In: *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy vo Vtoroy mirovoy voyne* [The role of the USSR and China in achieving victory in World War II]. Moscow: RAS. pp. 18–29.
13. Galenovich, Yu.M. (2008) *Dva generalissimusa: I.V. Stalin i Tszyan Chzhunchzhen (Chan Kayshi)* [Two generalissimos: I.V. Stalin and Jiang Zhongzheng (Chiang Kai-shek)]. Moscow: RAS.
14. Garver, J.W. (1988) *Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism*. New York; Oxford: Oxford University Press.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 60.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 19.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 25.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 380.
19. Volkova, I.V. (2014) Avtotrassa "Z" v organizatsii sovetskoy pomoshchi Kitayu v 1937–1941 gg. [Highway "Z" in the organization of Soviet aid to China in 1937–1941]. In: Glazacheva, N.L. & Zalesskaya, O.V. (eds) *Rossiya i Kitay: aspekty vzaimodeystviya i vzaimovliyaniya* [Russia and China: aspects of interaction and mutual influence]. Blagoveshchensk: BSPU. pp. 10–15.
20. Gorbachev, B.N. (2011) Moskva i Pekin: plecho k plechu v krovavykh bitvakh [Moscow and Beijing: shoulder to shoulder in bloody battles]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 30th September. [Online] Available from: http://nvo.ng.ru/history/2011-09-30/14_china.html (Accessed: 6th February 2017).
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 249.
22. Mukhin, M.Yu. (2004) Sovetskiy aviazavod v Sin'tszyane. 1930–1940-e gody [Soviet aircraft factory in Xinjiang. 1930–1940s]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 5. pp. 234–236.

***Сведения об авторах*:**
Волкова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, методист факультета среднего профессионального образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: mlee1992@mail.ru
Иванов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и права Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: sir.vv-ivanov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Irina V. Volkova – PhD in History, Methodist Department of Secondary Vocational Education, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation). E-mail: mlee1992@mail.ru
Valery V. Ivanov – PhD in History, Assosiate Professor at the Department of History, Philosophy and Law, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation). E-mail: sir.vv-ivanov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 31.01.2019; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 94(47).065. “1741/1743”
doi: 10.17223/19988613/79/15

Русско-шведская война и французская дипломатия в первые годы правления Елизаветы Петровны (1741–1743 гг.)

Елизавета Михайловна Чедурова[1], Михаил Александрович Киндинов[2]

[1] Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия, chedurova@mail.ru
[2] Майминская средняя общеобразовательная школа № 1 им. Н.А. Заборского, Манжерок, Республика Алтай, Россия, Shikotus@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена русско-шведской войне 1741–1743 гг. Исследуются причины конфликта между Россией и Швецией. Рассматривается военная кампания на территории Финляндии 1742 г. Особое внимание уделяется анализу международной ситуации. Выявляется вмешательство французской дипломатии в русско-шведские отношения. Сделан акцент на деятельности послов Франции в России маркиза де ла Шетарди и шевалье Л. д'Альона.
Ключевые слова: Россия середины XVIII в., русско-шведская война, русско-французские отношения, маркиз И.-Ж. Т. де ла Шетарди, шевалье Л. д'Альон

Для цитирования: Чедурова Е.М., Киндинов М.А. Русско-шведская война и французская дипломатия в первые годы правления Елизаветы Петровны (1741–1743 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 123–131. doi: 10.17223/19988613/79/15

Original article

The Russian-Swedish war and the French diplomacy in the first years of board of Elizabeth Petrovna (1741–1743)

Elizaveta M. Chedurova[1], Mikhail A. Kindinov[2]

[1] Gorno-Altai State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation, chedurova@mail.ru
[2] Mayminskaya secondary school No. 1 n.a. N.A. Zaborsky, Altai Republic, Russian Federation, Shikotus@mail.ru

Abstract. The history of Russia of the 18th century is unique, as it is the era of the state formation. History of the 18th century poses many problems for the researcher, but also contains the answers to many questions of our time. In particular, this relates to the foreign policy of Russia and its relations with the European states.

Russia as a state was formed in regular military conflicts and the expansion of borders at the expense of neighboring territories. Sweden is a neighbour with which bilateral relations have a history of conflict. Throughout the XVIII century, two states regularly fought with each other, starting with the Northern War (1700-1721). Territorial disputes were supplemented by geopolitical contradictions in international relations of the middle of the XVIII century.

The aim of the research is to study the role of French diplomacy in the Russian-Swedish war of 1741-1743. The objectives of the study are to identify the relationship between Russian-Swedish and Russian-French diplomatic relations in the middle of the 18th century, to study the course of the Russian-Swedish war of 1741-1743 and trace the evolution of Russian-French relations in the period of 1741-1743.

The study is based on the analysis of archival documents from the funds of the Russian State Historical Archive (RGIA) and the Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Attention is paid to the study of published sources contained in the collections of the Imperial Russian Historical Society (SIRIO), as well as memoir sources. In addition to documentary materials, the emphasis is on the study of historical literature on the issue.

Sweden, weakened by the defeat in the Northern War, continued to claim the role of a regional power. Its policy was determined by the struggle of two parties: “hats” and “caps”, reflecting the interests of France and Russia. In an attempt to capitalize on Russia’s internal political crisis, Sweden declared war in 1741. The bottom line was to distract its neighbor from participating in the parallel pan-European war for the Austrian legacy.

Military operations showed that the Swedish army was not able to fight the Russian one. Victories gained by Field Marshal P.P. von Lassi forced the Swedish side to negotiate and conclude the Abo peace in 1743, which confirmed the conditions of Nishtad.

French diplomacy made every effort to take advantage of the palace coup in favor of Tsarevna Elizaveta Petrovna in 1741. A “Franco-Prussian party” was formed in Russia, led by Lestock, who played a significant role in the early

© Е.М. Чедурова, М.А. Киндинов, 2022

years of Elizabeth Petrovna's reign. Despite her love for France, the empress placed the interests of the state above her own. French diplomats were unable to participate in the negotiations in Abo. By 1743, the influence of the "Franco-Prussian party" began to weaken.
The policy of Louis XV, the opposite of the geopolitical interests of France and Russia, led to a cooling of bilateral relations, as Russia and France were not ready for a diplomatic union with each other.
Keywords: Russia the middle of the XVIII century, the Russian-Swedish war, the Russian-French relations, I.-Zh. T. de La Chetardie, L. D'Alion

For citation: Chedurova, E.M., Kindinov, M.A. (2022) The Russian-Swedish war and the French diplomacy in the first years of board of Elizabeth Petrovna (1741-1743). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 123–131. doi: 10.17223/19988613/79/15

Европа за свою тысячелетнюю историю пережила множество войн. Не стал исключением и XVIII в., в течение которого европейский континент сотрясали военные конфликты, эпизодически возникавшие локально в разных уголках или охватывавшие его практически полностью. Так, в 1740 г., в связи с кончиной императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга и непризнанием прав на трон его дочери эрцгерцогини Марии-Терезии, началась война за Австрийское наследство (1740–1748). Ведущие державы разделись на два противоборствующих лагеря: с одной стороны, Франция, Испания и Пруссия, с другой – Австрия, Великобритания и Голландия. Разгоревшийся общеевропейский конфликт не обошел стороной и Российскую империю, которая в результате победы над Швецией в Северной войне (1700–1721) заняла одно из главенствующих мест в так называемой Утрехтской системе международных отношений [1. С. 133], определявшей положение дел в Европе. Одним из показателей возросшего значения России являются заключенные ею союзные договоры с европейскими государствами. К моменту начала войны за Австрийское наследство такие двусторонние договоры были заключены с Австрией (1726) и Пруссией (1740), причем каждая из них рассчитывала на военную помощь со стороны Российской империи. Россия не спешила вмешиваться в общеевропейский конфликт. Тому было несколько причин; одной из них стала война, объявленная Швецией России 24 июля 1741 г. и продлившаяся до 1743 г. Ее особенностью были не сами накопившиеся проблемы во взаимоотношениях двух стран, а их тесное вплетение в международную обстановку и влияние, оказываемое ими на геополитический расклад сил в Европе середины XVIII в. Кроме того, спецификой военного конфликта было значительное влияние на него со стороны третьих стран, в первую очередь Франции, чьи интересы переплетались одновременно с интересами и России, и Швеции. Результаты войны оказали влияние как на русско-шведские, так и на русско-французские дипломатические связи. Изучение двусторонних отношений, процесса их выстраивания и влияния на них международной обстановки в условиях геополитического кризиса актуально и в наше время. Именно в них кроются ответы на многие современные вызовы, на их примере можно понять, как и на каких принципах Россия должна выстраивать взаимоотношения со странами ближнего и дальнего зарубежья.

Русско-шведская война 1741–1743 гг. по сей день продолжает привлекать внимание исследователей. Ход боевых действий и проведение кампаний были реконструированы еще в досоветской литературе [2, 3]. Но и современные историки не оставляют ее без внимания [4, 5]. Непосредственно вмешательство французской дипломатии в ход войны и проводимых русско-шведских переговоров также не остались в тени как отечественных, так зарубежных исследователей [6–9]. Также этот вопрос не обходят стороной и в биографических трудах, посвященных императрице Елизавете Петровне [10–12]. Дополнительный материал, который позволяет раскрыть изучаемую тему более полно, можно почерпнуть из работ, посвященных русско-шведским и русско-австрийским отношениям рассматриваемого периода [13–17]. Несмотря на то, что поднимаемую проблему уже исследовали многочисленные историки, все еще остается ряд белых пятен, на которые стоит обратить особое внимание.

Противоречия между двумя странами сохранялись со времен окончания Северной войны и подписания Ништадского мира 1721 г. И это несмотря на то, что граф М.П. Бестужев-Рюмин, российский дипломат и посланник в Стокгольме (1731–1741), сумел в августе 1735 г. продлить русско-шведский оборонительный союз, который был заключен в 1724 г., еще на 12 лет. Против продления данного союза выступал французский посол Кастедж. Шведское общество фактически разделилось на две части: сторонников России (умеренных) и ее противников. Кастедж создал сильную партию, преимущественно из молодежи, «опьяневшей от французского вина, – как говорил глава русской партии граф И.Л. фон Горн, – а также среди дам». Графиня Ливен, графиня де ла Гарди и баронесса Будденброк отличались жаром своих французских симпатий, тогда как в противоположном лагере едва ли не одна графиня Бонд привлекала к себе поклонников [8. С. 93]. Однажды графиня де ла Гарди, упрекая одного господина, имевшего неосторожность принадлежать к умеренным, сказала ему сгоряча: «Вы настоящие колпаки!» Стоявший около графини молодой офицер подтвердил ее слова, прибавив: «А мы шляпы!» [18. С. 52]. При наличии подобных настроений в 1736 г. на выборах победила партия «шляп», враждебных России, а после сейма 1739 г., проходившего в Стокгольме, отношение Швеции к России становилось все более неприязненным, тем более что большая часть министров нового правительства выступала за войну. Эти настроения также подогревались извне, со стороны ведущих держав Европы, в первую очередь Франции. Так, на выборах в сейм, проходивших в 1738 г., российский кан-

дидат Пальмфельд получил всего 140 голосов, а французский кандидат Телэн – подавляющее большинство. В тайной комиссии, состоявшей из 50 членов, М.П. Бестужев-Рюмин мог рассчитывать на преданность лишь пяти или шести человек. «Новый французский посланник граф де Сен-Северен явно брал верх», – констатировал польский историк К.Ф. Валишевский [8. С. 94]. Современник происходивших событий вышеупомянутый граф И.Л. фон Горн в своих записках в ярких красках изложил интриги французского дипломата: «Я близко видел начало и развитие интриг французского двора по поводу этого дела. Граф А.-Л. А. де Сен-Северен, тогдашний французский посланник в Швеции, в 1748 г. бывший полномочным министром на Аахенском конгрессе, не жалел ни усилий, ни денег, чтоб овладеть умами, а всем известно по опыту всех времен и всех стран, какой сильный рычаг деньги, особенно в правлении конституционном. Граф легко приобрел себе огромную партию в государственном сейме, и партия эта, которою он управлял по своему произволу, имела такой перевес, что сенаторы, предпочитавшие тишину мира весьма шатким выгодам новой войны с Россией, значительно усилившейся после поражения Карла XII, были уволены в отставку, и им было формально объявлено, что, несмотря на их верную службу, сейм не имел более доверия к их управлению» [19. С. 515]. В инструкции М.-А. де Бонуалю маркизу де Ланмари, сменившему в 1741 г. заболевшего графа де Сен-Северена, Ж.-Ж. Амело де Шиллу, статс-секретарь по иностранным делам, подробно изложил деятельность последнего и не преминул его расхвалить: «Король не может достаточно похвалить прекрасный образ действия графа Сен-Северена, старавшегося укрепить такое благоприятное расположение умов шведской нации и просветить ее еще больше относительно причин, которые должны побуждать ее вполне рассчитывать на дружбу короля и во всякое время предпочитать союз с ним союзу со всякой другой державой. Он сумел понравиться и королю шведскому (Фредрику I Гессенскому), и новому министерству...» [Там же].

О сути политики Франции в Швеции говорится и в «Записке, служащей инструкцией маркизу де ла Шетарди...», написанной в Компьене в июле 1739 г. Король Людовик XV, «возвышая и поддерживая Швецию, видит в ней единственное на Севере государство, дружба с которым может быть полезна и постоянна. В этих самых видах, в продолжение нынешнего сейма государственных чинов в Стокгольме, король не только заключил со Швецией трактат о субсидиях, но и употреблял все усилия, чтобы удалить из правительства в Швеции всех лиц, которые известны были своей преданностью Англии и России». Далее из текста записки становится понятно предназначение совершаемых действий: «...именно этому можно приписать ее (России. – *Е.Ч., М.К.*) решимость не давать более императору обещанного вспоможения и через то не остаться без своих лучших войск, как это делалось в три предыдущие кампании, когда это было можно по случаю совершенной безопасности» [18. С. 90].

Из текста обеих записок очевидно, что министерство иностранных дел Франции однозначно оставляло за своим северным союзником роль орудия в своих руках, а выплачиваемые ею субсидии лишний раз подчеркивали зависимое положение скандинавской страны. В ожидании назревавшего конфликта кардинал Э. де Флери, епископ Фрежюский, воспитатель и первый министр короля Людовика XV, учитывая опыт предыдущих лет, заблаговременно решил подготовить «шведскую карту», чтобы использовать ее в нужное время. Дело в том, что Швеция, как и Турция к началу 1740-х гг., благодаря стараниям дипломатов и политике самого кардинала де Флери оказалась в сфере влияния Франции [5. С. 347]. Заинтересованность в разжигании войны на Севере проявил и ее союзник Фридрих II Прусский, который ничуть не скрывал от Г.-Л.-А. маркиза де Валори, французского посла в Берлине, цель своей политики. «Предупреждаю, что трактат наш рассыплется в прах, если вы не одержите полного успеха в Стокгольме, – шантажировал король дипломата, – ни на каких других условиях я не соглашусь быть союзником вашего короля» [10. С. 216–217]. В 1741 г., согласно секретному договору между Францией и Пруссией, первая должна была побудить Швецию к началу военных действий против России. На французский след указывал и М.П. Бестужев-Рюмин, в своем известии из Стокгольма о начале войны подчеркивая, что «событие непосредственно последовало за прибытием французского курьера из Парижа» [18. С. 55].

Опасения кардинала были очевидны и не беспочвенны, так как сложившаяся в 1740 г. обстановка в Европе и позиция России с подачи вице-канцлера А.И. Остермана не оставляли другого выхода. 2 декабря 1740 г. А.И. Остерман высказал правительнице Анне Леопольдовне предложение следовать союзу с Австрией. Ситуация усугубилась отставкой фельдмаршала Б.Х фон Миниха 3 марта, и мнение «настоящего государя всея России» Остермана, политика с проавстрийской ориентацией, стало подавляющим. В апреле 1741 г. Россия определилась со своей позицией, сделав выбор в пользу Австрии. В конце мая был разработан план военных действий для русской армии [17. С. 283–284]. Приготовления России не могли не волновать Берлин и Париж. Король Пруссии Фридрих II в беседе с французским послом Ш.-Л.-О. Фуке герцогом де Бель-Илем 16 апреля высказывал в связи с этим серьезные опасения. Для того чтобы успокоить прусского монарха, маршал Франции обещал вторжение в Ингерманландию 15-тысячной шведской армии, которая «станет надежным барьером для Пруссии». В свою очередь, о приготовлениях Стокгольма в Санкт-Петербург доносил австрийский резидент Т. Антивари [17. С. 283].

Для выполнения своих союзнических обязательств и в стремлении вернуть утраченные в ходе Северной войны земли (1700–1721) Швеция 24 июля объявила войну России. Данное событие возымело свое действие. В связи с начавшейся русско-шведской войной Россия 19 сентября 1741 г. официально отказалась от оказания военной помощи Австрии до окончания военных действий. Несмотря на это, по мнению историка С.Г. Нелиповича, правительство А.И. Остермана было готово исполнить союзнический долг и планировало военную операцию против Пруссии на зиму–

весну 1742 гг. Этим планам не суждено было сбыться, так как 25 ноября 1741 г. цесаревной Елизаветой Петровной был совершен дворцовый переворот при непосредственной поддержке французского посла маркиза Ж.-И. де ла Шетарди. В связи с этим прусский историк Й.Г. Дройзен отмечал: «Франция, одержала на Неве блестящую дипломатическую победу» [17. С. 290–291].

Если на дипломатическом фронте Версаль добился значительных успехов, опережая соперников, то на военном положение было кардинально противоположным. В свое время граф Т.А. де Лалли-Толендаль, французский дипломат и военачальник, посетивший Россию в 1737–1738 гг., в записке на имя кардинала Э. де Флери в мае 1738 г. в негативных красках описывал плачевное состояние Швеции. «При нынешних обстоятельствах Швеция подает разительный пример своего бессилия, и я не наобум уверяю вашу эминенцию, – писал Лалли, – что во власти России подавить Швецию в продолжение 10 лет, не обнажая меча» [18. С. 83]. Прогноз сделанный Лалли-Толендалем в 1738 г., в полной мере оправдал себя. Уже 20 августа 1741 г. шведская армия генерала К.Э. фон Левенгаупта потерпела сокрушительное поражение при Вильманстранде от русской армии под командованием генерал-фельдмаршала графа П.П. фон Ласси. Война, обещавшая быть быстрой, затянулась, активные боевые действия сменились позиционными.

Зимой–весной 1741–1742 гг. стороны постоянно обменивались локальными военными действиями при участии малочисленных отрядов. Сведения о передвижениях российских и шведских войск за этот период содержатся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) [20–26]. В шведскую Финляндию совершались удачные походы небольшими отрядами казаков, в частности казаков под командованием полковника Серебрякова и бригадира И. Краснощекова, знаменитого казачьего походного атамана, который отличался невероятной силой и свирепостью, наводившего ужас на шведов и финнов [10. С. 158]. Зачастую шведская армия не могла своевременно оказывать сопротивление, так как была расквартирована в крепостях, в частности в Нейшлоте [21; 22. Л. 6–7]. Так, 5 марта донские казаки «в неприятельской земле без всякого от неприятеля препятствий до 140 дворов сожгли и добычею почили немало скота» [22. Л. 6]. 7 марта в результате действий казаков сожжено около 240 дворов. Ситуация доходила до того, что казацкие части ходили свободно по шведской территории и доходили до Нейшлота со стратегически важной крепостью Олафсборг севернее Вильманстранда (современный финский город Савонлинна). 8 марта 1742 г. генерал-фельдмаршал граф П.П. Ласси отправил отряд в составе двух гренадерских рот под командой майора Шинвина и донских казаков подполковника Абикина, которые «к 8 числу на рассвете учинили на осажденного неприятеля приступ и которого при помощи всемогущего Бога и Высочайшем Ея Императорского Величества счастии разбили». В результате сражения в плен были взяты со шведской стороны 1 поручик, 1 прапорщик, 3 унтер-офицера, 24 рядовых солдат, 74 мужика, имевших ружья, и убитыми 315 солдат. Потери со стороны русской армии составили: 1 барабанщик, 1 казак, ранено 3 казацких старшины и 9 казаков [Там же. Л. 7]. Сражение является показательным, так как оно олицетворяет обстановку, сложившуюся на линии фронта. Боевые действия и сражения в Финляндии во многом похожи на него.

Шведская сторона не оставалась в долгу. Генерал Х.Х. фон Киндерман доносил от 15 апреля 1742 г., что отправленный им отряд из 50 казаков возвратился 7 апреля, но неприятеля они не встретили, так как за сутки до них шведский отряд покинул пределы России. Казаки проникли в пределы Финляндии на 20 верст до деревни Верцово. Взятого в деревне в плен мужика отправили в Кексгольм к генерал-майору В.В. Фермору [23. Л. 66].

Специальные меры предпринимались для защиты русских границ от вторжения шведских войск. Одной из таких мер стало направление отряда генерал-майора Х.Х. фон Киндермана в район Новой Ладоги для организации тракта от Олонца до Ладоги и расположения магазинов с провиантом при содействии гусарских полков и донских казаков. Несмотря на предпринятые меры, согласно донесению генерал-майора Фермора от 16 апреля 1742 г., шведским отрядом было совершено нападение на деревню Саерла [Там же Л. 67]. В донесениях говорилось об участившихся случаях бегства финского населения на территорию России. В апреле 1742 г. был создан отряд под командованием шведского капитана Левинга, состоявший из трехсот конных и пехотинцев. Капитан Левинг отвечал за полон и возвращение беглого мужского населения во Фридрихсгам (по-фински Хамина) [24. Л. 6].

Основываясь на архивных данных, можно прийти к выводу, что на территории Финляндии шведская армия не располагала крупными военными соединениями, в частности вблизи российской границы. Наиболее крупный корпус был расквартирован во Фридрихсгаме: два полка пешей и конной гвардии, – а также в окрестностях города располагались оставшиеся воинские части [Там же. Л. 2]. Генерал-фельдмаршал граф П.П. фон Ласси принял решение о нанесении основного удара именно по военному гарнизону, находившемуся во Фридрихсгаме. 8 марта 1742 г. из Выборга были выдвинуты дивизия генерал-аншефа Дж. Кейта, пять рот конной гвардии, гренадерские полки. Узнав о наступлении русской армии, шведские гарнизоны начали отступление в направлении города. При отступлении на реках и переправах сжигали мосты, которые необходимо было вновь восстанавливать для продвижения русской армии [25. Л. 1 3]. Спустя четыре месяца, 19 июля 1742 г., граф П.П. Ласси в рапорте сообщал о бегстве из Фридрихсгама шведской армии генерала К.Э. Левенгаупта, которая покинула крепость и отступила к Борго, разоряя по пути финские деревни, жители которых в большинстве бежали под защиту русских отрядов. Путь к крепости Нейшлот оказался открытым, тем более что в городе, по донесению перебежчиков, оставалась только одна рота Абоского полка. Было принято решение отправить туда генерала барона У.-Ф. В. фон Левендаля, генерал-майора графа Брюса с двумя драгунскими – Невским и

Олонецким – полками и походного атамана Ефремова. Кроме того, из Кексгольма от полковника Хрущева к Нейшлоту должны были выдвинуться донские казаки атамана Поздеева, гарнизонная рота гренадеров с офицером, владеющим немецким языком [26. Л. 3]. Шведские войска покинули Нейшлот и Борго, и вся шведская Финляндия была занята русской армией без сопротивления. Генерал Ж.-Л. Буске, сменивший на посту главнокомандующего шведской армией генерала К.Э. фон Левенгаупта, капитулировал и покинул Финляндию.

К концу 1742 г. ситуация для Швеции усугубилась. В декабре 1742 г. поступило донесение Хагеммана, жителя г. Або, в котором тот сообщал, что, находясь в Стокгольме, о подготовке для продолжения войны с Россией в высших кругах он не слышал. Он описывал плачевную картину состояния шведской армии и то, что в прибывших в Стокгольм из Финляндии полках было много больных солдат, и зимой немало из них умерло [20. Л. 24–24 об.].

В таких условиях продолжать военные действия для Швеции было бессмысленно и, более того, крайне опасно. Война завершилась подписанием мирного договора 16 июня 1743 г., «малое лихолетье» [14. С. 137] осталось позади. Переговоры проходили в г. Або на берегах Ботнического залива. Россию представляли барон И.Л. фон Люберас, граф А.И. Румянцев, А. Неплюев и генерал-прокурор князь Н.Ю. Трубецкой, которые поддерживали курс «франко-прусской партии» при дворе. В частности, вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин так характеризовал И.Л. фон Любераса, посла России в Стокгольме: «...по всем своим натуральным склонностям добрый швед и француз... Вместо Любераса в Швецию отправить не соблаговолить, то и рассуждаю, что всегда прибыточнее будет россиянина дурака да верного подданного, нежели иноземца изменника в такое важное дело употребить...» [27. С. 30]. Остальные представители вызывали у него не больше оптимизма.

В шведскую делегацию входили барон Э.М. фон Нолькен и граф Г. фон Цедеркрейц. Эрик Матиас фон Нолькен (1694–1755) – опытный дипломат, хорошо знавший Россию, принимал участие в Алландском конгрессе (1718–1719), в 1725–1726 гг. в составе посольства Й. Седеръельма побывал на берегах Невы, а с 1738 по 1741 г., заменив Й. фон Диттмера, представлял интересы Швеции в России. Впоследствии его дело продолжил сын Юхан Фредрик, который занимал эту должность при Екатерине II с 1773 по 1788 г. [28. Vol. 2. P. 186–187]. К началу переговоров его авторитет и влияние в стране пошатнулись, как сообщал Хагеман, «Нолькен не в кредите состоит» [20. Л. 24–24 об.]. Герман фон Цедеркрейц (1684–1754) – политик и дипломат, неоднократно посещавший Россию. С 1722 по 1727 г. исполнял обязанности посланника при русском дворе. После окончания русско-шведской войны 1741–1743 гг. и нормализации отношений между двумя странами возглавил посольство Швеции в России (1744–1745) [28. Vol. 1. P. 172–173]. Таким образом, видно, что на переговоры в Або с обеих сторон были отправлены опытные дипломаты, знающие проблемы во взаимоотношениях между двумя странами и нацеленные на поиски взаимовыгодного компромисса.

На протяжении всей военной кампании Франция не оставляла воюющие стороны без своего внимания. Более того, она предложила себя в качестве посредника на переговорах, что было согласовано со шведской стороной, но данное предложение было отвергнуто Россией [7. С. 72–75; 9. С. 249–251]. Вопрос о посредничестве достоин отдельного подробного исследования. Остановимся на рассмотрении ряда принципиально важных моментов, связанных с деятельностью французских дипломатов в России.

Маркиз Ж.-И. Т. де ла Шетарди, сыграв определенную роль в дворцовом перевороте 25 ноября 1741 г. и будучи приближенным к императрице, вовлеченным в формирование ее первого правительства, увяз в российской политике, как в болоте [11. С. 150], и не смог повлиять на ход русско-шведских переговоров. Летом 1742 г. он покинул Россию, а его место занял первый секретарь посольства шевалье Луи д'Юссон д'Альон, находившийся в этой должности с конца 1736 г. Перед прибытием в Россию шевалье был секретарем посольства в Турции. Он хорошо знал русский язык. Первый раз он посетил Россию в последние годы правления Петра I в составе посольства графа Ж.-Ж. де Кампредона. Учитывая эти обстоятельства, министр Амело возлагал большие надежды на д'Альона, считая его способным заменить маркиза Шетарди и добиться успехов в налаживании русско-французских отношений, в частности навязать французское посредничество в русско-шведских переговорах [29. P. 283–388]. Несмотря на отказ от посреднических услуг, неутомимый дипломат не раз предлагал свою помощь в примирении воюющих держав. 5 ноября 1742 г. он сообщал в Париж, что канцлер А.М. Черкасский в очередной раз отказался от участия Франции в переговорах между Россией и Швецией [30. С. 414–419]. На этом д'Альон не остановился: продолжая поддерживать тесные отношения с лейб-медиком графом И.Г. Лестоком, графом О.Ф. фон Брюммером, гофмаршалом Великого князя Петра Федоровича, он находился в курсе почти всех дел. В частности, лейб-медик приписал себе идею отправить вторым комиссаром для переговоров со шведами генерала Любераса, столь неугодного вице-канцлеру. Также он сообщал, что отношения с генерал-прокурором стали налаживаться ввиду того, что Н.Ю. Трубецкой с ним стал весьма любезен [Там же. С. 431]. Учитывая сложившуюся обстановку и необходимость постоянно вести переговоры с обеими сторонами, Д'Альон для координации действий вел регулярную переписку как с Нолькеном, так и с французским послом в Стокгольме маркизом Ланмари. В письме от 3 декабря 1742 г., отправленном из Москвы к последнему, он сообщал о своей занятости хлопотами в пользу герцога Цвайбрюкенского, кандидата на трон Швеции. Поскольку он не мог открыто противодействовать кандидатуре герцога Голштинского, он соблюдал крайнюю осторожность. Более того, он сообщал Ланмари о своих соображениях о том, что Елизавета Петровна, возможно, согласится на мир на прежних условиях Ништадского мира [Там же. С. 435–437].

Для понимания причин двойственного поведения французской дипломатии стоит обратить внимание на то, что Швеция занимала особое место во французской внешней политике, и ее ослабление повлекло бы падение французского влияния в регионе. Поэтому необходимо было исправлять сложившуюся ситуацию. И здесь на помощь французской дипломатии пришла сама императрица Елизавета Петровна, настоявшая на условиях, приемлемых для шведской стороны, но также устраивающих и русскую сторону [16. С. 5]. Таким условием было избрание наследником шведского трона принца Адольфа-Фридриха Гольштейн-Готторпского, епископа Любского, вместо герцога Гольштейн-Готторпского Петра Ульриха, которого желали видеть сами жители [20. Л. 24–24 об.]. Кандидатура епископа Любского устраивала и Францию, король Людовик XV был готов содействовать защите его интересов, о чем Амело сообщал 24 декабря 1742 г. д'Альону. При этом министр высказал надежду на сближение Франции и России в связи с провозглашением принца Гольштейн-Готторпского наследником российского престола [30. С. 453–456]. Данное условие Амело подтвердил и в разговоре с князем А.Д. Кантемиром, русским послом во Франции, состоявшемся в феврале 1743 г., уверив последнего, что маркизу Ланмари в Стокгольме будет предписано не противодействовать планам царицы, успех которых ускорит водворение мира на Севере; в связи с этим и д'Альон был вынужден согласовывать свои действия с Ланмари [Там же. С. 510–514].

Из этого единодушия видно желание прекратить войну, ставшую обузой для всех заинтересованных сторон, что делало их готовыми идти на компромисс. Более того, примирение открывало новые возможности для развития трехсторонних отношений. На первый план выдвинулась идея союза России и Швеции. Французские дипломаты не остались в стороне. Шевалье д'Альон уже 20 июля 1743 г. писал в Стокгольм Ланмари, что «Франция всеми силами должна стремиться к участию в этом договоре, прежде всего надо предоставить действовать Швеции». Об этом же сообщал ему из Парижа сам Амело [31. С. 43–50]. При этом министр остужал своего подчиненного, который, как и его предшественник маркиз де ла Шетарди, увлекся возникшим вопросом. Амело со свойственной ему осторожностью и недоверчивостью относительно отношений с Россией вновь рекомендовал д'Альону не спешить в вопросе русско-шведского союза, а во всем советоваться и согласовывать свои шаги с маркизом Ланмари [Там же. С. 67]. В ответе на меморию маркиза де ла Шетарди и его замечания к инструкции, которая готовилась для его возвращения в Россию, министр был более категоричен.

Маркиз, остававшийся не у дел после возвращения в Париж, продолжал интересоваться вопросами, касающимися России, поэтому, как только у него появился шанс вновь заявить о себе, он не преминул им воспользоваться и развил активную деятельность. Так, в августе 1743 г. он написал для правительства Франции два документа. В составленной им мемории от 2 августа он дал анализ отношений, сложившихся в результате заключения мира между Россией и Швецией, и указал, как Версаль мог использовать достигнутые результаты в своих интересах. «...Голштинский двор является звеном, соединяющим русский престол со шведским. Франции предстоит укрепить эту связь и извлечь из нее наибольшие выгоды. Продолжать выплачивать субсидии Швеции, иначе ее привлекут другие... – размышлял Шетарди. – Россия же несравненно способнее произвести диверсию, благоприятную для Франции, нежели Швеция. Личная симпатия Елизаветы Петровны облегчает сближение России и Франции...» Далее маркиз приходит к мысли о том, что «ввиду особой важности договора с Россией следовало бы постепенно привлечь к нему Швецию, Польшу и Порту... Франция явилась бы, таким образом, узлом всеобщего единения и установила бы систему, которой так добивался Петр I, а следовательно, не чуждую его дочери...» Но высказанные идеи дипломата не были поддержаны в Версале; более того, первый секретарь министерства иностранных дел дю Тейль в своих замечаниях к мемории назвал союз с указанными государствами смешным [Там же. С. 52–58]. Несмотря на жесткую реакцию со стороны руководства, маркиз не оставлял своих идей. Так, в замечаниях к проекту инструкции от 31 августа он вновь вернулся к теме: «Заключение мира между Россией и Швецией могло бы послужить поводом для предложения царице союза со Шведами. Другие державы могли бы также присоединиться к нему...» Ответ министра был короток: «Нельзя» [Там же. С. 71–75].

Современные шведские историки считают, что «шляпы» отделались легким испугом» и территориальные уступки были незначительны [13. С. 268; 15. С. 136], что вполне подтверждается последовавшими событиями после подписанного мира в Або. В том же 1743 г. русская армия и флот выступили в поддержку Швеции против претензий, предъявленных Данией на шведский трон в пользу их претендента [2. С. 100; 3. С. 268–269]. Генералу Дж. Кейту, возглавлявшему российский корпус в Швеции, Елизавета Петровна дала секретный указ, согласно которому русская армия не должна была принимать активных боевых действий вне пределов страны. «Ежели король шведский требовать будет дабы вам с находящимся под вашей командой войском в Норвегии действительно против датчан идти, в таком случае надлежит вам ответствовать, что вы с тем войском наиглавнейше для содержания у них шведов внутренней тишины присланы, – писала Елизавета Петровна 23 сентября 1743 г. – А в дальнейший поход против датчан неотписавшись идти отважится не можете, и о том вам писать к нам и ожидать Указа, и сей Указ вам в таком высшем секрете содержать, дабы датчане о сем отнюдь проведать не могли и для того вам сего Указа никому из подчиненных своих не объявлять» [32. Л. 14]. Данным демаршем императрица демонстрировала свое влияние на дела Северной Европы и укрепляла отношения между Россией и Швецией, стремясь при этом не рассориться с Данией и сохранить межгосударственные дипломатические отношения, не доводя их до серьезного обострения. Кроме того, не участвуя в боевых действиях армия сохраняла жизни своих солдат.

События 1741–1743 г. показывают, что Елизавета Петровна продемонстрировала не только незаурядные дипломатические способности, устанавливая мир у северных границ своей страны, но и дальновидность политика, просчитывающего свои действия на несколько ходов вперед. Незначительные территориальные приобретения являлись главным тому свидетельством. Они устроили как Швецию, так и Францию, так как ее союзник не понес серьезных территориальных потерь, которые могли бы подорвать экономику страны и привести к потере остатков влияния в Балтийском регионе. В условиях Абоского мира прослеживается еще одна черта, свойственная русской императрице: она не забывала оказанных ей услуг. Это как нельзя точнее характеризуют слова самой Елизаветы Петровны по поводу приобретенных земель: «Лучше нам оставить за собою малое, да нужное, а шведам уступить большее и им полезное, а нам ненужное». Трудно не согласиться с мнением историка Н.И. Павленко о том, что «это была завуалированная расплата за неоказанные Швецией услуги императрице» [12. С. 122].

Отношения России с ее северным соседом в середине XVIII в. испытывали влияние со стороны Франции, и наоборот, отношения России и Франции выстраивались с оглядкой на Швецию. События первых лет царствования Елизаветы Петровны являются наглядным отражением этих процессов. Поражение в войне не ухудшило двусторонние отношения, более того, эффект оказался обратным. Стоит отметить, что период 1743–1745 гг. стал одним из немногих, когда взаимоотношения двух стран были не только спокойными, но и дружескими. Так, Адольф-Фредрик по прибытии в Стокгольм в качестве коронного наследника не преминул сообщить о «счастливом Его Высочества туда прибытии» Елизавете Петровне. Полковник Линген, привезший грамоту от Его Величества короля Швеции и королевского Высочества в подарок получил 1 000 червоных [33. Л. 58]· В бытность своего посещения Финляндии в 1752 г., уже в качестве короля, Адольф-Фредрик вновь извещал российскую императрицу об этом через полковника барона Стирнельда. Елизавета Петровна, в свою очередь, с поздравлениями направила полковника Мельгунова [34. Л. 23–24]. Более того, в 1745 г. был заключен оборонительный союз между странами, который подписан все теми же Нолькеном и Цедеркрейцем. Тайные статьи договора обязывали Швецию прийти на помощь как в случае действий в интересах голштинского герцога (т.е. против Дании), так и при возможных «беспорядках» в Польше. Союз с Россией 1745 г. принес шведскому правительству русские субсидии и возможность беспошлинно закупать большое количество зерна из Лифляндии [1. С. 137]. Э.М. фон Нолькен по случаю заключенного договора получил в подарок 3 000 руб., а покинувший Россию чрезвычайный посол барон фон Цедеркрейц – 8 000 руб. [33. Л. 109–111].

Важно отметить, что потепление между Россией и Швецией совпало с аналогичным периодом в русско-французских отношениях, который закончился в 1745 г. очередным обострением как в русско-французских, так и в русско-шведских дипломатических связях.

В середине XVIII в. одним из театров англо-французского противостояния была Балтика. Именно здесь решалась политическая судьба Европы, разделившейся на противоборствующие военные блоки и погрязшей в борьбе за Австрийское наследство. Швеция в 1741 г., под влиянием французской дипломатии и верная своим союзническим обязательствам, выступила против России.

Русско-шведская война 1741–1743 гг. оказала влияние на ход как международных отношений, так и внутренних процессов в самой России. Петр I, развязав в 1700 г. Северную войну, отвлек Швецию от участия в европейском конфликте из-за Испанского наследства (1701–1714) вследствие пресечения там правящей династии Габсбургов. В войне 1741–1743 гг. можно наблюдать обратную картину: на этот раз Швеция, являясь послушным орудием в руках французских политиков, связала руки России, которая уже была готова поддержать свою союзницу Австрию, где, в свою очередь, пресеклась прямая линия династии Габсбургов.

Русско-шведский конфликт стал поводом для дворцового переворота, совершенного 25 ноября 1741 г. дочерью Петра I цесаревной Елизаветой. Вступив на престол, Елизавета Петровна столкнулась с проблемой формирования нового курса внешней политики страны и необходимостью скорейшего завершения войны.

Дворцовый переворот открыл новые возможности в развитии русско-французских отношений, налаживании дружественных связей. Этому способствовали профранцузская ориентация новой императрицы, положение при дворе французского дипломата маркиза И.-Ж. Т. де ла Шетарди и сформированная «франко-прусская партия» во главе с лейб-медиком императрицы И.Г. Лестоком, целью которой было сближение с Францией и отдаление от Австрии [35. С. 139]. Франция, руководимая выдающимся политиком и государственным деятелем кардиналом Э. де Флери, не сумела извлечь выгоды из сложившейся благоприятной обстановки на севере Европы. Стремление поддержать интересы Швеции и при этом закрепить связи с Россией не дали ожидаемого результата. В Версале недооценили состояние России и ее влияние в Балтийском регионе. Желание Елизаветы Петровны на равных участвовать в европейских делах осталось без должного внимания. В свою очередь, императрица не смогла резко и однозначно изменить курс внешней политики, переориентировать Россию с австро-английского на франко-прусский альянс. Ключевым словом, характеризующим период с 1741 по 1743 г. в русско-французских отношениях, является «недоверие». Иначе говоря, Россия и Франция не были готовы к союзу.

Русско-шведская война закончилась подписанием в 1743 г. Абоского мира, по которому Швеция подтвердила условия Ништадского мира 1721 г. и передала России часть Финляндии по реке Кюмени. Хотя «русско-шведский конфликт оказался всего лишь разменной монетой в большой европейской политике» [4. С. 78], он выполнил свое предназначение. В последствии Фридрих II писал, что одним из факторов, обеспечивших его успех в Силезской войне, было именно нападение Швеции на Россию [36. С. 157].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что взвешенная политика Елизаветы Петровны, проводимая в отношении Швеции, опиравшаяся на жесткость и уверенность в своих силах, позволила Российской империи не только сохранить спокойствие на своих северных рубежах, укрепить свое влияние в Стокгольме, но и обратить внимание русской дипломатии на Запад.

Список источников

1. Санин Г.А. Геополитические факторы во внешней политике России во второй половине XVII – начале XVIII века и Вестфальская система международных отношений // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. М. : Наука, 2007. С. 104–136.
2. Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 599 с.
3. Шпилевская Н. Описание войны между Россиею и Швецией. СПб. : Тип. Якова Трея, 1859. 281 с.
4. Петрухинцев Н.Н. Трагедия «малой» войны // Родина. 1997. № 10. С. 77–82.
5. Широкорад А.Б. Северные войны России / под общ. ред. А.Е. Тараса. М. : АСТ, 2001. 848 с.
6. Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М. : Университетская тип., 1892. 469 с.
7. Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762 гг. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2010. 376 с.
8. Валишевский К.Ф. Царство женщин. СПб. : Лениздат, 2005. Т. 2. 272 с.
9. Валишевский К.Ф. Дочь Петра Великого. М. : Мир книги, 2007. 432 с.
10. Анисимов Е.В. Афродита у власти: царствование Елизаветы Петровны. М. : АСТ : Астрель, 2010. 605 с.
11. Лиштенан Ф.-Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М. : Астрель, 2012. 635 с.
12. Павленко Н.И. Елизавета Петровна. М. : Мир энциклопедий Аванта+ ; Астрель, 2008. 430 с.
13. Андерссон И. История Швеции / пер. со швед. Н.А. Каринцева. М. : Изд-во иностр. лит., 1951. 408 с.
14. Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 359 с.
15. Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции : пер. со швед. М. : Весь мир, 2002. 400 с.
16. Анисимов М.Ю. Россия и Швеция в середине XVIII века: от конфронтации к союзу // Отечественная история. 2004. № 6. С. 3–17.
17. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М. : Квадрига, 2010. 408 с.
18. Маркиз де ла Шетарди в России, 1740–1742 гг. / подгот. к изд. А.И. Цепковым. Рязань : Александрия, 2010. 560 с.
19. Гордт. Записки шведского дворянина // Древняя и Новая Россия. 1880. № 7. С. 509–569.
20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 108.
21. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 157.
22. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 158.
23. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 164.
24. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 159.
25. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 167.
26. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 171.
27. Архив князя Воронцова / под ред. П.И. Бартенева. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1871. Т. 2. 650 с.
28. Hofberg H., Heurlin F., Millqvist V., Rubenson O. Svenskt biografiskt handlexikon. Stockholm, 1906. Vol. 1, 2. URL: http://runeberg.org/sbh/ (дата обращения: 15.01.2016).
29. Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / avec une Introduction et des notes par A, Rambaud. Russie. Paris, 1890. Vol. 8. 500 p.
30. Донесения французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди и уполномоченного министра д'Альона французскому правительству и ответы министерства : с 12 декабря 1741 г. по 29 апреля 1743 г. : сборник Императорского Русского исторического общества. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1897. Т. 100. 587 с.
31. Донесения французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди и уполномоченного министра д'Альона : с 30 апреля 1743 г. по 11 января 1746 г. : сборник Императорского Русского исторического общества. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1897. Т. 105. 665 с.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1101. Оп. 1. Д. 79.
33. РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 86.
34. РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 88.
35. Киндинов М.А. Заграничная поездка вице-канцлера М.И. Воронцова по Европе 1745–1746 гг. как фактор формирования внешнеполитического курса России в царствование Елизаветы Петровны // Клио. 2016. № 1 (109). С. 137–144.
36. Собко Е.М. Участие России в войне за Австрийское наследство (1740–1748 гг.) // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 156–159.

References

1. Sanin, G.A. (2007) Geopoliticheskie faktory vo vneshney politike Rossii vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII veka i Vestfal'skaya sistema mezhdunarodnykh otnosheniy [Geopolitical factors in Russia's foreign policy in the second half of the 17th – early 18th centuries and the Westphalian system of international relations]. In: Tikhvinsky, S.L. (ed.) *Geopoliticheskie faktory vo vneshney politike Rossii. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka* [Geopolitical factors in Russia's foreign policy. Second half of the 16th – early 20th century]. Moscow: Nauka. pp. 104–136.
2. Ordin, K.F. (1889) *Pokorenie Finlyandii* [Conquest of Finland]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
3. Shpilevskaya, N. (1859) *Opisanie voyny mezhdu Rossieyu i Shvetsiey* [Description of the war between Russia and Sweden]. St. Petersburg: Tip. Yakova Treya.
4. Petrukhintsev, N.N. (1997) Tragediya “maloy” voyny [The tragedy of the “small” war]. *Rodina*. 10. pp. 77–82.
5. Shirokorad, A.B. (2001) *Severnye voyny Rossii* [Northern Wars of Russia]. Moscow: AST.
6. Bezobrazov, P.V. (1892) *O snosheniyakh Rossii s Frantsiey* [On the relations between Russia and France]. Moscow: Universitetskaya tip.
7. Cherkasov, P.P. (2010) *Elizaveta Petrovna i Lyudovik XV. Russko-frantsuzskie otnosheniya 1741–1762 gg.* [Elizabeth Petrovna and Louis XV. Russian-French relations 1741–1762]. Moscow: T-vo nauch. izdaniy KMK.
8. Valishevskiy, K.F. (2005) *Tsarstvo zhenshchin* [Kingdom of Women]. Vol. 2. St. Petersburg: Lenizdat.
9. Valishevskiy, K.F. (2007) *Doch' Petra Velikogo* [Daughter of Peter the Great]. Moscow: Mir knigi.
10. Anisimov, E.V. (2010) *Afrodita u vlasti: tsarstvovanie Elizavety Petrovny* [Aphrodite in Power: The Reign of Elizabeth Petrovna]. Moscow: AST: Astrel'.
11. Lishtenan, F.-D. (2012) *Elizaveta Petrovna. Imperatritsa, ne pokhozhaya na drugikh* [Elizabeth Petrovna. An Empress Like No Other]. Moscow: Astrel'.
12. Pavlenko, N.I. (2008) *Elizaveta Petrovna*. Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+; Astrel'.
13. Andersson, I. (1951) *Istoriya Shvetsii* [History of Sweden]. Translated from Swedish by N.A. Karintsev. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

14. Kan, A.S. (1999) *Shvetsiya i Rossiya v proshlom i nastoyashchem* [Sweden and Russia in the past and present]. Moscow: RSUH.
15. Melin, Ya., Johansson, A.V. & Hedenborg, S. (2002) *Istoriya Shvetsii* [History of Sweden]. Translated from Swedish. Moscow: Ves' mir.
16. Anisimov, M.Yu. (2004) Rossiya i Shvetsiya v seredine XVIII veka: ot konfrontatsii k soyuzu [Russia and Sweden in the middle of the 18th century: from confrontation to union]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 3–17.
17. Nelipovich, S.G. (2010) *Soyuz dvuglavykh orlov. Russko-avstriyskiy voennyy al'yans vtoroy chetverti XVIII v.* [Union of double-headed eagles. Russian-Austrian military alliance of the second quarter of the 18th century]. Moscow: Kvadriga.
18. Tsepkov, A.I. (2010) *Markiz de la Shetardi v Rossii, 1740–1742 gg.* [Marquis de la Chétardie in Russia, 1740–1742]. Ryazan: Aleksandriya.
19. Hordt. (1880) Zapiski shvedskogo dvoryanina [Notes of a Swedish nobleman]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 7. pp. 509–569.
20. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 108.
21. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 157.
22. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 158.
23. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 164.
24. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 159.
25. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 167.
26. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 20. List 1/47. File 171.
27. Bartenev, P.I. (ed.) (1871) *Arkhiv knyazya Vorontsova* [Prince Vorontsov's Archive]. Vol. 2. Moscow: A.I. Mamontov.
28. Hofberg, H., Heurlin, F., Millqvist, V. & Rubenson, O. (1906) *Svenskt biografiskt handlexikon*. Stockholm: [s.n.]. [Online] Available from: http://runeberg.org/sbh/ (Accessed: 15th January 2016).
29. France. (1890) *Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française*. Vol. 8. Paris: [s.n.].
30. Imperial Russian Historical Society. (1897a) *Doneseniya frantsuzskogo posla pri russkom dvore markiza de la Shetardi i upolnomochennogo ministra d'Al'ona frantsuzskomu pravitel'stvu i otvety ministerstva: s 12 dekabrya 1741 g. po 29 aprelya 1743 g.* [Reports of the French ambassador at the Russian court, the Marquis de la Chetardie and the authorized minister d'Allon to the French government and the responses of the ministry: from December 12, 1741 to April 29, 1743]. Vol. 100. St. Petersburg: M. Stasyulevich.
31. Imperial Russian Historical Society. (1897b) *Doneseniya frantsuzskogo posla pri russkom dvore markiza de la Shetardi i upolnomochennogo ministra d'Al'ona: s 30 aprelya 1743 g. po 11 yanvarya 1746 g*. [Reports of the French ambassador to the Russian court, the Marquis de la Chetardie and the authorized minister d'Allon: from April 30, 1743 to January 11, 1746]. Vol. 105. St. Petersburg: M. Stasyulevich.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1101. List 1. File 79.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1329. List 2. File 86.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1329. List 2. File 88.
35. Kindinov, M.A. (2016) Voyage of the Vice-Chancellor M.I. Vorontsov to Europe in 1745–1746 as a factor of formation of Russian foreign political course in the period of the reign of Elizabeth Petrovna. *Klio*. 1(109). pp. 137–144.
36. Sobko, E.M. (2006) Uchastie Rossii v voyne za Avstriyskoe nasledstvo (1740–1748 gg.) [Russia's Participation in the War of the Austrian Succession (1740–1748)]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 156–159.

***Сведения об авторах*:**
Чедурова Елизавета Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: chedurova@mail.ru
Киндинов Михаил Александрович – учитель истории и обществознания Майминской средней общеобразовательной школы № 1 им. Н.А. Заборского (Манжерок, Республика Алтай, Россия). E-mail: Shikotus@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Chedurova Elizaveta M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Gorno-Altai State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: chedurova@mail.ru
Kindinov Mikhail A. – Teacher of History and Social Studies, Mayminskaya secondary school No. 1 n.a. N.A. Zaborsky (Manzherok village, Altai Republic, Russian Federation). E-mail: Shikotus@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 19.01.2019; accepted for publication 07.09.2022

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 930.85; 002.2
doi: 10.17223/19988613/79/16

Книжная культура в фокусе исторической социологии

Дмитрий Владимирович Березняков[1], Сергей Васильевич Козлов[2]

[1] Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, bereznyakov@ngs.ru
[2] Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия, feld71@mail.ru

Аннотация. Разделяя тезис о теоретико-методологическом кризисе отечественного книговедения, авторы предлагают обратиться к ресурсам исторической социологии, позволяющей существенно обогатить исследовательскую оптику истории книги и книжной культуры. В статье делается акцент на возможностях инструментария анализа факторов исторического процесса, выделяющего технологические инновации и революции в качестве одной из «движущих сил истории».
Ключевые слова: книжная культура, книговедение, историческая социология, медийные революции, технологический детерминизм

Для цитирования: Березняков Д.В., Козлов С.В. Книжная культура в фокусе исторической социологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 132–137. doi: 10.17223/19988613/79/16

Original article

Book Culture in a Focus of Historical Sociology

Dmitry V. Bereznyakov[1], Sergey V. Kozlov[2]

[1] Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, bereznyakov@ngs.ru
[2] State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, feld71@mail.ru

Abstract. A number of scholars argue that bibliology in Russia is currently in the state of crisis. Its roots are not only in the conditions of the sources or databases that are growing rapidly due to the digitization of contemporary culture, but also in the theoretical and methodological foundations of the field itself which is centered around the book as a material artefact, that presupposes a descriptive approach. Such approach is consistent with quantitative and classification-based principles of document studies but does not view the book and book culture in a broader context of socio-historical dynamics of human societies. The current situation in the Russian bibliology is in contrast to the book studies field abroad which is focused on interdisciplinary synthesis and collaboration among those representing different strains in humanitarian thought.

Thus, the purpose of this article is to briefly discuss the role historical sociology can play in resolving the disciplinary crisis of the field of bibliology in Russia. From its origins to the present day, historical sociology has sought to explain social changes both on the macro level of long historical duration and on the micro level of the historical process. One of the key research goals at the heart of the plethora of its theoretical constructs and proposed explanatory models is to identify the factors of the historical process (moving forces of history), their mechanics and impacts on society.

The history of books and book culture necessitates focusing on the factor of technology and the factor of external influences which primarily manifest themselves in media revolutions. These revolutions radically transform culture's technological infrastructure creating conditions for appropriation of the donor's accomplishments by the user. But the focus on the technological factor of media revolutions should not be inflated in proportion to lead to technological

© Д.В. Березняков, С.В. Козлов, 2022

determinism. This happens when technologies are perceived not as one of the factors, but as a dominant factor of historical development and various inventions and innovations are viewed as capable to form new types of society, radically different from their predecessors, as is often the case in numerous versions of the theory of "information society."
Thus, a factorial analysis of the historical process allows us to consider book culture from within the framework of long historical duration and to identify both periods of radical cultural and technological transformations and their external appropriations and periods of relatively stable dynamics on the basis of accomplished breakthroughs and the acceptance of the new cultural practices by the society at large. Book culture in its turn now serves both as environment and a result of activities of various institutional and individual actors that can be conceived as a cohesive whole, structured by a communicative chain, which fixes the roles of these actors from the production of the text to its consumption.
Keywords: book culture, bibliology, historical sociology, media revolutions, technological determinism

For citation: Bereznyakov, D.V., Kozlov, S.V. (2022) Book Culture in a Focus of Historical Sociology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 132–137. doi: 10.17223/19988613/79/16

Исследование книжной культуры в исторической перспективе является устоявшимся исследовательским полем, внутри которого существуют различные школы и доминирующие концепции как в отечественной, так и в зарубежной научной традиции. Вместе с тем нельзя не отметить, что существующие в отечественном книговедении подходы зачастую делают акцент исключительно на саму книгу как материальный артефакт, что сужает исследовательские горизонты и исключает выявление значимых связей книжной культуры с другими важными факторами, обусловливающими историческое развитие. Ключевое определение книговедения, данное А.А. Беловицкой, как раз об этом: «Книговедение есть приведенное в систему научное знание о книге как объективном явлении социальной действительности – о природе и сущности книги, о логических и исторических процессах, формах и закономерностях ее существования, движения, развития и функционирования; метод получения нового знания о книге; способ организации результатов познания книги либо в теоретические компоненты и элементы книговедческого знания, либо в теоретически осознанные правила, приемы, процедуры, т.е. методики практической книговедческой деятельности в той или иной сфере книжного дела (книгоиздательского, книготоргового, библиотечного, библиографического) как способа существования реальной, действительной книги в ее книговедческой целостности» [1. С. 10].

Ряд авторов применительно к российской историографии говорят о серьезном методологическом кризисе в области теоретических исследований книжной культуры [2–4]. В частности, представители санкт-петербургской школы книговедения Д.А. Эльяшевич и В.А. Мутьев отмечают: «Исследовательское поле отечественного теоретического книговедения сегодня… формирует закрытую систему коммуникации, своего рода эхо-камеру, в которой информация циркулирует в рамках персонифицированной и иерархически выстроенной субкультуры консервативных "книговедов-документоведов", узкого круга единомышленников, зачастую являющихся носителями мифологического сознания – системы, внутрь которой проникают только тщательно отфильтрованные информационные потоки, подтверждающие лишь давно известные этим единомышленникам тезисы, зеркально отражающие постулаты советского книговедения (чрезвычайно плодотворного для эпохи планового бумажного книгопечатания и книгораспространения). Такое мифологическое сознание закономерно порождает мифологию вместо основывающейся на реальных фактах теории» [4. С. 45].

При этом если обратиться к ситуации в «трансатлантической» гуманитарной науке, то можно увидеть, как на протяжении последних десятилетий, начиная с 1980-х гг., история книги (*histoire du livre, history of books, Geschichte des Buchwesens*) постепенно трансформировалась в «книжные исследования» (*book studies*), которые как раз и характеризуются отчетливой тенденцией к междисциплинарной кооперации. Характеризуя этот проект, Т. Венедиктова отмечает, что «новая дисциплинарная конфигурация должна объединить усилия историков книги, историков культуры, историков искусства и историков-социологов, и для ее поддержки нужны учебные программы, организованные на новой теоретико-методологической основе. Задача эта столь же амбициозна, сколь и трудно решаема в нынешних условиях. Чем ощутимее в гуманитаристике антитеоретический крен, чем больше надежд возлагается на эмпирическое описание, тотальное сканирование и обсчет данных, тем острее чувствуется потребность в экспериментальной концептуализации разнородного, изобильного и постоянно разрастающегося материала: без теоретических обобщений невозможны ни продуктивные гипотезы, ни масштабные сравнения» [5. С. 338]. При этом автор специально оговаривает свое несогласие с тем, что зарубежные *book studies* можно рассматривать как синоним привычного отечественного *книговедения*.

Запрос на фундированные концептуальные обобщения и теоретические схемы нарастает в том числе вследствие стремительной цифровизации современных культурных индустрий и резкого роста баз данных, предполагающих адекватный им алгоритмический инструментарий, сопровождающийся подъемом нового цифрового технооптимизма. Однако в этой ситуации постепенно формируется и осознание того, что *сами по себе* массивы данных, будучи подвергнуты цифровой обработке, не генерируют ожидаемых новых теорий и концепций, но при этом оперативно включаются в практики управления и контроля со стороны корпоративного бизнеса и государства (наиболее яркий пример этого процесса – триумфальное шествие идеологии и практики внедрения электронного правительства в глобальном масштабе [6]), подпитывая новыми фактами аргументы уже цифровых технопесси-

мистов. Одна из последних версий цифрового технопессимизма – концепция «надзорного капитализма» Ш. Зубофф (см.: [7]).

Для преодоления отмечаемой исследователями изолированности отечественного книговедения от международной социально-гуманитарной ситуации, узости свойственного ему тематического спектра и консервативности используемого методологического аппарата очевидной является необходимость включения книговедческих штудий в более широкий контекст, который позволит сформировать такую исследовательскую оптику, которая бы опиралась на потенциал и достижения тех дисциплин, которые позволяют анализировать книжную культуру в разнообразных институциональных и символических контекстах.

В этой связи представляется перспективным обращение к ресурсам исторической социологии, которая в последние десятилетия становится как в России, так и за рубежом набирающим силу масштабным исследовательским проектом, в рамках которого разворачиваются исследования как на макроуровне исторической динамики, так и на микроуровне социальных явлений и взаимодействий [8–11].

Одним из возможных методологических подходов, активно используемых в рамках исторической социологии, который позволяет выявить значение книжной культуры в исторической динамике, является анализ факторов исторического процесса, который в российской науке представлен в первую очередь работами С.А. Нефедова [12–14]. С.А. Нефедов именует предлагаемый им подход «факторным анализом». Следует учитывать тот факт, что подобный термин закрепился за количественным методом, в рамках которого корреляции между большой совокупностью наблюдаемых переменных объясняются в терминах небольшого числа новых переменных, называемых факторами. Для избегания терминологических недоразумений мы будем именовать метод, используемый С.А. Нефедовым, анализом факторов исторического процесса.

Суть этого подхода заключается в выделении «движущих сил истории» [12. С. 10], которые определяют динамику развития обществ и цивилизаций в перспективе большой исторической длительности. В рамках подхода, предложенного С.А. Нефедовым, выделяются три основных фактора: демографический, технологический и фактор внешних влияний.

Демографический фактор включает в себя влияние роста населения на жизнь общества с характерными для него демографическими циклами и динамикой обеспеченности ресурсами. Наиболее разработанной теорией, анализирующей влияние этого фактора, является концепция демографических циклов, которая в 70–80-е гг. XX в. получила название «неомальтузианство». Один из ведущих представителей этого направления Фернан Бродель писал: «Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным» [15. С. 41].

Значимость технологического фактора обусловлена тем влиянием, которое оказывают великие открытия и происходящие на их основе технологические революции на социальную структуру и общественные отношения. Основной акцент действующие в рамках этого подхода исследователи делают на революциях в сфере военных технологий, что нашло свое выражение в знаменитой теории военной революции Майкла Робертса [16], получившей свое развитие в работах У. Мак-Нила [17], В.В. Пенского [18] и др.

И, наконец, третий фактор – фактор внешних влияний – во главу угла ставит диффузию инноваций, обусловливаемую многообразными контактами обществ между собой, происходящими в процессе войн, торговли и культурного обмена. Как отмечает С.А. Нефедов, «история отдельной страны в рамках этой концепции может быть представлена как история адаптации к набегающим с разных сторон культурным кругам, как история трансформации общества под воздействием внешних факторов, таких как нашествие, военная угроза или культурное влияние могущественных соседей» [12. С. 33].

Аналитическая оптика этого анализа предполагает, что книжная культура может быть рассмотрена в первую очередь в логике воздействия технологического фактора. Существующая литература, как мы отмечали выше, преимущественно делает акцент на военно-технологических инновациях и их роли в человеческой истории. Однако представляется, что не меньшее влияние на развитие обществ оказывают медийные революции [2]. В этой перспективе книга предстает как результат реализации медийных революций, а книжная культура – как институциализированные практики трансляции социально значимой информации.

В рамках анализа технологического фактора ключевой проблемой является то, как различные исследователи понимаются роль технологий в человеческой истории. Наиболее популярный подход принадлежит Торонтской школе медиаисследований, или школе технологического детерминизма. Как подчеркивает Е.Г. Дьякова, «с точки зрения сторонников Торонтской школы тип коммуникативной технологии определяет специфику *всех* общественных структур, включая экономические отношения и властные структуры. Иными словами, возможности власти целиком определяются возможностями соответствующей коммуникативной технологии, так что представительная демократия, например, появляется с изобретением печатного станка и утрачивает смысл с изобретением телевидения» [19. С. 33].

Наиболее известным представителем Торонтской школы был, как известно, Герберт Маршалл Маклюэн. Именно его широко известные воззрения являются примером доведенного до логического предела технологического детерминизма, в рамках которого коммуникативные технологии, с одной стороны, превращаются в своего рода доминирующую силу исторического развития, преобразуя окружающий социальный мир «под себя», а с другой – сами медиа, понятые как внешние расширения человека, рассматривают при этом самого человека как объект технологического

воздействия, а создаваемую им социальную реальность как тотально детерминируемую технологиями [20].

Таким образом, в рамках данного подхода утверждается, что медийные революции порождают новый тип коммуникативной технологии, которая носит тотальный характер в том смысле, что воздействует на все сегменты общества. Это позволяет современным представителям технологического детерминизма применительно к медийной революции, разворачивающейся на наших глазах, постулировать тезис о радикальной трансформации всех общественных отношений, которая приводит к рождению нового общества (медийная революция → новый тип коммуникативной технологии → новый тип общества). Ярким представителем этого подхода на современном этапе является Мануэль Кастельс, который выдвигает идею глобального сетевого общества, понимаемого им как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологиях» [21. С. 41].

По сути, в рамках технологического детерминизма исторический процесс всецело определяется доминированием технологического фактора, имеющего тотальное воздействие на общество и его институты, что, в свою очередь, позволяет его сторонникам противопоставлять различные типы общественного устройства на основе доминирующего технологического уклада.

Однако такой подход вызывает серьезную критику среди представителей исторической макросоциологии. Так, Майкл Манн, разрабатывая свою концепцию четырех источников социальной власти и сквозь ее призму анализируя человеческую историю, подчеркивал, что сверхпопулярные теории глобализации, футурологии и технологического детерминизма представляют собой своего рода аналог научной моды. «За громкими заявлениями теоретиков о том, что они якобы открыли фундаментальные изменения в обществе, нередко скрывается жажда почести и славы. Подобные, если можно так выразиться, гиперглобалайзеры заявляют, что глобализация привела к появлению общества, коренным образом отличающегося от прежнего. Иначе как “глобудой”… такие заявления не назовешь» [22. С. 4–5]. Иными словами, подход М. Манна демонстрирует критику редукционизма, когда воздействие многообразных факторов выносится за скобки, а акцент делается лишь на одном из них, которому предписывается универсальность.

Итак, отталкиваясь от логики анализа факторов исторического процесса, кратко охарактеризованного выше, книжную культуру можно рассматривать как исторический феномен, чья динамика во многом определяется медийно-технологическим фактором, напрямую связанным с внедрением инноваций. Однако необходимо подчеркнуть, что акцентирование роли медийных революций в трансформации книжной культуры должно учитывать нередуцируемость культурной динамики к динамике технологической. В противном случае исследователи могут оказаться в плену методологической иллюзии однофакторности исторического и культурного развития, когда достаточно найти «магический ключ», будь то технология (как в случае с Торонтской школой) или экономический базис (как в случае с марксизмом), при помощи которого можно «вскрыть» дотоле скрытую от глаз ученого базисную логику исторического процесса.

Использование историко-социологический подхода к книжной культуре поможет преодолеть как центрированность исследовательской оптики на одном факторе, так и свойственное отечественному книговедению рассмотрение истории книги в отрыве от истории культуры. Историческая социология рассматривает медийные революции как важнейший, но не единственный фактор, определяющий культурную динамику. Анализ книжной культуры как иерархической системы можно локализовать на двух взаимосвязанных между собой уровнях. На макроуровне действуют факторы, обусловливающие процессы большой исторической длительности, которые носят структурный характер и задают векторы исторического развития. Фактор медийных революций, безусловно, относится к одному из них. В свою очередь, на микроуровне исследователь имеет дело не с обезличенными институтами и процессами, а с индивидами и группами, социализированными во вполне конкретных культурных условиях и включенными в разнообразные горизонтальные сети взаимодействий. В конечном счете действуют в истории люди. Поэтому в центре исследований книжной культуры должны быть именно индивиды, производящие и потребляющие книгу, а не сама книга как материальный артефакт. Книжная культура может рассматриваться как сфера, в которой взаимодействуют различные акторы, производящие и потребляющие тексты. Иными словами, пространство книжной культуры носит структурированный характер, предполагающий наличие коммуникативной цепочки, определяющей коммуникации акторов внутри этой сферы. Таким образом, книга предстает здесь как вид медиа в цепи взаимодействий различных индивидов и групп, реализующих собственные и во многом исторически контекстуальные интересы.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что зафиксированный выше методологический кризис российского книговедения требует от профессионального исследовательского сообщества существенного обновления исследовательского инструментария, что, на наш взгляд, должно быть связано с активным включением в сферу книговедческих исследований достижений тех подходов, которые доказали свою плодотворность и перспективность при исторической реконструкции других сфер социальной реальности. В этом смысле представляется, что одним из значимых направлений является историческая социология, которая концептуализирует как структурные аспекты исторической динамики (макроуровень), так и конкретные механизмы социальных взаимодействий между акторами (микроуровень). Одним из подобных инструментов выступает анализ факторов исторического процесса, сквозь призму которого книжная культура может быть рассмотрена в длительной исторической перспективе как сфера, динамика которой определяется технологическими изменениями и заимствованиями культурных инноваций.

Список источников

1. Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение : учебник. М. : МГУП, 2007. 391 с.
2. Лизунова И.В., Павленко С.В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23.
3. Эльяшевич Д.А. Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 60–63.
4. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53.
5. Венедиктова Т. Новости из истории книги // Новое литературное обозрение. 2019. № 5 (159). С. 338–346.
6. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Повестка дня и информационное общество. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. 142 с.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.
8. Лахман Р. Что такое историческая макросоциология? М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 240 с.
9. Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 384 с.
10. Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2009. 412 с.
11. Травин Д.Я. Как государство богатеет : путеводитель по исторической социологии. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 400 с.
12. Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М. : Территория будущего, 2008. 752 с.
13. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ : в 2 т. М. : Территория будущего, 2010–2011.
14. Нефедов С.А. О факторах исторического процесса // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 89–95.
15. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. М. : Прогресс, 1986. Т. 1: Структуры повседневности. 624 с.
16. Roberts M. Essays in Swedish History. London, 1967. 358 p.
17. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технологии, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М. : Территория будущего, 2008. 456 с.
18. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М. : Яуза, 2010. 448 с.
19. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург : УрО РАН, 2002. 280 с.
20. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. 464 с.
21. Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
22. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. Т. 4: Глобализация, 1945–2011 годы. 672 с.

References

1. Belovitskaya, A.A. (2007) *Knigovedenie. Obshchee knigovedenie* [Bibliology. General Bibliology]. Moscow: MSUP.
2. Lizunova, I.V. & Pavlenko, S.V. (2020) Transformatsiya knigi v usloviyakh mediynykh revolyutsiy [Transformation of the book during media revolutions]. *Bibliosfera.* 1. pp 12–23.
3. Elyashevich, D.A. (2018) Knigovedenie: zhizn' posle smerti [Bibliology: life after death]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta*. 217. pp. 60–63.
4. Elyashevich, D.A. & Mutiev, V.A. (2021) Novoe knigovedenie: vzglyad v budushchee [New bibliology: a look into the future]. *Bibliosfera*. 1. pp. 43–53.
5. Venediktova, T. (2019) Novosti iz istorii knigi [News from the history of the book]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 159. pp. 338–346.
6. Dyakova, E.G. & Trakhtenberg, A.D. (2019) *Povestka dnya i informatsionnoe obshchestvo* [Agenda and Information Society]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
7. Zuboff, Sh. (2022) *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The era of supervisory capitalism. The battle for the human future on the new frontiers of power]. Moscow: The Gaydar Institute.
8. Lachmann, R. (2016) *Chto takoe istoricheskaya makrosotsiologiya* [What is historical macrosociology?] Moscow: Delo RANKhiGS.
9. Derlugyan, G. (2013*) Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this world works. Sketches on macrosociological topics]. Moscow: The Gaydar Institute.
10. Rozov, N.S. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody* [Historical macrosociology: methodology and methods]. Novosibirsk: NSU.
11. Travin, D.Ya. (2022) *Kak gosudarstvo bogateet : putevoditel' po istoricheskoy sotsiologii* [How the State Gets Richer: A Guide to Historical Sociology]. Moscow: The Gaydar Institute.
12. Nefedov, S.A. (2008) *Faktornyy analiz istoricheskogo protsessa. Istoriya Vostoka* [Factor Analysis of the Historical Process. The History of the East.]. Moscow: Territoriya budushchego.
13. Nefedov, S.A. (2010, 2011) *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz: v 2 t.* [History of Russia. Factor Analysis. In 2 vols]. Moscow: Territoriya budushchego.
14. Nefedov, S.A. (2019) O faktorakh istoricheskogo protsessa [On the factors of the historical process]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie – History and Modern Perspectives*. 1. pp. 89–95.
15. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm v XV–XVIII vekakh* [Material civilization, economy and capitalism in the 15th – 18th centuries]. Vol. 1. Moscow: Progress.
16. Roberts, M. (1967) *Essays in Swedish History*. London: [s.n.].
17. McNeill, W. (1982) *The Pursuit of Power. Technology Force and Society Since A.D. 1000*. The University of Chicago Press.
18. Penskoy, V.V. (2010) *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [The Great Firearms Revolution]. Moscow: Yauza.
19. Dyakova, E.G. (2002) *Massovaya kommunikatsiya i vlast'* [Mass communication and power]. Yekaterinburg: RAS.
20. McLuhan, G.M. (2003) *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English. Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole.
21. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [Communication Power]. Moscow: HSE.
22. Mann, M. (2018) *Istochniki sotsial'noy vlasti* [Sources of Social Power]. Vol. 4. Moscow: “Delo” RANKhiGS.

***Сведения об авторах*:**

Березняков Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной философии и политологии Института философии и права Новосибирского государственного университета; доцент кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: bereznyakov@ngs.ru

Козлов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН по научной работе (Новосибирск, Россия). E-mail: feld71@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Bereznyakov Dmitry V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Institute for Philosophy and Law, the Social Philosophy and Politics Section (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: bereznyakov@ngs.ru
Kozlov Sergey V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Deputy Director, The State Public Scientific and Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: feld71@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 28.07.2022; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 930+94
doi: 10.17223/19988613/79/17

Великая Французская революция в русской консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в.

Алексей Юрьевич Ковалев[1], Александр Викторович Юшников[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] akovalev1988@list.ru
[2] musaklio1980@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме освещения консервативными публицистами второй половины XIX – начала XX в. истории Великой Французской революции. Рассматривается опыт обращения к этой тематике консервативных публицистов эпохи «Великих реформ» Александра II, а также черносотенных публицистов начала XX в., выявляются основные сюжеты Великой Французской революции, актуальные для этих авторов, и анализируются их трактовки. Изучаются преемственность и различия в поднимаемых вопросах представителей разных этапов консервативного движения в дореволюционный период.
Ключевые слова: Великая Французская революция, консервативное движение, черная сотня, публицистика

Для цитирования: Ковалев А.Ю., Юшников А.В. Великая Французская революция в русской консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 138–143. doi: 10.17223/19988613/79/17

Original article

The Great French Revolution in Russian conservative journalism in the second part of the 19th – beginning of the 20th centuries

Alexey Y. Kovalev[1], Aleksandr V. Yushnikov[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] akovalev1988@list.ru
[2] musaklio1980@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to identify the possibility of continuity of the views of Russian conservative leaders of the era of Alexander II and conservative publicists of the period of social and political upheavals of the early 20th century on the history of the Great French Revolution. This choice is explained by the fact that turning to its history was an important part of their views and active journalistic activity, but at the same time, the experience of understanding the revolutionary events in France by representatives of the conservative camp of the second half of the 19th - early 20th centuries has not been sufficiently studied in historiography.

The sources of the article were the works of conservative publicists of the era of "Great Reforms" and the representatives of the conservative part of the social and political movement of the early XX century. Among the first are the works of V.I. Gerrier, E.M. Feoktistov and N.A. Lyubimov; among the second - the works of T.I. Butkevich, holy righteous Ioann Kronstadtski and N.D. Zhevakhov. The authors were selected for their publications, in which they devoted considerable attention to the analysis and evaluation of the events of the French Revolution.

The article discusses in detail the main problems related to the history of the Great French Revolution that the conservative leaders of the second half of the 19th - early 20th centuries were concerned about. The article considers what was particularly important for them in connection with this event, and analyses the conclusions they reached. In the process of research, the authors came to the conclusion that for all of them, one way or another, the appeal to the history of the revolution in France was only practical. First of all, they were interested in the experience of the Great French Revolution. What is more, they were treated mostly extremely negative about this experience in relation to Russian reality of that period. They tried in every way to prevent its implementation.

However, in the presence of common points, there are important differences in the works of conservatives from different periods of Russian history. The conservative leaders of the Alexander II era were firstly interested in the political aspect of the history of the French Revolution, so they focused on the issues of power and, making their generalizations, tried to warn against the reiteration of such scenarios of political development in Russian reality. In turn, the conservative publicists of the early 20th century, mainly of the "chernosotentsy", in addition to political issues, paid great attention

© А.Ю. Ковалев, А.В. Юшников, 2022

to the issues of a religious part. For many of them, the revolution was associated with eschatological sentiments that made it not only a socio-political evil for them, but also a crime against God and his covenants. The authors consider the main difference between Russian conservatives of the early 20th century and conservatives of the middle and second half of the 19th century in their understanding of the history of the French Revolution.
Keywords: Great French Revolution, conservative movement, black hundred, journalism

For citation: Kovalev, A.Y., Yushnikov, A.V. (2022) The Great French Revolution in Russian conservative journalism in the second part of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 138–143. doi: 10.17223/19988613/79/17

Великая Французская революция – важнейшее событие истории Нового времени, она повлияла на последующее развитие всей западной цивилизации. Интерес к ней всегда был огромен не только в европейских странах, но и в ряде других государств, которые ориентировались в своем развитии на Западную Европу. Не стала исключением и Россия. Уже в XIX в. представители разных течений российской общественно-политической мысли – консерваторы, либералы, радикалы – обращались к ней, пытаясь найти в ее опыте ответы на мучившие их вопросы, а также аргументы в своей идеологической борьбе. Произошедшая во Франции в конце XVIII в. революция действительно давала большие возможности для осмысления, поскольку в ее ходе были опробованы разные стратегии развития, начиная с либеральных реформ и стремления установить конституционную монархию и заканчивая республиканским якобинским террором и даже попытками реализации более радикальных идей, которые представляли эбертисты и «бешеные».

Общественно-политические течения в том виде, в котором мы привыкли их видеть, зародились в России в XIX в., и мыслители, их представлявшие, с разной степенью активности обращались к событиям прошлого, в том числе и к Великой Французской революции, пытались осмыслить их в своих публицистических работах и примерить к собственным потребностям. В этой связи опыт рефлексии исторического наследия разного рода деятелями данной эпохи представляет большой интерес для исследователей, но в то же время стоит отметить, что в историографии всегда повышенное внимание уделялось радикальному и чуть в меньшей степени либеральному крылу общественной мысли, тогда как консерваторы интересовали ученых значительно меньше, несмотря на то что их деятельность была не менее важна для понимания происходивших в России событий второй половины XIX – начала XX в. Находясь у трона и стремясь представлять официальную точку зрения, консерваторы оказывали заметное влияние на происходившие в стране процессы, и от осмысления их публицистического наследия не стоит отказываться.

Изучение консервативной мысли эпохи «Великих реформ» в советской историографии практически не проводилось, а те работы, которые выходили, были крайне тенденциозны и априори негативно настроены к ней (см.: [1] и др.). Ситуация меняется в 1990-е гг., когда интерес к консерватизму, вызванный как научными, так и общественно-политическими потребностями, возрос. Именно с этого времени начинаются попытки более объективно отнестись к консерватизму как явлению и его роли в жизни страны в дореволюционную эпоху. Список авторов и их работ достаточно обширен, среди них следует выделить монографию А.М. Руткевич «Что такое консерватизм?» [2], сборники «Российские консерваторы» [3], «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» [4], «Российский консерватизм в литературе и общественной мысли России XIX в.» [5], «Консерватизм в России и мире» [6], отдельные статьи А.В. Репникова [7] и А.Ю. Минакова [8]. Все эти работы позволяют лучше понять истоки и суть русского консерватизма, определить его психологию, т.е. то, что, в свою очередь, накладывало прямой отпечаток на отношение консервативных публицистов второй половины XIX в. к Великой Французской революции.

Несколько иначе обстояло дело с изучением консервативного движения начала XX в. О феномене черносотенцев писали многие исследователи в разные периоды. Из советских исследований отдельного упоминания заслуживает монография Л.М. Спирина «Крушение помещичьих и буржуазных партий в России» [9], в которой представлен глубокий анализ условий и предпосылок образования черносотенных групп, продемонстрированы причины возникшего в них кризиса и последующего поражения. Отдельно проанализированы отношения черносотенцев и большевиков, даны оценки деятельности правых групп в контексте марксистско-ленинской трактовки.

Годы поздней перестройки ознаменовали собой концептуальные изменения в изучении черной сотни. Это произошло, прежде всего, в результате публикаций документов [10], а также выхода исследований С.А. Степанова [11] и И.В Омельянчука [12], посвященных различным аспектам деятельности данных формирований. Параллельно с ними стали появляться труды американских русистов, в числе которых стоит выделить исследование У. Лакера [13]. Однако, несмотря на широкий список имен исследователей, в первую очередь их интересовали вопросы либо зарождения правых идей и их социальной базы, либо идеологической повестки движения. В то же время тема упоминания в работах черносотенцев Великой Французской революции остается малоизученной и по сей день, хотя после 1905 г. к ней периодически обращался ряд приверженцев крайне правых идей.

Интерес к Великой Французской революции в России проявился еще в ходе самих ее событий, но вплоть до «Великих реформ» Александра II эта тема фактически находилась под запретом и обращаться к ней в официальных публикациях не представлялось возможным, а именно там печатались консервативные публицисты

XIX в. В годы правления Александра II подобного рода работы начинают появляться, но представителей консервативного крыла общественно-политического движения среди их авторов в силу ряда причин, о которых речь пойдет позже, было немного. В период, последовавший за убийством «народовольцами» царя-реформатора, интерес к данным событиям резко пошел на спад, но в начале XX в. он вновь возрос, в том числе и в среде консерваторов, главенствующее место у которых заняли участники движения черной сотни. Публицисты, представляющие данное движение, в чем-то выступали преемниками более ранних консерваторов, а в некоторых вопросах пошли дальше своих предшественников. На проблеме преемственности и отличиях в обращении к опыту революционной Франции у консервативных публицистов эпохи правления Александра II и эпохи революций мы остановимся в своей статье, целью которой и будет выявление степени этой преемственности.

Мы уже отмечали, что до середины XIX в. данная тема была под фактическим запретом в публичной печати, о чем сетовали даже некоторые консерваторы [14. С. 613]. После того как подобного рода ограничения были сняты, интерес к Великой Французской революции среди публицистов возрос, однако консерваторы по-прежнему неохотно обращались к ее истории. С большой долей вероятности это было связано с тем, что они не желали лишний раз поднимать тему неприятного им события, а также с тем, что, будучи близкими к престолу и преследуя охранительные цели, сторонники данного направления зачастую вообще не видели большого смысла в активной публикационной деятельности, особенно когда речь заходила о каких-то частностях. Поддерживаемые властью, они не стремились доказывать очевидные, как им казалось, вещи.

Однако процессы, происходившие в российском обществе во время правления Александра II, не могли не вынудить представителей консервативной мысли как-то на них реагировать, отвечать своим более активным в этом плане оппонентам. Количество публицистических работ консервативного толка увеличивалось, и порой в них затрагивались события Великой Французской революции. Неудивительно, что, обращаясь к ее опыту, они в первую очередь искали в ней примеры для аргументации своих взглядов на дальнейшее развитие самой России, хотя, конечно же, полностью сводить их только к этому тоже не представляется правильным.

Среди консервативных авторов, уделивших в своих работах место проблематике Великой Французской революции, необходимо прежде всего выделить известного отечественного историка В.И. Герье (1837–1919), взгляды которого Е.С. Кирсанова вполне справедливо, на наш взгляд, характеризует как консервативно-либеральные [15. С. 6–8]. В.И Герье отметился рядом как публицистических статей по данной теме, среди которых цикл публикаций в «Вестнике Европы» с разбором книг известного французского историка Ипполита Тэна (1828–1893) (подробнее в об этом см.: [16]), так и вполне академических работ, вышедших, правда, преимущественно в следующую эпоху [17–19].

Среди публицистов-консерваторов, затрагивавших в своих работах тему французской революции конца XVIII в., стоит отметить Е.М. Феоктистова (1828–1898) и Н.А. Любимова (1830–1897). Первый из них опубликовал статьи «Уроки истории. Очерки современной Франции» [20] и «По поводу сочинений Ренана и Тэна» [21], а второй – серию статей, посвященных Великой Французской революции, – «Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей», которые он позднее переработал и издал отдельной книгой «Крушение монархии во Франции» [22].

Главной причиной, заставившей российских консерваторов эпохи Александра II все-таки обратиться к опыту Великой Французской революции, стало состояние российского общества периода «Великих реформ». Об этом писали и Е.М. Феоктистов [21. С. 611], и Н.А. Любимов [23. С. 246–247]. Их мало интересовала история революции сама по себе, для них главным было ответить на вопрос, как ее опыт может повлиять на ход современной им отечественной истории. Особенно это было заметно у Е.М. Феоктистова, для которого тематика французской революции была лишь эпизодом, примером, иллюстрирующим его взгляды.

Разумеется, отношение к революции у них было крайне негативным, в ней они видели опасность для российской монархии, активными сторонниками которой являлись. При этом нельзя сказать, что актуальность проблематики затмила собой качество анализа материала. Н.А. Любимов показал серьезную для публициста эрудированность в рассматриваемом вопросе, хорошее знание как источников, так и историографии обозначенной им темы.

Н.А. Любимов, говоря о Великой Французской революции, в первую очередь останавливается на ее целях, которые сужает до чисто властных вопросов. Он пишет: «На всем пути революции задача не во благе, свободе и тому подобных хороших вещах, но в приобретении власти. Власть есть цель, остальное – средство» [Там же. С. 226]. На таком видении целей базируется вся его концепция природы революции во Франции. Особенно ярко это выражено в анализе публицистом идей Ж.Ж. Руссо [14. С. 643–648], в отношении к «Декларации прав человека и гражданина» [Там же. С. 652–653], а также при трактовках тех или иных событий революции, например взятия Бастилии [23. С. 214–223].

Таким образом, необходимо констатировать, что в проблематике Великой Французской революции российских консерваторов той поры в первую очередь интересовали вопросы политические, за рамки которых они старались не выходить, а если и выходили, то все равно так или иначе к ним возвращались. Для них главным было отстоять идеи «особого пути» и несостоятельности планов осуществления либеральных преобразований в российских реалиях, не говоря уже о разного рода революционных идеях.

В начале XX в., с наступлением периода наиболее тяжелых потрясений и социальных катаклизмов, последователями этого течения стали участники движения черной сотни, воплотившего в себе идеи консер-

вативного национализма в его институциональном формате.

Табуированная в годы правления Александра III, при Николае II вновь обостряется полемика вокруг множества спорных и неоднозначных по своей трактовке эпизодов как российской, так и мировой истории. Не оставаясь в стороне от веяний времени, поднимали эту тему и представители консервативного крыла. В своих сочинениях они достаточно тенденциозно высказывались о провозглашении Французской республики, неизменно проводя параллель с событиями в России, современниками которых они являлись. Среди публикаций этого периода можно выделить работы Т.И. Буткевича [24], И. Кронштадтского [25], которые, правило, были адресованы кругу идейных соратников из «уличного звена» черной сотни, что, учитывая социальную базу этого движения, было легко объяснимо.

Чтобы лучше понять настроение и образ мыслей участников черносотенного движения, будет полезным обратиться к понятию «охотнорядничество», получившему название от московского рынка, куда съезжались на ярмарки выходных дней жители небольших окрестных городов и сел. Вынужденные добывать средства к существованию продажей продукции собственного производства за сравнительно небольшие деньги, испытывающие жесткую конкуренцию со стороны таких же лавочников, как и они сами, озлобленные и агрессивные, эти люди были наиболее восприимчивы к различного рода пропагандистским лозунгам популистского содержания. Обещая вернуть утерянные патриархальные нормы и ценности, декларируя приверженность заветам церкви, лидеры черносотенцев находили в этой среде отклик. Такие сельские обыватели, перешедшие в разряд люмпенов, наряду с обанкротившимися дворянами, а также представителями церкви, и составляли социальную базу «Союза русского народа» и других подобных групп. Они не смогли реализовать себя в пореформенный период и, примерив на себя роль социальных аутсайдеров, стали главными приверженцами идеалов консервативной стабильности как высшего общественного блага.

Группу наиболее ревностных приверженцев идей черной сотни, безусловно, составляло духовенство. Неудивительно, что именно православная церковь, являвшаяся оплотом классического русского государства, отводила революции роль наиболее зловещей и близкой для всей христианской цивилизации угрозы. Образ революции французской, воплотившей в себе «все пороки и ужасы революционного безвременья», использовался в этой связи достаточно часто. Одним из последователей идей «разрушающей революции» был протоирей и профессор богословия, член Государственного Совета от белого духовенства Т.И. Буткевич (1854–1925). Уже название его сочинения «Уроки первой французской революции», вышедшего в 1907 г., изначально содержит авторскую оценку событий рубежа XVIII–XIX вв. во Франции. «История Французской революции, – пишет он, – и сама по себе представляет много поучительного в разных отношениях – религиозно-нравственном, политическом, социально-бытовом, психологическом и т.д.» [24. С. 629]. Окончательный вердикт следует далее по тексту: «…в конце XVIII в. у французов происходило то же, что происходит теперь у нас» [Там же. С. 638].

Позиция Т.И. Буткевича практически дублирует точку зрения наиболее авторитетного и почитаемого участника движения черной сотни от духовенства Иоанна Кронштадтского (1829–1908), «вдохновителя создания и почетного члена “Союза русского народа”». В одной из своих работ он пишет: «…доколе в России будет Православная вера и народ будет предан своей вере и Церкви, а следовательно, и престолу и Отечеству, дотоле эти нелепые намерения крамольников не найдут себе в России твердой почвы и не сделают злоумышленники того в России, что сделала некогда во Франции парижская коммуна, ибо Бог нам прибежище и сила» [25. С. 179]. «Спасение России» в этой связи он связывает с Востоком, правопреемником в вопросах веры которого и является Россия: «Мы, русские, приняли святую и непорочную веру от православного Востока, от Церкви греческой, в которой она первоначально была насаждена Самим Христом и апостолами» [Там же. С. 377]. Запад же является живым примером того, к чему могут привести попытки ликвидации монаршей власти и непочтительное отношение к вопросам христианской веры. Фундаментом этого необходимо считать «чрезмерную ученость»: «Что мы хотим сделать из наших юношей? Всезнающих или много знающих ученых мужей? Этого недостаточно, потому что можно весьма много знать, как говорится, проглотить науку, быть весьма ученым человеком и в то же время, увы, быть негодным человеком и вредным членом общества. Разве не учеными, например, были французские коммунисты, олицетворившие в себе в прошлую войну так живо адских фурий?» [Там же. С. 179]. Мотив «всеразрушающего интеллекта», жертвой которого стала революционная Франция, позже был подхвачен все тем же Т.И. Буткевичем. Он упоминал Вольтера в контексте его постоянных глумлений над Библией и подстрекательства к вероотступничеству французского духовенства [24. С. 631], а о Руссо писал не иначе как о французском прообразе Л.Н. Толстого [Там же. С. 634], который к тому времени уже находился в глубокой опале официальной православной церкви.

Консервативно настроенное крыло начала XX в., как видно из упомянутых источников, воспринимало Французскую революцию в качестве «предостережения свыше», знамения, призванного остановить революционные брожения в николаевскую эпоху. Тщеславие, безбожие и гордыня, вызванные полученными знаниями светского, а не религиозного содержания, определяются в качестве главных пороков николаевской России, преодолеть которые необходимо, пока не начались необратимые процессы. В свое время такая ситуация привела к падению многовековой французской монархии, что, по убеждению указанных авторов, и превратило Францию в европейского изгоя, страну, которая одним своим существованием должна призывать революционных радикалов всего мира «одуматься и покаяться»: «В республиках и конституционных государствах властвует не народ, а лишь партии, и при-

том большею частью с помощью предосудительных средств – интриг, подкупа, насилия над другими партиями. Достигнув власти, известная партия тотчас же изменяет, согласно с своею политическою программою, всю систему государственного управления» [24. С. 659].

После отречения Николая II такой подход к трактовке событий Великой Французской революции приобретет формат сбывшегося пророчества и, помимо собственно французского примера, «найдет подтверждение» в других источниках. Один из примеров подобной трактовки – сочинения известного конспиролога-антисемита, влиятельного церковного чиновника Н.Д. Жевахова (1874–1946). В них автор, подхватывая повествовательную линию своих недавних предшественников, многократно ссылается на Иеремию и Иезекииля, в чьих пророчествах видит упоминания революционной смуты. «…революция есть действительно наказание за преступление, но наказание не делателей революции за преступления против народа, а наказание Божие за преступление против заповедей и законов Божьих» [26. С. 15], – поясняет он свое понимание сложившейся в стране ситуации, резюмируя это заявление отсылкой к первоисточнику, способному объяснить все глобальные проблемы: «И где бы мы ни искали причин обрушившегося на Россию великого горя, где бы ни искали следов этих преступлений, какие бы чрезвычайные комиссии ни собирали, в каких бы архивах ни рылись, но найдем мы эти причины только в одном месте – в Библии» [Там же. С. 14–15].

Образ революционной Франции в предреволюционной России можно определить в качестве своеобразного аналога Содома и Гоморры, пример которых должен стать назидательным в условиях и без того крайне навязчивых эсхатологических настроений николаевской эпохи. Призыв «немедленно одуматься и покаяться» преобладает в этих работах над другими, что в то же время не делает их уникальными в сравнении с сочинениями их идейных союзников из другой социальной среды того же времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что история Великой Французской революции занимала, безусловно, важное место в трудах российских консерваторов, но не играла определяющей роли в их обращении к историческим сюжетам. И представители консервативного крыла русской общественно-политической мысли второй половины XIX в., и черносотенцы начала XX в. обращались к ней, ища примеры в своей идеологической борьбе, стремились показать пагубность революционных идей для развития государства. Для представителей консервативной публицистики эпохи Александра II главным был политический аспект революции, который привел к изменениям существующего до этого во Франции строя. Ими подчеркивалось, что это крайне негативно сказалось на судьбе Франции, тем самым они проводили параллель с возможными изменениями существующего строя в современной им России и последствиями этих изменений. Черносотенцы, являясь их идейными продолжателями, уже в начале XX в. оценивали Великую Французскую революцию в том же ключе, однако к сугубо политическим вопросам добавляли и иные аспекты поднимаемых им сюжетов, в частности вопрос религиозный, видя в революции не только социально-политическое зло, но и преступление против Бога и его заветов, придавая в итоге ей эсхатологическую окраску и выводя тем самым проблему в иную плоскость. Это было связано с общими идейными установками самих черносотенцев, а также с чаяниями их целевой аудитории, которая активно поддерживала это движение не только словами, но и делами, поднимаясь порой на открытое противостояние с революционерами, в деятельности которых представители данного движения в первую очередь видели западное влияние и противопоставляли ему православие и русские патриархальные ценности.

Подводя итог, необходимо отметить, что и для русских консерваторов второй половины XIX в., и для представителей консервативной мысли начала XX в. обращение к истории Великой Французской революции носило сугубо утилитарный характер. Богатая на события революция во Франции давала им необходимые примеры того, чего делать ни в коем случае нельзя; они подчерктвали, что заимствование ее опыта неминуемо должно повлечь негативные последствия для России. Именно этот вывод должен был сделать читатель, знакомясь с трудами консервативных публицистов той эпохи, ради этого они тратили свое время и силы, осмысляя одно из самых важных событий Нового времени.

Список источников

1. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М. : Наука, 1978. 280 с.
2. Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М.–СПб. : Университетская книга, 1999. 224 с.
3. Российские консерваторы / под ред. А.Н. Боханова. М. : Русский мир, 1997. 382 с.
4. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросула. М. : Прогресс-традиция, 2000. 439 с.
5. Российский консерватизм в литературе и общественной мысли России XIX в. М. : ИМЛИ РАН, 2003. 221 с.
6. Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004.
7. Репников А.В. Метаморфозы русского консерватизма: от С.С. Уварова до Никиты Михалкова // Отечественная история. 2001. № 3. С. 105–109.
8. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.
9. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М. : Мысль, 1977. 366 с.
10. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. / введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М. : РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. 720 с.
11. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М. : Росвузнаука, 1992. 329 с.
12. Омельянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи. М. : МАУП, 2007. 744 с.
13. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М. : Текст, 1994. 431 с.
14. Кочнев В. (Любимов Н.А.). Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей // Русский вестник. 1880. № 8. С. 612–690.
15. Кирсанова Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск : Изд-во СГТИ, 2003. 210 с.
16. Юшников А.В. В.И. Герье об Ипполите Тэне как историке Великой Французской революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 28. С. 141–145.

17. Герье В.И. Картина из истории французского террора // Исторический вестник. 1882. № 1. С. 169–194.
18. Герье В.И. Понятие о власти и о народе в наказах 1789 г. М. : Тип. университета, 1884. 143 с.
19. Герье В.И. Лекции по Новой истории, 1900–1901. М., 1901. 445 с.
20. Феоктистов Е.М. Уроки истории. Очерки современной Франции // Русский вестник. 1871. № 9. С. 5–71.
21. Феоктистов Е.М. (Р.). По поводу сочинений Ренана и Тэна // Русский вестник. 1872. № 2. С. 606–623.
22. Любимов Н.А. Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1789–1790). М. : Университетская тип., 1893. 657 с.
23. Кочнев В. (Любимов Н.А.). Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей // Русский вестник. 1880. № 9. С. 206–247.
24. Буткевич Т.М. Верою разумеваем. М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. 704 с.
25. Кронштадтский И. Я предвижу восстановление мощной России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. 640 с.
26. Жевахов Н.Д. Воспоминания. М. : Родник, 1993. 41 с.

References

1. Tvardovskaya, V.A. (1978) *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M.N. Katkov i ego izdaniya)* [The ideology of the post-reform autocracy (M.N. Katkov and his publications)]. Moscow: Nauka.
2. Rutkevich, A.M. (1999) *Chto takoe konservatizm?* [What is conservatism?]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
3. Bokhanov, A.N. (ed.) (1997) *Rossiyskie konservatory* [Russian Conservatives]. Moscow: Russkiy mir.
4. Grosul, V.Ya. (ed.) *Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian Conservatism of the 19th Century. Ideology and Practice]. Moscow: Progress-traditsiya.
5. Koksheneva, K.A. (ed.) (2003) *Rossiyskiy konservatizm v literature i obshchestvennoy mysli Rossii XIX v.* [Russian conservatism in the literature and social thought of Russia in the 19th century]. Moscow: IWL RAS.
6. Azizova, E.N. et al. (2004) *Konservatizm v Rossii i mire* [Conservatism in Russia and the World]. Voronezh: Voronezh State University.
7. Repnikov, A.V. (2001) Metamorfozy russkogo konservatizma: ot S.S. Uvarova do Nikity Mikhalkova [Metamorphoses of Russian Conservatism: From S.S. Uvarov to Nikita Mikhalkov]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 105–109.
8. Minakov, A.Yu. (2005) Russkiy konservatizm v sovremennoy rossiyskoy istoriografii: novye podkhody i tendentsii izucheniya [Russian Conservatism in Contemporary Russian Historiography: New Approaches and Trends in Study]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 133–142.
9. Spirin, L.M. (1977) *Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partiy v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.)* [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (early 20th century – 1920)]. Moscow: Mysl'.
10. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1998) *Pravye partii. Dokumenty i materialy: v 2 t.* [Right Parties. Documents and Materials]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
11. Stepanov, S.A. (1992) *Chernaya sotnya v Rossii (1905–1914 gg.)* [Black Hundred in Russia (1905–1914)]. Moscow: Rosvuznauka.
12. Omelyanchuk, I.V. (2007) *Chernosotennoe dvizhenie v Rossiyskoy imperii* [Black Hundred Movement in the Russian Empire]. Moscow: MAUP.
13. Laker, W. (1994) *Chernaya sotnya. Proiskhozhdenie russkogo fashizma* [Black Hundred. The Origin of Russian Fascism]. Moscow: Tekst.
14. Kochnev, V. (Lyubimov, N.A.). (1880) Protiv techeniya. Besedy o revolyutsii. Nabroski i ocherki v razgovorakh dvukh priyateley [Against the stream. Conversations about the revolution. Sketches and essays in the conversations of two friends]. *Russkiy vestnik*. 8. pp. 612–690.
15. Kirsanova, E.S. (2003) *Konservativnyy liberal v russkoy istoriografii: zhizn' i istoricheskoe mirovozzrenie V.I. Ger'e* [A conservative liberal in Russian historiography: the life and historical outlook of V.I. Guerrier]. Seversk: SSTI.
16. Yushnikov, A.V. (2007) V.I. Ger'e ob Ippolite Tene kak istorike Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii [W.D. Guerrier about Hippolyte Taine as a historian of the Great French Revolution]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and Historiographical Issues of History]. Vol. 28. Tomsk: Tomsk State University. pp. 141–145.
17. Guerrier, W.D. (1882) Kartina iz istorii frantsuzskogo terror [A picture from the history of French terror]. *Istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 169–194.
18. Guerrier, W.D. (1884) *Ponyatie o vlasti i o narode v nakazakh 1789 g.* [The concept of power and the people in the orders of 1789]. Moscow: Tip. Universiteta.
19. Guerrier, W.D. (1901) *Lektsii po Novoy istorii, 1900–1901* [Lectures on Modern History, 1900–1901]. Moscow: [s.n.].
20. Feoktistov, E.M. (1871) Uroki istorii. Ocherki sovremennoy Frantsii [History lessons. Essays on modern France]. *Russkiy vestnik*. 9. pp. 5–71.
21. Feoktistov, E.M. (R.). (1872) Po povodu sochineniy Renana i Tena [Regarding the writings of Renan and Taine]. *Russkiy vestnik*. 2. pp. 606–623.
22. Lyubimov, N.A. (1893) *Krushenie monarkhii vo Frantsii. Ocherki i epizody pervoy epokhi Frantsuzskoy revolyutsii (1789–1790)* [The collapse of the monarchy in France. Essays and episodes of the first era of the French Revolution (1789–1790)]. Moscow: Universitetskaya tip.
23. Kochnev, V. (Lyubimov, N.A.). (1880) Protiv techeniya. Besedy o revolyutsii. Nabroski i ocherki v razgovorakh dvukh priyateley [Against the stream. Conversations about the revolution. Sketches and essays in the conversations of two friends]. *Russkiy vestnik*. 9. pp. 206–247.
24. Butkevich, T.M. (2014) *Veroyu razumevaem* [We understand by faith]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
25. Kronshtadtskiy, I. (2012) *Ya predvizhu vosstanovlenie moshchnoy Rossii* [I foresee the restoration of a powerful Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
26. Zhevakhov, N.D. (1993) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Rodnik.

***Сведения об авторах*:**
Ковалев Алексей Юрьевич – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: akovalev1988@list.ru
Юшников Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: musaklio1980@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Alexey Iu. Kovalev – Postgraduate Student, Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Rederation). E-mail: akovalev1988@list.ru
Alexander V. Yushnikov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Rederation). E-mail: musaklio1980@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 27.10.2020; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 94(510)(091)
doi: 10.17223/19988613/79/18

История развития китайской регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) в период после начала политики реформ и открытости

Светлана Борисовна Макеева

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация, msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается история развития регионоведческих исследований в Китайской Народной Республике в период после начала политики реформ и открытости. Поиск и реализация стратегий регионального пространственного развития в условиях рыночных отношений повлекли за собой адаптацию этих теорий под условия китайской действительности. Уникальность китайских регионоведческих исследований заключалась в разработке своей собственной теории и практики регионоведческой науки, которая объясняла причины региональных проблем в условиях перехода к рыночным отношениям при сохранении плановой социалистической экономики.
Ключевые слова: Китай, регионоведческая наука (цюйюйкэсюэ), политика реформ и открытости, Китайская Ассоциация регионоведческой науки, Азиатский региональный научный симпозиум

Для цитирования: Макеева С.Б. История развития китайской регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) в период после начала политики реформ и открытости // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 144–151. doi: 10.17223/19988613/79/18

Original article

The history of the development of Chinese regional studies of science (quyukexue) in the period after the beginning of the policy of reform and opening

Svetlana B. Makeeva

Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, msbmag9581@yandex.ru

Abstract. The aim of the study on "The history of the development of Chinese regional studies of science (quyukexue) in the period after the start of economic reform and openness" is to determine the causes of the origin of the Chinese regional studies of science (quyukexue) and the allocation of the main stages in its development after starting the policy of reform and opening up in 1978. The main sources of research are Chinese-language articles, monographs on various aspects of the development of regional science in China (works of Lu Dadao, Yang Kaichung, Peng Zheng, Yang Wuyang, Zhang Xiangdong, Jing Yujing, Wang Shengjing).

In the course of the policy of reforms and openness, which has been implemented since 1978 in the PRC, there was a need to explain the Chinese scientific community the processes of regional development of China in the conditions of building a socialist market economy. The appeal of Chinese scientists to the theoretical and methodological basis of Western European and American regional science led to the spread of regional knowledge in China. During the first stage of the history of Chinese regional science (1978-1985) there was an accumulation of theoretical and methodological base of regional studies. Chinese scientists have translated the works of Western European and American scientists on regional problems. At the second stage of the history of regional studies in China (1985-1991), Chinese scientists adapted Western European and American theories to the Chinese realities of regional development. A team of Chinese scientists, geographers, economists, historians is engaged into regional studies of regional problems of the spatial organization of economic development of China in the conditions of building "socialism with Chinese specifics". During the third stage (1991) the official recognition and approval of regional studies of science (quyukexue) began in the Chinese scientific community. The main scientific problems in the regional studies of China after the beginning of the policy of reforms and openness were: the process of developing the strategies for regional transformations in China, the explanation of the causes of uneven regional development of China, the definition of regional features in the urbanization of China, the identification of options for regional reforms in the harmonization of territorial development of China.

© С.Б. Макеева, 2022

Determining the conclusions, it should be noted that the history of Chinese regional science (quyukexue) falls on the period after the beginning of the policy of reforms and openness, the time of active socio-economic reforms that have affected regional development of the entire territory of the Chinese state. Regional studies in China were based on the theory and practice of studying the spatial regional organization of the territory of China in the conditions of harmonization of transformations of planned and market economies.

Keywords: China, regional studies science (quyukexue), the policy of reform and opening up, Chinese Association of science of regional studies, Asia regional scientific Symposium

For citation: Makeeva, S.B. (2022) The history of the development of Chinese regional studies of science (quyukexue) in the period after the beginning of the policy of reform and opening. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 144–151. doi: 10.17223/19988613/79/18

Успешные экономические преобразования в КНР за последние десятилетия опирались на использование научных достижений китайского общества в сфере изучения экономических особенностей устойчивого регионального пространственного развития Китая. Начало реализации политики реформ и открытости (гайгэ кайфан чжэндэ) в 1978 г. в Китае повлияло на заимствование западноевропейских и американских теорий и концепций, объясняющих природу рыночных отношений. Американские и западноевропейские регионоведческие исследования развития отдельных территорий (регионов, районов) в условиях рыночной экономики получили распространение в КНР в 1980–1990-е гг. С течением времени китайские ученые, специалисты в области экономики, географии, истории, разрабатывали свои научные подходы и методы регионоведческих исследований, применяемые при анализе такой региональной проблемы, как неравномерное развитие территории Китая.

История регионоведческих исследований в Китае в условиях реализации политики реформ и открытости не получила пока исчерпывающего освещения в отечественной историографии. Зачастую речь шла о социальных и экономических последствиях политики реформ и открытости в Китае. Общий ход преобразований экономической системы КНР прослеживается в работах отечественного китаеведа В.Я. Портякова [1], социальные последствия политики реформ и открытости в КНР находят отражение в трудах В.Г. Гельбраса, В.Л. Нежданова и Э.Я. Синецкой [2–4]. Общая характеристика развития научно-исследовательских организаций, «мозговых центров» в КНР представлена в справочном издании под редакцией И.Н. Комиссиной [5. С. 189–243]. В зарубежной историографии проблема развития китайских научно-исследовательских направлений после политики реформ и открытости находит отражение в публикациях Чан Лянвэя [6]. Наиболее полный анализ развития регионоведческих исследований в Китае представлен в работах китайского автора Ян Кайчжуна [7].

Цели данной статьи – установление причин зарождения китайской регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) и выявление особенностей в проведении регионоведческих исследований в Китае в условиях политики реформ и открытости, а также определение основных этапов развития данной науки в Китайской Народной Республике в период с 1978 г.

Политика реформ и открытости, проводимая китайским руководством с 1978 г., оказала значительное влияние на все сферы общества КНР. Экономические преобразования были связаны с трансформацией стратегической модели развития государства, постепенным переходом к рыночным отношениям при сохранении структурных элементов плановой экономики, появлением диспропорциональных явлений в относительно равномерном пространственном развитии регионов страны. В региональном управлении уделялось большое внимание развитию прибрежных районов Китая. Китайское правительство, осуществляя региональные экономические преобразования в конце 1970-х – начале 1980-х гг., опиралось на концепцию пространственной организации производительных сил, что привело в дальнейшем к неравномерному размещению и региональному распределению труда.

С конца 1970-х гг. распределение ресурсов и планирование пространственного развития являлись самыми важными элементами в разработке регионального политического курса КНР. В общественно-политической мысли Китая возникают и реализуются новые стратегии региональных преобразований. Ключевыми составляющими регионального экономического планирования становятся концепция Дэн Сяопина о «стимулировании обогащения одной части, обогащении одних регионов, которые потом потянут за собой отстающие, и постепенном достижении всеобщей зажиточности» (шоусянь цзай идин дэ линюй хэ цюйюй цзиньсин шиянь, жаньхоу цай туйгуан дао цюаньго, чжэсе гайгэ цзицзин дэдао минсян дэ чэнсяо), стратегия Чэнь Дуншэна о «распределении производительных сил в Китае и делении страны на три региона: Восток, Центр, Запад» (дуй вого шэнчаньли буцзюй чжаньлюэ дэ таньлунь), стратегия о создании «полюсов роста» в пространстве региона, ориентирующихся в своем развитии на производство экспортной продукции (цзяньли чукоу чжудаосин дэ цзэнчжан цзи) [8–9].

В процессе реализации политики реформ и открытости региональное управление пространственным развитием Китая включало в себя различные элементы регулирования урбанизацией. В 1980 г. на общенациональной конференции по городскому планированию в качестве политического курса в развитии городов был учрежден «контроль над масштабами больших по размеру городов, городов с рациональным развитием и небольших городов с активным развитием» [10. P. 75–97].

Это привело к зарождению дискуссии о том, как в Китае должна протекать урбанизация. Сформировалось нескольких стратегий урбанизационного развития: стратегия развития небольших по размеру городов и деревень, стратегия преимущественного развития средних городов и стратегия преимущественного развития больших городов.

В 1980-е гг. в китайское руководство уделяло значительное внимание экономическому планированию территории государства, разработке необходимой стратегии регионального пространственного развития и региональной производственной политики. Так, в период шестой «пятилетки» (1981–1985) разрабатывались стратегии регионального развития и государственного территориального восстановления. В период седьмой «пятилетки» (1986–1990) проводились исследования по определению методов осуществления региональных промышленных преобразований. Политика Китая в организации пространственного регионального развития в 1980-е гг. характеризовалась учреждением специальных экономических районов, включая специальные экономические зоны (цзинцзи тэцюй), основанием открытых городов вдоль рек и морского побережья, зон технико-экономического развития (цзинцзи цзишу кайфацюй), планированием политического курса в отношении районов, отрытых внешнему миру, и отстающих в экономическом развитии районов Китая.

Поиск и реализация стратегий регионального развития на государственном уровне в КНР, необходимость повышения темпов производительности, выявления региональных проблем и более продуктивного распределения производительных сил повлияла на проведение нового вида научных исследований регионального пространственного развития, имеющих локальный характер и сосредоточенных на отдельных районах Китая.

До 1978 г. все изменения в региональной пространственной организации территории Китая осуществлялись на основе применения научной «теории местоположения» (цюйвэйлунь) Й. Тюнена, а также теории районирования, заимствованной у советской школы экономической географии. В КНР в период с 1949–1978 гг. была сформирована научная база экономико-географических исследований, выявляющих особенности регионального развития Китая в условиях плановой экономики. Так как Китай обладал огромной территорией, то и анализ региональных процессов всегда являлся предметом долгосрочных экономико-географических исследований [11. С. 112]. Но с началом политики реформ и открытости китайские исследователи в области экономической географии уже не могли в полной мере объяснить влияние преобразований рыночной экономики на региональные процессы в Китае. С конца 1970-х гг. китайские исследователи начинают переводить работы зарубежных авторов, объясняющих природу рыночной экономики и последствия региональной трансформации экономического развития. В основном это были работы А. Вебера [12], С. Денисона [13], Н. Калдора [14], В. Кристаллера [15], А. Лёша [16].

Заимствование западноевропейских и американских теорий, объясняющих влияние рыночных отношений на региональное пространственное развитие, повлияло на становление, распространение и применение регионоведческих исследований в Китае. В 1980-е гг. в Китае зарождается регионоведческая наука цюйюйкэсюэ (区域科学, где 区域 (цюйюй) – регион, а 科学 (кэсюэ) – наука). В своем развитии китайская регионоведческая наука прошла три этапа: этап зарождения после начала политики реформ и открытости, накопления теоретико-методологической базы регионоведческих исследований (1978–1985), этап адаптации западноевропейских и американских регионоведческих теорий под китайскую действительность регионального развития (1985–1991) и этап официального признания и утверждения регионоведческой науки в научной системе китайского общества (с 1991 г. по настоящее время).

Регионоведческая наука, или «наука о регионе», – это дословный перевод английского названия regional science, что в российской научной традиции порой приводит к неоднозначной интерпретации этого понятия, и многие ученые склонны определять regional science как регионоведение, регионалистику и регионологию. Впервые термин regional science был введен американским ученым, основателем американской научной школы регионоведческих исследований Уолтером Айзардом [17. P. 47]. В 1956 г. он открыл в Пенсильванском университете кафедру регионоведческой науки и создал Американскую ассоциацию регионоведческой науки, которая получила международный статус. В том же году он опубликовал свою первую монографию, посвященную «науке о регионе» [17].

Впервые с работами Уолтера Айзарда китайские исследователи познакомились в 1980-е гг., когда были переведены на китайский язык основные произведения этого американского ученого. Но стоит отметить, что в Китае не только переводили произведения Айзарда, но и адаптировали их под китайскую действительность, дополняя примерами региональной специфики пространственного развития КНР в тот период. Среди китайских авторов стоит отметить работы «Пространственный анализ хозяйственной деятельности» (цзинцзи ходун дэ кунцзянь фэнси) [18], «Введение в региональную науку» (цюйюйкэсюэ даолунь) ученого Чэнь Цзунсина из Северо-Западного университета Китая [19], работу «Теория региональной науки» (цюйюйкэсюэ лунь) ученого Чжан Чао из Восточно-китайского педагогического университета [20].

Определений термина «наука о регионе» (regional science) довольно много, и даже сам У. Айзард отмечал, что среди большого разнообразия не существует полного и точного определения regional science. В своей работе «Введение в науку о регионе» (1975) он привел несколько определений regional science: 1) наука о регионе – это комплексная исследовательская дисциплина, изучающая ключевые аспекты региональной системы, а именно экономику, политику, культуру, менталитет; 2) наука о регионе – это исследование различных социальных групп, которые контролируют поведение и расселение народа и пространственное распределение экономической деятельности; 3) наука о регионе – это анализ городских районов, регионов, субконтинентов; она изучает то, как важные и значи-

тельные пространства изменяются вслед за временем и т.д. [17. P. 307]. Один из основателей регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) в Китае профессор Ян Кайчжун утверждал, что «наука о регионе» в Китае также имеет разную интерпретацию. Как пишет Ян Кайчжун, «практически каждый ученый в области регионоведческих исследований и каждый учебник по науке о регионе имеет свое собственное определение, даже если различия крайне несущественны» [7. С. 4]. Данная ситуация вызвана не только комплексностью регионоведческих исследований и применением в изучении региона методов экономики, географии, политологии, культурологии, социологии, истории и т.д., но в основном тем, что большое количество китайских деятелей в сфере регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ), пришедших во второй половине 1990-х гг., принадлежало к другим специальностям и областям. У таких ученых отсутствовало надлежащее специальное образование в области регионоведческих исследований, и они слабо разбирались в истории регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ), эволюции идей, рамках науки, теории и методах. Сам Ян Кайчжун определял, что «наука о регионе» тесно связана с региональной экономикой, и поэтому она входит в профиль экономических наук и исследует деятельность человека с точки зрения пространственного деления [Там же. С. 3]. Другие китайские ученые, такие как Ян Уян и Чжан Сяньдун, которые стояли у истоков распространения в Китае регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) утверждали, что «наука о регионе» – это наука, изучающая региональную систему в целом, включая такие ключевые элементы, как социальное, экономическое, географическое, историческое своеобразие региона [21. С. 561]. Цзин Юйцзюнь и Ван Шэнцзинь считали, что наука о регионе призвана изучать региональную экономику как пространственную форму выражения региональной экономической деятельности [22. С. 147]. Разные интерпретации регионоведческой науки как в американской научной традиции, так и в китайской не меняли основной фокус анализа региональных процессов и в любом случае были направлены на изучение основного объекта регионоведческих исследований – региона во всем его многообразии.

В условиях проведения политики реформ и открытости с 1978 г. в Китае «регион» как социально-экономическая пространственная единица становится объектом не только модернизационных преобразований на государственном уровне, но и пристального изучения со стороны китайских ученых – географов, экономистов, историков. В китайском языке термин «регион» переводится как 地区 (дицюй) или 区域 (цюйюй), оба слова обозначают понятие «регион», но при этом имеют некоторое различие в применении. Китайские ученые утверждают, что для определения региона, нужно рассматривать «регион» в рамках нескольких ключевых пунктов. «Регион» означает некое земное пространство, обладает определенной площадью, условиями и границами. Границы могут быть как природными, так и установленными человеком. Пространство, помимо того что оно определено человеком (к примеру, государство или административный район), также может выделяться согласно общей или структурной однородности некоторых аспектов внутри региона, таких как природные факторы (климат, рельеф), специализация пространства (экономический регион, сельскохозяйственный регион и т.д.), размер (большой или маленький регион). К регионам больших масштабов относят регионы земного шара, например Океанию, Америку, Европу. К регионам небольших масштабов – регионы внутри страны, на примере Китая: район дельты реки Янцзы, восточный регион прибрежной зоны и т.д. [23. С. 161].

В 1980-е гг., несмотря на то что в Китае регионоведческая наука (цюйюйкэсюэ) обретала свои черты и уже являлась некой базой, на которую опиралось планирование региональной экономики, она все еще не имела статуса самостоятельной науки. Периодом официального утверждения «науки о регионе» принято считать начало 1990-х гг. В условиях формирования в Китае социалистической рыночной экономики государственный региональный политический курс изменился с неравномерной стратегии развития с ориентацией на приморский регион на региональное экономическое скоординированное развитие. Как утверждает Ян Кайчжун, ключевым событием, повлиявшим на официальное признание и оформление регионоведческих исследований, стало основание Китайской ассоциации регионоведческой науки (чжунго цюйюйкэсюэ сехуэй). В октябре 1991 г. прошло первое организационное собрание Китайской ассоциации регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) при поддержке знаменитых китайских экономистов (Сунь Шанцин [24], У Шуцин [25], Ли Цзинвэнь [26]), географов (У Чуаньцзюнь [27], Чэнь Шупэн [28], Ян Уян [29], Ху Чжаолян [30], Ху Сювэй [31], Ли Вэньянь [32], Лу Дадао [33]), специалистов в области промышленного распределения средств производства (Лю Цзайсин [34], Ян Шучжэнь [35]), специалистов в сфере городского планирования (Цзоу Дэцы [36]), а также известных западных ученых Уолтера Айзарда [17], Уильяма Алонсо [37], Масахиса Фудзита [38] и др. Китайская ассоциация регионоведческой науки была учреждена профессором Пекинского университета Ян Кайчжуном. Министерство образования КНР (чжунго цзяоюйбу) и Министерство науки и технологий КНР (чжунго кэсюэ цзишубу) одобрили регистрацию этой ассоциации. Китайские научные круги, осуществлявшие регионоведческие исследования, впервые получили статус независимого юридического лица.

В первой половине 1990-х гг. в Китае сформировался научный коллектив, который организовывал, поддерживал и направлял обмен и сотрудничество между китайской и зарубежной регионоведческой наукой. Китайская ассоциация регионоведческой науки учредила научный комитет по региональной экономике, городской научный комитет, научный комитет по устойчивому развитию, научный комитет экономической географии, национальный комитет территориального планирования, научный комитет управления городским хозяйством, научный комитет по космическим информационным системам, научный комитет по региональному туризму, научный комитет по преподаванию

региональной экономики, научный комитет западных экономических исследований, научный комитет северовосточных экономических исследований, научный комитет по исследованию развития речного бассейна Китая. Каждый комитет с 1990-х гг. проводил регулярную и нерегулярную научную деятельность.

Китайская ассоциация регионоведческой науки была призвана развивать в стране и за рубежом академический обмен, редактировать и публиковать научные книги и периодические издания по регионоведческим исследованиям, предлагать научно-технические консультации по национальным и региональным стратегиям развития, политике и экономическом строительстве, руководить и давать оценку научно-техническим проектам, редактировать научную и техническую литературу по регионоведческой тематике, повышать квалификацию членов комитета, популяризовать регионоведческие научные знания и продвигать в массы регионоведческую науку (цюйюйкэсюэ).

В первой половине 1990-х гг. китайские ученые осуществляли регионоведческие исследования, опираясь на теории и методы западной науки о регионе regional science. В 1993 г. в Китае при поддержке западных ученых были созданы «Международный форум по развитию китайской регионоведческой науки», «Международный семинар по исследованиям регионального развития в Китае» [7. С. 4].

Со второй половины 1990-х гг. объектом пристального интереса китайских ученых-регионоведов являлись вопросы влияния макроэкономических процессов на региональное пространственное развитие КНР. Подробно рассматривались экономический подъем в разных районах КНР, вопросы региональной занятости населения, рост межрегиональной миграции и т.д. Один из специалистов в области регионоведчеких исследований в Китае Лу Дадао в этот период подготовил «Доклад о региональном развитии Китая» (чжунгоцюйюй фачжань баогао). Анализ данного документа показывает, что китайские исследования регионального развития в рамках регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) во второй половине 1990-х гг. фактически оставили без внимания региональное пространство Китая в целом и поставили на первый план анализ отдельно взятых регионов и региональную сеть. Иными словами, исследования стали носить более узкий характер, направленный на изучение конкретных регионов, их проблематику и характеристику, а не на пространство страны в целом. То есть после того, как регионоведческая наука (цюйюйкэсюэ) получила в Китае статус официальной самостоятельной науки, регионоведческие исследования были в основном направлены на решение внутренних региональных проблем.

В 2001 г. Китай вступил в ВТО, а также начал завершающий этап перехода страны к социалистической рыночной экономике. Политический курс государства из стратегии скоординированного регионального экономического развития трансформировался в стратегию гармоничного регионального развития. Одним из препятствий на пути к гармонизации регионального развития в Китае являлась проблема неравномерности. Именно анализ данного регионального явления, его причин, сопутствующих процессов и вариантов устранения дисбаланса стал основной темой регионоведческих исследований китайских ученых.

Все аспекты влияния политики реформ и открытости на региональное развитие страны являлись ключевыми научными проблемами в рамках деятельности многочисленных научно-исследовательских институтов КНР, или так называемых «мозговых центров», открытых преимущественно после 1978 г. Рассмотрением вопросов развития территорий Китая, выработкой стратегий региональных преобразований, анализом проблем устойчивого ресурсного и экологического развития территорий занимались китайские ученые-регионоведы в рамках Института территориального развития и региональной экономики Академии макроэкономических исследований в Пекине. Разработкой моделей экономического развития КНР, проведением анализа и выдачей экспертной оценки крупным государственным инфраструктурным проектам занимались сотрудники созданного в 1982 г. Института количественной и технической экономики Академии общественных наук Китая в Пекине. Особое внимание в изучении региональных проблем в Китае уделялось анализу развития сельских районов КНР. В рамках созданного в 1978 г. Института развития сельских районов Академии общественных наук Китая изучалась социалистическая экономика сельских районов на основе использования как зарубежных академических теорий, так и китайских исследовательских направлений регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ). Китайские ученые разрабатывали стратегические концепции по основным проблемам развития сельских районов КНР. Специфика развития сельских районов в Китае находила отражение в научно-исследовательской деятельности Школы государственного управления им. Чжоу Эньлая Нанькайского университета, созданного в 2004 г. Вопросы, связанные с процессами урбанизации в Китае, являлись основными в рамках работы Центра градостроительства и экологических исследований Академии общественных наук Китая, созданного в 1994 г. Ученые занимались изучением устойчивого регионального развития городов, планированием городских районов, анализом региональных проблем экономики городов. Вопросы регионального неравенства и устойчивого территориального развития Китая являлись центральными в научно-исследовательской деятельности созданного в 1989 г. в г. Шэньчжэне Китайского института развития. Изучением региональных последствий политики реформ и открытости в Китае занимались исследователи основанного в 1991 г. Китайского института реформ и развития.

Оценивая период 1978–2000 гг. в развитии регионоведческих исследований, необходимо отметить, что в начале 2000-х гг. главным двигателем китайской регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) было нахождение решения сложного практического вопроса организации пространственного управления государством. Главной целью и задачей регионоведческих исследований было описание и решение важных вопросов, с которыми сталкивалась пространственная организация страны. Регионоведческая наука (цюйюйкэсюэ) предо-

ставляла системные сведения для выработки стратегии организации пространственного управления, но, по сути, не было видно продвижения вперед в решении внутренних теоретических вопросов в самой системе знаний регионоведческой науки, в исследованиях принципов управления страной. Китайские регионоведческие знания нуждались в системной базовой теории и таких методах исследования, которые могли бы дать объяснения региональному развитию Китая в условиях гармонизации общества.

Важнейшим достижениcм в развитии регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) в начале 2000-х гг. стало формирование и применение на практике теории регионального развития, на основе которой регион необходимо было отличать от пространства, подчеркивая, что регион – это независимая открытая экономика, и несколько регионов могут сосуществовать одновременно, образуя региональную сеть, в которой несколько экономик параллельно формируют региональные экономические процессы. Китайские ученые-регионоведы дополнили теорию регионального развития исследованием таких направлений, как экономика города, мультирегиональная экономика, региональная структура и региональная динамика, региональная эволюция и инновации, региональное управление и государственная политика, глобальная или региональная геотеория и наука о мире. Кроме того, исследователи уделяли значительное внимание применению методов геоинформационной науки, которые широко использовались в регионоведческих научных исследованиях в Китае.

В 2000 г. Ян Кайчжун начал реализовывать проект государственного фонда естественных наук Китая «Исследования принципов трансформации сложной пространственной структуры регионов» (цюйюй фуцза кунцзянь гэцзюй яньхуа гуйлюй дэ яньцзю). При поддержке данного проекта китайская регионоведческая наука приступила к новым экономическим, географическим, многосубъектным пространственным исследованиям. Таким образом, с 2000-х гг. китайские ученые в области регионоведческих исследований начали изучение нового направления – вопроса теории и методов науки о регионе, т.е. стали больше внимания уделять не практической, а теоретической базе регионоведческих исследований [7. С. 3].

В начале 2000-х гг. в рамках Китайской ассоциации регионоведческой науки периодически организовывались Азиатские региональные научные симпозиумы совместно с Харбинским технологическим институтом, Японским прикладным обществом регионоведческих исследований, Корейской научной ассоциацией регионоведческих исследований, Федерацией социальных наук провинции Хэйлунцзян, Университетом Хэйлунцзян и др. Основные научные проблемы, которые обсуждались на симпозиуме, были связаны с оптимизацией пространственной структуры экономического развития и другими темами, касающимися региональной экономики, регионального развития, регионального планирования, народонаселения и занятости, низкого уровня выбросов углерода.

В условиях реализации стратегии регионального гармоничного развития в Китае в начале 2000-х гг. были проведены научные исследования по нескольким направлениям: повышение производительности труда, поддержание мира, продвижение исследований общей стратегии устойчивого регионального развития Китая; совершенствование исследований механизмов совместной региональной кооперации, входящих в устройство регионального управления (рыночный механизм, механизм сотрудничества, механизм взаимопомощи и поддержки); стимулирование исследований нормального развития урбанизации; оптимизация исследований в области структуры территориального развития, особенно исследований основных функциональных регионов [Там же. С. 3].

Таким образом, история развития китайской регионоведческой науки (цюйюйкэсюэ) в период политики реформ и открытости напрямую связана с заимствованием западноевропейских и американских теорий регионального развития и адаптацией их под китайскую специфику региональных процессов, основанием в 1991 г. Китайской ассоциации регионоведческой науки, а также становлением и официальным утверждением регионоведческой науки Министерством образования и Министерством науки и технологий КНР. Именно в период проведения политики реформ и открытости появляется интерес китайской научной общественности к проведению регионоведческих исследований, так как дисбаланс в региональном экономическом развитии стал прослеживаться наиболее четко. Китайская регионоведческая наука ориентировалась исключительно на внутрирегиональные исследования, внутреннее территориальное развитие страны и экономическую пространственную организацию. Основными научными проблемами регионоведческих исследований в Китае являлись процесс выработки стратегий региональных преобразований, анализ развития сельских и городских районов Китая, изучение устойчивого территориального развития, преодоление неравномерности регионального развития. Адаптируя зарубежные регионоведческие теории, китайские ученые уже в начале 2000-х гг. опирались на теорию и практику новой науки в условиях соразвития плановой и рыночной экономик в КНР.

Список источников

1. Портяков В.Я. К 40-летию начала экономической реформы в Китае (краткий экскурс) // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 19–34.
2. Гельбрас В.Г. КНР: социальные последствия «реформ и открытости» // Азия и Африка. 2008. № 8. С. 2–7.
3. Нежданов В.Л. Политика реформ и открытости: творческое развитие идей конфуцианства в современном мире // Исторические события в жизни Китая и современность : материалы IV Всерос. науч. конф. ИДВ РАН. 2016. С. 252–259.
4. Синецкая Э.Я. Некоторые социальные явления пореформенного Китая в свете политики «открытости» // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45, № 18-2. С. 451–473.
5. Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая : справочник. М. : РИСИ, 2012. 266 с.
6. Чжан Лянвэй. Развитие китайской гражданско-правовой науки в период после начала политики реформ и открытости // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 1. С. 98–101.

7. Ян Кайчжун. Чжунго цюйюйкэсюэ хуэйгу (Обзор развития регионоведческой науки в Китае) // China Academic Journal Electronic Publishing House. 2012. № 2. P. 1–4.
8. Чэнь Дуншэн. Вого гоне шэнчаньли буцзюй дэ тайши хэ чжаньлюэ (Современная ситуация и перспективы распределения производительной промышленности Китая) // Шэнчаньли яньцзю. 1992. № 2. С. 55–61.
9. Ян Кайчжун. Цзяньли чукоу чжудао син дэ «цзэнчжан цзи» чжаньлюэ (Разработка экспортной стратегии «полюсов роста») // Шэнчаньли яньцзю. 1987. № 4. С. 39–43.
10. Houkai Wei. Urbanization in China: The Path to Harmony and Prosperity. Springer, 2018. 194 p.
11. Фэн Джей. Цзинцзи дилисюэ цзяоду дуй цюйюй цзинцзисюэ лилунь тиси дэ лицзе (Понимание теоретической системы региональной экономики с точки зрения экономической географии). Пекин, 1997. 243 с.
12. Вебер А. Теория размещения промышленности. Л. ; М. : Книга, 1926. 223 с.
13. Denison E.F. The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives Before US. New York,1962. 308 p. (Committee for Economic Development; Supplementary Paper No. 13).
14. Kaldor N. A Model of Economic Growth // Economic Journal. 1957. Vol. 67. P. 591–624.
15. Christaller W. Central Places in Southern Germany. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1966. 230 p.
16. Лёш А. Пространственная организация хозяйства. М. : Наука, 2007. 664 с.
17. Isard W. Introduction to regional science. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1975. 506 p.
18. Чэнь Цзунсинь. Цзинцзи ходун дэ кунцзянь фэнси (Пространственный анализ хозяйственной деятельности). Шаньси, 1989. 445 с.
19. Чэнь Цзунсинь. Цюйюйкэсюэ даолунь (Введение в региональную науку). Пекин, 1990. 605 с.
20. Чжан Чао. Цюйюйкэсюэ лунь (Теория региональной науки). Хубэй, 1991. 362 с.
21. Ян Уян. Цзинцзи дилисюэ, кунцзянь цзинцзисюэ юй цюй чжао цзинцзисюэ (Экономическая география, пространственная экономика и региональная экономика) // Дилисюэбао. 1992. № 6. С. 561–569.
22. Ван Шэнцзинь, Цзин Юйцзюнь. Жэнькоу, цзыюань, хуаньцзин юй фачжань (Население, ресурсы, окружающая среда и региональное развитие). Цзилинь : Народное изд-во Цзилинь, 2006. 366 с.
23. Пэн Чжэнь. Цюйюй яньцзю юй цюйюй гуйхуа (Региональные исследования и региональное планирование). Пекин, 1998. 212 с.
24. Сунь Шанцин. Синь цзинцзи вэньти (Новые экономические проблемы). Пекин, 1996. 1222 с.
25. У Шицин. (Политическая экономия). Пекин, 2009. 361 с.
26. Ли Цзинвэнь. 21 шицзи дэ чжунго цзинцзи фачжань чжаньлюэ (Стратегия экономического развития Китая в XXI веке). Пекин, 2001. 327 с.
27. У Чуаньцзюнь. Чжунго цзинцзи дили (Китайская экономическая география). Пекин, 1997. 454 с.
28. Чэнь Шупэн. Дили синьси ситун даолунь (Введение в географическую информационную систему). Пекин, 1998. 240 с.
29. Ян Уян. Гаоден цзинцзи дилисюэ (Высшая экономическая география). Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 1997. 499 с.
30. Ху Чжаолян. Чжунго вэньхуа дили гайшу (Обзор культурной географии). Пекин : Изд-во Пекинского университета, 2001. 308 с.
31. Ху Сювэй. Цююй юй чэнши яньцзю (Краеведение и урбанистика). Пекин, 1998. 581 с.
32. Ли Вэньянь. Дицюй кайфа юй гуне буцзюй (Региональное развитие и размещение промышленности). Пекин : Изд-во Наука, 1999. 459 с.
33. Лу Дадао. Чжунго гоцзя дили (Национальная география Китая). Чжэнчжоу : Главное изд-во, 2004. 225 с.
34. Лю Цзайсин. Гуне дилисюэ (Промышленная география). Пекин, 1997. 503 с.
35. Ян Шучжэнь. Готу цзинцзисюэ (Пространственная экономика). Тяньцзин, 1986. 258 с.
36. Цзоу Дэцы. Чэнши шэцзи гайлунь (Введение в городской дизайн). Пекин : Изд-во строительной индустрии Китая, 2003. 180 с.
37. Alonso W. The Economics of Urban Size // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1971. Vol. 26. P. 67–83.
38. Fujita Masahisa. A monopolistic competition model of spatial agglomeration: Differentiated product approach // Regional Science and Urban Economics. 1988. Vol. 18 (1). P. 87–124.

References

1. Portyakov, V.Ya. (2018) K 40-letiyu nachala ekonomicheskoy reformy v Kitae (kratkiy ekskurs) [On the 40th anniversary of the start of economic reform in China (a brief digression)]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 5. pp. 19–34.
2. Gelbras, V.G. (2008) KNR: sotsial'nye posledstviya “reform i otkrytosti” [PRC: social consequences of “reform and openness”]. *Aziya i Afrika*. 8. pp. 2–7.
3. Nezhdanov, V.L. (2016) Politika reform i otkrytosti: tvorcheskoe razvitie idey konfutsianstva v sovremennom mire [The policy of reform and openness: the creative development of the ideas of Confucianism in the modern world]. In: Mamaeva, N.L. (ed.) *Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'* [Historical events in the life of China and modernity]. Moscow: RAS. pp. 252–259.
4. Sinetskaya, E.Ya. (2015) Nekotorye sotsial'nye yavleniya poreformennogo Kitaya v svete politiki “otkrytosti” [Some social phenomena of post-reform China in the light of the policy of “openness”]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae – Society and State in China*. 45(18-2). pp. 451–473.
5. Komissina, I.N. (2012) *Nauchnye i analiticheskie tsentry Kitaya* [Scientific and Analytical Centers of China]. Moscow: RISI.
6. Zhang Liangwei. (2017) Razvitie kitayskoy grazhdansko-pravovoy nauki v period posle nachala politiki reform i otkrytosti []. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Economic Problems and Legal Practice*. 1. pp. 98–101.
7. Yang Kaizhong. (2012) Chzhungo tsyuyyuykesyue khueygu (Obzor razvitiya regionovedcheskoy nauki v Kitae) [Overview of the development of regional studies in China]. *China Academic Journal Electronic Publishing House*. 2. pp. 1–4.
8. Chen Dongsheng. (1992) Vogo gone shenchan'li butszyuy de tayshi khe chzhan'lyue (Sovremennaya situatsiya i perspektivy raspredeleniya proizvoditel'noy promyshlennosti Kitaya) [The current situation and prospects for the distribution of China's productive industry)]. *Shenchan'li yan'tszyu*. 2. pp. 55–61.
9. Yang Kaizhong. (1987) Tszyan'li chukou chzhudao sin de “tszenchzhan tszi” chzhan'lyue (Razrabotka eksportnoy strategii “polyusov rosta”) [Development of the export strategy of “growth poles”]. *Shenchan'li yan'tszyu*. 4. pp. 39–43.
10. Houkai Wei. (2018) *Urbanization in China: The Path to Harmony and Prosperity*. Springer.
11. Feng Jay. (1997) *Tszintszi dilisyue tszyaodu duy tsyuyyuy tszintszisyue lilun' tisi de litsze* [Understanding the theoretical system of regional economy from the point of view of economic geography]. Bejing: [s.n.].
12. Weber, A. (1926) *Teoriya razmeshcheniya promyshlennosti* [The Theory of Industrial Location]. London; Moscow: Kniga.
13. Denison, E.F. (1962) *The Sources of Economic Growth in the United States and the Alternatives Before US*. New York: [s.n.].
14. Kaldor, N. (1957) A Model of Economic Growth. *Economic Journal*. 67. pp. 591–624.
15. Christaller, W. (1966) *Central Places in Southern Germany*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
16. Lesh, A. (2007) *Prostranstvennaya organizatsiya khozyaystva* [Spatial Organization of the Economy]. Moscow: Nauka.
17. Isard, W. (1975) *Introduction to Regional Science*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
18. Chen Zongxin. (1989) *Tszintszi khodun de kuntszyan' fensi* [Spatial analysis of economic activity]. Shanxi: [s.n.].
19. Chen Zongxin. (1990) *Tsyuyyuykesyue daolun'* [Introduction to Regional Science]. Beijing: [s.n.].
20. Zhang Chao. (1991) *Tsyuyyuykesyue lun'* [Theory of Regional Science]. Hubei: [s.n.].
21. Yang Wuyang. (1992) Tszintszi dilisyue, kuntszyan' tszintszisyue yuy tsyuy chzhao tszintszisyue [Economic geography, spatial economics and regional economics)]. *Dilisyuebao*. 6. pp. 561–569.

22. Wang Shengjin & Jing Yujun. (2006) *Zhen'kou, tszyyuan', khuan'tszin yuy fachzhan'* [Population, resources, environment and regional development]. Jilin: Jilin People's Publishing House.
23. Peng Zhen. (1998) *Tsyuyyuy yan'tszyu yuy tsyuyyuy guykhua* [Regional studies and regional planning]. Bejing: [s.n.].
24. Sun Shangqing. (1996) *Sin' tszintszi ven'ti* [New economic problems]. Bejing: [s.n.].
25. Wu Shiqing. (2009) *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy]. Bejing: [s.n.].
26. Li Jingwen. (2001) *21 shitszi de chzhungo tszintszi fachzhan' chzhan'lyue* [China's economic development strategy for the 21st century]. Bejing: [s.n.].
27. Wu Chuanjun. (1997) *Chzhungo tszintszi dili* [Chinese economic geography]. Bejing: [s.n.].
28. Chen Shupeng. (1998) *Dili sin'si situn daolun'* [Introduction to geographic information system]. Bejing: [s.n.].
29. Yang Wuyang. (1997) *Gaoden tszintszi dilisyue* [Higher Economic Geography]. Bejing: Bejing University.
30. Hu Zhaoliang. (2001) *Chzhungo ven'khua dili gayshu* [Review of Cultural Geography]. Bejing: Bejing University.
31. Hu Xiuwei. (1998) *Tsyuyuy yuy chenshi yan'tszyu* [Local History and Urban Studies]. Bejing: [s.n.].
32. Li Wenyan. (1999) *Ditsyuy kayfa yuy gune butszyuy* [Regional development and distribution of industry]. Bejing: Nauka.
33. Lu Dadao. (2004) *Chzhungo gotszya dili* [National geography of China]. Zhengzhou: Glavnoe izd-vo.
34. Liu Zaixing. (1997) *Gune dilisyue* [Industrial Geography]. Bejing: [s.n.].
35. Yang Shuzhen. (1986) *Gotu tszintszisyue* [Spatial Economics]. Tianjin: [s.n.].
36. Zou Deci. (2003) *Chenshi shetszi gaylun'* [Introduction to Urban Design]. Bejing: China Construction Industry Publishing House.
37. Alonso, W. (1971) The Economics of Urban Size. *Papers and Proceedings of the Regional Science Association*. 26. pp. 67–83.
38. Fujita Masahisa. (1988) A monopolistic competition model of spatial agglomeration: Differentiated product approach. *Regional Science and Urban Economics*. 18(1). pp. 87–124.

***Сведения об авторе*:**
Макеева Светлана Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия). E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Makeeva Svetlana B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Departmentally Head, Department of Historical and Regional Demography of the Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: msbmag9581@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 24.01.2019; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 930.2:343.97(09)
doi: 10.17223/19988613/79/19

Российская преступность второй половины XIX – начала XX в. в постсоветской отечественной историографии

Денис Юрьевич Пухов

Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия, histp5@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ исследовательских позиций по таким вопросам, как динамика и причины изменений количественных и качественных показателей делинквентного поведения, структура преступлений, особенности эволюции преступного мира под влиянием модернизационных процессов пореформенного периода, региональные, социальные и гендерные аспекты криминальной обстановки. Оцениваются общие итоги и перспективы исследования данной проблематики.
Ключевые слова: преступность, девиации, историография, модернизация, пореформенная Россия

Для цитирования: Пухов Д.Ю. Российская преступность второй половины XIX – начала XX в. в постсоветской отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 152–163. doi: 10.17223/19988613/79/19

Original article

Russian crime of the second half of the XIX – the beginning of the XX century in the post-soviet historiography

Denis Yu. Pukhov

Ural State Forest Engineering University, Ekaterinburg, Russian Federation, histp5@gmail.com

Abstract. The aim of the work is to analyze the domestic post-Soviet historiography of the delinquent behavior of adults in Russia in the second half of the XIX – early XX century. It is intended to solve such tasks as identifying publications on this topic and evaluating their significance in the process of researching the problem, identifying the main historiographic trends, results and prospects for the study of post-reform crime. A great contribution to the methodological development of this topic was made by B.N. Mironov, N.B. Lebina, Y.I. Gilinskij. On the basis of the processing of all-Russian statistical data, B.N. Mironov drew conclusions about the cyclical nature of the level of crime in Russia in the period from 1803 to 1913 (it rose during periods of liberal reigns and declined under conservative monarchs), and also on the deterioration (with a break in the 1890s) of the criminal situation after the abolition of serfdom. The spread of delinquent behavior in the second half of the XIX – early XX century is fixed in a number of other studies (the works of Y.I. Gilinskij, S.A. Bushuyeva, S.I., Moryushkin and others). Regional materials show the improvement of the criminal situation at the beginning of the First World War (D.Y. Ereshchenko, S.N. Tsys, M.P. Shepeleva), and its complication since November 1914 (D.Y. Ereshchenko). Russian historians attributed the growth of crime to the modernization process, as well as to the influence of such factors as increased consumption of alcohol, the contradictoriness of state law enforcement policy, political instability at the beginning of the XX century. At the same time, V.B. Bezgin, V.S. Sidorova, V.V. Kulachkov, T.L. Muzychuk write about the presence of components in the traditional culture that provoke violations of the law. The authors of a number of studies describe specific features of the evolution of delinquency in certain regions. The materials of the Kursk province show positive changes in the criminal situation. D.M. Shilovsky gives some data on the Tomsk province, which do not correspond to the cyclical scheme of the development of Russian crime, proposed by B.N. Mironov. D.M. Shilovsky, P.A. Sungurov, V.P. Petrova, A.V. Danchevskaya draw attention to the relatively high crime rate in Siberia. V.E. Politov and D.P. Zherebchikov noted that in Tambov province all-Russian tendencies were of a smoothed nature. The study of gender aspects of delinquency has shown that the level of female crime was significantly lower than that of men. E.N. Kosaretskaya and S.G. Kulikova reconstructed the socio-cultural image of the female offender. Russian researchers note the dominance of offenses directed against the individual and private property, public and state order, record the appearance of new varieties of illegal actions. Historians pay attention to the juvenation and professionalization of the criminal world.
Keywords: crime, deviation, historiography, modernization, post-reform Russia

For citation: Pukhov, D.Yu. (2022) Russian crime of the second half of the XIX – the beginning of the XX century in the post-soviet historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 152–163. doi: 10.17223/19988613/79/19

© Д.Ю. Пухов, 2022

Изучение системных трансформаций российского общества второй половины XIX – начала XX в., вызванных реформами Александра II, сохраняет актуальность как с точки зрения осмысления отечественной модели перехода от традиционного общества к индустриальному, так и вследствие наличия определенных сходных черт дореволюционных и современных модернизационных процессов. Важное значение имеет изучение проблем и сложностей адаптации общества к новым историческим реалиям, в частности взаимосвязи тенденций, характерных для переходного состояния социума, и эволюции делинквентного поведения. Неизбежная в условиях модернизации корректировка ценностных установок, поведенческих норм и социальных практик не могла не привести к определенной количественной и качественной модификации криминальной обстановки. С другой стороны, рост преступности, изменение ее социальных характеристик оказывали воздействие на ход модернизации в экономической, социокультурной, политической сферах. Анализ негативных аспектов системных социальных изменений пореформенного периода актуален для минимизации издержек развития России на современном этапе.

Работа исследователей дореволюционной преступности на протяжении 1990–2010-х гг. позволила существенно дополнить общую картину влияния реформ середины XIX в. на развития российского общества, обусловила актуальность осмысления итогов и перспектив изучения данной проблематики. Представляется неслучайным появление в последние годы публикаций, посвященных историографии пореформенной российской девиантности (статья В.Б. Безгина и Д.П. Жеребчикова [1]) и истории исследования делинквентного поведения второй половины XIX – начала XX в. (работы А.В. Данчевской [2] и А.Р. Павлушкова [3]). Несмотря на уже проделанную историками серьезную работу по изучению состояния рассматриваемой сферы научных исследований, актуальность обобщающих историографических изысканий не исчерпана в силу определенных различий в оценках вклада тех или иных авторов в изучение темы и итогов исследовательской деятельности по данной проблематике в целом, а также в связи с появлением новых публикаций. Из рассмотрения исключены работы, посвященные детско-подростковой делинквентности и преступлениям в отношении несовершеннолетних, поскольку заметное количество подобных исследований обусловливает потребность в их отдельном анализе.

Актуализация вопросов истории преступности в постсоветский период стала одним из продуктивных итогов методологических поисков 1990-х гг. Освобождение отечественной исторической науки от обязательных рамок марксистской теории обусловило рост интереса к более современным исследовательским подходам, в частности к различным направлениям социальной истории, для которых, как отметила О.С. Поршнева, «характерно изучение и социальных структур, и их восприятия современниками в их взаимодействии и взаимовлиянии, а также использование в качестве инструмента исследования “социального микроскопа”» [4. С. 43]. Связанное с этим включение в сферу научного интереса социокультурной практики и социальных мотивов человеческого поведения обусловило, в частности, активизацию изучения эволюции преступности [Там же. С. 45]. Важную роль в формировании методологической базы исследований делинквентного поведения и популяризации данной темы среди российских историков сыграли опубликованные в конце 1990-х гг. новаторская монография Н.Б. Лебиной, рассмотревшей повседневную жизнь советского города 1920–1930 гг. через призму дихотомии «норма–аномалия» [5], и «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)» Б.Н. Миронова, а также работы известного российского социолога Я.И. Гилинского [6]. На рубеже XX–XXI в. происходит активизация исследований по истории преступности и защит диссертаций по данной теме.

Одним из результатов обработки Б.Н. Мироновым дореволюционных статистических данных стал вывод о том, что динамика делинквентного поведения в период с 1803 по 1913 г. имела циклический характер: уровень преступности снижался во время консервативных царствований и повышался при более либеральных монархах и в годы «противоречивой, неустойчивой» политики Николая II. При этом на протяжении пореформенного периода «преступность непрерывно возрастала, с одной остановкой в 1890-х гг.» [7. С. 84]. По мнению Б.Н. Миронова, ухудшение криминальной обстановки после отмены крепостного права было вызвано как тенденциями формирования урбанизированного индустриального общества, для которого «характерна более значительная преступность», так и самими переходными процессами, порождающими «серьезные изменения в культурных, социальных и политических ориентациях», трансформирующими традиционную систему ценностей, создающими ситуацию, в которой «значительное число людей является маргиналами» [Там же. С. 79]. На увеличении числа преступлений, с точки зрения историка, в большей степени сказывалось повышение значимости богатства в системе социальных приоритетов, а не бедность как таковая. Значимой причиной роста статистических показателей преступности в начале XX в. стало сочетание политизации общественной жизни с расширением номенклатуры преступных с точки зрения законодательства деяний (антиправительственные манифестации, забастовки, религиозные преступления) [Там же. С. 86, 95]. Б.Н. Миронов обратил внимание на изменение в пореформенную эпоху основного объекта и целей криминальной деятельности: «…центр интересов сотен тысяч правонарушителей… переместился с государства на личность и ее собственность» [6. С. 91]. Учет данных о динамике преступности в странах первичной модернизации позволил сделать вывод, что распространение делинквентного поведения в начале индустриальной эпохи «носит временный характер». Б.Н. Миронов пришел к заключению о более низком уровне преступности в России XIX – начале XX в. по сравнению со странами Западной Европы [7. С. 96–97].

Авторы коллективной монографии «Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление» (ответствен-

ный редактор Я.И. Гилинский), сделали выводы о постепенном увеличении числа осужденных в период с 1874 по 1912 г., относительной устойчивости «при некоторой тенденции к возрастанию» сегментов женской и рецидивной преступности [6. С. 135–137].

Н.Б. Атапин отмечает, что в конце XIX – начале XX в. криминальные элементы концентрировались в первую очередь в стремительно расширявшейся среде десоциализированного населения. Негативное влияние на уровень преступности оказывали также представители буржуазии и «элитных групп». Наряду с «глубоким кризисом правосознания», вызванным модернизационными процессами и политической нестабильностью, исследователь называет такие предпосылки ухудшения ситуации, как недооценка властью «стремительной криминализации общества», недостаточные масштабы и интенсивность преобразований, «осуществлявшихся в сфере развития общей полиции», запаздывание с формированием специальных органов уголовного сыска, судебная и тюремная реформы, либерализация уголовного законодательства [8. С. 26, 55, 202–205].

С.А. Бушуева в результате работы со статистическими материалами пришла к выводу о росте числа уголовных дел в 1909–1913 гг. Исследовательница отмечает «доминирование корыстной преступности», прежде всего краж, опережающие темпы роста случаев «квалифицированных» (подлоги, растраты, присвоения) и насильственных преступлений, особенно тяжелых, а также омоложение преступного контингента, проникновение криминалитета в государственные ведомства и бизнес-сообщество [9. С. 54–56, 58, 73, 183–184]. Предпосылки этих тенденций С.А. Бушуева видит в последствиях быстрого развития капитализма, урбанизации и разложения традиционного общества. В то же время значимой причиной «утраты контроля над преступностью» стал отказ власти «от назревшей потребности ужесточения уголовной политики», а также недостатки в организации работы полиции. [Там же. С. 26, 183, 185–189].

С.Л. Курас связывает рост числа имущественных преступлений во второй половине XIX – начале XX в. с «неустойчивой политической и экономической ситуацией в стране» и увеличением числа правонарушений по политическим мотивам. По мнению исследовательницы, причины делинквентного поведения следует искать «в социальной неустроенности населения, конкурентной борьбе в сфере экономики» [10. С. 80, 81].

По мнению В.Ю. Голдинова, негативное влияние на уровень преступности в начале XX в. оказала гуманизация уголовной политики при Николае II. Положение усугублялось из-за «крайней пестроты видов полиции различной подчиненности», ее малочисленности, скромного жалования и определенной деморализации полицейских чинов, «нерешительной» и противоречивой правоохранительной политики в целом [11. С. 137–139, 182–189]. Особенностью диссертации В.Ю. Голдинова является подробный анализ общественного восприятия проблем борьбы с преступностью. По мнению исследователя, «пресса внесла большой «вклад» в девальвацию норм законности», а распространение оправдательных приговоров в судах присяжных «разлагало российское общество, питало настроения нигилизма, произвола» [Там же. С. 158].

В своем новом фундаментальном обобщающем труде «Российская империя: от традиции к модерну» Б.Н. Миронов отметил недостаточный уровень изученности истории преступности в России [12. С. 110], а также обратил внимание на сходство тенденций эволюции криминального мира в России и Западной Европе: «…профессионализация, устойчивый рост организованной преступности и рецидива, быстрое проникновение преступности в деревню, значительное омоложение и феминизация» [Там же. С. 136–137].

Различные позиции фиксируются по вопросу о существовании в течение рассматриваемого периода организованной преступности. Авторы коллективной монографии «Девиантность и социальный контроль в России» отмечают «хорошо отлаженную организацию преступного промысла» в бандах конокрадов, мошенников и фальшивомонетчиков, однако приходят к заключению о том, что «говорить о преступных организациях и сообществах пока не приходится» [7. С. 158]. Позднее данная точка зрения была поддержана В.С. Яременко [13. С. 14]. В то же время большинство исследователей полагают, что организованная преступность в дореволюционной России существовала. По мнению Н.А. Зоткиной, в конце XIX – начале XX в. «делают первые шаги уже окончательно оформившиеся организованные криминальные структуры» [14. С. 235]. В диссертации М.А. Смирнова сделан вывод о том, что модернизационные процессы второй половины XIX – начала XX в. привели к формированию «специфического, выросшего в условиях противоборства западного и восточного менталитетов отечественного криминалитета, причастного к организации революций 1905 и 1917 гг.» Специфика российской преступности пореформенных десятилетий, с точки зрения исследователя, определяется объединением уголовного, политического и национально-религиозного криминалитета, а также «интеграцией отечественных и мировых организованных преступных сил» [15. С. 13]. С.А. Бушуева [9. С. 184] и В.Ю. Голдинов [11. С. 184] приходят к заключению о влиянии деятельности преступных организаций на криминальную обстановку начала XX в. Л.А. Прозументов показал наличие в дореволюционный период норм уголовного законодательства об организованных преступных группах [16. С. 233–235].

В ряде исследований затрагивается проблема делинквентного поведения в специфических условиях Первой мировой войны. Криминальная обстановка и меры противодействия преступности в Петрограде в 1914–1917 гг. рассмотрены в диссертации Д.Ю. Ерещенко. Как отмечает исследователь, в начале Первой мировой войны в российской столице наблюдался спад делинквентной активности, обусловленный организацией полицейских «чисток», введением «сухого закона», мобилизацией в армию значительного числа правонарушителей. Однако с ноября 1914 г. начинается ухудшение криминальной обстановки, вызванное появлением в городе значительного количества мигран-

тов, прибывших из районов западного театра военных действий, а также общими кризисными тенденциями военного времени [17. С. 3, 23–26, 30]. По мнению А.В. Карлебы, причинами повсеместного распространения девиаций в годы Первой мировой войны являлись кризис традиционного правосознания, запаздывание процесса политической модернизации, неудачи на фронте, ошибки в сфере внутренней политики, ухудшение экономической ситуации, частичная деструкция религиозных убеждений, ослабление опеки над молодежью вследствие массовой мобилизации взрослого мужского населения, недостатки в организации работы полиции [18. С. 186–195]. С.Н. Цысь сделал вывод об уменьшении числа уличных правонарушений в городах Томской губернии начале Первой мировой войны вследствие мобилизации и введения «сухого закона» [19. С. 266–268]. По сведениям М.П. Шепелевой, данные факторы способствовали спаду преступной активности в военный период в Курской губернии [20. С. 16–20].

В работах российских историков нашли освещение проблемы криминальности отдельных социальных слоев и групп, в том числе гендерные аспекты делинквентности. Е.Н. Косарецкая отметила, что «показатели женской преступности в Орловской губернии были крайне низкими и почти неизменными по десятилетиям», что объясняется слабой вовлеченностью женского населения региона в модернизационные процессы. [21. С. 18–22]. С.Г. Куликова связывает рост женской преступности в Тверской губернии в конце XIX – начале XX в. с процессами «модернизации, индустриализации, урбанизации». Автором монографии показаны различия в восприятии женской преступности представителями различных политических направлений и социальных групп [22. С. 96, 97, 108]. Вывод о том, что женщины значительно реже совершали противоправные деяния, чем мужчины, сделан и проиллюстрирован количественными данными в работах С.И. Морюшкина [23. С. 18], В.А. Полищук [24. С. 120–122], С.В. Богданова и Д.В. Ермолаева [25].

Серьезное внимание уделяется проблеме крестьянской преступности. Исследование сельского социума Центрального Черноземья позволило В.Б. Безгину сделать вывод, что некоторые делинквентные социальные практики не воспринимались крестьянами как отклоняющееся поведение. Аграрные беспорядки в этом регионе «носили поистине массовый характер», в них «принимали участие все жители села, включая женщин и детей» [26. С. 29]. Традиционными крестьянскими представлениями о праве общины карать виновных объясняются самочинные расправы над преступниками. В.Б. Безгин обращает внимание на обусловленность распространения отклоняющегося поведения ослаблением религиозности сельского населения в условиях возросшей социальной мобильности, проникновением в деревню капиталистических отношений, усилением городского влияния и нарастанием социальных противоречий [Там же. С. 29–30, 32]. Исследователь также указывает на распространенность в крестьянской среде бытового насилия [27. С. 149]. «Битье мужьями жен в патриархальной семье с целью “вразумления” по обычному праву преступлением не считалось», – пишет В.Б. Безгин [28. С. 27].

В статье А.П. Веселовского названы такие причины роста крестьянской преступности в пореформенный период, как обнищание и маргинализация части крестьянства в условиях развития капитализма, кризис традиционных, в том числе религиозных, ценностей, замена их постулатами хищнического накопления, недостаточное внимание власти к потребностям крестьянского населения [29].

В работах С.Г. Федорова и И.С. Менщикова на примере Южного Зауралья показано, что модернизационные процессы привели к появлению новых для сельского населения видов преступлений, сопровождались распространением таких форм девиантного поведения, как пьянство и связанное с ним хулиганство. Влияние ссыльных на криминальную обстановку в зауральской деревне было несущественным [30. С. 183–186]. Определенное негативное воздействие на уровень преступности оказало строительство Транссибирской магистрали, а также связанный с ним быстрый рост городов [31. С. 70–71]. Шел процесс трансформации правовой ментальности сельского населения. «Конец 70-х годов XIX в., – отмечает С.Г. Федоров, – фиксирует некий рубеж в юридических представлениях крестьян: включаясь в новые формы производственной и коммерческой деятельности, крестьяне осознают архаичность норм обычного права, критически к ним относятся…» [30. С. 181] В.А. Полищук сделала вывод об увеличении в среде уральского крестьянства в период с 1874 по 1917 г. числа преступлений против общественного и государственного порядка, а также против собственности частных лиц и против личности [24. С. 119, 122].

Д.Н. Гречишко связывает рост преступности в среде кубанского казачества в пореформенный период в первую очередь с кризисом таких традиционных ценностей, как религиозная мораль, идеалы равенства, принцип общинности, и распространением характерных для капитализма установок на обогащение, предпринимательскую деятельность и индивидуализм. Исследователь называет и специфические причины делинквентного поведения в регионе – «культурную особость казачества» и определенную непоследовательность государственной политики в отношении этой социальной группы [32. С. 15, 17].

В.С. Сидорова, основываясь на анализе статистических данных, сделала вывод о том, что «первое место по количеству осужденных по бытовым преступлениям занимали именно крестьяне», а «процесс гуманизации внутрисемейных отношений тормозился миграцией в города крестьян, которые несли с собой стереотипы, свойственные внутрисемейным отношениям в деревне» [33. С. 33, 37].

И.В. Скрябин, исследовавший крестьянскую повседневность пореформенного периода на материалах Тульской губернии, сделал вывод, что под влиянием товарно-денежных отношений и городского индустриального мира община «все меньше справлялась с нравственными функциями», что проявлялось, в частности, в распространении хулиганства [34. С. 122, 127].

В результате изучения омских судебно-следственных материалов начала XX в. А.В. Быков и А.Г. Быкова пришли к выводу, что взятка воспринималась крестьянами «как обыденное явление, обязательный элемент общения с должностными лицами» [35. С. 50, 51]. М.О. Тяпкин и В.М. Антропов констатировали, что в 1905 г. в Томской губернии резко возросло число осуществлявшихся крестьянами самовольных порубок леса, которые становятся не только массовыми, но и приобретают организованный характер [36. С. 55].

В.В. Кулачков и Т.Л. Музычук на материалах Смоленской, Брянской и Калужской областей выявили, что на рубеже XIX–XX вв. определяющее влияние на отношение сельских жителей к преступлениям и правонарушениям оказывали нормы обычного права и общинные нравственные установки, тесно связанные с религиозными представлениями. Данный вывод несколько расходится с результатами исследований С.Г. Федорова, который рассматривает конец 1870-х гг. как переломный момент в процессе разложения традиционных правовых представлений крестьянства. Однако это хронологическое несовпадение может объясняться разными темпами трансформации правовой культуры в разных регионах России. В.В. Кулачков и Т.Л. Музычук отмечают наличие в общинной среде двойного стандарта в восприятии противозаконных деяний, основанного на противопоставлении «свои–чужие», а также относительную неразвитость частнособственнических представлений, влиявшую на отношение крестьян к имущественным преступлениям [37]. О.В. Харсеева пришла к выводу о том, что уровень криминализации крестьян Центрально-Черноземного региона в начале XX в. повысился по сравнению с концом XIX в. [38. С. 25]

Ряд статей посвящен вопросам преступности в среде сотрудников правоохранительных органов. С точки зрения А.С. Масалимова и Т.С. Масалимова, негативные явления в губернских силовых структурах в начале XX в. следует рассматривать как проявление кризиса в системе регионального управления Российской империи [39]. А.А. Сысоев пишет о распространенности криминальных практик среди сотрудников полиции Восточной Сибири в начале XX в. [40. С. 150]. А.Б. Храмцов отметил, что в Томской губернии в большинстве случаев проступки должностных лиц замалчивались, что негативно сказывалось на авторитете правоохранительных органов в глазах населения [41].

В отдельных публикациях затрагивается проблема правонарушений в среде духовенства. А.Р. Павлушков связывает неправовое поведение представителей этой социальной группы с действием таких факторов, как подчиненное положение церкви по отношению к государственным структурам, имущественная дифференциация в среде церковнослужителей [42. С. 91–92], разрушение их традиционного жизненного уклада и корпоративной обособленности, частичная утрата привилегированного статуса, «эрозия благочестия» под давлением модернизационных процессов [43. С. 42, 44]. При этом «уровень преступности духовенства был значительно ниже по сравнению с другими сословиями» [Там же. С. 44]. А.С. Ворошилова называет такие причины отклоняющегося поведения в среде сельского духовенства Томской губернии, как двойной контроль деятельности священника со стороны начальства и прихожан, определенное понижение социального статуса и скромный уровень доходов представителей данной социальной группы [44. С. 31].

Большое значение имеют региональные исследования делинквентного поведения. Изучение данной проблематики на материалах европейской части России велось еще в 1990-х гг. Интересные результаты, демонстрирующие отличие региональных тенденций от общероссийских, были получены курскими историками, отметившими определенные позитивные тенденции в эволюции криминальной обстановки. П.А. Сучкиным и В.В. Захаровым было показано снижение криминальности губернского дворянства [45. С. 54] и купечества [46. С. 56, 60] в конце XIX – начале XX в. Исследования А.Н. Курцева выявили сокращение числа осужденных Курским окружным судом в расчете на 100 тыс. населения [47]. В диссертации М.П. Шепелевой, также изучавшей делинквентное поведение на материалах Курской губернии, делается вывод о том, что «эпоха 1861–1917 гг. отличалась перевесом позитивных факторов, понижавших уровень уголовной преступности в российской провинции» [20. С. 17]. К ним исследовательница относит рост благосостояния населения, повышение общего образовательного уровня, отток криминальных элементов из губернии на окраины страны и в крупные города. В диссертации сделан вывод о снижении количества наиболее опасных преступлений в губернии в период с 1861 по 1895 г. Показаны гендерные и социальные особенности мотивации делинквентного поведения. [Там же. С. 15–20].

В то же время изучение данных других регионов европейской части страны показывает преобладание негативных изменений. В диссертации Н.А. Зоткиной, выполненной на материалах Пензенской губернии, рост уровня преступности на рубеже XIX–XX вв. рассматривается как следствие модернизационных процессов в социально-экономической сфере, крупных политических событий и связанных с ними изменений российской ментальности: аномии, ослабления страха перед карательной силой государства, «революции ожиданий». Сказывались, по мнению исследовательницы, такие факторы, как рост потребления алкогольных напитков и традиционная ориентация государственной социальной политики преимущественно на властные распоряжения, принуждение и репрессии при недооценке и слабой развитости институциональных механизмов предупреждения преступлений и перевоспитания преступников. При этом в диссертации дается достаточно высокая оценка дореволюционной правоохранительной системы. Н.А. Зоткина отмечает, что в конце XIX – начале XX в. преступность оставалась «привилегией бедных и обездоленных» [14. С. 233–236].

В диссертационном исследовании В.Е. Политова делается вывод о том, что динамические и структурные изменения криминальной обстановки в Тамбовской губернии в 1890–1910 гг. в целом соответствовали общероссийским тенденциям. Это проявлялось в общем возрастании количества и удельного веса тяжких

преступлений и увеличении доли правонарушений, направленных против собственности и против личности, «сближении преступности общеуголовной направленности с политической». Специфика по преимуществу аграрного Тамбовского региона проявлялась в том, что «эти тенденции носили менее отчетливый, сглаженный характер» [48. С. 18, 25]. В диссертации Д.П. Жеребчикова отмечено, что «противоречивое и неглубокое проникновение модернизационных процессов в социально-демографическую и экономическую жизнь общества Тамбовской губернии препятствовало значительному росту отклоняющегося поведения» [49. С. 6]. При этом криминальная обстановка в городских центрах региона была хуже, чем в деревне. Исследователь обращает внимание на сохранение «традиционного характера» городской преступности в Тамбовском регионе, что проявлялось в преобладании мелких преступлений, значительном влиянии личностного фактора, традиционности сознания нарушителей закона [49. С. 21].

М.В. Пулькин, используя данные по Олонецкой губернии, приходит к выводу о более высоком уровне криминализации городских сословий по сравнению с крестьянами [50. С. 87]. Исследователь отмечает рост числа преступлений в регионе в 1897–1911 гг. в три раза [51]. По мнению историка, склонность к насильственным действиям в большей степени характерна для городской культуры, нежели для традиционной [52]. А.С. Попов сделал вывод о том, что эволюция противоправного поведения в Ярославской губернии в 1861–1917 гг. протекала так же, как в целом по России [53].

А.С. Гусенков пришел к заключению, что в Новгородской губернии преступность «развивалась в русле общероссийских тенденций с некоторыми региональными особенностями». В конце XIX в. «сохранялся сезонный характер преступности: минимум большинства преступлений совпадал с сельхозработами». «О простоте преступного замысла говорит и зависимость числа преступлений от цены на хлеб, вернее – от урожая ржи», – пишет А.С. Гусенков. Относительно высокий уровень криминализации губернии исследователь связывает с ее близостью к столице и нахождением на пути из Петербурга в Москву [54. С. 17].

Работа С.И. Морюшкина посвящена характеристике преступности в Рязанской губернии в 1861–1905 гг. Увеличение числа преступлений в три раза в течение рассматриваемого периода, с точки зрения исследователя, связано с такими аспектами модернизационных процессов, как обнищание части населения, урбанизация, либерализация межсословных отношений, усиление политической нестабильности. С.И. Морюшкин делает вывод, что в структуре деятельности власти по борьбе с преступностью преобладали репрессивно-силовые методы: ужесточение полицейского контроля за неблагонадежными гражданами, увеличение численности полицейской стражи и т.п. [23. С. 17–20]. С.В. Богданов и В.Г. Остапюк зафиксировали постоянное увеличение числа погибших от убийств в Европейской части России в период с 1870 по 1893 г. [55]

О.В. Харсеева на основе анализа статистических материалов четырех губерний Центрально-Черноземной России пришла к заключению о том, что в конце XIX в. увеличения численности осужденных в этом регионе не наблюдалось, однако в начале XX в. фиксируется рост преступности [56]. Некоторое улучшение криминальной обстановки произошло в период русско-японской войны [57. С. 41–42].

Исследования сибирских историков показывают наличие как тенденций, совпадающих с общероссийскими, так и характерных особенностей эволюции преступности в этом обширном регионе. Д.М. Шиловский на материалах Томской губернии пришел к выводу о стабильном увеличении числа зафиксированных правонарушений, превышающем рост численности населения, во второй половине XIX – начале XX в. К причинам роста криминальной напряженности в регионе историк относит неблагополучное состояние регионального полицейского аппарата, переселенческую нагрузку на губернию, особенности менталитета сибиряков, «низкий образовательный уровень и слабое приобщение к нормам православной морали, самостоятельность и достаточно широкое распространение пьянства», а также сложности межнациональных отношений и складывание революционной ситуации в начале XX в. [58. С. 198–199, 200–202]. В силу действия ряда специфических региональных факторов динамика делинквентного поведения в Сибири отличалась от выявленных Б.Н. Мироновым общероссийских закономерностей. Так, Д.М. Шиловский отметил значительное увеличение числа преступлений в Томской губернии в 1880-х гг. т.е. на протяжении «консервативного» периода, когда, по схеме Б.Н. Миронова, число преступлений должно было уменьшаться [Там же. С. 78–79].

Д.А. Глазунов на материалах Томского региона пришел к заключению, что «с правовой точки зрения революция 1905–1907 гг. зафиксировала конфликты общества с государством в вопросах, связанных прежде всего с собственностью и системой общественного (государственного) управления» [59. С. 133].

В статье П.А. Сунгурова и В.П. Петровой, обобщающей результаты исследования криминальной ситуации в Тобольской губернии в последней трети XIX в., названы такие причины относительно высокого уровня преступности в регионе, как большая «нагрузка переселения и ссылки», «неустроенность» и невысокий уровень жизни населения, железнодорожное строительство, ограниченный репрессивный потенциал местной правоохранительной системы, низкий уровень правовой культуры населения, пьянство [60].

Н.С. Васиховская и П.А. Сунгуров констатировали, что хищения на золотых приисках Восточной Сибири в начале XX в. фактически представляли собой организованный «теневой промысел» [61. С. 136]. По данным А.В. Данчевской, уровень криминализации этого региона в целом в конце XIX – начале XX в. был «чрезвычайно высоким», что отчасти являлось следствием штрафной колонизации [62. С. 73, 75; 63. С. 34]. По оценке А.А. Иванова и А.В. Данчевской, в Иркутске наблюдался рост преступности во время русско-японской войны и Первой революции [64. С. 390, 392] (несколько иная тенденция была выявлена О.В. Харсеевой на материалах Центрально-Черноземного региона).

А.А. Сысоев и Д.Б. Кавецкий указывают, что массовое перемещение «наиболее опасных представителей российского общества к восточным окраинам империи при отсутствии должного полицейского надзора вело к появлению значительного количества сплоченных групп» криминального характера на территории Иркутской губернии [65].

Источниковедческим и методологическим аспектам изучения преступности посвящены статьи С.Л. Курас, О.В. Харсеевой, И.В. Синовой. С.Л. Курас рассмотрела структуру судебной отчетности второй половины XIX в. и сделала вывод о высокой информативности подобных источников по истории преступности [66. С. 167]. О.В. Харсеева пришла к заключению, что «Обзоры губерний» второй половины XIX – начала XX в. являются «наиболее полным из имеющихся за данный период истории России материалов официальной статистики регионов», и их комплексный анализ актуален при изучении эволюции преступности [67. С. 127, 133]. В публикации И.В. Синовой показана перспективность использования социологических концепций Э. Дюркгейма, Р. Мертона, П. Бурдье в рамках исследований истории отклоняющегося поведения [68].

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что в постсоветской российской историографии делинквентного поведения во второй половине XIX – начале XX в. существенное внимание уделяется таким проблемам, как выявление и объяснение динамики количественных характеристик преступности, изучение социальных, гендерных и региональных аспектов ее эволюции, оценка роли тех или иных факторов развития криминальной обстановки, а также структуры и причин противозаконных деяний.

Большинство исследователей приходят к выводу об ухудшении криминальной ситуации на протяжении рассматриваемого периода, объясняя эту тенденцию прежде всего влиянием модернизационных процессов. При этом если некоторые авторы обращают внимание прежде всего на определяющую негативную (по крайней мере на данном хронологическом отрезке) роль модернизационных изменений (в частности – Е.Н. Косарецкая, А.П. Веселовский, И.В. Скрябин, А.Р. Павлушков), то другие, не отрицая значимости процесса перехода от аграрного общества к индустриальному как одного из факторов модификации криминальной обстановки, называют в числе причин пореформенной делинквентности те или иные элементы традиционной правовой культуры (В.Б. Безгин, В.С. Сидорова, В.В. Кулачков, Т.Л. Музычук и др.), либо делают выводы об определенных положительных региональных тенденциях (П.А. Сучкин, В.В. Захаров, А.Н. Курцев, М.П. Шепелева). Б.Н. Миронов подчеркивает важность трансформации ценностных установок в пореформенный период, в то время как ряд историков отмечают значение социально-экономических проблем как предпосылок нарастания делинквентности (Н.А. Зоткина, С.И. Морюшкин, П.А. Сунгуров, В.П. Петрова и др.) Разные оценки даются дореволюционной правоохранительной системе как фактору, оказывавшему влияние на состояние криминальной среды. Нет общепризнанной точки зрения по вопросу о существовании в дореволюционный период организованной преступности. Большей частью авторов разделяются тезисы о процессах профессионализации, омоложения, феминизации криминального мира в пореформенную эпоху, о более широком распространении делинквентного поведения в городской среде по сравнению с сельской.

Современные исследования, выполненные на местном губернском материале, показали наличие специфических тенденций в эволюции делинквентного поведения в различных регионах Российской империи. В частности, накоплен материал, демонстрирующий особенности изменений криминальной ситуации в аграрных регионах (менее выраженный рост преступности губерниях с преобладанием сельского населения), показана специфика развития преступного мира в Сибири (относительно высокий уровень криминализированности, собственная динамика количественных характеристик делинквентности, влияние переселения, ссылки и других региональных факторов на эволюцию криминальной обстановки). Отмечено негативное воздействие на уровень местной преступности территориальной близости региона к столице. Особые социокультурные и политические факторы сказывались на криминальной обстановке в казачьей среде.

Различаются подходы к выбору объекта и предмета исследования. Если в ряде работ состояние преступности рассматривается как самостоятельная тема (Е.Н. Косарецкая, М.П. Шепелева, О.В. Харсеева и др.), то в других случаях противоправная активность анализируется во взаимосвязи с функционированием правоохранительной системы (Н.Б. Атапин, С.А. Бушуева, В.Ю. Голдинов и др.) либо в контексте изучения традиций и повседневной жизни представителей тех или иных сословий (В.Б. Безгин, Д.П. Жеребчиков, И.С. Менщиков, С.Г. Федоров, И.В. Скрябин, Д.Н. Гречишко и др.)

Можно говорить о том, что в российской исторической науке сложились определенные традиции изучения делинквентного поведения, сформировался определенный круг вопросов, вокруг которых организуется исследовательская деятельность. Тем не менее работу по данной теме нельзя считать завершенной. В целом ряде регионов преступность не изучалась, либо имеются лишь статьи, посвященные отдельным аспектам местной делинквентности. Нет современных комплексных исследований пореформенной общероссийской преступности на уровне монографий и докторских диссертаций. Потребность в продолжении работы обусловлена и определенными расхождениями позиций по ряду значимых проблем. Дополнительной проработки требуют такие сюжеты, как количественная динамика делинквентного поведения (в частности – исследование ее региональных особенностей, подтверждение либо опровержение на местном материале цикличного и возрастающего характера изменения статистических показателей преступности, объяснение особенностей развития криминальной обстановки в тех или иных губерниях), сравнение влияния различных факторов на криминальную обстановку, оценка эффективности правоохранительной системы в борьбе с преступностью, степень сформированности органи-

зованных криминальных групп, участие представителей уголовного мира в политической борьбе. Изучение социокультурного облика, криминологических особенностей правового сознания и мотивации преступников с привлечением в большем объеме архивных материалов, возможно, позволило бы создать более развернутую типологию правонарушителей, дало материал для более глубокого понимания причин отклоняющегося поведения, жизненных обстоятельств, провоцирующих нарушение закона, а также для аргументированной оценки значимости тех или иных факторов, влияющих на криминальную обстановку. Продуктивность подобных исследований могло бы обеспечить применение математических методов обработки данных при использовании судебно-следственной документации в качестве массового источника. Перспективной представляется активизация микроисторических исследований преступности, которые, в частности, позволяют изучить взаимоотношения правонарушителей с городской и сельской общиной, роль семьи в формировании предпосылок отклоняющегося поведения, клановое противостояние как фактор местной делинквентности. Нельзя не отметить и значимость компаративных исследований, которые позволили бы оценить эволюцию российской преступности в контексте аналогичных процессов в других странах.

Список источников

1. Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-deviatsii-perioda-rossiyskoy-modernizatsii-v-sovremennyh-istoricheskih-issledovaniyah (дата обращения: 01.07.2018).
2. Данчевская А.В. К вопросу об историографии уголовной преступности в России в конце XIX – начале XX веков: советский и постсоветский периоды // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7, № 1. URL: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20597 (дата обращения: 01.07.2018).
3. Павлушков А.Р. Проблема изучения правонарушений православного духовенства в отечественной историографии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 13–20.
4. Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. 2-е изд., доп. Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2009. 210 с.
5. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб. : Летний Сад, 1999. 320 с.
6. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я.И. Гилинский. СПб. : Алетейя, 2000. 384 с.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) : в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 583 с.
8. Атапин Н.Б. Борьба с девиантным поведением и уголовной преступностью в Российской империи (1881–1917 гг.) : дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 220 с.
9. Бушуева С.А. Борьба с уголовной преступностью в России в 1907–1914 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2009. 206 с.
10. Курас С.Л. О генезисе преступности в России (исторический аспект) // Власть. 2010. № 3. С. 78–81.
11. Голдинов В.Ю. Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в Российской империи (1901–1904 гг.) : дис. … канд. ист. наук. М., 2012. 207 с.
12. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. 992 с.
13. Яременко В.С. Российская организованная преступность: история и современность : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 25 с.
14. Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии) : дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2002. 374 с.
15. Смирнов М.А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2006. 33 с.
16. Прозументов Л.М. Уголовное законодательство России XIX–XX в. об организованных преступных группах // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 233–238.
17. Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2003. 30 с.
18. Карлеба А.В. Деформация правосознания населения России и борьба с противоправными проявлениями в условиях Первой мировой войны, 1914–1917 гг. : дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 209 с.
19. Цысь С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – осень 1917 г.) // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2010. № 4-1 (68). С. 265–269.
20. Шепелева М.П. Состояние уголовной преступности в российской провинции за 1861–1917 гг. на примере Курской губернии : автореф. дис. … канд. ист. наук. Курск, 2012. 23 с.
21. Косарецкая Е.Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Орел, 2007. 25 с.
22. Куликова С.Г. Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начала XX веков). Гагарин : Полимир, 2011. 174 с.
23. Морюшкин С.И. Преступность и борьба с ней в пореформенной России (на материалах Рязанской губернии) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Орел, 2009. 23 с.
24. Полищук В.А. Уголовные преступления уральских крестьян (по материалам Екатеринбургского окружного суда) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 117–124.
25. Богданов С.В., Ермолаев Д.В. Преступность среди женщин: от Российской Империи к Российской Федерации (опыт ретроспективного анализа) // Евразийский юридический журнал. 2012. № 9 (52). URL: http://naukarus.com/prestupnost-sredi-zhenschin-ot-rossiyskoy-imperii-k-rossiyskoy-federatsii-opyt-retrospektivnogo-analiza (дата обращения: 10.07.2018).
26. Безгин В.Б. Традиции сельской повседневности конца XIX – начала XX веков (на материалах губерний Центрального Черноземья) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. 41 с.
27. Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века. Тамбов : Тамбов. гос. техн. ун-т, 2015. 192 с.
28. Безгин В.Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 27–30.
29. Веселовский А.П. Модернизационные процессы и крестьянская преступность в конце XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. Вып. 9 (65). С. 82–86.
30. Федоров С.Г. Влияние модернизационных процессов на правовое поведение и преступность крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. : дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 292 с.

31. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Девиантное и делинквентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XXв. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2013. 260 с.
32. Гречишко Д.Н. Девиантное поведение кубанского казачества во второй половине XIX – начале XX века и способы его преодоления : автореф. дис. … канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2011. 25 с.
33. Сидорова В.С. Крестьянская семья и бытовая преступность в России во второй половине XIX века // Вестник Ленинградского государственного университете им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 33–39.
34. Скрябин И.В. Воздействие модернизационных процессов на крестьянскую повседневность во второй половине XIX века на примере Тульской губернии // Известия Тульского государственного университета. 2013. Вып. 3, ч. 1. С. 122–128.
35. Быков А.В., Быкова А.Г. Правоприменительная практика по делам о коррупции государственных служащих Российской империи в начале XX в. (по материалам Омской судебной палаты) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). С. 49–51.
36. Тяпкин М.О., Антропов В.М. Историко-правовая характеристика участия полиции Томской губернии в охране лесов в начале XX века // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 10 (132). С. 53–57.
37. Кулачков В.В., Музычук Т.Л. Криминологические аспекты правового сознания крестьянства Западного региона России на рубеже XIX–XX веков // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 615–622.
38. Харсеева О.В. Преступность крестьян в губерниях Центрально-Черноземной России в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 1 (41). С. 17–27. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28786024_55174081.pdf (дата обращения: 02.11.2018).
39. Масалимов А.С., Масалимов Т.С. Нарушение законности полицией Российской империи при осуществлении полномочий по охране общественного порядка // Вестник ВЭГУ. 2008. № 5 (37). С. 112–120.
40. Сысоев А.А. Детерминанты преступности полицейских чиновников Восточной Сибири // Проблемы фальсификации истории в контексте становления и развития правовых структур : сб. науч. тр. Иркутск, 2013. С. 141–151.
41. Храмцов А.Б. Привлечение чинов полиции Томской губернии за противоправные деяния к ответственности в 1914–1916 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 26–29.
42. Павлушков А.Р. Правонарушения духовенства как форма социально-политического протеста (XVIII–XIX вв.) // Право и политика: теоретические и практические проблемы : сб. материалов 2-й Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2013. С. 90–93.
43. Павлушков А.Р. Преступность в среде духовенства России XIX в. // История государства и права. 2014. № 5. С. 41–46.
44. Ворошилова А.С. «Неканоническое» поведение священников переселенческих приходов: причины и специфика // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 28–33.
45. Сучкин П.А. Социальная структура преступности в Курской губернии конца XIX века // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тамбов, 1992. С. 54–55.
46. Захаров В.В. Купечество Курской губернии в конце XIX – начале XX веков : дис. … канд. ист. наук. Курск, 1996. 194 с.
47. Курцев А.Н. Преступность на территории Курской губернии в конце XIX – начале XX века (по статистике осужденных) // Преступность: состояние, проблемы и перспективы борьбы. Курск, 2002. С. 25–28.
48. Политов В.Е. Криминогенная ситуация в Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков : автореф. дис. … канд. ист. наук. Орел, 2007. 27 с.
49. Жеребчиков Д.П. Городское население Тамбовской губернии в период модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2013. 24 с.
50. Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 84–90.
51. Пулькин М.В. Российская преступность начала XX века (по материалам Олонецкой губернии) // Политика, государство и право. 2013. № 11. URL: http://politika.snauka.ru/2013/11/1051 (дата обращения: 28.01.2017).
52. Пулькин М.В. Раздача боли: насилие в общественной и личной жизни в XVIII – начале XX вв. (по материалам Олонецкой губернии) // Studia Humanitarius. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razdacha-boli-nasilie-v-obschestvennoy-i-lichnoy-zhizni-v-xviii-nachale-xx-vv-po-materialam-olonetskoy-gubernii (дата обращения: 06.07.2018).
53. Попов А.С. К вопросу о преступности в Ярославской губернии в пореформенное время // Альманах современной науки и образования. 2008. № 6 (13), ч. 1. С. 176–177. URL: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/65.html (дата обращения: 10.04.2017).
54. Гусенков А.С. Полиция Новгородской губернии и борьба с преступностью во второй половине XIX – начале XX века: историко-правовой аспект : автореф. дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2009. 23 с.
55. Богданов С.В., Остапюк В.Г. Смертность населения Европейской части Российской Империи от убийств в 1870–1893 гг.: неизбежное следствие свобод или проблемы системных деформаций // Судебная реформа в России: преемственность и модернизация : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2014. С. 264.
56. Харсеева О.В. Численность осужденных в губерниях Центрально-Черноземной России в конце XIX – начале XX вв. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 17. С. 57–75.
57. Харсеева О.В. Влияние революционных событий начала XX века на уровень преступности населения Центрально-Черноземной России // Innova. 2017. № 2 (7). С. 39–44.
58. Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 251 с.
59. Глазунов Д.А. Правовое измерение революции: проблема преступности в 1905–1907 гг. (по материалам Томской губернии) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 129–134.
60. Сунгуров П.А., Петрова В.П. Криминальная ситуация в Тобольской губернии (последняя треть XIX века) // Вестник Тюменского государственного университета. Сер. История. 2012. № 2. С. 121–125.
61. Васиховская Н.А., Сунгуров П.А. Хищения на золотых промыслах Восточной Сибири (1912 г.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 135–136.
62. Данчевская А.В. Уголовная преступность в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: региональные особенности // Восьмые Байкальские Международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2015. Т. 1. С. 73–76.
63. Данчевская А.В. Уголовная преступность на трактах Восточной Сибири в конце XIX – начале XX веков // Актуальные вопросы развития современного общества : сб. науч. ст. Пермь, 2016. С. 32–34.
64. Ivanov A., Danchevskaya A. The Revolution of 1905 in Irkutsk and Criminality // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 47 (1). С. 383–392.
65. Сысоев А.А., Кавецкий Д.Б. Устойчивые преступные группы и их преследование на территории Иркутской губернии в XIX столетии // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 2. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29366728_66695992.pdf (дата обращения: 16.11.2018).
66. Курас С.Л. Судебная отчетность в пореформенной России как источник изучения преступности // Власть. 2013. № 4. С. 165–167.
67. Харсеева О.В. Обзоры губерний как источник информации о состоянии преступности в России в XIX – начале XX вв. // История, теория, практика российского права. 2017. № 10. С. 125–137.
68. Синова И.В. Социологические теории как методологическая основа исторических исследований // Известия Алтайского университета. 2017. № 2 (94). С. 197–201.

References

1. Bezgin, V.B. & Zherebchikov, D.P. (2015) Sotsial'nye deviatsii perioda rossiyskoy modernizatsii v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh [Social deviations of the period of Russian modernization in modern historical studies]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*. 5. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-deviatsii-perioda-rossiyskoy-modernizatsii-v-sovremennyh-istoricheskih-issledovaniyah (Accessed: 01.07.2018).
2. Danchevskaya, A.V. (2016) K voprosu ob istoriografii ugolovnoy prestupnosti v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov: sovetskiy i postsovetskiy periody [On the historiography of criminality in Russia in the late 19th – early 20th centuries: Soviet and post-Soviet periods]. *Baikal Research Journal*. 7(1). [Online] Available from: http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=20597 (Accessed: 1st July 2018).
3. Pavlushkov, A.R. (2014) Problema izucheniya pravonarusheniy pravoslavnogo dukhovenstva v otechestvennoy istoriografii [The problem of studying the offenses of the Orthodox clergy in Russian historiography]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. 2. pp. 13–20.
4. Porshneva, O.S. (2009) *Mezhdistsiplinarnye metody v istoriko-antropologicheskikh issledova*niyakh [Interdisciplinary methods in historical and anthropological research]. 2nd ed. Yekaterinburg: UGTU–UPI.
5. Lebina, N.B. (1999) *Povsednevnaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930 gody* [Everyday life of a Soviet city: norms and anomalies. 1920–1930s]. St. Petersburg: Letniy Sad.
6. Gilinskiy, Ya.I. (ed.) (2000) *Deviantnost' i sotsial'nyy kontrol' v Rossii (XIX – XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmyslenie* [Deviance and social control in Russia (the 19th – 20th centuries): trends and sociological understanding]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.)* [Social history of Imperial Russia (the 18th – early 20th centuries)]. 3rd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
8. Atapin, N.B. (2007) *Bor'ba s deviantnym povedeniem i ugolovnoy prestupnost'yu v Rossiyskoy imperii (1881–1917 gg.)* [The fight against deviant behavior and criminality in the Russian Empire (1881–1917)]. History Cand. Diss. Moscow.
9. Bushueva, S.A. (2009) *Bor'ba s ugolovnoy prestupnost'yu v Rossii v 1907–1914 gg*. [The fight against criminality in Russia in 1907–1914]. History Cand. Diss. Moscow.
10. Kuras, S.L. (2010) O genezise prestupnosti v Rossii (istoricheskiy aspekt) [On the genesis of crime in Russia (a historical aspect)]. *Vlast'*. 3. pp. 78–81.
11. Goldinov, V.Yu. (2012) *Bor'ba s prestupnost'yu i obespechenie obshchestvennogo poryadka v Rossiyskoy imperii (1901–1904 gg.)* [The fight against crime and ensuring public order in the Russian Empire (1901–1904)]. History Cand. Diss. Moscow.
12. Mironov, B.N. (2015) *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: From Tradition to Modernity: in 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
13. Yaremenko, V.S. (2006) *Rossiyskaya organizovannaya prestupnost': istoriya i sovremennost'* [Russian Organized Crime: History and Modernity]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
14. Zotkina, N.A. (2002) *Fenomen deviantnogo povedeniya v povsednevnoy zhizni rossiyskogo obshchestva na rubezhe XIX–XX vv.: prestupnost', p'yanstvo, prostitutsiya (na materialakh Penzenskoy gubernii)* [The phenomenon of deviant behavior in the everyday life of Russian society at the turn of the 20th centuries: crime, drunkenness, prostitution (a case study of Penza province)]. History Cand. Diss. Penza.
15. Smirnov, M.A. (2006) *Otechestvennaya prestupnost' i obshchestvenno-politicheskaya situatsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (1861–1917 gg.)* [Domestic crime and the socio-political situation in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (1861–1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Kostroma.
16. Prozumentov, L.M. (2015) Russia's criminal legislation of the 19th – first half of the 20th centuries on organized criminal groups. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 233–238. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/34
17. Ereshchenko, D.Yu. (2003) *Prestupnost' v Petrograde v 1914–1917 gg.* [Crime in Petrograd in 1914–1917]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
18. Karleba, A.V. (2005) *Deformatsiya pravosoznaniya naseleniya Rossii i bor'ba s protivopravnymi proyavleniyami v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny, 1914–1917 gg.* [Deformation of the legal consciousness of the population of Russia and the fight against illegal manifestations in the conditions of the First World War, 1914–1917]. History Cand. Diss. Krasnodar.
19. Tsys, S.N. (2010) Ulichnaya prestupnost' i obespechenie pravoporyadka v gorodakh Tomskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – osen' 1917 g.) [Street crime and law enforcement in the cities of Tomsk province during the First World War (1914 – autumn 1917)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Izvestiya of Altai State University*. 4-1(68). pp. 265–269.
20. Shepeleva, M.P. (2012) *Sostoyanie ugolovnoy prestupnosti v rossiyskoy provintsii za 1861–1917 gg. na primere Kurskoy gubernii* [Criminality in Russian provinces for 1861–1917: a case study of Kursk province]. Abstract of History Cand. Diss. Kursk.
21. Kosaretskaya, E.N. (2007) *Zhenskaya prestupnost' v Orlovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv*. [Women's crime in Oryol province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Orel.
22. Kulikova, S.G. (2011) *Zhenskaya prestupnost' kak sotsial'nyy faktor rossiyskoy modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachala XX vekov)* [Women's crime as a social factor of Russian modernization (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Gagarin: Polimir.
23. Moryushkin, S.I. (2009) *Prestupnost' i bor'ba s ney v poreformennoy Rossii (na materialakh Ryazanskoy gubernii)* [Crime and the fight against it in post-reform Russia (a case study of Ryazan province)]. Abstract of History Cand. Diss. Orel.
24. Polishchuk, V.A. (2011) Ugolovnye prestupleniya ural'skikh krest'yan (po materialam Ekaterinburgskogo okruzhnogo suda) [Criminal offenses of the Ural peasants (based on the materials of the Yekaterinburg District Court)]. In: Zakharova, K.L. (ed.) *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical Problems of Historical Research: The Perspective of Young Scientists]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 117–124.
25. Bogdanov, S.V. & Ermolaev, D.V. (2012) Prestupnost' sredi zhenshchin: ot Rossiyskoy Imperii k Rossiyskoy Federatsii (opyt retrospektivnogo analiza) [Crime among women: from the Russian Empire to the Russian Federation (a retrospective analysis)]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 9(52). [Online] Available from: http://naukarus.com/prestupnost-sredi-zhenschin-ot-rossiyskoy-imperii-k-rossiyskoy-federatsii-opyt-retrospektivnogo-analiza (Accessed: 10th July 2018).
26. Bezgin, V.B. (2006) *Traditsii sel'skoy povsednevnosti kontsa XIX – nachala XX vekov (na materialakh guberniy Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [Traditions of rural everyday life of the late 19th – early 20th centuries (a cases study of the Central Chernozem region)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
27. Bezgin, V.B. (2015) *"Na miru" i v sem'e: russkaya krest'yanka kontsa XIX – nachala XX veka* ["In Public" and in the Family: Russian Peasant Woman of the Late 19th – Early 20th Century]. Tambov: Tambov State Technical University.
28. Bezgin, V.B. (2016) Ubiystvo supruga(i) v krest'yanskoy sem'e (konets XIX – nachalo XX veka) [The spouse murder in a peasant family (in the late 19th – early 20th century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1(63). pp. 27–30.
29. Veselovskiy, A.P. (2008) Modernizatsionnye protsessy i krest'yanskaya prestupnost' v kontse XIX – nachale XX v. [Modernization processes and peasant crime in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9(65). pp. 82–86.
30. Fedorov, S.G. (2010) *Vliyanie modernizatsionnykh protsessov na pravovoe povedenie i prestupnost' krest'yan Yuzhnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The influence of modernization processes on the legal behavior and crime of the peasants of the Southern Trans-Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Chelyabinsk.

31. Menshchikov, I.S. & Fedorov, S.G. (2013) *Deviantnoe i delinkventnoe povedenie russkikh krest'yan Yuzhnogo Zaural'ya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Deviant and delinquent behavior of Russian peasants of the Southern Trans-Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kurgan: Kurgan State University.
32. Grechishko, D.N. (2011) *Deviantnoe povedenie kubanskogo kazachestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka i sposoby ego preodoleniya* [Deviant behavior of the Kuban Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries and ways to overcome it]. Abstract of History Cand. Diss. Slavyansk-na-Kubani.
33. Sidorova, V.S. (2011) Krest'yanskaya sem'ya i bytovaya prestupnost' v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka [Peasant family and domestic crime in Russia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universitete im. A.S. Pushkina*. 1. pp. 33–39.
34. Skryabin, I.V. (2013) Vozdeystvie modernizatsionnykh protsessov na krest'yanskuyu povsednevnost' vo vtoroy polovine XIX veka na primere Tul'skoy gubernii [The impact of modernization processes on peasant everyday life in the second half of the 19th century on the example of Tula province]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(1). pp. 122–128.
35. Bykov, A.V. & Bykova, A.G. (2013) Pravoprimenitel'naya praktika po delam o korruptsii gosudarstvennykh sluzhashchikh Rossiyskoy imperii v nachale XX v. (po materialam Omskoy sudebnoy palaty) [Law enforcement practice in cases of corruption of civil servants of the Russian Empire in the early 20th century. (Based on the materials of the Omsk Court of Justice)]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 4(51). pp. 49–51.
36. Tyapkin, M.O. & Antropov, V.M. (2015) Istoriko-pravovaya kharakteristika uchastiya politsii Tomskoy gubernii v okhrane lesov v nachale XX veka [Historical and legal characteristics of the Tomsk province police participation in the protection of forests in the early twentieth century]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 10(132). pp. 53–57.
37. Kulachkov, V.V. & Muzychuk, T.L. (2017) Criminological aspects of legal consciousness of peasants in the Western region of Russia at the turn of the 20th century. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 11(3). pp. 615–622. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).615-622
38. Kharseeva, O.V. (2017) Prestupnost' krest'yan v guberniyakh Tsentral'no-Chernozemnoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v. [Crime of peasants in the provinces of Central Black Earth Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(41). pp. 17–27. [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/ elibrary_28786024_55174081.pdf (Accessed: 2nd November 2018).
39. Masalimov, A.S. & Masalimov, T.S. (2008) Narushenie zakonnosti politsiey Rossiyskoy imperii pri osushchestvlenii polnomochiy po okhrane obshchestvennogo poryadka [Violation of the rule of law by the police of the Russian Empire in the exercise of powers to protect public order]. *Vestnik VEGU*. 5(37). pp. 112–120.
40. Sysoev, A.A. (2013) Determinanty prestupnosti politseyskikh chinovnikov Vostochnoy Sibiri [Determinants of crime of police officials in Eastern Siberia]. In: *Problemy fal'sifikatsii istorii v kontekste stanovleniya i razvitiya pravovykh struktur* [Problems of falsification of history in the context of the formation and development of legal structures]. Irkutsk: [s.n.]. pp. 141–151.
41. Khramtsov, A.B. (2015) Attraction of ranks of police of the Tomsk province for illegal actions to responsibility in 1914–1916. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(34). pp. 26–29. (In Russian).
42. Pavlushkov, A.R. (2013) Pravonarusheniya dukhovenstva kak forma sotsial'no-politicheskogo protesta (XVIII–XIX vv.) [Offenses of the clergy as a form of socio-political protest (18th – 19th centuries)]. In: Malko, A. (ed.) *Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Law and Politics: Theoretical and Practical Problems]. Ryazan: Kontseptsiya. pp. 90–93.
43. Pavlushkov, A.R. (2014) Prestupnost' v srede dukhovenstva Rossii XIX v. [Crime among the clergy of Russia in the 19th century]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 5. pp. 41–46.
44. Voroshilova, A.S. (2016) "Noncanonical conduct" of clergy of migrants' parishes: causes and specifics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 28–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/5
45. Suchkin, P.A. (1992) Sotsial'naya struktura prestupnosti v Kurskoy gubernii kontsa XIX veka [The social structure of crime in Kursk province of the late 19th century]. In: *Formirovanie i razvitie sotsial'noy struktury naseleniya Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Formation and development of the social structure of the population of the Central Chernozem region]. Tambov. pp. 54–55.
46. Zakharov, V.V. (1996) *Kupechestvo Kurskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov* [Merchants of the Kursk province in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Kursk.
47. Kurtsev, A.N. (2002) Prestupnost' na territorii Kurskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka (po statistike osuzhdennykh) [Crime in the territory of the Kursk province in the late 19th – early 20th century (according to the statistics of convicts)]. In: *Prestupnost': sostoyanie, problemy i perspektivy bor'by* [Crime: State, Problems and Prospects of Struggle]. Kursk: [s.n.]. pp. 25–28.
48. Politov, V.E. (2007) *Kriminogennaya situatsiya v Tambovskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vekov* [Criminogenic situation in Tambov province at the turn of the 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Orel.
49. Zherebchikov, D.P. (2013) *Gorodskoe naselenie Tambovskoy gubernii v period modernizatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The urban population of the Tambov province during the period of modernization (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Belgorod.
50. Pulkin, M.V. (2008) Deviantnoe povedenie v XVIII – nachale XX v. (po materialam Olonetskoy gubernii) [Deviant behavior in the 18th – early 20th century. (Based on the materials of the Olonets province)]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 2. pp. 84–90.
51. Pulkin, M.V. (2013) Rossiyskaya prestupnost' nachala XX veka (po materialam Olonetskoy gubernii) [Russian crime in the early 20th century (based on the materials of the Olonets province)]. *Politika, gosudarstvo i pravo*. 11. [Online] Available from: http://politika.snauka.ru/2013/11/1051 (Accessed: 28th January 2017).
52. Pulkin, M.V. (2016) Razdacha boli: nasilie v obshchestvennoy i lichnoy zhizni v XVIII – nachale XX vv. (po materialam Olonetskoy gubernii) [Distribution of pain: violence in public and private life in the 18th – early 20th centuries. (Based on the materials of the Olonets province)]. *Studia Humanitarius*. 2. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/razdacha-boli-nasilie-v-obschestvennoy-i-lichnoy-zhizni-v-xviii-nachale-xx-vv-po-materialam-olonetskoy-gubernii (Accessed: 6th July 2018).
53. Popov, A.S. (2008) K voprosu o prestupnosti v Yaroslavskoy gubernii v poreformennoe vremya [On crime in Yaroslavl province in the post-reform period]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 6-1(13). pp. 176–177. [Online] Available from: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/65.html (Accessed: 10th April 2017).
54. Gusenkov, A.S. (2009) *Politsiya Novgorodskoy gubernii i bor'ba s prestupnost'yu vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: istoriko-pravovoy aspekt* [The police of the Novgorod province and the fight against crime in the second half of the 19th – early 20th centuries: a historical and legal aspect]. Abstract of History Cand. Diss. Belgorod.
55. Bogdanov, S.V. & Ostapyuk, V.G. (2014) Smertnost' naseleniya Evropeyskoy chasti Rossiyskoy Imperii ot ubiystv v 1870–1893 gg.: neizbezhnoe sledstvie svobod ili problemy sistemnykh deformatsiy [Mortality of the population of the European part of the Russian Empire from murders in 1870–1893: an inevitable consequence of freedoms or problems of systemic deformations]. In: *Sudebnaya reforma v Rossii: preemstvennost' i modernizatsiya* [Judicial reform in Russia: continuity and modernization]. Belgorod: [s.n.]. pp. 264.
56. Kharseeva, O.V. (2016) Chislennost' osuzhdennykh v guberniyakh Tsentral'no-Chernozemnoy Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [The number of convicts in the provinces of Central Black Earth Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*. 17. pp. 57–75.
57. Kharseeva, O.V. (2017) Vliyanie revolyutsionnykh sobytiy nachala XX veka na uroven' prestupnosti naseleniya Tsentral'no-Chernozemnoy Rossii [The influence of the revolutionary events of the early twentieth century on the level of crime in the population of Central Black Earth Russia]. *Innova*. 2(7). pp. 39–44.

58. Shilovskiy, D.M. (2002) *Politsiya Tomskoy gubernii v bor'be s prestupnost'yu v 1867–1917 gg.* [The police of the Tomsk province in the fight against crime in 1867–1917]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
59. Glazunov, D.A. (2007) Pravovoe izmerenie revolyutsii: problema prestupnosti v 1905–1907 gg. (po materialam Tomskoy gubernii) [The legal dimension of revolution: the problem of crime in 1905–1907 (Based on the materials of Tomsk province)]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Sibirskoe obshchestvo v period sotsial'nykh transformatsiy XX v.* [Siberian Society During Social Transformations of the Twentieth Century]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–134.
60. Sungurov, P.A. & Petrova, V.P. (2012) Kriminal'naya situatsiya v Tobol'skoy gubernii (poslednyaya tret' XIX veka) [The criminal situation in Tobolsk province (the last third of the 19th century)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2. pp. 121–125.
61. Vasikhovskaya, N.A. & Sungurov, P.A. (2015) Khishcheniya na zolotykh promyslakh Vostochnoy Sibiri (1912 g.) [Theft in the gold mines of Eastern Siberia (1912)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 22. pp. 135–136.
62. Danchevskaya, A.V. (2015) Ugolovnaya prestupnost' v Vostochnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: regional'nye osobennosti [Criminality in Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries: regional features]. *Vos'mye Baykal'skie Mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya*. 1. pp. 73–76.
63. Danchevskaya, A.V. (2016) Ugolovnaya prestupnost' na traktakh Vostochnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vekov [Criminality on the tracts of Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. In: *Aktual'nye voprosy razvitiya sovremennogo obshchestva* [Topical Issues of Modern Society Development]. Perm: [s.n.]. pp. 32–34.
64. Ivanov, A. & Danchevskaya, A. (2018) The Revolution of 1905 in Irkutsk and Criminality. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 47(1). pp. 383–392.
65. Sysoev, A.A. & Kavetskiy, D.B. (2017) Ustoychivye prestupnye gruppy i ikh presledovanie na territorii Irkutskoy gubernii v XIX stoletii [Persistent criminal groups and their persecution on the territory of the Irkutsk province in the 19th century]. *Baikal Research Journal*. 8(2). [Online] Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_29366728_66695992.pdf (Accessed: 16th November 2018).
66. Kuras, S.L. (2013) Sudebnaya otchetnost' v poreformennoy Rossii kak istochnik izucheniya prestupnosti [Judicial reporting in post-reform Russia as a source for studying crime]. *Vlast'*. 4. pp. 165–167.
67. Kharseeva, O.V. (2017) Obzory guberniy kak istochnik informatsii o sostoyanii prestupnosti v Rossii v XIX – nachale XX vv. [Reviews of provinces as a source of information on the state of crime in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya, teoriya, praktika rossiyskogo prava*. 10. pp. 125–137.
68. Sinova, I.V. (2017) Sotsiologicheskie teorii kak metodologicheskaya osnova istoricheskikh issledovaniy [Sociological theories as a methodological basis for historical research]. *Izvestiya Altayskogo universiteta*. 2(94). pp. 197–201.

***Сведения об авторе*:**
Пухов Денис Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: histp5@gmail.com
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Pukhov Denis Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Ural State Forest Engineering University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: histp5@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.2018; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 07.09.2018; accepted for publication 07.09.2022

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 39:572.02:811.553'1/'3
doi: 10.17223/19988613/79/20

К вопросу об этногенезе енисейцев

Светлана Юрьевна Колесникова[1], Владимир Николаевич Харьков[2], Лариса Витальевна Валихова[3]

[1] Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия
[2, 3] Научно-исследовательский институт медицинской генетики Томского национального исследовательского медицинского центра РАН, Томск, Россия
[1] Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru
[2] vladimir-kharkov@medgenetics.ru
[3] larisa_ermizova9@mail.ru

Аннотация. Предложен научный метод, с помощью которого можно проводить изучение этногенеза енисейцев. Данный метод, по мнению авторов, позволит осуществлять беспрерывный междисциплинарный анализ и определить дальнейшие перспективы исследования. В статье метод применяется с опорой на известные лингвистические гипотезы и новейшие генетические материалы. Констатируется, что существует связь енисейцев с коренными народами Сибири и Северной Америки.
Ключевые слова: этногенез, этнография, енисейские народы, коренные народы, междисциплинарный подход

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 22-64-00060 (https://rscf.ru/project/22-64-00060/).

Для цитирования: Колесникова С.Ю., Харьков В.Н., Валихова Л.В. К вопросу об этногенезе енисейцев // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 164–170. doi: 10.17223/19988613/79/20

Original article

To a question of the Yeniseian ethnogenesis

Svetlana Yu. Kolesnikova[1], Vladimir N. Kharkov[2], Larisa V. Valikhova

[1] Siberian State Medical University, Tomsk, Russia
[2, 3] Research Institute of Medical Genetics, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia
[1] Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru
[2] vladimir-kharkov@medgenetics.ru
[3] larisa_ermizova9@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the Yeniseian ethnogenesis. This question has been studied mainly by linguists when compared with other studies. The main aim of this paper is to compare three well-known linguistic hypotheses with the genetic conclusions on the indicated problem and to reveal the opinions coincidence of both linguists and geneticists. The most famous linguistic assumptions concerning the place of Yeniseian language (the Ket language) among other languages are described in the article:
1. Availability of connection of Yeniseian language with the languages of the indigenous peoples of Siberia;
2. Availability of connection of Yeniseian language with the languages of the indigenous peoples of North America;
3. Availability of connection of Yeniseian language with the Sino-Tibetan languages;
4. Availability of connection of Yeniseian language with other languages;
5. The Ket language is an isolated one.
Based on this brief scheme it is possible to study the connections of the Yeniseians with the Siberian, North American and Sino-Tibetan indigenous peoples from the genetic viewpoint. The relationships of the Yeniseians (the Kets) with many peoples of Southern Siberia are detected due to the genetic research. The genetic analysis of admixture was used to indicate the above-mentioned relationships. The comparison was carried out by means of the study of DNA belonging

© С.Ю. Колесникова, В.Н. Харьков, Л.В. Валихова, 2022

to different populations. The obtained statistic data testify decisively that the Yeniseian genetic component is connected with the paleosiberian population which was presented within 2-3 thousand years by Yeniseian peoples. In general, the genetic images of investigated populations of South Siberia show that in the gene pool there is the genetic substrate received from the native paleosiberian peoples inhabiting the territory of present Tuva, Khakassia, Altai, South of Krasnoyarsk region and Tomsk region. The genetic link of the Yeniseian and North America native peoples is obvious. The genetic studies of the connection of the Yeniseian and Sino-Tibetan population are absent.
The linguistic hypotheses on relationships of the Yeniseian and indigenous population of Siberia and North America are generally confirmed by the presented genetic data. It is impossible to compare linguistic and genetic standpoints concerning the affinity of the Yeniseian and the Sino-Tibetan peoples because of the genetic data absence. Thus, we have a reason to assert more confidently about the relations of the Yeniseian population primarily with native peoples of South Siberia and North America.
Keywords: ethnogenesis, ethnology, yeniseian population, native peoples, an interdisciplinary research

Acknowdgements: This work was supported financially by the Russian Science Foundation, grant no. 22-64-00060 (https://rscf.ru/en/project/22-64-00060/).

For citation: Kolesnikova, S.Yu., Kharkov, V.N, Valikhova, L.V. (2022) To a question of the Yeniseian ethnogenesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 164–170. doi: 10.17223/19988613/79/20

Введение

Этногенез енисейцев (кетов) на сегодняшний день остается нерешенной проблемой. Наиболее активно енисейские народности в течение многих десятилетий изучались лингвистами, в меньшей степени – антропологами, этнографами, археологами, генетиками. Однако до сих пор не существует ни достаточного количества исследований, публикаций, ни единого мнения и ясного вывода по указанной проблеме.

Цель данной статьи – предложить научный метод, с помощью которого можно проводить дальнейшее изучение этногенеза енисейцев. Данный метод представляет собой использование междисциплинарного подхода с применением математической диаграммы Венна. Под междисциплинарным подходом подразумевается анализ данных ученых различных научных направлений (лингвистика, генетика, этнография, археология и пр.). Диаграмма Венна – это схематичное изображение (в виде кругов или других фигур) всех возможных отношений (в частности, объединение, пересечение) нескольких подмножеств универсального множества.

Суть метода состоит в том, чтобы рассмотреть имеющиеся гипотезы с помощью диаграммы и определить точку их пересечения. Вероятно, эта общая гипотеза и будет наиболее верной. Непересекающиеся идеи можно рассматривать как отправной пункт для новых перспективных исследований.

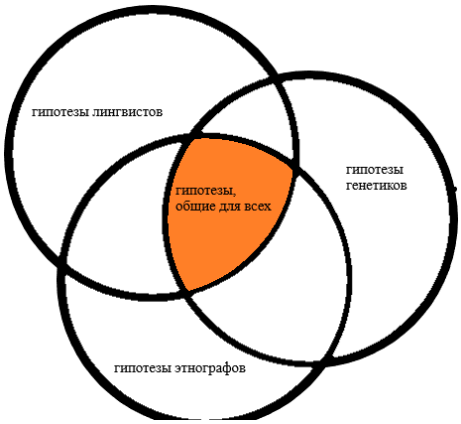

Рис. 1. Схема реализации метода по диаграмме Венна

Элементами диаграммы являются круги-гипотезы, которые накладываются друг на друга, далее вычленяется общий фрагмент (рис. 1). В качестве элементов можно использовать более трех кругов (в зависимости от наличия факторов). Чем больше элементов, тем более достоверными будут выводы.

Применение метода междисциплинарного синтеза по диаграмме Венна к проблеме происхождения кетов

При использовании метода мы в качестве первого элемента привлекаем широко известные предположения лингвистов (как наиболее разработанные и информативные) о связях енисейских языков с другими языками. Эти лингвистические теории могут быть представлены кратко и приблизительно следующим образом.

Теория, предполагающая связь енисейских языков с языками коренных народов Сибири, которая поддерживается рядом авторитетных ученых. Обозначим ее как **№ 1.** Еще В. Топоров говорил о том, что «особенно многообещающими оказываются исследования, посвященные енисейско-самодийским связям, поскольку енисейские и самодийские народы были соседями в течение очень длительного времени (во всяком случае

еще в Саянах» [1. С. 126]. П. Хайду выдвинул тезис о возможных контактах между енисейцами и самодийцами до начала дифференциации последних (после II в. до н.э.) [2. С. 261]. Историческое проживание кетов и самодийцев по соседству, несомненно, оставило след в их языках. Эти языки имеют типологическое сходство в системе имен, в совпадении целых лексических групп слов, имеющих общее происхождение, названий животных, растений, предметов домашнего обихода, утвари, одежды, предметов шаманского культа. По мнению А.П. Дульзона, к енисейским языкам наиболее близки селькупский и нганасанский, а более удалены ненецкий и энецкий [3. С. 74].

Енисейские народы (кеты) обнаруживают многочисленные связи более позднего характера с народами Севера и в первую очередь с самодийцами. Если для относительно древних периодов была актуальна связь енисейцев с южносамодийскими народами, то по мере их продвижения на север по Енисею осуществлялось постепенное вовлечение отдельных групп кетов в околополярный культурный комплекс; особенно отчетливы черты сближения кетов и селькупов, образующих единый культурно-лингвистический союз. [4. С. 7]. О том, что у кетского языка прослеживаются некоторые общие элементы с самодийскими языками, писали П.Я. Скорик и другие ученые [5. С. 20, 22]. Помимо енисейско-самодийских связей, отмечаются языковые параллели с тюркскими, тунгусскими, угорскими, чукотско-камчатскими языками, зафиксированы коттско-юкагирские лексические и грамматические соответствия [3. С. 69–76].

Теория, свидетельствующая о связи енисейских языков с языками североамериканских индейцев **(№ 2).** Идея родства языков индейцев Северной Америки и енисейских языков была высказана еще в середине XX в. Что касается освещения этой проблемы в советской и российской научной литературе, то можно упомянуть совсем небольшое количество публикаций. В частности, А.П. Дульзон писал о сходстве кетского языка с индейскими языками (наряду с северокавказскими, баскским, сино-тибетскими, тибето-бирманскими), отмечая, что они объединяются по признаку полисинтетизма и общим для них является наличие поссесивных префиксов. При этом «словарных и морфологических общностей выявлено мало». По данным лексики енисейские языки сопоставляли с некоторыми американскими М. Свадеш и А.Б. Долгопольский [6. С. 583–584, 607].

Гораздо большее внимание рассмотрению, поддержке и развитию гипотезы о связи этих групп языков уделялось и уделяется на протяжении многих десятилетий зарубежными учеными, в частности американским лингвистом Э. Вайда и др. [7. P. 150; 8–10]. У российских лингвистов гипотеза родства на-дене языков и енисейских языков в настоящее время не находит авторитетной безоговорочной поддержки [11].

Теория, подчеркивающая связь енисейских языков с сино-тибетскими языками **(№ 3).** Академик А. Шифнер впервые предположил связь енисейских языков с тибето-китайскими. Эта гипотеза была впоследствии поддержана в трудах Г. Рамстедта, А. Тромбетти, К. Доннера, Э. Леви, К. Боуда, А.П. Дульзона [4. С. 13]. В частности, хорошо известны идеи Э. Леви об «индо-китайских» связях кетов, Г. Рамстедта о кетах как об остатке «индо-китайской» языковой ветви, У.Г. Пуллейбланка о связи енисейских языков с китайскими языками [2. С. 270, 275]. А.П. Дульзон разрабатывал идею о енисейской принадлежности господствующей группы племен в гуннском государстве, писал о связи языков китайцев, кетов, гуннов. По его мнению, общности в словарном составе кетского и китайского языков подтверждают вывод о том, что исходным местом для расселения енисейских народностей в Сибири был юг Западно-Сибирской низменности, между верховьями Иртыша и Енисея. Раннюю историю енисейских народностей следует искать в предшествующей истории гуннов [2. С. 258; 7. P. 138, 142]. По словам П.Я. Скорика, гипотеза об азиатском происхождении палеоазиатов (в том числе кетов) – наиболее поддерживаемая большинством ученых [5. С. 22].

Идея кето-тибетского языкового родства в середине XX в. была подвергнута критике: «Ряд исследователей, включая Доннера, Ливи, Боуду, Финдензейна, попытались соединить остяко-енисейский (кетский) язык с сино-тибетскими, и этот взгляд встретил некоторое одобрение (Шмидт, Тромбетти), но все же критическое исследование фактов четко указывает на то, что эти две группы языков не имеют ничего общего». Однако в последние десятилетия отношение к родству языков енисейских и сино-тибетских вновь изменилось в пользу более ранней точки зрения [3. С. 67–68].

Теория, отмечающая связи енисейских языков с прочими языками **(№ 4).** О. Тайер, не отвергая сино-тибетских связей енисейских языков, предложил искать эускаро-кавказско-енисейские параллели [2. С. 279]. А.П. Дульзон отмечал сходство кетского языка с северокавказскими, баскским языками [6. С. 580, 584]. Обнаружены некоторые сходства енисейских языков с шумерским, индоевропейским, дравидийским и др. К числу современных гипотез можно отнести идею известного российского лингвиста Г. Старостина, который предложил свою схему языкового родства и место енисейского языка в этой схеме [10. С. 5]:

A. 'Sino-Dene' or 'Eastern Dene-Sino-Caucasian':
A.1. Sino-Tibetan;
A.2. Na-Dene;
B. 'Western Dene-Sino-Caucasian':
B.1. Yeniseian + Burushaski;
B.2. North Caucasian + Basque

Теория об изолированности кетского языка **(№ 5).** Некоторые ученые считают, что язык кетов относится к изолированным, но типологически входит в группу полисинтетических языков (наряду с кавказскими, индейскими и др.) [6. С.137].

В качестве второго элемента анализа используем новейшие данные генетиков по указанной проблеме. Охарактеризуем две гипотезы, методику проведения анализа и выводы.

Гипотеза о связи енисейцев (кетов) с коренными народами Сибири **(№ 1).** Для определения связи енисейских народов с другими народами Сибири был

использован анализ ADMIXTURE. Сравнение проводилось по ДНК, принадлежащим следующим популяциям. Образцы первой выборки принадлежат представителям популяции коренного населения Сибири (N = 487 человек) представленным алтайцами (с. Бешпельтир, N = 24, с. Кулада, N = 25), бурятами (пос. Агинское, N = 23, с. Курумкан, N = 28), калмыками (N = 29), кетами (N = 25), коряками (N = 20), нивхами (N = 13), татарами (г. Томск, N = 20), тувинцами (N = 28), удэгейцами (N = 15), хантами (с. Казым, N = 30, д. Русскинская, N = 26), хакасами (сагайцами, N = 29, и качинцами, N = 26), чукчами (N = 25), чулымцами (N = 22), эвенками (забайкальские, N = 25, и якутские, N = 28), якутами (N = 26). Популяции Волго-Уральского географического региона и популяции Европы (N = 419) представлены коми (N = 30), марийцами (N = 30), вепсами (N = 30), удмуртами (удмурты, N = 30, п. Балезино, N = 28, с. Шаркан, N = 18), чувашами (N = 26), башкирами (бурзянский р-н, N = 34, пермские, N = 15, салаватский р-н, N = 15), бесермянами (N = 16), карелами (N = 29), мордвой (эрзя, N = 16, мокша, N = 30, шокша, N = 14), татарами (казанские, N = 33) и русскими (N = 33), а также популяциями, относящимся к популяциям Средней Азии: киргизами (N = 30), узбеками (N = 26) и казахами (младший жуз, N = 30, старший жуз, N = 30).

При задании числа предковых компонентов больше семи в большинстве южносибирских популяций выявляется специфичный для них генетический компонент, наиболее отчетливо проявляющийся на анализируемом массиве популяционных выборок при K = 10, который можно интерпретировать как «енисейский» генетический пласт в генофонде современных популяций. Его максимальное значение показано у чулымцев (0,94176). Существенную долю этот компонент занимает у кетов (0,64735). Более низкий коэффициент у кетов относительно чулымцев, вероятно, связан с достаточно сильной метисацией местного населения за несколько последних поколений. В отличие от кетов, ассимиляция чулымцев происходила значительно медленнее, тем самым позволяя сохраняться их генофонду. Метисированная часть популяций кетов составляет уже около 70% от общего числа людей. Метисы обнаруживаются практически во всех возрастных категориях, и за последние 30 лет процессы метисации (особенно с европеоидным населением) значительно активизировались [12. С. 318].

Однако, несмотря на имеющуюся недавнюю европеоидную примесь, кеты характеризуются доминированием собственного генетического компонента (енисейского), который и является их генетической основой. На уровне отдельных индивидов по результатам расчета доли различных генетических компонент видно, что протестированные образцы кетов отличаются друг от друга по доле енисейского компонента больше, чем чулымцы. Для каждого конкретного образца из выборки кетов доля енисейского компонента дополняется только компонентами, доминирующими в популяциях европейской части России, что полностью соответствует их метисации за последнее время в основном с пришлыми европейскими переселенцами. Таким образом, до метисации с пришлым населением генофонд кетов, судя по распределению компонент в исследованной выборке, был достаточно гомогенен и в нем доминировал енисейский генетический компонент.

При анализе генетических компонентов южносибирских популяций особо можно отметить, что около трети генофонда тувинцев (0,28398) имеют элементы енисейского компонента. По данным лингвистов, выявляется связь между древним племенем чиков, населявших центральную территорию Тувы по обе стороны от Енисея до столкновений с тюркским каганатом и принимавших активное участие в этногенезе тувинцев. При исследовании кето-енисейских языков в праенисейском языке обнаружены схожие слова с этнонимом «чики», чего не обнаружено в других языках того времени [13. С. 17]. Можно предположить, что данные этносы проживали в одно время и на одной территории, и складывание енисейского компонента происходило в Туве при их активном взаимодействии.

Также существенную долю енисейский компонент занимает в генофонде популяций Алтая-Саян – качинцев, северных и южных алтайцев, сагайцев, шорцев, которые получили этот компонент не от ассимиляции с кетами, а от более ранних енисейских народов, которые проживали на территории Южной Сибири. Практически четверть генофонда хакасов качинцев (0,24578) также представлена енисейским компонентом, что согласуется с антропологическими данными о взаимодействии енисейских народов с хакасами, а также со сходством в элементах материальной культуры [14. С. 315].

В генофонде алтайцев и томских татар тоже встречается енисейский компонент (0,158742) и (0,092090). С меньшей частотой енисейский компонент представлен у других представителей алтайской языковой семьи: бурятов, киргизов, калмыков, казахов, башкир и др. Полученные результаты хорошо согласуются с данными этнологии, антропологии и лингвистики о вкладе енисейского компонента в формирование различных народов Алтая-Саян и историческими ареалами енисейских языков.

В выборках тувинцев, качинцев, алтайцев и бурятов доля енисейского и других компонентов на индивидуальном уровне варьирует значительно меньше, чем у кетов и чулымцев. Это свидетельствует об отсутствии метисации и достаточно большой древности енисейского субстрата в составе их генофондов.

Ранее при изучении данных по менее плотным биочипам (около 160 тыс. SNP) наличие общего с кетами компонента было выявлено у селькупов и энцев, а также у тюркоязычных популяций на Алтае (шорцы, хакасы, алтайцы и телеуты). Анализ данных палеогенетики в работе [15] показал, что кеты и близкие к ним селькупы относятся к группе современных популяций, наиболее родственных древнему сибирскому компоненту культуры саккак. Помимо кетов и селькупов данная группа включает нганасанов и юкагиров. В отличие от других популяций этой группы, кеты и в меньшей степени селькупы унаследовали высокую долю генофонда древних северных евразийцев (Маль-

та). Кеты находятся ближе к саккак, чем нивхи, алтайцы, буряты и якуты, отмечают авторы исследования.

Таким образом, полученные статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что енисейский генетический компонент достоверно связан с палеосибирским населением, которое на территории Южной Сибири в течение последних 2–3 тыс. лет было представлено енисейскими популяциями [15. P. 6].

В целом генетические портреты исследованных популяций Южной Сибири указывают на наличие в их генофондах генетического субстрата, полученного от автохтонного палеосибирского населения, населявшего территорию современной Тувы, Хакасии, Алтая, юга Красноярского края и Томской области.

***Гипотеза о связи енисейцев (кетов) с индейцами Северной Америки* (№ 2).** В период заселения евразийского континента сформировалась макрогруппа P, которая включает в себя две крупные клады Q и R, чьи линии распространены главным образом на севере Евразии. С расселением современного человека в эпоху палеолита на восток Северной Азии (гаплогруппы клады Q) и на запад Евразии (гаплогруппы клады R) происходила последующая диверсификация линий Y-хромосомы внутри этой клады.

Носители клады Q мигрировали на север Восточной Азии и далее на американский континент. В настоящее время большинство мужчин, коренных жителей Южной Америки, имеют гаплогруппу Q. Носители гаплогруппы Q также проживают в Северной Америке. Клада Q с наибольшей частотой в Евразии встречается в популяциях коренных народов Сибири [16. P. 68]. В Сибири возникновение Q связано с миграцией ее носителей с юга на север и северо-восток, предположительно из Средней Азии. Таких миграционных волн было не менее двух, так как в современном генофонде Сибири представлены различные сублинии Q.

Для проведения филогенетического анализа были использованы следующие популяции: северные алтайцы (N = 49), южные алтайцы (N = 133), буряты (N = 295), калмыки (N = 357), кеты (N = 22), томские татары (N = 122), телеуты (N = 35), тувинцы (N = 422), хакасы (N = 245), ханты (N = 112), шорцы (N = 105) и якуты (N = 217).

Филогенетический анализ гаплогруппы Q1b1a позволил установить ее структуру путем построения древа гаплотипов по методу медианных сетей. По кладе Q1b1a обнаружена полная этническая специфичность линий. У тувинцев это Q1b1a3b1a-B30 (I), у хантов – Q1b1a3b-L716 (II), у хакасов – Q1b1a3b-B287 (III). Отдельный кластер образуют северные алтайцы и два хакаса, мутантные по маркеру BZ2199 и принадлежащие к линии Q1 (IV). У кетов выявлены две сублинии: Q1b1a3b1a2-B33 и Q1b1a3b4-B31 (V и VI).

Наибольший по количеству образцов кластер (I) образован тувинцами, мутантными по маркеру B30 и принадлежащими к сублинии Q1b1a3b1a. Их гаплотипы образуют типичную звездообразную филогению с преобладанием по частоте модального гаплотипа всей сети, что указывает на относительно большую эффективную численность предковых для тувинцев популяций. Территория Тувы претендует на роль исходного ареала гаплогруппы Q1b1a в Сибири. Наличие гаплогруппы Q1b1a в генофонде тувинцев однозначно является следствием генетического вклада палеосибирских племен.

Специфической особенностью кетского генофонда является низкое генетическое разнообразие как по составу генетических компонент, так и по частоте гаплогрупп Y-хромосомы. Филогенетическая структура гаплотипов Q1b1a у кетов совершенно не похожа на структуру хантов, тувинцев, хакасов или алтайцев, у которых эта линия также составляет значительную долю от общего числа линий Y-хромосомы. Отсутствие у кетов модального гаплотипа Q1b1a сочетается с отсутствием и господствующего по частоте собственного основателя. Гаплотипы кетов в медианной сети Q1b1a представляют две различные сублинии: Q1b1a3b1a2-B33 и Q1b1a3b4-B31. Q1b1a3b1a2, мутантная по маркеру B33, является дочерней сублинией Q1b1a3b, определяемой маркером B287, они развивались параллельно. В генофонде хакасов линия Q1b1a связана общим для популяций Сибири древним субстратом, а также вкладом кетоязычных племен [17. С. 451].

Появление Q1b1a в Сибири связано с миграцией ее носителей с юга на север (предположительно с юга Центральной Азии). Значительная древность этого компонента южносибирского генофонда и неширокое распространение позволяют предполагать связь гаплогруппы Q1b1a с енисейским этническим компонентом, так как в районе современного проживания кетов зафиксирована максимальная частота этой гаплогруппы [18. С. 34].

Выявленная филогенетическая структура гаплогруппы Q1b1a не показывает значительную древность этого компонента в кетском генофонде, а, скорее всего, отражает относительно недавние миграционные события в этногенезе кетов (расселение на север вдоль Енисея), которые привели к потере части гаплотипического разнообразия. Поскольку у кетов обнаружено две разных сублинии этой гаплогруппы: Q1b1a3b1a2-B33 и Q1b1a3b4-B31, то, вероятнее всего, в результате миграций произошло оседание на Енисейском Севере немногочисленных групп. а с продвижением в дальнейшем отдельных семей на север образовались смешанные территориальные группы. Несмотря на малочисленность кетов в структуре их гаплогруппы Q1b1a не наблюдается снижения гаплотипического разнообразия и ярко выраженного эффекта основателя.

Таким образом, исходя из имеющихся данных, можно однозначно судить о наличии генетической связи енисейских народов с коренными американцами. Представленный генетический анализ показал, что енисейский генетический компонент достоверно связан с палеосибирским населением территории Южной Сибири. Однозначно выявляется наличие генетической связи енисейских народов с коренными американцами.

Теперь изобразим описанные выше выводы лингвистов и генетиков с помощью диаграммы Венна (рис. 2), где элементы-круги обозначают совокупность гипотез соответствующего научного направления (лингвистика – овалы, генетика- прямоугольники).

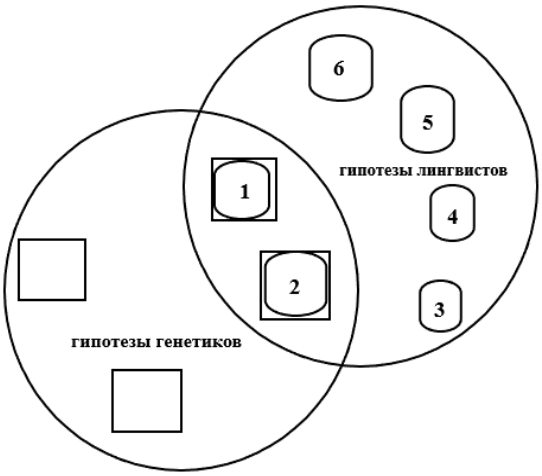

Рис. 2. Лингвистический и генетический анализ происхождения кетов по диаграмме Венна

На рисунке видны точки пересечения элементов, свидетельствующие о совпадении лингвистических теорий № 1, 2 и гипотез № 1, 2 генетического анализа. Можно говорить (с большей степенью вероятности) о наличии связи енисейцев именно с народами Сибири и Северной Америки. Таким же способом можно постоянно (по мере накопления материала) добавлять к диаграмме новые сравнительные данные и элементы гипотез этнографов, археологов и других ученых к уже имеющимся лингвистическим и генетическим. То есть появится возможность получить более или менее целостную картину, демонстрирующую точки пересечения или непересечения идей, и выяснять всю совокупность умозаключений по обозначенной проблеме.

Выводы

Описанный в статье опыт изучения этногенеза енисейцев (кетов) на основе данных различных научных направлений доказывает эффективность применения логической диаграммы Венна для обобщения информации по дискуссионным проблемам, фиксации общих точек зрения и их различий, определения дальнейших перспектив проведения исследований в гуманитарной области. В частности, обобщенный в статье материал известных лингвистических и новейших генетических исследований позволяет утверждать, что существует связь енисейцев с коренными народами Сибири и Северной Америки.

Список источников

1. Топоров В.Н. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов // Кетский сборник. Лингвистика. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1968. С. 126–147.
2. Топоров В.Н. Библиография по кетскому языку // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1969. С. 243–285.
3. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 2: Кеты. 286 с.
4. Иванов В.В. и др. Предисловие // Кетский сборник. Лингвистика. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1968. С. 5–14.
5. Скорик П.Я. Палеоазиатские языки и их изучение в институте языкознания АН СССР // Палеоазиатские языки. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 22–26.
6. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. 636 с.
7. Vaida E. The Dene-Yeniseian connection: a reply to G. Starostin // Journal of Language Relationship. 2012. № 8. P. 138–152. URL: https://jolr.ru/files/(99)jlr2012-8(138-152).pdf
8. Werner H. Рец. на работу: Edward J. Vajda, A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection (Anthropological Papers of the Univer-sity of Alaska, vol. 5 New Series, 1-2), 2010, с. 33–99 // Вестник Томского педагогического университета. 2011. Вып. 3 (105). С. 177–179. URL: https://www.academia.edu/14647339/Edward_J_Vajda_A_Siberian_Link_with_Na_Dene_Languages_The_Dene_Yeniseian_Connection_Anthropological_Papers_of_the_Univer_sity_of_Alaska_vol_5_New_Series_1_2_2010_c_33_99
9. Campbell L. The Dene-Yeniseian Connection by James Kari and Ben A. Potter // International Journal of American Linguistics. 2011. Vol. 77, № 3. P. 445–451. URL: https://www.academia.edu/10153406/Review of The Dene Yeniseian Connection
10. Bengtson J., Starostin G. The Dene-Sino-Caucasian hypothesis: state of the art and perspectives. 2011. URL: https://www.academia.edu/13072385/The_Dene_Sino_Caucasian_hypothesis_state_of_the_art_and_perspectives
11. Starostin G. Dene-Yeniseian: a critical assessment // Journal of Language Relationship. 2012. № 8. P. 117–138. URL: https://jolr.ru/files/(99)jlr2012-8(138-152).pdf
12. Кашинская Ю.О, Посух О.Л. Южные алтайцы, кеты и туратинские казахи - популяционно-генетические характеристики и этногенез // II съезд Вавиловского общества генетиков и селекционеров : материалы Междунар. науч. конф., 1–5 февр. 2000 г. СПб., 2000. Т. 2. С. 318
13. Монгуш Б.Б. Чики: Происхождение и роль в этногенезе тувинцев (по сведениям восточных письменных источников) // Омский научный вестник. 2007. № 5 (59). С. 15–19.
14. Сокровища культуры Хакассии / под ред. А.М. Тарунова. М. : Науч.-инф. Изд. центр (НИИЦентр), 2008. 512 с.
15. Flegontov P., Changmai P., Zidkova A., Logacheva A. Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry // Scientific Reports. 2016. Т. 6, № 1. С. 1–12.
16. Karafet T.M., Osipova L.P., Gubina M.A, Posukh O.L., Zegura S.Z., Hammer M.F. High levels of Y-chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life // Hum Biol. 2002. Vol. 74. P. 61–89.
17. Харьков В.Н., Хамина К.В., Медведева О.Ф., Штыгаева О.В., Степанов В.А. Разнообразие генофонда хакасов: внутриэтническая дифференциация и структура гаплогрупп Y-хромосомы // Молекулярная биология. 2011. № 45 (3). С. 446–457.
18. Харьков В.Н. Структура и филогеография генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы : автореф. дис. … д-ра биол. наук. Томск, 2012. 45 с.

References

1. Toporov, V.N. (1968) O tipologicheskom podobii mifologicheskikh struktur u ketov i sosednikh s nimi narodov [On the typological similarity of mythological structures among the Kets and neighboring peoples]. In: Starostin, S.A. (ed.) *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [The Ket Collection. Linguistics]. Moscow: Nauka. pp. 126–147.
2. Toporov, V.N. (1969) Bibliografiya po ketskomu yazyku [Bibliography on the Ket language]. In: Toporov, V.N. et al. *Ketskiy sbornik. Mifologiya, etnografiya, teksty* [Studia ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow: Nauka. pp. 243–285.
3. Maloletko, A.M. (2002) *Drevnie narody Sibiri. Etnicheskiy sostav po dannym toponimiki* [Ancient Peoples of Siberia. Ethnic Composition According to Toponymy]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Ivanov, V.V. et al. (1968) Predislovie [Preface]. In: Starostin, S.A. (ed.) *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [The Ket Collection. Linguistics]. Moscow: Nauka. pp. 5–14.
5. Skorik, P.Ya. (1986) Paleoaziatskie yazyki i ikh izuchenie v institute yazykoznaniya AN SSSR [Paleoasian languages and their study at the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR]. In: Skorik, P.Ya. et al. *Paleoaziatskie yazyki* [Paleoasian Languages]. Leningrad: Nauka. pp. 22–26.
6. Dulzon, A.P. (1968) *Ketskiy yazyk* [The Ket Language]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Vajda, E. (2012) The Dene-Yeniseian connection: a reply to G. Starostin. *Journal of Language Relationship*. 8. pp. 138–152. [Online] Available from: https://jolr.ru/files/(99)jlr2012-8(138-152).pdf
8. Werner, H. (2010) Rets. na rabotu: Edward J. Vajda, A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection (Anthropological Papers of the University of Alaska, vol. 5 New Series, 1-2), 2010, c. 33–99 [Review: Edward J. Vajda, A Siberian Link with Na-Dene Languages. The Dene-Yeniseian Connection (Anthropological Papers of the University of Alaska, vol. 5 New Series, 1-2), 2010, p. 33–99]. *Vestnik Tomskogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3(105). pp. 177–179. [Online] Available from: https://www.academia.edu/14647339/Edward_J_Vajda_A_Siberian_Link_with_Na_Dene_Languages_The_Dene_Yeniseian_Connection_Anthropological_Papers_of_the_Univer_sity_of_Alaska_vol_5_New_Series_1_2_2010_c_33_99
9. Campbell, L. (2011) The Dene-Yeniseian Connection by James Kari and Ben A. Potter. *International Journal of American Linguistics*. 77(3). pp. 445–451. [Online] Available from: https://www.academia.edu/10153406/Review of The Dene Yeniseian Connection
10. Bengtson, J. & Starostin, G. (2011) *The Dene-Sino-Caucasian hypothesis: state of the art and perspectives*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/ 13072385/The_Dene_Sino_Caucasian_hypothesis_state_of_the_art_and_perspectives
11. Starostin, G. (2012) Dene-Yeniseian: a critical assessment. *Journal of Language Relationship*. 8. pp. 117–138. [Online] Available from: https://jolr.ru/files/(99)jlr2012-8(138-152).pdf
12. Kashinskaya, Yu.O. & Posukh, O.L. (2000) Yuzhnye altaytsy, kety i turatinskie kazakhi – populyatsionno-geneticheskie kharakteristiki i etnogenez [Southern Altaians, Kets and Turata Kazakhs – population-genetic characteristics and ethnogenesis]. In: *II s"ezd Vavilovskogo obshchestva genetikov i selektsionerov* [The Second Congress of the Vavilov Society of Geneticists and Breeders]. Proc. of the International Conference. February 1–5, 2000. St. Petersburg. pp. 318.
13. Mongush, B.B. (2007) Chiki: Proiskhozhdenie i rol' v etnogeneze tuvintsev (po svedeniyam vostochnykh pis'mennykh istochnikov) [Chiki: Origin and role in the ethnogenesis of Tuvans (according to Eastern written sources)]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 5(59). pp. 15–19.
14. Tarunov, A.M. (ed.) (2008) *Sokrovishcha kul'tury Khakassii* [Treasures of the Culture of Khakassia]. Moscow: NIITsentr.
15. Flegontov, P., Changmai, P., Zidkova, A. & Logacheva, A. (2016) Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry. *Scientific Reports*. 6(1). pp. 1–12.
16. Karafet, T.M., Osipova, L.P., Gubina, M.A, Posukh, O.L., Zegura, S.Z. & Hammer, M.F. (2002) High levels of Y-chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life. *Human Biology*. 74. pp. 61–89.
17. Kharkov, V.N., Khamina, K.V., Medvedeva, O.F., Shtygaeva, O.V. & Stepanov, V.A. (2011) Raznoobrazie genofonda khakasov: vnutrietnicheskaya differentsiatsiya i struktura gaplogrupp Y-khromosomy [Diversity of the Khakas gene pool: intraethnic differentiation and structure of Y-chromosome haplogroups]. *Molekulyarnaya biologiya*. 45 (3). pp. 446–457.
18. Kharkov, V.N. (2012) *Struktura i filogeografiya genofonda korennogo naseleniya Sibiri po markeram Y-khromosomy* [Structure and phylogeography of the gene pool of the indigenous population of Siberia according to Y-chromosome markers]. Abstract of Biolofy Dr. Diss. Tomsk.

***Сведения об авторах*:**
Колесникова Светлана Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры иностранных языков Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru
Харьков Владимир Николаевич – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории эволюционной генетики Научно-исследовательского института медицинской генетики Томского национального исследовательского медицинского центра РАН (Томск, Россия). E-mail: vladimir-kharkov@medgenetics.ru
Валихова Лариса Витальевна – аспирант лаборатории эволюционной генетики Научно-исследовательского института медицинской генетики Томского национального исследовательского медицинского центра РАН (Томск, Россия). E-mail: larisa_ermizova9@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kolesnikova Svetlana Yu. – Doctor of Cultural Studies, Professor of the Foreign Languages Department, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru
Kharkov Vladimir N. – Doctor of Sciences in Biology, Leading Researcher of the Laboratory of Evolutionary Genetics, Research Institute of Medical Genetics, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vladimir-kharkov@medgenetics.ru
Valikhova Larisa Vitalevna - Postgraduate of the Laboratory of Evolutionary Genetics, Research Institute of Medical Genetics, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larisa_ermizova9@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 09.02.2022; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 93
doi: 10.17223/19988613/79/21

Постоянная «колонизация»: представление российских немцев о труде

Дарья Викторовна Свирина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, dsvirina@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена представлениям о труде русских немцев, переживших депортацию в 1941 г. Основные источники исследования – интервью с людьми, которые были депортированы из Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья в Красноярский край и остались там жить. Анализируя рассказы информантов, можно увидеть особое понимание ими труда: трудолюбие было важным качеством, характерным для немцев как этнической группы, и такой взгляд определил представление об их судьбе в России.
Ключевые слова: труд, российские немцы, устная история, память

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)» (разделы «Введение», «Образцовая трудовая автобиография и немецкая исключительность» и «Заключение») и гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (разделы «Амбивалентность “труда”?» «Исторический контекст: из немцев-колонистов в “советские немцы”», «“Колонистский” труд немцев и память о нем сегодня»).

Для цитирования: Свирина Д.В. Постоянная «колонизация»: представление российских немцев о труде // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 171–179. doi: 10.17223/19988613/79/21

Original article

Permanent “colonization”: Russian-Germans' view of labor

Daria V. Svirina

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, dsvirina@eu.spb.ru

Abstract. This article discusses the labor ethics of Russian-Germans who survived deportation in 1941 and lived in special settlements. The widest range of questions concerns the narrativization of the story of deportation and its consequences in the memoirs of this group. The main sources are written memoirs and interviews with people who were deported from the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic to the Krasnoyarsk Krai and still have been living there. Most of these sources were collected during expeditions in 2016 and 2017 to several rural ares: Karatuzskii, Kuraginskii, Krasnoturanskii, Irbeyaskii districts. The author provides the analysis of the Russian-Germans identity, paying special attention to the question of their "Germanness". Analyzing their stories, the author highlights special understanding of labor: diligence, as an important quality, was characteristic of the Germans as an ethnic group, and through which their fate in Russia is determined. What role did labor play for informants? Where is it possible to draw a line in the understanding of labor when talking about the Soviet and national contexts? Labor was one of the most significant categories in Soviet life. The sources in question demonstrate that Russian-Germans have assimilated Soviet practices and values. Their work experience and labor merits became the prism of consideration of the Soviet past among deported Germans. When the informants started talking about their life path, they also turned to their work biographies, which manifested itself in stories about achievements, supported by diplomas, etc. The Soviet experience also determines their national identity, based on the idea of German diligence. However, the importance of labor remains high even after the collapse of the Soviet Union. Labor continues to be an important value in the views of Russian-Germans, and diligence remains an integral quality of Germans. The motive of labor, the idea of labor took place in memories that characterized Germans as knowing how to work, not being afraid of work, always working well. In this point the author finds the ambivalence of labor and diligence in the informants’ representation. On the one hand, labor is important when telling about the Soviet experience. On the other hand, in the stories about labor, the informants' ideas about German national qualities are revealed. Thus, the idea of labor is influenced by the Soviet narrative form about labor. But already in the late Soviet years and the modern period, there is a rollback to ethnic, forgotten meanings that fill the idea of work with their new meaning.
Keywords: labor, Russian-Germans, oral history, memory

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation grant № 20-18-00342 “Institutional and non-institutional rituals in the structure of late Soviet society (1956–1985)” (sections “Introduction”, “Exemplary Labor Autobiography and German Exceptionalism” and “Conclusion”) and the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Spaces of Ural and Siberia” (sections “Ambivalence of "labor"?”, “Historical context: from German colonists to "Soviet Germans"”, “"Colonist" labor of Germans and the memory of it today”).

© Д.В. Свирина, 2022

For citation: Svirina, D.V. (2022) Permanent “colonization”: Russian-Germans' view of labor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 171–179. doi: 10.17223/19988613/79/21

Введение

Советские немцы были переселены в 1941 г. за потенциальное сотрудничество с фашистской Германией вследствие своей национальной принадлежности. По переписи населения СССР 1939 г. на территории Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП) проживало около половины всех немцев в СССР – 366 700 человек, которые подверглись депортации из европейской части СССР в Сибирь и Казахстан, в результате чего утратили свою государственность: была ликвидирована их автономия [1. С. 104]. Все они оказались в спецпоселениях – специфическом органе ГУЛАГовской системы, возникшей в 1930-х гг., когда происходило массовое «раскулачивание» крестьян, и просуществовавшей до 1956 г., когда спецпоселения были упразднены [2]. Немцы оказались самым большим контингентом в структуре, составляя около половины от общей численности спецпоселенцев [3. С. 3]. В условиях войны депортированные немцы могли в некоторой степени решить проблему нехватки трудовых ресурсов в регионах переселения. Они могли быть полезными благодаря высокому образовательному уровню и квалификации в сравнении с местным населением. Олнако в основном их направляли в сельскую местность, где им часто приходилось выполнять малоквалифицированную работу [Там же. С. 116–122].

Положение, в котором оказались российские немцы в результате депортации, активно изучается с середины 1990-х гг. Исследователи определяют причины и условия реализации переселений, регионы, куда население было направлено, действия центральной и местной власти по приему и размещению переселенцев, демографические тенденции в среде депортированных или гендерные аспекты их жизни [4–9]. За счет депортированных лиц заселялись и осваивались новые необжитые территории, а ГУЛАГ рассматривается как система мер по повышению там производительности труда [10–12]. Цель данной статьи – анализ смыслов, которые содержит в себе категория «труд» в представлениях российских немцев разных поколений, а также их влияние на определение идентичности.

Труд, по мнению Эмилии Кустовой, которая изучала ссыльных литовцев в 1949 г., выступал в качестве «главного вектора адаптации» в новых условиях. Несмотря на принудительный характер, труд мог выполнять позитивную роль в жизни депортированных: физическое выживание, преодоление стигматизации, социальная мобильность и даже интегрирование в более широком смысле – советизация, что означает «не только ассимиляцию официально санкционированных практик и ценностей, но и включение индивида в неформальные сети и обмены, а также овладение им тактикой избегания и умением манипулировать правилами советского общества» [13. P. 591]. Одним из факторов советизации был общий для всех граждан СССР военный и поствоенный опыт. В собранных исследовательницей интервью трудовые тяготы военного и поствоенного времени показывают включенность бывших спецпоселенцев в общий советский нарратив, основанный на общем военном прошлом.

Другой образец концептуализации труда в интервью с депортированными демонстрирует Л.Б. Четырова на примере калмыков, переселенных в 1943 г. Она интерпретирует понятие труда посредством установления его смыслов и мотивов информанта. В условиях спецпоселения идентичность информантов трансформировалась – от калмыцкой традиционной к советской модернистской. Как и депортированные литовцы, калмыки ассимилировались в новых условиях, и этнические традиционные представления о жизни сменились на новые надэтнические советские нормы [14].

Для изучения степени рефлексии информантов над историей семьи и общности, их субъективных оценок исторических событий использовался метод нарративного интервью. В центре внимания автора находились темы, касающиеся депортации немцев, истории семьи и биографии информанта. Интервью были собраны в рамках двух экспедиций в населенные пункты Красноярского края: историко-культурной экспедиции Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева и Красноярского общества «Мемориал» по сбору устных свидетельств репрессированных в Каратузском районе Красноярского края с 4 по 10 июля 2016 г. и экспедиции Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в Курагинский район Красноярского края с 7 по 17 июля 2017 г.

Большинство информантов можно отнести к одному поколению родившихся в 1930–1950-х гг. Во процессе рассказов люди обращались к материальным объектам (книги, документы, фотографии), которые помогали им в беседе. Часто при встрече информанты делились этим «мемориальным» капиталом. Редко, но возникают письменные воспоминания их родных. Эти материалы, как и собранные интервью, созданы в постсоветский период. Письменные воспоминания представляют собой автобиографии и вызваны желанием сохранить рассказ о судьбе их авторов для потомков. Содержание данных текстов дополняет и даже более четко выражает идеи, услышанные в беседе с информантами. Рассмотрим некоторые из них.

Амбивалентность «труда»?

Ольга Яковлевна родилась в 1956 г. в семье депортированных немцев в условиях спецпоселения в Красноярском крае и всю жизнь прожила в с. Курагино на юге Красноярского края, куда ее семья попала после депортации немцев в 1941 г. Она окончила 10 классов школы, после чего началась ее рабочая биография. Во время интервью она говорила, что ее дети и пле-

мянники «не пьют и не курят», что они все работают. Эти качества, которые она оценивала положительно, по ее мнению, передаются благодаря важной роли генов, иными словами, определенные качества наследуются через кровнородственные связи:

«Все работают. Вот, все-таки, вот эти гены все равно [влияют], хоть всю жизнь вот тут живем. Раньше был поселок Маринино [Курагинский р-он, Красноярский край], тут жили родственники наши [немцы], они все уехали [в Германию], но пока они там жили совхоз процветал, только они съехали – все… Все пошло на упадок, потому что трудолюбивый был очень народ, что они понимали, что напиться там, погулять, не выйдя на работу – этого не было, только знали одно "Надо!" и все» [15].

Эти слова были сказаны в 2017 г., и в них положение человека-работника выступает важным критерием для его оценивания. С одной стороны, Ольга Яковлевна озвучила своеобразную директиву, усвоенную в советское время: «…знали только одно "Надо!" и все». Фраза «Надо!» подчеркивает отношение к труду как к обязанности – ты не имел права уклоняться от труда. С другой стороны, она рассказывала о немцах, которые жили в одной из ближайших деревень, подчеркивая их трудолюбие. Идея о трудолюбии помогала информантке говорить о немцах не как о подневольных рабочих, а как волевых «осваивателях», потому что «совхоз процветал» благодаря труду немцев.

Таким образом, можно обнаружить два ряда смыслов, которые вкладываются в понимание труда у российских немцев. С одной стороны, идеологические советские установки способствовали концептуализации труда как культа советского гражданина. С другой стороны, труд для немцев был связан с семьей и культурой их общности. В дальнейшем автор обратится к тому, как эти аспекты связаны друг с другом через анализ нарративов российских немцев и исторического контекста.

Исторический контекст: из немцев-колонистов в «советские немцы»

Согласно Уставу о колониях иностранцев в Российской империи 1857 г., который вобрал в себя и систематизировал основные положения, принятые в отношении колонистов, колонист в Российской империи – это иностранец, получивший в частное владение земельный участок, обладающий земледельческими или ремесленными умениями (ст. 110) [16]. В ст. 112 уточняется, что те иностранцы, которые «для деревенской жизни бесполезны, за колонистов признаваемы быть не могут». Они освобождались от рекрутской повинности (ст. 190) и были свободны в выборе вероисповедания (ст. 120). Львиная доля норм этого устава регулировала положение колонистов в отношении земельных участков, которые они получили: право на имущество, право наследования, повинности и подати, положения о занятии сельским хозяйством. Подобное соотношение норм закрепило за колонистами их основную деятельность – освоение пустующих земель Российской империи. Среди прочих обозначенную роль выполняли и немецкие поселенцы на Волге.

В таких условиях формировалось представление о трудолюбии немцев, которое культивировалось у немцев-колонистов имперскими властями для закрепления в их культуре тех черт, которые были необходимы для хозяйственного освоения земель. То есть власти создавали или поддерживали те стереотипы, которые были полезны с точки зрения хозяйственного освоения территорий. И в набор наиболее предпочтительных характеристик типичного немца должно было входить трудолюбие [17. С. 406].

До конца имперского периода каждое поселение-колония немцев в районах Поволжья рассматривалось отдельно от другого и в этнографических и исторических исследованиях, и в описаниях чиновников [18]. Причинами тому были определенная изоляция от русского населения и разобщинность колоний между собой. У немцев-колонистов так и не сформировался свой культурно-хозяйственный центр. Этому способствовало то, что колонисты были выходцами из различных земель и, несмотря на схожесть, имели значительное разнообразие в быте, обычаях, языке, религии [19. С. 12–13].

В будущем для поволжских немцев важную роль в формировании их национальной целостности будут играть заметки Я.Е. Дитца, написанные им до 1917 г. Он – уроженец немецкой колонии, депутат Государственной думы России первого созыва – писал о культуре поволжских немцев-колонистов, чьи поселения проезжал во время рабочих поездок в 1906 г. из Камышина в Саратов, когда он был редактором газеты «Поволжский край». Несмотря на обобщающие колонии заметки, он писал только о части немецких колоний, расположенных в Саратовской губернии, в то время как были колонии и в соседней Самарской губернии. При этом он мало затрагивал вопросы социального и экономического положения колоний [20].

После того как большевики захватили власть, уже весной 1918 г., был образован Поволжский комиссариат, который должен был заняться вопросами формирования немецкой автономии на Волге, а в октябре того же года создана Автономная область немцев Поволжья, которая в 1923 г. была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья. Статус поволжских немцев-колонистов как коренного населения берегов Волги дал им возможность сформировать АССР НП, в результате развития которой к концу 1930-х гг. можно говорить о формировании новой «социалистической идентичности» поволжских немцев, которая наиболее точно выражается в категории «советские немцы» [21. С. 344].

Сформированный «советско-немецкий народ» стал одним из результатов первоначальной большевистской политики в отношении народов на постимперском пространстве. История формирования АССР НП является успешным примером процесса, который в литературе обычно называется строительством наций и характеризует национальную политику большевиков в 1920–1930-е гг. [22–24]. Представление у бывших немцев-колонистов об их народной целостности сформировалось как раз в советский период, когда и появились «советские немцы».

Вторая мировая война и последовавшая в 1941 г. депортация немцев, проживавших в районах Поволжья, прервала развитие «советских немцев» как национальной общности. В 1956 г., уже после смягчения режима и ликвидации спецпоселений, немцы предпринимали попытки восстановить свой довоенный статус. В результате возникло движение советских немцев (1965–1991), основной целью которого было восстановление немецкой автономии – границ и статуса национальной территории, на которую имел право «советско-немецкий народ», как и другие народы СССР.

Всего в истории движения было предпринято пять делегаций в Москву для решения национального вопроса советских немцев. Отголоски диалога о восстановлении немецкой автономии в СССР между властью и советскими немцами показывают, что обе стороны разделяли идею о немецком трудолюбии. 7 июля 1965 г., во время приема второй делегации, положительную оценку труда советских немцев высказал А.И. Микоян, на тот момент председатель Президиума Верховного Совета СССР: «Советские немцы вели себя хорошо во время войны, после войны и ведут себя хорошо и сейчас. Они хорошо работают. Сейчас в целинном краю вести сельское хозяйство невозможно без немцев» [25. P. 34]. Через 11 лет после первых двух делегаций советских немцев в Москву один «гражданин СССР, немец по национальности», К. Вуккерт отреагировал на эти слова Микояна в своем письме, в которых поднимал проблемы немцев в СССР: «Граждане-немцы ценятся как надежная рабочая сила» [Ibid. P. 3], на основе чего выходит, что «положительные качества национального характера немцев превращаются для них в проклятье», а «главной причиной нежелания советского правительства решить проблемы своих граждан-немцев в соответствии с принципами ленинской национальной политики является ценность немцев как рабочей силы, находящейся как раз в тех районах, где нужда в рабочей силе наибольшая» [Ibid. P. 4].

«Ценность немцев как рабочей силы» вызывает у автора письма гордость за «положительные качества национального характера немцев». Это не подвергается сомнению ни у носителей этого качества – немцев, ни у представителей советской власти. СССР был государством, в котором труд был наивысшей ценностью, однако в случае с советскими немцами их трудовые заслуги не принимались за весомый аргумент в решения их национальной проблемы – отсутствия национальной автономии. По словам Микояна, немцы были нужны в целинном краю. То есть немцы продолжали выполнять миссию «осваивателей» неосвоенных пространств. Поэтому хоть они и стали «советскими немцами», но «колонистами» быть не перестали.

«Колонистский» труд немцев и память о нем сегодня

Вольдемар Карлович Шнайдер был активным участником движения советских немцев, членом второй делегации и до последнего надеялся на восстановление немецкой автономии. Его надежды были связаны с новым пространством, пусть даже пустым, неосвоенным, где его народ своим упорным трудом смог бы восстановить цветущие сады, поля и кров, которых он лишился в результате депортации.

Шнайдер был бы рад немецкой автономии в Казахской степи, как следует из его стихотворения: «Кусок земли всего лишь надо нам, / пусть высохшей, пусть Казахстан». История этой территории уже была связана с депортацией из Крес (Волыни) в 1920-е гг. В исследовании Кейт Браун о Кресах – пограничной территории между современными Украиной, Белоруссией и Россией, она хотела понять, как Кресы за первые три десятилетия советской власти трансформировались из разнообразной территории в этническом, религиозном и культурном планах в гомогенную украинскую глубинку. Определенную роль в этой трансформации она отвела депортации поляков и немцев в 1929 г. из Крес в Казахстан. После разговоров с теми из них, кто продолжает жить в Казахстане, она пришла к мысли о том, что их идентичность трансформировалась. Так, в 1990-е гг. они переосмысляли свое прошлое и находили себе место в общей советской истории не как депортированные, а как колонизаторы и модернизаторы казахской степи [26. С. 173–191].

Я следую некоторым из аргументов К. Браун – речь идет о том, что в рассказах депортированных поволжских немцев, которые остались жить в Сибири, сохраняется представление об их «колонистской» роли. В этом смысле поволжские немцы успешно становились советским народом и не переставали быть колонизаторами, в смысле К. Браун, они несли прогресс там, где появлялись, и успешно налаживали хозяйство. И как раз представления немцев о труде вообще и немецком трудолюбии в частности транслируют идею о колонизаторской роли немцев.

Отправляясь в экспедиции, я ожидала услышать истории о трагической судьбе человека, постоянных гонениях по национальному признаку и тяготах налаживания существования. И, конечно, я услышала такие рассказы. Но они были гораздо сложнее, многие истории были о том, что немцы успешно осваивали те места, в которые попали.

Анастасия Григорьевна родилась в 1955 г. в семье немецких спецпоселенцев в селе Каратузское на юге Красноярского края. Она знает о депортации и последующих тяжелых годах жизни из рассказов родителей. Я попросила рассказать про то, как ее родители оказались в Сибири. Она начала рассказ с начала войны, когда маме с папой было всего по тринадцать лет, они еще детьми были. «Когда родителей начали туда ссылать с Поволжья, они жили где-то там, [в] Камышино <…> Как мы от родителей слышали, дедушка с бабушкой жили там, имели все, а когда война началась, у них все это забрали, скотину зарезали. Сказали: “Вот вам сутки, и чтобы вы собрались в дорогу и съехали”. Ну что можно было за сутки сделать?» [27]. Она продолжала историю: «Мама с папой говорят, мы приехали, здесь зима, холодно, хотя они уже осенью приехали. Война-то началась летом, а они приехали как раз на зиму, осенью. Ни жилья, ничего, и все что какие-то деньги у них были, кое-как что-то купили, чтобы зиму перезимовать [Там же].

В этом рассказе «24 часа» становятся объяснением бедственного положения депортированных после переселения. За такой короткий срок ее семья потеряла все, что имела. Рассматривая жизнь через эту призму, у информантки возникает убежденность в том, что до депортации люди имели «цветущие сады» и в целом жили хорошо, хотя точных сведений уже нет. Однако в ее представлениях было все, что нужно для хорошей жизни: дома, скот, хозяйство и т.п. После депортации наступил период, когда пришлось учиться жить в новом месте и делать его пригодным для жизни. Вновь советские немцы, как и их предки-колонисты, осваивали земли.

Депортированные родители Анастасии Григорьевны попали на пустое место, на «голую кочку». Но все эти трудности удалось преодолеть: «…здесь они сами, по-моему, своим трудом всего добились. Только личным своим трудом. Они трудились во время войны не покладая рук. <…> Приспосабливались, выживали» [27]. Несмотря на трагичность всей истории о депортации, родители рассказчицы смогли выжить в тяжелах условиях благодаря своему труду.

Другой информант, Владимир Григорьевич, также рассказывал о жизни после депортации, что его мать работала, что семья обзавелась хозяйством, что он, его брат и сестра получили высшее образование. После этого он стал в Томске работать инженером-конструктором, здесь – [д. Ирба, Курагинский р-н, Красноярский край] уже тридцать пять лет на руднике был. Но рудник закрыли. Закрылся… В Туве пять лет работал на производстве на вредном, потом сюда приехал. Здесь горными работами занимался. Начальником отдела, начальником конструкторского отдела [28].

Информант продолжал рассказывать про жизнь после депортации и обобщил, что «жили хорошо со всеми. Хотя в деревне – половина русских, половина немцев была. Но такого резкого, знаете, гонения какого-то, не было. Хорошо жили. Но потому что как-то мы везде приживались хорошо. Работать любили. Както вот, трудяги были, чё?!» [Там же]. И эти его слова о том, что они хорошо жили со всеми, отсылают к прошлому опыту немцев в России.

Из слов Владимира Григорьевича следует, что жизнь после депортации в какой-то мере зависела от тех отношений, которые складывались у депортированных немцев с местным населением, преимущественно состоящим из русских. Война давала повод последним обращаться к немцам с презрением, и информант, понимая это, оговаривается: «…хотя в деревне – половина русских, половина немцев была», – они жили хорошо. И потом объясняет, почему не было места гневу и злобе в отношении немцев в его селе: «…потому что как-то мы везде приживались хорошо», – а приживались хорошо, потому что любили работать и были трудягами. И эта особенность немцев вызывала даже уважение, «потому что знают, что немцы вроде как трудяги». Тем самым рассказчик транслирует идею о трудолюбии немцев, которое было важным условием для существования, и, более того, они трудились «хорошо».

Точка зрения Владимира Григорьевича не возникла из воздуха. Для подтверждения такого расклада он уточняет, что «Поволжье – это же орусевшие немцы. Мы же трудяги были там. На земле, они целые деревни, целые поселения создали своими руками. Но зачем это ломать было, не знаю». То есть он обращается к истории немцев-колонистов, которая помогает ему объяснить особенности и его жизни, ведь он, как и поволжские немцы-колонисты, трудяга, и его семья повторила в какой-то мере судьбу предков в Сибири после депортации.

И Владимир Григорьевич, и Анастасия Григорьевна не покинули сибирскую землю, на которой их родители оказались не по своей воли. Однако многие все же эмигрировали в Германию – на историческую родину своих предков. В результате складывалось представление, что пока немцы «жили – совхоз процветал, только они съехали – все… Все пошло на упадок, потому что трудолюбивый был очень народ» [15].

Образцовая трудовая автобиография и немецкая исключительность

Относительно практик рабочих 1930-х гг. в рамках нового советского промышленного города Магнитогорска Стивен Коткин сделал заключение, что «…для советского рабочего роль важного ритуала в определении его места среди других играла его трудовая биография» [29. P. 216]. Магнитогорский рабочий был обязан иметь трудовую биографию, в которой отражалась его трудовая деятельность в политически значимых категориях.

Трудовая биография складывалась из различных документов: анкеты, характеристики и личной карточки, которые заполнялись рабочими каждый раз при приеме на работу. Частое заполнение анкет для трудоустройства или обновления данных на прежнем месте работы повлияло на способ нарративизации собственного жизненного пути у советского человека. Со временем задачи и содержание таких анкет менялись, но за трудом закрепился важнейших критерий саморепрезентации, а трудовая (авто)биография стала распространенным ее жанром оставаясь такой и в постсоветское время [Ibid. P. 217].

Несмотря на большой временной разрыв между рабочими Магнитки, которые должны были подтвердить свою лояльность режиму, и В.К. Шнайдером, который писал свою автобиографию в 1994 г. на память своим друзьям, трудовой опыт для последнего стал основой повествования о себе. Его автобиография уместилась на девяти листах большого блокнота. Он подробно расписывает свой трудовой путь, связанный с энергетической сферой. В его повествовании все началось с обучения на заочном отделении Всесоюзного политехнического института (Москва), по окончании которого в 1965 г. он получил специальность инженера теплоэнергетических установок электрических станций. После этого он «энергетикой занимался 33 года» и прошел путь от рядового инженера электростанций до руководящих должностей на электростанциях Красноярского края и Бурятии.

«Энергетикой занимался 33 года, из них 22 посвятил КАТЭКу. Специалистом я стал на Назаровской

ГРЭС, где прошел путь от рабочего до директора, пройдя за 16 лет все ступени. На Н[назаровской]ГРЭС проработал 19 лет, получил 6 наград, в том числе орден “Знак почета”. <…> На ней [Бурятская энергосистема] получил две награды? в том числе и знак “Отличник энергетик”. Экибастузская ГРЭС была самой крупной тепловой электростанцией в Союзе, <…> и была самая запущенная. Три кандидата отказались [руководить Экибастузской ГРЭС]. Когда со мной беседовал министр энергетики СССР, он сказал: “Ты немец, ты справишься”. На ней [Экибастузской ГРЭС] я получил орден Трудового Красного Знамени за два года работы» [30].

В.К. Шнайдер достаточно подробно расписывает свой профессиональный путь, он указывает годы и должности, на которые его назначают, награды, которые получает. В этом смысле он не нарушает рамки, которые сводили к минимуму или опускали личную информацию и рассматривали историю жизни человека как часть более широкого исторического момента. Таким образом, автор подчеркивал свою рабочую идентичность не без гордости [31. P. 174].

Тем не менее Шнайдер намекает на свою исключительность, которая основана на его немецком происхождении, что не противоречило, а даже укрепляло его положение как рабочего. Он писал, что Экибастузская ГРЭС отличалась своими мощностями и объемами производства, она «была самой крупной тепловой электростанцией в Союзе, на ней было восемь энергоблоков по 500 МВт, работали 8 100 человек, и была самая запущенная» [30]. Как уже известно, ему предложили руководящую должность на этой ГРЭС, от чего до него отказались три кандидата. Но он был немцем, поэтому не было сомнений в том, что он мог справиться с «запущенностью» на предприятии. На последних страницах Шнайдер кратко пишет о жене и детях, об увлечении поэзией и своей роли в защите прав советских немцев, и все это дополняет его послужной список [Там же].

Не менее важное место труд занимает и в воспоминаниях А.А. Леонгарда. Он, как и В.К. Шнайдер, был ребенком во время депортации поволжских немцев; как и у Шнайдера, его семья попала в Красноярский край, но на полкилометра южнее, в пос. Степановка Ирбейского района. Свои воспоминания он решил записать «по инициативе детей, чтобы оставить память о себе внукам и правнукам» [32. С. 3].

Краткая история его жизни сводится к тому, что в 1939 г. он пошел в школу. После депортации его школьное образование прекратилось – в семье не хватало материальных средств, и к тому же дети в семье не знали русского языка. В 1942 г. отца забрали в трудармию, после чего он подрабатывал сапожником. В 1947 г. вместе с отцом строили дом для своей семьи. С 18 лет устроен в сплавной участок, там местная учительница преподавала русскую грамоту – так Александр Александрович выучился писать и читать на русском. В 1951 г. в Степановке открыли лагерный участок (закрыт в 1957 г.), где заготавливали лес. В цеху этого лагеря А.А. Леонгард вместе с отцом заготавливал древесину. В 1957 г. был переведен в бригадиры, руководил ремонтом бараков в поселке, строительством капитального деревянного моста через р. Кунгус. Долгое время работал бригадиром на других поселковых стройках. В 1992 г. вышел на «заслуженный отпуск (пенсию)» [Там же. С. 30).

В отличие от автобиографии В.К. Шнайдера воспоминания А.А. Леонгарда можно назвать гибридом трудовой автобиографии и мемуаров. Историю своей жизни он вписывает в исторические события, главными из которых являются депортация поволжских немцев и ее последствия для него и его семьи. Жизненный путь дополняется маленькими рассказами о женитьбе и увлечении игрой на гармошке. Однако, как и в трудовых автобиографиях, автор строит все повествование вокруг своей трудовой деятельности, на основе которой выстраивается общее повествование воспоминаний.

Трудовая автобиография – звено, которое соединяет советские социальные требования и идеалы, с одной стороны, и основу самовосприятия советских немцев как трудолюбивого народа – с другой. Это наводит на мысль, которую раскрывает Коткин: трудовая деятельность – это деятельность, ставшая практикой интеграции в советское общество, строившееся по классовым нормам [29. P. 254].

В завершение описания своего трудового пути А.А. Леонагрд делает итоговое резюме своих заслуг: «Трудовой стаж – 48 лет. За долголетний добросовестный труд награжден: медалью “Ветеран труда”, значком “Отличник социалистического соревнования Минлесбумдревпрома СССР”, значком “Победитель соцсоревнования” 1973 г., значком «Победитель соцсоревнования” 1974 г.» [32. С. 3]. Упоминания о наградах имеются и в автобиографии В.К. Шнайдера. В обеих историях награды являются венцом трудового пути. В беседе информанты также обращались к истории своей трудовой деятельности в колхозах, трудовым заслугам. В 1979 г., когда В.К. Шнайдер и А.А. Леонгард еще не ушли на пенсию, вышла последняя в СССР редакция «Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР». В этом документе общественно полезный труд занимает высшее место в иерархии ценностей после защиты отечества и воспитания подрастающего поколения. И информанты продолжали подчеркивать свои трудовые заслуги с помощью демонстрации наград:

«Что тебе ещё? Медали показать? <…> Ордена [уходит в соседнюю комнату]. <…>. Вот, у меня дипломы есть. Видишь? – Что заработала. Дипломы. <…>. Так, видишь, что мне давали-то?» [33]. Даже когда речь идет не об отдельном человеке, а про весь советско-немецкий народ в Поволжье, результаты труда продолжают оставаться важным мерилом заслуг перед советским обществом. В одном из немногих документальных фильмов о депортации поволжских немцев «Изгои. Драма без финала» (М. Вермишева, ЦСДФ, 1991) достижения и результаты целого народа подчеркивают соответствие их деятельности общепринятым нормам. Немцы-колонисты благодаря своему труду смогли обработать пустующие земли Поволжья, быстро получить хороший урожай, развить скотовод-

ство, построить дома, школы, создать хорошую инфраструктуру, и государство «в ответ на их работящую лояльность образовало Автономную Советскую Социалистическую республику немцев Поволжья», которая имела высокие показатели в сельском хозяйстве. Вся деятельность немцев в этом фильме оценивается через призму результативности их труда, эффективность которого стала доводом для формирования немецкой автономной республики.

«Награды стали важным ритуалом признания среди равных себе или у других социальных групп» – писал С. Коткин о рабочих Магнитогорска [29. P. 272.]. В своем сборнике стихов В.К. Шнайдер сделал запись о том, что «…в 1934 г. республика немцев на Волге получила орден за высокий урожай, а в 1941 г. всех сослали в Сибирь, за пособничество фашизму, хотя никакой связи с фашистами не было» [30. С. 15]. В этой цитате автор демонстрирует несоответствие обвинений с заслугами народа. Логика в этих словах такая, что немцы были награждены за эффективный труд, что означало их лояльность советскому режиму, но, несмотря на это, их обвинили в обратном.

Заключение

Исследование позволило выделить особенности представлений о труде среди российских немцев. Воспоминания депортированных немцев демонстрируют, что они, потеряв важные маркеры «немецкости», среди которых язык и религиозные представления, продолжают опираться на идею немецкого трудолюбия как важный маркер немецкой идентичности. Обращение к истории народа показывает, как формируется значимость данной черты.

С момента заселения немцами свободных земель формировалось устойчивое представление о них как о трудолюбивом народе. Главным образом это нашло отражение в официальных источниках имперского периода. После революции данная идея продолжала функционировать в официальном дискурсе советской власти, была важной частью формирования «советских немцев» и перешла в представления немцев о самих себе. После депортации особое отношение к труду артикулировалось в вопросе восстановления немецкой автономии и применялось как аргумент в пользу его решения.

Кроме специфической значимости труда для идентичности российских немцев, данная категория играет большую роль в осмыслении советского опыта и опыта депортации. Один из информантов сказал, что его родители до депортации «в городе жили, я знаю, что они очень много работали, ну, немцы вообще много работают. Дедушка был мастеровой. <…> Вообще вся политика была такая, они совершенно были не виноваты ни в чем, они просто трудяги, просто жили в России» [34]. Несмотря на то, что идеализация труда проявляется в национальном аспекте, она же свойственна трансляции советского опыта и проявляется в практике написания автобиографий, акцентировании трудовых заслуг.

Уже спустя десятилетия после распада СССР немцы, оставшиеся жить в местах бывших спецпоселений, рассказывают о своем прошлом с позиции трудового опыта, который, являясь советским, одновременно позволял сохранить связь с историческим и культурным опытом предков-немцев. Эта связь помогает понять, почему сегодня, вне Советского Союза, советский опыт актуализируется среди российских немцев. Трудолюбие – звено, которое соединяет советские и национальные представления о труде. Трудолюбие – сильный маркер немецкой идентичности, который закрепился за немцами в советский период.

Список источников

1. Полян П. Не по своей воле…История и география принудительных миграций в СССР. М. : О.Г.И.-Мемориал, 2001. 328 с.
2. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М. : РОССПЭН, 2004. 624 с.
3. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. : историко-правовое исследование. М. : РОССПЭН, 2008. 359 с.
4. Pohl O. The Persecution of Ethnic Germans in the USSR during World War II // The Russian Review. 2016. Vol. 75. P. 284–303.
5. Mukhina I. The Germans of the Soviet Union. New York : Routledge, 2007. 256 p.
6. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.
7. Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР (1900–1941 гг.) : материалы Междунар. науч. конф. М., 2000. С. 503–516.
8. Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955) : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 258 с.
9. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию…» М. : АИРО-XX, 1995. 322 с.
10. Белых Н.Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда: на материалах Вятлага, 1938–1953 гг. М. : РОССПЭН, 2011. 293 с.
11. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М. : РОССПЭН, 2008. 320 с.
12. Lynne V. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2007. 320 p.
13. Kustova E. (Un) returned from the Gulag: Life Trajectory and Integration of Postwar Special Settlers // Kritika. 2015. Vol. 16, № 3. P. 589–620.
14. Chetyrova L. The Idea of Labor Among Deported Kalmyks: Kalmyks Resilience Through Celebration in the Gulag // Mongolian Studies. 2011. Vol. 33. P. 17–31.
15. МОЯ, 1953, КГПУ, Курагино, 2017, ПФ–29. (Здесь и далее указаны шифры аудиозаписей с информантами: инициалы информанта, год рождения, организации? проводившие полевое исследование и хранящие его материалы (КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева и / или Мемориал – Красноярское общество «Мемориал»), место проведения интервью, год проведения и порядковый номер полевой фоно-записи в общем списке).
16. Устав о колониях иностранцев в Империи // Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго jтд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. Т. XII, ч. II: Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи.
17. Прокопьева Н. К вопросу о формировании этнической культуры российских немцев // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941) : материалы 8-й Междунар. науч. конф., Москва, 13–16 октября 2001 г. / науч. ред. А. Герман]. М. : МДЦ Холдинг, 2002. С. 403–408.

18. Чеботарева В.Т. Социально-экономические аспекты жизни немецких колоний в российской историографии (40-е годы XIX в. – 1917 г.) // Российские немцы: историография и источниковедение. М. : Готика, 1997. С. 21–42.
19. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. 576 с.
20. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 2000. 496 с.
21. Герман А.А. Трансформация национальной идентичности поволжских немцев в 1918–1941 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 340–344.
22. Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53, № 2. P. 414–452.
23. Terry M. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca : Cornell University Press, 2001. 528 p.
24. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca : Cornell University Press, 2005. 392 p. (Culture and Society after Socialism).
25. Vera and Donald Blinken. Open Society Archives at Central European University, Budapest (HU OSA). HU OSA 300-85-9:72/26 AS 2811.
26. Brown K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. 308 p.
27. ОАГ, 1955, КГПУ–Мемориал, Каратузское, 2016, ПФ–19.
28. ЛВГ, 1945, КГПУ, Ирба, 2017, ПФ–44.
29. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley : University of California Press, 1995. 639 p.
30. Шнайдер В.К. Полвека в ссылке : [рукопись]. 1995. Копия в архиве автора.
31. Fitzpatrick S. Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2005. 353 p.
32. Леонгард А.А. Я вспоминаю. Красноярск, 2012. 32 с.
33. ГЕФ, 1936, КГПУ–Мемориал, Сагайское, 2016, ПФ–80.
34. КВВ, 1949, КГПУ, Моторское, 2017, ПФ–60.

References

1. Polyan, P. (2011) *Ne po svoey vole…Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not by choice…History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: O.G.I.-Memorial.
2. Khlevnyuk, O.V. (ed.) (2004) *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s]. Moscow: ROSSPEN.
3. Belkovets, L.P. (2008) *Administrativno-pravovoe polozhenie rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [Administrative and legal status of Russian Germans in the special settlement in 1941–1945: a historical and legal research]. Moscow: ROSSPEN.
4. Pohl, O. (2016) The Persecution of Ethnic Germans in the USSR during World War II. *The Russian Review*. 75. pp. 284–303.
5. Mukhina, I. (2007) *The Germans of the Soviet Union*. New York: Routledge.
6. Krasilnikov, S.A. (2003) *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN.
7. Slavina, L.N. (2000) Nemtsy v Krasnoyarskom krae (nekotorye itogi demograficheskogo i sotsiokul'turnogo razvitiya v usloviyakh spetsposeleniya) [Germans in the Krasnoyarsk Territory (some results of demographic and sociocultural development in the conditions of a special settlement)]. In: German, A.A. (ed.) *Nemtsy Rossii i SSSR (1900–1941 gg.)* [Germans of Russia and the USSR (1900–1941)]. Moscow: Gotika. pp. 503–516.
8. Shadt, A.A. (2000) *Spetsposelenie rossiyskikh nemtsev v Sibiri (1941–1955)* [Special settlement of Russian Germans in Siberia (1941–1955)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Bugay, N.F. (1995) *L. Beriya – I. Stalinu: "Soglasno Vashemu ukazaniyu…"* [L. Beria – to I. Stalin: "According to your instructions ..."]. Moscow: AIRO-XX.
10. Belykh, N.Yu. (2011) *Ekonomika GULAGa kak sistema podnevol'nogo truda: na materialakh Vyatlaga, 1938–1953 gg.* [The economy of the Gulag as a system of forced labor: on the materials of Vyatlag, 1938–1953]. Moscow: ROSSPEN.
11. Borodkin, L., Gregory, P. & Khlevnyuk, O. (eds) (2008) *GULAG: ekonomika prinuditel'nogo truda* [Gulag: The Economy of Forced Labor]. Moscow: ROSSPEN.
12. Lynne, V. (2007) *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford; New York: Oxford University Press.
13. Kustova, E. (2015) (Un) returned from the Gulag: Life Trajectory and Integration of Postwar Special Settlers. *Kritika*. 16(3). pp. 589–620. (In Russian).
14. Chetyrova, L. (2011) The Idea of Labor Among Deported Kalmyks: Kalmyks Resilience Through Celebration in the Gulag. *Mongolian Studies*. 33. pp. 17–31.
15. Krasnoyarsk State Pedagogical University. (2017a) *MOYa, 1953, Kuragino, PF–29.* (Hereinafter, the ciphers of audio recordings with informants are indicated: initials of the informant, year of birth, organizations that conducted the field research and stored its materials (KSPU – Krasnoyarsk State Pedagogical University and / or Memorial – Krasnoyarsk society "Memorial") , location of the interview, year and serial number of the field phono recording in the general list).
16. Russia. (1857) Ustav o koloniyakh inostrantsev v Imperii [Charter on the foreign colonies in the Empire]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 12(2). St. Petersburg: Second Section of His Own Imperial Majesty's Chancellery.
17. Prokopieva, N. (2002) K voprosu o formirovanii etnicheskoy kul'tury rossiyskikh nemtsev [On the formation of the ethnic culture of Russian Germans]. In: German. A. (ed.) *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitie (1871–1941)* [Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871–1941)]. Moscow: MDTs Kholding. pp. 403–408.
18. Chebotareva, V.T. (1997) Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty zhizni nemetskikh koloniy v rossiyskoy istoriografii (40-e gody XIX v. – 1917 g.) [Socio-economic aspects of the life of the German colonies in Russian historiography (1840s – 1917)]. In: *Rossiyskie nemtsy: istoriografiya i istochnikovedenie* [Russian Germans: Historiography and Source Studies]. Moscow: Gotika. pp. 21–42.
19. German, A.A. (2007) *Nemetskaya avtonomiya na Volge. 1918–1941* [German Autonomy on the Volga. 1918–1941]. Moscow: MSNK-press.
20. Dietz, Ya.E. (2000) *Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov* [History of the Volga German Colonists]. Moscow: Gotika.
21. German, A.A. (2016) Transformatsiya natsional'noy identichnosti povolzhskikh nemtsev v 1918–1941 gody [Transformation of the National Identity of the Volga Germans in 1918–1941]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 16(3). pp. 340–344. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-340-345
22. Slezkine, Yu. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*. 53(2). pp. 414–452. DOI: https://doi.org/10.2307/2501300
23. Terry, M. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press.
24. Hirsch, F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
25. Open Society Archives at Central European University, Budapest (HU OSA). (n.d.) *Vera and Donald Blinken*. HU OSA 300-85-9:72/26 AS 2811.
26. Brown, K. (2004) *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
27. KGPU–Memorial. (2016) *OAG, 1955, Karatuzskoe*. PF–19.
28. Krasnoyarsk State Pedagogical University. (2017b) *LVG, 1945, Irba*. PF–44.
29. Kotkin, S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.

30. Schneider, V.K. (1995) *Polveka v ssylke* [Half a century in exile]. [Manuscript].
31. Fitzpatrick, S. (2005) *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth Century Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
32. Leongard, A.A. (2012) *Ya vspominayu* [I remember]. Krasnoyarsk: [s.n.].
33. KGPU–Memorial. (2016) *GEF, 1936, Sagayskoe*. PF–80.
34. Krasnoyarsk State Pedagogical University. (2017c) *KVV, 1949, Motorskoe*. PF–60.

***Сведения об авторе*:**
Свирина Дарья Викторовна – аспирант, лаборант-исследователь Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Svirina Daria V. – Post-graduate Student, Laboratory Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 20.06.2022; accepted for publication 07.09.2022

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья
УДК 93 (282.247-34) «635»
doi: 10.17223/19988613/79/22

Отечественная историография археологического исследования каменного века Крыма на страницах Бюллетеня Комиссии по изучению четвертичного периода (1930–2010-е гг.)

Александр Владимирович Черкасов

Филиал Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова в г. Севастополе, Севастополь, Россия, cherkasov.alexei1976@gmail.com

Аннотация. Представлен историографический обзор публикаций об археологических исследованиях Крымского полуострова на страницах Бюллетеня Комиссии по изучению четвертичного периода. Отмечено, что для всех работ по первобытной археологии Крыма, независимо от научно-организационных и социально-политических условий, при которых издавался Бюллетень, были характерны относительно динамичный переход от накопительной стадии к систематизации и обобщению археологического материала, стремление авторов к анализу постановки и решения проблем этнокультурной истории региона начиная с древнейших ее этапов.
Ключевые слова: первобытная история и археология Крыма, каменный век, археологический памятник, отечественная историография, четвертичный период

Для цитирования: Черкасов А.В. Отечественная историография археологического исследования каменного века Крыма на страницах Бюллетеня Комиссии по изучению четвертичного периода (1930–2010-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 180–188. doi: 10.17223/19988613/79/22

Original article

National historiography of archaeological research of the Stone Age of Crimea on the pages of the Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period (1930–2010s)

Aleksey V. Cherkasov

Branch of the Admiral F.F. Ushakov State Maritime University in Sevastopol, Sevastopol, Russian Federastion, cherkasov.alexei1976@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is a historiographic review of archaeological research of the Paleolithic, Mesolithic and Neolithic of the Crimean Peninsula, published on the pages of the Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period for the period from the creation of the journal (1929) to the modern stage. In order to achieve the goal, it was envisaged to solve the tasks: to separate articles on primitive archaeology of Crimea from the whole array of scientific publications on collections, their subsequent chronological and nomination systematization; analytical characteristics of publications written on Crimean materials and related to the theme of the Stone Age; identification of general and specific in research and concretization of their importance for domestic archaeological science. The methodology of the study was based on the integrated application of scientific principles: historicism, objectivity, comparative-historical approach, retroreflection. The problematic field of research included the following components: establishing continuity in the history of study of the Stone Age of the Crimean Peninsula, formulating priority problems of primitive archaeology of the region. The source base for the study was the work of scientists on the history of the Stone Age of Crimea, published on the pages of the Bulletin.

© А.В. Черкасов, 2022

During the study, the authors found that out of 77 issues of the Bulletin for the period from 1929 to 2019 only 20 numbers, chronologically falling during the period of the region's stay in Ukraine (1992 - 2014), objectively do not contain materials on primitive archaeology of Crimea. At the same time, the nomination groups of research of the Stone Age of Crimea represented almost all topical directions of modern primitive archaeology: general methodological and methodological issues; publishing data on known and new archaeological cultures of Crimea; works on the open and explored monuments of the primitive history of the peninsula; historical reviews and memoirs. Moreover, in the constantly changing socio-political and scientific-organizational conditions of the XX - the beginning of the XXI centuries, all publications remained characterized by an objective approach to the consideration of the problem, combined with a dynamic transition from the accumulative stage to the stage of material systematization and synthesis.

Thus, the systematic and constant presence of "Crimean primitive topics" on the pages of the academic publication allows to trace and summarize the ideas about the complex ways of forming research on the Paleolithic, the Mesolithic and Neolithic Peninsula states; the stability of interest in the issues of primitive history of the region, containing important reference monuments of the Stone Age of Eastern Europe, the South of Russia and the Azov-Black Sea coast; to outline the prospects for a comprehensive study by the scientific community of the problems of anthropogenesis and sociogenesis of the oldest population of our country.

Keywords: primitive history and archaeology of Crimea, stone age, archaeological monument, national historiography of study of the Stone Age, quaternary period, limits of research of the Stone Age of Crimea, scientist's identity

For citation: Cherkasov, A.V. (2022) National historiography of archaeological research of the Stone Age of Crimea on the pages of the Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period (1930–2010s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 180–188. doi: 10.17223/19988613/79/22

История Комиссии по изучению четвертичного периода (КИЧП) началась на втором Всесоюзном Геологическом съезде в Киеве в сентябре–октябре 1926 г., в ходе которого было принято Постановление о необходимости создания особого Института по изучению четвертичных отложений методами различных наук (геологии, палеонтологии, географии, археологии, почвоведения, агрономии и др.) [1. С. 5]. В январе 1927 г. в Ленинграде прошло специальное совещание, на котором свыше 100 отечественных ученых выразили заинтересованность в создании такой Комиссии при АН СССР и по представлению главы совещания – академика В.И. Вернадского – учредили данную организацию. Председателем Комиссии был назначен академик А.П. Павлов, его заместителями – академики П.П. Сушкин и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. В феврале 1927 г. образовалась Московская секция Комиссии под председательством А.П. Павлова. Так было оформлено новое научное направление – комплексное изучение четвертичных отложений [2]. С целью международной координации исследований в июне 1928 г. в Копенгагене была основана Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы (АИЧПЕ) под руководством Д.И. Мушкетова. На третьем конгрессе в Вене в 1936 г. Ассоциацию преобразовали в Международный союз по изучению четвертичного периода (INQUA), действующий и в настоящее время под эгидой Международного совета по науке (ICSU) [1].

С 1929 г. Комиссия начала издавать единственный в России журнал, посвященный изучению глобальных и региональных проблем четвертичного геологического периода [3]. Вместе с отчетами о деятельности Комиссии в нем печатались научные статьи по индивидуальным и коллективным исследованиям, доклады, новости, заметки, отзывы, рефераты и библиографии. Постепенно сформировались тематические разделы: «Хроника», «Научные новости и заметки», «Критика и библиография», «История науки» и др. При этом обязательное место в каждом сборнике Бюллетеня отводилось публикациям археологической направленности, предметом исследования в которых выступали вопросы первобытной истории Крымского региона. Так, из 77 номеров, вышедших из печати за период с 1929 по 2019 г., объективно не содержат материалов о первобытной археологии Крыма только 20 номеров, хронологически попадающих в период нахождения Крыма в составе Украины (1992–2014).

Цель настоящей публикации – историографическая характеристика исследований по каменному веку Крымского региона, опубликованных на страницах Бюллетеня в период с 1930 по 2019 г.

Уже во втором номере Бюллетеня за 1930 г. содержалась статья Г.А. Бонч-Осмоловского, посвященная характеристике крымской стоянки первобытного человеке Шайтан-Коба [4]. Отмечая актуальность вопроса происхождения современного человека и связанных с ним верхнепалеолитических культур, ученый одним из первых отечественных археологов поднял вопрос об интерпретации и содержательном наполнении термина «палеоэтнология». Указывая на известную проблематичность использования альтернативных терминов («история первобытной культуры» «палеоантропология», «доисторическая археология», «доистория»), Г.А. Бонч-Осмоловский полагал целесообразным использовать термин «палеоэтнология» как синонимичный с «историей первобытной культуры» или «социологией доисторического человечества» до тех пор, пока не будет выбрано более подходящее наименование для этой отрасли научных знаний [Там же. С. 61]. Значение открытой в сентябре 1928 г. отрядом сотрудника Крымской палеоэтнологической экспедиции С.Н. Бибикова и комплексно исследованной первобытной стоянки Шайтан-Коба Г.А. Бонч-Осмоловский определял как важное свидетельство прогрессивной генетической связи двух последовательных палеолитических эпох – мустье (среднего палеолита) и ориньяка (раннего этапа позднего палеолита), исключение вероятности появления промежуточных индустрий в резуль-

тате культурных и расовых миграций и столкновений и как новое подкрепление идеи единства палеолитического человечества и прямого развития «неандертальской расы в современного человека» [4. С. 76]. До открытия Шайтан-Кобы единственной известной первобытной стоянкой, связывающей палеолитические эпохи мустье и ориньяка посредством развития техники изготовления орудий труда, являлась Абри Оди во Франции. При этом происхождение индустрии этого памятника приписывалось смешению двух различных культур, давших промежуточные формы [5].

В № 6-7 Бюллетеня за 1940 г. было опубликовано сразу несколько работ по крымской первобытной тематике. Статья С.Н. Бибикова содержала анализ работы Крымской палеолитической экспедиции в 1936 г., организованной на средства Института этнографии Академии наук СССР, Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы и Академии истории материальной культуры Н.Я. Марра по трем основным направлениям: продолжение раскопок навеса Шан-Коба в Байдарской долине; начало исследования новой тарденуазской стоянки в гроте Мурзак-Коба на р. Черной; проведение разведочных работ в Байдарской долине и в прилегающих к ней районах [6]. Содержательно работа представляла не просто подробное описание местоположения памятника, его стратиграфию и хронологическую позицию в системе периодизации первобытной истории, включала комплексную характеристику типов артефактов, найденных в процессе раскопок и захоронений палеоантропов, но и поднимала социально-классовую проблему, вокруг которой в то время велись многочисленные научные и идеологические дискуссии. Так, С.Н. Бибиков отмечал, что находка в Крыму кроманьонских скелетов, датированных тарденуазом, полностью противоречит фашистским теориям, устанавливающим прямую связь между физическим типом человека и его материальной культурой, и сходство верхнепалеолитических культурных комплексов в Западной и Восточной Европе не зависит от расовых типов. Примечательно и то, что исследование С.Н. Бибикова включало методы и сопоставления этнографии, что сближало авторские позиции с палеоэтнологическим направлением в науке. К примеру, рассуждая над феноменом ампутации фаланг мизинцев у женского костяка в гроте Мурзак-Коба, ученый указывал, что подобный обряд широко распространен во всех частях земного шара, исключая Европу. При этом находка палеоантропа с ампутированными мизинцами в Крыму способствует объяснению изображений кистей человеческих рук с ампутированными суставами пальцев в пещере Гаргас в департаменте Верхних Пиренеев. Таким образом, заключал С.Н. Бибиков, данный феномен Мурзак-Кобы впервые на археологическом объекте подтверждает существование этого обряда в столь отдаленные времена и служит предупреждением к внимательному отношению в процессе раскопок к антропологическим остаткам даже из поздних эпох [Там же. С. 84].

В другой публикации, автором которой являлся крымский археолог Д.А. Крайнов, в форме тезисов доклада был представлен отчет о раскопках классической пещерной стоянки Замиль-Коба I. Ученый конкретизировал культурную позицию памятника среди известных на то время первобытных стоянок полуострова (Шан-Коба, Фатьма-Коба, Мурзак-Коба), на основании кремневой индустрии, остеологического материала и сравнительных данных датировал культурные наслоения Замиль-Кобы I в пределах 10 000–5 000 лет до н.э. [7]. В то же время, полемизируя С.Н. Бибикову, Д.А. Крайнов заметил, что пути развития крымского первобытного общества были несколько иными, чем у западноевропейских культур того же времени, по причине отличия природных и климатических условий.

В третьей статье крымской тематики Бюллетеня КИЧП за 1940 г. ее автором О.Н. Бадером, в то время ученым секретарем Института и Музея антропологии МГУ, был приведен отчет комплексной археологической экспедиция Института антропологии МГУ по изучению палеолита восточных районов горного и предгорного Крыма, проходившей в течение полевых сезонов 1935–1938-х гг. [8]. За три года фронтальных исследований отрядами экспедиции было открыто и изучено около 50 стоянок и местонахождений под открытым небом и 16 гротов и навесов, содержащих следы деятельности палеоантропа и остатки палеофауны. При этом О.Н. Бадером впервые в крымской первобытной археологии была сформулирована закономерность расположения памятников с кремневым инвентарем. По наблюдения ученого, такие объекты находились или на самом плато и под его верхними «карнизами», будучи связаны с ним, или же в нижней части предгорий, вблизи выхода последних на равнину; широкая зона склонов при этом оставалась пустой. Это обстоятельство археолог объяснял рядом естественных причин, наиболее существенной из которых была историко-хозяйственная: плато и его подножия со смежными степными участками представляли удобный выпас для травоядных животных, являвшихся объектом охоты для первобытного человека. Также, предварительно датируя обнаруженные первобытные стоянки с микролитическим инвентарем и керамическими находками эпохой неолита, О.Н. Бадер писал, что окончательное решение проблемы неолита Восточного Крыма лежит в плоскости дальнейшего изучения этих и других, еще пока не обнаруженных, памятников древнейшей истории региона [Там же. С. 86]. В 50–70-х гг. XX в. указанные наблюдения и идеи ученого были практически использованы и подтверждены новым поколением археологов в процессе изучения каменного века Восточного Крыма и Керченского полуострова [9].

Одной из первых публикаций по первобытной археологии Крыма, вышедшей на страницах Бюллетеня в послевоенное время, стала объемная работа Д.А. Крайнова о мустьерских памятниках Крыма и Кавказа [10]. Ученый кратко охарактеризовал результаты археологических исследований Крыма, проведенные Государственным историческим музеем с 1935 по 1940 г. (более 20 новых стоянок эпохи палеолита- неолита, в том числе исследованные самим автором статьи Замиль-Коба I, Замиль-Коба II, Таш-Аир I). Отдельное внимание уделялось открытой в 1940 г. Бахчисарайской сто-

янке, относящейся к новому для Крыма разряду «погребенных пещер» (заваленных скальными обломками обрушившегося со временем козырька грота или навеса). Бахчисарайская стоянка, по замечанию Д.А. Крайнова, количественно и качественно дополнила знания по древнейшей истории полуострова и позволила уверенно полагать, что неандертальский человек в эпоху мустье занимал в Крыму значительные пространства, расселяясь преимущественно на северо-западных склонах второй гряды Крымских гор, что обусловливалось природными и климатическими факторами (наличие естественных гротов и навесов, источников воды и рек, пограничное расположение стоянок на границе горного, лесного и степного поясов). Заселение первобытным человеком платообразных горных вершин Д.А. Крайнов относил уже к эпохе неолита и развития скотоводства [10. С. 29]. В статье ученый несколько изменил свою позицию в отношении «своеобразия» развития крымского палеолита, отметив, что «классические» формы остроконечников, пластин и скребел мустьерского времени, найденные в процессе раскопок, свидетельствуют о единстве морфологии орудий как в Крыму, так и в Западной Европе, а следовательно, и о сходстве условий развития первобытного общества. В контексте публикации ее автор не проводил специального компаративного исследования первобытных памятников Крыма и Кавказа, посвятив им самостоятельные разделы статьи. Однако ученый отмечал, к примеру, что поиски погребенных пещер в Крыму должны быть активизированы по причине того, что подобные памятники древнейшей истории человечества в достаточном количестве представлены на Кавказе. Также, относя начало первобытной истории Крыма к мустьерскому времени, автор традиционно объяснял такую ситуацию тем, что обнаружение более древних стоянок и местонахождений является вопросом перспективных поисков. «Если же такие не будут найдены, то представляется вполне вероятным, что неандерталец мог проникнуть в Крым с Кавказа, где найдены и мустьерские поселения, и более древние стойбища», – заключал Д.А. Крайнов, подчеркивая этнокультурные взаимосвязи двух регионов [Там же. С. 30].

В 1953 г. в № 18 Бюллетеня КИЧП была опубликована статья А.А. Формозова, в которой автор перечислил базовые результаты археологического изучения первобытных памятников полуострова, возобновленного после окончания Великой Отечественной войны в 1952 г. Предметом авторского внимания стали стоянки Староселье, Кабази и Алимовский навес, из которых первая обнаружена отрядом под руководством А.А. Формозова в 1952 г., а остальные были известны ранее. Сжатое описание местоположения, стратиграфии и кремневой индустрии Староселья в перспективе станет началом длительного изучения археологом данного памятника, темой его кандидатской диссертации и предметом самостоятельной монографии [11]. Примечательно, что к моменту выхода статьи на территории Староселья детское погребение мустьерского периода, получившее в дальнейшем мировую известность, еще не было обнаружено[1]. Основным результатом работ 1952 г. в Крыму А.А. Формозов называл получение новых ценных мустьерских материалов и количественное увеличение стоянок, относящихся к среднему палеолиту и неолиту [12. С. 92].

Применению археологических методик при проведении геологических исследований в Крыму была посвящена публикация одного из основателей отечественной археологической петрологии В.Ф. Петруня и палеонтолога Л.С. Белокрыса [13]. Авторы отмечали, что исключительно благоприятное сочетание природных факторов Крыма, начиная с климата, рельефа и заканчивая многочисленными естественными выходами кремня, обусловило насыщенность полуострова археологическими памятниками прошлого, от палеолита и до Средневековья включительно. По этой причине регион всегда привлекал внимание специалистов-археологов, и о крымских памятниках эпохи палеолита, мезолита и неолита «написано едва ли не больше, чем об аналогичных объектах какой-либо другой части Союза» [Там же. С. 161]. Одним из условий качественной оптимизации полевых исследований древнейшей истории Крыма В.Ф. Петрунь и Л.С. Белокрыс назвали разработанную ими методику интеграции археологических маршрутных исследований (когда сбор археологического материала проходит по определенному маршруту с полем обзора шириной от 5 до 10 м) и геологического сплошного площадного обследования с четкой регистрацией всего подъемного материала. Подключение к работе площадного обследования, по замечанию авторов, не только позволяет спасти в ряде случаев археологические памятники от уничтожения, но и предоставляет выразительные комплексы вещей, которые могут служить самостоятельным материалом для определенных геолого-археологических выводов. Эту методику В.Ф. Петрунь и Л.С. Белокрыс успешно применили в 1957–1958 гг. во время студенческой практики, проводя комплексную геологическую съемку четвертичных отложений с использованием археологического метода исследований в Симферопольском и Бахчисарайском районах (Курцово-Сабловская и Альминская долины). Кроме сбора и формирования богатых коллекций кремневых орудий труда, инновационный синтезированный метод способствовал локализации районов перспективных археологических раскопок первобытных памятников. Так, когда правом борту Альминской долины у скальных обрывов куэсты на протяжении 400 м было обнаружено пять местонахождений кремневых артефактов, разделенных лишенными кремня промежутками, авторы сделали предположение о нахождении здесь серии погребенных навесов, подобных раскопанному А.А. Формозовым в 1956 г. навесу в районе Кабази. Как показала будущая практика, предположение В.Ф. Петруня и Л.С. Белокрыса оказалось верным и способствовало обнаружению серии памятников каменного века в этом районе. По причине того, что на территории Горного Крыма учебную геологическую практику проводило большое количество вузов из различных городов СССР, авторы публикации резонно заключали, что использование их опыта другими коллективами не только позволит повысить уровень подготовки будущих геологов, но и придаст исключительный размах

дальнейшим археологическим разведкам как в Крыму, так и далеко за его пределами, где будут работать выпускники этих вузов [13. С. 166].

В 1975 г. в № 44 Бюллетеня КИЧП вышла итоговая коллективная публикация Ю.Г. Колосова, М.В. Харитонова и В.П. Якимова, посвященная анализу новых открытий скелетных остатков неандертальцев, дополнивших список мустьерских местонахождений Крымского полуострова с палеоантропологическим материалом (Киик-Коба, Староселье) [14]. Авторы охарактеризовали геологические условия нахождения культурных остатков в балке Красная скального массива Ак-Кая в районе Белогорска, подробно описали открытые и изученные восемь местонахождений, получивших название «Заскальная балка» и четыре, названные «Ак-Кая», а также стратиграфию, инвентарь и остеологический материал стоянок мустьерского времени: Ак- Кая III, Заскальная III, V и VI. Основное внимание в статье уделялось анализу палеоантропологических остатков, обнаруженных в процессе раскопок (обломок затылочной части черепа взрослого неандертальца на стоянке Заскальная V, детские фаланги, пястные кости кисти, обломки нижней челюсти на стоянке Заскальная VI и поврежденные фрагменты некоторых костей рук, ног, ребер, остатки позвонков неандертальского ребенка на той же стоянке). На основании подробного антропологического анализа нижней челюсти и зубов ископаемых людей, комплексной компаративной характеристики «крымского неандертальца» и неандертальца из грота Тешик-Таш (Узбекистан), открытого и исследованного в 1938–1939 гг. археологом А.П. Окладниковым, авторами статьи был определен возраст и пол палеоантропа из Заскальная VI (девочка 10–12 лет) и отмечено наличие прогрессивных морфологических признаков по сравнению с ребенком из Тешик-Таша, приближающих крымских палеоантропов к человеку современного вида. Вместе с тем данные по одонтологии находки на стоянке Заскальная VI подтвердили принадлежность костных остатков стоянки неандертальцу. Таким образом, подводили итог авторы публикации, новые открытия в Крыму интересны в первую очередь для изучения времени и путей древнейшего заселения человеком территории нашей страны. Наличие скелетных остатков неандертальских детей также важно для исследований в области возрастной антропологии древних людей, формирования их физического типа и, в частности, такого важного органа, как рука [Там же. С. 41].

Описанию и анализу палеолитических находок, обнаруженных на стоянках Малиновка I и II, открытых А.А. Клюкиным и А.А. Щепинским в 1980 г. в отложениях террас р. Альма, была посвящена статья, опубликованная в 1983 г. в № 52 Бюллетеня КИЧП [15]. Подробно описав особенности расположения и стратиграфию указанных памятников, коррелируя более поздние и более ранние палеолитические культуры с элементами рельефа и отложениями террасового комплекса речных долин Крыма, авторы сделали ряд выводов, важных для развития крымской первобытной археологии, в частности подтвердили гипотезу автохтонного развития позднего палеолита на базе позднего мустье [16]. Также было предложено объяснение феномена малочисленности и бедности позднепалеолитических стоянок Крыма по сравнению с мустьерскими и мезонеолитическими памятниками. Если ранее такая ситуация объяснялась тем, что человек позднего палеолита переселился вследствие похолодания климата, сокращения охотничьих угодий или каких-то других причин на Русскую равнину [17, 18] или на Южный берег Крыма [16, 19], где в дальнейшем такие стоянки оказались погребены или уничтожены денудацией, и обнаружение первобытных памятников этого исторического периода рассматривалась как будущая задача [20. С. 14], то А.А. Клюкин и А.А. Щепинский предположили, что в позднем палеолите человек неохотно заселял традиционные гроты и навесы, обитая на открытой площади вблизи мест охоты, рыбной ловли и источников водоснабжения [15. С. 161–162]. Найденные стоянки у с. Малиновка являлись этому прямым подтверждением.

В 2015 г. в № 74 Бюллетеня КИЧП были опубликованы две статьи по крымской первобытной проблематике, выполненные по грантам Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), – «Междисциплинарные исследования раннепалеолитических стоянок Украины и юга России: археология, геология, хронология, реконструкция палеосреды и миграций древнейших гоминид» и «Геоархеологические исследования олдованских стоянок юга России для реконструкции путей первичного заселения Европы по Северо-Черноморскому коридору».

В первой, являющейся коллективным исследованием сотрудников РАН: Института географии (А.Л. Чепалыга), Института истории материальной культуры (Н.К. Анисюткин) и Геологического института (Т.А. Садчикова), – была представлена систематизированная геологическая, археологическая и палеоэкологическая характеристика первых многослойных стоянок олдованской культуры в Крыму, которые авторы объединили в новый Южно-крымский геоархеологический ареал (рис. 1) [21].

Исследователи установили, что древние архантропы – носители олдованской культуры[2] – обитали в прибрежной зоне древнего Черного моря на стыке с Крымскими горами. Здесь они охотились на млекопитающих таманского комплекса (слона, носорога, лошадей). Дополнительное питание могло составить останки дельфинов и крупных морских рыб, моллюсков и раковин наземных улиток Helix [Там же. С. 19].

Важной проблемой, актуализированной и предложенной к решению в контексте статьи, стал вопрос о путях миграций этих архантропов на территорию Крымского полуострова. Было предположено, что в условиях существования сухопутного перешейка между Таманским и Керченским полуостровами древний человек мог свободно перемещаться с востока, с Кавказа, на запад – в Крым, другими словами, на территорию современной Европы в эпоху завершения эоплейстоцена (около 1 млн – 760 тыс. лет назад) (рис. 2).

Таким образом, южно-крымское побережье являлось в то время своеобразным Северо-Черноморским коридором фауны и олдованских племен между Кав-

казом и Европой, откуда шло первичное заселение Европы, а Крым был первой европейской землей для переселенцев. При этом авторы отмечали, что это могли быть самые первые переселенцы, пришедшие из Азии на дотоле необитаемую территорию уже Европы, а самые первые мигранты появились в Крыму значительно раньше – 1,5 млн лет назад или ранее [21. С. 19–20].

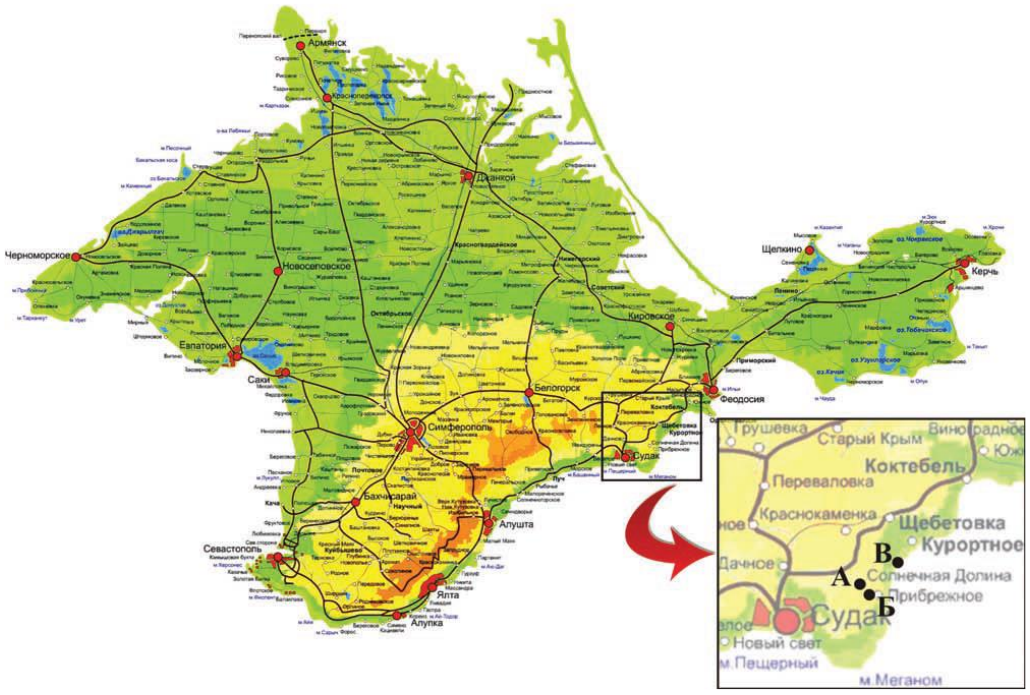

Рис 1. Стоянки и местонахождения олдованской культуры в Крыму (по А.Л. Чепалыге, Н.К. Анисюткину, Т.А. Садчиковой): *А* – стоянка Коз; *Б* – стоянка Эчки; *В* – местонахождение (стоянка) Аслан

Рис. 2. Схема миграций олдованского населения из Африки через Кавказ в Крым по Северо-Черноморскому коридору в процессе первичного заселения Европы (по А.Л. Чепалыге, Н.К. Анисюткину, Т.А. Садчиковой). Красными точками обозначены стоянки и местонахождения олдованской культуры. На врезке – положение СевероЧерноморского коридора миграций. Под вопросом – проблематичный Анатолийско-Балканский путь

Вторая статья в сборнике под авторством А.Л. Чепалыги освещала авторскую концепцию черноморских террас Крыма, расположенных на побережье между Судаком и Карадагом и включающих в себя палеолитические орудия мустьерской, ашельской и олдованской археологических культур. Автор отмечал, что террасовую систему целесообразно использовать для реконструкции хронологии, палеоэкологии и эволюции древних археологических культур, начиная с почти двух миллионов лет назад. Кроме этого, прослеживание расположения древнейших стоянок, по мнению автора, способствует уточнению путей миграции архантропов из Азии (Северный Кавказ, Тамань) в Европу в процессе первичного заселения Европы через Крымский полуостров [22. С. 102].

В 2019 г. в № 77 Бюллетеня КИЧП была опубликована очередная коллективная статья А.Л. Чепалыги, Т.А. Садчиковой и Н.К. Анисюткина, в контексте которой подводились итоги работы многолетней (с 2014 г.) Крымской геоархеологической экспедиции Института географии РАН, главной задачей которой были поиск серии террасовых разрезов с артефактами и построение системы датированных террас, что дало бы возможность прослеживания путей и времени первого появления человека, эволюции первых поселенцев Крыма и первичного заселения Европы [23]. В статье, в отличие от ранних работ авторов, были четко конкретизированы этапы открытия и изучения первобытных памятников олдованского типа на полуострове. Так, первые сведения о древнейших раннепалеолитических галечных орудиях в Крыму, по мнению авторов, относились к 1970–1980-м гг. и были связаны с находками А.А. Щепинского в Эчки-Даге [24]. Другим районом находок являлись окрестности Ялты (Гаспра, Артек) [25]. Следующий этап изучения древнейшей галечниковой культуры начался в конце XX – начале XXI в., после открытия стоянок олдованской эпохи на Северном Кавказе, в непосредственной близости к полуострову. Это – серия памятников на Таманском полуострове (Синяя балка (Богатыри), Родники и Кермек [26]) и в Дагестане (Айникаб, Мухкай и др. [27]). Несколько позже олдованские стоянки были обнаружены и западнее Крыма – в долинах Днестра и Дуная [28]. С 2014 г., с началом деятельности Крымской геоархеологической экспедиции, был анонсирован третий этап изучения памятников олдованской культуры в регионе. Как результат в июне 2014 г. была открыта первая на полуострове стратифицированная олдованская стоянка – Коз-Коз, а далее их количество увеличилось до более десятка. Авторы разработали концепцию Северо-Черноморского коридора (Керченский пролив и южно-крымское побережье) миграции олдованского населения и фауны из Азии в Европу, откуда продолжилось заселение Европы, и Крым, таким образом, стал первой европейской землей для переселенцев из Азии и Африки [23. С. 157].

Таким образом, номинационные группы исследований каменного века Крыма на страницах Бюллетеня в указанный хронологический период представляют практически все актуальные направления современной первобытной археологии: общеметодологические и методические вопросы (к примеру, методика интерпретации и анализа кремневого материала, складывание древнейших культур палеолита, мезолита и неолита в регионе, установление их генетических взаимосвязей, разработка методов исторической реконструкции и моделирования на материалах крымских стоянок, вопросы раннего заселения Крыма в контексте исследования останков палеолитического человека, переход от присваивающих к производящим формам хозяйства в мезолите-неолите, классификация неолитических памятников в соответствии с представленными в регионе ландшафтными зонами и др.), публикации новых данных по известным и новым археологическим культурам Крыма и их взаимодействию (свидерская, кукрекская и др.), работы, посвященные открытым и исследованным памятникам первобытной истории полуострова (Шайтан-Коба, Шан-Коба, Мурзак-Коба, Замиль-Коба, Староселье, Коз, Эчки и др.), историографические обзоры и мемуарные материалы.

Следует также отметить, что хотя публикации по крымской первобытной тематике на страницах Бюллетеня за почти столетний период выходили в постоянно меняющихся социально-политических и научно-организационных условиях, для всех них были характерными следующие особенности: во-первых, относительно динамичный переход от накопительной стадии к систематизации и обобщению археологического материала; во-вторых, стремление исследователей к анализу постановки и решения проблем этнокультурной истории региона, начиная с древнейших ее этапов (вопросы раннего заселения Крымского полуострова в контексте исследования останков палеолитического человека, найденных в регионе, перехода от присваивающих к производящим формам хозяйства в мезолите–неолите, классификация неолитических памятников в соответствии с представленными в регионе ландшафтными зонами, взаимодействие и специфика археологических культур и др.).

Таким образом, систематичность и постоянство присутствия «крымской первобытной тематики» на страницах академического издания позволяет проследить и обобщить представления о сложных путях становления исследований палеолита, мезолита и неолита полуострова, констатирует стабильность интереса к вопросам первобытной истории региона, включая важные эталонные памятники каменного века Восточной Европы, Юга России и Азово-Черноморского побережья, а также дает возможность наметить перспективы комплексного изучения научным сообществом проблем антропогенеза и социогенеза древнейшего населения нашей страны.

Примечание

[1] Как указывал А.А. Формозов в сноске к статье, «..в 1953 г. раскопки в Староселье были продолжены. Собрана богатая коллекция фауны и орудий эпохи позднего мустье, и, что особенно важно, найден скелет двухлетнего ребенка, изучающийся в настоящее время антропологами» [12. С. 92].

[2] Олдувайская культура (олдованская культура, галечная культура) – наиболее примитивная культура обработки камня, в которой для получения острого края камень раскалывался обычно просто пополам, без дополнительной доработки. Возникла около 2,4 млн лет назад, исчезла около 1 млн лет назад. Название было дано по Олдувайскому ущелью в Танзании, где в 1950–1960-х гг. Л. и М. Лики были обнаружены остатки многослойных поселений эпохи палеолита.

Список источников

1. Второв И.П. К 90-летию Бюллетеня комиссии по изучению четвертичного периода // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2019. № 77. С. 5–7.
2. Иванова И.К. К 50-летию научной, научно-организационной и издательской деятельности Комиссии по изучению четвертичного периода // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1980. № 50. С. 3–11.
3. Протокол 16-го заседания Комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР от 31 января 1929 года // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1930. № 2. С. 1.
4. Бонч-Осмоловский Г.А. Шайтан-Коба, крымская стоянка типа Абри Оди // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1930. № 2. С. 61–77.
5. Человек древнего каменного века: среда, жизнь, искусство : с 137 рисунками, выполненными художниками верхнего палеолита и современными Ч. Найтом, Э. Кристменом и др. Л. : Путь к знанию, 1924. 527 с.
6. Бибиков С.Н. Из работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 года // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1940. № 6-7. С. 81–85.
7. Крайнов Д.А. Стоянка Замиль-Коба I // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1940. № 6-7. С. 85.
8. Бадер О.Н. Новые данные по палеолиту горного Крыма // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1940. № 6-7. С. 85–88.
9. Колосов Ю.Г. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові // Археологія. 1962. Т. 14. С. 156–166.
10. Крайнов Д.А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1947. № 9. С. 23–38.
11. Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // Материалы и исследования по археологии по СССР (МИА). 1958. № 71. 125 с.
12. Формозов А.А. Возобновление полевых исследований по каменному веку Крыма // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1953. № 19. С. 89–94.
13. Петрунь В.Ф., Белокрыс Л.С. К применению геологами археологического метода исследования в условиях Горного Крыма // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1961. № 26. С. 161–167.
14. Колосов Ю.Г., Харитонов В.М., Якимов В.П. Находка скелетных остатков неандертальца в Крыму // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1975. № 44. С. 31–40.
15. Клюкин А.А., Щепинский А.А. Новые палеолитические находки в отложениях террас р. Альма (Крым) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1983. № 52. С. 156–164.
16. Векилова Е.А. Каменный век Крыма, некоторые итоги и проблемы // МИА. 1971. № 173. С. 117–161.
17. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М. : Наука, 1977. 143 с.
18. Бибиков С.Н., Любин В.П. Распространение памятников раннего палеолита Крыма и Кавказа и история их исследования // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа : путеводитель совместного советско-французского рабочего полевого семинара по теме: «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества». М., 1978. С. 8.
19. Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения крымского палеолита // Труды 2-й международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. 1934. Вып. 5. С. 169.
20. Векилова Е.А. К столетию открытия палеолита в Крыму // Исследование палеолита в Крыму. Киев: Наукова думка, 1979. С. 5–15.
21. Чепалыга А.Л., Анисюткин Н.К., Садчикова Т.А. Первые многослойные стоянки олдованской культуры в Крыму: геология, археология, палеоэкология // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2015. № 74. С. 5–22.
22. Чепалыга А.Л. Новая концепция черноморских террас юго-восточного Крыма // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2015. № 74. С. 90–104.
23. Чепалыга А.Л., Садчикова Т.А., Анисюткин Н.К. Особенности строения и формирование эоплейстоценовой манджильской террасы района Судака в Крыму со следами обитания древнего человека // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 2019. № 77. С. 141–158.
24. Щепинский А.А., Клюкин А.А. Раннепалеолитическая «галечная культура» Крыма // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). М. : Ин-т археологии АН СССР, 1992. Вып. 206. С. 104–109.
25. Жук С.М. Разведки и охранные раскопки на Южном берегу Крыма // Археологические исследования в Крыму. Симферополь : Сонат, 1997. С. 100–101.
26. Щелинский В.Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники I в Западном Предкавказье. СПб. : ИИМК РАН ; Периферия, 2014. 168 с.
27. Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе : (предварительные результаты). М. : Таус, 2007. 52 с.
28. Анисюткин Н.К., Степанчук В.Н. Чепалыга А.Л. Крецешты, новое местонахождение раннего палеолита с галечной индустрией на Днестре: каменные изделия, геологические условия, возраст // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии. СПб. : Ин-т истории материальной культуры (ИИМК) РАН, 2013. С. 89–103.

References

1. Vtorov, I.P. (2019) K 90-letiyu Byulletenya komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [To the 90th anniversary of the Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 77. pp. 5–7.
2. Ivanova, I.K. (1980) K 50-letiyu nauchnoy, nauchno-organizatsionnoy i izdatel'skoy deyatel'nosti Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [To the 50th anniversary of the scientific, organizational, and publishing activities of the Commission for the Study of the Quaternary]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 50. pp. 3–11.
3. USS AS Commission for the Study of the Quaternary. (1930) Protokol 16-go zasedaniya Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda pri AN SSSR ot 31 yanvarya 1929 goda [Protocol of the 16th meeting of the Commission for the Study of the Quaternary under the USSR Academy of Sciences dated January 31, 1929]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 2. pp. 1.
4. Bonch-Osmolovskiy, G.A. (1930) Shaytan-Koba, krymskaya stoyanka tipa Abri Odi [Shaitan-Koba, Crimean site of the Abri Odi type]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 2. pp. 61–77.
5. Osborne, H.F. (1924) *Chelovek drevnego kamennogo veka: sreda, zhizn', iskusstvo: s 137 risunkami, vypolnennymi khudozhnikami verkhnego paleolita i sovremennymi Ch. Naytom, E. Kristmenom i dr.* [Man of the Ancient Stone Age: Environment, Life, Art: with 137 drawings made by artists of the Upper Paleolithic and contemporary artists C. Knight, E. Christman and others]. Translated from English. Leningrad: Put' k znaniyu.
6. Bibikov, S.N. (1940) Iz rabot Krymskoy paleoliticheskoy ekspeditsii 1936 goda [From the works of the Crimean Paleolithic Expedition of 1936]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 6-7. pp. 81–85.

7. Kraynov, D.A. (1940) Stoyanka Zamil'-Koba I [Zamil-Koba I site]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 6-7. pp. 85.
8. Bader, O.N. (1940) Novye dannye po paleolitu gornogo Kryma [New data on the Paleolithic of the mountainous Crimea]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 6-7. pp. 85–88.
9. Kolosov, Yu.G. (1962) *Doslidzhennya pam'yatok neolitichnogo chasu na Kerchens'komu pivostrovi*. *Arkheologiya*. 14. pp. 156–166.
10. Kraynov, D.A. (1947) Novye must'erskie stoyanki Kryma i Kavkaza [New Mousterian sites of the Crimea and the Caucasus]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 9. pp. 23–38.
11. Formozov, A.A. (1958) Peshchernaya stoyanka Starosel'e i ee mesto v paleolite [The cave site Staroselie and its place in the Paleolithic]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii po SSSR (MIA)*. 71.
12. Formozov, A.A. (1953) Vozobnovlenie polevykh issledovaniy po kamennomu veku Kryma [Resumption of field research on the Stone Age of Crimea]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 19. pp. 89–94.
13. Petrun, V.F. & Belokrys, L.S. (1961) K primeneniyu geologami arkheologicheskogo metoda issledovaniya v usloviyakh Gornogo Kryma [On the use by geologists of the archaeological method of research in the conditions of the Mountainous Crimea]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 26. pp. 161–167.
14. Kolosov, Yu.G., Kharitonov, V.M. & Yakimov, V.P. (1975) Nakhodka skeletnykh ostatkov neandertal'tsa v Krymu [The skeletal remains of a Neanderthal in the Crimea]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 44. pp. 31–40.
15. Klyukin, A.A. & Shchepinskiy, A.A. (1983) Novye paleoliticheskie nakhodki v otlozheniyakh terras r. Al'ma (Krym) [New Paleolithic finds in the deposits of the terraces of the River Alma (Crimea)]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 52. pp. 156–164.
16. Vekilova, E.A. (1971) Kamennyy vek Kryma, nekotorye itogi i problemy [Stone Age of Crimea, some results and problems]. *MIA.* 173. pp. 117–161.
17. Formozov, A.A. (1977) *Problemy etnokul'turnoy istorii kamennogo veka na territorii Evropeyskoy chasti SSSR* [Problems of the ethnocultural history of the Stone Age in the European part of the USSR]. Moscow: Nauka.
18. Bibikov, S.N. & Lyubin, V.P. (1978) Rasprostranenie pamyatnikov rannego paleolita Kryma i Kavkaza i istoriya ikh issledovaniya [Distribution of Early Paleolithic sites in the Crimea and the Caucasus and the history of their research]. In: *Arkheologiya i paleogeografiya rannego paleolita Kryma i Kavkaza: putevoditel' sovmestnogo sovetsko-frantsuzskogo rabochego polevogo seminara po teme: "Dinamika vzaimodeystviya prirodnoy sredy i doistoricheskogo obshchestva"* [Archeology and Paleogeography of the Early Paleolithic of the Crimea and the Caucasus: a guidebook for a joint Soviet-French working field seminar on the topic: "The dynamics of the interaction of the natural environment and prehistoric society."]. Moscow: Nauka. pp. 8.
19. Bonch-Osmolovsky, G.A. (1934) Itogi izucheniya krymskogo paleolita [Results of the study of the Crimean Paleolithic]. *Trudy 2-y mezhdunarodnoy konferentsii Assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda Evropy*. 5. pp. 169.
20. Vekilova, E.A. (1979) K stoletiyu otkrytiya paleolita v Krymu [To the centenary of the discovery of the Paleolithic in the Crimea]. In: Kolosov, Yu.G. (ed.) *Issledovanie paleolita v Krymu* [Research of the Paleolithic in the Crimea]. Kyiv: Naukova dumka. pp. 5–15.
21. Chepalyga, A.L., Anisyutkin, N.K. & Sadchikova, T.A. (2015) Pervye mnogosloynye stoyanki oldovanskoy kul'tury v Krymu: geologiya, arkheologiya, paleoekologiya [The first multilayer sites of the Oldovan culture in the Crimea: geology, archeology, paleoecology]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 74. pp. 5–22.
22. Chepalyga, A.L. (2015) Novaya kontseptsiya chernomorskikh terras yugo-vostochnogo Kryma [A new concept of the Black Sea terraces of the southeastern Crimea]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 74. pp. 90–104.
23. Chepalyga, A.L., Sadchikova, T.A. & Anisyutkin, N.K. (2019) Osobennosti stroeniya i formirovanie eopleystotsenovoy mandzhil'skoy terrasy rayona Sudaka v Krymu so sledami obitaniya drevnego cheloveka [The structure and formation of the Eopleistocene Mandzhil terrace of the Sudak region in the Crimea with traces of the habitation of an ancient person]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda – Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*. 77. pp. 141–158.
24. Shchepinskiy, A.A. & Klyukin, A.A. (1992) Rannepaleoliticheskaya "galechnaya kul'tura" Kryma [Early Paleolithic "Pebble Culture" of Crimea]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA)*. 206. pp. 104–109.
25. Zhuk, S.M. (1997) Razvedki i okhrannye raskopki na Yuzhnom beregu Kryma [Exploration and security excavations on the southern coast of Crimea]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu* [Archaeological research in Crimea]. Simferopol: Sonat. pp. 100–101.
26. Shchelinskiy, V.E. (2014) *Eopleystotsenovaya rannepaleoliticheskaya stoyanka Rodniki I v Zapadnom Predkavkaz'e* [Eopleistocene Early Paleolithic site Rodniki I in Western Ciscaucasia]. St. Petersburg: RAS.
27. Amirkhanov, Kh.A. (2007) *Issledovanie pamyatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze: (predvaritel'nye rezul'taty)* [The study of the Oldovan sites in the North-Eastern Caucasus: (preliminary results)]. Moscow: Taus.
28. Anisyutkin, N.K., Stepanchuk, V.N. & Chepalyga, A.L. (2013) Kretseshty, novoe mestonakhozhdenie rannego paleolita s galechnoy industriey na Dnestre: kamennye izdeliya, geologicheskie usloviya, vozrast [Kretseshty, a new locality of the Early Paleolithic with a pebble industry on the Dniester: stone products, geological conditions, age]. In: Vasiliev, S.A. & Larionova, A.V. (eds) *Drevneyshiy Kavkaz: perekrestok Evropy i Azii* [Ancient Caucasus: The Crossroads of Europe and Asia]. St. Petersburg: RAS. pp. 89–103.

***Сведения об авторе*:**
Черкасов Алексей Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин филиала Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова в г. Севастополе (Севастополь, Россия). E-mail: cherkasov.alexei1976@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Cherkasov Alexey V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Branch of the Admiral F.F. Ushakov State Maritime University in Sevastopol (Sevastopol, Russian Federastion). E-mail: cherkasov.alexei1976@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 19.01.2019; accepted for publication 05.07.2022

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья
УДК 364.1
doi: 10.17223/19988613/79/23

Социальная коммуникация и формирование инклюзивной культуры в вузе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники)

Валентина Ивановна Зиновьева[1], Максим Валерьевич Берсенев[2]

[1, 2] Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
[1] valentina.i.zinoveva@tusur.ru
[2] m.bersenev@gmail.com

Аннотация. Развитие социальной коммуникации в плане формирования инклюзивной культуры в студенческой среде изучается на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). По результатам корреляционного анализа данных, полученных в ходе анкетного опроса, сформировано представление о коммуникативных особенностях студентов различных факультетов, определены основные группы со схожими характеристиками, что позволяет спланировать социальную работу в вузе.
Ключевые слова: инклюзивная культура, социальная коммуникация, корреляционный анализ

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука» FEWM-2020-0036.

Для цитирования: Зиновьева В.И., Берсенев М.В. Социальная коммуникация и формирование инклюзивной культуры в вузе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 189–195. doi: 10.17223/19988613/79/23

Original article

Social communication and creating an inclusive culture at the university (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics)

Valentina I. Zinovieva[1], Maxim V. Bersenev [2]

[1, 2] Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
[1] valentina.i.zinoveva@tusur.ru
[2] m.bersenev@gmail.com

Abstract. The authors define an inclusive culture as a level of development expressed in a humane, tolerant and safe attitude of people towards each other. The creation of an inclusive culture in the ecological space of the university is based on the development of social interaction, mutual respect between people, regardless of what social group they belong to. Students with disabilities are supported by law with special learning conditions, which contributes to the equalization of the rights of this group of young people in obtaining higher education. The small number of this group does not reduce the importance of the problems of inclusive education in higher education and does not eliminate the problems of their stigmatization and exclusion.

The development of social activity and the formation of positive interaction between students with and without disabilities contributes to the development of the potential of both groups. Social communication becomes the basis for the creation of inclusion, it is a process of information dissemination aimed at the transition from the medical model of disability (perceptions of people with disabilities as helpless people) to social one (perceptions of the need for their personal development).

© В.И. Зиновьева, М.В. Берсенев, 2022

A questionnaire-based survey of students of all courses and faculties of the university showed, on the one hand, a high level of their communication skills in the social sphere, in the field of logical thinking and intellectual development, which is a factor of inclusion, but, on the other hand, it showed a high level of emotional instability and conformity. The main information channel of social interaction between people is verbal communication.
In order to establish the relationship between the faculty, the course, the gender of the students, on the one hand, and the above factors, on the other hand, a correlation analysis was carried out. The Spearman technique has been used to identify correlations between the variables identified by the test results, as well as the Mann-Whitney method to determine the relationship between these variables and the course, faculty, and gender of the respondents.
Thus, in order to build equal relations in a university, thoughtful educational work is needed. In addition, the authors had to explain the principles of inclusion for clarity and in an accessible, "clear language" style. It is possible to determine the main methods for the creation of an inclusive culture among TUSUR students, if we take into account their communication features: personal experience (including extracurricular) of communicating with disabled people, brochures, manuals and other material, classes in the Education design format. Each of these methods will have an impact predominantly on the majority of students in a particular faculty, contributing to the formation of an inclusive culture.
Keywords: inclusive culture, social communication, correlation analysis

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task “Science” FEWM-2020-0036.

For citation: Zinovieva, V.I., Bersenev, M.V. (2022) Social communication and creating an inclusive culture at the university (on the example of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 189–195. doi: 10.17223/19988613/79/23

Инклюзивная культура определяется как уровень развития, выражающийся в гуманном, терпимом и безопасном отношении людей друг к другу. Формирование инклюзивной культуры в экопространстве вуза, где есть субъекты и окружающая среда, означает развитие сотрудничества, социального взаимодействия, взаимоуважения между людьми независимо от их вхождения в те или иные социальные группы. Студенты с инвалидностью, т.е. инвалиды I, II и III групп (если они инвалиды с детства), и дети-инвалиды, согласно Указу Президента РФ (2021), пользуются бессрочной льготой в пределах 10% квоты при поступлении, а также в соответствии со ст. 79 ФЗ «Об образовании в РФ» им и студентам с ограниченными возможностями здоровья предоставляются специальные условия обучеданной группы молодых людей в получении высшего образования. Удельный вес таких студентов в российских вузах не превышает 0,38% от общего числа студентов, тогда как в европейских странах этот показатель достигает 5%. [1. С. 13–14]. В Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) этот показатель составлял на 2020–2021 учебный год (с учетом студентов факультета дистанционного обучения (ФДО)) 0,7%. Малочисленность данной группы не снижает актуальности проблем инклюзивного образования в высшей школе. По данным анкетных опросов студентов, которые регулярно проводятся в ТУСУРе, 80% респондентов однозначно признают принципы инклюзии, и вместе с тем до 20% относятся к таким студентам с предубеждением. Положение этой группы в вузе с учетом специальных условий обучения и выделение квоты при поступлении могут привести к их стигматизации и эксклюзии.

В действительности выравнивание возможностей обучения для эффективного развития всех, включая инвалидов, установление взаимопонимания – это позитивный и продуктивный процесс, который способствует успешной профессионализации, приобретению навыков и компетенций. Любые взаимоотношения между людьми начинаются с установления контактов. В образовательном процессе это прямо связано с развитием социальной активности и социального общения. В свою очередь, социальная коммуникация в контексте формирования инклюзии представляет собой процесс распространения информации, нацеленный на переход от медицинской модели инвалидности (представление об инвалидах как беспомощных людях) к социальной (представление о необходимости их личностного развития).

Проблема формирования позитивной атмосферы и инклюзивной культуры в духе социальной модели инвалидности, когда на первый план выдвигается идея личностного роста и развития потенциала лиц с инвалидностью в образовательном пространстве вуза, рассматривается в ряде публикаций.

В качестве одной из значимых целей в обучении Ю.В. Глузман называет преодоление коммуникативного барьера, восстановление нормальных для возраста и статуса коммуникаций, которые способствуют также социальной реабилитации инвалидов [2. С. 64]. Необходимость создания среды, которая помогает чувствовать себя полноценным человеком и способствует успешной социализации и адаптации в студенческой группе, отмечается в статье Т.А. Финогеевой и О.В. Карамышевой [3. С. 44]. В свою очередь, И.В. Захарова считает, что формирование инклюзивной среды необходимо анализировать не только в рамках отдельной образовательной организации, но и в региональном контексте, но при этом важна координация всех уровней системы образования через административную деятельность [4. С. 73]. Фактор сетевого взаимодействия в рамках РУМЦ, отмечает И.В. Патрушева, способствует становлению инклюзивной культуры [5. С. 43].

Цель данной работы – проанализировать результаты социологического опроса студентов вуза в рамках формирования инклюзивной культуры в социальной коммуникации.

Первостепенное значение формирование позитивной коммуникативной среды имеет для студенческого сообщества как на этапе социальной адаптации, так и в плане приобретения ими профессиональных компетенций. Негативные коннотации в отношении инвалидности, предубеждения, ложные стереотипы остаются достаточно сильными факторами взаимоотношений, они оказывают влияние на молодых людей, могут формировать соответствующие модели поведения и жизненный опыт, проявляться в форме дискриминации. Есть студенты, которые не прошли по конкурсу на бюджетное место из-за существующей квоты для обучения инвалидов, и они могут выражать открыто или в скрытой форме свое недовольство. Главным информационным каналом социального взаимодействия людей является вербальная (словесная) коммуникация.

Для выстраивания равноправных отношений в вузе необходимы продуманная воспитательная работа, разъяснение принципов инклюзии в целях ясного понимания в стиле «ясного языка».

Этот подход появился еще в 20-е гг. XX в. в скандинавских странах в рамках теории «нормализации» и независимого проживания лиц с инвалидностью, но сам термин «ясный язык» уже в 90-х гг. XX в. был предложен финским нейропсихологом Еленой Вяхякуопус для использования в виде специально упрощенной, доступной для понимания речи первоначально в общении с людьми, имеющими ментальные нарушения [6]. Затем сферы его применения стали расширяться, возникли активисты этого движения, стали созываться встречи, появились «ассоциации ясного языка» с официальной регистрацией во многих странах [7].

Методика «ясного языка», выстроенная по принципу «одна мысль, одно предложение», первоначально начала успешно применяться к тем людям, которые не имели опыта работы с документами разных учреждений. Задача в этом случае заключалась в переводе текстов печатных форм различных учреждений на простой и однозначный, без сложных формулировок язык, предназначенный для обычных граждан. Кроме того, стали появляться тексты на языках диалектов, распространенных в той или иной местности. Этого требовала социокультурная интеграция. Затем в орбиту внимания специалистов попали переводы с разных языков или на другие языки, которые были малопонятными, а сложные формулировки затеняли смысл. В этом плане для многих граждан дисфункциональными могли быть инструкции, учебники, правила, что могло отражаться на их безопасности. Ясный язык изложения должен был стать в учреждениях средством доступности информации, а также и средством коммуникации.

Общение на ясном языке помогает людям понимать и использовать сложную информацию, быть самостоятельными и независимыми от обстоятельств в принятии решений. Идея использовать эту методику приобретает популярность в России как в контексте реализации инклюзивного образования, так и для налаживания социальных коммуникаций.

Известно, что человек в своей жизни имеет дело с двумя основными системами: воспитывающей (формирующей идентичность, ценности, стереотипы поведения) и официальной (системой обучающих учреждений, а также тех, которые дают средства к существованию). В этих системах различны формы и способы получения информации. В официальной области нивелируется значение этнической, религиозной, семейной и тому подобных идентичностей, и требуется социальная идентичность как основа ориентации человека в социальном мире. Для молодежи характерно состояние поиска своей идентичности (тождественности) по отношению к той или иной социальной группе. Кроме того, в рамках «жизненных переходов», к примеру от школы к вузу, в период адаптации требуется по-новому учиться понимать информацию и применять ее в практической жизни. В особенности это актуально для абитуриентов с ограниченными возможностями здоровья (ментальными нарушениями). Они поступают в вуз вне тех льгот, которые полагаются лицам с инвалидностью, практически не учитываются приемными комиссиями, но могут нуждаться в адаптации и помощи в гораздо большей степени. В вузовской практике был случай, когда в начале учебного года такой студент-первокурсник не понял, как пользоваться расписанием учебных занятий, и каждое утро приходил в деканат чтобы спросить, в какой аудитории он должен учиться. В основе методики «ясного языка» применительно к обучению в высшей школе существует требование доступно и понятно излагать также и научные знания. Не менее важны в академической среде непредвзятое отношения к студентам с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья и социальное общение в позитивной тональности. Инклюзия могла бы распространяться быстрее, если бы в межличностном взаимодействии, которое предполагает управление групповой динамикой, все субъекты придерживались методики «ясного языка». Сама структура речи – без искажений и стигматизации, тон общения, интернальность, т.е. способность субъектов брать на себя ответственность за свои слова и дела, способствуют позитивности.

Социальная коммуникация – это важнейшая сфера жизнедеятельности любого общества. Именно в области социальных отношений происходит обмен наиболее важной информацией, в том числе между представителями различных социальных групп, обоснование и принятие решений, здесь люди взаимодействуют с той системой, которая дает средства к существованию. Это также область взаимодействия представителей всех слоев общества и формирования инклюзивной культуры, внутренних смыслов, ценностей, а также внешних форм и стереотипов поведения.

На студенческой скамье у вузовской молодежи в рамках профессиональной подготовки формируются навыки социальной коммуникации, которые необходимы для трудоустройства и социальной мобильности. Коммуникативная компетентность – это система знаний и умений в ситуации социального общения, при этом специалист должен иметь навыки: быть готовым

к контактам; уметь поддерживать диалог; проявлять смелость в установлении контактов, не испытывать чувство усталости от контактов. Это развивает его перцептивные способности и позволяет установить аутентичную дружбу с собеседником. Умение устанавливать и поддерживать контакты с коллегами и сослуживцами служат успешной профессионализации.

В 2021–2022 учебном году в академических группах студентов ТУСУРа был проведен анкетный опрос по методике, предложенной Н.П. Фетискиным, В.В. Козловым и Г.М. Мануйловым [8] по диагностике коммуникативной социальной компетентности (КСК). Гипотезой исследования было предположение, что у студентов есть логическое мышление, общительность преобладает над замкнутостью, и в целом сформированы основы коммуникативной социальной компетентности. Кроме того, опросник позволяет выявить склонность к асоциальному поведению, пренебрежению к принятым общественным нормам, а также определяет шкалу правдивости, т.е. искренности в ответах.

Анкетный опрос носил анонимный характер, в нем участвовал 101 студент, 49,5% – девушки, 50,5% – юноши. 27% ответов дали студенты радиоконструкторского факультета (РКФ), 18,8% – радиотехнического (РТФ), 11,5% – экономического (ЭФ), 10,9% – факультета электронной техники (ФЭТ), по 7,9% – юридического (ЮФ) и факультета систем управления (ФСУ), 5% – факультета безопасности (ФБ), по 4% – факультета вычислительных систем (ФВС) и гуманитарного факультета (ГФ), 2% – факультета инновационной техники (ФИТ). 50,5% составили студенты 1-го курса, 13,9% – 2-го курса, 27,7% – 3-го курса, 7,9% – 4-го курса, т.е. практически студенты всех курсов и факультетов вуза. Такой широкий характер выборки позволяет сделать вывод о достоверной картине в части коммуникативной социальной компетентности респондентов, вероятностном прогнозе успешности их профессиональной деятельности. Характеристики коммуникабельности, в свою очередь, являются показателями не только личностной культуры, но и основ принятия идеологии инклюзии. Студенты отвечали на вопросы теста, направленного на выделение коммуникативных способностей (А: общительность, В: развитое логическое мышление, С: эмоциональная устойчивость, Д: жизнерадостность, К: чувствительность – реалистичность, М: независимость от чужого мнения – зависимость, Н: самоконтроль – импульсивность, П: склонность к асоциальному поведению, Л: достоверность или недостоверность ответов).

При обработке ответов респондентов по фактору общительности (А) было выяснено, что высокие показатели – от 16 до 20 баллов – имеют 12 человек; близки к ним те, у которых общительность преобладает над замкнутостью – 26 чел. Кроме того, в группе набравших от 8 до 12 баллов (в меру открыт, в меру замкнут) оказалось еще 46 человек. Итого по данному показателю 84 студента (83% от числа всех респондентов) показали высокий и средний уровень общительности, что частично подтверждает гипотезу исследования и является достаточной основой для социального взаимодействия и принятия идей инклюзии.

По фактору В (развитое логическое мышление) максимальный уровень показали 28 респондентов, а близкий к этому, т.е. «выраженный», – 32. При этом средний уровень оказался у 37 студентов, что в целом составило абсолютное большинство – 96% т.е. в студенческой среде есть база для когнитивного мышления, в том числе в направлении теорий равноправия и инклюзии.

При анализе фактора эмоциональной устойчивости С выяснилось, что 38 человек (37%) склонны к вспыльчивости, но испытывают недовольство собой, еще 16% эмоционально слабо развиты, склонны к эгоизму, и только 46 студентов имеют оптимальный уровень по этому показателю. В такой аудитории выражение эмпатии может стать проблемой.

Определенное значение имеет фактор конформизма М. По двум высшим шкалам (в том числе по выраженности) 27 человек продемонстрировали самостоятельность в принятии решений, из них уверенных в себе было 9 человек. Это потенциальные лидеры, от их позиций многое может зависеть в группах, при этом важна позитивная направленность их действий. Таким образом, большая группа студентов (35%) склонна к колебаниям и 10 человек – это конформисты.

При определении «правдивости», которая позволяет судить о достоверности ответов по разным факторам, четыре респондента не прошли этот тест. Склонности к асоциальному поведению не было зафиксировано.

Таким образом, высокий уровень общительности в социальной сфере и интеллектуального развития студентов сочетается с относительно слабой и неустойчивой эмоциональностью, склонностью к конформизму. Это отчасти объясняется возрастными особенностями периода юности, маргинальностью (промежуточным положением между детством и взрослой жизнью), недостаточным жизненным опытом и просчетами в воспитании. Тем не менее это противоречие усиливает значение просвещения на студенческой скамье на основе современного понимания гуманизма как веры в неограниченные возможности развития личности, ее потенциала, таких качеств, как способность к эмпатии, активному слушанию и аутентичной дружбе. Это также актуально в студенческой аудитории в плане формирования инклюзивной культуры.

Для установления связи между факультетом, курсом, полом студентов, с одной стороны, и с вышеназванными факторами – с другой, мы провели корреляционный анализ. Анализ результатов продемонстрировал нам ненормальное распределение, т.е. такое, при котором полученные величины не распределяются равномерно, в соответствии с кривой Гаусса. Для анализа корреляций при таком распределении обычно используются непараметрические методы. Мы использовали непараметрическую методику Спирмена для выявления корреляций между переменными, выявленными по результатам тестов. Методика Спирмена позволяет определить тесноту и направление корреляционной связи между двумя признаками (взятыми каждый раз отдельно). Для определения взаимосвязей между этими переменными и курсом, факультетом и по-

лом респондентов мы использовали методику Манна–Уитни. Критерий Манна–Уитни используется обычно для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню признака, измеренного количественно. Он позволяет выявить различия в значении параметра среди малых выборок (101 человек – как раз такая выборка). Иными словами, мы сравнивали каждую переменную (к которой относятся пол, факультет, возраст и все переменные, касающиеся коммуникационных компетенций студентов, описанные выше) друг с другом попарно, независимо от других. Величина среднего ранга указывает на преимущественную склонность к проявлению первого качества из набора. Так, если по переменной А (общительность – необщительность) представители мужского пола продемонстрировали средний ранг 42,88, а женского – 58,43, это означает, что в нашей выборке статистически чаще более общительными являются женщины. Аналогично мы сделали выводы по другим обнаруженным корреляциям.

По переменной А (общительность – необщительность) были выявлены различия по основанию пола и факультета. U-критерий Манна–Уитни при сопоставлении пола и переменной А равен 861,0, двусторонняя значимость составила 0,007, средний ранг по мужскому полу составил 42,88, а по женскому – 58,43. Принадлежность к различным факультетам также выявляет разницу по фактору А. Гуманитарный факультет при сравнении с радиотехническим продемонстрировал U-критерий Манна–Уитни, равный 6,5, двусторонняя значимость составила 0,01, средние ранги составили 10,34 (РТФ) и 19,88 (ГФ). В сравнении этого же факультета с радиоконструкторским U-критерий составил 16,0, двусторонняя значимость – 0,022, средние ранги – 15,07 (РКФ) и 26,5 (ГФ). Сопоставление с факультетом вычислительных систем показало U-критерий, равный 0,5, двустороннюю значимость 0,027, средние ранги – 2,63 (ФВС) и 6,38 (ГФ). При сопоставлении с юридическим факультетом U-критерий был равен 3,0, двусторонняя значимость – 0,037, средние ранги – 4,43 (ЮФ) и 8,75 (ГФ). Экономический факультет показывает различие по этому фактору в сравнении с радиотехническим (U-критерий в этом сравнении равен 40,0, двусторонняя значимость – 0,003, средние ранги – 12,11 (РТФ) и 22,17 (ЭФ)), радиоконструкторским (U-критерий 86,0, двусторонняя значимость – 0,015, средние ранги – 17,57 (РКФ) и 27,33 (ЭФ)) и юридическим (U-критерий 16,0, двусторонняя значимость 0,027, средние ранги – 6,29 (ЮФ) и 12,17 (ЭФ)). По этому критерию также демонстрируют различия ФИТ и ряд других факультетов (РТФ: U-критерий 1,5, двусторонняя значимость – 0,035, средние ранги – 10,08 (РТФ) и 19,75 (ФИТ); ФЭТ: U-критерий 0,5, двусторонняя значимость – 0,037, средние ранги – 6,05 (ФЭТ) и 12,05 (ФИТ)). В целом статистически чаще более общительными являются девушки. Студенты гуманитарного факультета более общительны, чем студенты РТФ, РКФ, ФВС и ЮФ, студенты экономического факультета также более общительны по сравнению со студентами РТФ, РКФ, ЮФ. Студенты факультета инновационной техники имеют преимущество в общении по сравнению со студентами РТФ и ФЭТ. Эти результаты взаимосвязаны, на наиболее «коммуникативных» факультетах преобладают представители женского пола. Не выявлено связи между возрастом и переменной А, т.е. студенты не становятся более или менее общительными по мере перехода с курса на курс.

По переменной В (развитое логическое мышление) были получены следующие результаты. Значимых различий по полу и возрасту не выявлено. Радиотехнический факультет демонстрирует различия с факультетом систем управления (U-критерий 47,0, двусторонняя значимость – 0,027, средние ранги – 16,16 (РТФ) и 8,88 (ФСУ)) и факультетом вычислительных систем (U-критерий 13,0, двусторонняя значимость – 0,40, средние ранги – 13,32 (РТФ) и 5,75 (ФВС)). Радиоконструкторский факультет по этому фактору отличается от факультета вычислительных систем (U-критерий 22,5, двусторонняя значимость – 0,043, средние ранги – 17,70 (РКФ) и 8,13 (ФВС). Других различий по этому критерию не выявлено. Мы можем сделать общий вывод о том, что РТФ и РКФ демонстрируют лучшие показатели по логическому мышлению, чем ФВС, а РТФ также опережает по этому показателю и ФСУ. Вероятно, это связано с особенностями подготовки на данных факультетах. При этом гипотеза о том, что по логическому мышлению условно гуманитарные факультеты будут отличаться от условно технических, не подтверждается.

Переменная М (независимость либо зависимость от чужого мнения) показала статистически значимые различия при сравнении факультетов. Так, факультет систем управления показывает различия по этому критерию от факультета вычислительных систем. U-критерий составляет 4,5, двусторонняя значимость – 0,048, средние ранги – 5,06 (ФСУ) и 9,38 (ФВС). Показатели ФСУ также коррелируют с показателями юридического факультета. U-критерий в этом случае равен 5,5, двусторонняя значимость – 0,009, средние ранги – 5,19 (ФСУ) и 11,29 (ЮФ). Показатели юридического факультета по этой переменной соотносятся с показателями ЭФ. U-критерий составляет 18,0, двусторонняя значимость – 0,041, средние ранги – 8,0 (ЭФ) и 13,43 (ЮФ). Значимых различий по полу и возрасту не выявлено. Мы можем сделать вывод, что студенты ФСУ являются более зависимыми от чужого мнения, чем студенты ФВС и ЮФ, а студенты ЮФ – менее зависимы, чем студенты ФСУ и ЭФ.

По переменной Н (самоконтроль – импульсивность) факультет безопасности проявляет различия почти со всеми другими факультетами ТУСУРа. С РТФ: U-критерий 2, двусторонняя значимость – 0,001, средние ранги – 10,11 (РТФ) и 21,60 (ФБ). с РКФ: U-критерий 25,5, двусторонняя значимость – 0,024, средние ранги – 15,41 (РКФ) и 25,90 (ФБ). С ФСУ: U-критерий 6,0, двусторонняя значимость – 0,037, средние ранги – 5,38 (ФСУ) и 9,80 (ФБ). с ФВС: U-критерий 0, двусторонняя значимость – 0,013, средние ранги – 2,5 (ФВС) и 7 (ФБ). С ЭФ: U-критерий 7, двусторонняя значимость – 0,015, средние ранги – 13,6 (ФБ) и 7,08 (ЭФ). С ЮФ: U-критерий 4, двусторонняя значимость – 0,028, средние ранги – 9,2 (ФБ) и 4,57 (ЮФ). Также по этой переменной выявлены значимые различия в возрасте

студентов. Студенты 3-го курса отличаются от студентов 1-го курса (U-критерий 465,5, двусторонняя значимость – 0,010, средние ранги – 35,13 у 1-го курса и 48,88 у 3-го курса) и 2-го курса (U-критерий 81, двусторонняя значимость – 0,002, средние ранги – 13,29 для 2-го курса и 25,61 для 3-го). Вывод по этой переменной: в наибольшей степени самоконтроль проявляют студенты факультета безопасности (в сравнении с РТФ, РКФ, ФСУ, ФВС, ЭФ и ЮФ), а также студенты 3-го курса в сравнении с вторым и первым курсами. Первое можно объяснить некоторой профессиональной деформацией студентов факультета безопасности, второе – тем, что к третьему курсу студенты «взрослеют», и те из них, кто не был отчислен, учатся нормально реагировать на учебные события. Тем не менее по этой логике студенты 4-го курса должны демонстрировать еще более высокий уровень самоконтроля, но мы этого не наблюдаем. Это можно объяснить тем, что во время проведения опроса (весенний семестр) студенты 4-го курса чувствуют себя более свободно по сравнению с третьекурсниками.

По переменной С (эмоциональная устойчивость) выявлены различия между факультетом электронной техники и гуманитарным факультетом. U-критерий составил 5,0, двусторонняя значимость – 0,26, средние ранги – 9,55 (ФЭТ) и 3,75 (ГФ). Студенты факультета электронной техники статистически более эмоционально устойчивые, чем гуманитарии. Мы предполагаем, что это связано с преобладанием на гуманитарном факультете девушек, а на ФЭТ – юношей. Других различий по этой переменной не выявлено.

Не выявлено различий между факультетами, юношами и девушками, студентами различных курсов по переменной Д (жизнерадостность). Студенты находятся на одном уровне жизнерадостности независимо от факультета, курса обучения или пола.

По переменной К (чувствительность – реалистичность) различия были выявлены по полу. U-критерий составил 806,0, двусторонняя значимость – 0,002, средние ранги – 41,8 (юноши) и 59,55 (девушки). Девушки статистически чаще демонстрируют чувствительность, юноши – реалистичность. Выявлены различия между экономическим факультетом и четырьмя другими факультетами. При сравнении с РТФ U-критерий составил 64,0, двусторонняя значимость – 0,04, средние ранги – 13,37 (РТФ) и 20,17 (ЭФ). В сравнении с ФЭТ: U критерий 27,0, двусторонняя значимость – 0,015, средние ранги – 8,45 (ФЭТ) и 15,25 (ЭФ). В сравнении с факультетом безопасности: U-критерий 11,5, двусторонняя значимость – 0,046, средние ранги – 5,3 (ФБ) и 10,54 (ЭФ). В сравнении с ФИТ: U-критерий 1,5, двусторонняя значимость – 0,05, средние ранги – 8,38 (ЭФ) и 2,25 (ФИТ). Экономисты статистически чаще являются чувствительными людьми, чем студенты РТФ, ФБ, ФЭТ и ФИТ. Частично это объясняется преобладанием на экономическом факультете девушек, однако гуманитарный факультет, на котором девушки тоже преобладают, чувствительностью не отличается.

Обобщим основные преобладающие характеристики студентов различных факультетов.

Студенты радиоконструкторского факультета отличаются низкой общительностью, развитым логическим мышлением. Студенты факультета электронной техники эмоционально устойчивее, чем гуманитарии. Студенты факультета систем управления меньше проявляют способности к логическому мышлению, чем студенты РТФ, более зависимы от чужого мнения, чем студенты ЮФ и ФВС. Студенты факультета вычислительных систем менее общительны, чем гуманитарии, менее склонны к логическому мышлению, чем студенты РТФ и РКФ, менее зависят от чужого мнения, чем студенты ФСУ. Гуманитарии более общительные, чем студенты других факультетов, однако также более импульсивны (по сравнению с ФЭТ). Студенты факультета безопасности опережают студентов шести других факультетов по показателю самоконтроля (и это их главная отличительная черта), а также менее чувствительны, чем экономисты. Экономисты общительные, чувствительные. Юристы независимы от чужого мнения. Студенты факультета инновационной техники общительны, менее чувствительны, чем экономисты.

Все эти характеристики способны по-разному повлиять на формирование инклюзивной культуры. Скорее всего, высокая склонность к общению способствует более быстрому формированию инклюзивной культуры при условии, что такие люди будут сталкиваться с представителями других групп. Поэтому студентам ГФ, ЭФ и ФИТ для формирования у них инклюзивной культуры рекомендуется встречаться с людьми, которых планируется включать в общество. Это может быть достигнуто как естественным путем, при совместном обучении, так и организацией мероприятий за пределами учебного плана. Личный опыт общения с инвалидами должен помочь формированию инклюзивной культуры студентам ФСУ, РКФ и РТФ, однако, если учесть, что они более остальных склонны к логическим выводам, на них может оказать неплохое воздействие и создание обучающих брошюр, видеороликов, в которых бы рассказывалось о пользе формирования инклюзивной культуры. Студенты с высокой эмоциональной устойчивостью (ФЭТ, ФБ), помимо личной встречи, необходимой для формирования инклюзивной культуры, нуждаются в проведении специальных занятий в формате с кураторами, на которых им будут приводиться доводы в пользу принятия в коллектив дискриминируемых меньшинств, таких как инвалиды. Студентам, независимым от чужого мнения (ЮФ), также рекомендуется опыт личного общения с инвалидами для формирования собственных суждений по поводу инклюзивной культуры.

Таким образом, формированию инклюзивной культуры студентов ТУСУРа способствуют как формы и методы социальной работы, так и их коммуникативные особенности: личный опыт (в том числе внеаудиторный) общения с инвалидами, брошюры, методички и видеоролики, занятия с кураторами. Каждый из этих методов будет оказывать преимущественное влияние на большинство студентов того или иного факультета, способствуя формированию инклюзивной культуры.

Список источников

1. Герасимов А.В. Опыт организации и механизмы развития инклюзивного высшего образования в России // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4. С. 13–21.
2. Глузман Ю.В. Теория и практика инклюзивного образования в вузе: отечественный и зарубежный опыт. Симферополь: АРИАЛ, 2019. 244 с.
3. Финогеева Т.А., Карамышева О.В. Формирование готовности студента колледжа к оказанию поддержки лицам с ОВЗ // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20–21 октября 2021 г.) / гл. ред. С.В. Алёхина. М. : МГППУ, 2021. С. 43–47.
4. Захарова В.И. Административные аспекты инклюзии регионального образовательного пространства // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20–21 октября 2021 г.) / гл. ред. С.В. Алёхина. М. : МГППУ, 2021. С. 72–76.
5. Патрушева И.В. Ресурсы сетевого взаимодействия в развитии инклюзивной культуры в университете // Проблемы и перспективы развития воспитательной работы в вузе : I Межвуз. науч.-практ. конф., Томск, 14 ноября 2019 г. : доклады. Томск : ТУСУР, 2019. С. 42–46.
6. Бабкина М.Д. Ясный язык как средство обеспечения доступности информации : методические рекомендации. М. : Наш солнечный мир, 2021. 144 с.
7. Plain Language Association International. URL: https://plainlanguagenetwork.org/
8. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2009. 544 с.

References

1. Gerasimov, A.V. (2018) Opyt organizatsii i mekhanizmy razvitiya inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya v Rossii [Organization and development mechanisms of inclusive higher education in Russia]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp. 13–21.
2. Gluzman, Yu.V. (2019) *Teoriya i praktika inklyuzivnogo obrazovaniya v vuze: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Theory and practice of inclusive education at the university: domestic and foreign experience]. Simferopol: ARIAL.
3. Finogeeva, T.A. & Karamysheva, O.V. (2021) Formirovanie gotovnosti studenta kolledzha k okazaniyu podderzhki litsam s OVZ [The formation of a college student's readiness to provide support to persons with disabilities]. In: Alekhin, S.V. (ed.) *Inklyuzivnoe obrazovanie i obshchestvo: strategii, praktiki, resursy* [Inclusive Education and Society: Strategies, Practices, Resources]. Moscow: MSPPU. pp. 43–47.
4. Zakharova, V.I. (2021) Administrativnye aspekty inklyuzii regional'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Administrative aspects of the inclusion of the regional educational space]. In: Alekhin, S.V. (ed.) *Inklyuzivnoe obrazovanie i obshchestvo: strategii, praktiki, resursy* [Inclusive Education and Society: Strategies, Practices, Resources]. Moscow: MSPPU. pp. 72–76.
5. Patrusheva, I.V. (2019) Resursy setevogo vzaimodeystviya v razvitii inklyuzivnoy kul'tury v universitete [Resources of network interaction in the development of inclusive culture at the university]. *Problemy i perspektivy razvitiya vospitatel'noy raboty v vuze* [Problems and Prospects for the Development of Educational Work in the University]. Proc. of the First International Conference. Tomsk, November 14, 2019. Tomsk: TUSUR. pp. 42–46.
6. Babkina, M.D. (2021) *Yasnyy yazyk kak sredstvo obespecheniya dostupnosti informatsii: metodicheskie rekomendatsii* [Clear language as a means of ensuring the availability of information: guidelines]. Moscow: Nash solnechnyy mir.
7. *Plain Language Association International*. [Online] Available from: https://plainlanguagenetwork.org/
8. Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. (2009) *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Institute of Psychotherapy.

***Сведения об авторах*:**
Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru
Берсенев Максим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: m.bersenev@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Valentina I. Zinovieva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru
Maxim V. Bersenev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.02. 2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 18.02. 2022; accepted for publication 07.09.2022

Научная статья
УДК 94(598):327
doi: 10.17223/19988613/79/24

Сотрудничество России и Лаоса в сфере образования

Сергей Миронович Юн[1], Винават Пхонкео[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] sergey.yun@mail.tsu.ru
[2] vinavathphonekeo@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются правовая основа сотрудничества России и Лаоса в сфере образования, факторы и динамика выделения квот Россотрудничества на обучение лаосских граждан в российских вузах; приводится в табличной форме по уровням образования и источникам финансирования и анализируется открытая статистика Министерства науки и высшего образования России, касающаяся набора, обучения и выпуска студентов из Лаоса в российских вузах; даются кейсы межвузовского сотрудничества столичных и региональных вузов России с партнерами в Лаосе.
Ключевые слова: Россия, Лаос, квоты Россотрудничества, межвузовское сотрудничество, Томский государственный университет

Для цитирования: Юн С.М., Пхонкео В. Сотрудничество России и Лаоса в сфере образования // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 196–200. doi: 10.17223/19988613/79/24

Original article

Educational Cooperation between Russia and Laos

Sergey M. Yun[1], Vinavath Phonkeo[2]

[1, 2] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] sergey.yun@mail.tsu.ru
[2] vinavathphonekeo@gmail.com

Abstract. The objective of the research is to determine the features of educational cooperation between Russia and Laos with a focus on the period since 2010, when the intensification of bilateral political, military and economic ties between Moscow and Vientiane within the framework of a bilateral “strategic partnership” occurred. While preparing the paper, the authors used bilateral agreements concluded between Russia and Laos, materials from official websites of state bodies and universities, publications of Russian ambassadors in Laos, statistical data from the Russian Ministry of Science and Higher Education, and materials from news agencies. The paper discusses the legal basis for cooperation, as well as the factors and dynamics of the allocation of scholarships by Rossotrudnichestvo for Lao citizens; analyzes the open statistics of the Russian Ministry of Science and Higher Education regarding the education of students from Laos; cites the cases of interuniversity cooperation between Russia and Laos.

The research reached the following conclusions. The legal basis of Russian-Lao relations in the field of education are the 1994 agreement on cultural and scientific cooperation and the protocol on the equivalence of documents on education and academic degrees, signed by the USSR and Laos in 1978. Due to lack of demand in the 2000s the Rossotrudnichestvo’s quota for Laos was the minimum. Since 2010, against the background of the deepening of bilateral ties and the growth of the study of the Russian language in Laos, the number of Rossotrudnichestvo scholarships for citizens of Laos has gradually increased, from 15 to 93 for 2022.

The statistics of the Russian Ministry of Education and Science based on the reports of universities "VPO-1" shows that, firstly, the vast majority of Lao citizens study at the expense of the Rossotrudnichestvo scholarships. Secondly, a significant increase in the enrollment of students from Laos to Russian universities has been taking place since 2015. Thirdly, in Tomsk, mainly due to admission to Tomsk State University, the largest student diaspora of Laotians in Russia has formed. Fourth, despite the covid pandemic, in 2020 enrollment remained at the same level, but dropped noticeably in 2021. Fifth, there is the problem of successful completion of studies by the students from Laos. For example, in 2017 47 citizens of Laos received Rossotrudnichestvo scholarships for undergraduate programs of Russian universities, and in 2021 only 25 students graduated. The students from Laos require additional support from Russian universities. The most active in interuniversity cooperation between Russia and Laos are regional universities from Vladivostok, Tomsk, Kaluga.
Keywords: Russia, Laos, Rossotrudnichestvo scholarships, interuniversity cooperation, Tomsk State University

© С.М. Юн, В. Пхонкео, 2022

For citation: Yun, S.M., Phonkeo, V. (2022) Educational Cooperation between Russia and Laos. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 196–200. doi: 10.17223/19988613/79/24

Лаос – страна в Юго-Восточной Азии, которая, несмотря на географическую удаленность и небольшие размеры, представляет безусловный интерес для России. У Москвы и Вьентьяна есть солидный багаж когда-то очень тесных советско-лаосских отношений, который частично сохранился. Россия и Лаос имеют близкие внешнеполитические установки в отношении принципов международного взаимодействия, подходов к решению региональных проблем. В 2010-е гг. интенсифицировались двусторонние политические, военные и экономические связи в рамках двустороннего «стратегического партнерства».

Сфера образования с советских времен занимала важное место в системе связей. Около 7 тыс. лаосцев прошли обучение в советских вузах. Многие выпускники того времени занимают важные позиции в различных сферах Лаоса, в том числе в системе госуправления на самом высоком уровне. Например, Тхонглун Сисулит, нынешний президент Лаоса и генеральный секретарь Народно-революционной партии Лаоса, в 1978 г. окончил филологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, в 1984 г. получил докторскую степень в Академии общественных наук при ЦК КПСС [1]. Действующий премьер-министр Лаоса Пханкхам Вибхаван также защитил научную степень в СССР. Министр иностранных дел Лаоса Салэмсай Коммасит учился в МГИМО в 1986–1992 гг. В Лаосе в семьях части выпускников советских / российских вузов сохраняется установка на получение одним из детей российского образования.

Договорно-правовой основой российско-лаосских отношений в сфере образования является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Лаосской Народно-Демократической Республики о культурном и научном сотрудничестве от 9 марта 1994 г. Данное соглашение фиксирует направления, формы сотрудничества в сферах науки и образования, культуры и искусства, информации, печати, издательского дела, спорта, туризма, здравоохранения [2]. Также между странами продолжает действовать Протокол об эквивалентности документов об образовании и ученых степеней, выдаваемых и присваиваемых в Союзе Советских Социалистических Республик и Лаосской Народно-Демократической Республике от 23 мая 1978 г. Данный протокол признает на взаимной основе эквивалентность школьных аттестатов, дипломов об окончании средних специальных и высших учебных заведений и право их владельцев учиться на следующей ступени обучения. В том, что касается ученых степеней, согласно Протоколу, «ученая степень кандидата наук, присваиваемая в СССР после окончания аспирантуры и защиты диссертации в высшем учебном заведении университетского уровня или научно-исследовательском учреждении, признается в ЛНДР на уровне доктора философии (Ph. D.)» [3].

На межправительственном уровне ключевую роль в расширении образовательного сотрудничества играют Межправительственная российско-лаосская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, а также с российской стороны – Посольство России в Лаосе и Российский центр науки и культуры во Вьентьяне (РЦНК), в рамках современной реформы Россотрудничества переименованный в Русский дом во Вьентьяне. Деятельность РЦНК во Вьентьяне была приостановлена в 1998 г. Его работу удалось восстановить только в 2013 г., после подписания и вступления в силу в 2012 г. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Лаосской Народно-Демократической Республики об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров [4]. РЦНК / Русский дом организует курсы русского языка, различные мероприятия культурного и образовательного характера.

РЦНК / Русский дом является также оператором так называемых «квот Россотрудничества» – стипендий Правительства России для обучения иностранных граждан в российских вузах. Выделение квот Лаосу на обучение в России было возобновлено еще в 1990-е гг. Однако из-за свертывания тогда двусторонних связей в большинстве сфер, сокращения изучения русского языка в Лаосе квоты далеко не всегда оказывались востребованными. Например, по данным бывшего посла России в Лаосе В.П. Федотова, на 1996–1997 учебный год было выделено 40 квот для обучения в вузах и 10 квот обучения в аспирантуре, но были направлены на учебу только 6 студентов и 7 аспирантов [5. С. 65].

Из-за невостребованности в 2000-е гг. квота для Лаоса составляла минимальные значения, например только 5 мест в вузах и 2 – в аспирантуре. С 2010 г., на фоне углубления двусторонних связей и роста изучения русского языка, количество стипендий для граждан Лаоса постепенно увеличивалось: с 15 до 93 квот на 2022 г. [6] Долгое время единственным местом изучения русского языка в Лаосе оставалась небольшая средняя школа при Посольстве России во Вьентьяне. По данным на 11 октября 2021 г., в школе обучались 55 учеников [7]. После долгого перерыва с 2014–2015 учебного года изучение русского языка возобновилось в Лаосе на филологическом факультете Лаосского национального университета (ЛНУ) [8. С. 141]. В 2015 г. на базе ЛНУ в сотрудничестве с Владивостокским государственным университетом экономики и сервиса открылся Центр русского языка и культуры. По данным на 2020 г., в ЛНУ уже действовал факультет русского языка [9].

В табл. 1–4 представлены данные, собранные и подсчитанные на основе «выжимки» из так называемых «отчетов ВПО-1» – ежегодных отчетов, которые российские вузы отправляют в Министерство науки и высшего образования России ежегодно не позднее 5 октября [10].

Таблица 1

Обучение граждан Лаоса в вузах России по программам *бакалавриата*, всего по России / в вузах Томской области (государственные вузы, очная форма обучения), чел.

Годы	Набор на платное обучение	Всего обучающихся, платное обучение	Набор по квоте Россотрудничества	Всего обучающихся по квоте Россотрудничества	Выпуск по квоте Россотрудничества
2021 г.	2 / 1	7 / 2	31 / 5	110 / 44	25 / 1
2020 г.	0 / 0	5 / 1	51 / 23	147 / 57	13 / 1
2019 г.	1 / 0	7 / 0	49 / 16	128 / 35	17 / 0
2018 г.	2 / 0	5 / 0	32 / 12	105 / 21	5 / 0
2017 г.	2 / 0	4 / 0	47 / 6	80 / 7	0 / 0
2016 г.	2 / 0	1 / 0	23 / 1	46 / 1	2 / 0

Таблица 2

Обучение граждан Лаоса в вузах России по программам *специалитета*, всего по России / в вузах Томской области (государственные вузы, очная форма обучения), чел.

Годы	Набор на платное обучение	Всего обучающихся, платное обучение	Набор по квоте Россотрудничества	Всего обучающихся по квоте Россотрудничества	Выпуск по квоте Россотрудничества
2021 г.	0 / 0	1 / 0	3 / 0	24 / 1	0 / 0
2020 г.	0 / 0	0 / 0	16 / 0	33 / 1	0 / 0
2019 г.	0 / 0	0 / 0	13 / 1	22 / 5	0 / 0
2018 г.	0 / 0	0 / 0	11 / 4	13 / 4	0 / 0
2017 г.	0 / 0	0 / 0	4 / 0	3 / 0	0 / 0
2016 г.	0 / 0	0 / 0	0 / 0	0 / 0	1 / 0

Таблица 3

Обучение граждан Лаоса в вузах России по программам *магистратуры*, всего по России / в вузах Томской области (государственные вузы, очная форма обучения), чел.

Годы	Набор на платное обучение	Всего обучающихся, платное обучение	Набор по квоте Россотрудничества	Всего обучающихся по квоте Россотрудничества	Выпуск по квоте Россотрудничества
2021 г.	1 / 0	1 / 0	12 / 6	16 / 6	7 / 3
2020 г.	0 / 0	0 / 0	4 / 0	12 / 5	9 / 2
2019 г.	0 / 0	0 / 0	9 / 4	16 / 6	6 / 3
2018 г.	0 / 0	1 / 1	8 / 4	13 / 5	4 / 0
2017 г.	0 / 0	0 / 0	5 / 2	11 / 3	7 / 3
2016 г.	0 / 0	0 / 0	6 / 1	12 / 4	0 / 0

Таблица 4

Обучение граждан Лаоса в вузах России *по квоте Россотрудничества* (бакалавриат, специалитет и магистратура), всего по России / в вузах Томской области (государственные вузы, очная форма обучения), чел.

Годы	Набор по квоте Россотрудничества	Всего обучающихся по квоте Россотрудничества	Выпуск по квоте Россотрудничества
2021 г.	46 / 11	150 / 51	32 / 4
2020 г.	71 / 23	192 / 63	22 / 3
2019 г.	71 / 21	166 / 46	23 / 3
2018 г.	51 / 20	131 / 30	9 / 0
2017 г.	56 / 8	94 / 10	7 / 3
2016 г.	29 / 2	58 / 5	3 / 0
2015 г.	28 / 4	35 / 4	4 / 0
2014 г.	7 / нет данных	14 / нет данных	6 / нет данных
2013 г.	1 / 0	15 / 0	0 / 0

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы об особенностях обучения лаосских студентов в России. Во-первых, абсолютное большинство граждан Лаоса учатся за счет квоты Россотрудничества, а не за счет собственных средств.

Во-вторых, существенный рост набора студентов из Лаоса в вузы России происходит с 2015 г.

В-третьих, в г. Томске (главным образом за счет обучающихся в Томском государственном университете (ТГУ)) сформировалась самая большая студенческая диаспора лаосцев в России. В 2020 и 2021 гг. она составляла около одной трети всех лаосских студентов в России. В августе 2020 г. в ТГУ даже состоялся слет лаосских студентов, обучавшихся в России [11]. По опыту ТГУ, самыми популярными программами подготовки среди граждан Лаоса являются программы, связанные с экономикой, муниципальным управлением, международными отношениями, IT-сферой.

В-четвертых, в 2020 г., несмотря на пандемию, набор сохранился на прежнем уровне, но заметно снизился в 2021 г.

В-пятых, существует проблема успешного окончания обучения студентами из Лаоса. Например, в 2017 г. по квоте на программы бакалавриата российских вузов поступили 80 граждан Лаоса, а завершили обучение в 2021 г. только 25 чел. Очевидно, что резкое и широ-

кое внедрение дистанционного обучения сыграло свою роль. Школьное образование в Лаосе становится лучше, но все еще отстает от современного уровня. Поэтому студенты из Лаоса требуют дополнительного внимания, поддержки, занятий со стороны российских вузов.

По оценкам действующего посла России в Лаосе В.А. Калинина, наиболее активны в межвузовском сотрудничестве российские региональные вузы из Владивостока, Томска, Калуги [12]. В частности, Калужский государственный педагогический университет (КГПУ) им. К.Э. Циолковского стал развивать сотрудничество с Лаосским национальным университетом еще в 2000-е гг.: в рамках договора о сотрудничестве в 2007 г. была проведена совместная научная экспедиция в ЛНДР и направлен на стажировку в Россию лаосский студент-эколог, в апреле 2008 г. в Лаосе состоялась международная конференция по экологической проблематике, организованная совместно КГПУ и ЛНУ [13]. В феврале 2020 г. ЛДНР посетили сотрудники Геолого-географического факультета, Биологического института и Управления международных связей ТГУ. Целью поездки, инициатором которой выступило министерство природных ресурсов и экологии Лаоса, было обсуждение использования разработок ТГУ для решения проблемы затопления жилых территорий [14].

Что касается столичных вузов, то в июле 2010 г., во время визита министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Лаос, было подписано соглашение между Дипломатической академией МИД России и Институтом международных отношений МИД Лаоса. Сотрудники МИД Лаоса регулярно проходят в Дипакадемии МИД России курсы повышения квалификации. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) принял первых лаосских студентов еще в 1962 г. и до сих пор продолжает подготовку кадров для Лаоса. 24 июля 2015 г. Президентом ЛНДР Т. Сайянсоном был подписан указ о награждении МАДИ Орденом Дружбы. Российский университет дружбы народов привлекает сравнительно много студентов из Лаоса: по данным за 2019 г. там обучалось 29 студентов – «максимальное число с момента основания университета» [15]. Также студенты из Лаоса регулярно поступают, например, в Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Институт Пушкина).

В целом, помимо увеличения квот, расширению образовательного сотрудничества Российской Федерации и Лаосской Народно-Демократической Республики способствовали бы налаживание прямого воздушного сообщения между странами, финансовая поддержка со стороны российского государства проектов научного и образовательного сотрудничества вузов двух стран, дальнейшее развитие торгово-экономических связей Москвы и Вьентьяна.

Список источников

1. Сисулит Тхонглун // ТАСС. URL: https://tass.ru/encyclopedia/person/sisulit-thonglun (дата обращения: 06.09.2022).
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Лаосской Народно-Демократической Республики о культурном и научном сотрудничестве // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48152/ (дата обращения: 06.09.2022).
3. Протокол об эквивалентности документов об образовании и ученых степеней, выдаваемых и присваиваемых в Союзе Советских Социалистических Республик и Лаосской Народно-Демократической Республике // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/49289/ (дата обращения: 06.09.2022).
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Лаосской Народно-Демократической Республики об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44632/ (дата обращения: 06.09.2022).
5. Федотов В. Лаос. Интерес отнюдь не угас // Международная жизнь. 1997. № 10. С. 58–66.
6. Двусторонние отношения // Посольство России в Лаосе. URL: https://laos.mid.ru/ru/countries/dvustoronnie_otnosheniya/ (дата обращения: 06.09.2022).
7. Школа при Посольстве России в Лаосе. URL: http://laosshool.mcdir.ru/about_shool (дата обращения: 06.09.2022).
8. Арефьев А.Л. Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире / под ред. Г.В. Осипова. М. : Ин-т социально-полит. исслед. РАН, 2017. 320 с.
9. Факультет русского языка открыли в университете Лаоса. 2020. 10 июня. URL: https://russkiymir.ru/news/273575/ (дата обращения: 06.09.2022).
10. Форма N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 06.09.2022).
11. ТГУ стал местом встречи лаосских студентов, обучающихся в России // Новости Томска. 2020. 3 авг. URL: https://www.riatomsk.ru/article/20200803/tgu-stal-mestom-vstrechi-laoskih-studentov-obuchayuschihsya-v-rossii/ (дата обращения: 06.09.2022).
12. Владимир Калинин: дружеские связи РФ с Лаосом укрепляются несмотря на COVID // РИА Новости. 2022. 9 февр. URL: https://ria.ru/20220209/laos-1771771836.html (дата обращения: 06.09.2022).
13. Гуманитарное сотрудничество : (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2009. 7 апр. URL: https://mid.ru/ru/maps/la/1726984/ (дата обращения: 06.09.2022).
14. Лаос планирует защитить людей от паводков с помощью геопортала ТГУ // Томский государственный университет. 2020. 12 февр. URL: https://www.tsu.ru/news/laos-planiruet-zashchitit-lyudey-ot-pavodkov-s-pom/ (дата обращения: 06.09.2022).
15. Землячество студентов из Лаоса // Российский университет дружбы народов. URL: https://www.rudn.ru/life/student-organizations/associations/associaciya-uchashchihsya-iz-stran-azii/zemlyachestvo-studentov-iz-laosa (дата обращения: 06.09.2022).

References

1. TASS. (n.d.) *Sisulit Thonglun*. [Online] Available from: https://tass.ru/encyclopedia/person/sisulit-thonglun (Accessed: 6th September 2022).
2. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Laosskoy Narodno-Demokraticheskoy Respubliki o kul'turnom i nauchnom sotrudnichestve* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Lao People's Democratic Republic on cultural and scientific cooperation]. [Online] Available from: https://mid.ru/ru/foreign_policy/ international_contracts/international_contracts/2_contract/48152/ (Accessed: 6th September 2022).

3. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Protokol ob ekvivalentnosti dokumentov ob obrazovanii i uchenykh stepeney, vydavaemykh i prisvaivaemykh v Soyuze Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Laosskoy Narodno-Demokraticheskoy Respublike* [Protocol on the equivalence of education documents and academic degrees issued and awarded in the Union of Soviet Socialist Republics and the Lao People's Democratic Republic]. [Online] Available from: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/49289/ (Accessed: 6th September 2022).
4. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Laosskoy Narodno-Demokraticheskoy Respubliki ob uchrezhdenii i usloviyakh deyatel'nosti informatsionno-kul'turnykh tsentrov* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Lao People's Democratic Republic on the establishment and conditions for the operation of information and cultural centers]. [Online] Available from: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44632/ (Accessed: 6th September 2022).
5. Fedotov, V. (1997) Laos. Interes otnyud' ne ugas [Laos. Interest has not faded at all]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 10. pp. 58–66.
6. Embassy of Russia in Laos. (n.d.) *Dvustoronnie otnosheniya* [Bilateral relations]. [Online] Available from: https://laos.mid.ru/ru/countries/dvustoronnie_otnosheniya/ (Accessed: 6th September 2022).
7. Embassy of Russia in Laos. (n.d.) *Shkola pri Posol'stve Rossii v Laose* [School at the Russian Embassy in Laos]. [Online] Available from: http://laosshool.mcdir.ru/about_shool (Accessed: 6th September 2022).
8. Arefiev, A.L. (2017) *Sovremennoe sostoyanie i tendentsii rasprostraneniya russkogo yazyka v mire* [The current state and trends in the spread of the Russian language in the world]. Moscow: RAS.
9. Russkiymir.ru. (2020) *Fakul'tet russkogo yazyka otkryli v universitete Laosa* [The Faculty of the Russian Language was opened at the University of Laos]. 10th June. [Online] Available from: https://russkiymir.ru/news/273575/ (Accessed: 6th September 2022).
10. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (n.d.) *Forma N VPO-1 "Svedeniya ob organizatsii, osushchestvlyayushchey obrazovatel'nuyu deyatel'nost' po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam spetsialiteta, programmam magistratury"* [Form N VPO-1 "Information on the organization carrying out educational activities in educational programs of higher education – undergraduate, specialist's, and master's programs"]. [Online] Available from: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (Accessed: 6th September 2022).
11. *Novosti Tomska*. (2020) TGU stal mestom vstrechi laosskikh studentov, obuchayushchikhsya v Rossii [TSU has become a meeting place for Laotian students studying in Russia]. 3rd August. [Online] Available from: https://www.riatomsk.ru/ article/20200803/tgu-stal-mestom-vstrechi-laoskih-studentov-obuchayuschihsya-v-rossii/ (Accessed: 6th September 2022).
12. RIA Novosti. (2022) *Vladimir Kalinin: druzheskie svyazi RF s Laosom ukreplyayutsya nesmotrya na COVID* [Vladimir Kalinin: friendly relations between the Russian Federation and Laos are strengthening despite COVID]. 9th February. [Online] Available from: https://ria.ru/20220209/laos-1771771836.html (Accessed: 6th September 2022).
13. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2009) *Gumanitarnoe sotrudnichestvo: (spravochnaya informatsiya)* [Humanitarian cooperation: (reference information)]. 7th April. [Online] Available from: https://mid.ru/ru/maps/la/1726984/ (Accessed: 6th September 2022).
14. Tomsk State University. (2020) *Laos planiruet zashchitit' lyudey ot pavodkov s pomoshch'yu geoportala TGU* [Laos plans to protect people from floods using the TSU geoportal]. 12th February. [Online] Available from: https://www.tsu.ru/news/laos-planiruet-zashchitit-lyudey-ot-pavodkov-s-pom/ (Accessed: 6th September 2022).
15. Peoples' Friendship University of Russia. (n.d.) *Zemlyachestvo studentov iz Laosa* [Community of students from Laos]. [Online] Available from: https://www.rudn.ru/life/student-organizations/ associations/associaciya-uchashchihsya-iz-stran-azii/zemlyachestvo-studentov-iz-laosa (Accessed: 6th September 2022).

***Сведения об авторах*:**
Юн Сергей Миронович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru
Пхонкео Винават – аспирант кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vinavathphonekeo@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Yun Sergey Mironovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru
Phonkeo V. – Postgraduate Student of the Department of World Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vinavathphonekeo@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 07.09.2022; accepted for publication 07.09.2022

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

Рецензия
УДК 94(410)
doi: 10.17223/19988613/79/25

Британия, Брекзит и вызовы постимперской идентичности: рецензия на Embers of Empire in Brexit Britain. Ed. by Stuart Ward and Astrid Rasch. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2019. 190 p.

Елена Владимировна Хахалкина

Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация, ekhakhalkina@mail.ru

Аннотация. Анализируется коллективная монография «Тлеющие угли империи в Великобритании в период Брекзита», опубликованная по итогам референдума о членстве Соединенного Королевства в Европейском союзе 23 июня 2016 г. В солидном издании интернациональный коллектив авторов представил свое видение причин Брекзита и его влияния на будущие отношения Лондона с внешним миром, отдельными регионами внутри страны и поиск новой внешнеполитической идентичности, по-прежнему определяемой через имперский компонент.
Ключевые слова: Брекзит, постимперская идентичность, Большая Британия, Глобальная Британия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 22-28-00187 «“Неопределенность” как норма жизни: идентичность ЕС в условиях глобальных трансформаций».

Для цитирования: Хахалкина Е.В. Британия, Брекзит и вызовы постимперской идентичности: рецензия на Embers of Empire in Brexit Britain. Ed. by Stuart Ward and Astrid Rasch. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2019. 190 p. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 201–205. doi: 10.17223/19988613/79/25

Review

Britain, brexit and challenges of the post-imperial identity: Review. Embers of Empire in Brexit Britain. Ed. by Stuart Ward and Astrid Rasch. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2019. 190 p.

Elena V. Khakhalkina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ekhakhalkina@mail.ru

Abstract. The review raises questions related to the influence of Britain's imperial past on the results of the June 23, 2016 referendum on Brexit – the country’s withdrawal from the European Union – and the formation of “Global Britain”, a new foreign policy line. The indicated plots are reflected in the collective monograph “Embers of Empire in Brexit Britain” (Ed. by Stuart Ward and Astrid Rasch. Bloomsbury Publishing, L., N.Y., 2019), published in the wake of the referendum. In a solid publication, an international team of authors presented their vision of the causes of Brexit and its impact on the future of London’s relations with the outside world, individual regions within the country (including the overseas territory of Gibraltar) and the search for a new foreign policy identity, still defined through the imperial component. Analyzing this monograph, the author of the article turns to the little-known concept of “Greater Britain” in Russian historiography and the reasons for the actualization and forms of manifestation of the imperial syndrome in the format of the new foreign policy setting “Global Britain”. The text focuses on the relationship between the two concepts, including through the migration factor and the concept of the “British World”. The resuscitation of old ideas and the emergence of new terms in modern scientific discourse in relation to British realities is explained by the complex and contradictory search for an adequate response of the country to the challenges of recent years (Brexit, pandemic, populism, political crises within the country) and the changing configuration of the balance of forces on the world stage in a transitional era. London is trying to find its place in a changed world by trial and error, using both old proven approaches (for example, playing the anti-Russian card) and modeling new alliances for it in priority regions of the world.

© Е.В. Хахалкина, 2022

Unfortunately, there is no special section or any serious mention of Russia in the monograph (but there is a chapter devoted to relations with China). Although Brexit has had an impact on Russian-British relations in the direction of their deterioration. London has been actively playing and continues to play the anti-Russian card to increase the rating of the Conservative Party and individual politicians. At the same time, it is in the imperial plane between Britain and Russia, as a kind of alter ego of each other, that certain patterns can be seen, similar difficulties in parting with empires and building relationships with former territories.
Keywords: Brexit, post-imperial identity, Greater Britain, Global Britain

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00187 “Uncertainty as the Norm of Life: The EU Identity & Global Transformations”.

For citation: Khakhalkina, E.V. (2022) Britain, brexit and challenges of the post-imperial identity: Review. Embers of Empire in Brexit Britain. Ed. by Stuart Ward and Astrid Rasch. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2019. 190 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 201–205. doi: 10.17223/19988613/79/25

31 января 2020 г. Великобритания покинула Европейский союз. Произошел так называемый Брекзит – выход страны из объединения. К этому событию Британия подошла спустя почти четыре года после референдума 23 июня 2016 г. о членстве в Евросоюзе и три года переговоров. Долгое вступление в Европейские сообщества как предтечу Евросоюза закольцевалось менее длительным, но не менее сложным и болезненным для обеих сторон выходом страны из состава союза.

Брекзит актуализировал обращение в научной среде Великобритании и других стран к вопросам членства Лондона в Европейском союзе и более широким сюжетам. В фокус «повторного» или нового научного интереса вошли сюжеты, связанные с отношением Британии к европейской интеграции, формированием «особой позиции» внутри Европейских сообществ, ее эволюцией в период пребывания страны в наднациональных структурах и общим позиционированием страны на мировой арене.

Соединенное Королевство, потеряв одну из важнейших точек опоры после выхода из ЕС, было вынуждено искать новую стратегию для укрепления престижа страны на мировой арене и перезапуска своих связей с окружающим миром. Новой внешнеполитической установкой, сначала в виде броского лозунга, а позднее в формате до сих пор продолжающей насыщаться идеи, стала «Глобальная Британия». Ее суть упрощенно состоит в том, что после выхода из ЕС Великобритания должна сосредоточиться на укреплении своих позиций в других частях света, освободившись, как утверждали евроскептики, от сковывавших ее рамок Евросоюза. Концептуально в «Глобальной Британии» просматривается связь с «теорией трех окружностей» (или «трех величественных кругов») У. Черчилля 1948 г., подразумевающей три приоритетных направления внешней политики: англо-американские отношения, связи с Содружеством и взаимодействие с ЕС.

Особую роль играет контекст появления двух обозначенных установок. «Теория трех окружностей» была озвучена в тот период, когда Великобритания начала сокращать свои колониальные и другие внешнеполитические обязательства в условиях обозначившейся деколонизации и сокращения финансовых возможностей страны. Переформатирование Британской империи сопровождалось болезненным кризисом имперской идентичности и поиском адекватной модели ее трансформации. После референдума о Брекзите Лондон оказался перед той же дилеммой: нужно было «сверить часы» и четко определиться с ключевыми направлениями международной политики. Вновь, как и в черчиллевской теории, упор был сделан на отношения с Вашингтоном, новый курс с ЕС и укрепление связей с азиатскими странами Содружества.

Сюжеты, связанные со становлением новой внешнеполитической линии и поиском себя после Брекзита, нашли отражение в коллективной монографии «Тлеющие угли империи в Великобритании в период Брекзита» [1]. Работа вышла в 2019 г. под редакцией профессора и директора Института истории, этнологии, археологии и античности им. Саксона Копенгагенского университета (Копенгаген, Дания) С. Уорда и адъюнкт-профессора английского языка в Норвежском университете науки и технологий (Тронхейм, Норвегия) А. Раш.

Монография состоит из 14 глав, введения и заключения, которые фигурируют как самостоятельные главы; итого 16 частей работы. Коллектив авторов интернациональный, и, как представляется, такой состав был собран сознательно – каждый из авторов не только дает определенный взгляд на исследуемые проблемы, но и олицетворяет собой разные регионы Британии и другие страны, так или иначе связанные с ней исторически.

Научный и практический интерес исследование представляет по нескольким основаниям. Во-первых, оно фиксирует явление Брекзита «здесь и сейчас», по горячим следам, когда объективный анализ сопряжен с эмоциональным отношением, сопереживанием события и возможностью проговорить «между строк» зацепившие исследователя как современника важные моменты без оглядки на политкорректность и другие «фильтры». Во-вторых, работа позволяет три года спустя после публикации и два года спустя после выхода Великобритании из ЕС оценить, какие из прогнозов оправдались, какие станут реальностью в ближайшем будущем, а каким сбыться уже не дано.

Центральным ядром книги выступают «имперский» контекст Брекзита, его проявления в разных сферах жизни британского общества, влияние на внешнеполитическое мышление страны. Замысел издания поясняется как «первая совместная попытка исследовать имперские основания своенравного выхода Велико-

британии из Европейского Союза. Наше общее допущение состоит в том, что Британская империя действительно ушла в прошлое», но «что же тогда скрывается за мнимой мощью империи? Как мы можем объяснить почти неземное присутствие угольков империи в Брекзите?» [1. P. 4–5].

Особого внимания заслуживает Введение, озаглавленное «Большая Британия, Глобальная Британия». Первая часть заголовка (Greater Britain) отсылает к концепту «Большой Британии», который в российской историографии, в отличие от западной [2–4], не становился предметом специального анализа. Обозначенный термин возник во второй половине XIX в. в общественно-политическом дискурсе Великобритании в связи с возрастанием рисков будущему страны и ее империи. В качестве сильных конкурентов себя заявили такие новые игроки, как Германия и Италия, завершившие процессы объединения в начале 1870-х гг., и США, резко вырвавшиеся вперед в связи с технологическим рывком и поиском новых рынков сбыта после завершения освоения западного фронтира. Другим конкурентом оставалась Россия, что побуждало Британию задумываться о выработке адекватного ответа на эти новые и старые вызовы.

Одним из таких ответов стало предложение некоторых британских деятелей о создании «Большой Британии» как конструкции, которая прежде всего должна была объединить переселенческие колонии – Австралию, Канаду, Южно-Африканский союз и Новую Зеландию – для оформления «общей этнической идентичности белых британцев» [5. С. 285]. В 1868 г. появился двухтомный рассказ с одноименным названием политика-либерала Ч. Дилка о его путешествии по имперским владениям [1. P. 6]. Позднее идею создания «Большой Британии» в формате «имперской федерации» развил английский историк Дж.А. Фруд [3. P. 193], вслед за ним тезис подхватили и углубили его понимание два британских ученых: историк и публицист Дж.Р. Сили и географ и геополитик Х.Дж. Макиндер. В своих разработках они вели речь о создании объединения, основанного на четырех основных идеях: (1) разделение между «колониями поселенцев» и «правлением Британии среди иных рас», (2) федерация между Соединенным Королевством и колониями поселенцев, (3) система тарифных преференций для экономической интеграции Великобритании, (4) программа социальной демократизации и повышения благосостояния. Первые должны были быть связаны более тесно, вторые – в конечном итоге получить независимость. Британская империя (кроме Индии и Тропической Африки) должна быть населена членами «британской нации», эмигрировавшими с Британских островов [Ibid. P. 197].

Дж.Р. Сили и Х.Дж. Макиндер исходили из предположения, что «новые технологии» приведут к образованию «крупных самоуправляемых режимов» и объединению «разбросанных по земному шару фрагментов британской “нации”» в «жизнеспособное национальное государство» [Ibid. P. 194]. Хотя эти прогнозы оправдались лишь частично (развитие транспорта и авиасообщения действительно упростили передвижения людей ко второй половине XX в.), концептуально в миграционной картине Британии просматривается прямая связь с обозначенными идеями.

Таким образом, концепт «Большой Британии» высвечивает две большие проблемы. Во-первых, он показывает, что термин «Британская империя» уже в конце XIX в. представлялся не вполне адекватным для описания текущего положения дел, во-вторых, уже тогда Лондону требовался инструмент для сохранения британских позиций в условиях обострившейся конкуренции.

Вторая часть заголовка первого раздела отсылает к «Глобальной Британии», вокруг которой и выстроена книга. Пафосная риторика данного тезиса, по мнению авторов, имела целью в первые месяцы презентации этого внешнеполитического концепта широкой общественности скрыть отсутствие в нем внятного содержания. Т. Мэй, Б. Джонсон и другие политики пытались апеллировать к исторической памяти, «инстинктивному чувству» британского народа и «новому» открытию Британией «своей роли великой, глобальной, торговой державы» [1. P. 1].

Авторы беспощадны к новой внешнеполитической линии: они препарируют громкий лозунг и обнаруживают, что это «скорее не “план для Британии”, а ряд экстравагантных пророчеств», нацеленных на возвращение страны «назад в мир, слишком поспешно заброшенный в 1973 г.» [Ibid. P. 2]. Коллективная монография ставит вопросы о том, что, кроме громкой риторики, может реально предложить Великобритания, насколько в качественном плане изменится или уже меняется ее внешнеполитическая стратегия. Или страна продолжит цепляться за свой имперское прошлое и пытаться возродить его в новом формате, но с прежним мышлением?

Неслучайно одним из постоянных рефренов коллективной монографии является обращение к проблемам коллективной памяти, национальной идентичности и роли в ней имперского компонента, несколько веков цементировавшего национальную гордость жителей страны (главы 4, 5, 11, 12). Брекзит обозначил столкновение разных картин мира. Первая условно разделяется теми жителями Британии, которые считают, что роль страны в условиях деколонизации и вступления в Европейские сообщества была снижена (хотя прямой корреляции между этими событиями не просматривается), и после выхода из Евросоюза страна обретает возможность укрепления своих позиций в мировых делах. Вторая характерна для тех людей, которые считают, что Британская империя – это пережиток прошлого, и страна должна смириться со своей региональной ролью.

Согласно одному из опросов, проведенному в сентябре 2020 г., 41% жителей выступал за то, Лондон должен «ударить сильнее своих возможностей» в мировых делах, 38% считали, что королевству следует перестать «притворяться **важной** (выделено мной. – *Е.Х.*) державой в мире» [6].

Важным компонентом дебатов о национальной идентичности Великобритании остается миграционный фактор, имевший особое звучание на референдуме. В начале 2016 г. все еще наблюдался рост недовольства общества миграционным курсом ЕС, обусловлен-

ного резким увеличением прибывавших в страны ЕС беженцев в 2015 г. Эти события способствовали усилению правых сил, в частности Партии независимости Соединенного Королевства. Автор соответствующего раздела (глава 10) обращает внимание на тот факт, что «многие чернокожие и азиатские британцы проголосовали за выход из Евросоюза» [1. P. 101]. Сам референдум заставил «многих людей небелого происхождения чувствовать себя менее защищенными… будь то с точки зрения общего неприятия их британского происхождения или публичного признания их права на проживание; будь то иностранные студенты, просители убежища или работники ЕС в Великобритании с правом на свободу передвижения. Беженцы… в последние годы занимали темное и неясное место в сознании британцев» [1. P. 102].

Эпоха мультикультурализма не только способствовала формированию «общества разнообразия», но и высветила неизбежное столкновение разных групп: «…как принимающее общество, так и мигранты не стремятся полностью отказаться от “своего” прошлого ради Другого» [7. С. 29]. Обозначилась встреча разных национальных историй, которые, «как и любые иные картины прошлого, не просто сосуществуют, они то и дело… вступают в конфликты друг с другом» [8. С. 95]. Затрудняет узнавание Другого постоянное спекулирование СМИ на миграционной теме, что приводит к «соединению» в общественном сознании разных категорий мигрантов в единую безликую массу и ее восприятию как угрозы. Преодоление таких закономерно возникающих разногласий требует целенаправленных усилий по налаживанию реального, а не декларативного, диалога между сторонами.

Имперский контекст Брекзита привел к появлению тезиса об Империи 2.0, который был выдвинут одним из британских чиновников и подхвачен СМИ и научным сообществом. Хотя отношение к этому тезису на экспертном уровне в Британии заметно ироничное, само его появление симптоматично. Логично и обращение авторов соответствующего раздела (глава 2) к периодически возникающей в западной историографии концепции «Британского мира» [1. P. 18; 9]. С этим понятием связано другое, крайне популярное в последнее время, – это «Англосфера», подразумевающая объединение ориентированных на Британию англоговорящих стран и проведение активной торговой политики благодаря «общему языку, общим культурным и правовым рамкам, созданным на основе опыта империи» [1. P. 21]. Однако содержание термина до сих пор остается неясным, так же как и перспективы «жизнеспособного торгового блока» [Ibid.].

При этом в монографии, к сожалению, отсутствует специальный раздел или какие-то серьезные упоминания о России (но зато есть глава, посвященная отношениям с Китаем), хотя Брекзит оказал воздействие на российско-британские отношения в сторону их ухудшения. Лондон для увеличения рейтинга консервативной партии и отдельных политиков активно разыгрывал и продолжает разыгрывать антироссийскую карту. После начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г. и беспрецедентных в истории Британии антироссийских санкций отношения двух стран оказались фактически разорваны. При этом именно в имперской плоскости между Соединенным Королевством и Россией как своеобразными альтер-эго друг друга можно увидеть определенные закономерности, схожие трудности при расставании с империями и выстраивании взаимоотношений с бывшими территориями.

Издание оставляет ощущение, что Британия, вопреки ее заявлениям, не выходит во внешний мир после освобождения от «оков Брюсселя», а наоборот, замыкается на себе. Такой период самоопределения внутри себя, возможно, поможет ей перестроить текущую повестку, если страна честно соотнесет свои ресурсы и амбиции, снизить накал наиболее болезненных для общества травм прошлого и найти способы для примирения разных, включая колониальные, картин прошлого. При этом открытыми остаются вопросы о качественном насыщении концепта «Глобальная Британия», преемственности с «Большой Британией», новшествах во взаимоотношениях с внешним миром и преодолении травм былого величия и адекватного восприятия себя и других в новых международных реалиях.

Список источников

1. Embers of Empire in Brexit Britain / ed. by S. Ward, A. Rasch. London, New York: Bloomsbury Publishing, 2019. 190 p.
2. Armitage D. Greater Britain: a Useful Category of Historical Analysis? // The American Historical Review. 1999. Vol. 104, № 2. P. 427–445. doi: 10.2307/2650373
3. Deudney D. Greater Britain or Greater Synthesis? Seeley, Mackinder, and Wells on Britain in the Global Industrial Era // Review of International Studies. 2001. Vol. 27, № 2. P. 187–208.
4. Lecourt S. The Mormons, the Victorians, and the Idea of Greater Britain // Victorian Studies. 2013. Vol. 56, № 1. P. 85–111. doi: 10.2979/victorianstudies.56.1.85
5. Ливен Д. Империи и власть. Размышляя над современной историографией истории империй // В поисках истины : Сб. к юбилею академика А.О. Чубарьяна. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 279–301.
6. Britons lose confidence in Great Britain’s position and influence in the world. URL: https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/britons-lose-confidence-great-britains-position-and-influence-world (accessed: 22.06.2022).
7. Буллер А. Культурная память мигрантов и принимающего общества в эпоху мультикультурализма // Журнал фронтирных исследований. 2020. Т. 5, № 2 (18). С. 27–59. doi: 10.46539/jfs.v5i2.202
8. Бойцов М.А. История и глобализация. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 91–108.
9. Empire, Migration and Identity in the British World / K. Fedorowich, A.S. Thompson (eds.). Manchester : Manchester University Press, 2013. 336 p.

References

1. Ward, S. & Rasch, A. (eds) (2019) *Embers of Empire in Brexit Britain*. London, New York: Bloomsbury Publishing.
2. Armitage, D. (1999) Greater Britain: a Useful Category of Historical Analysis? *The American Historical Review*. 104(2). pp. 427–445. DOI: 10.2307/2650373

3. Deudney, D. (2001) Greater Britain or Greater Synthesis? Seeley, Mackinder, and Wells on Britain in the Global Industrial Era. *Review of International Studies*. 27(2). pp. 187–208.
4. Lecourt, S. (2013) The Mormons, the Victorians, and the Idea of Greater Britain. *Victorian Studies*. 56(1). pp. 85–111. DOI: 10.2979/victorianstudies.56.1.85
5. Liven, D. (2012) Imperii i vlast'. Razmyshlyaya nad sovremennoy istoriografiey istorii imperiy [Empires and power. Reflecting on the modern historiography of the history of empires]. In: Lipkin, M.A. (ed.) *V poiskakh istiny* [In Search of Truth]. Moscow: RAS. pp. 279–301.
6. Beaver, K. & Skinner, G. (2020) *Britons lose confidence in Great Britain's position and influence in the world*. [Online] Available from: https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/britons-lose-confidence-great-britains-position-and-influence-world (Accessed: 22nd June 2022).
7. Buller, A. (2020) Kul'turnaya pamyat' migrantov i prinimayushchego obshchestva v epokhu mul'tikul'turalizma [Cultural memory of migrants and the host society in the era of multiculturalism]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 5-2(18). pp. 27–59. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.202
8. Boytsov, M.A. (2006) Istoriya i globalizatsiya. Vyzhivet li Klio pri globalizatsii? [History and globalization. Will Clio survive globalization?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 91–108.
9. Fedorowich, K. & Thompson, A.S. (eds) *Empire, Migration and Identity in the British World*. Manchester: Manchester University Press.

***Сведения об авторе*:**
Хахалкина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Khakhalkina Elena V. – Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 19.07.2022; accepted for publication 07.09.2022

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ACADEMIC LIFE

Научная статья
УДК 94 (47) (063) + 355/359 (063)
doi: 10.17223/19988613/79/26

Сибирские конференции по военной истории России

Владимир Ильич Баяндин[1], Андрей Владимирович Запорожченко[2]

[1, 2] Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
[1] ilan-sib@rambler.ru
[2] zanglier@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается организация сибирских научных конференций по военной истории России. Представлены конференции, проходившие в Барнауле, Иркутске, Кемерово, Красноярске, Новосибирске, Омске, Томске в последнее десятилетие XX в. Описаны конференции XXI в., дается их характеристика, выявляется специфика. Рассмотрены вопросы, связанные с их тематикой и составом участников. Названы образовательные учреждения, академические институты и другие организации, участвовавшие в подготовке и проведении конференций.
Ключевые слова: военная история, научные конференции, Сибирь, Дальний Восток, Новосибирск, Омск, Красноярск, Томск

Для цитирования: Баяндин В.И., Запорожченко А.В. Сибирские конференции по военной истории России // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 206–214. doi: 10.17223/19988613/79/26

Original article

Siberian Conferences on the Military History of Russia

Vladimir I. Bayandin[1], Andrey V. Zaporozhchenko[2]

[1, 2] Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
[1] ilan-sib@rambler.ru
[2] zanglier@yandex.ru

Abstract. The review examines the history of scientific and scientific-practical conferences on the military history of Russia in different cities of Siberia. In the spring of 1995, conferences dedicated to the 50th anniversary of the Victory of the USSR over Nazi Germany were organized in a number of major cities of the region. Conferences held in Barnaul, Irkutsk, Kemerovo, Krasnoyarsk, Novosibirsk, Omsk in the last decade of the twentieth century are presented.

The proceedings of these conferences were later published as collections. In a number of Siberian cities such as Omsk and Novosibirsk, conferences were held both for the 55th anniversary and the 60th anniversary of the Victory. As a rule, most of the speeches and reports at these conferences were devoted to the participants and events of the Great Patriotic War. In a number of cities of Western and Eastern Siberia, the successful experience of holding such conferences was used in subsequent years.

The theme of the "Katanaev Readings" was more related to the history of the Russian Cossacks. It is known that before the revolution there were four Cossack troops on the territory of Siberia and the Far East: Siberian, Transbaikal, Amur and Ussuri.

In December 2013, the Siberian Historical Forum "Siberia in the Wars of the Early Twentieth Century", dedicated to the First World War, was held in Krasnoyarsk. In 2018, the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences organized a large conference in Novosibirsk dedicated to the 100th anniversary of the Civil War in Russia, and in October 2019, a conference "Personality and Time. Altai Territory and the Security of the Country", dedicated to the 100th anniversary of the famous Russian gunsmith M. T. Kalashnikov.

The review gives a description of the conferences on the military history of Russia that were held or are being held in the XXI century. Issues related to the topics of these conferences and the composition of the participants are considered. Educational institutions, academic institutes and other organizations that solved organizational issues related to the preparation and holding of conferences on military history are named. It should be noted that, in addition to professional

© В.И. Баяндин, А.В. Запорожченко, 2022

researchers who for a number of years have been engaged in subjects related to military topics, there are regularly young researchers who for the first time presented the results, final or intermediate of their scientific researches. Undoubtedly, the interest in the military history of Siberia and the Far East is of interest to the Siberian community, and this allows us to hope that unexplored or poorly studied plots and topics will be developed. As a rule, the materials of conferences on military history are published in collections.
Keywords: military history, scientific conferences, Siberia, Far East, Novosibirsk, Omsk, Krasnoyarsk, Tomsk

For citation: Bayandin, V.I., Zaporozhchenko, A.V. (2022) Siberian Conferences on the Military History of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 206–214. doi: 10.17223/19988613/79/26

В последнее десятилетие XX в. в российском обществе значительно вырос интерес к истории Отечества, и в том числе к российской военной истории. Сибирское сообщество ученых-историков оперативно отреагировало на эту тенденцию и приложило немало усилий к расширению тематики и масштаба изучаемых тем, вопросов и сюжетов военной истории страны и региона.

В начале 90-х гг. прошлого века, когда рухнули существующие ограничения в изучении «закрытых» прежде тем и вопросов, в российском историческом сообществе значительно вырос интерес к слабоизученным сюжетам Гражданской войны, и особенно отчетливо это отразилось на популярности вопросов, связанных с историей белого движения в России. В Кемерово с 1994 г. стали проводится конференции, посвященные истории «Белой» Сибири. Организаторами таких конференций стали Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, Государственный архив Кемеровской области, а также областной краеведческий музей и областная библиотека. Конференция собрала широкий круг участников – из городов европейской части страны, а также из Западной и Восточной Сибири, с Дальнего Востока. Выступления участников охватывали вопросы, связанные с биографиями известных представителей белого движения, условиями подготовки командных кадров для колчаковской армии, униформой военнослужащих белых армий и др. В 1995 г. был издан сборник материалов конференции куда вошли доклады 51 участника [1]. Значительная роль в организации первой и последующих конференций, посвященных истории «Белой» Сибири, принадлежит кемеровскому исследователю, ныне доктору исторических наук С.П. Звягину. Несомненным достоинством изданного сборника было включение более 20 архивных документов, многие из которых впервые были введены в научный оборот. С 2009 г. научные конференции «Белой» Сибири стали международными, и участие в них стали принимать исследователи из ближнего и дальнего зарубежья. Всего в Кемерово было проведено около десяти таких конференции с публикацией докладов участников.

В 1995 г. страна отмечала значимый юбилей – 50-летие Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В ряде городов Сибири – Барнауле, Красноярске, Иркутске, Новосибирске, Омске, Томске, Чите и др. – прошли научные и научно-практические конференции, посвященные этой славной дате. Материалы этих конференций позднее были опубликованы в виде сборников [2, 3]. В таких городах, как Омск, Новосибирск, конференции были проведены и к 60-летию, и к 65-летию Победы [4, 5]. Как правило, большинство выступлений и докладов на этих конференциях было посвящено конкретным участникам и отдельным событиям Великой Отечественной войны. В ряде городов Западной и Восточной Сибири успешный опыт проведения таких конференций был использован и в последующие годы.

В конце прошлого века в Омске по инициативе представителей Сибирского казачьего войска, а также руководства гражданских и военных высших учебных заведений города было решено организовать «Катанаевские чтения» – в память о известном сибирском военном администраторе, ученом-краеведе, историке Г.Е. Катанаеве. Если на первой конференции, прошедшей в мае 1997 г., присутствовали 15 докладчиков, то уже на вторые «Катанаевские чтения», весной 1998 г., было заявлено 84 доклада ученых из 20 городов России [6–8].

В 1998 г. конференция состоялась 20–21 мая и была посвящена 150-летию со дня рождения Г.Е. Катанаева и 185-летию Омского высшего общевойскового командного училища им. М.В. Фрунзе. Организаторами конференции, помимо названного военного вуза, стали Администрация Омской области, Администрации города Омска, Сибирское казачье войско, Омский госуниверситет, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Главное управление казачьих войск при Президенте РФ, Министерство культуры РФ, Российский фонд культуры (Москва) и др. Как известно, до революции на территории Сибири и Дальнего Востока находилось четыре казачьих войска: Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Естественно, изучение истории казачества при советской власти не поощрялось. Работа «Катанаевских чтений» продолжалась и в начале XXI в. а материалы этих конференций, как правило, печатались в соответствующих сборниках.

Также в Омске осенью 2000 г. была проведена конференция в честь 120-летия генерала Д.М. Карбышева, который учился в Сибирском кадетском корпусе и позднее жил в этом городе. В конце 2001 г. в том же Омске была организована областная студенческая конференция, посвященная 105-летию знаменитого советского маршала Великой Отечественной войны Г.К. Жукова. Со докладами выступили более 30 студентов, курсантов, аспирантов образовательных учреждений Омска.

В декабре 2002 г. по инициативе администрации Омской области, руководства государственного университета, Сибирского войскового казачьего общества

и других организаций была проведена межрегиональная научно-практическая конференция «Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее», посвященная 420-летию Сибирского казачьего войска [9]. Среди участников конференции были представители почти двух десятков городов азиатской и европейской части России. Несомненно, что в конце XX – начале XXI в. именно Омск становится центром проведения сибирских конференций по военной проблематике.

В последние годы наблюдается, если так можно выразиться, некая специализация омского исторического сообщества. В 2014, 2017, 2019, 2021 гг. в Омске были проведены четыре международные научно-практические конференции «Гражданская война на востоке: взгляд сквозь документальное наследие». Последняя из названных конференций проходила осенью 2021 г. и была посвящена 100-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания и 10-летию работы Центра изучения Гражданской войны. Организаторами конференции выступили министерство культуры Омской области, Исторический архив Омской области, Омский государственный технический университет и Омский автобронетанковый инженерный институт [10]. Участвовали в конференции более 50 человек, а в изданный сборник материалов вошли 45 докладов.

В начале нынешнего века в течение нескольких лет конференции по военной истории проводились в Кемеровской области. Их организаторами выступили КемГУ, Академия военно-исторических наук, областной совет ветеранов. Значительная роль в организации и проведении кемеровских конференций, посвященных памятным датам Великой Отечественной войны: обороне Москвы, Сталинградскому сражению, Курской битве, – принадлежала заслуженному деятелю науки РФ, профессору И.П. Шуранову [11]. В кемеровских конференциях кроме ветеранов Великой Отечественной войны участвовали профессиональные исследователи, краеведы, студенты, школьники.

В начале нынешнего века Новосибирское региональное отделение Российского морского собрания совместно с Новосибирской государственной академией водного транспорта и областным Центром патриотического воспитания граждан организовали и провели областную конференцию, посвященную российскому военно-морскому флоту, участие в которой приняли школьники, курсанты, студенты, краеведы, исследователи и ветераны. В сборник материалов конференции было включено 38 докладов и сообщений. Тематика сборника охватывала историю военно-морского флота с XVIII до конца XX в. Доклады и участников были посвящены российским адмиралам Ф.П. Литке, Ф.Ф. Ушакову, П.С. Нахимову, Г.И. Невельскому, российскому военному флоту в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Ветераны, отставные офицеры флота выступили с сообщениями о создании и развитии атомного флота России [12]. В последующие годы Новосибирское региональное отделение Российского морского собрания провело еще несколько конференций и опубликовало их материалы [13–15].

Памятная дата – 100-летие начала Первой мировой войны – была отмечена различными мероприятиями, в том числе и проведением в Сибири научных конференций, посвященных этому событию. В декабре 2013 г. в Сибирском федеральном университете (Красноярск) состоялся Сибирский исторический форум «Сибирь в войнах начала XX века», посвященный событиям Первой мировой войны [16]. Организаторами форума кроме СФУ выступили администрация губернатора Красноярского края, Законодательное собрание края и архивное агентство Красноярского края. Участие в работе форума приняли более ста человек, 48 докладов были опубликованы в материалах форума. Доклады и сообщения охватили бóльшую часть войн и военных конфликтов, в которых участвовала наша страна на протяжении XX столетия.

Многие из перечисленных выше конференций были приурочены к определенным памятным историческим датам и носили разовый характер, за исключением омских «Катанаевских чтений».

Следует подчеркнуть, что конференции по военной тематике проводились и в других сибирских городах. Так, весной 2013 г. в Новосибирске состоялась научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения первого трижды Героя Советского Союза летчика-истребителя А.И. Покрышкина, который родился и вырос в Новосибирске. Так как по решению Правительства Новосибирской области 2013 год был объявлен годом А.И. Покрышкина, был проведен масштабный комплекс праздничных мероприятий, в том числе и научная конференция с приглашением учащихся трех кадетских корпусов Новосибирска. В дни работы конференции Новосибирск посетил Президент Российской Федерации В. В. Путин. Он выступил на торжественном заседании и провел совещание с руководителями предприятий военного комплекса, прибывшими из разных городов России. Работа научно-практической конференции транслировалась по телевидению в некоторые города европейской части страны.

В 2018 г. научное сообщество российских историков отмечало 100-летие начала Гражданской войны и иностранной военной интервенции. В разных городах были проведены научные конференции, две таких конференции прошли в Новосибирске. Одну из них, в ноябре, наиболее крупную и представительную по составу участников, организовал Институт истории СО РАН в Академгородке при участии Правительства Новосибирской области, Митрополии Новосибирской области, отделения Российского исторического общества в Новосибирске. В конференции приняли участие ученые и исследователи из девяти стран Европы и Азии. Доклады и сообщения участников конференции были опубликованы в соответствующем сборнике [17].

В октябре 2019 г. в Барнауле состоялась конференция, посвященная 100-летнему юбилею известного российского оружейника М.Т. Калашникова «Личность и время. Алтайский край и безопасность страны». М.Т. Калашников родился и вырос в с. Курья Алтайкой губернии, поэтому основные мероприятия юбилейной конференции проходили в краевом центре, в Барнауле, а работа одной из секций конференции – в родных местах М.Т. Калашникова, в районном центре Курья [18].

В последние десятилетия в Сибири основным местом проведения научных и научно-практических конференций по военной тематике стал Новосибирск. В сибирском федеральном центре ежегодно проводятся две отдельных конференции по военной истории. Организаторами одной из них, которая обычно проводится в конце года, являются областное правительство, исторический парк «Россия – моя история», а также такие образовательные учреждения, как НГПУ, НИПКиПРО, НВИ и др. Другую конференцию, как правило, организуют и проводят Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС) и Новосибирское высшее военно-командное училище (НВВКУ) в начале года, в феврале. Тем самым в организации этих конференций участвуют высшие гражданские и военные учебные заведения Новосибирска. Следует отметить, что эти конференции заметно отличаются друг от друга тематикой докладов, масштабом и составом участников.

В связи со сложившейся эпидемической обстановкой обе конференции с 2020 г. проводились в очно-заочном формате. Это позволяло существенно расширить географию участников конференции, но создавало сложности в общении между ними. К тому же подчас возникали и форс-мажорные обстоятельства, связанные с работой Интернета, которые трудно предусмотреть и сложно преодолеть в режиме реального времени. В феврале нынешнего 2022 г. это ярко проявилось во время конференции в СГУПСе.

В начале декабря 2021 г. состоялась III научно-практическая конференция «Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур», а в феврале 2022 г. прошла конференция, организаторами которой были СГУПС и НВВКУ. Соорганизаторами этих научных конференций выступают также другие образовательные учреждения и общественные структуры, но их роль менее значима.

Несмотря на то, что обе конференции проводятся в Новосибирске, у них имеются заметные отличия. Так, конференция на базе СГУПСа традиционно называется «Россия в войнах и военных конфликтах XX – начала XXI века» и, соответственно, охватывает обозначенный исторический период. Докладов, сообщений, презентаций, выходящих за указанные хронологические рамки, крайне мало. При этом среди участников конференции немало военнослужащих: офицеров и курсантов из новосибирских военных вузов. Конференция же, проводимая в конце года, в декабре, как правило, охватывают более широкий круг обсуждаемых вопросов военной истории России – от событий XVIII в. до конца XX в., и среди ее участников представлены школьники, гимназисты, студенты и аспиранты. Материалы этой конференции были опубликованы в сборнике весной 2022 г. [19].

Как и многие другие, новосибирские конференции обычно связаны с определенными юбилейными событиями, отмечаемыми в России. Так, в 2014 г. научно-практическая конференция, проходившая в НГПУ, была посвящена 100-летию начала Первой мировой войны, в 2016 г. – 100-летию знаменитого Брусиловского прорыва 1916 года, в 2018 г. 100-летию начала Гражданской войны в России, а в 2020 г. – 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией [20–22].

После того как к организации военных конференций подключились министерства Новосибирской области, данная конференция изменила свое название и расширила географию участников. Научно-практическая конференция «Военная история России и воспитание гражданственности» состоялась 8–10 декабря 2021 г. [23]. Традиционно в первый день конференции проводится ряд мероприятий в разных районах Новосибирска. На этот раз перед пленарным заседанием, которое, как обычно, проходило в здании Правительства Новосибирской области, были представлены уличная выставка «Военный городок. Новосибирск. История», выставка «МЧС России. 30 лет во имя жизни», выставка «Фронтовые наброски. Рисунки народного художника РСФСР И.В. Титкова», а также выставка «История военного мундира органов безопасности России 1900–2000 гг.».

В программу конференции был включен 81 доклад. На пленарном заседании были представлены доклады профессоров К.Б. Умбрашко (Новосибирск) «Патриотическое воспитание в системе непрерывного повышения профессионального мастерства работников образования», Л.А. Боброва (Новосибирск) «Сибирь на Евразийской “Шахматной доске” во второй половине XVII – первой половине XVIII вв.», В.Г. Кокоулина (Новосибирск) «Гражданская война в Сибири в художественных кинофильмах постсоветской России: трансформация смыслов». Некоторые участники пленарного заседания посвятили свои выступления событиям Великой Отечественной войны: А.В. Ефименко (Новосибирск) «Советские пограничники в первый день войны. Неизвестное об известном», А.В. Запорожченко, Н.Г. Федина (Новосибирск) «Битва под Москвой в учебниках истории», К.А. Пахалюк (Москва) «Отражение военной истории в учебниках: проблемы и перспективы» и др.

Работа конференции велась в четырех секциях и охватывала широкие хронологические рамки военной истории. России: Первая и Вторая мировые войны, Гражданская война. В докладах и выступлениях анализировались деятельность воинских частей, военных учреждений и биографии участников войны: С.Я. Ковганов (Новосибирск) «Образование Новосибирской межрайонной школы НКВД СССР», Д.В. Коновалов (Новосибирск) «75-я кавалерийская дивизия в годы Великой Отечественной войны», Е.А. Годунова (Искитим) «Михаил Шматуха – учитель из Искитима, военнопленный, участник сопротивления нацизму».

На декабрьской конференции 2021 г. в секции молодых исследователей было представлено 18 докладов из разных областей Сибири. Некоторые выступления носили коллективный характер, их авторами были два, а иногда три человека.

Тематика выступлений молодых исследователей была весьма разнообразной: история новосибирских вузов в годы Великой Отечественной войны, работа тыловых предприятий в Сибири, деятельность сибирских ученых, история эвакогоспиталей, фронтовые письма и др.

Еще одно отличие молодежной секции заключается в том, что школьников, лицеистов и гимназистов обычно сопровождают взрослые: либо учителя, являющиеся научными руководителями, либо классные руководители. Поэтому в предшествующие годы на молодежных секциях собиралось несколько десятков присутствующих. Но последние два года из-за ковидных ограничений очное присутствие участников молодежных секций сильно уменьшилось. Большинство участников представляют различные образовательные учреждения Новосибирска, в то время как районы области представлены незначительно (чаще всего это три-четыре района, находящиеся ближе всего к областному центру).

К сожалению, немало участников молодежной секции после своего выступления, подчас довольно интересного, не присылают подготовленный для сборника текст, и о тематике выступлений на конференции можно узнать лишь по программе конференции. И если у студентов и курсантов чаще встречаются коллективные выступления, то школьники, кадеты, лицеисты и гимназисты выступают с индивидуальными докладами и готовят интересные презентации своих выступлений.

Буквально через два месяца после декабрьской конференции проходит научная конференция в СГУПС. 4 февраля 2022 г. состоялась пятая конференция с традиционным названием «Россия в войнах и военных конфликтах XX – начала XXI века». На конференцию было представлено 78 докладов и сообщений, которые были заслушаны на пленарном и 5 секционных заседаниях. География участников конференции весьма обширна: кроме сибирских исследователей представили свои работы ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Волоколамска, Воронежа, Ейска, Казани, Калининграда, Нижнего Новгорода, Орла, Рязани, Симферополя, Таганрога, Тамбова, Тулы.

И хотя эта конференция не носит статуса международной, небольшое количество иностранных участников в ее программе было представлено. На последней конференции выступили докладчики из Беларуси, Китая и Туркменистана. Так, В А. Сидорова, С.И. Климкин (Беларусь) подготовили доклад «Советско-польская война и Рижский мирный договор 1921 г в судьбе белорусского народа», А.В. Хованский (Беларусь) – «Деятельность должностных лиц и учреждений Виленского военного округа по призыву из запаса в 1914 г», М.М. Ярлыкова (Китай) – «Мемориальные комплексы и музеи Великой Отечественной войны: образ войны, советского солдата и бывшего врага», Д.С. Аннаоразов (Туркменистан) – «Из истории Гражданской войны в Туркменистане: триумф и трагедия непризнанного правительства из Теджена». Основная часть докладов традиционно освещала события Великой Отечественной, Первой мировой и Гражданской войн, но также на секционных заседаниях были представлены выступления, посвященные вооруженному конфликту с Китаем в 1900–1901 гг. русско-японской войне 1904–1905 гг., участию наших войск в военных действиях в Афганистане и в Сирии и др.

Опираясь на сборники материалов военных конференций, проходивших в Новосибирске на базе НГПУ и НИПКиПРО в 2014–2018 гг. можно определить состав участников и их научные интересы в рамках этих конференций (табл. 1). При этом следует отметить, что далеко не все участники названных конференций оформляли свои выступления в качестве научных публикаций: по нашим подсчетам, лишь 70–80% участников были заинтересованы в их последующей публикации.

Таблица 1

Публикации участников в сборниках конференций 2014, 2016, 2018 гг. [20–22]

Участники / Годы	Историки (профессионалы)	Краеведы, учителя, работники музеев, ветераны	Аспиранты / студенты, курсанты	Обучающиеся старших классов, кадеты	Всего статей
2014 г.	36	9	4 / 8	–	57
2016 г.	20	8	4 / 12	3	45*
2018 г.	22	2	5 / 18	1	43*

* Несовпадение количества статей с количеством авторов объясняется тем, что некоторые выступления, а затем и статьи, носили совместный характер.

Изредка в совместных выступлениях были замечены сочетания преподаватель + преподаватель, преподаватель + студент, а чаще всего встречалось сочетание курсант + курсант. Увеличивается и количество совместно подготовленных сообщений. В 2014 г. таких насчитывалось 3, в 2016 г. – 5, а в 2018 г. – 6 выступлений. Следует также отметить, что на конференциях встречались случаи, когда и в выступлениях на конференции, и в публикациях в сборнике одновременно имелось три автора.

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет сделать следующие выводы. Уменьшение количества статей, представленных в сборниках, отражает тенденцию уменьшения числа участников самих конференций. При этом некоторые исследователи изначально заявляли о том, что выступать на конференции будут, но подавать свои статьи в сборник они в силу разных причин не намерены. За рассматриваемый период это заметно отразилось на количестве статей, подготовленных профессиональными исследователями, докторами и кандидатами наук. На конференции, посвященной 100-летнему юбилею начала Первой мировой войны, статьи таких авторов составляли почти две трети от общего количества публикаций, а в сборнике, изданном в 2018 г. и посвященном 100-летнему юбилею окончания Первой мировой войны, статьи профессиональных исследователей составили лишь половину публикаций. В то же время заметно выросло количество студентов и курсантов, участвующих в конференциях и публикующих свои статьи. Скорее всего, здесь сыграло свою роль то, что научные руководители этих студентов стали проявлять большую заинтере-

сованность в публикациях своих учеников. На одном и том же уровне осталось участие в сборниках конференций аспирантов. Но следует отметить, что аспиранты, участвовавшие в первой конференции, на конференции 2018 г. уже перешли в категорию профессиональных историков. Несмотря на то, что информационные письма о планируемой конференции рассылаются в различные образовательные учреждения: городские и районные, а также в школы, лицеи, гимназии, кадетские корпуса, какой-то заинтересованности это не вызывает. Как уже отмечалось ранее, только из двух-трех районов Новосибирской области, а это лишь десятая часть всех административных образований, присылают заявки для участия в работе конференции.

Очень незначительным количеством статей представлены учителя и обучающиеся. Учителя довольно редко участвуют в этих конференциях, как правило, они выступают как научные руководители учащихся. Причины такого явления могут быть различными, но, по признаниям самих учителей, чаще всего это сложности с соблюдением требований к статьям, которые готовятся для сборника материалов конференций.

После того как к участию в организации и проведении конференций, посвященных военной истории России, подключилось Правительство Новосибирской области, заметно расширились география участников и их количество. Так как эти конференции проходили в условиях санитарных ограничений, значительное число участников участвовало в заочном формате. Два опубликованных сборника докладов конференции (2020, 2022 гг.) предоставляют возможность определить состав участников (табл. 2).

Таблица 2

Публикации участников конференций в сборниках 2020 и 2022 гг. [23, 24]

Участники / Годы	Историки (профессионалы)	Краеведы, учителя, работники музеев, ветераны	Аспиранты / студенты курсанты	Ученики, гимназисты, лицеисты, кадеты	Всего
2020 г.	42	28	3 / 5	2	75*
2022 г.	21	41	2 / 34	9	86*

* Несовпадение количества статей с количеством авторов объясняется тем, что некоторые выступления, а затем и статьи, носили совместный характер.

Таблица 3

Тематика статей в сборниках военных конференций [20–22, 24]

Наименование войны	Кол-во статей
Русско-японская война 1904–1905 гг.	6
Первая мировая война 1914–1918 гг.	55
Гражданская война в России 1918–1922 гг.	18
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	92

В научных конференциях последних лет, и это отчетливо просматривается по материалам табл. 2, заметно выросло количество участников и, соответственно, количество публикуемых статей. Особенно увеличилось количество студентов, курсантов, а также учителей образовательных учреждений города и области. Так как тематика конференций 2020 и 2021 гг. была расширена, появилось новое направление – история силовых структур, то в секционных заседаниях конференции на постоянной основе стали появляться выступления ветеранов спецслужб – КГБ, МВД, ФСБ и др.

Вполне естественно, что состав участников конференций по военной истории России и Сибири меняется, но есть и те, кто участвовал в большинстве названных конференций. Прежде всего следует назвать профессиональных историков, докторов наук В.Г. Дацышена (Красноярск), В.В. Демидова (Новосибирск), А.В. Добровольского (Новосибирск). В.П. Зиновьева (Томск), О.Н. Катионова (Новосибирск), В.Г. Кокоулина (Новосибирск), Н.Д. Ростова (Барнаул), К.Б. Умбрашко (Новосибирск), М.В. Шиловского (Новосибирск). Среди кандидатов наук в конференциях чаще других принимали участие В.И. Баяндин, (Новосибирск), А.В. Запорожченко (Новосибирск), Н.Г. Федина (Новосибирск), В.В. Шитько (Новосибирск).

Характеризуя тематику выступлений участников, следует отметить, что подавляющая часть выступлений посвящена вопросам военной истории Отечества XX в., совсем немного докладов посвящено страницам военной истории России XIX в., и встречаются единичные сообщения с сюжетами из российской военной истории XVIII в.

Среди войн XX в., в которых участвовала Россия / СССР, наибольшее внимание исследователей привлекали вопросы, связанные с событиями Великой Отечественной войны – 54,2%; на втором месте оказалась Первая мировая война – 32,5%; на третьем месте Гражданская война – 10,2%; и на последнем месте русско-японская война: всего лишь 2,9 % (табл. 3). В сборниках нам не удалось найти ни одной статьи о пограничных конфликтах с Японией у озера Хасан (1938) и на р. Халхин-Гол (1939), а также нет статей о советской-финской войне 1939–1940 гг. Следует отметить, что если учитывать поступившие заявки исследователей, доклады которых были приняты оргкомитетом и включены в программы конференций, то общая картина тематики выступлений имела бы некоторые отличия от того, что было впоследствии представлено в сборниках состоявшихся конференций.

К тому же необходимо учитывать, что на научно-практических конференциях 2020 и 2021 гг. в Новосибирске участниками было заявлено значительное число докладов, посвященных вопросам воспитания гражданственности у молодого поколения, которые к военной истории Отечества имели весьма отдаленное отношение.

Наиболее широко были проведены научные форумы, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Кроме отмеченных конференций, Институт истории СО РАН и НГУ при поддержке Правительства Новосибирской области и ряда общественных организаций провели большую всероссийскую конференцию с международным участием «Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого» 21–22 сентября 2020 г. [25]

Особенностью исследования военной истории в Томском университете является участие и организация международных конференций. 23–24 апреля 2015 г. в Томске прошла российская научная конференция с международным участием «СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: взгляд из XXI века», организованная Национальным исследовательским Томским государственным университетом и Общественной организацией «Русь» (Кишинев, Республика Молдова) [26]. 24–25 мая 2016 г. в Кишиневе состоялась II Международная научно-практическая конференция «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в.», посвященная 100-летию Брусиловского прорыва, основные события которого развернулись в Галиции – земле русинов. Организаторами конференции выступили Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, международный исторический журнал «Русин», Национальный исследовательский Томский государственный университет и Общественная ассоциация «Русь». В ней принял участие 21 исследователь из России, Украины, Молдавии, Словакии и Туркмении [27]. 13 мая 2020 г. состоялся международный круглый стол «Казахстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историческая память и вызовы современности», организованный Казахстанским филиалом МГУ имени М.В. Ломоносова и Национальным архивом Республики Казахстан, в котором принял участие профессор ТГУ В.П. Зиновьев [28]. 26 мая 2021 г. в онлайн-формате состоялся международный круглый стол «Историческая память о Великой Отечественной войне в российско-узбекском общественном диалоге, Новосибирск–Томск–Саратов–Самарканд–Ташкент) Организаторами мероприятия стали Экспертный клуб «Сибирь-Евразия», Новосибирский государственный университет, Новосибирский государственный университет экономики и управления (модератор), Томский государственный университет, Информационно-аналитический центр «Евразия-Поволжье», Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека и Самаркандский государственный университет [29].

В существующих в последние годы требованиях ограниченности очного общения перевод работы конференций в режиме онлайн, несомненно, объясним и оправдан, к тому же позволяет значительно расширить аудиторию участников и присутствующих. Но вместе с тем нельзя избежать форс-мажорных обстоятельств, которые подчас возникают внезапно, таких как сбои в Интернете, сложности демонстрации презентаций выступлений у отдельных участников и пр. К сожалению, с такими обстоятельствами столкнулись организаторы и участники последних конференций как в декабре 2021 г., так и феврале 2022 г. Однако поскольку материалы конференций, как правило, издаются в печатном виде, это дает возможность заинтересованным лицам познакомиться ними после проведения научных конференций.

Авторы статьи считают, что, несмотря на серьезные результаты работы историков, необходимо интенсифицировать исследование военной истории России, усилить связи профессионального сообщества историков с региональными властями и общественными организациями в проведении военно-патриотической работы с молодежью и населением в целом.

Список источников

1. История «Белой» Сибири : тез. науч. конф. (7–8 февраля 1995 г.). Кемерово, 1995. 195 с.
2. Вклад сибиряков в Великую Победу : тез. докладов науч.-практ. конф. (Красноярск, 28 апреля 1995 г.) Красноярск. 1995. 168 с.
3. 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне : материалы науч. конф. Новосибирск, 1995. 426 с.
4. Священная война : сб. науч. тр., представленных на Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (27 апреля 2010 г., Кемерово). Кемерово, 2010. 348 с.
5. Сибиряки в Великой Отечественной войне : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы. 29–30 апреля 2010 года, Новосибирск. Новосибирск, 2010. 344 с.
6. Катанаевские чтения – 98 : материалы докладов Второй всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. 302 с.
7. Катанаевские чтения : материалы Шестой всерос. науч.-практ. конф. Омск, 23–24 мая 2006 г. Омск, 2006. 422 с.
8. Катанаевские чтения : материалы Седьмой всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2008. 367 с.
9. Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее / гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова. Омск, 2003. 293 с.
10. Петин Д.И., Тишкина К.А. Вспоминая трагичные дни России: конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2022. Т. 9, № 1. (33). С. 239–247.
11. Священная война : сб. науч. тр., представленных на Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 27 апреля 2010 г., Кемерово. Кемерово, 2010. 346 с.
12. Российскому флоту быть! : материалы обл. науч.-ист. конф. (17 ноября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2007. 243 с.
13. Сильный военно-морской флот – сильная Россия : материалы обл. науч.-ист. конф., 9–10 декабря 2011 г., Новосибирск. Новосибирск, 2012. 277 с.
14. Военно-морской флот в годы Первой мировой войны : материалы обл. науч.-ист. конф., 12–13 декабря 2014 г., Новосибирск. Новосибирск, 2015. 213 с.
15. Вклад советского военно-морского флота в Великую победу! : материалы обл. науч.-ист. конф. (15–16 мая 2015, Новосибирск). Новосибирск, 2016. 144 с.
16. Сибирь в войнах начала XX века : материалы Сиб. ист. форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. 304 с.
17. Гражданская война: многовекторный поиск гражданского мира. 8–9 декабря 2018 г., Новосибирск. Новосибирск, 2019. 377 с.
18. Личность и время. Алтайский край и военная безопасность страны : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.Т. Калашникова. Барнаул, 2019. 176 с.

19. Программа V Всероссийской научной конференции «Россия в войнах и военных конфликтах XX – начала XX1 века. Новосибирск, 4 февраля 2022. Новосибирск, 2022. 23 с.
20. Сибирь и войны XIX–XX веков : тез. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.). Новосибирск, 2014. 170 с.
21. Война и личность: роль и место личности в истории войн : Материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 100-летию Брусиловского прорыва (Новосибирск, 12–13 мая 2016 г.). Новосибирск, 2016. 166 с.
22. Россия: человек, общество, война XIX–XX вв. : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию окончания Первой мировой войны и 100-летию начала Гражданской войны в России (Новосибирск, 17–18 мая 2018 г.). Новосибирск, 2018. 219 с.
23. Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур. Военная история России и воспитание гражданственности : сб. докладов III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию победы советских войск в битве под Москвой, 111-летию новосибирского военного городка, предстоящему 350-летию со дня рождения Петра 1 (Новосибирск, 9–10 декабря 2021 г.). Новосибирск, 2022. 316 с.
24. Патриот: актуальные вопросы военной истории России и ее силовых структур. Воспитание гражданственности через историю великих побед : сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, 100-летию окончания Гражданской войны в России и 110-летию Новосибирского военного городка (Новосибирск, 28 ноября – 10 декабря 2020 г.). Новосибирск, 2020. 273 с.
25. Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / редкол.: А.А. Николаев (отв. ред.), М.А. Семёнов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск : Параллель, 2020. 606 с.
26. Зиновьев В.П. Конференция в Томске // Русин. 2015. № 2 (40). С. 5–6.
27. Суляк С.Г. Страница редактора // Русин. 2016. № 2 (44). С. 7–8.
28. Казахстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историческая память и вызовы современности // Архивы Казахстана. 2020. № 2 (54). С. 29–51.
29. Ученые России и Узбекистана должны вместе противостоять фальсификации истории Великой Отечественной войны // Содружество народов Евразии : автономная некоммерческая организация по содействию в развитии сотрудничествастран Содружества Независимых Государств. 2021. URL: http://evrazia-ural.ru/meropriyatiya/uchenye-rossii-i-uzbekistana-dolzhny-vmeste-protivostoyat-falsifikacii-istorii-velikoy (дата обращения: 23.08.2022).

References

1. Fominykh, S.F., Zvyagin, S.P. & Matvienko, V.A. (eds) (1995) *Istoriya "Beloy" Sibiri* [History of "White" Siberia]. Kemerovo: [s.n.].
2. *Vklad sibiryakov v Velikuyu Pobedu* [The contribution of Siberians to the Great Victory]. Krasnoyarsk, April 28, 1995.
3. *50 let pobedy sovetskogo naroda nad fashizmom v Velikoy Otechestvennoy voyne* [50 years of the victory of the Soviet people over fascism in the Great Patriotic War]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, 1995.
4. Shuranov, N.P. (ed.) (2010) *Svyashchennaya voyna* [Holy War]. Kemerovo: Kemerovo State University.
5. Kazakov, E.E. (2010) *Sibiryaki v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Siberians in the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Russian-German University.
6. Tomilov, N.A. (ed.) (1998) *Katanaevskie chteniya – 98* [The Katanaev Readings – 98]. Omsk: Nauka.
7. Tomilov, N.A. et al. (eds) (2006) *Katanaevskie chteniya* [The Katanaev Readings]. Omsk: Nauka.
8. Tomilov, N.A. et al. (eds) (2008) *Katanaevskie chteniya* [The Katanaev Readings]. Omsk: Nauka.
9. Tomilov, N.A. (ed.) (2003) *Sibirskoe kazachestvo: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Siberian Cossacks: past, present, future]. Omsk: Nauka.
10. Petin, D.I. & Tishkina, K.A. (2022) Vspominaya tragichnye dni Rossii: konferentsiya po istorii Grazhdanskoy voyny v Omske [Remembering the tragic days of Russia: a conference on the history of the Civil War in Omsk]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 9-1(33). pp. 239–247.
11. Shuranov, N.P. (ed.) (2010) *Svyashchennaya voyna* [Holy War]. Kemerovo: Kemerovo State University.
12. Abramchik, V.G. et al. (eds) (2007) *Rossiyskomu flotu byt'!* [Be Russian fleet!]. Novosibirsk: [s.n.].
13. Abramchik, V.G. et al. (eds) (2011) *Sil'nyy voenno-morskoy flot – sil'naya Rossiya* [Strong Navy – Strong Russia]. Novosibirsk: [s.n.].
14. Bazyleva, E.A. et al. (eds) (2015) *Voenno-morskoy flot v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Navy during the First World War]. Novosibirsk: [s.n.].
15. *Vklad sovetskogo voenno-morskogo flota v Velikuyu pobedu!* [The contribution of the Soviet Navy to the Great Victory!]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, May 15–16, 2015. Novosibirsk: [s.n.].
16. Ponomarenko, S.A. (ed.) (2014) *Sibir' v voynakh nachala XX veka* [Siberia in the wars of the early twentieth century]. Krasnoyarsk, December 3–6, 2013. Krasnoyarsk: Rezonans.
17. Tsyplakov, D.A. (ed.) (2019) *Grazhdanskaya voyna: mnogovektornyy poisk grazhdanskogo mira* [Civil war: multi-vector search for civil peace]. Novosibirsk: Novosibirsk Orthodox Theological Seminary of the Novosibirsk Diocese of the Russian Orthodox Church.
18. Vakalova, N.V. et al. (2019) *Lichnost' i vremya. Altayskiy kray i voennaya bezopasnost' strany* [Personality and time. Altai Territory and the country's military security]. Barnaul: [s.n.].
19. *Rossiya v voynakh i voennykh konfliktakh XX – nachala XXI* [Russia in Wars and Military Conflicts of the 20th – Early 21st Centuries]. Program of the the Fifth All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk, February 4, 2022. Novosibirsk: [s.n.].
20. Shilovsky, M.V. (ed.) (2014) *Sibir' i voyny XIX–XX vekov* [Siberia and the Wars of the Nineteenth and Twentieth Centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
21. *Voyna i lichnost': rol' i mesto lichnosti v istorii voyn* [War and personality: the role and place of personality in the history of wars]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, May 12–13, 2016. Novosibirsk: [s.n.].
22. Bayandin, V.I. & Zaporozhchenko, A.V. (eds) (2018) *Rossiya: chelovek, obshchestvo, voyna XIX–XX vv*. [Russia: Man, Society, War of the Nineteenth–Twentieth Centuries]. Novosibirsk: NSPU.
23. Zaporzhchenko, A.V. (ed.) (2022) *Patriot: aktual'nye voprosy voennoy istorii Rossii i ee silovykh struktur. Voennaya istoriya Rossii i vospitanie grazhdanstvennosti* [Patriot: topical issues of the military history of Russia and its power structures. Military history of Russia and the education of citizenship]. Novosibirsk: [s.n.].
24. *Patriot: aktual'nye voprosy voennoy istorii Rossii i ee silovykh struktur. Voennaya istoriya Rossii i vospitanie grazhdanstvennosti* [Patriot: topical issues of the military history of Russia and its power structures. Military history of Russia and the education of citizenship]. Proc. of the Conference. Novosibirsk, November 28 – December 10, 2020. Novosibirsk: [s.n.].
25. Nikolaev, A.A. (ed.) (2020) *Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati naroda: izuchenie, interpretatsiya, uroki proshlogo* [The Great Patriotic War in the historical memory of the people: study, interpretation, lessons of the past]. Novosibirsk : Parallel'.
26. Zinoviev, V.P. (2015) Konferentsiya v Tomske [Conference in Tomsk]. *Rusin*. 2(40). pp. 5–6.
27. Sulyak, S.G. (2016) Stranitsa redaktora [Editorial]. *Rusin*. 2(44). pp. 7–8.
28. Anon. (2020) Kazakhstan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: istoricheskaya pamyat' i vyzovy sovremennosti [Kazakhstan during the Great Patriotic War of 1941–1945: historical memory and modern challenges]. *Arkhivy Kazakhstana*. 2(54). pp. 29–51.
29. The Commonwealth of the Peoples of Eurasia: an autonomous non-profit organization to promote cooperation between the countries of the Commonwealth of Independent States. (2021) *Uchenye Rossii i Uzbekistana dolzhny vmeste protivostoyat' fal'sifikatsii istorii Velikoy Otechestvennoy*

voyny [Scholars of Russia and Uzbekistan must together resist the falsification of the history of the Great Patriotic War]. [Online] Available from: http://evrazia-ural.ru/meropriyatiya/uchenye-rossii-i-uzbekistana-dolzhny-vmeste-protivostoyat-falsifikacii-istorii-velikoy (Accessed: 23rd August 2022).

***Сведения об авторах*:**
Баяндин Владимир Ильич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: ilan-sib@rambler.ru
Запорожченко Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: E-mail: zanglier@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Bayandin Vladimir I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National and Universal History, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: ilan-sib@rambler.ru
Zaporozhchenko Andrey V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: E-mail: zanglier@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 23.03.2022; accepted for publication 07.09.2022

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2022 № 79

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 07.11.2022 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 27,0. Усл. печ. л. 25,1. Тираж 50 экз. Заказ № 5217. Цена свободная.

Дата выхода в свет 08.11.2022 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru